Мир художника

Переписка
Дневник
Современники о художнике

ИВАН ИВАНОВИЧ ШИШКИН

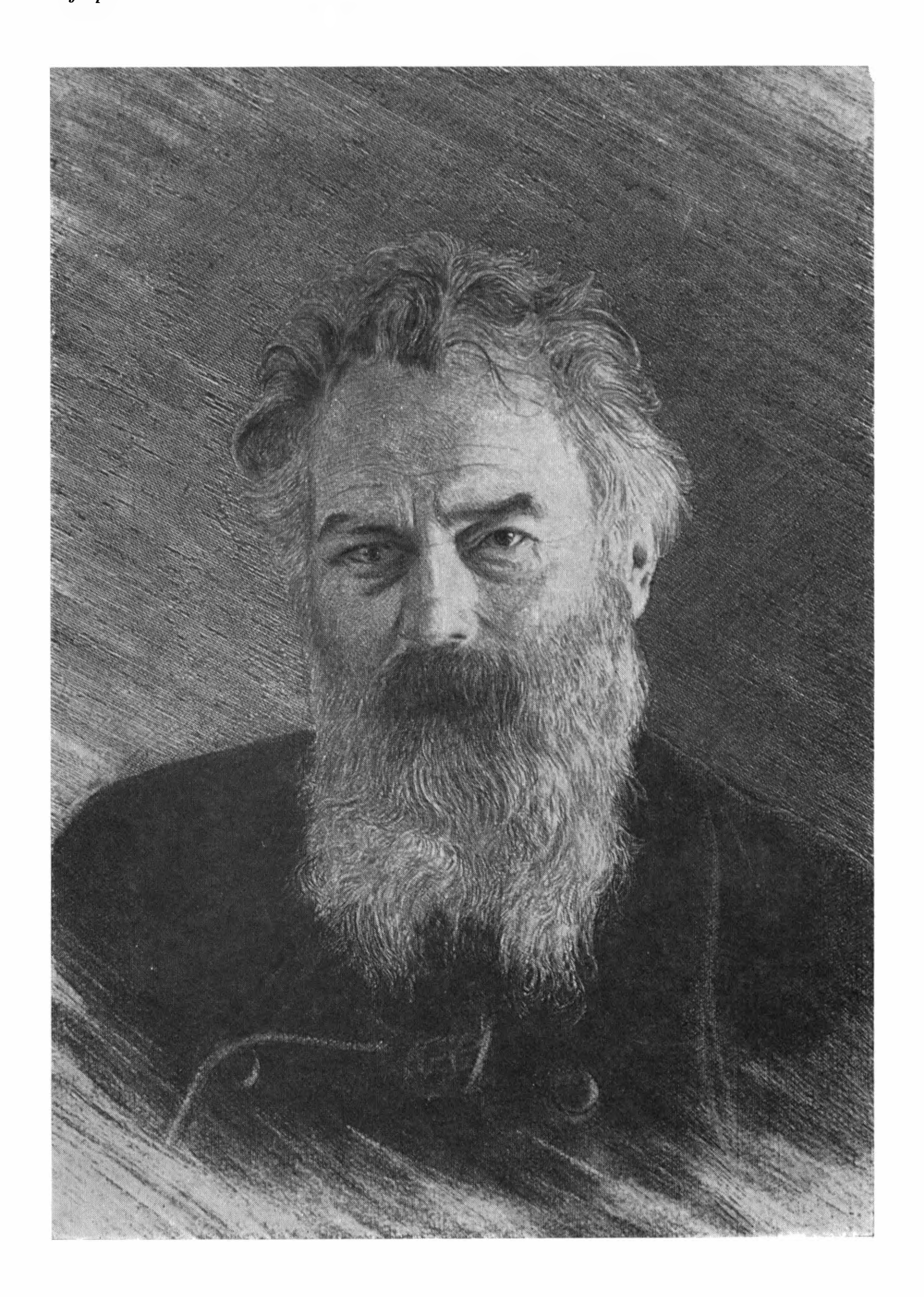

ИВАН
ИВАНОВИЧ
ШИШКИН

Автопортрет И. И. Шишкина
Офорт. 1886

Мир художника

Переписка
Дневник
Современники о художнике

ИВАН ИВАНОВИЧ ШИШКИН

ЛЕНИНГРАД
«Искусство»
Ленинградское
отделение
1984

ББК 85.143(2)1
Ш65

Составление,
вступительная статья
и примечания
И. Н. ШУВАЛОВОЙ

Издание 2-е, дополненное

Ш $\frac{4903020000-046}{025(01)-84}$ 67-84

ВЫДАЮЩИЙСЯ МАСТЕР ПЕЙЗАЖА

В предлагаемый вниманию читателей сборник включены переписка И. И. Шишкина, его дневник, высказывания современников о художнике. Собранные воедино материалы, многие из которых публикуются впервые, приближают к нам образ одного из самых крупных русских пейзажистов второй половины прошлого столетия и позволяют ощутить своеобразие его незаурядной личности. Наполненные живым дыханием времени, они доносят до нас мысли и чувства художника, показывают его в повседневном творческом труде, в общении с людьми, содержат многочисленные биографические факты.

Основой сборника является переписка Шишкина, охватывающая в целом почти полувековой период его жизненного пути. Половина всех писем принадлежит самому художнику. Они значительно расширяют представление о его нравственном облике, творческих позициях и общественных взглядах; помогают — порой по самым мельчайшим штрихам, по самым разнообразным деталям — проследить за процессом духовного становления, за развитием таланта пейзажиста, в какой-то мере проникнуть в его творческую лабораторию. Некоторые письма позволяют исправить допущенные в искусствоведческой литературе фактические неточности. Так, в частности, сделанная на одном из писем Шишкина пометка его отца: «1832-го января 13 в среду родился наш Иван» (письмо № 23) опровергает дату рождения художника — 1831 год, встречающуюся порой и до сих пор в некоторых искусствоведческих изданиях. По письмам можно установить и то, что в 1864 году Шишкин был в Париже, что вызывало сомнение у ряда исследователей. Или, например, считалось, что А. В. Гине находился вместе с Шишкиным в Лисьем Носу, но одно из писем противоречит этому.

Шишкин не любил переписываться, неоднократно в этом признавался и прибегал к письмам чаще по необходимости. Однако в отдельные периоды жизни — вдали от родных и друзей — он писал больше, чем многие другие художники. Его письма читаются легко, они отличаются живостью и непосредственностью изложения, безыскусственным языком. Это же присуще впервые опубликованному дневнику Шишкина, который наиболее ценен тем, что в нем нашли отражение идейно-эстетические взгляды молодого художника.

Широк и интересен круг людей, с которыми переписывался Шишкин. Находясь в гуще художественной жизни своего времени, он сблизился со многими представителями русской интеллигенции — видными живописцами, главным образом передвижниками, известными издателями, коллекцио-

перами. Наряду с ними, среди писавших Шишкину встречаются и основательно забытые художники, преимущественно его друзья ученических лет. Как и Шишкин, они шли по пути демократизации русского искусства, и каждый внес посильную лепту в его историю.

Большое количество писем Шишкина относится к периоду его ученичества. Всегда очень почтительные и, как правило, пространные, они адресованы родителям. Среди них самым ранним является письмо из Москвы, написанное Шишкиным в январе 1856 года по окончании занятий в Московском училище живописи и ваяния и накануне переезда в Петербург для поступления в Академию художеств. Оно полно «сладких воспоминаний» о родном доме и, как многие ранние письма, приоткрывает внутренний мир начинающего художника. Перед нами предстает еще несколько наивный, но в то же время серьезный, рассудительный молодой человек, настойчивый в достижении цели.

Лишь двадцати лет, в 1852 году, переступил Шишкин порог Московского училища. Нелегко далось ему преодоление устоев патриархальной семьи, противившейся (за исключением отца) стремлению юноши стать художником. Отголосок долго не утихавших из-за этого споров находим мы в переписке Шишкина с родными. О том же живо рассказывает А. Т. Комарова в статье «Лесной богатырь-художник».

Человек исключительного трудолюбия, Шишкин занимался с настоящим упоением, с радостью и порой даже с ожесточением. «Художник и ученый совершенствуются до конца своих дней»,— написал он на одном из рисунков,[1] сделанном в Московском училище. А в относящейся к тому же времени тетради Шишкина, названной «Заметки о живописи», мы находим такое изречение: «Гений искусства требует, чтобы ему была посвящена вся жизнь художника, сосредоточенная сама в себе, для того, чтобы выразиться в полной силе творчества».[2] Художник казался ему «существом, живущим в идеальном мире искусства и стремящимся только к усовершенствованию»,[3] а живопись он называл «живой беседой души с природой и богом» (письмо № 17). Такие отвлеченно-романтические представления Шишкин черпал, главным образом, из прочитанных в юности книг и журнальных статей по вопросам искусства.

Из всех видов живописи он предпочитал пейзаж. «...Пейзажист — истинный художник, он чувствует глубже, чище»,— писал он несколько позже в дневнике. «Природа всегда нова... и всегда готова дарить неистощимым запасом своих даров, что мы называем жизнью,— отмечал он там же. — Что может быть лучше природы...» Богатство и разнообразие ее растительных форм увлекает Шишкина с первых же шагов в искусстве. Он жадно

---

[1] «Крестьянка с котомкой за спиной» (ГРМ). Инв. № рб-22095.
[2] См. с. 299 наст. изд.
[3] См. там же.

рисует с натуры в подмосковном лесу — в Сокольниках, его восхищают «колоссальные дубы», увиденные в 1857 году в Сестрорецке (№ 19), он покорен суровой красотой Валаама. Обильное многообразное летнее цветение его привлекает более, чем скудная зелень ранней весны. Дороже всего ему лес. С детских лет в Елабуге он жил в окружении могучих прикамских лесов и сроднился с ними.

Тесное общение с природой пробудило в любознательном юноше стремление как можно достовернее ее запечатлеть. «Одно только безусловное подражание природе,— записывает он в ученическом альбоме,— может вполне удовлетворить требованиям ландшафтного живописца, и главнейшее для пейзажиста есть прилежное изучение натуры,— вследствие сего картина с натуры должна быть без фантазии».[1]

В Московском училище живописи и ваяния, где более трех лет занимался художник, широко применялась прогрессивная педагогическая система А. Г. Венецианова, основанная на внимательном и бережном отношении к натуре. Демократическое по характеру творчество Венецианова, создавшего, в частности, первые правдивые картины русской сельской природы, воспевшего ее задушевную красоту, было близко и понятно молодым художникам-пейзажистам. «Бесхитростное воззрение»[2] на натуру и полное доверие к ней — эта главная установка Венецианова наиболее отвечала стремлению Шишкина к правдивому изображению природы.

Немалое влияние имел на Шишкина его наставник в Московском училище А. Н. Мокрицкий, в прошлом серьезно увлекавшийся пейзажем и сам учившийся некоторое время у Венецианова. И хотя в дальнейшем Мокрицкий стал горячим поклонником К. П. Брюллова и Италии, приверженцем «идеально-прекрасного искусства»,[3] в занятиях с Шишкиным он использовал прежде всего педагогические принципы Венецианова. Почувствовав незаурядный талант своего ученика, определив его индивидуальные склонности, Мокрицкий поощрял в нем интерес к натуре, к пейзажу, развивал наблюдательность. Он поддерживал влечение Шишкина к рисованию, уделял особое внимание внеклассным самостоятельным занятиям начинающего художника, приучал его зорче всматриваться в окружающее. В набросках биографии Шишкин отмечал: «Я делаю успехи в пейзаже, рисунок ходит по рукам, радость Мокрицкого».[4] А сам Мокрицкий писал в одном из рапортов

---

[1] Это высказывание в литературе о Шишкине приписывалось ему самому, на самом же деле оно заимствовано из статьи о С. Ф. Щедрине.— В кн.: Памятники искусств и вспомогательных знаний. Спб., 1841, т. 1, л. 16—17.

[2] Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи, письма, современники о художнике. Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Корниловой. Л., 1980, с. 250.

[3] «Явление Христа народу». Картина Иванова. Разбор академика Мокрицкого. М., 1858, с. 44.

[4] НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 29, с. 14.

в Академию художеств: «Шишкин весьма прилежно занимался в натурном классе, много рисовал с пейзажных этюдов Куаньс,[1] писал с большим успехом с натуры, нарисовал прекрасную коллекцию этюдов растений с натуры...»[2] Эти труды стали для молодого художника началом кропотливой, своего рода «лабораторной» работы, не прекращавшейся, в сущности, на протяжении всей его жизни.

Образованный, начитанный человек, Мокрицкий расширял и художественный кругозор Шишкина. «...Ему я и многие,— писал Шишкин,— обязаны правильным развитием любви и понимания искусства».[3] Возможно, именно у Мокрицкого получила поддержку склонность Шишкина к своеобразной «портретности» пейзажных образов.

Не порывал Шишкин дружеских связей и с товарищами по училищу. В то время как письма Мокрицкого отражают сердечный характер отношений между педагогом и учеником, письма к Шишкину его московских друзей П. А. Крымова, К. Н. Борникова, В. Г. Перова, Е. А. Озпобишина говорят о круге интересов и теплых взаимоотношениях учащихся Московского училища, сплотившего их в одну дружную семью. Здесь все было близко душе Шишкина: демократическая обстановка, простота нравов, товарищеская среда. Здесь началось формирование его художественных взглядов. Характерна сделанная им в набросках биографии запись: «Явный протест против классицизма: Я, Перов, Маковский К., Седов, Озпобишин».[4] Она свидетельствует о зарождавшемся у молодежи недовольстве нормативной академической системой.

Трудно было Шишкину после Москвы освоиться с новыми условиями в Академии художеств. На первых порах он ошеломлен ее «величием и массивностью», ему страшно представляться «строгим профессорам» (№ 3). Приехав в чопорную столицу, попав в мир академических чиновников, соприкоснувшись с «холодностью душ» петербургских обитателей, он с горечью рассказывает об этом родным. И тут же спешит оговориться, что «это нисколько не относится или не падает такой приговор на художников» (№ 5), в которых он продолжает видеть представителей некоей высшей касты.

Уже спустя три с небольшим месяца после поступления в академию Шишкин привлек внимание профессоров своими натурными пейзажными рисунками, которые даже ставились в пример остальным ученикам. Об этом молодой художник с гордостью написал домой. Но радость вскоре уступила место сомнениям. Несмотря на явные успехи, Шишкина постоянно

---

[1] Куанье Жюль-Луи-Филипп (1798—1860) — французский пейзажист. Издал в литографиях «Полный курс пейзажа».

[2] Мальцева Ф. С. Вступ. ст. к кат.: И. И. Шишкин. К 50-летию со дня смерти. М. — Л., 1948, с. 14.

[3] См. примеч. 13 на с. 427 наст. изд.

[4] НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 29, л. 2.

тяготило сознание несовершенства своих работ. Он был полон плохих предчувствий, порой его охватывало даже отчаяние от казавшейся невозможности добиться желаемого. И много позднее, уже став признанным мастером, он нередко испытывал неуверенность в себе. И сам отмечал, что эта черта, которую он называл «мнительностью», является худшей в его характере (в то время как лучшей он считал отличавшую его всегда прямоту).[1]

С беспокойством ожидал Шишкин первого академического экзамена и с огромной радостью сообщил домой о присуждении ему малой серебряной медали за представленную на конкурс картину «Вид в окрестностях Петербурга». Рассказывая об этом в письме Д. И. Стахееву, Шишкин поясняет, что он хотел выразить в картине «верность, сходство, портретность изображаемой природы и передать жизнь жарко дышащей натуры» (№ 17). Удалось установить тождественность этих слов с теми, которыми Н. В. Кукольник характеризовал произведения видного пейзажиста первой половины XIX столетия М. И. Лебедева в своей статье «С.-Петербургская выставка в Императорской Академии художеств в 1836 г.».[2] Это говорит о том, что Шишкин, живо интересовавшийся творчеством своего выдающегося предшественника, знакомился и с публикацией о нем Кукольника.

Произведения, созданные Шишкиным в годы учения, носили нередко романтические черты. То было данью господствовавшей в академии традиции. Но у него все явственнее проступало трезвое, рассудочное отношение к природе. Он подходил к ней не только как художник, увлеченный ее красотой, но и как исследователь, изучающий ее реальные проявления. Любовно и тщательно, с необычным даже для академических выпускников знанием передавал он тонкие стебли трав, листья папоротника, поросшие мхом древние валуны, стволы и корни деревьев. Элементы условной внешней романтики соседствовали в его пейзажах с тщательной проработкой деталей, с тем пристальным «всматриванием» в натуру, которое в дальнейшем станет отличительной чертой творчества мастера.

Успешно занимаясь в академии, Шишкин все же жаловался Мокрицкому на «тревожное состояние духа», на «передрягу в мыслях и чувствах», вызванных неясностью творческих задач (№ 44). Но ни старый наставник, ни тем более академический руководитель С. М. Воробьев, с которым у молодого художника не возникло такой близости, как с Мокрицким, не могли ему помочь. «Недостаточность руководителей и руководств по искусству невольно вызывала необходимость добиваться всего своими силами, ощупью, наугад...» — писал впоследствии Шишкин.[3] Его главным учителем была при-

[1] См. примеч. 56 на с. 432 наст. изд.
[2] Худож. газ., 1836, № 11, с. 181.
[3] Выставка в Императорской Академии художеств этюдов, рисунков,

рода, и лишь в непосредственном соприкосновении с нею нащупывал он свой самостоятельный творческий путь. Подлинной школой стал для него Валаам.

Годы учения в академии (1856—1860) сыграли важную роль в формировании мировоззрения Шишкина, которое складывалось под воздействием освободительных идей, широко распространившихся в русском обществе. О тех годах очень хорошо сказал известный революционный демократ Н. В. Шелгунов: «Это было удивительное время,— время, когда всякий захотел думать, читать и учиться и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать». [1] По письмам художника заметно, как усиливается в нем критическое отношение к некоторым явлениям окружающей действительности. Шишкин — враг всего показного, его отталкивает бюрократизм, казенщина. Прочно укоренившиеся в правительственных учреждениях взяточничество, протекция, чинопоклонство претят ему так же, как и ханжество духовенства. В ту пору он зачитывается «Губернскими очерками» М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые привлекают его своим ярко выраженным обличительным характером. С презрением отзывается Шишкин о праздном и бессмысленном времяпрепровождении представителей высшего общества и военной касты. С пренебрежением относится он к сильным мира сего, к членам царской фамилии. Показательно такое, скажем, вскользь брошенное насмешливое замечание в адрес президента академии, как «пресловутая Мария Николаевна» (№ 35), о которой вначале молодой художник говорил с робким почтением. Характерна и его ироническая фраза по поводу ожидаемого посещения выставки Александром II: «Он-то чем порадует? Не знаю» (№ 36).

Отрицательные стороны столичной жизни не заслоняли в то же время Шишкину того ценного, что давало ему пребывание в Петербурге, умственном центре страны. «Петербургская жизнь с ее мишурой,— писал он родителям в 1860 году,— и прежде на меня не производила ровно никакого действия. Но в этой же самой жизни есть великолепные стороны, которые нигде у нас в России покамест встретить нельзя, и действие их так сильно и убедительно, что невольно попадаешь под их влияние, и влияние это благотворно. Не принять и не усвоить их — значит предаться сну, и неподвижности, и застою» (№ 43).

Шишкин принадлежал к кругу передовой академической молодежи, которая воспитывалась на идеях прогрессивной материалистической эстетики и литературы и восставала против искусства, чуждого современности,

---

офортов, цинкографии и литографии И. И. Шишкина, члена Товарищества передвижных художественных выставок. 1849—1891. Спб., 1891, с. 31.

[1] Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967, т. 1, с. 93—94.

против казенно-бюрократических порядков. В своей горячности и запале многие учащиеся нередко огульно критиковали руководство и профессуру — всех членов академического совета, весьма неоднородного по своему составу. В этой связи вряд ли можно говорить о полной объективности Шишкина, когда он, например, увидел в назначенном в 1859 году на пост вице-президента академии Г. Г. Гагарине — прогрессивном для своего времени художнике и просвещенном, весьма доброжелательном человеке — придворного бюрократа и интригана. Близость Гагарина к двору, высокое военное звание и награды делали его одиозной фигурой в глазах радикально настроенной интеллигенции. И даже герценовский «Колокол» так комментировал назначение Гагарина: «Русская Академия художеств... взята приступом. На месте талантливого... вице-президента ее, графа Толстого, сидит грозный вождь, князь Гагарин. Он тотчас занял крепкую позицию — 40 комнат под свою квартиру... и все это под предлогом, что к нему ездит сам государь. На художников он тотчас обрушился как на врагов». [1]

Об умонастроении лучшей части академической молодежи можно судить по сохранившейся среди архивных материалов Шишкина рукописи — черновике статьи, озаглавленной «Художники и студенты». [2] Подписанная псевдонимом «Армянский», она, возможно, явилась плодом коллективного творчества группы студентов университета и учеников академии, среди которых мог быть и Шишкин, сохранивший статью среди своих бумаг. В статье содержится призыв к молодым художникам войти в жизнь русского общества, заинтересоваться его судьбой, проникнуться «идеями века».

Шишкин до конца жизни именно так понимал долг художника, полностью разделяя прогрессивные взгляды И. Н. Крамского, развивавшего эти положения.

Если в творческом плане на рубеже пятидесятых — шестидесятых годов Шишкин был еще во многом не самостоятелен, то по своим идейным убеждениям он предстает уже человеком новой формации. Естественна поэтому его дружба с В. Г. Перовым и В. И. Якоби — наиболее смелыми художниками-обличителями тех лет, с Г. Н. Потаниным — в то время вольнослушателем Петербургского университета, входившим в группу молодежи, которая примыкала к революционно-демократическим кругам.

---

[1] Академия художеств в осадном и иконописном положении. — Колокол, 1860, 1 янв., л. 60, с. 498.

[2] ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 57. Эта статья впервые упоминается Ф. С. Мальцевой во вступ. ст. к кат.: И. И. Шишкин. К 50-летию со дня смерти, с. 20. Высказывалось предположение, что автором статьи является И. Н. Крамской, однако организованная Государственным Русским музеем почерковедческая экспертиза не подтвердила идентичности его почерка с почерком рассматриваемого документа.

Академию художеств Шишкин окончил в 1860 году с высшей наградой, большой золотой медалью, и правом на заграничную командировку. Но художник не спешит в чужие края, несмотря на все уговоры Мокрицкого ехать «прямо за границу, и именно в Италию» (№ 44). Шишкина манят родные места, Елабуга. Он направляется сперва туда, и только в апреле 1862 года уезжает в Германию. За три года, проведенных за границей, еще больше расширяется кругозор художника. Об этом можно судить по весьма интересным письмам Шишкина к его другу И. В. Волковскому и дневнику, который художник систематически вел в первое время своего пребывания там.

Будучи в Праге летом 1862 года, Шишкин проникается симпатией и сочувствием к чешскому народу, находившемуся под гнетом Австрийской империи. В этой связи его особенно привлекает выступление прогрессивного чешского общественного деятеля К. Сладковского, о котором он высказывается в дневнике следующим образом: «Молодец и либерален до возможности... у меня, признаюсь, руки чесались — смысл его речи была общая свобода всех славян, самого громадного племени в Европе». В Берлине Шишкин не упускает случая отметить наличие в магазинах запрещенной в России литературы, а также фотографий Герцена и Огарева. Описывая в дневнике жизнь в Дрездене, Шишкин с явной издевкой рассказывает о том, как там муштруют солдат: каждый день они маршируют с музыкой по городу, чтоб им было не скучно и чтобы немцы-либералы боялись, «а то восстанут не только против бога, но и против своего короля». Порой у Шишкина даже проявляются какие-то бунтарские настроения. Взять, например, оброненную им в одном из писем фразу: «Отчего это у нас в России хоть не затевается революция, что ли, там хоть бы я поработал...» (№ 54).

Шишкин полон мыслями о родине. «Патриот-славянин», «любит Россию» — такие определения делает он в адрес людей, которым симпатизирует, потому что это отвечает его собственным патриотическим чувствам. Нет для него выше и дороже понятия, чем Россия. «Мой девиз? — писал он много лет спустя. — Да здравствует Россия».[1] Его оскорбляет подобострастное отношение ко всему иностранному, которое он не раз наблюдал в русском обществе.

Как и многих представителей художественной молодежи, тяготеющих к национальной теме в искусстве, его не радует поездка за границу, которая была высшей мечтой академистов прежних времен. Чужая природа не вдохновляет его. Шишкин постоянно противопоставляет ее русской, в которой находит больше красоты и достоинств. Впоследствии художник говорил своим ученикам о том, что если новое поколение не умеет еще понять все таинства природы, то в будущем придет художник, который сделает чудеса, и «он будет русский, потому что Россия страна пейзажа».[2]

[1] См. примеч. 57 на с. 433 наст. изд.
[2] См. с. 318 наст. изд.

За границей Шишкин с интересом знакомится с новым для него искусством. В отношении его к современным западным художникам, особенно в его оценках и суждениях по поводу произведений мюнхенских и дюссельдорфских пейзажистов, внимательно им изучавшихся в Германии и Швейцарии, начинают сказываться те эстетические позиции, которые будут характерны для него и в поздние, зрелые годы. Шишкин выделяет живописцев, обращающихся к национальной природе, стремящихся отойти от нарочитой эффектности, тяготеющих к натурности изображения, к простоте и обыденности мотивов природы. Ему нравятся произведения, в которых он видит строгую законченность, его внимание привлекает и реалистическая жанровость, свойственная немецким художникам, поскольку он сам в ту пору вносил элементы жанровости в свои картины, «обставляя» их человеческими фигурами и животными, как того требовала от пейзажистов академия. В то же время многие работы западных мастеров Шишкин осуждает. Его отталкивает безжизненность, черствость, безвкусие, которое он наблюдает в полотнах большинства средних немецких живописцев. Он критикует их за бездушный сухой рисунок. Суждения молодого художника отличаются независимостью, порой резкой прямолинейностью. Так, например, по поводу сверх меры возвеличенного в академии популярного швейцарского пейзажиста А. Калама Шишкин пишет в дневнике вскоре по приезде за границу: «Калям очень плох», а в пейзажах его учителя, Диде, он находит «сухость и однообразие» (№ 58).

Шишкину, как и другим художникам-шестидесятникам, содержательность искусства, серьезность замысла представлялась одним из основных критериев ценности произведения. Это подтверждает и его пенсионерский отчет 1864 года в Академию художеств. За строками этого интересного документа встает художник, впитавший в себя прогрессивные эстетические взгляды эпохи. «Сюжеты жанристов,— пишет он о современной западной живописи,— часто лишены интереса и ограничиваются сладкими сценами обыденной жизни; отсутствие мысли в картинах этого рода весьма ощутительно» (№ 58).

И даже занятия в мастерской Р. Коллера, швейцарского анималиста и пейзажиста, которого сам же Шишкин выбрал своим руководителем, отказавшись от первоначального намерения ехать в Женеву к Каламу, начинают тяготить молодого художника. Коллер привлек его поначалу правдивостью и ясностью художественного языка, строгим изучением предмета, мастерством рисунка. Однако вскоре Шишкин почувствовал неумение швейцарца прийти к цельной, законченной картине. «Его принцип в искусстве,— осуждающе пишет Шишкин,— не удаляться от этюда ни на шаг» (№ 67). По прошествии полугода занятий он ушел от Коллера.

Не без основания считал Шишкин, что поездка за границу принесла ему мало пользы в творческом плане. Как и другие пенсионеры-пейзажисты, оторванные от родной природы, он испытывал растерянность и, не желая

подражать кому бы то ни было, чувствовал, насколько еще трудно ему выявить собственную индивидуальность. «...Все наши художники и в Париже, и в Мюнхене, и здесь, в Дюссельдорфе,— писал он Н. Д. Быкову в 1864 году,— как-то все в болезненном состоянии — подражать безусловно не хотят, да и как-то несродно, а оригинальность своя еще слишком юна, и надо силу» (№ 67). Пейзажи Шишкина того времени носили еще заметные следы академической школы. Однако художника все больше начинала раздражать необходимость следовать ее установкам.

Очевидно, такой нарастающий внутренний протест против этой школы, с ее «дрессировкой на старых образцах классики»,[1] с ее культом далекой от жизни исторической живописи, с ее требованиями использовать условные приемы, сказался в какой-то мере на отрицательном восприятии Шишкиным ряда произведений старых мастеров, увиденных им за границей. Ознакомившись с Дрезденской галереей, он пишет в дневнике: «...по большей части старый хлам громадных размеров. Великолепные Вандики, Рубенсы, Мурильо, Вуверманы, Рюиздали и пр. пересыпаны этим хламом, исторической пылью... все это как-то дряхло, старо, на подмостках или разных ходулях». Побывав в Праге, он замечает там же: «...мне уже надоедают все эти подвиги и прихоти королей и светских и духовных, все это прошло, и слава богу. Это мертвечина, а мне бы скорее на натуру, на пекло красного солнышка...» Вероятнее всего, именно традиционное преклонение перед Рафаэлем в академии, где восхвалялась не реалистическая основа его классически ясного творчества, а, напротив, всячески подчеркивалась идеализация образов, сыграло в известной степени роль в недооценке Шишкиным знаменитой «Сикстинской мадонны». Как у него, так и у многих молодых художников шестидесятых годов предубеждение к этому глубокому и сложному произведению было не только проявлением недостаточной художественной зрелости, но и результатом их непримиримости к реакционному академизму. Как бывает в момент резких идейных столкновений, так же и в тот период, во имя нового нередко решительно отметалось все старое.

В России в ту пору недовольство учащихся академической системой перешло в открытый конфликт. 9 ноября 1863 года четырнадцать выпускников, получивших право участвовать в конкурсе на большую золотую медаль, отказались писать на заданный сюжет, отстаивая право работать над самостоятельно выбранными темами. Узнав об их демонстративном выходе из академии и создании первого объединения художников-реалистов, С.-Петербургской артели художников, Шишкин радостно пишет: «Ай да молодцы, честь и слава им. С них начинается положительно новая эра в нашем искусстве. Какова закуска этим дряхлым кормчим искусства... Еще сто и сто раз скажешь, молодцы. Браво!!!!!! Браво!» (№ 53).

---

[1] Репин И. Е. Далекое близкое. М., 1960, с. 157.

Шишкин возвратился на родину в 1865 году. К этому времени о нем уже говорили как о талантливом рисовальщике. Его рисунки пером, виртуозно исполненные мельчайшими штрихами, с филигранной отделкой деталей, поражали зрителей как за границей, так и в России. Два таких рисунка были приобретены Дюссельдорфским музеем.

Картина «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» принесла художнику звание академика и наряду с пейзажем «Тевтобургский лес» явилась наиболее значительным произведением периода заграничного пенсионерства.

Вернувшись в Россию, Шишкин сближается с членами С.-Петербургской артели художников, вокруг которой группировались представители прогрессивной творческой интеллигенции, становится активным участником их собраний. Живой, общительный, деятельный, он был окружен вниманием товарищей. И. Е. Репин, бывавший на «четвергах» Артели, рассказывал о нем впоследствии: «Громче всех раздавался голос богатыря И. И. Шишкина: как зеленый могучий лес, он поражал всех своим здоровьем, хорошим аппетитом и правдивой русской речью. Немало нарисовал он пером на этих вечерах своих превосходных рисунков. Публика, бывало, ахала за его спиной, когда он своими могучими лапами ломового и корявыми мозолистыми от работы пальцами начнет корежить и затирать свой блестящий рисунок, а рисунок точно чудом или волшебством каким от такого грубого обращения автора выходит все изящней и блистательней». [1]

К середине шестидесятых годов на путь реалистического изображения национальной природы уже смело вступали А. К. Саврасов и М. К. Клодт. «Пейзажи русские — да, истинно на этот раз русские, первенствуют на выставке... А еще два года назад это было немыслимо»,— писал в 1864 году П. М. Ковалевский. [2]

Отобразить родную природу без прикрас, рассказать о ней правдиво и ясно — к этому стремился и Шишкин. Длительный опыт работы с натуры и сложившиеся идейно-эстетические взгляды помогали ему сознательно решать трудную задачу преодоления сковывавших его творчество традиций академического романтизма. Добиваясь максимальной жизненной конкретности, тщательно выписывая каждую деталь, изображая природу в самом обыденном ее виде, не боясь мелкого и, казалось бы, незначительного в ней, он уверенно шел от сочиненного академического пейзажа к пейзажу наблюденному и досконально изученному. Отличающая произведения Шишкина детализация и почти иллюзорная точность воспроизведения натуры являлись закономерной реакцией против фальши и надуманности академической пейзажной живописи. Основанный на углубленном аналитическом исследовании природы, творческий метод Шишкина был созвучен эпохе просветительства, со свойственным ей интересом к точным наукам, и в частности

[1] Репин И. Е. Далекое близкое, с. 181.

[2] Ковалевский П. М. По поводу академической выставки картин в Петербурге. — Современник, 1864, XI, с. 181.

к естествознанию. Утверждение этого нового реалистического метода, который развенчивал освященные академическим авторитетом установки псевдоромантического пейзажа, явилось важнейшей заслугой художника.

Об эстетических позициях Шишкина можно судить не только по его собственным произведениям, но и по его оценкам других картин. Приглашенный в качестве эксперта в комиссию по распределению премий на конкурсе Общества поощрения художников, он выделил для премирования поэтический пейзаж Ф. А. Васильева «Возвращение стада» (1868) и новаторское реалистическое жанровое полотно И. Е. Репина «Бурлаки на Волге» (1871). В другом случае, обсуждая с тем же Репиным его картину «Плоты на Волге», Шишкин резко обрушился на молодого автора. Репин так вспоминал об этом эпизоде: «Я показал Шишкину и эту картину. — Ну, что вы хотели этим сказать? А главное: ведь вы писали не по этюдам с натуры?! Сейчас видно. — Нет, я так, как воображал... — Вот то-то и есть. Воображал! Ведь вот эти бревна в воде... Должно быть ясно, какие бревна — еловые, сосновые? А то что же, какие-то «стоеросовые»! Ха-ха! Впечатление есть, но это несерьезно...» [1]

Никакой приблизительности в изображении природы — такова основополагающая творческая установка Шишкина. Точность натурных наблюдений и содержательность избранного мотива представлялись ему обязательными.

Ясное понимание задач, стоявших перед русским реалистическим искусством, ярко выраженный демократизм взглядов, неприятие академической системы естественно привели художника в ряды передвижников. Здесь, в Товариществе передвижных художественных выставок, одним из учредителей которого в 1870 году стал Шишкин, он нашел истинных друзей-единомышленников, а его произведения — отзывчивого зрителя.

В творчество Шишкина в ту пору полновластно входит тема хвойного леса. Художника привлекают главным образом мотивы, позволяющие внимательно рассмотреть растительные формы, разобраться в их сложном переплетении, почувствовать рельеф почвы. Естественная точка зрения на уровне человеческого глаза, с которой пишет художник, дает возможность легко обозреть картину в целом, познакомиться с отдельными деталями. Тщательно разрабатывая передний план, Шишкин начинает изображение как бы прямо от зрителя, которого он таким образом «вводит» внутрь леса. Такое умение породить ощущение непосредственного соприкосновения человека с природой, отвечающее гуманистическому мироощущению передвижников,— одна из существенных особенностей творчества Шишкина. Необходимо отметить и другую особенность: лес в его картинах не подавляет человека. При всей своей суровости и величественности он близок ему. Шишкин добивается строгой завершенности пейзажного образа и любит

[1] Репин И. Е. Далекое близкое, с. 264.

устойчивые состояния природы. В самой композиции, размещая по краям картины взаимоуравновешивающие группы деревьев, прибегая часто к фронтальным построениям, художник подчеркивает эту устойчивость. Оттого многие пейзажи Шишкина имеют не только спокойный, но и торжественный характер.

Уже на первой передвижной выставке появилась его известная картина «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии» (1872). Она ознаменовала наступление творческой зрелости мастера. Шишкин четко определил свою основную тему в искусстве, выразил свое эстетическое кредо. Перед зрителем предстает образ могучего, величавого русского леса. Впечатление глубокого покоя не нарушают ни медведи у дерева с ульем, ни летящая птица. Прекрасно написаны стволы старых сосен: каждая имеет «свое лицо», но в целом это единый мир природы, полной неиссякаемых жизненных сил. Неторопливый подробный рассказ, обилие деталей наряду с выявлением типического, характерного, цельность запечатленного образа, простота и доступность художественного языка — таковы отличительные черты этой картины, как и последующих работ художника, неизменно привлекавших внимание зрителей на выставках Товарищества.

Начало семидесятых годов — время высоких достижений русской пейзажной живописи. Об этом говорят прежде всего такие лирические полотна, как «Грачи прилетели» и «Проселок» А. К. Саврасова, «Оттепель» и «Дорога в горах» Ф. А. Васильева. Вслед за ними идут первые капитальные лесные пейзажи Шишкина. Его творчество, как и творчество Васильева и Саврасова, сыграло важную роль в становлении передвижнической пейзажной живописи.

Тогда как Васильеву свойственна восторженно-романтическая художественная интерпретация природы, а произведения Саврасова отличает мягкая поэтичность, в полотнах Шишкина, как ни у кого другого, выражен пафос объективного познания реальной жизни природы. В лучших его картинах ощущается монументально-эпическое начало. В них переданы торжественная красота и мощь бескрайних русских лесов. Жизнеутверждающие произведения Шишкина созвучны мироощущению народа, связывающего с могуществом и богатством природы представление о «счастье, довольстве человеческой жизни».[1] Недаром на одном из эскизов художника мы находим такую запись: «Раздолье, простор, угодье. Рожь... Благодать. Русское богатство».[2] В этой более поздней авторской ремарке выражена сущность образа, созданного в замечательном полотне Шишкина «Рожь» (1878). Здесь в какой-то мере развивается мотив ранней его картины «Полдень. В окрестностях Москвы» (1869), возведенный теперь в степень величе-

[1] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948, т. 2, с. 13.

[2] Карандашный эскиз картины «На окраине соснового бора близ Елабуги», 1897 (ГРМ). Инв. № Р-11054.

ственной поэмы о Руси. Показанная на шестой передвижной выставке, картина оказалась стоящей вровень с такими полотнами, как «Встреча иконы» К. С. Савицкого, «Некрасов в период „Последних песен“» И. Н. Крамского, «Протодьякон» И. Е. Репина, «Заключенный» и «Кочегар» Н. А. Ярошенко, демонстрировавшимися на той же выставке. Картина Шишкина не уступала им в значительности содержания и в уровне исполнения.

В пейзажах Шишкина восьмидесятых — девяностых годов находят отражение общие для русского изобразительного искусства тенденции, преломляемые им по-своему. Теперь все более ощущается стремление художника к решению проблем пленэра, передаче состояния природы, экспрессии образов, чистоте палитры. В 1883 году Шишкин написал одну из наиболее впечатляющих своих картин — «Среди долины ровныя...». Избрав сюжетом литературный образ, содержащийся в первой строфе стихотворения А. Ф. Мерзлякова, которое стало народной песней, художник трансформировал поэтический строй стихотворения в целом, переведя его в мажорный план. По-новому выразительно и поэтически-содержательно разработана в картине светотень. Тени от облаков как бы скользят по земле, создавая ощущение подвижности и особенно подчеркивая пространственное развитие далей, играющее такую большую роль в раскрытии образного смысла пейзажа.

Еще более важное значение имеют пространственные планы для содержания картины «Лесные дали» 1884 года. Если в предыдущей картине могучий дуб был центральным элементом в своеобразной драматургии сюжета, то теперь одинокая сосна скорее лишь зрительная веха, поддерживающая развитие далевых планов, которые составляют основной смысл образа. Широта лесных просторов, увиденных с возвышенности, громадность неба, отразившегося в далеком озере,— вот то поэтическое начало, которое должно покорять ум и сердце зрителя, олицетворяя величие Родины.

Создавая большие картины, Шишкин продолжал интенсивно работать на натуре, все более настойчиво разрабатывая проблемы цвета, света и воздуха. Пожалуй, наиболее значительным результатом этой работы стал большой этюд «Сосны, освещенные солнцем» 1886 года, написанный под Сестрорецком. Активно используя рефлексы и цветные тени, Шишкин добивается непосредственности впечатления солнечного света. Этот этюд, не уступающий по своей значимости картине, стал одним из лучших достижений художника в восьмидесятые годы. Завершает же это десятилетие исполненная в 1889 году картина «Утро в сосновом лесу», пользующаяся наиболее широкой известностью. Соавтором Шишкина в написании этого большого полотна был К. А. Савицкий, кисти которого принадлежат фигуры медведей.

Своей популярностью картина обязана в немалой степени занимательности введенного в нее жанрового мотива, но истинной ценностью произведения явилось прекрасно выраженное состояние природы. Это не просто

глухой сосновый лес, а именно утро в лесу с его еще не рассеявшимся туманом, с легко порозовевшими вершинами громадных сосен, холодными тенями в чаще. Мастерски передана глубина оврага, на краю которого расположилось медвежье семейство. Само его присутствие здесь должно порождать у зрителя ощущение отдаленности и глухости дикого леса.

На рубеже десятилетия Шишкин обратился к сравнительно редкому для него сюжету и написал большую картину «Зима» (1890), поставив в ней трудную задачу выражения едва уловимых рефлексов в почти монохромной живописи. Им было сделано несколько вариантов этого мотива в различной технике. Но уже в следующем году он снова возвращается к проблеме сиюминутного состояния природы. В картине «Дождь в дубовом лесу» (1891) тональные градации цвета зелени рождают живое впечатление насыщенного влагой воздуха, размывающей контуры деревьев сетки дождя и проникающего сквозь облака рассеянного солнечного света. Нужно, однако, подчеркнуть, что, решая свойственные искусству своего времени задачи, усложняя приемы письма, Шишкин не изменил собственной манере и стилю живописи: сохранял строгость рисунка, проработанность контуров, безусловную предметность и материальность изображения.

Тогда же Шишкин вновь обращается к литературным образам, на этот раз — как прямой иллюстратор произведений М. Ю. Лермонтова. Помимо рисунков «Разливы рек, подобные морям» к стихотворению «Отчизна» и «На севере диком» к стихотворению «Сосна» он пишет на тот же сюжет картину масляными красками, создавая в ней романтический образ великолепной, «одетой ризой» снегов сосны на высоком утесе в морозную лунную ночь. Внизу за утесом бесконечным океаном уходит вдаль лесной массив, сливающийся у горизонта с волнами тумана. Обращение к поэзии Лермонтова возродило у Шишкина, теперь уже совсем на новой основе, элементы романтизма, с которым он соприкоснулся еще в годы академического учения. Появилась известная декоративность, произошло неожиданное сближение с направлением, представленным в русском пейзаже восьмидесятых годов А. И. Куинджи.

Достойным завершением цельного и самобытного творчества Шишкина стала картина 1898 года «Корабельная роща». В основу этого пейзажа легли натурные этюды, выполненные художником в родных прикамских лесах, но в нем воплощено и то глубочайшее знание русской природы, которое было накоплено Шишкиным за почти полувековую творческую жизнь.

В семидесятых — девяностых годах Шишкин в кругу ведущих художников-реалистов. Он горячо заинтересован делами Товарищества, заботится о единении этой крупнейшей художественной организации, об успехах ее выставок, о ее авторитете, гордится благородной миссией передвижников, их огромной ролью и значением в судьбах русского искусства.

В интересном, взволнованном письме Шишкина к В. М. Васнецову по поводу важности и необходимости участия в юбилейной XXV выставке То-

варищества говорится: «Приятно вспомнить то время, когда мы, как новички, прокладывали первые робкие шаги для передвижной выставки. И вот из этих робких, но твердо намеченных шагов выработался целый путь, и славный путь, путь, которым смело можно гордиться. Идея, организация, смысл, цель и стремления Товарищества создали ему почетное место, если только не главное в среде русского искусства» (№ 234).

Передвижники платили Шишкину дружеской взаимностью. Их письма к нему полны не только глубокого уважения к таланту большого мастера, но и подлинной любви к человеку, посвятившему себя вместе с ними кровному делу их жизни — передвижничеству. Они сообщают ему о новостях в деятельности Товарищества, посвящают его в подробности происходящего, советуются и делятся с ним своими соображениями. Они верят в него — художника, утверждавшего своим творчеством лучшие традиции передвижничества, в человека, верного своим принципам, в доброго, отзывчивого товарища, не раз приходившего им на помощь. Случалось, что и они подбадривали его, уговаривая смело давать картины на ту или иную выставку.

Крамской, высоко ценивший дарование Шишкина, порой огорчался той излишней скромностью, которая отличала художника, его нежеланием знакомить со своими произведениями зарубежную публику. Письма Крамского, стремящегося укрепить веру Шишкина в себя, полны внимательной, даже какой-то нежной заботливости. Крамской был убежден в том, что надо как можно шире популяризировать работы Шишкина. Советуя ему в 1876 году прислать что-нибудь из своих картин в Салон, Крамской пишет: «Только истинная оригинальность и может быть здесь замечена! А у Вас она есть, не заимствованная, не покупная и не взятая напрокат». Заканчивается это письмо словами: «...я Вас люблю и уважаю как художника, ставлю Вас очень высоко...» (№ 116). Нечего и говорить, как дороги были Шишкину эти слова в устах человека, которого он считал своим главным критиком, советчиком и учителем. Не было другого художника, который бы так зорко подмечал его ошибки и помогал преодолевать их и вместе с тем так глубоко оценивал его талант и направлял его развитие. Близость с Крамским — идейным вождем Товарищества — сыграла большую роль в творческом развитии Шишкина.

Полны дружеской откровенности письма К. А. Савицкого, живого, увлекающегося, эмоционального человека, доброго и преданного товарища. «Рост, рост и рост, вот стимул твой и благо тебе»,— писал он Шишкину в 1892 году (№ 185). По его переписке с Шишкиным, охватывающей четверть-вековой период, прослеживается глубокая духовная связь двух художников. Заслуживают внимания письма Н. А. Ярошенко. Одно из них проникнуто тревожными раздумьями о судьбах западного искусства, о путях его развития. Неприятие Ярошенко новых художественных течений на Западе (как и в России) типично для ряда старейших членов Товарищества, но

учитывающих значения свежих веяний в искусстве конца XIX века. Важные вопросы, связанные с деятельностью Товарищества, затрагивает в своих письмах А. А. Киселев. Переписка Шишкина с передвижниками дает возможность ощутить атмосферу художественной жизни того времени, привносит новые штрихи в летопись Товарищества. По письмам видно, насколько велико было взаимопонимание передвижников. Успех одного, неудача другого, выступления на выставке либо в печати, тот или иной правильный либо неправильный шаг находили незамедлительный отклик, горячо обсуждались в товарищеской среде.

В последнее десятилетие XIX века, в трудный для Товарищества период, когда возникшие в его среде разногласия грозили распадом всей организации, Шишкин был с теми художниками, которые продолжали исповедовать демократические просветительские идеалы шестидесятых годов. Высоко ценя критические выступления своего друга А. А. Киселева, Шишкин целиком мог присоединиться к его словам: «Пусть новейшая художественная критика упрекает наших художников в идеях сороковых и шестидесятых годов, называя эти идеи тенденциями... Тенденции эти не идут вразрез с идеалами нашего искусства. Напротив, они одухотворяют и возвышают его».[1] Шишкин верил в незыблемость основных устоев Товарищества, в возможность и необходимость противостоять его противникам. В 1895 году он писал: «Товарищество было, есть и будет несокрушимо... Врагов не будем бояться. Мы с ними свыклись и будем бороться на арене искусства» (№ 210). И даже за неделю до смерти, будучи серьезно больным, художник с неугасающей убежденностью обращается в последней своей записке к друзьям-передвижникам с приветом и со словами: «Да здравствует Товарищество!» (№ 256).

Понятно, как обидно было Шишкину слушать из уст некоторых передвижников, что, устроив одновременно с И. Е. Репиным в 1891 году свою персональную выставку в залах Академии художеств, он пошел якобы на сближение с нею, в ущерб интересам Товарищества. Разумеется, ни о какой сдаче принципиальных позиций со стороны Шишкина не могло быть речи. А. В. Жиркевич записал в своем дневнике, что на обвинение, высказанное Куинджи в адрес Репина и Шишкина, последний ответил «со всегдашней резкостью и прямотой», подчеркивая, что их выставка в стенах академии — «серьезный шаг русского искусства в сферу затхлой рутинной немецкой кислятины, там засевшей с давних пор, и что такому вторжению надо радоваться».[2] Неприязнь к правительственной академии Шишкин пронес через всю жизнь, хотя в 1894 году и занял в ней должность профессора, глубоко убежденный в возможности коренного преобразования академической

---

[1] Артист, 1893, № 29, с. 51.

[2] Жиркевич А. В. Встречи с Репиным (страницы из дневника 1887—1902). — В кн.: Репин. Художественное наследство. М. — Л., 1949, т. 2, с. 148—149.

школы. Такая иллюзорная надежда питала многих передвижников, пришедших в реформированную академию в качестве ее профессоров и действительных членов.

По письмам Шишкина видно, сколь заботил его вопрос о подготовке новой смены, о художественном образовании молодежи, которую, по его словам, могла искалечить казенная академия. Сам Шишкин не был прирожденным педагогом, но его советы и замечания, а особенно совместные занятия с ним на натуре (которым он придавал главное значение, следуя принципу не столько поучать, сколько убеждать собственным примером) приносили неоценимую пользу ученикам в овладении профессиональным мастерством. Именно это имел в виду Крамской, называвший Шишкина «чудесным учителем».

Так, несомненно, Шишкин сыграл определенную роль в художественном развитии Ф. А. Васильева, с которым познакомился, когда тот учился в Рисовальной школе Общества поощрения художников. Летом 1867 года Шишкин повез его на Валаам. Исключительная одаренность семнадцатилетнего пейзажиста не могла не поразить Шишкина. Он щедро делился своим опытом. Работа над этюдами рядом с таким мастером, как Шишкин, оказалась очень полезной Васильеву. От Шишкина он воспринял прежде всего глубокое доверие к натуре, стремление проникнуть в ее сокровенную сущность. Общение с Шишкиным помогло молодому художнику повысить культуру рисунка. Шишкин, по-видимому, познакомил Васильева и с приемами работы над офортом и литографией. Касаясь занятий Шишкина с Васильевым, один из критиков писал впоследствии: «Благосклонная на этот раз к молодому живописцу судьба дала ему в этом отношении настоящего руководителя в лице И. И. Шишкина... в ком же среди пейзажистов русской школы можно было найти более фанатического поклонника объективной правды в изображении природы, как не в лице И. И. Шишкина?» [1]

Не один только Крамской считал, что Шишкин может многому научить молодежь. В 1868 году А. П. Боголюбов предложил Академии художеств создать специальный пейзажный класс и рекомендовал привлечь к этому делу Шишкина, совместно с которым хотел вести преподавание.

Молодые художники постоянно бывали в доме Шишкина. Он охотно с ними занимался, брал их на этюды, совершал с ними дальние поездки. Строгий, требовательный, даже суровый во время занятий, Шишкин в то же время искренне радовался успехам учеников, был чрезвычайно отзывчивым на их нужды. Об этом говорят письма к нему Н. И. Хохрякова, В. А. Бондаренко, И. А. Околовича, В. К. Менка, так же как и заявления самого Шишкина в Общество поощрения художников с просьбой помочь его ученикам «не прибегать к необходимости работать для добывания средств и

[1] Михеев В. М. Ф. А. Васильев. Биографический этюд. — Артист, 1894, дек., № 44, с. 152—153

жизни, что так гибельно влияет на правильное развитие таланта» (№ 122). А. В. Жиркевич писал в своем дневнике о Шишкине: «Он замечательно тепло отзывается о начинающих художниках».[1] Прекрасным образцом внимательного и заботливого отношения Шишкина к подчас малознакомым художникам-любителям, обращавшимся к нему за помощью, является письмо его к И. А. Уткину. Шишкин подробно рассказывает в нем о работе над картиной, дает полезные советы. Особенно много времени Шишкин уделял занятиям с молодыми художниками в девяностые годы. Еще до начала преподавания в академии он охотно оказывал помощь учившимся в ней пейзажистам, в частности Ф. Э. Рущицу, В. А. Бондаренко и Н. П. Химоне.

Став профессором, Шишкин почувствовал, насколько серьезна лежащая на нем ответственность руководителя пейзажным классом. Письмо его к И. И. Толстому, написанное вскоре после начала занятий, говорит об охватившей его неуверенности в своих педагогических способностях. Но спустя год на академической выставке работы учеников Шишкина продемонстрировали высокий уровень профессиональной подготовки. Однако, к его огорчению, значительно большую притягательную силу для самих учащихся академии вскоре обрела мастерская А. И. Куинджи. Это, видимо, ускорило решение заболевшего Шишкина уйти из мастерской. Он оставил ее в 1895 году.

Методы преподавания Шишкина и Куинджи резко отличались, так же как и творчество обоих художников. Тогда как Шишкину свойственно было спокойное созерцание природы во всей обыденности ее проявлений, Куинджи было присуще романтическое ее восприятие, его увлекали в основном эффекты освещения и вызванные ими цветовые контрасты. Предельная колористическая насыщенность и смелое обобщение форм позволили Куинджи достигнуть особой убедительности в решении сложной задачи максимального приближения к реально существующей силе цвета в природе и обусловили присущие его произведениям элементы декоративности. В решении колористических задач Шишкин уступал Куинджи, но зато был сильнее его как рисовальщик. Поэтому он даже предлагал Куинджи разделить преподавание, чтобы самому обучать только рисунку, но это противоречило принципу занятий в мастерских, где руководитель должен был обеспечить полную подготовку своих учеников.

Куинджи, изображавший, как правило, явления природы, не поддающиеся длительному изучению, обходился при создании картин без предварительных натурных этюдов и главное внимание уделял писанию эскизов, чего требовал во время занятий в мастерской и от учеников, стремясь направить их на творческие поиски. В отличие от Куинджи, Шишкин решающее значение при создании картин придавал этюдам. Он считал, исходя

[1] Репин. Художественное наследство, т. 2, с. 124.

из личного опыта, что только длительное напряженное изучение натуры может со временем открыть путь пейзажисту для самостоятельного творчества. Этой кропотливой предварительной работы на натуре он и требовал от учеников. Кроме того, возражая против копирования с так называемых «оригиналов», приучавших к чужим приемам, Шишкин зимой, когда приходилось работать в помещении, заставлял начинающих художников делать перерисовки с фотографий. В фотографии он видел важнейшего посредника между художником и натурой, но в то же время отмечал, что бездарный будет ее рабски копировать, в то время как «человек с чутьем возьмет то, что ему нужно».[1] Шишкин находил, что такая работа способствует постижению форм природы, запечатленных на фотографии с документальной точностью, помогает совершенствованию рисунка и может ускорить процесс подготовки учащихся. Однако он не учитывал того, что несколько фетишизированное им копирование с фотографий отдельных деталей, взятых вне их естественной среды, пассивное воспроизведение внешних природных форм не приближает, а только отдаляет от живой натуры, от того глубокого познания ее, которого он добивался от своих учеников.

Молодым художникам казалась скучной перерисовка фотографий. Относясь с подлинным уважением к Шишкину, они все же отдавали предпочтение мастерской Куинджи, предоставлявшего им больше творческой свободы. Педагогический метод Куинджи стимулировал более эмоциональное восприятие натуры и поиски новых средств художественной выразительности, к чему тяготела молодежь и что являлось основной тенденцией развития русской пейзажной живописи конца XIX века.

Отказавшись от должности профессора, Шишкин мучился сознанием того, что он лишил себя возможности растить молодую смену, отошел от дела, которое всегда считал очень важным для русского искусства. Но осенью 1897 года совет академии единогласно выдвинул его кандидатуру на должность руководителя пейзажной мастерской. Куинджи к тому времени ушел из академии. Шишкин после долгих колебаний согласился вернуться к преподавательской работе, подтвердив тем самым свою «готовность служить дорогому искусству и помогать питомцам академии посвятить себя изучению пейзажа» (№ 248). Он приступил к занятиям, полный надежд, проектов и планов, которым не суждено было осуществиться.

Нежданно подкралась к художнику смерть. Он скончался у мольберта 8 (20) марта 1898 года, работая над картиной «Лесное царство».

Крупный живописец, блестящий рисовальщик и офортист, он оставил огромное художественное наследие.

Для более полного и объективного представления о художнике к его переписке и дневниковым записям многое могут добавить высказывания о нем современников. Это тот голос истории, который всегда важен при

---

[1] См. примеч. 7 к письму 224.

всестороннем изучении тех или иных художественных явлений. Представленные в сборнике статьи, посвященные Шишкину, упоминания о нем в обзорах передвижных выставок, выдержки из писем отдельных художников относятся к 1871—1898 годам — времени участия Шишкина на передвижных выставках, отмеченному наиболее интенсивной творческой деятельностью художника и наибольшей популярностью его искусства в широких зрительских кругах. Среди многочисленных критических отзывов о Шишкине отобраны наиболее значительные. Многие описания произведений мастера опущены. Из большого числа писавших о Шишкине предпочтение отдано художникам И. Н. Крамскому, Ф. А. Васильеву, А. А. Киселеву, Н. И. Мурашко, В. Д. Поленову, И. С. Остроухову; видным художественным критикам и историкам искусства В. В. Стасову, А. В. Прахову, А. И. Сомову, П. М. Ковалевскому; известным в свое время литераторам В. И. Немировичу-Данченко, В. М. Михееву, В. В. Чуйко и некоторым другим.

Среди всех приведенных отзывов наиболее ранний принадлежит В. В. Стасову в статье, посвященной первой передвижной выставке 1871 года. Критик говорит о Шишкине как о большом серьезном мастере и предсказывает ему высокие достижения в области офорта.

Ценным документом являются письма Ф. А. Васильева, дающие представление о его глубоком уважении и симпатии к своему старшему собрату по искусству, о высокой оценке им таланта Шишкина и о понимании того видного места, которое он занимает в среде русских пейзажистов.

Наиболее важные суждения о творчестве Шишкина заключают в себе письма И. Н. Крамского, который в течение многих лет тесно общался с Шишкиным, жил с ним рядом и непосредственно наблюдал за его творческой работой. Высказывания Крамского (неоднократно цитировавшиеся с той или иной степенью полноты в искусствоведческой литературе) дают как бы ключ к пониманию особенностей и значимости творчества художника в русском искусстве. И хотя лишь в восьмидесятые годы Шишкин достиг наибольшей творческой зрелости, оценки его деятельности, сделанные Крамским в предшествующем десятилетии, остались во многом верными по отношению ко всему дальнейшему творчеству пейзажиста. Уже в 1872 году Крамской отметил особое место Шишкина в ряду ведущих мастеров пейзажа той поры. Он ставил художника неизмеримо выше большинства пейзажистов, видя в его искусстве важную веху на пути развития реалистической пейзажной живописи. Крамской подчеркивал исключительное значение, поучительную роль метода Шишкина в изучении живой натуры «ученым образом», в познании характерных свойств природы, в воспроизведении ее с максимальной точностью.

Отдавая дань таланту пейзажиста, Крамской вместе с тем строго беспристрастен в своих оценках. Весьма существенно его критическое высказывание в письме к А. С. Суворину, в котором он отмечает более тонко раз-

витое, чем у старых художников, в том числе и у Шишкина, живописное видение натуры у художников молодого поколения. В сущности то же самое имел в виду в статье «XI передвижная выставка» и Н. И. Мурашко, который хотел увидеть в картине Шишкина «Полесье» больше света «с его игрой золотистой, с его тысячью то красноватых, то воздушно-синеватых переходов».[1] Современники не раз указывали на то, что Шишкин не сумел добиться в колорите того совершенства, которым отличались рисунки художника. Однако мимо их внимания не прошло то, что цвет стал играть значительно большую роль в его произведениях восьмидесятых годов. В этом плане важна высокая оценка живописных качеств знаменитого этюда Шишкина «Сосны, освещенные солнцем» (1886), данная таким мастером пленэра, как В. Д. Поленов.

Большое количество отзывов в печати о Шишкине относится к 1883 году, что отнюдь не случайно. Художник находился в расцвете творческих сил. Ведь именно тогда им было создано капитальное полотно «Среди долины ровныя...», которое можно считать классическим по завершенности и полноте художественного образа, монументальности звучания. Восторгаясь достоинствами этого произведения, современники увидели очень существенную его особенность: в нем раскрыты те черты жизни родной природы, которые дороги и близки народу, отвечают его эстетическому идеалу, запечатлены в народной песне.

Народность творчества Шишкина отмечали многие ведущие критики. Об этом писал Стасов. На это же обратил особое внимание А. В. Прахов в своем серьезном обобщающем отзыве о художнике.

Художественно-критические статьи о творчестве Шишкина в большинстве благожелательны, их авторы единодушны в своих оценках, хотя порой высказывают и справедливые критические замечания. В то же время некоторые единичные отзывы, вызванные групповыми интересами или отмеченные полемическим задором, носили далеко не объективный характер. К ним следует подходить под углом зрения той широкой идейной борьбы, которая развернулась в России во второй половине XIX века. Реалистическое искусство, с его ярко выраженной демократической направленностью, было главным объектом нападок критики реакционного толка, и исходящие из этого лагеря отрицательные отзывы о Шишкине являлись одним из проявлений борьбы против передвижничества в целом. Примером тому служит опубликованная в 1891 году статья фельетониста «Нового времени» А. А. Дьякова,[2] который утверждал, что подлинным художником Шишкин был лишь в период раннего творчества, когда якобы находился под прямым влиянием А. Калама. Весь же последующий творческий путь Шишкина, по мнению Дьякова, отмечен упадком таланта художника, превратив-

[1] См. с. 270 наст. изд.
[2] См. примеч. 1 к письму 182.

шегося в сухого натуралиста. В этом фельетонист усматривал вредное влияние Товарищества и выступлений В. В. Стасова.

Высказывания Дьякова в его ложной по своей концепции статье близки тем, которые мы встречаем у некоторых критиков и начала XX века, оппозиционно настроенных в отношении к передвижничеству. Шишкин никогда не был тем «бесстрастным копиистом»,[1] каким хотели представить его критики данной ориентации. Справедливую оценку подобных неверных суждений о Шишкине находим мы в высказывании о художнике И. Э. Грабаря, относящемся к 1910 году: «Недавно еще его картины казались современному поколению только скучными и лишенными достоинств, кроме похвальной усидчивости. Но теперь, когда прошла острота борьбы двух мировоззрений, надо признать, что заслуги Шишкина в истории русского пейзажа огромны».[2]

На статью Дьякова, возмутившую Шишкина, последовал ряд опровержений в печати, в том числе В. В. Стасова и А. А. Киселева, отражавших мнение демократической общественности. Статья Киселева была воспринята Шишкиным с особенным удовлетворением, он нашел в ней наиболее верную оценку своего творчества. «Физиономия г. Шишкина как пейзажиста,— писал Киселев,— вылилась в ярко очерченную форму, которой он никогда не изменял от начала и до конца своей деятельности. Он — реалист убежденный, реалист до мозга костей, глубоко чувствующий и горячо любящий красоту леса, как в его отдельных типических особенностях, так и в массе».[3]

Современники Шишкина высоко ценили его как рисовальщика и гравера. Этой стороне творчества мастера посвящались даже специальные статьи. Одна из них написана А. И. Сомовым — серьезным, высокоэрудированным ученым, знатоком искусств, работавшим в области гравюры и рисунка. Он отзывался о Шишкине еще в 1883 году как о «единственном и небывалом в России гравере-пейзажисте».

Шишкин был прирожденным рисовальщиком, тяготеющим к линии, к открытому штриху, которым он достигал тончайшей моделировки формы. Мало найдется русских художников во второй половине XIX века, которые рисовали бы так много, как Шишкин, и ни у кого другого не было такого влечения к гравюре. Рисунки и офорты Шишкина — весьма значительное явление в истории пейзажной графики. Прекрасные образцы передачи форм природы, они замечательны не только виртуозностью исполнения и, конечно, не только тем, что являются богатейшей лабораторией творческих исканий художника. Лучшие из них — это самостоятельные, самоценные

---

[1] Львов Б. Посмертная выставка картин Ендогурова, Ярошенко и Шишкина. — Мир искусства, 1899, № 5, с. 36.
[2] Грабарь И. История русского искусства. М., 1910, вып. 1, т. 1, с. 121.
[3] См. с. 282 наст. изд.

произведения большого искусства, исполненные глубокого понимания жизни природы. Выделяются такие, например, работы углем, как «Крымские орешины», «Поемные луга», или рисунки, выполненные карандашом: «Пруд», «Сууч-хан. Крым». В произведениях, созданных в смешанной технике (карандаш, уголь, мел, соус, белила), художник достигает еще большей мягкости, живописности, разнообразия в градациях тона.

Прекрасен рисунок 1889 года «Берег моря. Мери-Хови». Пейзаж овеян суровой поэзией северного края. Лаконично и с большой экспрессией изображены пустынный берег и гнущиеся под ветром, резко чернеющие на фоне облачного неба голые ветви. Контрасты черно-белого, легкие, свободные штрихи в сочетании с растушкой создают впечатление переносимого ветром песка и несущихся облаков, сообщают произведению внутреннюю динамику.

Графическое наследие Шишкина ждет еще своих исследователей и специальных выставок.

Статьи и письма современников раскрывают образ самобытного художника, человека удивительно прямого, безыскусственного и доброжелательного. Интересно рассказывает И. С. Остроухов в письме к А. И. Мамонтову о знакомстве с Шишкиным. В описании молодого художника маститый пейзажист предстает как живой, когда он радушно, запросто встречает незнакомого еще посетителя, интересуется его делами, с готовностью делится своим опытом, обещает помогать ему. «Очаровал меня совсем!» — заканчивает свое письмо Остроухов. — Что за чудесный простой человек!»

Всесторонне охарактеризован Шишкин в статье его племянницы А. Т. Комаровой «Лесной богатырь-художник». Воспоминания Комаровой, опубликованные вскоре после смерти Шишкина, интересны как для специалистов, так и для широкого круга читателей тем, что исходят от человека, очень близко знавшего художника, долго жившего в его семье. Статья изобилует многими биографическими фактами. Крайне важно, что она готовилась еще при жизни художника и написана не только на основании хранившихся у него документов, но и по его личным рассказам. Правда, Комарова в некоторых случаях недостаточно объективна в своих оценках и рассуждениях, кое-что упрощает, преувеличивает, допускает отдельные фактические неточности. Так, говоря о значении творчества Шишкина в истории русского искусства, Комарова подчеркивает «абсолютное достоинство» его картин, утверждает, что он первый дерзнул обратиться к русской природе, которую до него якобы никто не изображал. Биограф словно забывает о существовании таких предшественников Шишкина, как А. Г. Венецианов и его последователи, М. И. Лебедев, о том, что рядом с Шишкиным работал уже А. К. Саврасов. Хочется отметить, что рукопись Комаровой, к сожалению, подверглась при редактировании сокращению, в результате чего в опубликованной статье не оказалось ряда важных высказываний самого Шишкина. Их пришлось привести в примечаниях.

Наряду со статьей Комаровой в сборнике публикуются воспоминания о Шишкине художников Н. Н. Хохрякова, Н. А. Киселева, П. И. Нерадовского и писателей Е. И. Фортунато и В. В. Каплуновского. Все это люди, лично знавшие Шишкина.

Шишкин, по словам Комаровой, когда-то мечтал, основываясь на дневнике, письмах, воспоминаниях, описать свою жизнь, в которой все было подчинено служению искусству. Он хотел показать зарождение своего реалистического метода, рассказать об окружавших его людях. Художник не без основания полагал, что все это будет предметом далеко не частного интереса. В настоящей книге как раз и собраны воедино первоисточники, которые призваны помочь более полному представлению о жизни и деятельности прославленного русского пейзажиста.

И. Н. Шувалова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сборнике выделено три раздела: переписка Шишкина, его дневник, высказывания современников о художнике.

В первом разделе публикуется 256 писем. 123 принадлежат Шишкину. Из всех в настоящее время выявленных писем художника отобраны наиболее значительные письма к родным, друзьям и знакомым, к лицам, связанным с ним деловыми отношениями. Исключено небольшое количество писем, имеющих узкобытовой характер, и несколько незначительных записок.

В сборник вошли те из многочисленных писем, адресованных Шишкину, которые так или иначе касаются его творческой или педагогической деятельности либо характеризуют окружающую его среду.

Письма расположены в хронологическом порядке. Они печатаются по новой орфографии, но в них сохранено своеобразие языка авторов. Примечания Шишкина остаются как подстрочные и обозначаются звездочками. Авторские приписки на полях даются вслед за текстом писем без специальных пояснений. Зачеркнутые авторами слова восстанавливаются только в том случае, если меняют или дополняют смысл написанного. Перевод иностранных слов отнесен к примечаниям.

Купюры в тексте, обусловленные целесообразностью сокращения второстепенного материала, обозначаются отточиями в угловых скобках. В ряде писем Шишкина идущие после подписи подробные приветствия родным опущены без отточий в угловых скобках, так же как и адреса, проставленные в начале и в конце писем Шишкина и его корреспондентов. В квадратных скобках восстанавливаются слова, сокращенные или недописанные авторами. В такие же скобки заключены и отдельные пропущенные слова, очевидные по смыслу. Недописанные авторами одна-две буквы восстанавливаются без квадратных скобок. Если сокращаемый текст начинается с абзаца, то отточия в угловых скобках даются в конце предшествующего текста. Датировки писем — в целях единообразия — помещены перед текстом в правом верхнем углу и унифицированы независимо от их написания в подлиннике. Перед датой указывается место отправления. Отсутствующие в письмах указания городов и дат восстанавливаются в квадратных скобках.

В целях того же единообразия авторские обращения в начале писем располагаются на одной строке.

Письма хранятся: в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина — № 6, 7, 14, 15, 21, 30, 34, 37, 41, 42, 44, 46—49, 51, 55, 56, 59, 61—63, 65—68, 73, 76—81, 86, 87, 89—93, 95—100,

102, 104, 106—115, 117, 121, 123, 125—134, 136, 137, 140, 142—148, 150, 152, 153, 155—157, 159, 160, 164, 168, 171—174, 177—180, 182, 184—192, 195, 198—204, 206—213, 216—218, 220, 222—225, 228, 232, 235—237, 239—242, 245—247, 249—251, 253, 255, 256; в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР — № 1—5, 8—13, 16—20, 22—29, 31—33, 35, 36, 38—40, 43, 83, 124, 125, 170, 175, 200, 214; в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина — № 50, 52—54, 57, 60, 64, 69, 70, 72, 74, 75, 154, 181, 183, 230, 231, 243; в Научно-библиографическом архиве Академии художеств СССР — № 45, 85, 94, 105, 139, 151, 176, 194, 197, 215, 226, 233, 238, 244, 252; в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи — № 84, 88, 103, 163, 165—167, 169, 196, 205, 227, 234, 254; в рукописном архиве Киевского музея русского искусства — № 138, 141, 149, 158, 161, 162; в Центральном государственном историческом архиве СССР — № 58, 248; в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР — № 116, 229; в секции рукописей Государственного Русского музея — № 135, 193, 221; в Ленинградском государственном историческом архиве — № 71, 101, 122, 219.

Письма Шишкина № 24, 43, 81, 86, 95, 132, 136, 146, 148, 170, 173, 177, 195, 203, 204, 210, 211, 213, 216, 217, 218, 224, 235, 237, 239, 249 публикуются по сохранившимся черновикам.

Из приводимых в сборнике писем ранее были опубликованы: № 1, 3, 10, 28, 34, 38, 44, 53, 82, 92, 126, 132, 160, 171, 172, 184, 186, 188, 189, 225, 236, 240, 250 (Дульский П. М. Иван Иванович Шишкин. 1832—1898. Казань, 1955); № 100 (Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856—1869. М., 1960); № 102, 103, 106, 120, 121 (Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870—1879. М., 1968); № 109, 114, 116 (Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи. Т. 1. М., 1965); № 132 (Книжки Недели, 1899, дек.); № 96, 97 («Вестник изящных искусств», 1890, т. VIII, вып. 4); № 180 — сокращенно (Левенфиш Е. Г. Константин Аполлонович Савицкий. 1844—1905. Л. — М., 1959). [1]

Второй раздел сборника включает дневник Шишкина, который он вел в форме путевых заметок в 1861—1862 годах. Автограф дневника до нас не дошел. Публикуемые же дневниковые записи взяты из хранящихся в отделе рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 861, ед. хр. 1) тетрадей, в которых рассказывается о жизни художника в период 1858—1862 годов. На полях этих тетрадей [2] имеются многочисленные пометки, сделанные самим Шишкиным.

Так же как и в разделе «Переписка», при публикации дневника сохранены особенности языка Шишкина, а текст печатается по новой орфографии. Многие абзацы выделены составителем.

---

[1] 50 писем цит. в кн.: Пикулев И. И. И. Шишкин. М., 1955.

[2] Они написаны той же рукой, что и биография Шишкина, составленная А. Т. Комаровой (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 54).

В третьем разделе сборника, «Современники о художнике», выделено три подраздела: «Из писем», «Из художественно-критических статей», «Из воспоминаний». Материалы в них располагаются в хронологическом порядке.[1] В начале и в конце выдержек из писем, статей и воспоминаний отточия в угловых скобках — ради того, чтобы облегчить чтение — опускаются.[2] Квадратные скобки не даются и при восстановлении полного написания имен и отчеств или фамилий художников. Тексты писем и статьи, публиковавшиеся по старой орфографии, даются по новой. Во всех подразделах ссылки на источники приводятся в примечаниях.

Составитель сборника выражает признательность руководителям и сотрудникам организаций, с готовностью предоставившим материал для публикации. За оказанную в работе помощь составитель прежде всего благодарит заведующую отделом рукописей Государственной Третьяковской галереи Н. Л. Приймак, директора Центрального архива литературы и искусства СССР Н. Б. Волкову и доктора исторических наук И. Н. Курбатову.

---

[1] Только недатированные заметки А. Т. Комаровой «Краски Шишкина» даются условно — вслед за первой ее статьей «Лесной богатырь-художник» 1899 г.

[2] За исключением письма И. С. Остроухова А. И. Мамонтову, приводящегося полностью.

I *Переписка*

1 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ[1] И Д. Р. ШИШКИНОЙ[2]

Москва. 13 января 1856

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Письмо это, быть может, предпоследнее из Москвы, пробуду разве еще недели полторы. В настоящее время я на квартире занимаюсь. Классы у нас закрылись по случаю выставки, которая начнется с 15 числа,[3] ехать совсем уже готов,— если и остаюсь ненадолго, то товарищи наши не все отделались, а я, пользуясь этим временем свободным, начал писать вид Елабуги Капитону Ивановичу,[4] который очень желает этого. Писавши Елабугу, я мысленно переносился туда — сколько впечатлений всяких и воспоминаний. А все-таки очень приятно было писать, в особенности дом и сад наш. Это мне рисовалось ясно и отчетливо, так вот и кажется, что у окна большой спальни сидит маминька, тогда как, бывало, идешь вечерком понизу из гор, за ней видишь кого-то, это, верно, Катенька или кто-нибудь из сестриц.[5] Да что и говорить, много-много воспоминаний сладких.

Потом окна залы напоминают, как, бывало, мы с вами, тятинька, рассуждали о башне Чертова городища[6] и читали записки отца Петра[7] или вы, тятинька, разговариваете о политике с Ознобишиным,[8] который и теперь с удовольствием вспоминает это. Эти же окна напоминают, брат Николай Иванович,[9] и тебя, с твоей комнатой и ружьями, и напоминают твою охоту, по временам безуспешную, напомнило также и литье дроби и проч. и проч. Одним словом, вся Елабуга и обитатели ее у меня перед глазами.

На прошлой неделе был у меня маститый профессор Капитон Иванович, удостоил посещением своим жилище ученика — художника, за что его благодарю и радуюсь чести, которую он мне сделал.

Любезному братцу Дмитрию Ивановичу [10] передайте от меня почтение и попросите извинить, что я ему не пишу особо. Желаю ему доброго здоровья и благополучия и в делах успеха, деткам его желаю быть здоровым и заочно посылаю на каждого поцелуй.

Братец Николай Иванович, желаю тебе здоровья, и соревнования к делу, и безукоризненного поведения.

Сестрицы любезные, и вам также желаю здоровья и усердия к делу или труду, помните слова закона нравственности: от трудов польза.

Прощайте, любезные родители, прошу от вас родительского благословения и желаю вам здоровья, спокоя жизни и быть твердыми в неблагоприятных обстоятельствах — с божиею помощью все это минет. Остаюсь ваш, любезные родители, покорный слуга и сын

Иван Шишкин.

2 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

Москва. 24 января 1856

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Письмо это уже последнее из Москвы. Завтра уже уезжаю. Собираюсь уже 4 дня. Когда в Петербурге устроюсь совсем с квартирой, то немедленно вас извещу, и извещу и о том, как поступлю в Академию. Одним словом, письмо будет новое; вчерась был окончательно у Капитона Ивановича, он мне дал письма 3 рекомендательных к людям такого же поприща, как и он сам,— что очень приятно и даже полезно. Чувства у меня не совсем спокойные при оставлении Москвы. В Москве привык, сжился, приобрел любовь товарищей и наставников. Не знаю, как бог поможет мне в Академии. Будем просить его, дабы он помог на предстоящей новой дороге.

Прошу у вас родительского благословения на предпринимаемый путь и желаю вам доброго здоровья и благополучия. Остаюсь с истинным почтением и преданностью ваш покорный сын и слуга

Иван Шишкин ⟨...⟩

Тороплюсь писать, извините. Сборы мои долгие, в которых растерялся совсем, сейчас иду за получением увольнительного свидетельства и билета на проезд и аттестата о моих занятиях

в здешнем училище. Мишенька[1] вам кланяется. Он был сегодня на выставке.

Ознобишин извиняется перед вами, тятинька, что до сих пор вам не написал письма.

3 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 31 января 1856

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Наконец я вам пишу из Петербурга, третий день, как я приехал. Нанял себе квартиру, кажется порядочную, комнату особую ценою в месяц 3 ру[бля] 5 коп[еек] сер[ебром] без стола, квартиры со столом здесь много дороже московского, потому я рассудил не иметь постоянного стола, а так по временам покупать себе провизию и отдавать сготовить хозяевам квартиры, что составит небольшой расчет. О поступлении в Академию сегодня взял билет и внес деньги 9 руб[лей] сере[бром], а завтра пойду к профессору, к которому должен поступать, и принесу ему свои рисунки и работы и свидетельство из Московского училища о моих успехах и о прочем.

Страшно представляться к строгим профессорам Академии, здесь мне кажется все величавым, массивным, в полном смысле что Императорская Академия художеств. О следствии моего представления я вас извещу — не знаю, порадует ли меня или опечалит. Собственно Петербург на меня не произвел никакого впечатления, как я уже вам и говорил прежде, когда в первый раз был здесь.

Капитон Иванович дал мне несколько писем рекомендательных, которые я еще не разнес.

Адрес моей квартиры такой: на Васильевском острове по 5-й линии, между Большим и Средним проспектом, в доме мещан Захаровых, на дворе в каменном флигеле, в 3-м этаже, ученику Академии художеств такому...

Квартирка хорошенькая и близко от Академии, и эта часть города тихая, не шумная, как остальная часть Петербурга, на этом острове сосредоточены все заведения ученые и художественные. Итак, любезные родители, прощайте, прошу у вас родительского благословения. Остаюсь с истинным сыновним почтением и преданностью ваш покорный слуга и сын

Иван Шишкин.

4 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

[Петербург. Февраль, 1856]

Любезные Родители Тятинька и Маминька!

Я от вас ждал письма, но до сих пор не получаю, думаю оттого, что вы не получали моего письма, которое я послал сейчас же по приезде в Петербург и приложил при нем адрес своей квартиры. Но вы его, верно, не получили, потому я его еще повторяю.

В Академию я поступил совсем. Профессор, к которому я поступил, принял очень ласково и внимательно, и вообще здесь я нашел большую разницу против Московского училища. В недавнем времени посещала классы Академии Мария Николаевна,[1] осталась очень довольна и чрез несколько времени прислала в Правление Академии письмо, в котором она высказывала благодарность ученикам и преподавателям. Поощряла их и готова всегда быть близкой к нам,— даже своих детей помещает в Академию для занятий, к чему уже и делаются приготовления и улучшения.

До тех пор, как не поступил в Академию, я скучал, Петербург мне не нравился, да и теперь почти тоже. Москва как-то проще и потому лучше ⟨...⟩

5 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 12 марта 1856

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Первое письмо ваше, посланное в Петербург, я получил и весьма ему обрадовался; разумеется, что при получении каждого вашего письма ощущаешь радость. Но это письмо доставило более обыкновенного. Оно мне как бы непосредственно открыло круг знакомый и родной, и я тогда не был один в столь далекой стране, да и в стране такой, где не верят почти никаким чувствам, души здешних обитателей такие же черствые и холодные, как и самый климат.

Холодность климата я испытал на себе, простудил горло до того, что почти два дня едва-едва можно было что-либо глотать, по этому случаю несколько дней и не ходил в Академию и опустил классы, за что на экзамене получил очень плохой нумер за рисунок. Но надеюсь, что, с помощью бога, впредь этого не будет.

Если я и говорю о холодности чувств обитателей Петербурга,[1] то это нисколько не относится или не падает такой приговор на художников; художники же сами такого мнения, как я выше

сказал, несмотря на то, что большая часть из них здешние. Это делает им честь, но все-таки невольно отдаешь преимущество нашему брату заезжему, который родился не на этой почве.

Если рисунок мой не удался, то это оттого, что не успел, пропустивши несколько классов, тогда как там каждый класс на счету, а класс бывает каждый день вечером два часа, следовательно, другие сделали больше и лучше меня, потому они имели больше времени. Другие мои занятия по Академии идут хорошо, не знаю, чем бог пособит вперед. Профессор мой со мной очень хорош, как я уже вам и писал,[2] но он меня теперь все выпытывает и высматривает со всех сторон, узнать обоюдно еще мало времени.

Вы мне, тятинька, предлагаете рекомендательные письма к Слуткину и Латкину,[3] благодарю вас, оно хорошо, да дело в том, что, познакомившись раз, нужно поддерживать знакомство, ходить нередко, а я за это не ручаюсь за себя и признаюсь, ленив таскаться. Да и к тому же к ним ходить нужно знать время, когда они дома и когда могут принимать, а у нас если время есть, то чисто посвящаешь отдыху. Я виноват много пред Капитоном Ивановичем, я еще недавно разнес письма его, собирался, собирался нести, то некогда, то думаешь, что далеко, и действительно не близко.

Любезные родители, поздравляю вас с наступившим постом. Желаю вам провести его по долгу христианина. Кстати вам сказать, что у нас в Академии в самом здании церковь и мы во время богослужения оставляем занятия, идем в церковь, вечером же после классу ко всенощной, там заутрень не бывает. И с удовольствием вам скажу, что это так приятно, так хорошо, как нельзя лучше, как кто чего делал, все оставляет, идет, приходит же и опять занимается тем же, чем и прежде. Как церковь хороша, так и священнослужители ей вполне отвечают, священник старичок почтенный, добрый, он часто посещает наши классы, говорит, говорит так просто, увлекательно, он мне живо напоминает покойного нашего Федора Фомича.[4] Певчие — свои академические ученики, поют хотя неучено, но хорошо, им некогда изучать нотное. Квартира мне не нравится более потому, что обстановка самая нескромная, но спешить переменить боюсь, кабы еще не напасть хуже, да к тому ж и недешева. Хозяйка такая, что если купишь что-нибудь и дашь ей сварить, то она то и думает, как бы утянуть хоть часть какую-нибудь, а если не так, то все проквасит, так что иногда и довольствуешься коечем. А стол иметь постоянный, т. е. один обед 6 руб[лей] сереб[ром] в месяц. Итак, любезные родители, желаю вам

здоровья и прошу от вас родительского благословения. Остаюсь с истинным почтением и преданностью ваш покорный слуга и сын

Иван Шишкин.

6 В. И. ПЕТРОВ[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 7 апреля 1856

Любезный друг Ваня,

Не думаю, чтобы ты забыл своего сокольницкого товарища[2] и отказался бы пожертвовать несколькими минутами и малыми физическими силами для пользы и спасения его; тебе уж известно, что я не хочу учить, а сам хочу учиться, и теперь попрошу тебя, как товарищ и как ближний по Христу, не откажись, помоги ради бога. Покажи кому нужно рисунки, особенно советуют показать Пименову[3] (потому что я посылаю рисунки с его фигуры), и похлопочи подать прошение и рисунки на первый экзамен после получения их и поскорей выслать мне диплом. Это доставит возможность мне прислать тебе в скором времени мой долг, да и Аполлон Николаевич[4] мне велит написать, и вот я передаю его слова: напишите ему, чтобы он вспомнил нашу хлеб-соль и хоть немного заплатил бы за нее, за что и я ему был бы очень благодарен; и скажите ему, что если нужно будет что-нибудь истратить в конторе, так чтобы истратил, я ему вышлю свои деньги. Так, любезный друг, похлопочи, пожалуйста, а обстоятельства мои теперь весьма препоганые и диплом учителя единственное средство, которое даст возможность продолжать мои занятия и скопить небольшой капиталец и прислать к тебе, дружище, в Петербург. Прощай. Я не люблю говорить пустых и ничего не значащих фраз, а что нужно, то все высказал. Прощай, любезный друг. Желаю от души во всем успеха, что только ты задумал.

Твой друг и товарищ *В. Петров.*

К тебе едет на днях Седов.[5] У нас начали писать программы на выставку *(нрзб)*, вакация у нас с 23 апреля по 1 октября. Зарянко[6] очень внимателен и совершенно с новым взглядом на искусство. Будь здоров и счастлив. Тарабрину[7] поклон.

Твой *Ознобишин.*

Если помнишь некоего пейзажиста Гине,[8] то он тебе кланяется и желает всего лучшего и в особенности успехов.

Ал. Гине.

Кланяюсь.

И. Истомин.[9]

7 К. Н. БОРНИКОВ [1] И Е. А. ОЗНОБИШИН — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 13 апр[еля] 1856

Любезный друг Иван Иванович!

Прежде всего поздравляю тебя с наступающим праздником пасхи и прошу у тебя извинения, что так я к тебе долго не писал — все собирался, сам знаешь — нынче да завтра, а время идет да идет. Ты пишешь, чтобы взяли книги я или Нерадов[ский].[2] Мне их уже давно отдал Крымов.[3] Именно Описание народ[ов], Худ[ожественная] газета, Всемирная панорама, Аманьери и П. и другие.[4] По возможности я тебе их все перешлю, потому что многие хотят ехать в Академию в скором времени. Только одной не отдам — Мертвое озеро,[5] я его хочу переплести, да, впрочем, я и сам скоро надеюсь быть в Академии. Тогда она у нас будет общею. В классе у нас что-то затевают новое, именно программы, про которые ты уже знаешь. Я видел эскизы, которые уже и утвердили, и, как видится, скоро начнут писать. Астрахов будет писать площадь фигур 60,[6] Маковский — Минина в Нижнем Новгороде, когда народ приносит свое имущество.[7] Брызгалов — Дмитрия Донского, когда он молится перед битвою, из 3 фигур,[8] Шокорев [9] тоже хочет писать и другие, а мы с Ознобишиным рисуем программы бойцов, Меркурия и других, а только все мало, ни меня, ни его не переводят,[10] ну да, впрочем, много ждали, а немного можно подождать. У нас теперь новый профес[сор] Зарянко, нынешний день его экзамен.

Кланяйся Тарабрину и всем знакомым, кто только там есть, брат Виктор [11] тебе кла[няется]и все кланяются. Остаюсь любящий тебя друг твой *Константин Борников.*

12 числа был экзамен. Крымов получил 1 № и награду 7 рублей серебром и взят в оригинал, я 2 №, Ознобишин — 6. [12]

Христос воскресе, друг Шишкин!

Желаю тебе всего лучшего и успеха в делах твоих. Письмо получил и отдал брату, Волоскова [13] еще не видел; у нас дела идут скверно — с мая вакация до октября, Зарянко, тонкий человек, все речи говорит и распек учеников на первом разе. Гине пишет у М[окрицкого] и однажды не взял копировать его вещь. А[поллон] Н[иколаевич] сказал: если вам не нравится, так поезжайте к Шишкину — в Петербург. У него там вещи есть лучше... дело обошлось, и Гине копирует отлично.

Седов мне говорил, что на святой непременно едет. Экзамена ждал... Все живы и здоровы.

Ознобишин ⟨...⟩

8 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 8 мая 1856

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Что за причина, что я не получаю так долго от вас письма, я уже послал 2 письма к вам и братцу Дмитрию Ивановичу еще до пасхи и после оной, но ни на одно не получил ответа, неужели мои письма не дошли,— кажется, этому трудно случиться, и прежде таких случаев не бывало. Оттого мне становится скучно и грустно. Это не в Москве, там, бывало, пойдешь на посольское подворье, и уже верно кто-нибудь да есть из наших елабужских, и получишь сведения и об вас; а здесь не то, сюда так редко ездят наши елабужане, и почти не у кого услыхать что-либо родное и близкое сердцу. Как бы то ни было, все-таки пойду на днях на Невский проспект в гостиницу Соколова узнать, нет ли там кого-нибудь против чаяния. Но не думаю.

Теперь позвольте мне сказать о себе и о моих успехах и занятиях в Академии. Сначала, как я вам уж и писал, было не совсем хорошо, даже почти дурно, но теперь дело совсем переменилось; во-первых, номер за классный рисунок дали очень хороший и заставил обратить всех профессоров на себя их внимание, чему причиной мое прилежание и успехи; они хотели меня испытать, каково я рисую с натуры природы, и просили меня рисовать что бы ни было, зная, что при начале еще весны природа еще очень скудна и бедна и тем более затруднит меня, но я эти трудности превозмог и представил им рисунки такие, что они удивились и почти единогласно воскрикнули: молодец москвич — и тут же показали ученикам, моим сверстникам, рисунки и сказали, что вот нужно как рисовать и так правильно вести систему учения, вот как г. Шишкин, и вследствие сего от меня взяли слово, чтоб я нынешнее лето непременно получил медаль серебряную первую. Вот, видите ли, с помощию бога, и здесь я нашел людей, которые меня поняли, что мне сначала казалось весьма трудным, даже несмотря на большое число учеников, которые меня хотят знать и видеть, и посему я приобрел здесь почти всеобщее уважение, как было и в Москве. Но там дело другое, там только этим и ограничивалось. Итак, вследствие вышесказанного, профессора Академии назначили мне место, где я должен писать с натуры летом,— это так называемый Лисий Нос, мыс, который ограничивает Финский залив, этот мыс противоположный Кронштадту, там местность великолепная и растительность богатая, там строили и еще строят батареи,[1] т. е. оканчивают начатое. Я там был в воскресенье. Это место отстоит от Петер[бурга] на 25 верст. Потому я квартиру в Петербурге

не буду иметь, а жить буду там, там место совершенно уединенное и тихое, там нас будет человека 4 художника, и время от времени будут приезжать к нам из профессоров для советов и наставлений. Посему письма ваши пишите прямо в Академию художеств, т. е. ученику оной, и только. Там будут знать мое местожительство и станут передавать мне, и я буду изредка бывать в Петербурге.[2] Итак, любезные родители, прощайте, прошу от вас родительского благословения и желаю вам доброго здоровья и благополучия. Остаюсь ваш покорный слуга и сын

Иван Шишкин.

У вас теперь пред окнами вода и весна в полном разгаре, но эта вода каково поступила с мельницей на Тойме, не знаю, дай бог, чтобы сохранил он благопол[учно]. ⟨...⟩

9 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

Лисий Нос. 18 июня 1856

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Пишу вам письмо и вместе с тем смотрю в окно на море, оно так бушует, что боже упаси; дом, в котором мы живем, весь почти трещит от ярости бури; но буря эта уже продолжается целых три дня с одинаковою силою. Шум волн ужасный, брызги от них долетают до наших окон. Какие были суда и лодки на море против наших окон, все повыбросило на берег. По случаю этой бури мы совершенно почти ничем не занимаемся. Море, которое я прежде жаждал посмотреть, даже прискучило, вечная беспредельность, и видишь только свой берег, а другого никак, да иногда в ясную погоду бывает виден Кронштадт, и по временам там бывает страшная пальба, и гром пушек бывает слышен ясно, даже каждый день слышно пушку, которая возвещает громогласно восхождение и захождение солнца. Ежедневно видишь (исключая таких бурь, как сегодня) иностранные корабли и пароходы, которые тянутся большой вереницей в Петербург. Я здесь уже живу целый месяц, время идет незаметно в занятиях, а пищи для занятий бездна. Ждем на днях к себе профессора и к этому готовимся. Где мы живем, совершенно пустое место, только и есть две избы, в которых живут рыбаки, при одной из них есть еще другая, вроде горницы, довольно порядочная, чистенькая и просторная, мы здесь живем 5-ро, да еще будет несколько. Место для [на]с превосходное.

Версты три от нас самый так назыв[аемый] Лисий Нос. Там построены преогромнейшие батареи, траншеи и разные укрепления, народу живет там много, да все почти военные. Но в

последнее время туда прибывает людей и невоенных, народ торговый и промышленный, который уже открыл там разные лавочки. Говорят, тут будет город, и город портовый, тут уж сделана пристань и гавань. Изумляешься искусству инженеров, которые это сделали из болот и неприступных берегов, на этих болотах построены здания, прочищены парки и площади для войска. Даже уже сооружена церковь, хотя деревянная, но прекрасная, прекрасивая. Мы туда ходим ко всенощной и к обедне; служат очень хорошо, священник очень хороший, мы с ним познакомились и ходим к нему, и он к нам частенько приезжает, и мы с ним беседуем почти по целым ночам, ночи же здесь как день, читать без затруднения можно, ибо днем мы бываем заняты. Здесь всем хорошо, только несносные комары не дают покоя, мы себе на лица наделали сетки, пропитанные смолою, а на руки перчатки. Так только и можно работать. Письмо я ваше получил от 22 мая, благодарю бога, что вы здоровы. Вода на Каме велика очень, как вы пишете, и что она много причинила бед. Не знаю, как мельницы, в особенности Татаевская, в каком состоянии. Прощайте, желаю вам здоровья и прошу от вас родительского благословения. Я вам об житье-бытье нашем буду писать впредь еще. Засим остаюсь ваш покорный слуга и сын *Иван Шишкин.*

10 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

Лисий Нос. 25 июля 1856 [1]

Любезнейшие Родители Тятинька и Маминька,

Простите мне, что я так вам долго не писал. Редкое сообщение с городом тому причиной, иногда письмо напишешь, да послать не с кем, или случай есть услать, но нужно писать, надо хотя немного времени — не ждут ⟨...⟩

Скажу вам о себе: в настоящее время я совершенно борюсь с собой, и эта борьба лишает бодрости и силы, вся надежда на бога. Скажу яснее: приближается сентябрь, он решит, каков будет плод моих летних трудов, и, как видится, надежды мало, что август скажет, он еще впереди. Так вот моя борьба. 17 сентября у нас бывает экзамен, где награждают медалями, но у меня еще по сю пору не готово, хотя наш профессор и доволен моими трудами, но все не верится, много очень моих соперников, которых труды я не видал, ибо они живут в другом месте, далеко. Они меня пугают. В сентябре же месяце я должен вам сказать о своей судьбе решительно. Если получу медаль, то... а если нет — сбрасываю с себя оболочку художника, и я тогда в полной вашей воле. Тогда время придет, что я должен же быть по-

лезным родителям. Поймете ли вы или нет — все равно до времени. Я написал много, но сказал мало. Пусть это еще останется до времени мертвыми буквами. 〈...〉

Приятно очень, что Вы, тятинька, приняли живое участие в разысканиях исторических древностей,— это для Капитона Ивановича счастие, и он, я думаю, не знает, как Вам излить свою благодарность.[2]

Родным всем почтение.

11 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 25 сентября 1856[1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька!

Не знаю, как и что вам писать, роковое 17-е число сентября прошло, но я еще не получил никакого результата моих трудов, ибо экзамен отложен до 29 сен[тября] месяца.

Не знаю, что-то будет, но какое-то предчувствие говорит, что не сбудутся мои ожидания,— что делать — как будет угодно богу. В настоящее время ничем еще не занимаюсь, время все проходит в мучительных ожиданиях. Хотя товарищи и даже профессор наш Воробьев и обнадеживает, но [на] это трудно полагаться, на экзамене большинство голосов и различные требования тому причиной.

Не знаю, к кому обратиться — к братцу или к Вам, тятинька, обращаюсь к вам, любезные родители, с просьбой, и вы догадываетесь с какой; краснея, прошу у вас, не откажите в миллионный раз помочь мне, крайняя нужда в средствах к существованию, может быть недолгому, в Петербурге. Живши на Лисьем Носу, истратился и теперь я не имею денег нисколько.

Когда будет этому конец, бог знает. Он и приведет к тому. Не распространяясь в словах, делаю заключение письма. Язык мой просто притупляется. 〈...〉

12 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург, 14 декабря 185[6][1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Письмо от вас и Кап[итона] Яковле[вича][2] получ[чил], весьма вам благодарен и рад за ваше здоровье. Очень приятно, что бог устроил судьбу Аннушки,[3] дай ей бог счастья и вам утешения; человек, которому вверена судьба Аннушки, сколько я знаю, человек хороший, он всегда отличался от юношей Елабуги скромностью и правильным взглядом на жизнь, он, кажется, был чужд понятий тех людей, которые составили себе идею жизни бог знает какую — какую-то фантастическую или роман-

тическую — короче, смешную. Посему можно надеяться, что вы, любезные родители, найдете в нем то, что составляет ваше удовольствие и утешение. Вам, маминька, этого нужно более, Вы более чувствуете потерю покойной сестры нашей Александры Ивановны, и бог даст, что настоящее сколько-нибудь заменит прошедшее.

Брат наш Николай Иванович разыгрывает героя какого-то пошлого романа, романами он пропитан насквозь, убивши на них все время ⟨...⟩

Говоривши о других, коснусь себя. Я тоже, может быть, подвергаюсь осуждению, как и мой брат, потому что я так же увлекся чем-то, но на это беспристрастно могу сказать, что мое увлечение безукоризненное во всех отношениях, оно бы вполне оправдало меня, если бы представляло все выгоды существенности, оно бы тогда не казалось таким странным и бесполезным, и вы бы, любезные родители, не изъявили бы желание, чтоб я отказался от него, такие желания меня сильно расстраивают, и я иногда бываю готов на ваши желания, но мне сейчас же представится избитый путь моей прошлой жизни, что я был на многих уже поприщах и ни на одном из них не основался, и вы желаете, чтоб я и от последнего отказался, более всех мне свойственного. После же этого что я буду за человек, буду как растрепанный человек, который за многим гонялся и ничего не поймал. Пожалейте и меня в таком случае, а я, как любящий и уважающий родителей сын, готов всеми силами вас утешить, и неужели я вас утешу тем, что возвращусь к вам. ⟨...⟩

13 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петер[бург]. 20 марта 1857 [1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

До 19 марта я был полон ожидания,[2] это было время, в которое я должен был много испытать разных ощущений, приятных и неприятных; но, по воле всемогущего бога, день 19 марта доставил мне счастье много и долго ожидаемое, и в пылу радости извещаю вас, любезные родители, что я удостоился первой академической награды, второй серебряной медалью, за картину,[3] написанную прошлое лето еще. Которую я писал прямо на квартире, и она[4] теперь на выставке, которая с этого дня открыта. Вы не старайтесь искать суждения об них в журнальных статьях о выставке. Мои вещи еще так слабы, что не возбудят никаких толков,— это еще первый шаг к чему-то.

Вероятно, вам приятно будет видеть медаль мою, которую я не замедлю вам выслать. ⟨...⟩

14 Е. А. ОЗНОБИШИН — И. И. ШИШКИНУ

[Москва. Март — апрель 1857]

О! Вятский медведь!!!

2 сере[бряная] [1] Ивану Шишкину — какое благодарение богу, что медоточивые уста Аполлона Мотовского [2] не оставили тебя усовершенствоваться у него...

Получил и, слава богу, закабалил душу Искусству — и помни, возврату нет. За рисунок спасибо — дорога черта твоей руки, дорога и память!

Даст бог увидимся, и, наверное, мой добрый Ваня не откажется руководить мною — хотя и бездарным юношей. Саше [3] скажи, что каналья Петров [4] взял его все этюды *(нрзб)*, а живет бог его знает где.

Перов говорит от сердца спасибо. [5]

Петров женился.

Ну, будти здрави, яко крави, и живите в мире дружбе — ибо искусство есть чистый мир и дружба с природой.

Ваш *Ознобишин.*

15 К. Н. БОРНИКОВ И В. Г. ПЕРОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва. Апрель 1857]

Любезнейший друг и товарищ Иван Иванович,

Поздравляю тебя с получением медали и душевно радуюсь твоим успехам, дай бог и впереди всего лучшего. Тысячу раз извиняюсь пред тобой, что ничего тебе не писал, да и признаться, что было писать решительно нечего. Все так же, как и при тебе, жил, как и теперь живу. Извини, брат, что долго тебе не высылал книги, не было случая, а как представился случай, то и послал с Шульцем [1] все, какие у меня были, кроме Мертвого озера и описания Татарских народов, и те, я думаю, скоро привезу их, потому что надеюсь и сам скоро быть в Питере. Прощай, дружище. Желаю тебе встретить праздник здорово и весело. Гине, Шульцу и Тарабрину Моньке пожелай всего лучшего. Благодарю тебя за пейзаж для меня; очень приятно иметь твою работу, да дорого и то, что вспомнил обо мне.

Остаюсь другом и товарищем твоим *Константин Борников.*

От Василия Перова искренняя благодарность за память и этюд, Вами присланный, Иван Иванович, этот подарок так же для меня драгоценен, как воспоминание бесед с Вами; поздравляю Вас с получением 2 медали. Уверен, что в непродолжительном времени к ней поселятся и следующие. Прощай, Иван Иванович. Желаю тебе всего прекрасного, всего, что сам можешь пожелать себе.

Прощай. Твой однокашник. *В. Перов.*

P. S. Еще раз благодарю за память обо мне. 〈...〉

16 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Пет[ербург]. 17 апреля[1] 1857

Христос воскресе, любезные Родители!

〈...〉 мне неизвестно, какое впечатление произвела на вас моя медаль — первая Академическая награда на моем столь трудном поприще.

Хотя это и *(нрзб)* давно, но оно одинаково приятно, и благодаря бога вы все здоровы. Пасху я провел довольно скучно, да к тому же погода была нехорошая и как-то необыкновенно глухая, так что звон колоколов петербургских церквей без того тих и мал, а при такой погоде, кажется, вовсе нет. И как невольно при том случае вспомнишь Москву и все ее праздничное ликование. Отрадно быть в такой праздник если уж не в своей Елабуге, то по крайней мере в Москве, но [не] в Петербурге.

Любезная маминька, я вполне чувствую ваш выговор за мою леность писать письма и вместе с тем понимаю скорбь от этого. И я последнее время стал более исправен и пишу нередко. Хорошо помню выговор ваш, тятинька, и еще теперь сам уверяю вас, что он будет иметь действия. И позвольте же мне, любезная маминька, от души вас поблагодарить за посылку. Как ни далеко расстояние между нами и как ни редко случается оказия, то Вы всегда найдете случай послать что-либо мне. Всей душой Вас благодарю.

〈...〉 Медаль мне еще из конторы не выдали. По-настоящему нужно бы было получить ее на Акте. Там процесс раздачи медалей торжественный, но я там не был, по причине той, что нужно было явиться туда во фраке и в белых перчатках, с шляпой в руках, а я, как вам известно, враг всего этого, то медаль моя и многих других (таких же, которых, к счастью, немало) поступила в контору Академии, в ведомство этих несносных чиновников, которые любят, чтоб их просили и кланялись, и были бы снисходительны еще кое к чему. А я на последнем не поддаюсь, и не прошу, и не кланяюсь; когда я приходил за ней, то все завтра да завтра, так и тянет, и я завтра опять пойду и, быть может, получу, давно уже не был в конторе, и пришлю ее с Иваном Ивановичем.[2]

Сначала медаль меня очень интересовала, а теперь стал очень равнодушен к ней, помыслы имею на другие, более важные. Трудно сделать первый шаг, а там бог милостив 〈...〉

17 И. И. ШИШКИН — Д. И. СТАХЕЕВУ И А. Д. СТАХЕЕВОЙ [1]

С.-Петер[бург]. 22 апреля 1857

Христос воскресе! Любезный братец Дмитрий Иванович, сестрица Александра Дмитриевна,

⟨...⟩ Я от тятиньки получил письмо, из коего вижу, что вы все, слава богу, здоровы. Я им послал медаль, и Вы, братец, вероятно, с участием посмотрите, в ней часть и Ваша, да и большая. Конечно, говоря в строгом смысле, она еще небольшая рекомендация и заслуга!

Но главное, первая награда за труд и успех в труде. Получил я ее за картину, писанную с натуры, вид из окрестностей Петербурга — Полдень теплого дня; в ней нужно было выразить теплоту воздуха и прозрачность его, влияние солнца на предметы, верность, сходство, портретность изображаемой природы и передать жизнь жарко дышащей натуры. [2] Исполнил по мере сил и воле бога недурно, да и молитва маминьки помогла этому, день экзамена был днем ее ангела — славно!!!

Правду сказал один известный мыслитель, что живопись есть немая, но вместе теплая, живая беседа души с природою и богом. Совершенная правда. Сверстников со мной было довольно много, но получили кроме меня еще только двое.[3] Трудно дается эта медаль, на ней много выдерживают, да еще тоже трудно получить первую золотую, т. е. последнюю академическую награду. А там уже художнику, счастливцу, наградой будет служить слава и вполне художественная, а не ученическая деятельность. Награды Академии художеств состоят из 4-х медалей.

Желая вам здоровья и благополучия, остаюсь с истинным почтением и преданностью ваш покорный слуга и брат

Иван Шишкин.

Деток ваших целую и желаю им здоровья.

18 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 22 апреля 1857

Христос воскресе!

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Иду в гостиницу к Ивану Ивановичу и не знаю, застану ли его,— время все длилось попусту. Я наконец нашел средство взять медаль из рук чиновников, я об этом сказал своему профессору Воробьеву, и он сделал это скоро, так бы давно надо, и вот она в руках ваших. Кажется, особенного ничего нет, металл и только, а как она важна для нас художников, как ободряет, укрепляет и дает новые силы, да что говорить, вы, я

думаю, поймете это. Получена она за картину с натуры, вид из окрестностей Петербурга, Полдень теплого дня. Таких медалей, т. е. второй сереб[ряной], получили нас трое, а писало на получение ее 9 человек, те остались с носом. Потом первую сер[ебряную] м[едаль] получили 2-е из 6, а потом 2-ю золотую получили 3-е, их 3-е и было, и один получил 1-ю золотую, фамилия его Богомолов.[1] Он писал на Валааме, на Ладожском озере. Это только ученики по классу живописи пейзажной, или ландшафтной (старое слово). Потом по классу живо[писи] исторической получили очень много, по классу батальной, народных сцен, скульптурной и по классу архитектуры. В разряде каждого класса степень медалей одна и та же; отчет Академии худож[еств] будет, я думаю, в Москов[ских] ведо[мостях] напечатан, если не сокращенный, то там будет видно подробно.

Разумеется, моя медаль ничтожна в сравнении с первой золотой, но без нее нельзя получить и золотую первую. Двойное удовольствие получить медаль и еще в день ангела любезной Маминьки; вы, верно, просили о сем бога, и он услышал молитву вашу.

Медаль же вы можете оставить у себя совсем, мне она не нужна здесь, бог поможет, то еще получим поважнее этой.

Задачу на следующий конкурс еще не задавали и не знаем, скоро ли, а ждем.

Любезный тятинька, я хочу Вас просить, да, кажется, Вы и обещали мне, часы карманные, и, верно, не откажете.

Однако такое требование может навести Вас на мысль, что вот-де, получил медаль, то и часы захотел носить,— совсем нет, это бы было слишком ребячески. А я в них буду иметь надобность, в особенности летом, занятия наши распределены на разные часы дня, и нужно работать в одни и те же часы, при солнечном свете, а то придешь на место, где пишешь, или поздно, солнце ушло, или рано — не угадаешь. Более или менее разъяснил причину просьбы.

В том письме вы говорили прочитать в Москов[ских] вед[омостях] неко[торые] №№ о Елабуге, но здесь трудно найти *(нрзб)*, а мне из Москвы пришлют.

Письменного свидетельства на получение медали Академия своим ученикам не дает, а только числится по спискам и журналам.

Желаю быть здоровым, прошу от вас родительского благословения. Остаюсь ваш покорный слуга и сын

Иван Шишкин.

19 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

Дубки. 2 сентября 1857 [1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Извините и простите обыкновенное начало моего письма, да иначе и нельзя, как же не писать столько времени, на что это похоже — я жестоко браню себя, браните и вы меня за такие поступки, но делать нечего, не воротишь того времени. Благодарю бога, я, слава богу, был здоров, занимался все лето, что называется, с ожесточением, и вот уже конец лета сильно дал почувствовать, что делал страшную глупость не писать так долго.

Надо скоро уже перебираться в город, пора, холода уже здесь стоят порядочные, и из моих товарищей уже трое уехало, и со мной остались так называемые мои ученики, которые под руководством занимались.[2] А все-таки и сам учитель и ученики его должны предстать на суд старших, и там уже будет результат их занятий.

Я ныне, по-видимому, занимался успешно, и есть со стороны одобрения; не знаю, что-то будет в марте.

Часы и медаль я получил давно от Воробьева, который сам мне привез в Сестрорецк. Благодарю Вас, любезный тятинька, за них, понемногу к ним привыкаю и не забываю заводить, на днях хочу идти в город нанять квартиру на зиму. 30 верст пешком нам ничего не значит, мы ходим в один день туда и обратно, но при всем том я только раз был в городе во все лето — не хочется оторваться от дела, погода же стояла все лето прекрасная, и Петербург такой скучный, в один день надоест, и не знаешь, как бы поскорее домой, да и незачем ходить, профессор посещает нас нередко.

Мы живем ведь не в самом Сестрорецке, а близ его в верстах в 4, в деревушке Дубках; место чудное, лес из дубов, саженный П[етром] Великим на берегу моря, и есть особенно отмеченные, которые им собственно посажены,— колоссальные дубы.

А Сестрорецк самый не что иное, как большое село, с примесью уездного городка, но только не нашей Елабуги; в нем две церкви, одна православная наша, другая чухонская лютеранская, в нем же помещается огромный оружейный завод, мы несколько раз были в нем, удивлялись его разным машинам и прочим снарядам, и также немало терпели наши уши от треску, свисту, визгу и т. п. неприятных для слуха звуков. Познакомились там с офицерами, народ скучный и праздный; заводу начало положено П[етром] Вели[ким].

Я взял на ваше имя журнал Сын отечества, теперь давно уже вы его читаете; не правда ли, что хорошенький журнал, статей очень много интересных, а более всех отличается Брамбеус.[3] Журнал этот в сильном ходу, он имеет до 10 тысяч подписчиков, также и приложения недурны. Только рисунки к запискам Щедрина дрянь.[4] Каков г. Салтыков. Дал знать Крутогорску, маломальски нам близкому.[5] Молодец. ⟨...⟩

20 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 19 октября 1857

Любезнейшие Родители Тятинька и Маминька,

Два письма я от вас получил и прочитал справедливые упреки за мою неаккуратность, благодарю вас за то, что они очень снисходительны. Я ждал более.

Я давно уже как приехал в Петербург, и начались обычные наши зимние занятия. Результат же мой летний порядочный очень, обещает и на нонешний экзамен успех, но что бог даст, он один только знает, да еще наши профессора, которые до времени молчат, так они тверды. Но все-таки обещания лестные с языка иногда срываются. На квартире живу той же, на которой и жил прошлую зиму, так случилось, комната стояла пустая, и я, не стараясь искать квартиру новую и незнакомую, решился нанять старую, несмотря на некоторые неудобства, а в последнее время цены на квартиры страшно возвысились, да и на все страшная дороговизна — ропот порядочный хозяек и хозяев. Вам, я думаю, Брамбеус пересказывает все в своем листке Сына отечества. Знакомство ваше с Салтыковым[2] очень приятно и интересно, желательно бы знать, в какой силе было оно и долго ли. А Салтыков личность знаменитая, а главное, он сразу встал наряду главных писателей. Не знаю, как вы, а я бы без смеха не мог смотреть на исправника и лекаря,[3] и признаюсь, не без удовольствия бы на них посмотрел, таких оригинальных мошенников.

От братца я получил письмо и финансы, спасибо ему. Он удивительно добр. Мне хочется с ним увидеться в Москве, я постараюсь там быть, он будет там в ноябре. Новость приятную вы мне сообщили о закладке монастыря — большие суммы пожертвованы, а жаль, можно бы что-нибудь придумать полезнее. ⟨...⟩

21 П. А. КРЫМОВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 23 декабря [1857]

Здравствуй, любезный друг Иван Иванович,

Поздравляю тебя с праздником и с наступающим Новым годом. От души желаю тебе доброго здоровья, успехов в живописи и всякого благополучия.

Не знаю, получил ли мое письмо, посланное в Академию, в котором я просил о картине, и прошу тебя, Иван Иванович, сделай милость, похлопочи, о чем я тебя и лично просил, переслать картину в Москву. Ты мне обещался, за что очень благодарен и никогда не забуду твоего благодеяния. Не знаю, Иван Иванович, может быть, можно вместе с картинами наших учеников. Не знаю, попала ли она в Совет и наградили ли меня за нее? [1]

Еще уведомляю тебя, Иван Иванович, что Сергей Константинович[2] рекомендовал меня писать портрет за 200 руб[лей] сер[ебром] под его ведением с профессора университета, величина портрета 2 арш[ина] $^{1}/_{4}$. Я уже его начал, месяца через два просят написать. По окончании я надеюсь приехать в Петербург, и затем до свиданья, Иван Иванович, береги свое здоровье, остаюсь известный тебе *Петр Алексеев Крымов.*

Извини меня, Иван Иванович, что я по привычке объясняюсь с тобой не на вы, конечно, со старшим товарищем так не должно. Я принимался, но для меня это как-то дико, и позволь тебе писать как брату. Засвидетельствуй от меня, Иван Иванович, почтение вместе учившимся: Нерадовскому Ивану Диомидовичу, Клеентову,[3] Шульцу, Драбову[4] и Ознобишину.

В классе у нас был совет, чтобы в неделю два раза публика ходила по билетам на выставку. Цена билета 25 к[опеек] сер[ебром]. Эта сумма полагается для бедных учеников. Выставка будет с 7 января, на праздники постараюсь увидать Мелешева,[5] я слышал, он пишет с жены какую-то большую картину. Из наших учеников посланы в Академию Рындин,[6] Перов,[7] брат инспектора,[8] и Истомин.

22 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 27 декабря 1857[1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Поздравляю вас с наступающим Новым годом, желаю вам и нового счастья. Для меня проходящий 57 год был счастлив. Дай бог, чтобы следующий был одинаково хорош. Приятно и весело мне поделиться с вами в настоящее время радостью, радостью, которую мне бог послал на экзамене, бывшем 23; для

этого экзамена я начал готовить вещи с начала декабря и потом должен был оставить по случаю поездки в Москву, к братцу Дмитрию Ивановичу; до того времени я занимался плохо и как-то неохотно, все что-то беспокоило, как и всегда, но тогда в особенности все эти мышления разного рода скопились. Но как повидался с братцем, поговорили и побеседовали обо всем, беседа его имеет всегда рано или поздно благодетельное влияние. Он как бы дал мне толчок; возвратившись обратно, я почувствовал и силу, и любовь к искусству и принялся с жаром и усердием. И вот в короткое время сделал настолько, что удостоился от Академии серебр[яной] медали, так, как и прежде, но первую получил я за живопись (за краски), а ныпче за рисунки карандашом, простым черным карандашом, довольно большого размера, 4 рисунка,[2] до сих пор еще никто не рисовал в Академии и никто не представлял на экзамен подобного рода рисунков. Эти рисунки так сделаны, что профессора удивились, пришли в восторг от них и назначили медаль, и чтобы выставить на выставку, которая будет в марте,— отлично! Своих собратий озадачил, да главное, с этого времени Советом положили и обязали всех учеников-пейзажистов, чтобы каждый представлял на экзамен в каждую треть года рисунки подобного рода,— вот это-то всем не по шерсти, а мне, чтоб не казаться выскочкой одному, я просил принять участие еще двоих, именно тех, которые со мной жили летом в Дубках (около Сестрорецка).[3] Я им обоим немного поправил, и дело выиграно, они получили похвалу и благодарность. Один из этих и теперь со мной живет на квартире, мой прежний товарищ по гимназии, тоже не окончил курса, посту[пил] в Академию, человек с талантом, и он пойдет вперед, фами[лия] его Гине, фами[лия] немецкая, но он чисто русский и славный человек. Теперь опять начинаем приготовляться к марту, уже красками, картину, и также и рисунки будем готовить. Я еще хочу попробовать гравировать на меди. На сих днях буду хлопотать об этом. Это тоже новое, не знаю, что будет, а попробую. А у нас в Академии в этом большой недостаток. ⟨...⟩

23 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 29 января 1858[1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Письму я вашему очень рад, потому более уже месяца не получал, я думаю, что и вы рады моему письму, когда не получаете месяц, два и даже более от меня.

Поздравляю вас с наступающим постом, а теперь тянется эта дурацкая масленица, которую я страшно не люблю.

Праздника, по-видимому, никакого нет, а физиономии людей по большей части праздничные, да и самый город что[-то] носит на себе не праздничное, а разгульное. Но я рад тому, что в этом празднике можно не принимать никакого участия,— это будет непродолжительно. Разве удастся как-нибудь поесть этих знаменателей праздника — блинов. Были мы сегодня и на Адмиралтейской площади, где, как вы знаете, цвет петербургской масленицы. Такая все дрянь, чушь, пошлость, и на эту-то пошлую катавасию стекается пешком и в экипажах почтеннейшая публика, так назы[ваемая] высшая, чтоб убить часть своего скучного и праздного времени и тут же поглазеть, как веселится публика низшая. А нам, людям, составляющим публику среднюю, право, не хочется и смотреть.

А сколько, я думаю, у нас в укромном уголке Елабуге найдется людей, которые воображают и бог знает что и готовы пожертвовать многим, чтобы быть хотя непосредственным участником такого великолепного праздника масленицы, да еще петербургской. Жалкие желания.

До экзамена годового осталось не более месяца, потому мы теперь заняты, бог знает чем он ознаменуется.

27 я был именинник; обыкновенно именинами считают года, вообразите, я себе забыл, сколько мне, знаю, что уже очень много, но определенно забыл. Прошу вас, напомните мне. А страшат меня сильно проходящие годы, тем более что Академия дает последнюю, т. е. высшую награду ученику, который бы имел не более 30 лет, а до нее еще на короткий срок 2 года. Это меня пугает страшно, я даже боюсь думать об этом, вследствие чего и не считаю года. Коли на этом экзамене получу медаль, то на тот спросят уже метрическое свидетельство, сколько мне лет. А у меня, кажется, его совсем нет. Как же в этом случае быть? Любезный тятинька, скажите, как же я теперь числюсь, мне ведь увольнительное свидетельство дано до ревизии, а теперь уже ревизия идет. Можно ли будет возобновить, об этом, пожалуйста, уведомите. ⟨...⟩

24 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

[Петербург. 26 марта 1858]

Христос воскресе! Любезные Родители,

До самого дня праздника я был постоянно занят приготовлением вещи к выставке и к экзамену, который, думали, будет на святой, но он не состоялся, кажется отложили до фоминой.

И все это время мы будем в самом тревожном состоянии, особенно я. Я нынешний экзамен, по-видимому, буду в проигрыше, что очень, очень неприятно. Вещь моя[1] неудовлетворительна, не задалась, поправить дело нет возможности. Странное дело, сначала все шло хорошо и была надежда получить большую серебряную медаль, но под конец вышло другое, как ни старался, как ни бился, а картина вышла плохая; и почти наверное можно сказать, что не получу. Это меня сильно срежет.

Я теперь как угорелый, писал ее два месяца изо дня в день, на страстной выставил на экзамен, по его отложили, я ее опять взял и пишу теперь опять, несмотря на праздник ⟨...⟩

Благодарю Вас, тятинька, за присланные Вами деньги и также за извещение моих годов, а я считал себе больше.

25 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

[Петербург. Май 1858][1]

Любезнейшие Родители Тятинька и Маминька,

Опасения мои были справедливы, опасения, которые я вам высказывал в предыдущем письме, касательно моего успеха.

Я не получил медали; горько, да делать нечего, это дает мне еще сильнее толчок к прилежанию на нынешнее лето.

Профессора говорят, что если мне не дали нынешний раз медали, так это потому, что от меня хотели лучше; хотя моя картина и ничуть не хуже моих конкурентов, им дали.[2] Они, говорят, нуждаются в поддержке, иначе они потеряют энергию к занятиям и труду. А у вас, говорят мне, запас большой, и вас это не ослабит, и вы не падете духом, а напишете нынешнее лето такую вещь, чтобы была достойна золотой медали, мы вам и дадим помимо серебряной большой (которую нужно было получить нынче) золотую, следовательно, вы и нагоните своих товарищей, даже и обгоните. Мы знаем, говорят они, что эта неудача на вас подействует благодетельно, вы еще с большим рвением будете заниматься. Спасибо им хоть за это. Добрый народ!! Нам, двоим товарищам,[3] предложили на Совете ехать нынешнее лето на Валаам на Ладожском озере, там монастырь, местность великолепная, туда часто посылают наших учеников, и редкий год не бывает кого-нибудь из наших. Туда часто посылают на выдержку, потому там природа такая разнообразная, дикая и, следственно, трудная. ⟨...⟩

26 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 26 октября 1858 [1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Письмо я ваше получил, которое доставило мне отрадное впечатление, как обыкновенно всякое ваше письмо. Сегодня день ангела б[ратца] Дмитрия Ивановича, поздравляю вас с именинником.

К Петербургу после Валаама я понемногу привыкаю, а то сначала на все смотрел глазами чудака, до того я свыкся с тишиной монастырской жизни и Валаамом вообще, что трудно отвыкнуть. Бог даст на следующее лето туда опять. Монахи будут очень рады, они нас полюбили. На днях у меня был казначей валаамский и от лица игумена звал нас на следующее лето. Игумен прислал нам по просфоре и благословил по долгу и назначению. Уезжая оттуда, он нам тоже сделал подарки — книгу описания монастыря, плодов своего сада — яблоки даже и теперь ведутся у нас. Все это приятно, но главное, сам Валаам живописен в высшей степени. Занятия наши на нем принесли нам пользу и успех. Я свои вещи носил к профессору, который остался весьма доволен и обещает, что Совет Академии наградит достойным образом. Будем ждать декабря и потом окончательного результата в марте. Картину буду готовить к марту на выставку. Картина будет подобного рода — одно из ущелий Валаама, состоящее из гранитных скал. Величиной карт[ина] будет более 2 аршин. [2]

Некоторые рисунки и картины, писанные с натуры, профессор наш советует издать, т. е. нарисовать на камне самим же, и издать альбом, который будет иметь значительный успех, потому более, что таких изданий у нас еще нет, а пользуются заграничными. Но в этом мы чувствуем уже силу, что можем сравняться. Но главное то, [что] подобного рода предприятия сопряжены с некоторыми трудностями по части материальной, на участие Академии нашей надеяться трудно до тех пор, пока сколько-нибудь успеем в этом предприятии, и если будет что-либо дельное, то тогда и она поможет. Этот альбом будет служить отчетом летних занятий наших, так что каждый ученик обязан будет представить в этом альбоме все то, что делал и где был, в какой местности. Сначала мы попробуем только трое — я, Гине и Джогин, [3] мои товарищи и друзья, дай бог, чтоб это как-нибудь состоялось. Давно вам не говорил о квартире моей, а на этот раз сообщу вам кое-что. Живем мы двое — с тем же самым, с кем и прежде — с Гине. Он старый товарищ по гимназии, фамилия хоть немецкая, но он чисто русский, славный малый. Прежде мы жили с ним почти всё на одной квартире, слав-

ная была квартира и недорогая, но ныне летом, когда мы уезжаем, она передана другим и мы принуждены были искать другую, нашли довольно удобную, но только не совсем дешевую — 10 рублей с[еребром] в месяц. Последнее время цены на квартиры в Петербурге ужасно возвысились, несмотря на то, что домов пропасть строят огромных каждое лето. Комната наша не дурна, но скудна очень мебелью, и мы должны кое-что необходимое купить; кажется, тепла и суха. Хозяева наши из сословия артельщиков, по-видимому люди хорошие. Вот вам план ее со всеми принадлежностями.[4] Стены наши почти сплошь увешаны картинами и рисунками. Когда-нибудь я вам нарисую и внутренность. Кстати, уже и напишу при сем и адрес. На Васильевс[ком] ост[рове], на Малом проспекте, между 5-й и 6-й линиями. Дом Бернардаки под № 15. Квартира наша № 69, вверху, в 4-м этаже. Не думайте, что это последний этаж, нет, выше нас еще этаж. Обедаем мы у кухмистера и по-петербургски — без ужина, за обед 25 копеек, состоящий из трех блюд, каждый день различных. Товарищей к нам ходят много по вечерам, и есть знакомые и нетоварищи. ⟨...⟩

Собор Исаакиевский[5] мне не нравится, страшно пестрый, и тяжелый, и безвкусный, наружность гораздо великолепнее — а богатство страшное. Картина Иванова верх совершенства. Скоро появится в печати статья о ней, где ее окончательно ставят первой в мире искусства.[6]

Как-то на днях в Петербурге был пожар за Летним садом, горели барки с сеном числом около 50. Зрелище удивительное; горящие барки плыли по Неве по разным направлениям, и их растаскивали железом маленькие пароходы. Прощайте. Прошу от вас, любезных тятиньки и маминьки, родител[ьского] благословения, остаюсь с истинным почтением и преданностью ваш покорный слуга и сын

Иван Шишкин.

Любезная Маминька! Ваша родительская любовь и нежность все же побуждает меня изъявить еще, еще и еще сто раз вам свою благодарность, но, к несчастью, силы мои так слабы, они не что иное, как слабая часть в сравнении со всем тем, что я вам обязан. Письмо ваше проникнуто таким материнским чувством и привязанностью к сыну, что невольно делается и радостно и грустно и бог знает что, сердце сжимается, куда-то просится, рвется,— благодарю вас за такое письмо. Оно мне доставило много, много и много утешения. За все присланное вами благодарен, кошелек вашей работы уже пущен в дело, только

вместо колечка бисерного я приделал резиновый,— а бисерный все-таки остался — как украшение. Миленькую Катеньку тоже благодарю за кисет, в знак уважения и признательности я бросил курить папиросы и начал курить трубку. Товарищи кисету моему завидуют — очень хорош — прост, изящен и со вкусом. Благодарю тебя, Катенька. Любезная Оленька, твоих знаменательных трудов хотя и нет, но я знаю, что через твои руки прошло много из вещей, присланных мне. Я это понимаю и вполне тебе благодарен. Добрая Оленька, как-то вы теперь поживаете без Аннушки, ведь вот я ничего не знаю. Добрая Олечка, напиши мне все по возможности подробнее, как вы, как Аннушка, как все. Авось придет охота и желание, напиши, пожалуйста, от себя письмо. Ты давно уже не писала. Маминька мне сообщила о смерти бабушки Васильевны. Жаль ее, дай ей бог царства небесного,— добра очень была старушка. Ах, Васильевна, Васильевна, ее уже нет на свете. Жаль!

Любезный братец Николай Иванович, как ты поживаешь? Ужели все по-прежнему? Это странно и непонятно, пора, наконец, дать работу мысли и уму. Прощайте, все мои родные и близкие сердцу, прощайте, любезные родители. Остаюсь с истинным почтением и предан[ностью] ваш покорный сын и слуга

Иван Шишкин.

27 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 16 декабря 10 часов вечера 1858 [1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Письмо это, кажется, придет к тому времени, когда вы в радости будете встречать праздник рождества; с чем вас от души поздравляю и желаю провести его как нельзя лучше.

А для меня праздники почти несносны, к тому же теперь у нас занятия заканчиваются к празднику экзаменом, который будет во вторник 23. Не знаю, чем-то он кончится,— время уже немного, а дела очень много, и потому мы страшно занимаемся, я приготовил рисунки, 5 штук, и еще нужно 1. На это занятие мы сами вызвались еще прошлого года, то нужно и теперь поддержать. Прошлого года нам дали по медали за них второго достоинства, а теперь хочется и первого. Надежда есть. Но в осуществлении ее бог!

А там после экзамена исподволь опять к новому труду, более серьезному, к выставке. Эскизец, приложенный к письму, Вам, тятинька, не нравится? Тут ничего нельзя видеть, тут только одни внешние линии. А дело состоит в выполнении всех частей,

одним словом, чтобы было как натура, об этом я еще с Вами поговорю тогда, когда начну ее писать.

За сочувствие Ваше, тятинька, к нашему предприятию касательно издания альбома, то я и товарищи мои приносят глубочайшую благодарность, и мы всеми силами будем стараться исполнить его как можно лучше. Касательно литографов и ценности всего мы еще положительного ничего не знаем, а справляться и хлопотать теперь совершенно некогда. Вот уже после экзамена, и тогда мы Вас познакомим покороче с целью и назначением нашего альбома.

Капитона Яковлевича я видел, к сожалению, один раз, более никак не мог. Не знаю, видел ли он карт[ину] Иванова, он хотел прислать за мной тогда, когда вздумает, но не прислал, должно быть раздумал!

На праздник для разнообразия в занятиях я буду ходить в Эрмитаж — там хотя скопирую что-нибудь и пришлю вам или Д[митрию] И[вановичу], а то, право, совестно, до сих пор ничего нет. Погодите, придет время,— это теперь совершенно некогда этим заниматься — наука!

Я хотел что-нибудь прислать вам в подарок, маминька и сестрицы, но что? Совершенно не знаю, напиши, Олечка, по возможности со всей готовностью. Ради бога.

На днях мне сообщил эконом валаамский приятную новость. Вот какую: картину, которую я писал для подарка в монастырь, бывши там, они поднесли в подарок государыне, которой Валаам очень понравился, и изъявила как-то желание, и желание ее предупредили.

Две вещи подарили, одна моя, а другая художника, который уже теперь за границей [2] и тоже там был и оставил в подарок. Но при всем том монахи неохотно расстались с ними, но надеются, что еще напишем им.

28 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петер[бург]. 24 декабря 1858 [1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька!

Спешу поделиться с вами радостью: результат экзамена вышел сверх чаяния хорош, я получил все то, чего желал, т. е. медаль серебряную первого достоинства. Кроме того, славу. Хотя эта слава ограничивается всей Академией только. Но сначала она необходима, а потом...

Я выставил 8 вещей красками, так называемые этюды, писанные с натуры на Валааме, [2] и три рисунка пером, и эти-то

рисунки произвели страшный фурор, некоторые приняли их за превосходную гравюру. Они довольно большие, около 1 аршина каждый. Совет Академии торжественно объявил, что таких рисунков Академия еще не видела, и хотели за них дать золотую медаль, но отложили до марта. Всех своих сверстников зашиб совершенно. Впрочем, из нас трех друзей только Гине остался ни при чем, а Джогин получил тоже медаль серебряную 1.[3] А всего выставляло человек 15, и все не получили ничего, кроме благодарности за занятия, несмотря на то, что у некоторых сильные, и очень сильные, протекции, но, увы! Не помогли. Истина и прямота действий всегда восторжествует, у меня решительно никакой протекции, да я и враг всего подобного, но дело берет свое, и все мои вещи назначены уже на выставку. Извините, пишу скверно, мешают — у нас теперь в комнате народу тьма, и это каждый день, со дня экзамена, с утра до вечера, это все с поздравлениями и приветствиями и даже со знакомствами новыми.

Говор, шум и дым от курения невыносим, и мне дали несколько времени, чтобы послать письмо.

Прощайте, любезные родители. Завтра праздник, с чем вас от души поздравляю. Для меня дни праздника будут теперь приятными, но я все-таки на второй день отправляюсь в Эрмитаж копировать Моление о чаше с Бруни[4] и пришлю вам. ⟨...⟩

29 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

[Петербург]. 22 января 1859[1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька!

Давно жданное письмо ваше наконец получил. И я все день ото дня откладывал свое, все думал — вот сегодня получу, вот получу, но все нет.

С письмом вашим много я удовольствия различного получил, и вы все здоровы, и мои письма, и извещения, и рассказы Терентьева,[2] и, наконец, сватовство любезной сестрицы[3] Оленьки, и много другого.

Измаил Федорович Терентьев, я думаю, на меня сетует, быть может, хотя и скрывает, за что, это я знаю. Последнее время обещался быть, но не был. Наобещал ему кое-чего. Он человек хороший, только немножко барин. Ну да этот порок у всех господ. Похвально в нем то, что он стремится быть человеком современным. Не знаю, будет брать взятки — я думаю.

Я теперь работаю картину на выставку; работы пропасть, а время немного. Да еще тут же нужно будет хлопотать, чтобы меня назначили конкурентом на золотую медаль; дело, кажется,

прямое, Академия назначила, да тут формальности различные, это уже буду дело иметь с чиновничьим людом, с конторою Академии, а там чиновники, как и везде чиновники!!!!! И кажется, нужно будет мне иметь метрическое свидетельство и еще что-то — я вам напишу все, когда узнаю подробно, и нужно бы скорее, да лень проклятая, да и к тому же не хочется оторваться от дела, а там с этими дрязгунами отлетит всякое желание и охота к занятиям, но как ни вертись, а все-таки нужно. Прошение какое нужно, шут их знает!!

Рисунки мои, которые были на прошлом экзамене и за которые дали медаль большую сереб[ряную], теперь на выставке в Москве. Профессор[4] сюда приезжал и узнал об них, захотел, чтобы они были в Москве, как бывшего ученика. Я, конечно, согласился, и опять они будут и на здешней выставке.

Об альбоме, тятинька, пока мы ничего не знаем, да и, кажется, отложим до времени — некогда, а литографы с радостью на каких угодно условиях согласны принять. 〈...〉

30 А. Н. МОКРИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва. Февраль 1859]

Любезнейший Иван Иванович,

Посылаю Вам Ваши рисунки, один без стекла — пришло оно и из Питера разбитое, а при перевозке да пересылке с места на место дало еще трещину, так что сегодня получил я этот рисунок чрезвычайно в опасном виде: кусок стекла завалился за другой и, конечно, мог бы прорвать рисунок при неосторожном с ним обращении в дороге, а потому я рассудил послать его без стекла. Надо Вам сказать, что доставка рисунков обратно в Питер затруднила меня более, нежели продажа их! Г-н, купивший их, неохотно отпускал рисунки из своих рук, нужно было постороннее ходатайство. Наконец согласился он, но с тем, чтобы я лично принял их от него под расписку. Живет же он в Петровском парке,— дорога у нас в настоящее время ужасная, я же простужен, с кашлем и насморком; нечего было делать, потащился я к нему рано поутру, чтобы застать дома, да послал натурщика вперед принять и нести их бережно, потому что везти по такой дороге значит разбить их вдребезги; ставьте же их на выставку —пусть полюбуются ими добрые и худые люди, да по окончании и шлите их обратно, а то заест меня владелец.

В ящик уложена картинка Карташева,[1] снарядите ее планочками и украсьте приложенными багетками, даже не худо бы вымыть ее и покрыть лаком — все это нужно сделать немедленно и доставить к Всеславину,[2] которому я в пятницу посылаю

письмо с бумагой в Академию о звании художника Карташеву.

Надеюсь, что Вы исполните мою просьбу без промедления, чтобы нам не утерять экзамена.

Вы пишете, любезнейший Иван Иванович, о какой-то вещи, изготовляемой Вами на выставку,— я понял, что это должна быть картина масляными красками; Вы боитесь за нее? А я не боюсь,— кто так понимает рисунок и владеет им, тому стыдно бояться за краски, если же Вы в самом деле трусите, то при свидании в Москве я постараюсь придать Вам куражу, что, надеюсь, пригодится Вам в предстоящей практике с натуры нынешним летом, а до того обнимаю вас, достойнейший Иван Иванович, и остаюсь преданный Вам *Аполлон Мокрицкий.*

31 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 12 марта 1859 [1]

Любезнейшие Родители Тятинька и Маминька,

⟨...⟩ Вещи наши теперь все в Академии в залах, и завтра будут ходить все профессора, где и мы все будем, впрочем только те, которые пишут на золотые, до сего времени я не имел права присутствовать, где мы слышим изустно их замечания. Это бывает только раз в год, и пропустить это — значит пожертвовать многим. Касательно результата экзамена сказать что-либо теперь трудно, но, судя по отзывам, надежда есть грабастать золотую, дай бы бог. И вот опять беда: сейчас пришел один товарищ и сказал, что экзамен едва ли не отложат, но это все невероятно, а лучше бы скорее. У меня нынче на выставке будет много вещей — 4 рисунка и, может быть, 2 картины, вторую еще пишу, не знаю, кончу ли, а 1-я уже унесена. [2] Бедовое время у нас теперь, душа в пятки уходит. Касательно метрического свидетельства: оно нужно и не нужно, все эти свидетельства и просьба заключаются в моих произведениях, и если они будут достойны, то ни на что не посмотрят, а все-таки, тятинька, Вы постарайтесь мне его прислать. Оно все-таки будет нужно и после.

Статьи в Моск[овских] ведо[мостях] мы читали, славные статьи, молодец фон Крузе. [3] Человек известный.

Я не знал, что вам писал письмо Егор Анд[реевич] Ознобишин, ваше так я ему отдал, за что он вас благодарит. Я его не так часто вижу. Он давно *(нрзб)* идет туго! Нынче выставляет на медаль серебр[яную]. Не знаю, дадут ли только,— вещичка слабенькая. [4] Он еще ни одной не имеет. Вообще, дело его не совсем-то хорошо, да к тому же средства у него ужасно плохи, это его больше и срезывает, а славный малый. ⟨...⟩

32 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ [1]

С. Петер[бург]. 9 апреля. Великий четверг 1859

Христос воскресе, любезные Родители!

⟨...⟩ Вы, вероятно, от меня ждали письма раньше, но у нас была переборка, которая только что вчера кончилась. Экзамен отложили до среды на пасхе, и в четверг мы узнаем, какова каждого, ждущего экзамена, участь. Судя по всем отзывам, мне нужно получить золотую медаль, а впрочем, воля божия.

От вас я долго не получал письма, все его поджидал, поэтому и не писал вам.

Покончивши работу, как-то стало скучно — так привык к делу. Да еще и праздник, да и ожидание экзамена. Все это ужасно скучно, а тем более в Петербурге пасха для меня особенно скучна. Хорошо еще, что Нева прошла, погода стоит прекрасная, словом, весна в полном разгаре, скоро и лето, скоро и мы уедем опять на занятия, вероятно опять на Валаам.

Надоел нам Петербург. Явился этот неумолкаемый гром экипажей по булыжной мостовой, зимой хоть это не беспокоит. Вот настанет первый день праздника, явится бесчисленное множество на улицах всего Петербурга, треуголки, каски, кокарды и тому подобная дрянь, делать визиты.

Странное дело, в Петербурге, если вы прошли в обыкновенное время, не в праздник, в какое хотите время дня, вы ежеминутно встречаете или пузатого генерала, или жердину офицера, или крючком согнутого чиновника — эти личности просто бесчисленны, можно подумать, что весь Петерб[ург] полон только ими, этими животными *(нрзб)*. Недавно был случай, довольно смешной. Вы, может быть, знаете, что в Петерб[урге] есть новый зверинец Крейцберга, он слывет укротителем зверей. И вот один раз один молодой человек, рассматривающий зверей, и так как там воздух довольно тяжелый, он и закурил сигару или папироску (там позволено). Случилось же тут быть генералу, какому[-то] известному скотине, его знают, я забыл фамилию. Он страшно напал на молодого человека, зачем он курит в присутствии генерала, тот, конечно, отгрызся отлично; но так как они говорили довольно громко, то другие посетители пришли в негодование и закричали: «Г. Крейцберг, укротите этого зверя», т. е. генерала! Отлично. Этот случай знает весь Петербург. ⟨...⟩

33 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

[Петербург]. 18 апреля, суббота свя[тая] неделя 1859 [1]

Любезные Родители!

И до сих пор еще я не получаю от вас письма. Странно, ужели дороги тому причиной, что долго так я не получаю от вас письма.

А я этим письмом хочу выразить радость собственную и, я думаю, также и вашу — обоюдно. Экзамен сегодня кончился, и я с полным успехом получил золотую медаль 2-го достоинства; [2] экзамен ныне был необыкновенно строг, из моих конкурентов, несмотря на то что они уже обусловлены правом, а я нет, и все-таки им никому не дали, а мне одному. Это уж много, и действительно моя вещь лучше всех ученических и даже и не ученических. Но это будет впереди видно лучше. Да еще одному дали золотую 1-го достоин[ства], [3] но он 3 года был за границей и там учился, и по правде Академия не должна была давать медали, но у него протекция, да и к тому же Мария Николаевна, вел. кн., проезжая за границей, встретила его там у известного женевского художника, у которого он был учеником, и обещалась ему исходатайствовать медаль, что и сделала. Ну да это вздор.

Вот как дело за себя говорило, так невидимо отстранились все внешние препятствия, и не нужно было ни метрического свидетельства и записываться на конкурс и того другого прочего.

А дело обошлось отлично, да еще и выразилось в благодарность.

Товарищ мой Гине, кот[орый] со мной живет, тоже получил медаль серебряную. [4] Ознобишин получил малую серебряную и прочие, золотых 2 и серебряных 4 только по нашей отрасли искусства, а претендентов было 38 человек. Пишу ужасно плохо, извините. Рад очень и в каком-то волнении сейчас пришел от профессора — он наговорил кучу разных комплиментов. Прощайте. ⟨...⟩

34 А. Н. МОКРИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 23 апреля [1859] [1]

Любезнейший Иван Иванович!

Благодарю Вас за радостную весть, какую Вы сообщили мне в последнем письме; [2] Ваш успех всегда радовал меня, но справедливая оценка и награждение его от Академии радует меня еще более. 2-я золотая медаль есть уже награда значительная и весьма важная в отношении к Вашему будущему, она допускает Вас к соревнованию достигнуть первой золотой, которая, можно сказать, для художников есть золотой ключ к дверям земного

рая. Душевно, душевно радуюсь Вашему счастью, тем более что знаю, как неутомимо и доблестно вы его достигали,— соберите же теперь все Ваши силы и сделайте последний важный шаг, чтобы окончательно и навсегда упрочить за собой то, о чем Вы стремились в мечтах своих и к чему направлена была вся Ваша деятельность. Помоги Вам бог!

Я уверен, что награда Ваша признана за достойную и всеми Вашими товарищами, не может быть, чтобы они, видя такие прочные Ваши успехи, не отдавали Вам справедливости; если так, то Вы и обязаны поддержать их мнение первенством.

Жаль, что Вы не объяснили мне сюжета Вашей картины и рисунка, и так как я не уверен, удастся ли мне увидеть настоящую выставку, то прошу Вас, пришлите мне хоть небольшие рисунки, попятнав, что нужно, акварельными красками. Этим я ознакомлюсь, по крайней мере, с общим тоном и с композицией Ваших работ.

Поздравьте от меня Гине и Ознобишина, молодец Гине, не отстает от Вас и идет если не вровень с Вами, то не далее ружейного выстрела, такое расстояние в военном деле не велико.

В первом письме спрашивали Вы у меня, можно ли сделать фотографии с рисунков, принадлежащих покупателю; делайте смело, ведь могли же Вы снять фотографии и прежде продажи их — делайте смело — я, повидавшись с владельцем рисунками, скажу ему.

Но что нам делать со стеклами — всего лучше, я думаю, при возвращении рисунков присылайте их без стекол, а то чтоб не случилось раздрание, то хуже принять их в стекле.

Жаль, что Вы не уведомили меня об участи работ Савичева [3] и Карташева. У них животы пухнут от неизвестности. Напомните Саше, [4] пусть он напишет пару строк, да наверняка, не наобум — Сашка ленив писать, стыдно ему, видно он оконфужен какою-либо неудачей или совесть у него нечиста, что не исполнил данной ему программы занятий в Эрмитаже.

Жена моя [5] благодарит Вас за память, я же обнимаю Вас, дружок, и остаюсь душевно любящий вас, уважающий *Аполлон Мокрицкий.*

2

Думал было ограничиться одним пол-листиком, да не удалось; не могу не сочувствовать строгому экзамену и требованиям рисунка, правда, что взялись за ум, а то ведь, право, уронили бы дело совершенно и вместо художников наделали бы цеховых мастеров.

Не боясь нимало повредить Вашим успехам, скажу смело: Ваш пример много к тому содействовал — держитесь же твердо на занятом месте, пока все сознают, что Шишкин показал товарищам, как надо рисовать, а ценители и судьи сознаются, что истинные достоинства худож[ественного] произведения заключаются в прочных и твердых началах искусства, а не в случайных эффектах или бойкости кисти; они и прежде знали это, да, потчуемые постоянно легкими картинками, немного позабыли это. А вот когда два, три серьезные, умные ребята станут подавать им строгие, умно обдуманные произведения, тогда уже франтам и щеголям не будет места и даровитые из них не станут пренебрегать главным и прочным условием. Довольно, остаюсь душевно любящий Вас *А. Мокрицкий.*

35 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 11—12 мая 1859 [1]

Любезные Родители! Тятинька и Маминька,

Не знаю и чему приписать такое замедление от вас писем. Меня это страшно беспокоит, и так, что сегодня день для меня счастливый отравляется совершенно этим беспокойством. Сегодня у нас был акт, акт торжественный, какой когда-либо был, по крайней мере давно такого не было, и я удостоился получить торжественно, при звуках музыки, золотую медаль, этим преимуществом пользуются золотые, а серебряные нет. А я две сегодня получил. Серебряная почти такая же, как и та, которую вы видели, только вдвое больше, а золотая это просто прелесть, но главное, на ней надпись великолепная: Достойному. Я вам их пришлю все.

Так вот, день приятного события, а на душе не совсем, не весело что-то, долго письма не получаю. Сегодня мы попраздновали, и сейчас только что убрался народ художественный, человек 20. Товарищи и не товарищи. Приветствиям и поздравлениям не было конца. Но все-таки кончилось, и спешу вам писать.

Я, право, не знаю, что и думать, мне пора уже ехать, но буду ждать от вас письма.

Выбор места предоставлен мне самому, и я без рассужд[ений] еду опять на Валаам вместе с Гине, и еще нам навязывают двоих недорослей, Ознобишин тоже туда едет, так что человек около 6 или более будет.

Адрес знаете, а если забыли, так я вам напомню: Выборгской губернии, чрез Сердоболь, на остров Валаам, художнику такому-то...

Погода стоит здесь прекрасная, я сижу у открытого окна, 2 часа ночи, и свет от свечки помогает мало — здесь вообще ночи ужасно светлые. Вы, я думаю, знаете, тятинька.

Мы теперь находимся в самом расстроенном состоянии вообще. Занятия комнатные прекратились, и хоть еще не едем и собираться еще не собираемся, а так себе, уж чисто шляемся. Впрочем, и это доставляет удовольствие, потому что очень приятно после трудов. Почти и теперь трудимся ничегонеделанием. Завтра открывается для публики выставка, мы ее уже давно видели, долго очень ждали пресловутую Марью Николаевну, нашего президента. ⟨...⟩

36 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 26 мая 1859 [1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

Письму я вашему рад более, нежели когда-либо, потому долго не получал.

Два письма ваши заключают радость и поздравление ваше меня с медалью. Да, это очень приятно. Вы надеетесь, тятинька, увидеть что-нибудь в газетах о выставке, встретить и меня там, но только такая все дичь, пишут и ничего не понимают. А вот нужно будет ждать в толстых журналах, там будет дельнее. А то эти Северные пчелы, Инвалиды [2] и проч. и проч. газеты везде бренчат, но все пустое. Толку не понимают. А чтобы вам дать понятие о выставке, то я вам прилагаю при сем указатель. Конечно, тут только перечень картин и по нем трудно угадать достоинство каждой картины. Выставка ныне довольно плоха, а главное, безвременна, очень поздно, но все-таки публики очень много; вчерась была на выставке Марья Николаевна, наш президент, которая очень осталась довольна и приказала благодарить учеников. И потом у нас вице-президент новый, князь Гагарин, [3] который хочет познакомиться с учениками, которые имеют медали. А для этого назначил в субботу, и будет обед, но мы завтра, т. е. в пятницу, уезжаем на Валаам. Ждать не стоит, и то нынче опоздали. В воскресенье ждут государя. [4] Он-то чем порадует? Не знаю.

Действительно, я в Москве продал, я и не думал продавать, но купили рисунки пером, а не картину. Картины там не было, три рисунка * по 50 руб[лей], и деньги я получил. Это была только проба и больше ничего, небольшой лоскуток бумаги. Не знаю, что мне делать с моей картиной, которая на выставке, ее поку-

* которые здесь на выставке привезли из Москвы, да еще один новый.

пают, а мне не хочется продавать. Дают за нее 500 руб[лей] се[ребром], а мне хочется ее удержать за собой и прислать вам. Как вы мне посоветуете. Я думаю, последнее лучше.

Мы собрались совсем на Валаам: я, Гине Алекс[андр] Васил[ьевич] и Ознобишин, Волковский,[5] Балашов[6] и еще кто-то.

Едем в пятницу 24 утром, и вы пишите уже на Валаам. ⟨...⟩

37 А. Н. МОКРИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Сокольники, большая Ивановская улица
дача Мальцевой. 30 июня 1859

Привет мой вам, пустынники Валаама: из тенистых его лесов и со скал неприступных вы подали мне голос; не могу оставить его без ответа; сладко отдается он в душе моей, любящей вас, юные сподвижники на поприще искусства.

Вы спрашиваете, не вздумаю ли я написать к вам на Валаам? Очень охотно, но если письмо мое покажется вам скучным, то вините самих себя — как аукнется, так и откликнется. Ваше письмо также не отличалось занимательностью. В письме своем вы не ознакомили ни с характером местности, ни с целью вашего путешествия, а потому, догадываясь, что вы поехали туда писать этюды, я ничего не могу вам сказать, кроме обыкновенной фразы — трудитесь и молитесь, что может сказать вам и каждый монах Валаамского монастыря, фразы, значение которой хотя и весьма назидательно, но для вас мало удовлетворительно. Вот, например, я скажу вам о себе, что я живу в Сокольниках с целью доставить возможность жене и детям подышать свежим здоровым воздухом, не забывая при этом и своей собственной особы, которой каникулы дают полную свободу пользоваться прогулками, отдыхом и даже сном сколько душе угодно и телу удобно. В прогулках и в отдыхах я спокойно обдумываю многое, касающееся самого меня и моих обязанностей, наблюдаю природу и людей и по временам пишу, разумеется пером; посмеетесь вы, если скажу, что и во сне у меня даром время не пропадает; нередко вижу во сне хорошие вещи, каких недостает мне в действительности, в которой, между нами будь сказано, много дурного достается на мою долю,— но за все благодарю бога, даже и за дурное; оно доставляет уму моему деятельности изыскивать средства или побеждать его или переносить с терпением. Видите ли, как много у меня дела в Сокольниках, хотя, по-видимому, я ничего не делаю. Но утешьтесь, у вас несравненно более на Валааме. Успехи, сделанные уже, поощряют вас к новым успехам,

надежды волнуют кровь, мечты кипятят воображение, и страх за будущее заставляет удвоить, утроить силы производительные. Угрюмая природа Валаама для вас храм, где обитает Гений искусства, или, по крайней мере, Муза, или Оракул, предсказывающий вам будущую судьбу, если не всем вам трем,[1] то, наверное, Вам, любезнейший Иван Иванович, потому что Вы стоите на первой очереди.

Прощайте. Целую вас. *А. Мокрицкий.*

Трудитесь и думайте более о предмете, нежели о способе. Хотите продолжение чепухи — опишите мне ваши занятия, мне легче будет пустословить.

38 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

[Валаам]. Июль, числа не знаю *(нрзб)*,
знаю, что последние числа.
Четверть 11 часов ночи 1859[1]

Любезные Родители!

⟨...⟩ Погода у нас здесь стоит прегадкая, ветра и дожди страшные. Сегодня повалило несколько деревьев на наших глазах. Особенно жаль 2 огромных клена, верно, лет в полтораста, тоже сломало, и они еще с собой много повалили молодых, потому что стояли на огромной скале, над садом. И мы теперь только что шляемся под дождем и под ветром, ходим смотреть волны — да, действительно, я еще до сих пор ничего подобного не видывал, даже и вообразить-то не мог. Страх что такое. Хлещут в скалы вверх сажень на 8, на глубину 80 и больше сажень. Есть где разгуляться, и пространство от берега ближнего, откуда дул ветер, верст 70. Несмотря на весь ужас их действия, мы смотрим на них с величайшим удовольствием. Не знаю, как завтра пойдет пароход из Петербурга, нынче их 2, стал недавно ходить новый пароход В а л а а м Сердобольской и частью монастырской компании. Славный пароход, но качки боится и, вероятно, тоже будет трусить, а монахи молодцы, им все нипочем. Сегодня из Сердоболя приехал отец игумен, и ничего, только, говорил, покачало порядочно.

Братцу Дм[итрию] Ивановичу буду писать на следующей почте.

Братцу и сестрицам кланяюсь и всем родным и знакомым, о картине моей я вам теперь ничего не скажу, в Петербурге будет виднее.

Прощайте, остаюсь с исти[нным] почтен[ием] и предан-но[стью] ваш покорный слуга и сын *Иван.*

39 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петер[бург]. 27 сентября 1859 [1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька!

Письмо ваше от 25 авгу[ста], посланное на Валаам, я получил уже в Петербурге, вскоре после приезда. Давно я вам не писал, с Валаамом расстались не без сожаления, северные ветры и дожди вытеснили нас преждевременно ⟨...⟩

В числе бесконечных новостей в Петербурге я вам сообщу самую близкую мне, именно новости по Академии нашей. Академия наша получает коренное преобразование, устав ее получит совершенно новые начала, [2] но чтоб сказать вам что-нибудь теперь почти наверно ничего нельзя, потому все это разноголосица, а вот скоро устав обнародуют; и тогда будет положительно известно. Но что можно сказать, так то, что все это для блага нас, учеников, и вообще всего мира художественного, перемена эта нужна была, она слава богу, и делается. Видимая покамест перемена та, что чиновников, живущих в здании Акаде[мии], всех вон, а вместо их эти квартиры поступят под мастерские учеников, и 12 чел[овек] чиновников из штата совсем вон, одним словом, внимание и попечение правительства обращено на учеников, а не на челядь чиновную, предполагается устроить квартиры в особенном доме для учеников, [доставлять] средства к безбедному существованию и тому подобное. Кроме того, даны большие права по окончании курса, будут введены науки, и выпускной экзамен будет университетский; [3] мы, однако, из сего изъяты, это будет простираться только на вновь поступивших. Я вам со врем[енем] это мало-помалу сообщу.

А главное, что я вам хотел писать и забыл, а предел письма близок. Помните, тятинька, я Вам как-то писал об издании альбома наших рисунков с натуры, и Вы, помнится, изъявили сочувствие сему благому предприятию. Эта мысль наша окончательно обдумана, и предприятие наше принимается с удовольствием, которое обещает видимый успех. Справки, соображения касательно издания, все сделано, и я Вам, не теряя времени, пошлю огромнейшее письмо, в котором постараюсь до мельчайших подробностей Вам уяснить начало этой мысли, цель, назначение, достоинство и оценку всего предприятия — и наконец всего буду Вас и братца Д[митрия] Ива[новича] всепокорнейше просить помочь нам. ⟨...⟩

40 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

С.-Петербург. 16 февраля 1860[1]

Любезные Родители Тятинька и Маминька,

⟨...⟩ Наше предприятие идет к концу. Но не так-то легко, как я думал. Способы мы употребляем при рисовании на камне новые, более простые и хорошие, но литограф по привычке к одному не может примениться, ну да это все ничего. Первые 10 рисунков уже приняты в Совет Академии для рассмотрения и, конечно, одобрения. Надо спешить окончить скорее, и то теперь погружены все в занятия. Скоро мы переберемся в мастерские в Академию и будем работать программы на медали. Лето ныне, по все[му], вероятно, опять на Валааме.[2] Потому картины с него и оканчивать будем там, не знаю, что бог даст. А ведь последний конкурс для меня.

Академия весьма к нам внимательна. Вообще новое начальство Академии хорошо очень к нам, как и прежнее.

Вот и пост и весна на дворе, и скоро лето, и оно пролетит быстро. Как всегда, придет и сентябрь, в котором должна решиться участь многих, по случаю будущего годичного экзамена.

Простите мне, тятинька,— я забыл в предыдущем письме поблагодарить за присланный мне серебр[яный] бокальчик и Вас, маминька, за ложку — тогда второпях совершенно забыл. Вообще за вашу любовь и расположение родительское я вас благодарю и этим счастлив. Остаюсь с истинным почтением и преданностью ваш покорный слуга и сын *Иван Шишкин.*

41 А. Н. МОКРИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 26 марта 1860

Добрейший, благороднейший друг мой Иван Иванович!

Вашим последним письмом Вы заставили меня краснеть. Я перед Вами виноват, а не Вы передо мною; и подлинно, простительно ли не отвечать на письма, в которых заключаются такие важные вопросы? И за всем тем скажу, что, как нарочно, беспрестанно становилось что-нибудь поперек, и я не мог преодолеть скучных мелочей, отвлекавших меня от приятнейшей обязанности отвечать Вам. Итак, если я не умел быть исправным, то хочу по крайней мере быть точным в ответе.

Вы писали мне о первых Ваших опытах в литографии, и что труды Ваши были представлены в Совет, и что Совет остался ими очень доволен.[1] Зная успехи Ваши, я не мог в этом сомневаться; но когда увидел и самые оттиски, присланные к Борникову, то скажу вам откровенно: эти прекрасные опыты превзошли мое

ожидание; в них как выбор мотивов, так и исполнение чрезвычайно счастливы.[2] Такое прекрасное начало обещает много утешительного впереди.

Я помню, Вы говорили мне, что в способе и в манере рисовать рисунки Ваши напоминают Калама.[3] Я этого не вижу; в манере Вашей есть нечто свое, не менее удачно приспособленное к выражению предметов, как у Калама: это показывает, что нет надобности в подражании манере того или другого мастера. Манер есть самая внешняя сторона произведения искусства и тесно связан с личностью художника-автора — и способом и степенью его понимания предмета и обладания техникою искусства, в этом отношении важно только одно, чтобы художник подсмотрел, так сказать, этот манер в самой натуре, а не усвоил его себе несознательно.

Борников говорил мне, что оттиски, присланные к нему, только пробные,— желаю увидеть более исправные.

Так хороши этюды Лагорио?[4] Верю Вам на слово, потому что в этом деле Вы можете быть справедливым судьею.

Присылайте, друг мой, свои картины и прямо ко мне. Выставка наша начнется 21 апреля, а прием вещей только до 17-го числа. Надеюсь, что и Гине и Джогин пришлют свои труды,— ожидаю посылки с нетерпением.

Надеемся, что ныне *(нрзб)* будет у нас великолепная выставка.

Облегчив наконец совесть мою, целую Вас и остаюсь душевно любящий Вас *Аполлон Мокрицкий.*

Добрым Вашим товарищам сотрудникам и земляку моему Виктору[5] прошу передать мой душевный поклон.

42 А. Н. МОКРИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 18 апреля 1860[1]

Любезный друг Иван Иванович,

Напрасно Вы думаете, что, давая мне комиссии, затрудняете меня; такие поручения, какими Вы затрудняли меня доселе, я готов исполнять ежедневно. Может ли быть для меня что приятнее, как возиться с картинами? Но если эти картины Ваши или других молодых художников, которых я знаю с самого начала их деятельности, то это удовольствие ни с чем не сравнимо. Лучше бы Вы побранили меня за то, что я не отвечал о сю пору на Ваше письмо. И не уведомил Вас о получении картины и рисунка.[2] Не лень была тому причиною, а расчет ответить уже разом по получении остальных вещей.

Сегодня получил я с железной дороги ящик с 2-я картинами Гине[3] и 7-ю литограф[скими] оттисками, и при них 4 рамки. Все присланное Вами будет поставлено на выставку.

Из Вашего письма, любезнейший Иван Иванович, я вижу, что Вы желаете, во-первых, узнать мой отзыв о Вашем труде и, наконец, чтобы я назначил цены Вашей картине и Гине. Первое скажу охотно, а за второе не берусь. В картине Вашей недостает только того, что дается опытностью и наглядкою, а что оно такое, это впоследствии скажет Вам лучше всякого другого собственное Ваше чувство — не теряйте только из виду одного — 1) что картина есть органическое целое, в котором части — суть органы; одни главные, без которых целое существовать не может, а другие второстепенные и того менее. 2) Излишняя полнота красот так же вредна для картины, как и недостаток их. 3) Отдыхи глазу в картине нужны так же, как и свобода для воображения зрителя.

Таинственность и обворожительность дает пищу воображению и прибавляет интересу. Отчего на фотографию смотрим мы холодно и с меньшим интересом, чем на мастерское произведение искусства или даже удачный эскиз? Оттого, что фотография дает нам все, не оставляя ничего воображению. Отчего сумерки и лунные ночи так много имеют интереса для души поэтической? Оттого, [что] в них есть много таинственного, есть много для нас скрытого, что может поразить нас неожиданностью. Художник без маленького кокетства не поэт. Рюиздаль[4] и Поль-Поттер,[5] при всей своей простоте и любви к истине, обладали в известной мере кокетством, они были великие художники-поэты, глубоко понимали душу природы, понимали и душу зрителя.[6] Картины писали они не для себя, а для других — и не сочувствовать им невозможно, потому что они умели затронуть наше чувство. Это понимание души природы доставалось на долю не всем художникам. Одни родились с этим чувством, другие приобретали его. В первом случае оно пробивается в таланте, как росток из почки растения, и зреет вместе с ним и достигает высшего и полного развития, второе не всегда достигает желанного результата, постороннее влияние опаснее для второго, нежели для первого.

Картинки Штернберга[7] были интересны уже и тогда, когда он мало знаком был с искусством, когда в технике его была видна робость и слабость. Я уверен, что у Калама было то же самое. В том и другом понимание души природы родилось вместе с их талантом. Это понимание души природы сопровождается чувством составить картину; это чувство я с удовольствием

встречаю в картинах Гине, а также и у Джогина. У Гине оно в картинах яснее.

Видите ли, друг мой Иван Иванович, как я люблю Вас, я не хочу хвалить Вас, потому что понимаю Вас и твердо на Вас надеюсь — трудитесь и посещайте Эрмитаж — из тех старых, не пленяющих красками и, как говорят нынче, не похожих на натуру картин Вы почерпнете для себя легче и скорее все то, что можно высказать словами. Там есть сокровища, которыми молодые наши художники пренебрегают. Гине, по моему пониманию, на прекрасной дороге, у него пресчастливый талант, обещающий отличного и симпатического художника. У Вас с ним совершенно разные характеры, и сходитесь только в одном — в любви к труду и сознании необходимости учиться.

Картинки Гине мне очень нравятся, и удивляет, в какой степени овладел он техникой, и рисунок прекрасный, и написаны они смело и легко. Молодец Гине, но пусть он не много дает весу моей похвале, потому что требования мои теперь от него будут строже, нежели его собственные. А все-таки, господа, прошу вас сказать мне цену вашим картинам — без это[го] я ни за что не решусь оценить их.

1) Литогр[афские] экземпляры ваши прекрасны — жаль, что печатать у нас не умеют, поедете в Париж, там издадите другие.

2) За всем тем это лучшие литогр[афированные] пейзажи, какие доселе были изданы у нас в России, да поможет вам господь бог.

3) В них мало кокетства — не бойтесь его, оно есть и в самой натуре и разлито бывает и в формах и в освещении.

4) Истина не потеряет от него, напротив, явится прекраснее. Это грация, без которой самая красота холодная и мало привлекательна, 5) а произвед[ение] искусства должно нравиться — ходите почаще в Эрмитаж, там все есть; мудрые старики всему научат вас.

6) Калам великий гений и всегда нравится не столько правдою, сколько правдой и прелестью своих картин.[8]

7) Я много видел его картин, но какая у нас теперь на выставке, так никогда еще от него не видел. Это сама грация — Венера Медицейская.[9]

8) Наскучил я вам довольно, не будете просить моего мнения; жаль, что не умею быть кратким. Это большой мой недостаток.

Преданный Вам *Аполлон Мокрицкий*.

43 И. И. ШИШКИН — И. В. ШИШКИНУ И Д. Р. ШИШКИНОЙ

[Петербург. Сентябрь 1860]

Л[юбезные] Р[одители],[1]

Письмо ваше получил, в котором также получил и прощение за мою леность и невнимание. Благодарю вас. Но меня удивляют ваши опасения касательно моей нравственности, вы боитесь, что, проживши в Петербурге 4 года, я переменился или даже мог испортиться нравственно. Относительно первого я действительно переменился, но не думайте, чтобы перемена эта вела к худшему — нет! Относительно второго, т. е. что я могу испортиться, я вам на это тоже скажу, что нет. Словом сказать, я все тот же, что и был и в Москве и дома, и такой же точно и здесь. Петербургская жизнь с ее мишурой и прежде на меня не производила ровно никакого действия. Но в этой же самой жизни есть великолепные стороны, которые нигде у нас в России покамест встретить нельзя, и действие их так сильно и убедительно, что невольно попадешь под их влияние, и влияние это благотворно. Не принять и не усвоить их — значит, предаться сну и неподвижности, и застою. Я вам на такие сложные вопросы отвечаю весьма коротко — видите? Я имею в виду зимой или даже и осенью еще приехать к вам, и что для меня перспектива эта весьма и весьма приятна — так там уж поговорим вволю обо всем, и я вас постараюсь разуверить в ваших опасениях.

Я вам еще, видимо, и не писал, что у нас был экзамен и что я получил золотую медаль первого достоинства,[2] т. е. высшую, и последнюю, награду Академии. Да! Это, благодаря бога, весьма хорошо. Теперь я в Академии почти рассчитался совсем. Спасибо ей. Теперь ворота все открыты, и я свободен. Первые ворота, конечно, будут в Елабугу, а там уже посмотрим и за границей что поделывают. Ну да еще впереди с божьей помощью. Удивительно, право, я никак не думал, чтобы могло дело так обработаться. Князь Гагарин, этот дурак — наш вице-президент — бурбон, солдат, офицер и все военные привилегии, страшно на меня зол и, как глава Академии, поставленный тоже головой,— то я и боялся, что меня поприжмет он со своими поклонниками, звездами и лентами. Но на экзамене, где потребовалась действительно голова, но только мыслящая, разумная, такой-то у Гагарина и не оказалось; только тут он и увидел, что он не на параде или на смотру или *(нрзб)* у государя, а в Академии художеств — звезды, ленты, шпоры, аксельбанты и прочие гадости оказались тут бессильны — ум здравый и светлый взгляд на вещи и неподкупная честность одержали верх над тупоумием и бездарностью и, если хотите, наглостью.[3] Качества вообще всех военных.

Нынче экзамен был с баллотировкой, тут ничего не поделаешь; большинство голосов и сила убеждений и правота одержали верх, но все-таки я своими вещами, за которые получил медаль, недоволен. ⟨...⟩

44 А. Н. МОКРИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 18 октября 1859[1]

Любезнейший и достойнейший друг мой Иван Иванович,

С искреннею радостью узнал я о получении Вами большой золотой медали, хотел было писать к Вам и поздравить Вас с такою важною наградою, но приостановился, думая, что очередь была за Вами порадовать меня таким известием, и не ошибся; передо мною Ваше последнее письмо, где ясно и четко значится, что наконец Вы достигли желаемой цели, что Ваши труды и старание награждены и что любовь Ваша к искусству доставила Вам золотой ключ к дверям рая художников. Теперь смело и бестрепетно идите к золотым вратам будущего Вашего счастия! Они откроются перед Вами, и в туманной дали, в прозрачно-лиловом тумане Вы узрите уготованный для Вас лавровый венец славы. Но, друг мой, не ослепляйтесь его лучезарным сиянием и не спешите овладеть им... пусть он будет прекрасной целью всей Вашей жизни; рано пожатые лавры скоро увядают на пламенном челе.

1. Из письма Вашего я читаю тревожное состояние Вашего духа: Вы говорите, что большая золотая медаль мало Вас порадовала, что картина Ваша не стоила такой награды и, наконец, что Вы, как бы в оправдание себя перед другими, хотите написать другую картину, и в заключение всего говорите, что Италия, Швейцария и вся заграница страшит Вас и что вследствие такой передряги в мыслях и чувствах Вы хотите ехать в Крым.[2] Извините меня, друг мой, за откровенность, а мне кажется, что все это взятое вместе есть несомненный признак болезни и что Вам нужен врач; за неимением пока другого я рекомендую Вам себя и, с вашего позволения, пропишу Вам рецепт; но прежде всего постараюсь определить причины явления тех или других признаков. Во-первых, получение большой золотой медали не радует Вас потому, что Вы ее уже получили. К сладости всякого достижения или удовлетворения всегда примешивается небольшая доза горечи, это в натуре человека; но это еще не все: Вы, добрый друг мой, по скромности Вашей и по честности Вашей натуры, оттолкнули на время Ваше самолюбие и дали место смирению. Оно хорошо, только все же это есть признак болезни, хотя и весьма уважительной.

2. Вам кажется, что картина Ваша не стоила такой награды. На это скажу, что, во-первых, не нам судить наших судей, а во-вторых, что бы Вы сказали, если б Вам не дали за нее большой золотой медали? Мой ответ на это: бери, когда дают, ибо оно лучше, нежели жалеть о том, чего не дали.

Что касается до оправдания, то я считаю его совершенно бесполезным и ненужным; все знают, как Вы трудились и занимались,— а без особенного приготовления и следующая картина Ваша от последней недалеко уйдет — между этою и тою еще не будет пропасти. Следовательно, по-моему, предприятие это бесполезно, а потому и не нужно. Далее: Вы сетуете на какую-то тяжеловатость и грубость коры, которой при всем усилии не можете сбросить, и вините в этом Север. И в этом вижу я признак болезни, а следственно, и отсутствие здравого мышления. Впечатления окружавшей Вас природы в детстве имели, конечно, влияние на направление Вашего таланта к предметам суровым, мало встречающим симпатию, но в способе воззрения Вашего на предмет и в изображении его проглядывает глубокое эстетическое чувство, обещающее дальнейшим произведениям Вашим достоинства, способные удовлетворить требования самого утонченного вкуса. Перемена края, живая природа подействуют на Вас благотворно, и чем резче будет сделан этот переход, тем вернее успех, а потому намерение ехать сперва в Крым мне кажется неосновательным. Положим, что Крым далеко не Вятка и не Петербург, но все же он не Италия и не Швейцария, да и охота Вам тащиться на перекладных полторы тысячи верст под самыми тяжелыми и скучными впечатлениями для того, чтобы увидеть слабый оттенок прекрасного. Тогда как Вы под живыми свежими новыми и разнообразными впечатлениями можете перенестись по железной дороге прямо в край чудес природы и искусства. Там Вы разом найдете все, чего не передали нам пейзажисты и что рисовало Ваше воображение. Нет, любезнейший друг Иван Иванович, мой совет: перекрестясь, да прямо за границу, и именно в Италию. Эта красавица своими прелестями и своими чарами разом уврачует недуг, порожденный севером. Она, умастив душистым бальзамом, нежными своими перстами снимет кору и легкостью своей фантазии окрылит Вашу мечту. Италия любит северных гостей своих и, зная, чего они так долго были лишены, с особенной заботливостью лелеет их — Щедрин,[3] Лебедев[4] и Штернберг могут служить Вам ясным тому доказательством. Вы же, друг мой, по отдаленности Вашей родины и по лишениям в детстве имеете еще большее право на ее нежную заботливость.

Теперь вкратце о других делах. Гине точно просил меня выслать ему картины, но тут же просил, если можно, продать их хоть за сто рублей — я предпочел последнее и предложил их в нашу лотерею. Их приняли и оценили в 125 р[ублей]. Но вот задержка с Советом, не собираются утвердить нашу оценку. Как только утвердят, то я вышлю деньги к Вам. Вашу картину я также охотно предложу туда же, но мне нужно знать Вашу цену. Напишите поскорее, с первою же почтою, может быть, успеете до собрания Совета. Насчет пейзажного альбома жалею, что предприятие Ваше не удалось, хотя мне неизвестно почему? Постараюсь сделать фотографию с рисунка и пришлю Вам. Благодарю Вас за прекрасный подарок. Но лучший подарок будет [для] меня свидание с Вами. Ожидаю Вас с нетерпением, а до того, прошу Вас, пишите ко мне почаще.

Преданный Вам *А. Мокрицкий.*

Жена моя благодарит Вас за память и шлет Вам дружеский поклон. Повидайтесь, прошу Вас, с Сашей Драбовым и попросите его, чтоб он не медлил с ответом на последнее мое письмо.

45 В. Г. ПЕРОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва. 1862]

Любезный дружище Иванушка Иваныч!

В первых строках, пожелав тебе от бога всякого здравия, душевного спасения и премногие лета, тебе низко кланяюсь, во вторых наших строках прибегаем к Вам с всепокорнейшею просьбою в надежде, питаемой на Ваше милосердие, просим Вас униженно рабски взять и передать картину [1] девушке Палаше, которая к Вам не замедлит явиться.

Ежели в Академии не будут ее давать, то потрудись сказать Федору Федоровичу, [2] что для меня [в] высшей степени лестно, что при столь трудных делах его императорское величество изволили обратить внимание на выставку и рассматривают наши произведения, но вместе с тем не знают, что мы этим не насытимся, а без картины денег, а следовательно, и хлеба не дают, и доходов у нас нет,— то, пожалуйста, вразуми кого нужно, что художник только и жив тогда, когда покупают его произведения, а ежели ими только любуются, то сам знаешь, что должно последовать. Ознобишин тебе кланяется, Нерадовский тоже и, кажется, хочет ехать на Лондонскую выставку. [3] Ознобишину откудаво-то бог послал сапоги — не знаю, крепка ли только работа, Борникова я не видал. Пишу я в Общество [4] маленькую картину, а именно Дилетант полковник, пишущий пейзаж — вот композиция. [5]

Извини, что непонятно начертил, ужасно тороплюсь, а то

опоздаю послать *(нрзб)*, все тебе кланяются, будь здоров, расти выше, вырастешь велик, будешь в золоте ходить, а по случаю того, что из Академии наводпят нашу выставку, я тебе скажу вот что: не ищи сокола в небесах, а дай синицу в руки.[6]

В. Перов. Прощай, числа не знаю 〈...〉

46 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Мюнхен. 27 октября 1862

Любезный Иван Васильевич,

Что это Вы там в Питере сидите и замолкли, ни слуху ни духу? Мы до сих пор ничего не знаем о выставке[1] и об участи Вашей вообще.

Да вот, брат Волкач, до тебя есть у меня просьба: дело вот в чем — ты знаешь, кажется, моего двоюр[одного] брата (жандарма),[2] которого статью Пустынька ты поместил в Иллюстрации.[3] Он просит еще поместить несколько, но к ним нужны рисунки, у меня здесь ничего тамошнего нет (что весьма жалко) — так нельзя тебя просить об этом, возьми ты мой альбом у А. В. Гине и выбери там рисунки, какие укажет тебе Михаил Николаевич Подъячев (ибо он будет с тобой иметь переписку), и мне, сколько помнится, такие: Богатый лог на Каме, Кама Чертово городище близ Елабуги. Елабуга — это в переплетенном альбоме тот рисунок, о котором я писал, помнишь? А мне помнится, что, кажется, ты какие-то взял рисунки, кому-то показать, да, кажется, редактору что ли Иллюстрации.[4] Конечно, ты их должен будешь нарисовать маленькие, и на бумаге, и на дереве, а гонорарий какой будет (это уж твое счастье) за статьи и рисунки в твою пользу, я так и Подъячеву писал.

Да вообще наведи справки, целы ли все мои вещи у Гине. Я, кажется, буду просить прислать мне их.

Как экзамен у тебя сошел — скашивали? Напиши. Да вообще напиши обо всем, не торопясь, употреби вечерка два-три. Если поленишься... а я до получения твоего письма не буду ничего о себе писать. Прощай, кланяйся всем знавшим меня. Будь здоров. Остаюсь товарищ твой, *Иван Шишкин.* 〈...〉

47 П. П. ДЖОГИН — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 20 ноября 1862

Здравствуй, Иван Иванович! Много мы все виноваты перед тобой, да теперь решились поправить свои ошибки и спешим заявить себя перед тобой хорошими людьми — мы пишем тебе. Слушай: писать только не о чем, Питер тот же, мы все почти теми же остались, какими ты нас знал, особенно мы с Александ-

ром Васильевичем [1] ⟨...⟩. Оба мы опять по-прежнему оборвались на экзаменах, но вот уже навсегда; навсегда двери милосердия академического для нас затворились, да и хорошо, кажется, что они затворились, этим мы освобождены от лишних хлопот о своем благополучии. [2] Лето нынешнее проведено мною беспутно — в Гатчине, где я, мало сказать, ничего не сделал, если не назвать делом от себя написанную двухаршинную нелепость зеленого цвета и казенного содержания. [3] Пора бы исправиться, и кажется, что исправление последует, я разлюбил нынче больших размеров отсебятины — принялся за маленькие, которые, пожалуй, приведут меня прямо к натуре, к этюдам, к правде. Великая вещь не зависеть от требований Академии, особенно от такой, как наша; я отныне делаюсь героем постоянной выставки, [4] на которой постараюсь быть *(нрзб)* (кстати, кланяется тебе Резанов, [5] который в Малороссии и, кажется, хочет ехать за границу). Живу я нынче опять у Дарьи Яковлевны, [6] и наша квартира представляет собой цветущий уголок Питера, если взять во внимание добродушнейшую Дарью Яковлевну, хорошенькую Анну Гавриловну, [7] искусство (я) и науки (Григорий Николаевич [8] — сосед мой в настоящее время). Квартира наша — рай, какой может себе нарисовать петербургское воображение,— с музыкой и пением *(нрзб)*. Нынче мы ходим на пятницы. [9] Пятницы — бесцветные сборища художников, не знающих, как убить время,— партии, кружки, бесхарактерный шум, иногда хороший ужин с вином и водкой — все это повергает членов общества в отуманенное состояние и приводит к тому убеждению, что у нас действительно нет искусства, иначе общество сложилось бы в другие формы, более привлекательные; так что бросается, наконец, в глаза, что у нас нет художественного общества, а есть отдельные, часто талантливые ⟨...⟩ спекуляторы — артисты. В Академии множество новых нелепостей — плоды досуга известных тебе членов Совета, Академия упорно отстаивает свои старые привычки, и никакие, кажется, силы не в состоянии толкнуть ее вперед. Старички наши, кажется, решились доказать миру, что искусство обязано идти позади общества и что *(нрзб)* не следовало бы нарушать их мирный покой. Но, увы! Подлый прогресс неучтиво тормошит седые головы жрецов искусства, и жрецы, растерявшиеся в испуге, творят глупости. Все тебе кланяются во множестве оставленные тобой по Питеру. Приезжай скорей, бросай немцев и их ⟨...⟩ природу, в наш лес пошли — хорош он! До свиданья. Кланяйся Якоби и его спутнице, [10] пожелай им всего хорошего. Твой *Джогин*. Напиши мне отдельно письмо, и тогда я опишу весь Питер и всю его жизнь. ⟨...⟩

48 Е. А. ОЗНОБИШИН — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 22 ноября 1862

Любезный вятчанин и дорогой художник Иван Иванович!

Насилу-то мы собрались написать к тебе, долго, очень долго собирались, но лучше поздно, чем никогда.

Павел Павел и Гиничка[1] поручили мне написать тебе о результате конкурса и академических деятелях.

Джогин прогрессивно написал плохую вещь, за что и выгнан из Академии «За неуспех в искусстве», у Гине вещь была недурна очень,[2] но не окончена, и он имел сильных конкурентов — Суходольского[3] и Дюккера.[4]

У Суходольского[5] вещь очень простая и обещающая из него отличного художника, сила света, рисунок кустов — и все очень хорошо... так что, если бы не настоящее безденежье, то он бы перебил и Дюккера, но все-таки его Академия отправляет на год за границу к Ахенбаху,[6] а после он будет опять писать на золотую — манера у него совершенно своя.

1-я золотая у Дюккера, пейзажи, в особенности бережок речки — великолепие!!! Так что, по мнению знатоков искусства,— с натуры лучше и писать нельзя.

Весь этюд написан alla prima.

Деревья его отличаются необыкновенным рисунком и вкусом. Теперь он пишет скотный двор — и фигуры пишет, как сценист, а животных, как Поль-Потер. Общее мнение критиков выражается об Дюккере так: с тех пор как существует Академия — не было еще такого великого пейзажиста, как Дюккер, и если он будет так же выражать мотив, как пишет с натуры, то Европа увидит пейзаж, достигший самого великого развития.

Мнение очень верное!!! И человеку только 20 лет.

Некоторые пейзажисты утешают себя тем, что Дюккер умрет в молодых годах — по примеру всех великих людей.

За ним следует Орловский,[7] 20 лет, из Малороссии.

Боголюбов[8] об нем говорит, что Ахенбах лучше не напишет этюдов,— а Орловский всего занимался 2 года.

Served Вележев[9] пошел назад и взял множество заказов.

Перов выставлял своих попов[10] — и через 24 часа по Повелению было снято, но, несмотря на то, критика разобрала сюжет подробно и признала его 1-м юмористом России; он теперь женится и в генваре будет в Германии.

Из новых программ замечательна Мясоедова 1-я золотая — Гришка Отрепьев.[11]

Риццони получил 1-ю золотую [12] за мастерскую светопластику. Боголюбов поехал за границу, в Египет,— и Джогин все собирается доказать миру его великое значение.

Гине отказано по годам — 31 год.

Устав в Академии изменен — 1-е золотые медали будут даваться через 2 года и в количестве только 4 медалей по всем родам, то есть по 2 медали на год.

От пейзажистов требуют перспективных видов и фигур. В 64 году у нас юбилей. [13]

Маковский получил 2-ю золотую — и вещь его выходит из ряда обыкновенных. [14]

Эрасси [15] получил профессора за тот пейзаж, который был на выставке редких вещей. Граф Кушелев-Безбородко [16] умер и отказал Академии всю свою галерею — 300 картин на 1 миллион серебром.

На всемирной выставке по Русскому отделению признаны лучшими пейзажи Лагорио, Лебедева и Щедрина. История — Чистякова, жанр — Якоби Разносчик, из портретов — Кипренский, Левицкий, [17] поставленные наряду с Вандиком [18] и Рейнольдсом. [19]

Микешин за свою статую Екатерины 2-й [20] получил большую золотую медаль (на всемирной выставке), а за свой монумент тысячелетия [21] — пожизненную пенсию 1200 р[ублей] в год и мастерскую в Академии. Также ему отдана работа в храме Спасителя. [22] Пименов объявил против него крестовый поход.

Я же нынешнее лето ездил на минеральные горько-соленые воды, и горло у меня совершенно прошло. Был также ненадолго на Волге, заезжал к Грибовскому [23] и проводил его за границу, в Милан, к дяде. У Бекетова [24] был, и он тебе кланяется.

Картин на выставке не покупали, ибо кризис все еще продолжается.

В России у нас все спокойно — тишь да гладь, да божья благодать. Крестьянский вопрос покончен, и теперь вводится английское судоустройство. [25]. Суд присяжных и гласность, чиновники все вон — откупа уничтожены. [26] Предоставлено право всем рыть золото и торговать солью. Купеческие гильдии уничтожаются, а также и телесное наказание. [27] Так что, когда ты вернешься, то уже не узнаешь многого. Прощай. Жму твою руку и прошу тебя передать Якоби мою записку.

Твой *Ознобишин.* ⟨...⟩

49 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Мюнхен. Зима 1863

⟨...⟩ Даровитый господин, Бароти[1] некий, его послали за границу, специальность его — животные. Мы с ним едем в марте месяце в Цюрих к Коллеру[2] учиться писать овец, коров и пр.

Черт знает, начал писать тебе письмо сейчас же по получении и вот до сих пор тянул, хотел что-то многое кое о чем писать и спросить, теперь забыл.

Ты спрашиваешь, скоро ли я пришлю картины; пришлю разве одну, и та еще не окончена до сих пор. Начато же целых 5. Некоторые опротивели, а другие не успеешь кончить. Занимался здесь кое у кого из пейзажистов, писал животных. По вечерам рисуем, я довольно нарисовал сепией и пером; немцы рот разевают и говорят, что вам нечего у нас учиться и проч. и проч. гадости немецкие. Картина, которую я пишу, суть Сумерки в лесу — средней величины, в Елабугу. Хотел было начертить, да лень такая дьявольская, что просто не глядеть бы ни на что,— не знаю, как кончу.[3] Должна бы быть порядочной. Собираюсь все послать вам кое-какие фотографии с моих этюдов и рисунков, да все собираюсь. Спасибо тебе, что отослал карточки отцу — он будет доволен — как ты адрес знаешь? Жандарму, т. е. моему брату М[ихаилу] Никол[аевичу] Подъячеву, напиши согласно моему прежнему письму, какие и есть ли те рисунки налицо, о которых я упоминал. Адрес ему через моего отца: И[вану] Вас[ильевичу] Шишкину. С переда[чей] и это сделай поскорее, он тебе ответит *(нрзб)*, он может много кое-чего писать. А тебе на руку. Все годится. Не так ли?

Черт знает, не знаю ничего об участи альбома Ольховского.[4] Беда, если нехорош, стыдно будет смотреть на белый свет. Гине, Джогину передай поклон и просьбу ответить на мои письма. Я жду с нетерпением, а то они меня здесь не застанут уже. (Конечно, мне их перешлют). Из Цюриха напишу адрес. Дни здесь совершенно как летние, но на улицах грязь непроходимая...

Кланяйся всем, а что Попов[5] и Builежев? Отчего их в указателе нет? Поздравь от меня Егорушку, я очень, очень рад, что он получил медаль — не знаю, за что, какая у него была вещь, дай ему бог счастья.[6] Ну прощай, пишу и сплю, давно 1-й час ночи, все и всё спит. ⟨...⟩

50 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих. 4 мая 1863

Любезнейший Иван Васильевич,

Сажусь тебе писать, а лень страшная. Вследствие этой же самой лени я и не писал тебе на твое письмо, но теперь вижу твои

упреки побороть себя — и, как видишь, пишу, только не знаю, исчерчу ли весь этот лист бумаги. Посмотрим под конец.

Черт знает как и быть, до сих пор я никак не соберусь послать в Академию картину — и, верно, останется до сентября. В настоящее время я имею 4 картины и ни одной из них не доволен, потому и не решаюсь послать их. Писано по большей части без натуры, и теперь, когда видишь натуру, то до того гадки кажутся мои вещи, что просто бы и не глядеть. Поэтому и не посылаю. А Академия, я думаю, побранивает порядком, да и за дело.

Здесь мы уже начали писать с натуры, но теперь погода гадкая, она нас загнала опять в мастерскую Коллера — там я копирую коров. Ну, брат, я теперь только узнал кузькину — то знать, каково писать коров. А особенно как они написаны у Коллера — не больно расскачешься. Вот, кто хочет учиться животных писать, то поезжай прямо в Цюрих к Коллеру. Прелесть, я до сих пор не видывал и не думал, чтобы так можно писать коров и овец. А человек-то какой — просто прелесть. Вполне художник в душе и на деле. Мастерская — великолепная громада. На днях думаем писать с натуры корову. Вот уже более месяца, как мы у Коллера, а сделали почти ничего, строг очень он к работе. Да и нашему брату, пейзажисту, есть чему поучиться — такие, брат, этюды, что ахти. Человеческие фигуры и этюды голые так пишет, что наши академисты и понятия не имеют. На солнце фигуры в рост катает. Так же и коров, овец и прочую скотину. Да, брат, художник хороший — как посмотришь да подумаешь хорошенько, то так руки и опустятся, хоть и бросай все.

Ну, Джогин! Удирает штуку — нечего сказать, а впрочем, молодец, не трусит будущего, я так боюсь подумать об этом и не могу себя никак представить, что когда-либо я буду женат. [1] Пожелай ему от всей моей души счастья и покоя. Увы! Джогин будет уже не тот; как пройдет годок, другой. Да! Странное дело, уезжал — Джогин остался одним, а приедешь — найдешь его другим и, пожалуй, не узнаешь, и с нашим братом бобылем, пожалуй, и знаться не захочет. А молодец, право, молодец, еще сто раз пожелай ему счастья. Также, пожалуйста, передай от меня подобное желание и Анне Гавриловне [2] и поздравь также их обоих и Дарью Яковлевну. Я было хотел писать Джогину, да подумал, подумал, да и раздумал, до писем ли ему теперь и до нас ли. А ты, брат Волкач, что же не послал мои карточки моему батьке, или у тебя не нашлось отправить, или они потерялись на почте, или не знай что, но только они не получены. Подъячев скоро тебе пришлет статью Богатый лог на Каме, а ты, пожа-

луйста, нарисуй рисунок с моего, там их два, который больше тебе подходит, тот и рисуй.

Что это Гине-то в самом деле, что он там делает и не пишет, я ему писал, писал и бросил.

Ознобишину передай почтение и счастли[вого] пути; Якоби очень доволен тем, что он едет к нему в деревню,[3] он хочет писать туда, чтобы его приняли там с подобающей честью. Кланяйся всем. Боголюбову, если он приехал. Черт знает, не знаю как быть, нужно писать в Академию о перемещении нашем в Цюрих, а писать без присылки чего-либо совестно, а денег недостает, вот и не знаешь, как быть, и пока оставляешь на произвол судьбы, что будет. Ведь вон и конец бумаги, браво. Итак, прощай, будь здоров и счастлив. Смотри и ты не женись. В эти годы какое-то поветрие на женитьбу,

Твой *Иван Шишкин.*

Волкач, я тебе не франкирую письмо — в настоящее время не имею марок, авось найдешь чем заплатить.

51 И. И. ШИШКИН — Н. Д. БЫКОВУ[1]

Цюрих. Ноябрь, числа не знаю 1863

Милостивый государь Николай Дмитриевич!

Вы, я думаю, уже и побраниваете меня? Так долго ни слуху ни духу от меня. Но теперь приходит время, когда я должен Вас уведомить о том, где я и что делаю.

Странствуя там и сям, наконец я теперь в Цюрихе занимаюсь в мастерской Коллера, художника, которого у нас в России еще не знают. Он пишет преимущественно животных, и пишет так, как я не видел, ни Роза Бонер,[2] ни Троен,[3] ни Браскас[4] так не работали честно и правдиво. Словом сказать, художник великолепный, у которого есть чему поучиться, и я счел за нужное позаняться у него животными, тем более что мастерская у него представляет все удобства писать с натуры. Я у него уже второй раз. Первый — с марта по конец мая, потом я на лето уезжал в Горьо и там поработал вдоволь до половины октября, и теперь я опять у него.

Начал картину для Вас,[5] надеюсь, что понравится, ибо я себя приготовил довольно хорошо. Эта картина будет порукой моего занятия и успеха также и перед Академией, которая со времени моего отъезда не видала еще ничего от меня. На Вашу картину я употреблю все мои художественные силы. Помня Ваше желание иметь картину от меня в том же роде, как и первая, т. е. лес, но с животными и фигурами, в Вашей картине будет целое стадо

коров. Одного я не мог выполнить — помнится мне, Вы желали пейзаж из Италии, но я еще там не был, а моя картина из Оберланда. Хотел было приложить к письму маленький очерк, но раздумал, на маленьком лоскутке ничего нельзя сказать, кроме одних линий, и потому я Вам пришлю фотографию с не оконченной еще картины и с этюда и кое-чего еще. Я бы мог сделать это и раньше, да думал привести картину в порядок более или менее. Через неделю пришлю.

Прошлую зиму начал картин много и ни одну не привел к концу, все не нравится, и едва ли кончу — по правде сказать, вся зима, которую я провел в Мюнхене, в этой фабрике картин, была для меня мученьем.

Картина Ваша той же манеры, как и первая,[6] т. е. 11 и 14 дециметров. Я теперь за ней сижу целые дни, хочется поскорее покончить, для коров пишу отдельные этюды с натуры.

Надеюсь, Николай Дмитриевич, что Вы не будете в претензии, если картина моя будет у Вас не в 63, а 64 в начале, в конце января. За сим желаю Вам доброго здоровья, честь имею быть Ваш покорный слуга *Иван Шишкин.* 〈...〉

52 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих. 14 декабря 1863

Любезнейший Волкач!

Лето прошло и вот уже половина зимы долой, а ни я, ни ты ни слова о себе. Я почти ничего не знаю об Академии и всех вас моих приятелей и знакомых. Как будто всякие источники для известий прекратились, а на поверку-то кажется, что с обеих сторон лень. 〈...〉

Если что и мог узнать, то это от г. Клодта — жанриста,[1] который теперь в Мюнхене, там теперь Каменев, москвич,[2] мы с ним целое лето жили в Оберланде.

Я опять в (черт бы его побрал) Цюрихе — у Коллера. Пишу теперь картину для Н. Быкова, картина той же самой величины, как программа. Содержание ее: внутренность леса. Но уже не такая, как бывала у меня прежде. Чернолесья нет, а изволишь видеть: стадо коров, которые ближайшие не менее четверти. Не знаю, что будет дальше и как кончу, а теперь пока идет.[3] Я занялся серьезно изучением животных, и здесь так удобно заниматься этим, как нигде, по вечерам рисую с этюдов коров и овец, пейзажем вечером теперь почти не занимаюсь, начал было большой рисунок пером и отставил до времени.

Черт знает, нужно писать отчет Академии, а лень, скука такая, да к тому же и картина не поспеет ко времени.

Хочу снять фотографии с начатой картины и с этюдов, а этюды у меня есть большие и, кажется, не дурные.

Только вот беда, нет здесь хорошей фотографии — все дрянь страшная и дорого, а нужно будет пробовать, и я пошлю в Академию с отчетом. На этот раз я тебе пишу очень мало и не до того, почти никаких вопросов и запросов. А все-таки ты пиши мне сейчас же. Кланяйся Джогину и Анне Гавриловне. Конечно, ты бываешь у них часто. Пожелай им от меня всего лучшего. Гину[4] — где он? Ознобишину и прочим и прочим. Что ты поделываешь? Увенчалось ли успехом лето? Ну, пошли вопросы... Нет, ты лучше сам порасскажи подробнее обо всем, а я тебе буду очень, очень благодарен.

Прощай. Жму руку.

Твой *Шишкин* 〈...〉

53 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих. 3 января[1] 1864

Любезнейший Волкач!

Ты мне сообщил весьма много нового и чрезвычайно интересного, особенно протест конкурентов. Это такая штука, что просто прелесть. Молодцы, великолепно, ничего лучше не надо к столетию Академии, результат 100-летнего существования Академии выразился в этом как нельзя лучше.

Ай да молодцы, честь и слава им. С них начинается положительно новая эра в нашем искусстве. Какова закуска этим дряхлым кормчим искусства, черт бы их побрал.

Еще сто и сто раз скажешь: молодцы. Браво!!!!!! Браво! Наконец-то и Академия художеств заявила свое существование. 〈...〉

История с пейзажистом хотя и не новая, но, однако, прескверная вещь,— чтобы такую штуку отодрать или вроде этого — теперь бы кстати, как никогда. Надо же их уверить, что глупость, да еще и какая[2].

Юбилей все откладывают, да оно и добро, на кой он черт при таком существовании нашей Академии или искусства вообще — пускай уже отложат еще на 100 лет, это будет прочнее и вернее, и тогда будет чем похвалиться.

За Ознобишина рад очень, по крайней мере хоть немного, да поможет это. Оно немножко и неловко получать крохи от этих немецко-русских чертенят, да покамест ничего не поделаешь.[3]

Скажи, пожалуйста, Гину, ну как ему не стыдно, ни одного письма от него! Я ему писал, писал да устал. Что он, сердится, что ли, на что? Соверш[енно] не знаю.

За Резашку рад очень[4] — если только это правда.

Я еще картину свою не кончил, фотографии с этюдов еще не делал и потому отчета еще не писал, а я думаю, нужно. При отчете (если к этому времени не кончу картины) я думаю послать фотографии с этюдов, штук 5, да один рисунок пером с этюда Кирхнера.[5]

От моих рисунков здесь просто рот разевают, да немного того и от моих этюдов. Говорят, что мало бывало здесь художников таких. Конечно, ты не верь этому, это фразы и фразы. А я все-таки очень боюсь показаться в Питере, так мало успел и мало сделал. За коров и овец я принялся прилежно, по вечерам я нарисовал уже более 15 штук с этюдов Коллера. Как кончу картину, буду писать с натуры и копировать. Долго ли я здесь пробуду, не знаю ничего. Думаю тоже и в Париж проехать, что нужно непременно. Но когда и как — разрешит ли Академия мне еще на год остаться здесь?

Пожалуйста, сообщай мне почаще — много буду тебе благодарен. И письма к тебе буду франкировать, только пиши чаще, это единственное удовольствие, я здесь почти один.

Кланяйся Джогину и его хорошенькой женке, Кошелеву[6] и пожелай ему бо́льших и бо́льших успехов. Он молодец. Поклонись всем, кому найдешь нужным, а то, право, [на память] не прихо́дят.

Желаю тебе также получить говяжую медаль или за говядину, короче потову́ю медаль. Ах подлецы. Что они делают с искусством.

Прощай. Будь здоров, пишу сейчас же по получении твоего письма ⟨...⟩

Твой *Шишкин.*

А каков г. Быков-то, он мою программу купил не для себя, а для Кокорева.[7] Вот шельма-то. Я писал к Быкову и ответа не получил, не увидишь ли ты Петра Иван[овича] Балашова, спроси его. Он там бывает.

54 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих. 24/12 [января] 1864

Любезнейший Волкач!

Что это ты, брат, молчишь, а обещания писать, и надуваешь. Я по получении твоего письма сейчас же писал, да положительно сейчас в надежде скорее от тебя получить ответ.

Я теперь здесь почти умираю от хандры, от скуки, от безнадежности что-либо сделать, просто беда!! Картина моя ⟨...⟩ еще не кончена, и лень, и полное отвращение мешает за нее при-

иться, что называется, в полном безнадежном разочаровании, так это все гадко. Я, кажется, уже умер для искусства.

А что отупел, так это правда, я это замечаю с каждым днем. Вообрази положение человека почти в одиночестве несколько месяцев, ведь это с ума сведет хоть кого. Черт знает что такое. Да к тому же беда к беде. Деньги мои скоро выйдут все, а из Академии я получить теряю всякую надежду, ибо отчета я еще до сих пор не писал и боюсь подумать о столь великом бюрократическом деле. Да и что я стану писать, если не имею ничего послать в Академию.* Хотел было снять фотографии с этюдов, и это меня ободрило, думал, вот будет порядочно, и думал при отчете послать, но, увы, они вышли против всякого ожидания гадость, и фотограф, единственный, который снимает с картин, дрянь, а дорогой, так что везде беда, деньги потрачены, а толку никакого. Ах отчет, отчет, просто черт знает, что делать. А срок проходит, и так я лишаюсь пенсии безвозвратно,[3] что я тогда стану делать.

Напиши мне, нет ли слухов каких из Академии обо мне, конечно, ругательства и порицания, пиши все, сделай одолжение, и пусть будет одно к одному. Ах, эта заграница ⟨...⟩, много она испортит здоровой крови, ну да и не дай бог быть в зависимости от кого-нибудь, а тем более от нашей Академии. Так связывает по рукам и ногам, что просто беда.

Так вот, любезнейший, в каком я теперь положении и как я выйду из этого — положительно не знаю. Конечно, энергия бы все превозмогла, да вот в том-то и беда — нема ее, совсем нема. Я теперь тряпка, судомойка, ничто другое.

О боже, боже, какая тягость такое скверное положение, ни на что бы не смотреть ⟨...⟩, с профессором своим[4] я тоже чуть не поругался, хотя он и хороший человек, а, по правде сказать, выскочка ⟨...⟩. И я теперь в мастерскую не хожу давно. В промежуток этого времени, когда мне стала противна моя живопись, я взял уроков несколько в гравировании на меди, то есть родирунге,[5] как оно здесь назы[вается], или, что то же самое, офорт, это вещь не бесполезная — да едва ли и на все придется махнуть рукой и сказать — ну это все к черту. Отчего это у нас в России

* Будет и того, что я прошлого года расписался краспоречиво и еще получил за это благодарность от Совета Ак[адемии].[1] Ну а нынче это сделать совестно и грешно. Разве вот что сделать — послать в Академию все мои этюды и рисунки, я в них нужды иметь не буду, что ты на это скажешь? И спроси Риппа[2], можно ли послать на его имя, чтобы он там заплатил, это лучше, вернее, нежели здесь платить, и мне о том напиши, что он скажет, да не медли, пожалуйста.

хоть не затевается революция, что ли, там хоть бы я поработал и сложил бы свои бренные кости. Прощай. Будь здоров, пиши непременно и больше, для меня это великая вещь.

Твой расслабленный, если уж не больше

Шишкин.

Мысленно рвусь в Париж, там найду мно[гих] наших и, быть может, развлекусь, да если б не картина проклятая, да еще и буду ли я иметь деньги.

55 И. В. ВОЛКОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 29 января 1864

Добрейший дружок Иван Иванович!

Поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе, чтобы хандра, навеянная на тебя неметчиной и немцами, скатилась как с гуся вода.

Ты, братец мой, что-то хандришь через меру, я даже удивляюсь, неужели эти мозгляки немцы могли быть причиною такого скверного настроения твоего характера; с такой силою воли и с таким темпераментом, каков у тебя, я никогда не мог ожидать жалоб на недостаток энергии.

А как я думаю, то ты вовсе болен другой болезнью, которая называется самолюбием, оно у тебя, надо полагать, не удовлетворено по-твоему, как бы ты хотел. Ты, может быть, прочитавши эти строки, скажешь: эк, горазд определять, но говори что хочешь, а по моему крайнему разумению это так. Я никак не могу поверить тому, чтобы ты в это время не сделал успеха, работая так, как работаешь ты, но, что скорей всего, ты сам пригляделся к своим работам и тебе все кажется, что ты стоишь на точке замерзания, когда, может быть, по термометру свежего глаза ты гораздо выше стоишь, чем тебе это кажется.

Ты сам писал, что немцы рот разевают от твоих рисунков и этюдов, может быть, они и в самом деле платят надлежащую дань удивлению пред твоими вещами, но так как ты предубежден против них, то тебе и кажется, что это они делают из приличия. Об одном только можно пожалеть, что имеешь много ложного стыда в себе и скупишься выслать хоть один свой этюд сюда, именно к нам, мы не немцы и не станем говорить тебе комплиментов. А вот ты присылай-ка поскорей свои этюды, то мы посмотрим на них, авось тебе кое-что и сообщим насчет твоего прогресса.

Ты просишь, чтобы тебе сообщить, какое о тебе мнение в Академии, то я тебе могу сказать; мнение это заключается в одном

человеке, в Львове, который о тебе самого хорошего мнения, не говоря уже о специалистах, которые тебя все уважают как художника и как человека.

В конце нынешнего 64 года, как тебе известно, Академия начнет свое 2-е столетие, хотя празднование этого юбилея и отложено, как я уже писал, на 8 лет, но, несмотря на это, все-таки Академия получит коренное преобразование, а по этому случаю уже составлен новый устав,[1] содержания которого я еще не могу тебе сообщить, потому что сам ничего положительно не знаю.

Переслать свои вещи ты можешь на позолотчика Ефима Ивановича Иванова, который по этой части ходок и охотно берет на себя эту комиссию. Адрес его следующий: на Васильевский остров по 5-й линии, напротив Академии художеств, в доме Федорова позолотчику Иванову. Он получит из таможни твою посылку и заплатит следуемые за пересылку деньги и даже, если будет нужно, сделает рамы и подрамники.

Джогин, Гине, Кошелев тебе свидетельствуют свое почтение. В заключение я тебе очерчу в лицах состояние настоящего состава Совета Академии, а ты мне скажи, похожи ли портреты.

В Академии художеств
Над толпой седых убожеств
Восседает знатный барин
  Князь Гагарин.

Но безграмотность и тупость
Навели его на глупость
Выдать прав своих основу
  Федьке Львову.

Федька Львов — уж он не промах:
Поднял всех своих знакомых
И царит с своим изветом
  Над Советом.

В том Совете есть профессор —
Византиец, с виду слесарь,
Нрав собачий, ум каплуний
  Ректор Бруни.

А другой — труслив, но дерзок.
Костью, рожей, нравом мерзок,
Точно волк из русских басен...
  Это Басин.

  ⟨...⟩

И кипит в ковчеге каша...
Оттого искусство наше,—
Что, конечно, каждый знает,
  Процветает.[2]

От Михаила Николаевича Подъячева я получил вчера рукопись под рубрикой Богатый лог для помещения в каком-нибудь иллюстрированном журнале. Приехал вчера Гине,Ознобишин из Казани от Бекетова и привез одну очень миленькую вещицу — перевоз на Волге в туманный день[3] и свидетельствует тебе свое почтение. Драбов ослеп в Москве, Брызгалов огненный[4] *(нрзб)* волею божьею умер и прочая и прочая. Пока нового еще ничего нет, а будет, так сообщу, только ты, пожалуйста, посылай поскорее свои вещи, больно хочется посмотреть, что ты так на себя сердишься, за что, остаюсь в ожидании от тебя письма и этюдов.

Твой *И. Волковский.*

56 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих проклятый. 17 февр[аля] 1864

Ну, брат Волкач, удружил же ты меня. Как это тебе помогло удрать такую славную штуку. Я столько хохотал, что просто, кажется, как из России выехал, никогда так не смеялся. Молодец, почаще кабы ты этакие вещи пописывал, было бы недурно.[1] Я ее списал и послал в Париж Якоби, там прочтут много, и также послал в Дюссельдорф к Каменеву — отличная штука. Спасибо тебе.

Спасибо также тебе и за письмо вообще, пиши только чаще, не ленись, не дожидайся новостей, а пиши, что взбредет в голову.

Хоть ты и не веришь тому, что я сделался тряпкой, но должен убедиться в том, когда увидимся, а до тех пор я тебе еще повторяю, что это так ⟨...⟩

Увы, как горько отозвались твои слова в письме: «не говоря уже о специалистах, которые тебя все уважают как художника и как человека»,— я страшно боюсь и совершенно уверен в том, что они должны будут переменить свое мнение и сказать: синица моря не зажгла *(нрзб)*. Это так. Поверь, искренне тебе говорю. Я гибну, видимо, с каждым днем. До сих пор такая апатия, что ничего не делаю, решительно ничего, несмотря на то [что] нужно кончать картину, которая противна, как черт знает что. Что будет со мной, и не знаю.

Этюды я раздумал посылать, а пришлю теперь фотографии с этюдов и с неоконченной картины и с рисунков также в Совет при отчете, который, как бы то ни было, а нужно же написать.

Отчего ты не спросил Риппа, а прислал адрес Иванова. Конечно, это все равно. Да Риппка может обидеться — ведь он старый приятель.

Как ты распорядился со статьей М[ихаила] Ни[колаевича] Подъячева, куда поместишь?[2] И кой дашь ли рисунок к ней? У меня там, сколько я помню, было два рисунка к богатому логу, где они? У тебя, что ли? И ты уж сам выбери, который идет лучше, а если можно, то и оба. Да скажи, пожалуйста, имеешь ли ты какое бы то ни было за это вознаграждение. Ведь из спасибо шубы не сошьешь. Я, со своей стороны, только и могу сказать теперь — спасибо. Каково жил Ознобишин у Бекетова? Напиши об этом. Просить его самого я не смею, ибо не раз я пред ним был свинья. Он писал, а я нет. За успех его я радуюсь.

А уж Гине я просто боюсь просить, уж не сердит ли он на меня, я ему писал, писал, а он ничего. Да думаю, за что же сердиться. Джогин — другое дело, ему теперь некогда, да это и понятно. Ах, кабы да поскорее быть между вами всеми, рад бы был очень и, право бы, помолился богу. А ты, Волкач, до тех пор пиши, не ленись.

Когда приеду в Питер, буду стараться о том, нельзя ли будет каким бы то ни было способом выстроить в Дубках мастерскую, чтобы писать животных. Эта вещь недурная и не трудная. А ведь место-то Дубки какое великолепное. А что, как ты думаешь, найдутся у нас охотники писать животных? Что, ходит пароход в Дубки из Питера или нет еще? Эхма, как припомню прошлое, так как-то весело на сердце, а будущее не веселит, и сильно не веселит. Прощай. Кланяйся всем. Будь здоров. Остаюсь твой *Шишкин.*

На той неделе я был в Женеве, и вообрази, несчастье. Ехал собственно к Каламу, а он, его величество, изволил уехать в Италию, и, несмотря на весь мой натиск, попасть в мастерскую его не удалось, а был у Диде[3] — пропасть хороших этюдов, а картины дрянь. Был еще у некоторых живописчиков, такая, брат, дрянь. 〈...〉 также там и выставка постоянная. Мещерского не видал, хотя и желал видеть, не нашел.

57 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих, Воскресенье, числа не знаю. [7 марта] 1864

Что это ты, любезнейший Волкач, ленишься писать — неужели дожидаешься все чего-нибудь новенького. Пиши, пожалуйста, не дожидаясь, а просто что придет в голову, то и пиши.

Ну, брат, наконец-таки я победил себя, сбросил с плеч гору. Написал отчет. И вместе с письмом к тебе и его посылаю с 12-ю фотографиями. Я было хотел и вам послать, да очень дорого. Если есть желание видеть их, то можешь спросить у Зворского,[1]

да кстати и кланяйся ему от меня. Да сейчас же пиши, что скажут об моем отчете и фотографиях. Пожалуйста.

Фотографии не все хороши. С этюдов естественно, что сняты плохо. С рисунков пером недурно, да некоторые очень малы (большие дороги), есть там также и с угля, но это дрянь (эскизы), это еще в Мюнхене делал. Напиши также, какое мнение твое и прочих, если увидят.

Прощай, больше ничего не пишу, надоело и то писать отчет, черт его побери, и то 2 раза переписывал.

Жду от тебя письма непременно.

Кланяйся всем, твой *И. Шиш*[*кин*]

58 И. И. ШИШКИН — В СОВЕТ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Цюрих, 24 февраля — 7 марта 1864 [1]

В Совет Императорской Академии художеств
Пенсионера Ивана Шишкина
Отчет

Первую зиму пребывания моего за границею провел я в Мюнхене, где преимущественно посещал мастерские известных художников, изучая как взгляд их на современную живопись, так и принятые ими методы ближайшего передавания природы.

Не упоминая о Каульбахе,[2] Пилоти[3] и Коцебу,[4] давно известных нашей Академии, я постараюсь передать впечатление, произведенное на меня работами других художников. При этих наглядных занятиях успел я, мне кажется, заметить, с одной стороны, некоторые достоинства, которые постараюсь себе усвоить, с другой — некоторые недостатки, которые постараюсь избежать.

Касаясь вопроса о мюнхенской школе вообще, невольно придется бросить хотя беглый взгляд и на требования публики, тем более что они частью обуславливают труды художников. Здесь как число художников, так и людей, интересующихся искусством, весьма большое, но публика ли виновата в замечаемой неконченности картин или художники испортили взгляд ее — не знаю, однако, ходя по выставкам, я видел весьма мало картин гармоничных. Поэтическая сторона искусства нередко убита здесь материальностью красок и самой работы.

Публика, кажется, не требует очень многого, сюжеты жанристов часто лишены интереса и ограничиваются сладкими сценами обыденной жизни; отсутствие мысли в картинах этого рода весьма ощутительно. К исключению принадлежат несколько молодых даровитых художников, как то: Зэйц,[5] Прейфэр,[6] Хартман[7] и

ученики профессора Пилоти. Первый из них, сохраняя типы и характеристику страны своей, работает с успехом, вроде Мэзонье,[8] Хартман же, как кажется, глубоко изучил Вувермана[9] и, не впадая в подражение, постиг всю прелесть его.

Первое место между пейзажистами, бесспорно, принадлежит г. Бамбергеру,[10] на картины которого смотришь с истинным наслаждением, пейзажи Шлейха[11] полны колорита, но смотреть на них приходится слишком издалека, ибо кисть его груба и размашиста. Пейзажист Мильнер[12] обладает неотъемлемым дарованием; но усиленная быстрота работы увлекла его к ошибкам немаловажным; поддерживаемый публикой, всегда с удовольствием встречающей произведения его, он впал в однообразие сюжетов и манеры, что, впрочем, не мешает ему пользоваться большой известностью. Также замечательный пейзажист Стефан,[13] ученик Калама.

О работах покойного Ротмана,[14] слывущего чуть ли не за гения в Мюнхене, могу сказать только, что во всех картинах его, занимающих целую залу Пинакотеки,[15] видно изящество линий и большой художественный расчет в них, его колорит, как на мой взгляд, так и по мнению людей, бывших на юге Греции, положительно не натуральный. Эффекты освещения хотя и доказывают богатую фантазию его, но шокируют глаз ложными едкими красками, в фигурах животных и людей, служащих дополнением пейзажа, видна жизнь, но они плохо нарисованы.

Кирхнера я знаю только одно произведение, именно: закат солнца в знойное лето, которое можно отнести к одному из лучших произведений новой Пинакотеки. Также очень хороши пейзажи Циммермана[16] и эскизы Стадемана,[17] занимающих почетное место в кругу мюнхенских художников.

Желая в будущих работах моих соединить пейзаж с животными, принялся я еще в Мюнхене за изучение этих последних; часто посещал мастерские братьев Бено и Франца Адама,[18] по праву пользующихся большой известностью, Фридриха Фольца[19] и некоторых молодых художников, посвятивших себя живописи этого рода. Здесь в первый раз услыхал я имя Коллера, увидал несколько копий с его этюдов и решился поехать к нему в Цюрих, тем более что я прежде рассчитывал провести лето в Швейцарии. Из Мюнхена в Цюрих я переехал в конце февраля прошлого года.

Коллер — личность совершенно у нас не известная, между тем он во многих отношениях стоит выше Розы Бонер и Троена. Сила его рисунка превосходит всех виденных мною художников этого рода. Живопись сильная, сочная, и оконченность доведена

до последней степени; в каждом мазке его кисти видны строгое изучение и безграничная любовь к искусству. Как пейзажист замечателен он не менее, ибо глубоко понимает природу и передает ее с той же прелестью, как и животных, но, судя беспристрастно, в картинах его я нахожу мало поэзии, так что этюды, каких ни в чьей мастерской не увидишь, нисколько не уступают первым.

В картинах, желая вызвать силу света, он часто жертвует остальными частями ее, а потому в общем они кажутся темными. Как первоклассный художник и хороший профессор советами своими он может принести большую пользу. Основываясь на этом, я занял место в мастерской его для зимних занятий, на лето же отправился в Бернский Оберланд, где и оставался до сентября.

Не привыкши к горной местности, эффектам освещения этого края, я был поражен первое время: глаз видел многое, но долго всматривался я в новую для меня природу, не решаясь приняться за работу; притом и погода не благоприятствовала занятиям. Летом около конца июня принялся я за этюды, написал пять больших и несколько десятков меньшего размера.

В сентябре возвратился в Цюрих к г. Коллеру копировать и писать с натуры животных, начав в то же время картину для г. Быкова, окончить и прислать которую надеюсь к концу апреля сего года.

Сверх того в последнее время я не без успеха занялся гравированием на меди (Radierung), не прилагаю при настоящем отчете образчиков, потому что ничего еще не приготовил серьезного и достойного внимания.

Из Цюриха ездил в Женеву, чтобы посетить мастерские Калама и Диде, но, к сожалению, первый уехал в Италию, так что мне пришлось довольствоваться только мастерской последнего, где видел несколько превосходных этюдов и одну начатую большую картину, при этом нельзя не заметить, что этюды несравненно выше самой картины; вообще в последнее время в произведениях Диде заметны сухость и однообразие.

Постоянная выставка художественных произведений в Женеве ниже всякой критики, за исключением очень немногих. Вообще надо заметить, что швейцарские так назы[ваемые] национальные музеи крайне бедны и плохи, так, например, в Берне 1 картина Калама, 1 Диде и 2 — Кошера,[20] да и то далеко не из лучших. В Цюрихе то же.

Прилагаю при отчете моем фотографии с картины, некоторых этюдов и рисунков числом 12. Имею честь покорнейше просить

Совет Императорской Академии художеств о причислении года, проведенного мною в России в звании пенсионера, ко времени будущих путешествий моих по родине и о разрешении остаться за границей еще на год; тем более что до сей поры не имел еще возможности ознакомиться с французской школой, что намерен сделать по окончании картины.

Пенсионер Императорской Академии художеств

Иван Шишкин.

59 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих. 8 марта 1864

Любезнейший Волкач!

Буду теперь стараться писать письма, а то ведь и правда, что я сам не разберу, чему не раз были опыты. Я тебе вчера только что послал письмо, но не знаю, что из него ты поймешь, когда я кончил его, то подумал — пожалуй, ничего не разберет, что называется, катал... Я в нем писал, что здесь повторю: фотографии я послал, но дело вот в чем: они не франкированы — здесь ⟨...⟩ не знают, что стоит доставка до Петербурга, и потому не берут ничего, и я принужден был отправить не франкируя, адрес в контору Академии, я думаю, там заплатят? Все-таки лучше было бы, если ты сходишь к Зворскому * и объяснишь ему (конечно, заяви поклон от меня) эту историю. Пусть запишут полный счет, что ли. У него же можешь и спросить фотографии, посмотреть. Я было ему хотел писать письмо, но, по правде сказать, писать к чиновнику, черт знает — как-то лень. Ну сам знаешь — лучше, если и обойдется и так. Попрошу тебя, пиши сейчас же. Обо всем. Ругать станут, пиши, что ругают, ну, словом, всю правду. За карточку большое спасибо, а постарел, брат, ты ⟨...⟩.

Начал я писать что[-то] больно четко и убористо, что-то я настрочу. Да поболтаем малую толику о мастерской в Дубках; что, можно ли надеяться, что Штейнбок[1] даст земли под нее? Конечно, даром, а ведь славная была бы вещь построить ее, я думаю, не очень дорого будет стоить, конечно, самую простую, из барочного леса (только дыры на бревнах непременно прежде всего заколотить, а то мы с Джогиным знаем, что такое эти дыры) и без всяких вычур.

План мне здесь начертят для примера, а на деле сами придумаем, пожалуй, и лучше. Ты, я думаю, помнишь, как-то в Дубках же был у нас конкурс на подобную мастерскую, получили

---

* Василию Кирилловичу.

медаль тогда за проект я и Джогин. Теперь, бог даст, опять сделаем конкурс. Деньжонок малую толику можно из Академии потягнуть, неужели откажет? Да вот беда, не выселились ли крестьяне из деревушки, в которой они живали? Я что-то помню, был разговор об этом. Это будет очень плохо, тогда трудно будет доставать скот. Да еще интересно знать, ходит ли пароход до Лисьего Носа? На Лахту ходит, я знаю. Вещь, я думаю, будет весьма полезная, как находит это Джогин?

Шут тебя знает, говоришь, что нечего писать — так вот же я тебе задаю несколько вопросов. Отчего ты не написал о Бочарове[2] ничего, он делал выставку из своих вещей? Где и что делает Резанов? Горавский,[3] Суходольский, словом, весь пейзажный мир, ты никогда ничего не упомянешь, а ведь это, согласись сам, очень интересно. Что делает Боголюбов? Куда он идет? Я тебе уже не раз задавал вопросы, и ты никогда не отвечаешь ⟨...⟩. А ты, брат, сначала на вопросы-то ответь ⟨...⟩. Не пишешь также ничего, нарисовал ли к статье Подъячева рисунок и какой или нет. Эдакая голова ты, право. А насчет моего возвращения в Россию и сам не знаю, когда это будет, и все зависит от Академии. Я в отчете прошу еще на год, чтоб год, который я пробыл в России, причислить к трехлетнему путешествию по России. Черт знает, хотя я и прошу этого, а на душе-то совсем другое, так бы сейчас и полетел к вам — и гораздо бы лучше было, если бы лишний год в России, а как подумаешь, разведешь руками. Так и покоришься необходимости. Вы же скажете после — вот, гляди на него, на этого урода, был за границей, а в Париже-то и не был, а без этого что за человек, так — плюнуть и только. А уж об Италии я и не говорю, будут мне упреки и ужасы— как, вы были за границей? И не были в Италии — стыдитесь, М[илостивый] г[осударь], а еще пейзажист художник. Ай, аяй, яй,— а в Италию-то я все-таки не поеду, хоть бы и возможность была — не люблю отчего я ее, больно уж сладкая.

А меня что-то страх берет не на шутку явиться в Питер, черт знает, ведь у меня почти ничего нет, картина, которую я скоро пошлю, швах, зер швах, а по-русски — пакость. Да и фотографии того. Да, главное, Совет, пожалуй, это примет за шутку, что, дескать, он нам присылает фотографии, а не картины и не этюды. Что он такой-сякой, подлец эдакой, что он там делает.

Ты, брат, пиши, все сначала узнай, как и что, а потом и катай письмо ко мне, а мое-то перед собой все-таки держи и отвечай

на *пункты*. А затем прощай, кланяйся всем. Твой *Шишкин*.

Когда едет в Малороссию Джогин? Пожелай ему от меня и Анне Гавриловне счастливого пути. Эдакий Джога счастливец! А как бы я его желал видеть, право, я думаю, ведь он переменился, не так-то? Что бы ему прислать карточку? Попроси-ка, брат, у него, и я ему пришлю взамен. Ну, брат, накатал же я тебе письмо такое длинное, длинное, а все оттого, что вечер и ничего не делаю по вечерам вот уже больше месяца. Скука страшная. (Погода здесь, лето.)

60 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих. 29 марта 1864

Любезнейший Волкач,

Этакая скверная история с моим отчетом и фотографиями. Я здесь в почтамте спрашивал, и мне показали книгу, из которой видно, что пакет отправлен 7 марта по здешнему стилю, конечно, и через неделю только могут известить о том, где пакет и получен ли. А до тех пор ничего не поделаешь. Адресован он был в контору Академии, не франкированный, ибо не знают, что стоит (подлецы, к слову сказать), а ведь скверная вещь. Время идет, и я не знаю ничего, и придется еще долго ждать.

Ты, брат, пишешь только как раз на мои вопросы. Ну что бы сказать что-нибудь об отчетах пенсионеров и какие при них фотографии и прочее. Лентяй, брат, ты писать. Конечно, вы уже там знаете и оплакиваете величайшего из художников, *Калама*, он помер. Но ведь это так только, он для блезиру помер, а он жить будет вечно. Великий художник был, теперь едва ли найдется подобный, хороших писак много, что и говорить, да таких воротил, как Калямка, нет и не будет... по крайней мере долго, долго...

Черт знает, последнее время при его жизни все, и я в том числе, как-то забыли его и даже поругивали частенько, и теперь, как нет уже его более на свете, так он и воскрес в своих великих трудах. Теперь каждая его литография кажется еще великолепнее, нежели прежде. Да, не скоро еще наживет мир себе такого туза, на котором ездило и ездит такое множество двоек и шестерок, даже и не козырных — и многие, многие личн[ости] еще будут ездить.[1]

Что теперь делают Джогин и Гине, что они работают? Передай им поклон, не забудь также и Анны Гавриловны, зачем ты ее зовешь Анной Семеновной? Я уже не раз встречаю у тебя эту ошибку. Вертелось было несколько вопросов, да забыл те-

перь. Да к тому же у меня трещит башка страшно. Не было печали, да черти накачали. Вот уже три недели, как болит голова, не переставая, каждый день, черт знает что такое. Завтра иду к доктору. Должен су[кин] с[ын] вылечить — ведь немец. Что делается со статьей Подъячева и нарисовал ли ты рисунки? (? второй раз). Где ты пишешь зиму? [2] Давай бог тебе успеха. Я с Коллером поругался и теперь больше не работаю у него, а работаю дома — конечно, будет следовать вопрос, почему и зачем, потому что он все-таки немец, а главное, никому не советую быть у кого-нибудь под началом, т. е. работать в чужой мастерской — он эдак, ты так, он так, а ты эдак. Это постоянно было, но наконец не выдержал и поругался ⟨...⟩

Я там настроил и других учеников. Ругают его и некоторые тоже оставляют его. Революция, сударь ты мой. Прощай, кланяйся всем и не ругай, что скверно пишу, болит очень голова.

Ах, черт возьми, скверная история с моим отчетом. [3] Это почти всегда, человек, который отправляет сотни посылок, и никогда этого не случается, а я в кои-то веки собрался и попал. Прощай.

Твой *И. Шиш*[*кин*].

Прилагается при сем карточка моя, я бы хотел ее дать Джогину, если только он соблаговолит принять и не сочтет это навязчивостью, а взамен прошу его карточку, а если можно, то и две или одну с двумя. Очень было бы приятно, и буду ему весьма благодарен. Передай же ему от меня мою просьбу. А где Григорий Николаевич Потанин? [4] Тоже спроси у Джогина, и пишет ли он ему. Письмо это не франкирую. Нет марок, а у тебя, наверное, найдется двугривенный.

61 П. П. ДЖОГИН — И. И. ШИШКИНУ

С.-Петербург. 10 апреля 1864

Милейший дружище Иван Иванович!

Пишу тебе в твою лиловую Швейцарию — теплую, красивую — из нашего тоже красивого по-своему, но холодного Питера. Зато, может, придется написать тебе теплое слово, которое у нас водится так же, как и в Швейцарии, и везде. Прежде всего надо искренне поблагодарить тебя за память обо мне и за карточку, присланную тобою мне. Потом сотню раз извиниться за то, что я так давно не написал тебе ни одной строчки. Причиной тому моя новая жизнь, которая, естественно, удалила меня несколько от мира сего и прилепила к жене, дабы быть с оной в плоти единой. Многие считают женившегося человека даже погибшим: оно бывает; только не со мной. Я хоть и сделался нежным супругом, но и остальной мир меня интересует по-прежнему.

Так, например, художественный задор разбирает меня сильнее прежнего. Весна у нас стоит великолепная. Снегу нет, и на улицах совершенно сухо. Зато на островах снегу еще пропасть. Нева пошла только сегодня и, как водится, не без проказы — с Громовской пристани сорвало 12 барок с сеном, в каждой по 6000 пудов. Спасено только три, и то потому, что они засели у быка, на котором часовня (на Никол[аевском] мосту). Вследствие такого приключения на набережной великолепное гулянье — как всегда, при случае. Остальные барки ушли в море. Мосты разведены, но сообщение между городом и частями Петербургской и Выборгской и прочими за Невским улучшено против прежнего, благодаря конной железной дороге, вагоны которой таскают публику от Николаевского моста до Московской железной дороги за 5 коп[еек] с рыла.

В Академии у нас много фантастических улучшений и перемен: чего, чего у нас не будет, только будет ли? И разом ли будет? Вообще головы начальства нашего — бродят. Они с искусством не знают, что делать — кажется, все это от того, что никто из них его не любит и не понимает. Молодежь рвется вперед, заявляет себя частенько, только все принимается седыми головами за либерализацию. Не прививается как-то в России искусство, а тут еще журналистика наша из сил выбивается доказать просвещенному люду, что косматые люди — негодные люди (косматые — это модное выражение для художников у наших писак).

С другой стороны, набожное направление Гагарина[1] да новые (будущие) уставы, по которым историческая живопись — вещь, а прочее все — гиль, грозят искусству если не полным падением, то наверняка довольно продолжительной летаргией. Пейзаж — один пейзаж — пойдет наперекор всем запоздалым мудрецам художественного дела. Полно тебе торчать там, стесненному горами, иди сюда на простор, какого ты черта там высидишь! А не то пошляйся по Европе — по всей, значит. Сам же ругаешь немцев, а сидишь с ними. Воображаю я твою скуку! Вертайся, голубчик, скорей. Спечем тебе пирог с сигом, а то с капустой, а то с тем [и] другим, и борщу и горилки поставим, ей-богу, наслаждение будет — то-то поговорим.

Разные известия, что придет в голову: я еду с Боголюбовым в Балтийское море для работы в Гидрографическом департаменте — с конца мая и до конца июня. Баганц до сих пор сидит в Петербурге, и его кругосветное путешествие (о котором ты, кажется, знаешь) неизвестно когда будет.[2] Пейзажисты наши страсть как широко пишут — так что шире и нельзя. Постоян-

ная выставка берет за вход 50 копеек. Потанин, Ядринцев[3] и Усов[4] читали в Сибири публичную лекцию, на которой Ядринцев прочитал о необходимости университета и заслужил сильный аплодисмент. Потанин читал о сибирских казаках, но читал вяло, сконфузясь, и не понравился тамошней публике за направление, за что и был ошикан; а Усов вышел, окоченел от испуга и ушел, не читая.

Гине едет опять к монахам в Святогорский монастырь (Харьков[ской] губ[ернии]). Он надеется попасть и в Крым — у него растет брюхо, ей-богу. Мокрицкий в настоящее время в Питере и собирает, как милостыню, картиночки для московской выставки. Он уверяет, что в Москве нет ни одного художника и выставку делать не из чего. 14 программистов, отказавшихся от конкурса, живут хорошо, но делать им нечего — работы нет. Из них Песков[5] опасно болен — кажется, чахотка. Ему запрещено работать, даже, кажется, и ходить. Крейтан[6] лепит недурно пепельницы и прочее в виде пней, коряг и т. д. Маковский[7] имеет пропасть работ — портреты, но слишком шикарит впрочем, у него такая публика — все князья да бароны. По-моему, один Боголюбов работает хорошо и самый полезнейший человек в Академии. Лагорио на Кавказе [у] великого князя, а там, говорят, им слишком недовольны. Эраси женат на дочери Тура — богача. Картинки его — дрянь. Соломаткин значительно развивается и недавно написал превосходный эскиз: шествие в церковь губернаторши — просто, брат, талант.[8] Начальству не нравится его направление. Жалко, что он, свинья, не изучает натуры и очень плохо рисует. Говорят, Трутнев[9] приехал. Резанов в Малороссии, в имении Тарновского[10] (Черниг[овской] губ[ернии]). Он человек практичный — значит, не пропадет. Картина Ге — великолепнейшая;[11] также и Пукирева — задушевная вещь (Неравный брак).[12] Жинка моя, которую зовут Анна Семеновна, кланяется тебе как старинному приятелю, тоже и Дарья Яковлевна. В Питере живет мой племянник Миша, которого ты знаешь. Он посвятил себя изучению музыки и ходит в консерваторию. Светлый праздник на дворе, и начинаются к нему приготовления. Затем остаюсь друг твой

П. Джогин.

Напиши мне подробно о своих занятиях. Кстати: что ты боишься суда петербургских художников? Ни черта они не смыслят. Ты идешь по новой дороге — значит, честь и слава тебе, коли не поймут. Оставайся только самостоятелен.

62 Л. Л. КАМЕНЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Дюссельдорф. 31 (так в оригинале. — *Сост.*) апреля [18]64

Да что же ты, такой-сякой Иван Иванович, не написал своего мнения о французских пейзажах и пейзажистах, которое мне страшно хотелось знать и о чем я просил Перова и Якоби сказать тебе? Неужели и ты согласен с ними, что одни французы вещь, а прочее все швах? Из твоего отзыва о Базельской выставке[1] этого не видать — и слава богу! Вот ослы-то и Якоби и Перов и вся наша парижская братия. У них в глазах, кажется, французская болезнь засела. Уверяют, что они только и видят пейзаж у Коро,[2] Добиньи[3] или Дубине и прочее. Действительно, жаль, что мы не попали вместе — я один устал ругаться и спорить с немецкими французами — вдвоем было бы вольготнее. Да, я остаюсь на лето около Дюссельдорфа, вероятно прежде в Касселе в Тевтобургском лесу,[4] где Арминий разбил Вара,[5] и пр., а потом на Гарц — там, говорят, простые виды превосходные, а деревья, собственно, и того лучше. Ну его к черту и Оберланд, и всю Швейцарию, она у меня сидит во где! Чтобы писать ее, надо родиться швейцарцем или им сделаться, а я и во сне вижу наше русское раздолье с золотой рожью, реками, рощами и русской далью — здесь хоть немного будет похожее на это — конечно, как свинья на пятиалтынный. Здесь я успел только 2 маленькие картинки кончить, да и то кое-как — все 4 месяца все пробовал, как писать, и до сих пор не знаю этого; да вряд ли и узнаю когда. На днях мы едем с Дюккером, но куда прежде — это еще бог весть,— во всяком случае в окрестности Касселя; приехавши сюда, ты можешь узнать это от Быковского.[6] Я буду ему писать, где я, потому что тоже жду денег и нужно оставить здесь свой адрес. Не знаю, как ты теперь поедешь в горы, и здесь дождь идет каждый день и холод, а там, я думаю, и подавно волки мерзнут, а Ахмахер еще в снегу по горло сидит.

Здесь теперь нового ничего не видать; все притаились и работают к будущей выставке — что-то увидим! В сентябре же будет выставка в Антверпене, вот куда я положил непременно съездить после лета. Тамошние пейзажисты будут получше французов. ⟨...⟩ К генварю или февралю я тоже еду ко дворам. Скука смертная — по-немецки я до сих пор ни в зуб толкнуть, один, верно, не выучишься — хорошо еще, что не жалко. Да и вообще трудно нашему брату свыкнуться с немцами и немецкой жизнью ⟨...⟩.

Прощай, брат, будь здоров и счастлив и приезжай скорей сюда, до свиданья

весь твой *Л. Каменев.*

Быковский живет *(нрзб)* № 5. Дом похож на сарай — три окна закрыты — одно окно в крыше с щитами от солнца *(нрзб).*[7] Рядом с его мастерской 2 окна, в которых можно увидеть множество этюдов.

63 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Цюрих. 2 мая 1864

Любезнейший Волкач,

С удовольствием тебя поздравляю. Это, брат, подвиг получить медаль в натурном классе, как это тебя натуралисты не заели, или как ты сам не обессилел от изнурения или от испарины. За что ты получил 1-ю серебр[яную]? Где писал и что? Ну, брат, счастлив твой бог. А маленьким серебряным твоим я счет потерял, сколько ты их имеешь?[1] Что это ты, брат, ни слова о том, что получен ли мой отчет или еще нет. Справься в почтамте — здесь говорят, что затеряно в Петербурге[2] и почтамт петербургский до сих пор не отвечает.* Посылка была послана из Цюриха 7 марта *(нрзб).* Адресована на контору Имп[ераторской] Ак[адемии] худож[еств]. Черт знает, что это такое, просто гадость, а ведь я жду результата, а главное дело, я сижу без гроша.

Вот что! Или во што! Здесь живет, т. е. в Цюрихе, Самойлов[3] (сын актера), архитектор, весьма и весьма хороший человек, и занимается великолепно и в короткое время сделал успехи блистательные, со временем он займет место в ряду честных и хороших архитекторов наших. И он работает и занимается очень серьезно и положительно. Здесь он в Политехнике, который считается первый в Европе, раньше занимался в Мюнхене и Берлине. Патриот и любит Россию до безумия. 〈...〉 С отцом он не в ладах и проч. и проч. Это для того говорю все, чтобы было понятно следующее. Он просил меня справиться, как и от кого можно получать русские книги и издания по части архитектуры (например, Архитектурный вестник[4] и прочее). Кроме того, фотографии наших зданий и произведений скульптуры, как, например, Пименова воскресение и преображение и проч. и проч. Он в этом сильно нуждается сам, а главное, профессор Любке,**[5] который читает историю искусства нового времени и по неведению, конечно, врет чепуху. Самойлов обращался несколько раз

* и говорят, что иметь дело с таким государством, как Россия, скверно, говорят, что эти истории часты.

** европейская знаменитость.

к своему отцу, который говорит, что все это вздор и у него ничего нет и проч. и проч., и потому он убедительно просит меня написать в Питер к кому-нибудь и узнать, через кого это можно будет сделать. Кто издает Архитектурный вестник — кажется, Гримм,[6] он, кажется, хороший человек, есть еще какой-то господин, но я забыл фамилию. Ты, Волкач, постарайся справиться обо всем этом и напиши мне — да, пожалуйста, не так долго медли, и ты этим доставишь удовольствие будущему нашему хорошему товарищу Самойлову, а он славный малый.

Напиши свой адрес, когда уедешь и где будешь жить. Конечно, ты будешь бранить, что очень скверно пишу, это не от меня, холод в комнате такой, что руки, как палки. На дворе страшное ненастье и холод, и в комнате хотя и нет настоящего ненастья, дождь не идет, правда, а у окон стоят лужи и холодно как на дворе. ⟨...⟩

Я, брат, здесь лежу на боку и гляжу за Оку. В Париже открыта выставка, и я мысленно рвусь туда, но пустой кошелек останавливает даже и мыслить. Пиши чаще и больше. Джогину за письмо большое спасибо ⟨...⟩

64 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Дюссельдорф. 15 сентября 1864

Любезнейший Иван Васильевич.

Ты, я думаю, теперь в Питере, потому я тебе и пишу, а то, черт знает, где ты был, и если бы я и написал тебе летом письмо, то оно, наверное бы, пропало.

Ну что ты поделал летом и каково было лето? Здесь, брат, лето было из рук вон. Положительно из рук вон, целое лето, и до сих пор погода ужаснейшая. Я в начале лета был на озере 4 кантонов, а потом перебрался в Дюссельдорф и оттуда ездил часа за 4 от Дюссельдорфа, там были из наших Каменев московский и Дюккер, можно было бы работать. Места очень хорошие.

Теперь я в Дюссельдорфе нанял мастерскую и теперь работаю. Это письмо к тебе будет очень коротенькое и будет заключаться в вопросах, на которые ты должен будешь немедленно ответить. Когда выставка?[1] Узнай от позолотчика Иванова, получил ли он мой ящик? Из Цюриха. Узнай от Зворского, как обыкновенно поступают пенсионеры, которые должны ехать домой — получают ли они из Академии приказание или уведомление о том и тому подобное. Я ему писал, но ответа от него не было. И какая судьба с отчетом (старая история) и проч. и проч.

Пожалуйста, напиши поскорее. Я теперь сижу без денег и, несмотря на то, едем с Каменевым на выставки в Брюссель и

Антверпен. Надо ж посмотреть и голландцев, и тогда довольно, домой. А Париж, брат, черт знает что такое. Вавилон, совершенный Вавилон. Но об нем расскажу, когда увидимся. Прощай.

Твой весь *Иван Шиш*[*кин*] ⟨...⟩

65 Н. Д. БЫКОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 10—22 сентября 1864

Иван Иванович, картина получена, письма не было, письмо было получено — меня не было в Петербурге, и вот почему я долго времени Вам не отвечал и ничего не сказал о Вашей картине, но все же письма, о котором Вы пишете, т. е. какого-то подробного, я вовек не получал и не знаю.

Этюды Ваши все натянуты на пялки и некоторые весьма удачны. Теперь дело о картине,[1] Вы помните, И[ван] И[ванович], мой заказ — я просил Вас написать вид, а не этюд леса, который я уже имею и который (извините за откровенность и прямоту) нисколько не хуже присланной Вами картины, а для меня и лучше, и так Вы видите, что мне нужна Ваша картина с видом, лесом, воздухом, водой и прочее и прочее. Вы помните, что я просил Вас, когда будете в Риме, то повторите ту Альбанскую аллею, которую писали все наши художники и которая имеет удивительную перспективу. Вы помните, что именно я просил Вас, если не будете в Риме, то в этом роде написать хоть в Саксонии. Теперь картины для себя я буду от Вас ждать, а эту продам или уступлю другому лицу, если только желаете, в таком случае, когда получу ответ, письмецо о Вашем согласии ее продать другому и за сколько. Теперь я буду дома, если и уеду, то ненадолго, и потому ответ не может быть замедлен.

В ноябре будет выставка. Хотите ли Вы выставить Вашу картину? Хотите ли выставить Ваши этюды? Хотите ли их кому показать?

Ваш *Н. Быков.*

66 Н. В. ВОЛКОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Село Братцево. Московской губернии. 28 сентября 1864

Дружок Иван Иванович,

Ты, брат, ошибся в своем предположении, надеясь, что твое письмо найдет меня в Питере, а я еще вон где сижу, смотри вверху на надпись, да и выбраться отсюда не знаю как, а все по милости добрых товарищей, которые заставили меня терпеть в чужом пиру похмелье. Они, изволишь видеть, жили со мной и, не заплатив ни гроша, отретировались в Питер с намерением добыть денег и выслать в уплату, а я остался заложником, и вот

уже месяц сижу и жду выкупа, а каково положение-то, а? Да оно еще не было бы так досадно, если бы люди были без средств, а то оба получают казенное содержание — один 30 рублей, а другой — 40 р[ублей], второго ты знаешь — Вьюшин.[1]

Но несмотря, что я сижу здесь, я смогу тебе ответить на некоторые вопросы, например, весна здесь была хороша до 29 июня, то есть до петрова дня, а лета совсем не было, какая-то пародия на южную зиму — ветер и дождь изо дня в день да солнце раз или два в месяц показывалось вроде двунадесятого праздника, а теперь уже недели две идет снег вперемешку с дождем, да к тому еще сильнейший северный ветер, так что ни писать, ни в альбом зачертить ничего не думай, поэтому можешь судить, много ли я наработал. Написал три маленьких этюда, да и все тут — вот так лето.

Выставка должна открыться 4 ноября по случаю столетнего юбилея, который хотя и не будет праздноваться, но все-таки в этот день хотят открыть выставку, а приемка вещей до 20 октября.

Насчет справки у Зворского ты можешь остаться покоен, можешь возвращаться домой без всяких формальных прелюдий относительно Академии, об этом мне сказал Львов еще весной, когда я хлопотал об участи твоего отчета, который сгиб невозвратно,[2] да и на кой его теперь черт. Жаль только фотографий, которые с ним пропали.

Как посмотришь голландцев, то укладывай свой чемодан и бери свои этюды, да и поезжай домой. Мы с Джогиным соскучились по тебе.

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

вот тебе и куплетец по этому случаю, да, кстати о Джогине — он с жинкой нынешнее лето жил у Боголюбова в подмосковной деревне или скорее у родственников Боголюбова от меня верстах в 12-ти и приезжал, и с Боголюбовым ко мне, и я был у них, они только жили, пили, ели, гуляли, но не работали, потому что лето, по выражению Боголюбова, подлец.

Через неделю я надеюсь, что меня выкупят из залога и я буду в Петербурге, а ты уведомь меня, когда ты намерен выехать, то я буду ожидать тебя. По приезде в Питер я узнаю остальное, о чем ты пишешь, и немедленно уведомлю тебя.

До следующего письма, остаюсь твой

Иван Волковский.

Купи-ко какую-нибудь заморскую штуку, годную для художественного употребления, они там, надо полагать, гораздо дешевле, чем у нас. Где Гиппе и что с ним, ничего не знаю. Ты подивишься, что я пишу на таком клочке, это, брат, последний клочок, больше у меня и бумаги здесь нет, кроме что чистые листы в альбоме, да те не годны для корреспонденции, очень толсты.

67 И. И. ШИШКИН — Н. Д. БЫКОВУ

Дюссельдорф. 29 сентября 1864

Милостивый государь Николай Дмитриевич,

Чрезвычайно неприятное, но справедливое письмо Ваше я получил. . . и спешу на него ответить: но что писать Вам или что говорить, я и сам не знаю. . .

Картина Вам не нравится, я Вам напишу другую, бросаю все другое и начинаю писать Вам, но дело вот в чем: размер картины по условию весьма неподходящий — слишком квадратен. Этот размер годен только для картин лесных внутренностей преимущественно, и потому я нашел необходимым изменить прежний размер, т. е. вместо 11 и 14 дециметров я взял $10^1/_2$ и 15,— надеюсь, что Вы не будете в претензии, почему я и заказал холст. [1]

Сюжет картины таков: «После грозы», на среднем плане остатки разбитого и сожженного молнией дуба, от которого частью будет виден дымок и прочее. Надеюсь, что Вы этим сюжетом будете довольны. Это из Тевтобургского леса, где я нынче провел дождливое лето. Кстати, нынче лето было здесь, да и везде, короткое, по крайней мере в Швейцарии и даже в Италии была прескверная погода. Надеюсь, что эта картина не будет этюд.

А что ни говори, я за ту картину краснею, и краснею жестоко, мне совестно, а дело покамест непоправимое. Что станешь делать, добрейший Николай Дмитриевич, а ведь сколько я с ней бился проклятой, и сколько она у меня отняла время. И сколько было получено советов Коллера, и вот эти-то советы и довели ее до состояния этюда. Его принцип в искусстве — не удаляться от этюда ни на шаг.

Если Вы будете так добры, Николай Дмитриевич, то продайте ее, ибо я теперь сижу совершенно на бобах, денег ни гроша — цены я назначить совершенно не могу. Я полагаюсь на Вас, добрейший Николай Дмитриевич, потрудитесь только продать, ну хотя бы за 150, за 200, а если не так, так хоть за 100, только, пожалуйста, продайте — я сижу без денег.

Выставлять ее я бы не хотел. Этюды я бы желал, чтоб только видела Академия (этюды мои еще у позолотчика Иванова, штук 20 или 30).

Так вот какие вещи, добрейший Николай Дмитриевич, а всетаки дело скверное, я здесь за границей совершенно растерялся, да не я один, все наши художники и в Париже, и в Мюнхене, и здесь, в Дюссельдорфе, как-то все в болезненном состоянии — подражать, безусловно, не хотят, да и как-то несродно, а оригинальность своя еще слишком юна и надо силу.

Желаю Вам всего хорошего. Остаюсь с исти[нным] почтением Ваш покор[ный] слуга

Шишкин.

68 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Дюссельдорф. 7 октября [1864]

Что это ты, брат Волкач, не пишешь мне, или ты не получил мое письмо? А ведь я просто бедствую — узнай от Зворского или попроси, чтобы мне деньги выслали в Дюссельдорф — или нужно будет официально известить контору Академии, и спроси у него на это форму. Вообще узнай что-нибудь и сейчас же пиши мне. Этюды мои у Быкова и позолотчика Иванова, да получил ли он их, я и этого не знаю, если нужно будет их показать в Академии, то, пожалуйста, похлопочи. Вообще, я не знаю, что делать, и не знаю, что просить тебя. Картина, которую получил от меня Быков, дрянь, и я не хочу ни за что, чтобы ее выставили, а к выставке я пришлю непременно, во что бы то ни стало картину. Прощай, пиши и пиши. Твой *Шишкин.*

Когда я получу от тебя письмо и вести более утешительные, то напишу тебе большое письмо. А теперь просто беда.⟨...⟩

69 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Дюс[сельдорф]. 26 окт[ября] 1864

Любезнейший Волкач,

Сию минуту получил твое и милейшего Джогина письма — рад несказанно, что я еще не совсем пропал. Сейчас же отправил письмо в Бернское посольство. Все эти путаницы не что иное, как наша беспечность и нерадение.

Во што, я тебе предоставляю распорядиться моими вещами, как своими собственными. Возьми, если можно, ящик у Иванова, раскупори его, пересмотри все, и что найдешь — можешь распоряжаться по своему благоусмотрению, но дело в том, что там

едва ли что найдешь такое, которое бы можно было сбыть, там большей частью вещи такого рода, я тебе напишу регистр моих вещей в ящике:

Этюдов на картоне	55
Этюдов на холсте	17
— на бумаге	39
Рисунков	32
Фотографий	72
Гравюр	82
Литографий	12
Еще рисунков	17
Альбомов	5

и проч. и проч. хлам, который, надеюсь, будет сохранен до моего приезда. У Быкова, кроме этюдов, есть еще 2 большие литографии, 1 рисунок коров — я не знаю, что он с моими этюдами хочет сделать? А картину вы видели, дрянь страшная, из рук вон скверная. Он обещается ее продать другому. Хорошо бы он сделал, если бы продал.

Джогину скажи пребольшое спасибо за его письмо, и как только мало-мальски поправлюсь, соберусь с духом, то и буду писать, а теперь кланяюсь ему и его женке.

А ты, брат, пиши, пожалуйста, как твои делишки на выставке и вообще как выставка и проч. Письма ваши доставляют большое удовольствие для всех нас здесь обретающихся, мы их читаем, как газеты, и малейшее какое-нибудь известие передается из уст в уста, и это составляет насущную пищу нашему воображению и проч.

Да вот что еще, не приехал ли в Питер Самойлов (молодой), архитектор, у которого 2 рисунка пером и еще что-то, и если ты его увидишь как-нибудь, то можешь спросить у него их и можешь продать, если подойдет такая статья. А теперь прощай, будь здоров и писать не ленись.

Твой *Иван Шиш*[*кин*].

Видишь, я тебе письмо франкирую.

70 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Dusseldorf. 24 декабря
Завтра католическое рождество 1864

Любезнейший Иван Васильевич,

⟨...⟩ Что такое эта у вас лотерея?[1] И напиши, как она составилась, из каких вещей и как идет. Успешно или нет?

Соломаткина поздравь от меня и Каменева с успехом, которого от него всегда ожидал.[2] ⟨...⟩

Кто это распорядился выставить мои вещи, черт знает что такое, я вовсе не хотел выставить картину, а тем более этюды коров, а некоторые даже копии с Коллера.[3] Вы меня сделали мошенником невольно против Коллера, если он узнает. Это вообще со всех сторон скверно *(нрзб).* Что ты, брат Волкач, в письме своем врешь относительно моих вещей, что ты, церемонишься, что ли, сказать ⟨...⟩.

Конечно, ты моих этюдов и фотографий и прочих не затеряешь, я надеюсь! Об Анатомии животных я еще не спрашивал, но, кажется, здесь едва ли можно найти, я знаю, что в Париже найти можно, и то с трудом. Анатомия животных *(нрзб)* лошади и коровы. Для кого это? Прощай, будь здоров.

Твой *Иван Шишкин.*

Поклонись Джогину с семейством. Что он поделывает? А где Резанов, Горавский, Боголюбов, Мещерский, если что-нибудь на выставке — напиши.

Сегодня иду в магазин и спрошу об Анатомии, а письмо оставлю до завтра. ⟨...⟩

А Пименова жаль очень, как бы то ни было, а все-таки раньше борец был (из наших).[4] Ну что, как клуб художников,[5] или что другое, есть в Питере или нет?

71 И. И. ШИШКИН — Н. В. ВОЛКОВСКОМУ

Дюссельдорф. 27 февраля 1865

Любезный Волкач,

Весьма благодарен тебе хоть и за весьма короткое письмо. При сем удобном случае поделюсь с тобой некоторого рода удовольствием, которое я имею случай ощущать. Видишь ли в чем дело: я по вечерам кое-когда порисовывал пером, и таким образом нарисовал 3 рисунка — вышли они очень недурны, я и возымел желание выставить их на здешнюю постоянную выставку и, что весьма нелегко, не бывши членом. Но как бы то ни было, а я выставил. И что ты думаешь: просто, братец, фурор, да такой, что и, черт возьми, совсем я никогда и не испытывал этого удовольствия, такой шум и гвалт поднят. Все художественное общество (которое здесь называется Málkasten)[1] выразило единогласно свой восторг и бесконечные похвалы, так что я теперь сделался здесь известным, где и куда нейдешь, везде показывают, пошел вот этот русский, даже в магазинах спрашивают, не вы ли тот русский Шишкин, который так великолепно рисует, и можешь себе представить эту картину — словом, успех неожиданный, и вдобавок один рисунок еще куплен на здешнюю постоянную выставку, рядом с Андр. Ахенбахом и Лессингом,[2]

рисунки которых тоже там красуются, следовательно, и мой будет там же. Жаль цену назначил весьма ничтожную — 50 талеров. * Я никак не думал, что и понравятся, а не то что купят. Остальные 2 я думаю прислать к тебе, ** чтобы выставить на постоянную выставку, а может, и третий приготовить — так вот, видишь ли, это ведь чудо ⟨...⟩, и теперь Дирекция выставки меня уже просит, чтобы я выставлял все, что только хочу. Теперь я кончаю картину для Быкова (другую) [3] и ее выставлю, а ту, про которую ты пишешь,— сбудь за что-нибудь, решительно как только можно.

Где теперь Федька Львов? И кто на месте его, [4] ты *(нрзб)* не пишешь. Прощай, кланяйся всем, в особенности Джогину и его семейству,— тороплюсь, брат, писать, ждут меня товарищи, один из них еще немец, идем на маскарад дурачиться.

Будь здоров.

Иван Шишкин.

Если увидишь Быкова, кланяйся ему и скажи, что я ему скоро вышлю картину.

Письмо это осталось до утра, и сегодня принесли мне лист журнала Dusseldorfer Anzeiger, [5] в котором с помощью переводчика можешь узнать, что говорят о моих рисунках,— это, заметь, чужой голос. Ведь хорошо, не правда ли? А что, не будет подлостью или самохвальством перепечатать эту статью в русской газете? Мне кажется, тут ничего нет подлого, кроме как публикации — посоветуйся с Джогиным и сделай так, как он заблагорассудит.

72 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

Дюссельдорф. [Март], числа не знаю 1865

Не милый Волкач.

Из рук вон как ты ленив писать письма. Я и забыл, когда ты писал, а я все жду и жду. Это, право, не годится, должно быть, у вас там без Львова воцарилась анархия.

Спроси, пожалуйста, в конторе, когда мне вышлют деньги, дай им мой адрес, я ведь совсем сижу без денег. Скоро закричу das ist schrcklich [1] — без шуток. Пожалуйста, не откладывай.

---

* Заметь, что здесь [у] иностранцев не покупают,— это так редко, а особенно у русских.

** Если только не купят, один господин дает 80 талеров, да я не отдаю.

В прошлом письме я тебе писал, писал об разных вещах, и ни слуху ни духу от тебя. Может быть, ты потерял мой адрес. 〈...〉

Жду ответа с величайшим нетерпением.

Твой *Иван Шишкин.*

Да здоров ли ты?

73 П. В. ВОЛКОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Петербург. 22 марта 1865

Дружок Иван Иванович,

〈...〉 Все знающие тебя радуются и поздравляют тебя с успехом. Уже если ты заставил зашевелиться эти апатичные натуры немцев и заставить их на печатание овации, то, видно, недаром. Ну теперь начну об академических новостях: Львов сменен, на место его назначен какой-то чиновник от двора, каков будет, еще не знаю, но знаю, что формалист, как чиновник, запрещает жить в мастерских, что очень скверно для нашей братии, а пока еще больше ничего в ущерб нам. Бывший конференц-секретарь Василий Иванович Григорович[1] приказал долго жить, также умерла жена А. П. Боголюбова,[2] которую очень жаль, потому что была очень милая женщина. К тебе, брат, скоро будут гости, и знаешь ли кто — Рязанов и Сазонов,[3] встречай и научи, как жить в неметчине, а то они, дурни, ничего не знают на первых порах, да скажи, пожалуйста, долго ли Каменев пробудет за границей, а также и ты, когда вернешься и где будешь жить летом.[4] Сообщи, чтобы мы могли переписываться, я намерен уехать из Петербурга 1 или 2 мая, если удастся к тому времени собраться с деньгами.

Вещи твои все у меня в мастерской, я их взял от Быкова, и большую картину[5] сегодня поставили на постоянную выставку продавать за 150 рублей с[еребром]. Продажа на постоянной выставке идет очень хорошо преимущественно маленьких картинок. От Общества поощрения художников объявлен конкурс — 2 премии на пейзаж и 2 на жанр, на пейзаж 1-я 400 рублей, 2-я 200, а на жанр 1-я 600, а вторая 400. Срок 1 ноября нынешнего года, и это будет каждый год. Сумму эту жертвует от себя граф Строганов,[6] как пейзаж, так и жанр должны быть русские. Не правда ли, хорошо, а это, брат, все действие нового секретаря Общества Дмитрия Васильевича Григоровича,[7] автора «Антона Горемыки», «Рыбаков» и «Переселенцев». Он, брат, всего другой год, как секретарем Общества, и в это время он уже продал на постоянной выставке выставляемых художниками вещей на 14 тысяч р[ублей] с[еребром]. Вот это так молодец, не правда

ли? И кроме того, что за вход на выставку берется 25 копеек и народу ходит много, а прежде, когда она была перед твоим отъездом против Аничкина дворца, за вход брали только 15 к[опеек] и никто почти не ходил. Григорович очень эффектно объясняет достоинство картин на всех европейских языках, и так убедительно, что другой хотя и профан в искусстве, но, умиляясь его рассказом, глядишь, и купит что-нибудь, чтобы не показаться жалким невеждой. Это при мне бывали подобные случаи, так что другой не успеет уйти с выставки, принеся продавать картину, глядь, уж Григорович показывает ему знаком, чтобы он не уходил, потому что покупатель наклевывается, и, глядишь, тот минут через 10 получает деньги и катит домой веселый, чтобы начать другую вещь. Да вот тебе пример: Ознобишин в продолжение нынешней зимы продал на постоянной выставке почти на 400 р[ублей] с[еребром] маленьких мотивчиков.

Да Григорович мне рассказывал, что он еще откуда-то выцарапал 1000 рублей сере[бром], из которых также сделает премии для пейзажа и жанра.

Публикацию, или, скорее, восторг немцев от твоих рисунков, перепечатать можно в Русских ведомостях,[8] я об этом справлялся, только нужно заплатить — то вот как я только разбогатею немножко, то и отдам, хотя немножко поздно, но лучше поздно, чем никогда, а что касается до того, что ты пишешь, будет ли это хорошо, то я и Джогин нашли, что даже более или менее необходимо. Джогин и семья его тебе кланяются и также и Гине. Будь здоров, да пиши, как у тебя дела идут. Мы все за тебя очень радуемся. Остаюсь пока здоров

Твой *И. Волковский.*

Коли хочешь присылать рисунки, то присылай скорей, чтобы они меня застали в Петербурге, так я их и выставлю на постоянную выставку, а тут, кстати, к этому времени подоспеет публикация из Дюссельдорф Анцейгер, оно дело-то и будет в шляпе, как говорится.

Скажи Каменеву, что Соломаткин уже больше водки не пьет, потому что было допился до совершенства, чуть с ума не своротил, и доктор ему крепко-накрепко запретил так благодушествовать, как прежде, а то сказал, что в противном случае подохнет.

74 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

[Дюссельдорф]. Апрель 1865
Числа не знаю. Отличная погода.
Я сегодня целый день шлялся за городом,
как, бывало, с Джогой.

Любезнейший Волкач,

Спасибо тебе за письмо, а я ждал, ждал, да и ждать перестал, уверен был, что ты просто не хочешь писать, я тоже имел намерения больше не писать тебе — неужели ты так занят, что не найдешь времени написать письмо? Но как бы то ни было, это письмо было для меня сюрпризом. За то тебе и спасибо.

В письме твоем много нового и интересного. Давай бог успеха бедному нашему искусству в богатейшей и обширнейшей Руси. Следовательно, Григорович человек хороший? Взятки не берет? Гостям из Питера очень, очень рад. Особенно Резашку[1] видеть весьма приятно. Но когда они будут?

За Егорушку Ознобишина очень рад.[2] Следовательно, он теперь повеселел, а то он был как-то все не по себе. Что, как его здоровье? Кушать ли теперь горазд и по улицам разевает рот или еще нет?

Ну теперь тебе буду рассказывать про себя. И все, конечно, об рисунках. Рисунки мои делают чудеса, да и только, я последнее время выставлял еще три. Но хвалам и восторгам не было конца, народу около них столько всегда, что просто не доберешься, просто, брат, шум наделали. Я теперь получаю как почтительнейшее приглашение выставить мои рисунки в Кельне, Бонне и Ахене, да ведь как просят. Из Кельна приехал один из директоров постоянной выставки ко мне лично просить меня. Но уже рисунки отправил в Бонн — из трех один продал и уже не за 50, а за 100 талеров, а из первых трех продал два по 75. Всего продал 6 рисунков. Словом, брат, черт знает что такое — везде слышишь: вы федер цейхинунк[3] фон Шишкин. Да ведь каждый говорит, что ничего подобного никогда и нигде не видывал. Ну да черт с ними, с колбасниками. Третьего дня я кончил рисунок пером на камне, который, говорят, будет великолепен, но все дело будет зависеть от литографа, завтра будем делать пробу. И я пришлю тебе несколько оттисков вместе с фотографиями с моих рисунков, но жаль, что не со всех. С двух совершенно не успел. Купили и увезли, один в Милан, а другой — черт знает куда, кажется в Англию. И эти два были лучшие. Теперь жаль очень, да не пособишь.

Я каждые рисунки, которые делал, имел полное намерение все отправлять в Питер, но здесь просто не дают, что вы там

еще успеете, а здесь вы останетесь не так долго и проч. и проч. На днях будет опять, вероятно, рецензия.

Что за мерзкие правила у наших редакторов, что за подобного рода, как рецензия, берут деньги. Это ведь не объявление какое-нибудь. Подлецы.

Я к июню, вероятно, буду в Питере, и ты устрой так, чтобы я мог найти все мои вещи, если ты уедешь. Смотри, не забудь.

Кланяйся Джоге и семье его. Я жду с большим нетерпением его видеть, если только и он не уедет куда-нибудь. Это ведь будет просто скука, если вы все поразъедетесь.

Прощай. Будь здоров и счастлив.

Твой *И. Шиш*[*кин*].

Живопись моя пока стоит, но я должен буду кончать обе картины. Дела за обеими немного, и на одну уже готов покупатель, но я карт[ины] не продам.[4]

75 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

[Дюссельдорф. Апрель]. Числа не знаю.
На днях будет май (кажется) 1865

Любезнейший Волкач,

Спасибо тебе за письмо и особенное спасибо за хлопоты при продаже моей *(нрзб)*. Рад как нельзя больше. Деньги остальные оставь Дарье Яковлевне — мне они понадобятся,— я приеду в Россию гол как сокол,— да, кстати, сходи в контору и расспроси Зворского, что мне нужно будет писать в Академию о разрешении моего выезда из-за границы. Если нужно, то попроси его написать ф о р м у, а иначе я нагорожу дичи. А деньги за треть я получу в Питере, если только будут еще давать.

Я в последнее время сделался совершенно негодный мальчишка, решительно ничего не работаю, а шляюсь и мотаю деньги с хорошенькими девочками. Весна, да и какая здесь весна, просто из рук вон хороша. Мастерская теперь каземат совершенный. Вот уже три недели я все жду ненастья, чтобы начать к о н ч а т ь мои работы.

Был у вас, вероятно, Каменев, который и отдал вам карточки, я было хотел послать и несколько фотографий с моих рисунков, но не хотел его обременять, мы с ним были последнее время если не совсем в разладе, то не в ладах 〈...〉.

Куда ты едешь ныне летом? Я в Питере буду очень недолго, поеду домой. Благодари от меня добрейшую Дарью Яковлевну за предложение, которым я, может, и воспользуюсь. Поклонись и пожелай счастливого пути Джоге с жинкой, а жаль, что я их не застану. Ну да как-нибудь доживем до зимы, увидимся.

А ты, Волкач, напиши непременно письмо перед отъездом, да постарайся заглянуть в мое письмо, когда станешь писать. Вещи нужные — а то, ты, брат, поминутно забываешь, то очень я тебя прошу. Прощай, кланяйся всем. Остаюсь твой

Иван Шишкин.

Прилагаемую карточку передай Гину — с Каменевым в письме позабыл написать, и он, вероятно, присвоит ее себе.

76 Н. Д. БЫКОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 9 июля [1865]

Милостивый государь Иван Иванович,

Если перед сим написанное мною Вам письмо за границу о прежней картине Вы сознали справедливым, то надеюсь, что и настоящее письмо Вы примете так же.

Вот как происходило дело: картину Вашу[1] я поручил открыть и натянуть на рамку, а сам 7 июля, по случаю столетнего дня закладки церкви Акад[емии] худ[ожеств] и самого ее здания, отправился в Академию. Возвратился домой при знойном солнце и нашел Вашу картину, которой отдаю полную справедливость, и скажу, прекрасная картина и тон ее верен, повторяю, подобной ей из видов нашей матушки Руси нисколько не было бы излишним, и если в Елабуге от нечего делать найдете Вы хорошенькую местность, то напишите, и если она будет не превышать той цены, за которую Вы писали настоящую, то я принимаю на себя. В последнем случае надо такой же величины. Итак, благодарю за картину, об остальных ее достоинствах поговорим после, а теперь от души пожелаю Вам идти в художестве тем путем правды и натуры, которую я вижу в Вашей картине. Надеюсь, что она приведет Вас к достойным и лучшим результатам. Мы видели таланты в молодости, для которых впоследствии художество сделалось ремесло,— и что же — помрачилось имя на степень зауряд всех смертных так, что с удовольствием смотрим на картину его ученическую, но не настоящую. Итак, дай бог Вам успеха. Остаюсь с истинным уважением, доброжелатель Ваш *Николай Быков.*

77 И. В. ВОЛКОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Село Великий Бобрик. 14 июля 1865

Дружок Иван Иванович,

Я пишу это письмо в полной уверенности, что оно застанет тебя уже на месте и, вероятно, уже работающего, какова-то у вас там погода, а здесь 35 градусов каждый день и ни облачка на небе, так что и писать не с чего. Я начал две вещи. Одна — длин-

ная перспектива улицы.[1] Другая — колодезь с фигурами вроде Штернберга, с тою только разницей, что у него над бассейном клен или платан, а у меня ветла. Не знаю, что из этого выйдет, а поначалу судить, надо полагать, порядочно. Мне ужасно хочется написать этюд с дубами, да как на грех здесь все те дубы, которые хороши по рисунку и которые позволяют себя видеть на почтенном расстоянии,— все странного колорита, представь, совершенно темно-синие, есть и такого колорита обыкновенного, но те паршивы или стоят так, что их никаким родом нельзя писать. Есть одно местечко, которое отлично скомпоновалось со всеми условиями картины, и славная даль да дубы синие, боюсь приниматься, в картине все дело испортит. — Скажут, этаких дубов совсем не бывает. Одним я не совсем доволен, что в здешней деревне мало характера Малороссии, который мы привыкли себе представлять. Улицы слишком широки и слишком правильная постройка, нет этих выдавшихся капризных избенок, которые не хотят стоять зауряд с другими, нет также живописных плетней, обросших тыквами или другими какими-нибудь вьющимися растениями, а почти везде частокол стоит плотно и ровно, как солдат во фрунте, придется все пополнять, чтобы выработать хоть насколько-нибудь характер Малороссии, который мне очень хочется передать, не знаю, насколько удастся, а буду стараться. Напиши, пожалуйста, что Гине отдал тебе деньги и обещал прислать и долго ли ты пробыл в Питере. Как твои дела вообще и всякую шутку, какая придет на ум. Когда предполагаешь вернуться в Питер, рано или поздно, и что работаешь? ⟨...⟩

Твой *Иван Волковский.*

78 Н. Д. БЫКОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 9 сентября, пятница 1865

Милостивый государь Иван Иванович,

Сожалею о Вашем горе и болезни стариков, но что делать, общая участь удела неизбежна. При сем посылаю Вам 150 рублей.

Картину Вашу, как достойную, по моему суждению, академической награды, и полагая, что Вы на это согласитесь и покоритесь, я отправил в Академию на благоусмотрение Совета при своем письме,[1] который был так любезен, что возвел Вас в звание академика Императорской Академии художеств, с каковым от души и любви к искусству художеству Вас и поздравляю. Желаю, чтобы это новое звание усугубило еще больше Вашу любовь к искусству, и которое доставило бы Вам и деньги и славу,— в следующее воскресенье будет публичный акт. Надеюсь,

что утверждение будет единогласное. Будьте уверены, Иван Иванович, что за достойное достойному всегда воздастся со сторицею, и если Вам неприятно было выслушать мое письмо о Вашей прежней картине, то, надеюсь, приятно слушать о настоящей — я же со своей стороны, судя по валаамской (мною от Вас купленной), судил, что Вы могли дать мне лучшую картину, что исполнили. Итак, благословляю, и с божьей помощью вперед, вперед.

Ваш доброжелатель

Н. Быков.

79 И. Д. НЕРАДОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 13 сентября 1865

Иван Иванович,

От души поздравляю тебя с блестящим успехом — твоя картина на выставке очень хороша, ты получил звание академика. Твоей картиной все очень довольны. Сообщаю тебе два мнения известных лиц и очень придирчивых — Шамшина, профессора,[1] что твоя картина занимает первое место на выставке, и Микешина, что давно таких пейзажей не было; выставка еще не открыта для публики.

Жалею, что не встретились в Москве. Новостей больше нет. Да! Вице-президент новый на место Гагарина — граф Стенбок.[2]

Надеюсь увидеться. Желаю тебе быть здоровым и счастливым.

Уважающий тебя старый товарищ

Ив[ан] Нерадовский.

80 В. М. РЕЗАНОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Дюссельдорф. Март — апрель 1866]

Любезный товарищ Ваня,

Давно собираюсь я тебе написать, да не знаю куда, через Джогина я передавал тебе поклон, ты меня совершенно забыл, но почему не написать хотя словечко, неужели уж такая лень. Это просто непростительно. Ты знаешь, как приятно на чужой стороне получить письмецо, да еще от хорошего товарища. И Джогин тоже не пишет, вы, кажется, хотите меня разлюбить, а может быть, и вовсе не любили, стыдно вам, бог с вами. Ты поверишь ли, Ваня, ежели бы не было тут Быковского, который каждый вечер бывает у меня, а также и Сазонов, оно, право, от скуки можно бы было умереть, невыносимая тоска. Днем я не скучаю — весь день работаю, картины не идут, все, брат, чего-то хочется, и сам теперь вижу, да еще силишки нету, и бог его знает, будет ли когда, тяжело об этом и думать, а пока работаю прилежно, переписываю по нескольку раз, бешусь, что не выхо-

дит, а хочется поставить на своем. В ту раму, которую я у тебя купил, пишу две картины — одна изображает утро с туманом, а другая самая простая, нету ни одного дерева — жатва ржи. И хочется их донельзя окончить. Я их думаю прислать с Быковским, который едет в Петербург в конце апреля, то ты можешь их видеть, которые, думаю, и на выставку в Петерб[урге] поставить.[1] Начато еще у меня шесть штук в аршин величины, да еще затеваю малороссийскую водяную мельницу. Дни теперь так велики, что, думаю, окончу. Что же касается, где я буду это лето, то, право, один бог знает. Скажу только одно — хотелось бы съездить в Малороссию на этюды, а потом, ежели средства позволят, за границу опять пробраться, большая польза тут писать картины, да и энергия является больше, тут так прилежно работают, что и самому не хочется терять время.

Итак, Ваня, я надеюсь от тебя получить писульку. Напиши, что ты делаешь и что делают также другие. Все это интересно, а также прошу тебя, пришли мне долг, я совершенно без денег, никто не присылает, вот нынче и давай в долг, просто на чужой стороне можно с голоду умереть, и пишу это своим должникам, а они и в ус не дуют, даже не отвечают, ужасные люди.[2] То прошу тебя, поторопись мне выслать, я живу на твоей квартире № 22 Wehrhahnen. Боголюбов много картин написал, а летом думает ехать в Париж. С Риццони мы переписываемся, он живет в Париже. В Дюссельдорфе в настоящее время чуть-чуть не на головах ходят, каждый день маскарады, даже и по улицам замаскированные ходят. Я каждый день бываю в Малькастене, потому что там обедаю и каждый вечер рисую фигуры. Вот тебе все. Желаю от души тебе здоровья. Преданный твой друг *Виктор Резанов*. Кланяются тебе Быковский и Сазонов. ⟨...⟩

81 И. И. ШИШКИН — А. Ф. ЛИХАЧЕВУ[1]

[Петербург. Апрель 1866]

Милостивый государь Андрей Федорович,

Очень жалею, что не имел удовольствия быть с Вами лично знакомым, заочно же мы, кажется, знакомы довольно при посредстве г. Журавлева,[2] который мне и сообщил Ваше желание иметь мою картину,— я с большим удовольствием принял это предложение и желал бы, чтобы картина моя[3] Вам понравилась. Надеюсь, Андрей Федорович, что вы скажете мнение о ней, что мне будет весьма приятно. Остаюсь с ис[тинным] почтением и предан[ностью] ваш покорный слуга

Иван Шишкин.

82 А. Ф. ЛИХАЧЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Казань. 7 июня 1866

Милостивый государь Иван Иванович!

Еще в апреле получил я Вашу картину и прошу Вас благосклонно извинить меня, что по различным обстоятельствам я до сих пор не успел Вам ответить и благодарить Вас и за любезное Ваше письмо. Мне самому очень досадно, что я до сих пор лишен удовольствия быть с Вами лично знакомым, хотя через И. И. Журавлева, а также А. В. Гине заочно я знаю Вас давно. Это-то заочное знакомство с Вами и подстрекает меня желать познакомиться с Вами лично, и я не теряю надежды, что как-нибудь это случится. А покуда я имею у себя много о Вас воспоминания: так, Ив[ан] Игн[атьевич] [1] передал мне все Ваши рисунки, которые Вы ему подарили и которые я тщательно храню. Благодарю Вас за присланную Вами картину и за любезность, с которой Вы выразили желание узнать мое о ней мнение. Но я, конечно, принимаю это только за любезность и думаю, что мое личное мнение в оценке достоинств этой картины не выразило бы Вам ничего нового, так как я нахожу ее прекрасной, а Вы, вероятно, сами знаете, что обладаете большим талантом и дурных вещей не пишете. Цена, назначенная Вами за нее, без сомнения, невысока, и я опять-таки должен Вас благодарить за то, что Вы соразмерили ее с моими финансами, которые далеко не так велики, как моя страсть к изящным произведениям. Вы ничего не сообщили мне об Ал[ександре] Вас[ильевиче] Гине, а я ждал и от него картину. На днях Журавлев мне сообщил, что Ал[ександр] Вас[ильевич] захворал и оттого не успел окончить своей картины. Я очень сожалею об этом обстоятельстве и прошу Вас передать ему, что я все-таки жду его картину и надеюсь, что он окончит ее, когда здоровье ему позволит. Я так давно уже не видел его работы, и между тем слышал об его успехах, что чрезвычайно интересуюсь получить его картину. Мы с ним не переписываемся, к сожалению, но, познакомившись с ним лично, я почувствовал к нему самую душевную симпатию, которую продолжаю питать к нему до сих пор так же, как в дни пребывания здесь, и все, что до него лично касается, все его успехи живо меня интересуют. Я и писал бы к нему, да никогда не знаю его адреса, а между тем мне известно, что он делает различные путешествия по южным губерниям, так куда же к нему писать? Пожалуйста, передайте ему от меня, что я желаю ему всего хорошего, жму ему руку и прошу не забывать обо мне и картину все-таки жду.

Затем позвольте и Вам, Иван Иванович, пожелать всего хорошего и выразить надежду, что, когда на счастье Вас бог занесет в Казань, Вы не откажете мне сделать большую честь и удовольствие меня навестить и подарить Вашим личным знакомством.

С искренним почтением имею честь быть готовым к Вашим услугам.

А. Лихачев.

При сем сто рублей прилагаю.

83 В. Г. ШВАРЦ[1] — И. И. ШИШКИНУ

С.-Петербург. 21 сент[ября] 1866

Милостивый государь Иван Иванович.

На предстоящей всемирной выставке приятно было бы видеть в числе картин Русского отдела и Ваши произведения. Посему покорнейше прошу Вас почтить меня уведомлением, не пожелаете ли Вы послать какую-либо из Ваших картин в Париж. Если в Вашей мастерской нет в настоящее время оконченного произведения, то потрудитесь меня уведомить, где находится Ваш прошлогодний пейзаж, за который Вы получили звание академика.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Прикомандированный к высочайше учрежденной комиссии по участию России в Парижской выставке 1867 года

Академик *В. Шварц*

Его Выс[окоро]дию И. И. Шишкину.

Ответ прошу адресовать Вячеславу Григорьевичу Шварцу в Правление Академии художеств.

84 И. И. ШИШКИН — В. Г. ШВАРЦУ

[Петербург]. 22 сентября 1866

Милостивый государь Вячеслав Григорьевич,

На предложение Ваше быть в числе экспонентов парижской выставки спешу Вас уведомить, что готовых вещей у меня в настоящее время нет, а если Вам угодно взять пейзаж, за который я получил академика, то он находится у г-на Быкова[1] (12-я линия у Среднего про[спекта], соб[ственный] дом), и потом 2 рисунка пером у г-на Стенбока, исправлявшего должность вице-президента Академии.

С истинным к Вам почтением имею честь быть

Иван Шишкин.

85 В. Г. ПЕРОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 12 октября [1866]

Сердечно уважаемый дружище Иван Иванович!

Общество художников просит напомнить тебе обещанный тобою рисунок в альбом,[1] потому что уже многие нарисовали, и потому исполни твое обещание, укрась альбом наш твоим рисуночком, он должен быть нарисован химической тушью на гладкой бумаге, и пришли поскорее, чтобы тушь не испарилась или не засохла очень — я послал ко Львову альбом свой[2] и получил от него письмо, где он очень благодарит меня и просит непременно передать его поклон всем художникам, его помнящим, разумеется и тебе в том числе. Теперь прошу тебя узнать, когда нужно послать картину для конкурса и когда оный предполагается быть, и что вообще об оном слышно, и приехал ли Григорович, а кстати, когда пойдешь на постоянную выставку, зайди и узнай об альбомах мне, потому что на днях я должен буду платить в фотографию деньги за них, то знать, сколько мне нужно будет заплатить. Пожалуйста, зайди к Беггрову,[3] Фельтену[4] и Аванцо[5] и, будь столь ласков, напиши мне, чем меня очень обяжешь, а также напиши, что ты поделываешь и не видался с г. Ламанским,[6] при встрече поклонись ему от меня; тебе кланяются Каменев и Прянишников[7] и вообще все тебя знающие, виноват, ошибся, знают тебя очень много, и они все не могли кланяться, а кланяются все твои знакомые, пожалуйста, не поленись написать поподробнее об конкурсе и об альбоме. У вас теперь большие торжества, одно сменяет другое то в Кронштадте, то в городе. Ну прощай, будь здоров и счастлив, желаю успехов в твоих занятиях.

Твой *В. Перов.*

Бумага прескверная.

Рад случаю послать добрейшему Ивану Ивановичу мой усердный поклон и крепко пожать руку. К просьбе Перова о конкурсе и я пришпиливаю свою, пожалуйста, напиши о нем, что тебе известно, особенно о времени.

Любящий и уважающий *Л. Каменев.*

86 И. И. ШИШКИН — А. Ф. ЛИХАЧЕВУ

[Петербург. Октябрь 1866]

Милостивый государь Андрей Федорович,

Письму Вашему суждено было прогуливаться из Питера в Москву и из Москвы опять в Питер, на что потребовалось, конечно, немало времени и вследствие чего я получил его только что недавно. Виной тому почтамт, как питерский, так и московский. Но, как бы то ни было, я получил письмо и деньги, за что

Вас и благодарю. Я рад, что Вам картина моя понравилась, если это только не деликатность с Вашей стороны. А. В. Гине я передал Ваш поклон, который в свою очередь просил меня засвидетельствовать от него почтение. 〈...〉

На днях в Академии был по классам третной экзамен, на котором присуждаются награды, и вот в числе первых удостоился получить две серебряных медали за живопись и рисунок и Иван Игнатьевич Журавлев,[1] за что от души мы за него порадовались. Молодец.

Весной, бог даст, проездом через Казань, буду иметь удовольствие познакомиться с Вами лично. За сим с искренним почтением имею честь быть Вашим покорным слугой

Иван Шишкин.

87 В. Г. ПЕРОВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 7 ноября 1866

Добрейший Иван Иванович,

Написал я к тебе недели три тому назад письмо, в котором я тебя кое о чем просил, но оно как в воду кануло, может быть, ты его не получил?

А может быть, и получил, да поленился ответить и исполнить то, о чем я тебя просил? Не знаю? Но из этого письма мне будет все понятно. Вот теперь в чем заключается моя просьба, по получении моего письма дня через два сходи на постоянную выставку и посмотри мою картину приезд гувернантки[1] под буквами $\frac{\ldots й \ldots ъ}{1866 \text{ года}}$, и прошу тебя как доброго товарища написать мне твое мнение о ней, а также вообще, как она, будет ли нравиться али нет ее видящим. Прошу тебя, пожалуйста, напиши мне об этом; ты понимаешь, как для меня это интересно и, кроме того, очень важно знать, потому что один человече ее хочет купить, и, разумеется, если она не будет нравиться, то я ее постараюсь поскорее продать за что он дает. Надеюсь, что ты мне не откажешь в этой просьбе,[2] а также узнай, пожалуйста, что на постоянной выставке, продался ли хоть один мой альбом, и если будешь так добр, что зайдешь к Фельтену в том же доме, где постоянная выставка, и к Беггрову и узнаешь, что у них мои альбомы, и напишешь мне, то доставишь громадное мне удовольствие и одолжение, а кстати, напиши, что как Саврасова картина,[3] как нравится тебе. Каменев свою картину не посылает,[4] говорит, что очень много конкурентов, да и потому, что не успеет написать две, и решил поставить в Москве, но, впрочем, картина его хорошая, и я ему советовал послать. Новостей никаких нет. Тебе кланяются Прянишников и Каменев *(нрзб)* и Пукирев. Покло-

нись Волковскому, Резанову, Гине и другим. Прошу тебя, любезнейший Иван Иванович, исполни мою просьбу, чем очень одолжишь. Мы надеемся, что ты в декабре пришлешь что-нибудь к нам на конкурс.

Прощай, будь здоров и счастлив.

Твой *В. Перов.*

Буду ждать с нетерпением от тебя письма.

88 И. И. ШИШКИН — В. Г. ШВАРЦУ

С.-П[етер]бург. 30 ноября 1866

Милостивый государь Вячеслав Григорьевич,

Имею честь уведомить Вас, что я желаю выставить рисунок пером на Парижскую выставку,[1] который представлю к 5 числу декабря, величина рисунка с рамой следующая: длина 18 вершков, ширина $15^1/_2$ вершков.

Примите уверение в совершенном моем уважении. Академик *Иван Шишкин.*

89 И. И. МАРШЕВСКИЙ[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Киевская губерния]. 10 января 1867

Любезный Ваня,

Я к тебе летом не писал, потому что тебя, должно быть, в Петербурге не было. Весьма тебя благодарю, что ты выхлопотал для меня свидетельство из Академии на прошедшее лето,[2] с твоей стороны такое для меня одолжение, которое никогда в моей жизни не забуду, по крайней мере мог работать с натуры — прочтут мужики и спокойны, а главное, что помещено в сельские управления. Но недолго оно мне служило, потому что поздно получил, а осень скоро наступила.

На днях я еду в Киев, с того времени как возвращался, то еще и не был, желательно знать, какое впечатление на публику киевскую сделали фотографические снимки с твоих рисунков, я нарочно их оставил в Киеве, чтобы они хорошо раскусили, и все же я в короткое время не мог бы ознакомить, а теперь уже почти полтора года лежат в их руках. Теперь будет контрактовое время, будет большой съезд, можно будет господ ознакомить и вразумить, что у них другого Шишкина нет и подобных вещей даже за границей не встретят. Я думаю провести в Киеве недели две. Пожалуйста, напиши, что делаешь, где бывал летом,[3] что думаешь делать, не поедешь ли на Парижскую выставку? Где Боголюбов, Каменев, Резанов, Быковский? Знаешь, что есть в Киевской губернии едок Быковский, который, вероятно, нашего перещеголяет, конечно, и наш молодец, если бы поставить сколько

душе угодно, а то всегда денег нет — по всем тем отличный малый. Напиши об выставке, об известных талантах, о сбыте картин. Я уже соскучился, а далеко двигаться нельзя, денег нет — сиди трудись и вознаграждения нет. Живешь в деревне, по крайней мере житье не стоит, а в городе постоянно держи руку в кармане на издержки, а приходу нет, в Дюссельдорфе по крайней мере то тут, то там что-нибудь продашь. Напиши свой адрес, ежели живешь на другой квартире, и как можно больше художественных новостей. Если встречаешься с Горавским, то напиши об нем. Я буду просить опять свидетельства академического на будущее лето, а как тебя благодарить, то и сам не знаю. Будь здоров, любезный Ваня. Женись на богатой и доброй женщине.

Сердечно тебя целую

И. Маршевский.

90 А. А. БОРИСОВСКИЙ [1] — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 21 февраля 1867

Милостивый государь Иван Иванович!

Вчера имел чрезвычайное удовольствие получить от Вас в надлежащем порядке 3 заказанных мною Вам рисунка. Я считаю приятным долгом объявить Вам полное мое довольствие Вашими произведениями; во всех 3-х рисунках увидал отличную технику (в особенности в покосившемся дереве во рву) и много вкусу. За рисунок свинцовым карандашом и литографию, которые Вы мне презентуете, искренне благодарю Вас.

При сем прилагаю Вам записку, с которой благоволите отправиться во внутрь Гостиного двора в амбар Борисовского под № 32 и от находящегося там г. Ивана *(нрзб)* Калугина получить денежную, за присланные рисунки, сумму.

Готовый к услугам Ваш покорный слуга

А. Борисовский.

Два стереоск[опических] вида позвольте, пожалуйста, подержать у себя, чем премного обяжете меня.

91 Е. А. ВАСИЛЬЕВА [1] — И. И. ШИШКИНУ

С. Петербург. 22 июня. 1867

Милый и дорогой мой Ванечка!

Мы получили от брата письмо 19 июня в 10 часов вечера; нам привез его буфетчик с парохода Летучий. Он же привезет и наше к вам письмо. Федя [2] пишет, что он в восторге от Валаама и от изобилия флоры. Но вот что опечалило нас в его письме, а именно, он пишет, что у него не хватит денег, а нам решительно взять негде. Ты знаешь, мой друг, с чем мы оста-

лись. Итак, прошу тебя, если он будет нуждаться в деньгах, то помоги ему, мой голубчик Ванечка. Я так скучаю без тебя, сижу дома и работаю. Здоровье мое стало плохо, я не знаю, скоро ли все это кончится со мною, мне так тяжело и скучно, никто не придет и не навестит меня, от всех я должна прятаться, чтобы не навлечь на себя презрение от людей. Из твоих денег у меня осталось 70 руб[лей], и мы сидим теперь на 8 руб[лях] в месяц. Мамаша[3] тоже не совсем здорова, и в этом виноваты мы с тобой, она простудилась, когда поехала со мной к бабке. Я и мамаша просим тебя передать поклон Ивану Васильевичу.[4] И вот еще просьба к тебе: не оставь брата, помоги ему выйти в свет, смотри за ним построже, ведь он молод и неопытен. Я и мамаша сумеем оценить и отблагодарить тебя, моего доброго друга. Мамаша поручила тебе его, как родному отцу. И я с мамашей будем молить бога, чтобы он помог вам. Скажи Феде, что его картины не проданы еще. Да вряд ли и продадутся. Напиши мне хоть строчки две отдельно. Писать больше нечего.

Остаюсь любящая и преданная тебе, твоя *Е. В.*

92 И. И. ШИШКИН — Е. А. ВАСИЛЬЕВОЙ

Среда 22 [августа 1868?]

В тоске, скуке, злости я тебе написал сегодня такое письмо, что не решился послать, я нашел, что оно слишком жестоко,— подожду еще два дня, три, и если письма не будет от тебя, то ты его получишь* и тогда на меня не пеняй. А приложенное при сем письмо, которое я писал третьего дня, без изменения посылаю.

Совсем нехорошо, Женя, так порядочные жены не делают — как же в две недели и одно письмо, и то писанное наскоро, торопясь, да это приписка, не то что письмо?!! При сем деньги посылаются — 100 рублей, поберегай их, они достаются большим трудом, таким трудом, что я никогда такого труда не испытывал. Эта приписка будет служить тебе первым замечанием, не вынуждай еще на большие. Получи я завтра письмо — все долой и тоска, и скука, и сомнение и все, все. Дай только бог получить письмо благоприятное — а теперь, если бы ты заглянула в мою душу, что там творится — я мученик.

Пиши, пиши, пиши, пиши и пиши.

Хотел телеграфировать, да не знаю куда, в Питер, а Константиновка не имеет телеграфа. Здесь я пробуду дней 7. Ты все-

---

* и узнаешь из него вещи не совсем для тебя благоприятные.

таки пиши сюда. Если меня уже не будет, то перешлют мне в Елабугу. Я написал отцу письмо и сказал, что буду в Елабуге. (Да что же от тебя письма-то нет...)

93 И. И. ШИШКИН — Е. А. ВАСИЛЬЕВОЙ

Елабуга. 26 сентября 1868

Милая Женя!

Я из Елабуги выеду в субботу, т. е. 29 сентя[бря]. Заеду на сутки в Казань, в Москве, я думаю, тоже останусь на некоторое время. Ехавши сюда, я пробыл в Москве сутки у Перова, у него большое несчастье: умерла прекрасная жена.[1] А из Москвы я буду тебе телеграфировать, ты меня жди, я думаю, соскучилась, через неделю увидимся.

Женька, квартиру, смотри, приготовь и встреть меня у себя.

Ну, брат, немного же я и, конечно, ты поживились от Елабуги, ровно ничего я не привезу ни себе, ни тебе, * да ничего нам и не надо. Писать лень, увидимся — все расскажу. Жениться от родителей получил благословение, особенно рад отец. Прощай, Женюшка, смотри не хворай, жди меня, я скоро приеду. Живу я здесь 5-й день, а уже надоело, и скучаю, а ведь, конечно, ни по ком, как по тебе, милая Женька, не скучай и ты, меньшонок. Прощай, до свиданья, будь здорова. Целую тебя миллион раз и один только раз укушу за ухом, и у тебя будет красное пятно. Кланяйся всем, мамаше, Федору, Ивану Васильевичу. Рейгаху[2] пошли к черту. Где-то вы теперь живете, неужели в деревне? А на грибы? Вот бы вам здесь было раздолье, грибов бездна, а я, брат Женя, обжираюсь здесь раками.

Вот тебе и профессор, вместо него, пожалуй, попадешь в крестовую братию.[3] Я получил письмо от Джогина. А все-таки это скверные штуки, я был поставлен иногда очень неловко, ну да черт с этим со всем, а вот что досадно, что ничего не мог сделать [со] здешними богатыми купцами, не удалось их околпачить. В Казань заеду к Лихачеву. Ехавши сюда, я нечаянно на пристани встретил Журавлева, который и говорил, что Лихачев непременно что-нибудь закажет. Я жду не дождусь, когда придет время увидеть тебя. Будь здорова. Всегда остаюсь твой и любящий тебя, Женька,

Иван Шишкин.

Отец мой передает тебе почтение и кланяется и, конечно, целует как будущую сноху.[4] Его единственное желание, чтобы сноха была добра.

* да по правде нечего было и дать, потому что у родителей ничего и нет — все прожили.

94 Д. В. ГРИГОРОВИЧ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 18 декабря 1868

Милостивый государь Иван Иванович,

В заседании, происходившем 17 декабря, действительные члены Общества поощрения художников предложили пригласить Вас для обсуждения выставленных на конкурс художественных произведений и для определения им премий.[1]

Комитет Общества, высоко ценя познания Ваши, столь важные в настоящем случае, убедительно просит Вас, милостивый государь, пожаловать в квартиру Общества «21» числа в «12» часов утра (суббота).

В случае какого-либо препятствия со стороны Вашей, комитет просит Вас предупредить об этом как можно поспешнее.

Секретарь Общества *Д. Григорович*

95 И. И. ШИШКИН — Е. Э. ДЮККЕРУ

[Петербург. Март 1869]

Любезный и добрейший Евгений Эдуардович,*

Премного Вам благодарен за письмо,[1] а особенно за фотографии,[2] некоторые из них очень хороши, как фотография, так и выбор фотографа прекрасны, как, например, *(нрзб)* вот эта[3] и *(нрзб)* № 107 и 131, да, вообще говоря, если станешь рассматривать внимательно, так все хороши и каждая полезна. Очень, очень я Вам благодарен, Евгений Эдуардович. И если Вам не составит большого труда и г. Бисмейер не откажет, то прошу Вас еще прислать. Деньги он получит, как только продадут рисунки, и Вы надеетесь, что они продадутся. Это было бы очень хорошо.

Живем мы здесь так себе, как Вы и знаете. Боголюбов работает теперь 2 большие картины Гибель фрегата Александр Невский.[4] Картины идут замечател[ьно] хорошо. Васильев получил первую премию на конкурсе, и его Общество отправляет в Дюссельдорф на 3 или 4 года. А нынешнее лето его берет с собой граф Строганов в Крым и на Кавказ, а осенью он поедет в Дюссельдорф.[5] А я не знаю, удастся ли мне еще раз побывать в Дюссельдорфе? Да, вот что: г. Борисовский просил Вас справиться, где картина Андре Ахенбаха Мельница, помните, мы ею восхищались (у Шульте).[6] Написана стереоскопически рельефно. Не из очень больших картин Ахенбаха. С утками на первом плане, сидящими под ивой,— вот что-то в этом роде.[7] Я хорошо не помню. Борисов[ский] просит узнать, где она и в котором году была выставлена. Шульте, я думаю, знает. Борисовский

* так, кажется, если не ошибаюсь.

заказал Андре Ахенбаху картину, воздух для которой просил его написать с фотографии. Андрей этого не исполнил, то Бори[совский] послал фотографию Освальду[8] и просил его написать. Так ему фотография воздуха нравится.[9]

У вас мороз, а у нас тепло, но далеко еще не весна. Прощайте. Желаю всего хорош[его]. Остаюсь уважа[ющий] Вас

Иван Шишкин.

96 Ф. А. ВАСИЛЬЕВ — И. И. ШИШКИНУ И Е. А. ШИШКИНОЙ

Село Знаменское. Август [1869]

Многоуважаемый и любимый от всей души Иван Иванович и милая Женя, я так обременен благодарностью за ваши письма, что решительно не знаю, как и благодарить. Вам, Иван Иванович, я изъявляю свою благодарность просьбою не трудиться писать более, а Жене, напротив, продолжать, потому что каждое письмо от вас приносит мне много удовольствия. Последнее ваше письмо я получил 8 августа (отправлено из Петербурга 31 июля). Всех писем я получил от вас три, а именно: 1-е от 22 июня, 2-е — от 16 июля и 3-е, т. е. последнее,— от 31 июля. Деньги Мамаше я уже давно послал, так что они должны быть теперь у ней. Кстати, я сам не знаю, сколько Мамаша получила моих писем, я писал, кажется, уже 6 раз, считая одно письмо из Козлова[1] и одно Александру Сергеевичу.[2] Очень рад, Иван Иванович, что Вы пишете две картины, на выставку, я думаю, вы не соберетесь.[3] А я тут так мало сделал, что просто срам, да и нельзя было много сделать, во 1-х, жары такие, что работать нет сил, а во 2-х, ветер, который здесь зовут помором, дует уже пять недель. Это чисто южный ветер, который в один день в состоянии испортить пшеницу и другие хлеба, что он и сделал, а иначе урожай был бы превосходный. Дожди у нас шли всего 12 раз, по часу и не более, так что вся степь пожелтела и высохла до того, что трава ломается под ногами. Если в Хотени погода будет скверная, то привезу очень, очень мало этюдов и рисунков. Женя пишет, что у Иванова нашелся покупатель на мою картину,[4] который дает 200 р[ублей]. Если бы я не был должен Иванову и на выставку, то я отдал бы ее, пожалуй, но так как из этих двухсот руб[лей] придется отдать сто шестьдесят, то из-за сорока рублей не стоит. Еще за триста руб[лей] ее отдам, и даже с удовольствием, тогда мамаше хоть что-нибудь придется. Если Коля[5] хочет писать ко мне, я не прочь совсем, но только сообщи ему, что я не имею похвальной привычки отвечать моим приятелям, уже потому, что ничего необходимо нужного для передачи

нет, а во-вторых, потому, что очень трудно сидеть над бумагой и выдумывать, чем бы занять приятеля. Желаю ему поскорей перетаскать на груди и плечах все знаки верности и отличия, выдаваемые из капитула российских орденов очень аккуратно. Всем моим знакомым поклон, а коим и по два. Я думаю, что вы еще успеете, если будете так добры, написать мне до отъезда еще хоть одно письмо. Я с ними едем отсюда 1 числа сентября утром. (Я говорю вы напишите, вовсе не принимая в расчет Вас, Иван Иванович). Женя, ты пишешь, что артельные переехали на другую квартиру, на Биржу, так, пожалуйста, добрая Женя, напиши, если будешь писать, там ли будут у них пятницы? [6] Якову Михайловичу и Евгении Ивановне [7] поклон и уверение в том, что коньки не осиротеют и нынешней зимой и что еще не один двугривенный останется в мошне Демидроновского казначея. [8] Всего приятнее мне слышать, что вы все, и малые и большие, здоровы. Живу я здесь по-прежнему так же хорошо. У нас это время гостили Васильчиков [9] и Плещеев, [10] два туза, один червонный, а другой бубновый. Я довольно часто хожу и езжу на охоту на дроф, верст за 30, но убить мне еще ни одной не удавалось, это ужасно трудно, в этих степях только одну дрофу убил Лейхтенбергский [11] в прошлом году. Если бы ты видела, Женя, степь! Я до того полюбил ее, что не могу надуматься о ней; и когда я езжу туда охотиться, то, Иван Иванович, ужаснитесь и выругайтесь хорошенько, забываю всякие этюды. До отъезда я еще, вероятно, напишу вам.

Целую мою племянницу [12] и желаю ей поскорее вырасти до корсета. Остаюсь глубоко любящий и помнящий вас обоих постоянно и брат, и шурин, и что хотите.

Ф. Васильев.

97 Ф. А. ВАСИЛЬЕВ — И. И. ШИШКИНУ И Е. А. ШИШКИНОЙ

Хотень. Октябрь [1 или 2] 1869

Многоуважаемый Иван Иванович и милая Женя!

Благодарю, что изредка пишете мне письма, а то я ничего не знал бы, что у вас творится. Поцелуйте мою Лидку, [1] да не позволяйте ей хворать — это от вас зависит. Очень хочется мне поскорей приехать в Петербург, в нем теперь бьется художественный пульс. Каюсь перед Вами, Иван Иванович! Я не думал, что Вы успеете кончить свои вещи, а Вы еще и два рисунка успели сделать! [2] (Если б Вы видели, какую я скорчил постную рожу, вспомнивши, как сам много сделал!) Ради бога, напишите про выставку Академии, да уж кстати и о постоянной, да о Гри-

горовиче два слова. Жив ли он? Я ему написал письмо, и граф[3] тоже, да только нет ответа. Ты, Женя, написала мне коротенькое письмо, я вам еще короче, просто не знаю, что писать, но не оттого, что нечего, а оттого, что уж очень много. Поклоны знакомым. В Петербурге буду числа 20. Целую вас всех очень крепко и желаю поскорее увидеться.

Остаюсь любящий вас всей душой
ваш брат и шурин

Васильев.

1-е или 2-е октября, не знаю.

P. S. Если это письмо, вследствие чернил, останется непроницаемой тайной, то вините моего человека, который, убирая мои комнаты, в видах пополнения истраченных чернил, долил их водою.

98 П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 25 октября [18]69

Милостивый государь Иван Иванович!

В сентябре был я в Петербурге только один день, на выставке Вас не встретил, а зайти не успел, рассчитывал в конце октября опять быть в Петербурге, но теперь, по случаю затруднительного переезда, едва ли скоро попаду, потому покорнейше Вас прошу сообщить мне, продана Ваша картина «Полдень»[1] или еще нет? И в таком случае, не угодно ли Вам будет уступить мне ее за 300 р[ублей]? Ожидая Ваш ответ, с глубочайшим почтением имею честь быть

Вашим, м[илостивый] г[осударь], покорнейшим слугой

Павел Третьяков.

99 П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 5 ноября [18]69

Милостивый государь Иван Иванович!

Письма Ваши получил оба.[1] Сегодня только могу написать Вам. Был болен, не вставал с постели. Прилагаю Вам при сем перевод в ст. 300, по которому Вы немедленно получите деньги. Картину прошу уложить и хорошо запаковать, обшить на Ваш счет и отправить ее через контору «Надежда» (через Динабург и Орел) на мой счет, т. е. за перевоз и страховку я заплачу в Москве.

Примите уверение в моем глубочайшем почтении и преданности.

Ваш покорный слуга

П. Третьяков.

100 И. И. ШИШКИН — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Питер. 9 ноября 1869

Милостивый государь Павел Михайлович!

Вексель Ваш я получил 6 ноября, за что Вам очень благодарен. Я очень рад, что картина моя попала к Вам, в такое богатое собрание русских художников. Картина, хорошо упакованная, пошлется сегодня или завтра. Остаюсь с истинным почтением и имею честь быть Ваш покорный слуга

Иван Шишкин.

101 И. И. ШИШКИН — М. В. БАРТКОВУ [1]

[Петербург]. 1870

Любезный Мишенька,

Посылается картинка, цена коей 125. Не будет ли каких шансов ее сбыть поскорее — покажи Григоровичу и замолви словечко, что, дескать, так и так...

Кстати, пришли назад мою картинку [Овцы под дубом], я ее немножко попройду. Остаюсь весь твой

И. Ш.

102 И. И. ШИШКИН — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

С.-Петербург. 27 марта 1871

За проданную мною картину (Осень) [1] г[осподину] Павлу Михайловичу Третьякову деньги триста восемьдесят (380) рублей получил

Академик *Иван Шишкин.*

103 И. И. ШИШКИН — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[Петербург]. 29 марта 1871

Милостивый государь Павел Михайлович!

Я ждал получить от Вас 100, а получил только 80 руб[лей]; вычитав 20 рублей за раму, Вы ввели меня некоторым образом в изъян, который в скромный мой расчет не входил. [1]

Присуждение премий будет в четверг на пасхе. [2]

Остаюсь с истинным почтен[ием] Ваш покорный слуга

Иван Шишкин.

P. S. При сем прилагаю расписку в получении денег 380 руб[лей].

104 Н. В. ДМИТРИЕВА [1] — И. И. ШИШКИНУ И Е. А. ШИШКИНОЙ

Дюссельдорф. 28 января 1872

⟨...⟩ Об Дюссельдорфе буду говорить, как о знакомом Вам городе, Вы, Иван Иванович, вероятно, еще не забыли его, по крайней мере. Вас еще помнят, и карточки Ваши красуются в числе

дюссельдорфских художников на Шадов штрассе у Овербека,[2] которых Вам и посылаю, может быть, они возбудят приятное воспоминание, но, сравнивая их с нижегородскими,[3] я нахожу, что Вы изменились в свою пользу. Бисмейер с восторгом вспоминает об Ваших рисунках пером, и время от времени они красуются у него на окнах Элберфельдергитре. ⟨...⟩ Вотье[4] недавно выставлял у Шульте картину, очень хорошенькую: «Похороны в деревне», и продана она за десять тысяч, тут только и слышишь, что за картины тысячи платят, не мудрено, что у всех почти каменные дома, не так, как у нас, сотню, другую, так уж заохают. Впрочем, мне об искусстве не следует говорить, Коля[5] Вам лучше все расскажет. Я только и слышу «Тона! Тона! и Тона!» ⟨...⟩

105 Н. Д. ДМИТРИЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Дюссельдорф. 30 янв[аря] 1872

Много я вспоминал об Вас, многоуважаемый Иван Иванович, живя в городе Дюссельдорфе, некогда обитаемом Вами. Не знаю, как было в Ваше время, теперь же Дюссельдорф представляет из себя отличный рынок для картин; из Голландии многие хорошие художники приезжают сюда и живут тут, чтобы выгоднее сбывать свои картины, и действительно цены на вещи маломальски порядочные стоят очень высокие. Да и сколько же здесь людей, охотно покупающих картины, бездна неисчерпаемая, в особенности сравнительно с нашей небольшой кучкой московских и петербургских покупателей, приобретающих картины единственно для того, чтобы сделать себе имя покровителей искусства.

Право, кажется, в Дюссельдорфе нет ни одной комнаты, ни единого ресторана, ни одной пивной, где бы не красовались в золоченых рамах уважаемые здешней публикой труды нашего брата художника; так что о покровительстве искусства нет и речи; дело идет само собой.

Дошел и до меня слух о перенесении четверговых вечеров из помещения Артели в Общество поощрения искусств;[1] хоть четверговые вечера действительно в последнее время немного имели поощрения от Артели, но все-таки мне весьма грустно, что это так устроилось, не потому, что я, как член Артели, сожалел бы о том, что вечера, устроенные и взлелеянные Артелью, имея в настоящее время перевес голосов, к сожалению, недоброжелающих Артели, отделились от нее; нет, не потому, а мне грустно, потому что и то малое количество русских художников, которыми может гордиться наша матушка Русь, не могут и не

умеют ужиться дружно для общих трудов, а при малейшем подстрекательстве сейчас готовы поссориться.

Весьма рад, что передвижная выставка имела успех, и весьма сожалею, что не мог принять в ней участия. Все мое внимание и все мои силы в настоящее время направлены на самого себя,[2] и потому на общественные дела уже очень мало остается и того и другого.

Тем не менее было бы весьма приятно, если бы Вы, добрейший Иван Иванович, победили бы в себе Вашу лень к письмам на несколько минут и, присев к столу, черкнули бы мне несколько подробностей о разных общественных, художественных предприятиях, витающих теперь в Петербурге.

Евгении Александровне[3] жму крепко руку и от всей души желаю, чтобы с умножением семейства умножились бы ее силы и здоровье.

До свидания, добрейший Иван Иванович, буду с нетерпением ждать от Вас весточки.

Не забывайте много Вас любящего *И. Дмитриева-Оренбург-[ского]*

P. S. Заочно могу целовать Лидочку, и ей не будет надобности от меня отвернуться, как она это делала прежде. ⟨...⟩

106 И. И. ШИШКИН — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Питер. 1 мая 1872

Милостивый государь Павел Михайлович!

В субботу от Перова я имел удовольствие получить перевод, а сегодня получил деньги — 1500 руб[лей], за кои приношу мою искреннюю благодарность и душевно рад, что картина Вам понравилась и после того, как я ее окончил.[1]

Остаюсь с истинным почтением Ваш покорный слуга

Иван Шишкин.

107 Ф. А. ВАСИЛЬЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Ялта. 11 августа 1872

Дорогой мой Иван Иванович, мне пишет Иконников, что здоровье Жени не б л е с т я щ е е; я и мама не беспокоились бы так, если бы он, Иконников, не повторял этого в каждом письме. Ради бога, подумайте об этом серьезнее, не начните принимать какие-нибудь меры в то время, когда они будут не действительны, потому что будут приняты поздно. Иконников пишет, что Вы думаете ехать с ней за границу? Правда ли это? Если это можно будет сделать, то, конечно, лучше этого и придумать ничего нельзя, но, в противном случае, нельзя ли Вам будет при-

ехать на зиму сюда, в Ялту,— это тоже будет очень хорошо, тем более что и не далеко, а польза будет несомненная. Напишите, пожалуйста, и успокойте нас. Мама предлагает Вам ехать сюда еще и потому, что мы сами проживем и эту зиму здесь, а следовательно, Жене будет здесь удобнее; мама предлагает даже поехать к Вам для того, чтобы свезти сюда Женю, которая, имея детей, будет нуждаться на железной дороге в помощи близкого человека. Зима здесь весьма хороша для грудных больных, но во всяком случае Вы вперед посоветуйтесь об этом с Боткиным,[1] который в конце августа едет из Крыма в Петербург. Еще раз повторяю, напишите хоть одно слово, и если действительно сестра чувствует себя нехорошо, то, не отлагая, принимайте меры. Мое здоровье поправляется, мама не совсем хороша, благодаря еще и последней катастрофе, которая тяжело обрушилась на нас.[2] Я работаю, как и всегда, только приходится работать из-за денег, что меня всегда весьма огорчает; великий князь Владимир Александр[ович],[3] который уже получил одну мою картину,[4] заказал еще четыре, от которых я не мог отделаться, хотя и пробовал;[5] еще, к довершению печали, эти картины нужно окончить к сроку, к 24 декабря; так что начатые картины так, значит, и пропадут даром, да и на конкурс в нынешнем году не удалось написать, так как время остается только январь да февраль будущего года, а Вы небось опять такую штуку выдвинете, что опасно мне и рассчитывать писать. Передайте Жене мой сердечный поклон и скажите, что если не пишу ей отдельно, то это только потому, что я полагаю: все равно писать что ей, что Вам и что она прочтет это письмо, так же как и Вы; да и отдельно пишешь только тогда, когда есть в этом необходимость и нет лени, чего я к себе никак не могу применить. Ай! Как поздно. Прощайте, будьте здоровы и напишите два слова, чтобы успокоить маму, которая ужасно беспокоится. Как бы я желал поцеловать мою милую Лидочку.

Весь ваш *Ф. Васильев.*

103 П. Ф. ИСЕЕВ[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 28 февраля 1873

Милостивый государь Иван Иванович!

Совет Императорской Академии художеств, принимая во внимание известную деятельность Вашу на художественном поприще, постановил: возвести Вас, милостивый государь, в звание профессора пейзажной живописи и выдать диплом на таковое на предстоящем в текущем году торжественном акте; находящуюся же на выставке картину Вашу «Лесная глушь»[2] приоб-

рести для Академии за объявленную Вами цену 2000 руб[лей] с рассрочкой платежа в течение двух лет, по 1000 руб[лей] ежегодно.

О таковом постановлении Совета имея честь уведомить Вас, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

П. Исеев.

109 И. Н. КРАМСКОЙ [1] — И. И. ШИШКИНУ

Тула. 12 июня 1873

Очень длинно рассказывать всю одиссею, Иван Иванович, лучше на словах, если будет интересно. Дело в том, что ни в Москве, ни в Воронеже, ни в Курске, ни в Харькове, ни по дороге в Киев не было ничего. Т. е. было, но я, как видите, не взял, и только в Туле кое-что подходящее нашел, и я думаю, что подходящее настолько, что останетесь довольны, т. е. думаю, что останетесь довольны.

Дом 16 комнат, мебель есть, хотя и не совсем много, посуды нет (то есть очень мало), но в 10 верстах Тула по железной дороге, а станция от дачи в $1^{1}/_{2}$ верст., в лесу, дубовом, казенном. Для этюдов и работ место лучше Лужского, [2] впрочем, как кому. Дом в 3 этажа, небольшой, но каменный и еще изрядный. Тут же мельница, ближайшая деревня 2 версты или меньше, но в усадьбе живут, и много. Купание, как у Спарских. [3] В комнатах дома несколько темно от окружающих деревьев и светло только со стороны западной, к саду и к мельнице, а за домом гора в лесу и в 30 саженях полотно дороги лесом, станция же подальше, как я сказал. Стоит это дорого, Иван Иванович, но уж делать нам было нечего — 300 р[ублей]. В Воронеже, ей-богу, было нельзя. Место тоскливое (без тени), в доме 7 крошечных комнат, невозможно маленькая кухня (да теперь 2 больших и хороших кухни), в окнах на палец щели, в дверях тоже, ни одна дверь и окно не запираются — ручек нет, полы гнилые и потолки протекают.

Судите сами, можно ли было? И хотя этап близко — 2 версты (впрочем, с $^{1}/_{2}$), но идти надо по лысине (по песку), по жгучему солнцу, и как у него ни хорошо, но, ей-богу, не вознаграждается труд, и все-таки то его, а у нас ни кола ни двора, что называется, не было бы. Передайте Иконникову прилагаемую записочку с чеком, я уже три дня как узнал об опасности банку и собирался уже уполномочить Як[ова] Мих[айловича], но некогда было.

Ждущий Вас *И. Крамской.*

Вот как ехать: 1-я станция (т. е. полустанция) Козловка-Засека за Тулой по дороге в Орел. Усадьба Аполлона Ивановича Ваныкина. Багаж отправляйте с товаром, я думаю, а сами пешком, совсем близко, да и я встречу, если напишете, когда приедете.

110 К. А. САВИЦКИЙ[1] — И. И. ШИШКИНУ

Динабург. 15 июля[2] пятница [1873]

Добрейший Иван Иванович!

Не нахожу достаточно слов выразить Вам мою признательность за строки, которыми вы отозвались на мой вопль, говорю вопль, потому что, находясь в таком положении, каком мы теперь, на полудороге, не знаю, что и где нас ожидает, куда, когда и зачем придется двинуться? Находясь в таком состоянии, можно только вопить, а не спокойно просить о чем-нибудь. Итак, вторично посягая на Вашу доброту, превзошедшую мои ожидания, вопию к Вам, сообщите, что нас ожидает? А если сами того не знаете, то напишите адрес Воронежской дачи[3] и зачем очутился Иван Николаевич в Москве?

Все эти вопросы меня живо интересуют, так как наши вещи, сколько вам известно, отправлены товарным поездом в Воронеж, теперь же, смотря по обстоятельствам, я думаю или просить Софью Николаевну[4] принять там наш чемодан, для чего мне необходимо знать точный адрес для пересылки накладной и денег, или же адресоваться к начальнику Воронежской станции, прося прислать чемодан в Динабург.

Вас интересует знать, насколько удобным оказалась микроскопическая шкатулка в применении практическом, на это отвечаю также со скорбью сердечной, издаю одни бесполезные вопли; шкатулка при мне, но, увы, пустая! Или же настолько заполнена надлежащими принадлежностями, что вызывает только оскомину па зубах, не давая возможность удовлетворить потребностям и соблазну, являющемуся благодаря окружающим красотам природы.

Двина представляет собой вместе со всевозможными шлюпчонками, полуразвалившимися лодками, судами со щебнем и другими грузами, отмелями, далеко выдающимися в воду, возвышенностями и плоскими берегами, усеянными вперемежку серыми жилищами ⟨...⟩, с группами приземистых дерев и стройных тополей, представляет прелестные мотивы для живописи.

Если придется остаться здесь еще несколько времени, то выпишу сюда материалы из Риги и примусь за работу. Оборванные жиды также немало представляют собой интерес для жи-

вописи. Обидно, что уходит время совершенно даром. Мы рады известию Вашему насчет Кости,[5] надеемся, что кормилица вполне оправдает все наши ожидания и удовлетворит потребностям; сожалеем бедную Евгению Александровну, которой, вероятно, стоило немалого труда превозмочь свое материнское чувство к малютке.

Душой преданный Вам

К. Савицкий.

Катя[6] шлет Вам и Евгении Александровне сердечный поклон, Люлю и крестника[7] горячо целуем.

111 И. И. ШИШКИН — И. Н. КРАМСКОМУ

Питер. 18 сентября 1873

С большим бы удовольствием, Иван Николаевич, хотелось выполнить свою обязанность относительно взноса за Вашу квартиру 240 управляющему — до сих пор не мог и пока решительно не могу*. Новосельский[1] обещает приехать скоро. Григорович[2] еще не приехал. У Ге был 2 раза, не застал или не пускает (и Забела[3] говорит, что он картину свою[4] никому не показывает. Даже и он не видал ее). Сомов[5] с моими офортами прожил на даче и только что теперь вздумал их отправить, а куда, я и сам не знаю, да и он, кажется, тоже; а наобещал с три короба. Вот те шансы, на которые я, так сказать, уповал, а что ждет впереди, единому аллаху известно.

В квартире Вашей Иван[6] только ночует. Просит указать, где ключи от сарая с зимними рамами. Погода здесь стоит превосходная. Деревья желтеть только что начинают. В Москве я никого не видал. Перов с огромным флюсом где-то на даче. Маковского[7] не застал. Каменев не приехал, Саврасов тоже,— видел только начало алфавита Аммона,[8] который предлагал увидеть в приходе 3-х Святителей товарища по алфавиту Аммосова,[9] но я не хотел и просил показать ижицу, если оная обретается в приходе трех Святителей. Поручения Мясоедова передал через Аммона. В Питере тоже почти никого не видал. Василий Темный[10] содержится теперь здесь, а был в Вене и в Италии с супругою, а Николая Блаженного вкупе с Настасьей брат Попов (скульптор) увез в Рим лечить и просушивать.[11] Слыхал стороной, что Артель не знает, что делать с Дмитриевым. Хотелось бы его выключить, да неловко,[12] слишком скандально. Подробности поймете сами. Алексей — божий человек написал на даче несколько этюдов удивительно скверных.[13]

* Потому и посылаю Вам эти мизерные 35 ру[блей], более нет решительно сил, что хотите делайте.

Я[ков] М[ихайлович][14] одержим недугом сватовства, работает, как он выражается, и на бирже тихо. Нецветаев все выпивает, и шибко, даже и сына научил. Шьет сапоги крепко, а сын еще не умеет. Были, вернее, сидели потели, на Псковитянке. Чушь военная, да еще морская, водянистая, удивительно, как ее до сих пор не утопили, а следовало бы (если б был броненосец). Половина театра были офицеры с белыми грудями, и все они хлопали в ладоши усердно.

О Федоре вести все хуже и хуже. В последнем отчете Академии по поводу Лондонской выставки хвастаются Васильевым, как классным художником 1-й степени. А на деле художник без всякого звания и даже противозаконный.[15] Подлецы. Спасибо им за отчет — толстый такой, мягкий, я уже его пристроил к делу. Как врачевство. Академия окрасилась в один цвет с зимним дворцом и, верно, из одних и тех же ушатов. Мостовые в Питере лучше, даже местами делают асфальтовые. Извозчики из рук вон дрянь. Тула на этот раз молодцом. Начал было я картину Сенокос,[16] да перспектива тормозит. Жду Вас.

Теперь пойдут вопросы. Ну что Вы, начали картину?[17] Пишете ли портрет Толстого?[18] Долго ли еще проживете? Какова погода? Что бабушка? Каково идет картина Аполлоновича?[19] И гораздо ли он скучает по Мурзе или вообще по какой-нибудь собаке?

Михаил Павлович, я думаю, уже забыл немецкий диалект, практики нет, опять снова нужно будет начинать. Попытался бы, не знает ли Лев Иванович?[20] Небось грибы пошли, а волки ходят? Ну, понаписал же я Вам всякой всячины, не так как Вы — три строчки и того, а хотелось бы знать, как Вы там *(нрзб)* живете здравствуете. Поклон от нас Вам, И[ван] Никол[аевич], двум супругам и одному супругу и холостяку и всем ребятам. А письмо вышло опрятно хоть куда, только поздно, ну, не взыщите, добрейший Иван Николаевич. Остаюсь повинный и благодарный.

Ваш *Иван Шишкин.*

112 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Париж. 9 мая 1874

Добрейший Иван Иванович!

Еще бывши в Дрездене, мы получили от Ивана Николаевича письмо,[1] в котором он известил нас об ужасном несчастье, постигшем Вас, смерть бедной Евгении Александровны;[2] нечего говорить о том, как поразило нас это известие, как мы ни были подготовлены к этому, но все-таки сознание осуществившейся

ужасной действительности тяжело легло нам на душу... Дай бог, чтобы Вы имели достаточно силы перенести с твердостью эту потерю и тем обеспечили бы участь Ваших милых деток, нуждающихся в Вас и Вашей отцовской любви и привязанности.

С того же времени я все собирался писать Вам, но, благодаря постоянному передвижению с места на место, трудно сосредоточиться настолько, чтобы связать свои мысли и быть в состоянии положить их на бумагу.

Вот уже около трех недель, что мы живем в Париже, и только теперь я начинаю приходить в себя и одумываться от массы всевозможных впечатлений виденного и перечувствованного. Проехали мы немного, но, благодаря частым и довольно продолжительным остановкам, удалось видеть почти все, что лежало на нашем пути и что, как специальность моя, интересовало меня.

Дрезден дал мне только памятники великих мастеров далекого прошлого времени, современного же искусства там нет, а что и есть, то убого до чрезвычайности и сделало на меня впечатление официальной необходимости, представительствует которой тамошняя жалкая Академия с немногими скверными образчиками искусства.

Дюссельдорф же наоборот — в нем живет искусство не только официально, но чувствуется и отражается на всем, что вас окружает (исключая, впрочем, постоянно марширующих кукол немецких солдат, но это одно из национальных зол). Все, кажется, устроено для художников и художниками держится. Мастерские на каждом шагу, выставок также много, и все они очень хороши; постоянный обмен новых вещей и пропасть публики. Там я встретил так много картин современных мастеров и вновь выступающих талантов, по преимуществу, разумеется, немцев, что и Париж со своей годичной выставкой 2000 и больше картин не заглушает собой хорошее впечатление, вынесенное из Дюссельд[орфа], не говоря о Кнаусе,[3] Вотье, Ахенбахе и им подобных; там очаровали меня в особенности два: Зимлер и Крёнер,[4] оба жанристы и оба замечательные техники.

Не взыщите за каракульки вдоль и поперек, бумаги под рукой не оказалось, а письмо хотелось окончить.

113 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Париж. Май — июнь 1874]

⟨...⟩[1] из-за всякого громадного множества вещей я встретил очень немного действительно хороших. Французы поражают своей бессодержательностью, одним внешним шиком, который

пересаливается до того, что становится нахальством. Здешние стремления и задачи в искусстве прежде всего коммерсантные — какие-то ремесленные, все основано на том, чтобы блеснуть, поразить и выделиться из массы, и для этого здесь все средства хороши. Нашему брату этого отчасти недостает, а потому не худо присмотреться, но горе увязнуть здесь — потеряешь все, что сокровенно и дорого каждому любящему искусство. Все, впрочем, относится до массы здешнего большинства. Отдельные же художники есть такие, что не насмотришься, и даже колористы. От всех немецких вещей веет поразительной жизненной правдой, а подчас и юмором, но нередко даже и поэтичностью, так что вещи их полны интереса и остаются навсегда в памяти. Деятельность художников в Париже громадная, в чем убеждает число картин, предназначающихся для годичной выставки, говорят, оно дошло в этом году до 5000 картин, из которых принято 2000, остальные же 3000 разбрелись по всевозможным частным выставкам и магазинам, которых здесь несметное множество. Публика относится чрезвычайно сочувственно ко всему, что выставляется. Кроме множества постоянных музеев открыты теперь еще 3 больших выставки и все набиты публикой, и не надивишься. Однако, простите за понятное увлечение, напал на свое больное место, так и удержу нет — довольно об искусстве.

Устроились мы здесь очень хорошо, наняли две меблированные комнаты с небольшой кухней и платим 70 франков в месяц, мастерскую еще не решаюсь взять, потому что приходится нанимать на целый год, а я не знаю, долго ли удастся пробыть здесь. Кроме соображений по части искусства, доктор, который меня пользует, предписывает ехать на некоторое время на воды в Швейцарию. Благодаря, вероятно, развитой здесь уличной жизни, живется в Париже очень легко и беззаботно — все как-то подскакиваешь и подпрыгиваешь, а может быть, и оттого, что французы больше пробавляются разными питиями, а не едой — русскому здесь хоть разориться, но желудка не обременить. Наши, впрочем, не унывают. Репин пишет очень хорошую вещь [2] и вообще работает много. Поленов написал весьма интересную картину, которая очень заметна на здешней годичной выставке. Сюжет «Право господина» из французского былого прошлого; барин, выбирающий себе одну из своих крепостных девушек-невест. [3] Боголюбов устраивает себе палаццо на вечное житие в Париже, кляня Петербург, Харламов [4] пишет женские головки француженок и итальянок, итальянок и опять француженок и поражает не только русских, но и французов.

До свиданья — пишите, не ленитесь — помните жаждущего новостей родных. Душой преданный *Савицкий*.
Катя шлет всем сердечный поклон. Всем друзьям и знакомым передавайте мой привет.

114 И. Н. КРАМСКОЙ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 7 февраля 1876

Вот как шутит судьба, добрый мой Иван Иванович!

Я еще в Москве. Думал я уже уехать,[1] однако ж теперь, когда так дело затянулось, я заеду в Петербург к семье. Только об этом, пожалуйста, никому ни слова, потому что я простился со всем и со всеми. Только заеду домой. Уж очень жутко уезжать прямо. Не говорите об этом никому, пожалуйста. Слышал я, что Вы хотите бросить пчельник[2] (писала С[офья] Н[иколаевна]). Что же Вы это делаете? Неужели охладели? Жаль! А сюжет бесподобный; да и сочинено было чудесно; я уже думал, как это у Вас все будет! И солнышко и прочее. Воля Ваша, а это с Вашей стороны непростительно! Ведь не может же быть, чтобы Вы написали его плохо. Что-нибудь не так. Бесконечно сожалею.

Как мне жалко, что С[офья] Н[иколаевна] не могла тотчас дать Вам просимую Вами сумму денег, ведь она должна была сходить только в банк, а я до сих пор еще не рассчитался с Третьяковым,[3] а потому и не сдержал до сих пор своего обещания выслать Вам отсюда. Ради бога, Вы извините — я очень, очень об этом обстоятельстве здесь беспокоюсь. Устроилось ли это? Вы только скажите, С[офья] Н[иколаевна] выдаст Вам. Положим, она не знала, сколько я Вам должен, я перед отъездом не сказал этого, надеясь выслать отсюда, но ведь это все равно. Она мне писала, что ей стало тогда очень совестно, чтобы Вы не подумали чего-нибудь, а у нее действительно не было столько дома и надо было сходить. Ну да уж что случилось, того не поправишь.

Как дела? Что делается в Академии? Готовится выставка?[4] Недурно! Право! Посмотрим, что будет! А я тут видел картину, которую приготовил Седов для Академии, «Иоанн Грозный и Василиса Мелентьева».[5] Картина большая, написана прекрасно, но что за мысли, что за чепуха в сочинении. Удивительно. Дело в том, что Иван Грозный приходит в спальню к Василисе и присутствует при бреде сонном Василисы, и узнает, что она любит другого, ну вот хорошо. Это у Островского в драме,[6] да и в драме-то неважной. Седов сделал так: лежит на жесткой лавке Василиса, не поймешь, как лежит, покрытая шубой бархатной, в поднизях (царский головной убор). Шуба новехонькая, да и

все новенькое, лицо смазливое, кукольное, задом к окну, к самому окну: словом, спать в таком месте может только круглый дурак; да вдобавок ноги решительно понять нельзя, [где] они? Перед лавкой сидит Грозный, в комнате, а в шапке, да еще меховой, не то добродушно улыбается, не то так старчески помыслы грязные держит. В другом месте была бы хорошая фигура, даже очень хорошая, а тут не годится. Но написано превосходно, особенно фон. Я думаю, Академия шум поднимет,[7] обрадуется. Третьяков знает эту картину раньше и не купил. Солдатенкову[8] картина нравится, но цена не нравится, 4000 р[ублей], а, кажется, покупает Голяшкин.[9] Картина Перова «Трапеза»[10] очень хороша, только в сочинении есть пересол. Жаль. Он очень не хорош, бедный, болеет. Будьте здоровы и невредимы. Увидимся.

Ваш *И. Крамской.*

П. М. Третьяков будет на масленице в Петербурге.

115 П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 3 мая 1876

Многоуважаемый Иван Иванович,

Пейзаж Ваш Беггров продал за 300 р[ублей],[1] и за иск[лючением] % я получил за него 270 рублей, так что имею убытку 130 рублей; я просил бы Вас за эту сумму сделать мне рисунок, чем бы это дело и окончилось; не знаю, как Вы, но я находил бы это свое предложение совершенно справедливым. В случае Вашего согласия, прошу рисунок передать Беггрову, он перешлет мне при случае.

Что делается у Крамских? Жив ли Марк?[2]

С истинным и глубоким почтением остаюсь Вашим преданнейшим

П. Третьяков.

116 И. Н. КРАМСКОЙ — И. И. ШИШКИНУ

Париж. 7 июля 1876

Многоуважаемый Иван Иванович,

Прежде всего прошу Вас передать Ольге Емельяновне[1] мою глубокую благодарность за все оказанное ею моему бедному мальчику и Софье Николаевне во время его болезни. Я не знаю, чем только можно отплатить такую услугу, но чувствую потребность пока хоть сказать это; очень, очень благодарен за помощь моей семье в то время, когда она находилась в затруднительном положении.

Теперь обращаюсь к Вам, давно уж я собирался кое-что сообщить Вам из моих наблюдений и теперь вот только исполняю

свое желание. Начну прямо с дела. Если для Вас мое мнение хоть что-нибудь значит, то послушайтесь меня: вышлите на первый раз сюда ко мне один или два рисунка, я надеюсь поместить их к Гупилю,[2] я уверен, что Вы будете здесь оценены по достоинству. Еще лучше, разумеется, если бы Вы приехали сами сюда ненадолго, но на первый раз пришлите мне пока что-нибудь. Я должен сказать, что если бы Ваши вещи были в Салоне,[3] то даю голову на отсечение (а она мне очень нужна самому), что Вы были бы здесь не только замечены, но и нечто большее. Говорю Вам, поставьте здесь Ваш какой-нибудь лес, сосны или что-нибудь крупное, и весь Салон сядет на задние ноги. Уверяю Вас, я кое-что понимаю, и понимаю, отчего здесь никто из русских не особенно заметен, а просто потому, что все подражают французам. Только истинная оригинальность и может быть здесь замечена! А у Вас она есть, не заимствованная, не покупная и не взятая напрокат. Вы подумайте только: Салон — такое место, откуда вчера еще никому не известные художники через месяц известные становятся всему свету, ведь что же делать, когда мы, русские, так дома поставлены, что всякий прощелыга (прости господи) смотрит на вещь и не может отдаться чувству удовольствия и хвалить, если это не европейская знаменитость. Ведь как хотите — обидно! Говорю Вам еще раз — Вы можете сделать себе репутацию, уж, конечно, солиднее боголюбовской (который с здешними художниками старается выиграть, доставляя им случай помещать свои картины к великим князьям). Правда, что для торжества надобно быть в Салоне не меньше 3-х раз, т. е. для полного, европейского торжества, Вы должны года три кряду выставлять, но зато Вы уже будете обеспечены, к Вам будут поступать требования со всего света. Вы небось скажете — а колорит! Успокойтесь, и здесь не все пишут, как мы понимаем, и тут колорит хромает, да еще как! И все-таки вещи ценятся, коли в них есть нерв. Я не мальчик и давно уж кое-что понимаю, уверяю Вас, что во всем мною сказанном нет преувеличения. Конечно, если Вы выставите что попало, то ничего из этого не будет, но если дадите хоть бы вещь Солдатенкова «Полдень» или Лес Третьякова,[4] т. е. не собственно это, а в этом роде, Вы будете замечены, и приятно замечены, а если что-нибудь напишете новое, то... я уверен, раскаиваться не будете. Как знаете, но мое мнение я должен был высказать Вам, я Вас люблю и уважаю как художника, ставлю Вас очень высоко, и мне обидно, что этого не ценят, надо что-нибудь сделать для этого. Леса и здесь есть около Парижа.

Ваш *И. Крамской.*

117 А. В. ПРАХОВ[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург. Декабрь 1876 — март 1877]
Среда

Дорогой Иван Иванович,

Завтра собираемся к Вам в 3-м: я, В. Д. Поленов и его сестра;[2] двое последних просили меня, чтобы я познакомил их с Вами, ибо они жаждут изучить выпуклый офорт;[3] мы будем у Вас завтра между 1 и $2^1/_2$, а самое лучшее, если бы Вы пришли ко мне в 12 часов позавтракать, они будут у нас в это время. Черкните в ответ.

Весь Ваш *Адриан Прахов.*

118 Б. И. ХАНЕНКО[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Варшава. 1877]

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович, сердечно обрадовала меня весточка от Вас, и я тороплюсь ответить. ⟨...⟩

Федор Артемьевич Терещенко[2] передал, что покупает у Вас Зимку (деревья, покрытые снегом).[3] Не знаю, какую это картинку он имел в виду, не из тех ли, о которых Вы пишете. Он очень недоволен Худояровым.[4] Жалею, что не удалось посмотреть эти образа. Если увидите Худоярова, будьте добры, возьмите от него фотографии, которые я оставил ему, это портреты родных, и мне очень бы хотелось их получить, я писал Худоярову, чтобы выслал мне, но не имею ответа.

К слову сказать, есть здесь у г-на Стадольского[5] одна картина Вашего творчества, изображает супругу Вашу, он, т. е. Стадольский, купил картину когда-то на выставке, полагает, что удастся выменять теперь на Ваш пейзаж, так как Вы не пишете жанр, и следовательно, он имеет значение.[6] Если помните эту вещь, скажите, что думаете об ней? Как поживаете Вы, дорогой Иван Иванович, о себе Вы ничего не пишете. Я уезжал на некоторое время из Варшавы, затем хворал, на чужбине жить не весело. Жизнь здесь дорогая, приятного мало и по временам скука, работы много, и она только помогает убивать время. Что Крамской, цены его, кажется, недоступны, а хотелось бы иметь от него что-нибудь. Если будет что-нибудь не особенно дорогое, вспомните обо мне. Моя женушка[7] просит передать Вам низенький поклон, крепко жму руку Вашу и прошу не забывать

Вашего *Б. Ханенко.*

119 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Динабург]. 5 декабря 1877

Добрейший Иван Иванович!

Вы, вероятно, удивитесь, получив мои строки, точно так же как и многие станут недоумевать, что ни с того ни с сего выплыл Савицкий на поверхность тогда, когда, может быть, давно сочтен погибшим без возврата.[1] Да, удивляйтесь этому, я же удивляться не стану, потому что для меня прошла уже пора удивления. «Человек оказывается живуче кошки», вот и все тут! Дело в том, что для того, чтобы, всплывши, держаться на поверхности, нужна мне помощь, за которой обращаюсь к Вам, добрейший Иван Иванович. Я оканчиваю картину, долженствующую быть на выставке,[2] членом которой я не переставал считать себя, хотя давило меня сознание того, что член ее я плохенький; но об этом каждый из нас пусть знает про себя, и попусту разводить тяжело, да и излишне.

Итак, если будете столь добры откликнуться мне несколькими словами, то окажете огромную услугу. Напишите мне безотлагательно, когда предполагается быть нашей выставке, к какому сроку выслать вещи и как адресовать их.

Сообщите мне подробный Ваш адрес, потому что по незнании его утруждаю Андрея Ивановича.[3]

Душой преданный Вам

К. Савицкий.

120 И. И. ШИШКИН — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Питер. 1 апреля (без обмана) 1878

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Цена 2000 рублей, которую я Вам объявил при свидании, остается объявленной и на выставке, и так как картина[1] имеет успех, то и остаюсь при своей цене.[2]

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Ваш покорный слуга

Иван Шишкин.

121 И. И. ШИШКИН — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Питер. 7 апреля 1878

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Картину «Горелый лес» я Вам уступаю за цену, которую Вы предлагаете, то есть за 1500 руб[лей].

Остаюсь с истинным почтением и преданностью Ваш

Иван Шишкин.

P. S. Рисунки я пришлю с картинами.[1]

122 И. И. ШИШКИН И И. Н. КРАМСКОЙ — В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[1]

[Петербург]. 1878

Заявление

Представляя рисунки и альбомы Андрея Шильдера[2] на благоусмотрение Общества, рисунки, по нашему мнению, обнаруживающие в молодом, 17-летнем юноше способности, далеко выходящие за уровень, и зная его совершенно не обеспеченное материальное положение, мы берем на себя смелость обратиться в Комитет Общества с просьбой дать этому молодому человеку средства в течение двух лет исключительно заняться своим художественным развитием и не прибегать к необходимости работать для добывания средств к жизни, что так гибельно влияет на правильное развитие таланта.

Если Комитет, снисходя на наше заявление, найдет возможным сделать молодого Шильдера своим пенсионером в течение двух лет по 40 руб[лей] в месяц, то мы смеем думать, что Шильдер заслужит и оправдает доверие Комитета, а также и наши личные ожидания.

С нашей стороны будут положены старания и наблюдение, чтобы помощь, оказанная Обществом Шильдеру, служила к его личному художественному развитию и чтобы доверие Комитета не было обмануто.

Иван Шишкин
И. Крамской.

123 Н. А. ЯРОШЕНКО[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. Среда 7 июля [1878]

Многоуважаемый Иван Иванович!

Совсем из головы вон. Забыл сказать, что когда Вы поставите Ваши картины в кладовую, то не забудьте одновременно с этим написать Брюллову,[2] по его городскому адресу, цены на картины, их нужно будет внести в список, который будет передан Чиркину.[3] Быо бы чудесно, если б Вы пораньше сдали картины, чтобы на 15 августа выставка была упакована и готова к отправлению.[4]

Уж как я от Вас добрался до машины — лучше не спрашивайте; бежал как угорелый, вышлепался в грязи елико возможно и приплелся на станцию за одну минуту до поезда, так что едва успел захватить билет.

От всех нас низкий поклон Вам, Ольге Емельяновне и Софье Николаевне. Жена при желании быть у Вас не справилась с временем. ⟨...⟩

Ваш *Н. Ярошенко.*

124 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Витебск. 9 ноября [18]78

Дорогой Иван Иванович!

К Вам пишу без упреков, потому что сердце свое сорвал уже в письме к Иван Никол[аевичу].[1] Ответствен же он, как легко поддающийся писанию и когда-то избаловавший меня этой способностью. Вы же невменяемы, и поэтому на Вас не обрушивается обвинение с полной силой, а только пусть косвенно зацепит оно чувствительное сердце Ваше. Стыдно Вам и пр. и пр., что не дали мне взглянуть на Вас при проезде через Динабург.

Спасибо Вам, дорогой, за сердечное приглашение, переданное мне через сестру. Горько, что не могу воспользоваться им! Тому очень много причин самых веских. Принадлежу я семье своей сестры столько же, сколько и самому себе. Это одно из больших благ моих, от которого отказаться не могу, ровно как немыслимо для нас перебраться теперь хотя бы в Питер. К тому же, как Вы знаете уже, я нахожу материал и дело для себя здесь, несмотря на то что подчас без товарищеского совета и обмена мыслей по искусству бывает крепко тяжело. Но что делать, всего не соединишь, надо пользоваться тем, что есть, и я делаю это, как умею.

Помню живо наши дебаты с Вами по этому вопросу и, несмотря на то что со своими прошлыми картинами я потерпел крушение,[2] что Вы имели в них прямую ссылку для доказательства Ваших воззрений, я стойко еще раз пытаюсь остаться при своем и хотя в силу необходимости стану пробовать себя наедине. В самом деле, как бы ни приятно и ни радостно было бы работать, как мы тогда перед выставкой горячо работали вместе, но приходится мириться и на одиночестве. На этот раз даже не знаю, удастся ли мне приехать к Вам хотя за несколько недель до выставки. Если удастся [при]везти картину,[3] которая теперь в ходу у меня, то это, вероятно, будет за одну неделю перед открытием. Сюжет очень сложный, дела тьма-тьмущая, а времени страшно мало, дни короткие, не успеваешь оглянуться, как приходится складывать кисти и палитру и приниматься за карандаши. Все время, даже летом, я был болен,[4] недавно поправился, и работа пошла энергичнее. Набираюсь всякой новизны в Витебске, довольно живописном своими узкими и нищенскими улицами, рынками и всякой всячиной ⟨...⟩, я делаю рисунки один за другим, и хотя без прямого применения их к делу, тешусь тем, что пополняю альбом (папку) и нескончаемые вечера, которые вскоре станут еще длиннее. ⟨...⟩[5]

125 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Витебск. Ноябрь 1878]

⟨...⟩ [1] Дорого дал бы взглянуть на Вас, чтобы изведать впечатление, сделанное на Вас Парижем ⟨...⟩. Воображаю, сколько интересного услыхал бы я от Вас об огромной выставке? Ну да делать нечего — подожду до свидания, оно не за горами! Получил я на днях приглашение в собрание. [2] Если бы знали Вы, с каким горьким чувством прочел я его; точно насмешка над моим бессилием очутиться там, присутствовать и участвовать в деле животрепещущего интереса. Да что станешь делать, не ближний путь! Примите голос мой и орудуйте на пользу нашего барака. Какое великое благо было бы, если дотолкуетесь до устройства собственного павильона! [3] Я здесь совсем теряюсь в догадках, что можно предпринять для этого? Тормоз и в месте и в средствах для постройки. Хотя в пригласительной записке сказано весьма определенно, что собрание будет по вопросу о постройке собственного деревянного павильона, но я думаю, что при строгой редакции оказалось бы вернее: собрание по вопросу о помещении передв[ижных] выставок, или, может быть, Вы, вдохновленные и очарованные каким-нибудь мотивом постройки легкой и несложной на Парижской выставке, в сердцах Ваших твердо решили быть и у нас такой! Пошли Вам господи! Но место, вот главное препятствие: его мы не только не решаемся просить, но даже, сколько помнится мне, не могли додуматься, где указать таковое. В пространстве пламенных желаний, но туда публика не пойдет. Все это крепко интересует меня, и счастлив буду, когда хотя что-нибудь долетит до меня. Может быть, Вы надумаете такое средство: в одно из воскрес[ений], когда Борис[4] будет сидеть у Вас, во время подмалевки какого-нибудь свежего холста, Вы, не отрываясь от палитры, засадите его, и я уверен, что для своего дяди он станет писать все, что будет говориться Вами. Не правда ли, как я изобретателен? А все нужда, да поговорка: голь на выдумки хитра.

Если дойдет у Вас до этого, то замолвите словечко и об участи теперешней выставки нашей, что она и где она, не съели ли волки? [5] Были ли в Нижнем, не обворована ли буйными головами? По газетам там так много шалостей проделано!

Когда увидитесь с Адрианом Викторовичем, [6] шепните ему, что не получил от него ответа, ни привета на две доски, [7] посланные еще летом. Уже 2 месяца, что не получаю Пчелу, [8] приписываю это редакции, а не почте, которая журналы и письма доставляет мне исправно. Обещанной мне доски с фотографией Привоза образа [9] тоже не дождусь и пр. и пр.

Обнимаю Вас горячо, шлю сердечный привет Ольге Емельяновне, Люлю крепко целую. Поручаю М. К. Менку[10] и Ольге Алекс. Лагоде[11] веселить Вас, как это было при мне, и пр. и пр., всем помнящим поклон.

Преданный Вам

К. Савицкий.

126 А. Ф. МАРКС[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 14 декабря 1878

Милостивый государь!

Издательство журнала «Нива»,[2] желая поместить Ваш портрет и сведения о Вашей деятельности, покорнейше просит Вас указать, где можно достать такой портрет и не может ли явиться к Вам кто-либо из сотрудников для получения сведений для статьи.

127 Е. А. ОЗНОБИШИН — И. И. ШИШКИНУ

Ростов-на-Дону. 26 января 1879

Дорогой и старый друг и товарищ Иван Иванович,

Ввиду того неизвестного будущего, которое готовит нам грядущая чума, я счел моею нравственной обязанностью переслать тебе твои юношеские труды и заметки, хранимые мною до сего времени как драгоценные и светлые воспоминания прошлого и которые, вероятно, в случае моей смерти, сожгут без всякого внимания, а через это твой будущий биограф упустит одну типическую сторону твоего высокого таланта,— это инстинктивное поклонение идеалам искусства и сознательное отыскивание этого идеала во всем, что ты где-либо рисовал,— будут ли это сосульки соседской крыши[1] или типическая шляпа мазиловского крестьянина.

В присылаемых тебе твоих набросках уже резко определялся тот реальный путь в искусстве, идя по которому, ты достиг такой завидной славы, за прогрессивным возвышением которой я, художник в душе, всегда следил по газетам с глубоким уважением и даже гордостью, потому что имел тебя столько лет товарищем и даже обжирался вместе вареньем и медом.

Прощай же, мой друг; поезжай лучше за границу на время чумы, которая не разбирает ни бездарности, ни гения.

Жму долго и крепко твою руку.

(нрзб) Ознобишин.

123 А. Д. ЧИРКИН — И. И. ШИШКИНУ

Одесса. 3 марта [1879]

Многоуважаемый Иван Иванович, профессор здешнего университета Кондаков,[1] заведующий университетским музеем и читающий историю искусства, желал бы понемногу приобретать для музея произведения русских художников. Но так как средства, отпускаемые на содержание музея, крайне ограничены, то он ежегодно может уделить на эти покупки только небольшие суммы. В настоящую минуту, быть может, наберется рублей 500, и ему хотелось бы иметь пейзаж Вашей работы, конечно небольшой, но вполне оконченный, по Вашему собственному выбору и приличный для музея. Этим он хочет сказать, чтобы пейзаж не был этюдом или эскизом.

Кроме того, один господин желал бы иметь маленькое повторение Вашего пейзажа, находящегося теперь здесь под названием «Рожь». Только он не может дать больше 200 рублей.

Будьте так добры, напишите мне поскорей, можете ли Вы удовлетворить эти желания?

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы согласились, и вот почему. Во-первых, Вам должно быть приятнее, если Ваша картина находится в музее, чем в частном доме. Во-вторых, может быть, устроившись с Вами, музей даст работу и другим художникам, в 3-х, увеличивая число художественных произведений в отдаленных провинциях, Вы увеличиваете потребность на них и т. д. и т. д.

Наконец, я полагаю, что художник может сравнительно отдавать музеям, вообще публичным коллекциям свои произведения по несколько уменьшенной цене. Боголюбов, например, уполномочил меня продавать Харьковскому музею свои картины за половину назначенной цены. Я полагаю, что недурно бы было и всем действовать в этом же смысле, делая, впрочем, уступку сколько кому кажется возможным.

До свиданья, будьте здоровы. Ваш душевно преданный

А. Чиркин.

P. S. Выставка открылась здесь 28 февраля: идет ни хорошо, ни дурно, завтра воскресенье, посмотрим, что оно даст. Выставка здесь закрывается 20 марта, напишите мне так, чтобы я получил Ваш ответ до моего отъезда.

129 ПРАВЛЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 7 ноября 1880

Милостивый государь Иван Иванович,

Исполняя постановление общего собрания 7 марта 1880 г. принять участие на предстоящей Промышленно-художественной выставке в Москве,[1] на условиях самостоятельности, Правление входило в сношение с главным распорядителем Художественного отдела Михаилом Петровичем Боткиным, поставив ему на вид следующие условия:

1. Отдельный зал и группировку картин Товарищества.
2. Выбор картин по усмотрению Товарищества.
3. Размещение их по нашему усмотрению.
4. Право участия Товарищества в составе жюри.

Главный распорядитель М. П. Боткин письмом уведомил Правление, что он согласен на наши требования, присовокупив, что так как искусство будет изъято всецело из конкурса, т. е. ни наград, ни медалей за картины не будет раздаваться, то и необходимости в жюри не представляется.

Получив такое заявление, Правление приступило к составлению по каталогам списка, какие именно картины оно полагает поместить на выставке. Список Ваших произведений при сем прилагается.

Правление покорнейше просит добавить его или изменить по Вашему усмотрению, что же касается картин, написанных членами до образования Товарищества, то Правление, будучи не вправе вносить их в список без согласия автора, покорнейше просит Вас обозначить, какие именно Вы желали бы поместить на выставку, и известить Правление, где размещать таковые: в зале ли Товарищества или в общем отделе, имея при этом в виду, что картины всего Художественного отдела будут размещаемы по авторам, а вместе с тем дать знать о Вашем решении распорядителю отдела М. П. Боткину. Адрес его: Английский проспект, д. № 19-й. Ваши картины:

«Сумерки»	на IV	выставках
«Пасека»	V	
«Рожь»	VI	
«Сосновый лес»	VI	
«Горелый лес»	VI	
«Еловый лес»	V	
«Песчаный берег»	VII	

P. S. Сюда не вошли рисунки, акварели и проч. Правление покорнейше просит Вас уведомить, какие рисунки должны быть помещены, и тоже, где таковые [разместить].

130 И. И. ШИШКИН — В. М. МАКСИМОВУ

[Петербург]. 14 января 1881

Любезный Василий Максимович,

По моему почину соберутся у меня все передвижники (в четверг 15 января вечером), хотя бы для того, чтобы видеть друг друга, а то мы совсем делаемся чужаками.

Несомненно и Вы, любезнейший Василий Максимович, не преминете видеть всех сотоварищей по нашему общему делу.

Весь ваш *И. Шишкин.*

131 Е. А. ОЗНОБИШИН — И. И. ШИШКИНУ

Ростов-на-Дону. 27 октября [1881]

Дорогой друг и товарищ Иван Иванович,

Знаю, что в переживаемых нами горестях никакое сочувствие не облегчит страданий; но тем не менее не могу утерпеть, чтобы не выразить тебе, славный художник, испытанное мною чувство прискорбного сожаления о постигшей тебя утрате супруги и художницы, о чем узнал из ее некролога, помещенного в 8 № Художественного журнала.[1]

Конечно, утешить тебя в потере я не сумею и не в силах. Я только могу сказать тебе: крепись, мой друг, и помни, что ты художник, отмеченный особым талантом, то есть тем роковым даром природы, который, давая гений, отнимает у *(нрзб)* человека утехи его земной жизни *(нрзб)* большинства великих людей искусства и науки, и в их страданиях найди себе мужество.

Вспомни, что жизнь твоя принадлежит России и что твою биографию будет читать тьма будущих художников и точно так же будет искать в твоих жизненных невзгодах для себя утешения и мужества.

Крепись и работай!

Твой всегда почитатель и товарищ *Ознобишин.*

132 И. И. ШИШКИН — Е. А. ОЗНОБИШИНУ

[Петербург. Ноябрь 1881]

Милейший Егор Андре[евич]

От всей души благодарю тебя за сочувствие — ты хоть и далеко, но понял, какую я утрату понес. Если бы ты знал ближе, что это был за человек. Женщина, жена, мать и вме[сте] талант[ливая] художница. Друг и товарищ. Можешь себе представить,

каково мое положение потерять такого драгоцен[ного] человека, я как ни бодрюсь и мужаюсь, но тоска и обида судьбы гнетет и давит меня. Боже, если б ты видел все ее альбомы, рисунки, этюды и начатые картины — ты бы пришел в неописанный восторг — ничего подобного ни мы когда-то, ни теперешний художник не мог мечтать о том, что она сделала! Сердце замирает от боли.

133 П. А. ИВАЧЕВ[1] — И. И. ШИШКИНУ

Одесса. 9 ноября 1882

Многоуважаемый Иван Иванович!

Верю скорби Вашей, что прекрасные «Кама», «Речка» и «Вечер»[2] до сих пор остаются непроданными; вполне разделяю с Вами тоску ожидания, но вместе с тем верю, что эти прелестные невесты не вернутся в родительский дом! Дайте только сроку! Ведь, сказать по правде, в нынешнем году мы в Москве не были. Нашу выставку не видал никто. (Угораздило нас попасть в Москву в такое время).[3] Елизаветград считать нечего — только маленький городишко. Выходит, что только один Харьков — этот единственный жених — видел и вполне оценил Ваших милых барышень. (Вечер менее нравился, хотя и он обращал на себя внимание многих.) Были такие посетители, что специально приходили взглянуть на Каму и на Речку и страшно соболезновали, что цены не по их карману. Если в Киеве не найду покупателя, то я уже заручился двумя верными покупателями в Харькове, которые просили меня сейчас же написать им, если Речка и Кама останутся непроданными, а с Вами они войдут в переписку относительно уступки. Скажу Вам даже фамилии этих влюбленных господ. За Речкой ухаживает г. Филонов, и если будете уступать, то не уступайте меньше, чем за 2000 р[ублей], в крайности 1800 р[ублей]. Относительно Камы будете иметь дело вероятно, с госпожой Красовской (муж ее купил у меня в Москве 5 картин), то меньше 2300 и только в крайности 2000 р[ублей] уступать не нужно. Но я уверен, что до такого безобразия не дойдет. У нас останется впереди прекрасный Киев, и если что не продастся здесь, то постараюсь пристроить в Киеве, а может быть, даже и в Варшаве, если только состоится туда моя командировка. Во всяком случае Вам, уважаемый Иван Иванович, особо заботиться еще рано! Я не замедлю обрадовать Ваше родительское сердце добрыми вестями, если не отсюда, из Одессы, то из Киева. Относительно Вечера сегодня пойду к Кондакову (я с ним знаком) и сообщу о результате. Примите

мой искренний привет и сердечное желание Вам всего хорошего и низко кланяюсь всем Вашим.

От всей души благодарю Вас за приятное для меня известие, что Товарищество довольно их покорным слугой. Правдивая оценка моего усердия, поступков, полнейшей преданности делу есть лучшая награда для меня! В начале я со страхом брался за это дело. Мало только быть честным — на моем месте нужно быть и ловким и житейски мудрым. Насколько я верил в себя относительно честности, настолько же сомневался в отношении последних двух качеств, но оказалось, что горшки обжигают не боги и что до сих [пор] все идет как по маслу. Что будет *дальше*, не знаю. Еще раз будьте здоровы и верьте в мою полнейшую преданность как делу, так лично Вам.

С глубоким уважением остаюсь верным слугой Вам *П. Ивачев*.

Выставка пробудет здесь до 24 ноября.

134 П. А. ИВАЧЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Киев. 15 декабря 1882

Многоуважаемый Иван Иванович!

Вероятно, Вы давно ждете от меня подробного отчета из Киева, и вот я к Вашим услугам. Кама и Речка такой шум наделали в Киеве, что я ждал между покупателями если не драки, то ссоры. Первым явился Терещенко, но ему Речка не особенно понравилась, затем явился Клучкист[1] и просит телеграфировать о Речке за 1500, я согласился телеграфировать только тогда, если он предложит 2000 р[ублей], наконец согласились спросить 1700 р[ублей], и жаль, что Вы не назначили в ответной телеграмме больше! Впрочем, как знать? Если Терещенко нашел что-то такое в небе, значит, или не купит совсем, или будет до слез торговаться, а кроме него крупных покупателей не предвидится; вот я и решился спросить Вас за такую маленькую сумму. Только что получено было Ваше согласие, как является Пото.[2] Ужасно досадно ему было, что опоздал. Стали торговать Каму. Сначала Пото за 2200 р[ублей], а потом Терещенко дал 2500 р[ублей]. Но когда получен был от Вас ответ, что продана Третьякову,[3] я решил еще раз телеграфировать Вам в полной уверенности, что Вы Третьякову уступили дешевле репы и что 600—700 рублей для Вас все-таки будут не лишни к празднику. Если бы не проклятая нужда и если бы Киев не был последний город, я ни за что бы не поверил, что эти прекрасные вещи пойдут так дешево! Киевляне молодцы! С каждым годом является все больше любителей. Но дорогие вещи продавать трудно; нет таких богатых, как Тере-

щенко. Этот считает себя уже самым форменным меценатом и, вероятно, что-нибудь купит у нас. Ах, если бы только не был он так скуп. Неврева бы продать ему,[4] Клодта![5] В провинцию продавать картины весьма важно: во-первых, это вызывает соревнование, во-вторых, развивает вкус, а с другой стороны — зависть. То и другое нам полезно. Будьте здоровы, желаю Вам всех благ, примите мое поздравление с наступающим праздником, низко кланяюсь Вам и всем домочадцам Вашим, а также и всему почтенному Товариществу, истинным слугой которого остаюсь.

П. Ивачев.

Х выставкой киевляне восторгаются. Куда она выше польской, которая только что закрылась в Киеве.[6] Ее считают выше всех предыдущих по общему уровню.

135 И. И. ШИШКИН — П. А. БРЮЛЛОВУ

[Петербург]. 1 марта 1884

Добрейший Павел Андреевич,[1]

Посылаю Вам жидкость и кисть, цветом ее не смущайтесь, а в деле она хороша. Покройте или протрите ею верх на Зиме[2] и также и пожухшее место на середине картины.

Также покорнейше Вас прошу передать кому ведать надлежит, нельзя ли перевесить мою картину Лесные дали[3] на другое место. Если нельзя ее повесить посреди бывшей курильной, то нельзя ли поменяться местом с Васнецовым[4] эски[зом] «Последние тучи». Много обяжете, если похлопочете об этом, а то она очень невыгодно висит.

Остаюсь весь Ваш *И. Шишкин.*

Забыл, протрите также и этюд.[5] Светá можно оставить так,* а только тени промазать. Жидкости достанет.

136 И. И. ШИШКИН — А. Н. БЕГГРОВУ

[Петербург. 1885]

⟨...⟩[1] По поводу выставки моих рисунков, уступленных Вам в полную собственность,[2] по соображению всех обстоятельств имею сообщить Вам следующее. Я не могу дать Вам согласие выставить их отдельно, кроме выставки Товарищества, не рискуя получить серьезные неприятности. У нас же выставить их можно.

Что же касается продажи Вашего издания, то это вопрос особый, и я думаю, что и его можно уладить с правлением нашим к обоюдному удовольствию, с одним условием: не обременять наших служащих при выставке этой комиссией, а поставить своего собственного уполномоченного.

---

* вероятно, они еще сырые.

По закрытии выставки Товарищества ничто не помешает Вам поставить их в Академию. 〈...〉

137 И. Н. ТЕРЕЩЕНКО [1] — И. И. ШИШКИНУ

Киев. 24 янв[аря] [18]85

Добрейший Иван Иванович!

Обращаюсь к Вам с моей покорнейшей просьбой, взять под свое покровительство молодого художника, которому я очень сочувствую, подателю сего г-на Вржеща.[2] Он очень талантливый молодой человек, который в будущем, быть может, внесет свою долю вклада в русское искусство. Теперь же он желал бы, чтобы его картинка, которую он привез с собой, была бы принята на передвижную выставку. Посодействуйте ему, если это возможно, это одна просьба, но не последняя. Я, пользуясь всегдашней Вашей любезностью, хочу атаковать Вас еще двумя, за что прошу Вас извинить меня, а вместе с тем надеюсь, что Вы не откажете мне в исполнении их. Еще прошлой зимой я просил Вас, добрейший Иван Иванович, сделать для меня три рисунка — один пером, второй углем, третий сепией. Теперь же, когда я увидел у Федора Артемьевича второй Ваш рисунок пером — «Пасеку»,[3] мне просто стало завидно, и я, не дожидаясь нашего свидания, повторяю мою убедительную просьбу. Имея одни из лучших Ваших произведений — «Первый снег», «Полесье» и «Ручей в лесу»,[4] очень желал бы, чтобы Иван Иванович был представлен у меня во всем блеске своего величия, а для этого мне нужны не только произведения масляными красками, но и пером, и углем, и сепией. Пожалуйста, не откажите.

Буду ждать Вашего ответа с нетерпением. 〈...〉[5]

138 И. И. ШИШКИН — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО

[Петербург]. 12 февраля 1885

Многоуважаемый Иван Николыч,

Письмо Ваше получил, премного благодарен Вам за память обо мне и расположение. Начну с Ваших поручений — картина г. Вржещ принята на выставку и очень недурна. Художник подает надежды, что со временем он выразится более оригинально. Светославский[1] очень талантливый, но, к сожалению, большая его картина Днепровские пороги не могла попасть на выставку за неимением места, нынче некоторые из наших членов повыставляли массы; особенно Поленов и Маковский В. Картина же Светославского отличается большими достоинствами и светлостию, но также и грешит, особенно воздух и горизонт, а также и первый план левой стороны. Он был очень огорчен этим, но мы все

товарищи его успокоили. Рисунки для Вас берусь охотно сделать, хотя желал бы, если Вы в общих чертах наметите сюжеты, а также величину их и формат.[2]

Признаюсь, рисовать пером мне не очень-то желательно, но для Вас готов сделать.

Хотя и не особенно скромно говорить теперь о презренном металле, но за рисунки пером хотелось бы взять ту же цену, которую дал Федор Артемьевич, а остальные 2 сепией и углем по возможности большой величины по 500 руб[лей] каждый. Может, найдете этот договор преждевременным, но я считаю долгом высказать свои условия. Рамы к ним поручите мне заказать или сами? Федору Артемьевичу раму делал Беггров.

Остаюсь с истинным к Вам почтением и предашностью.

И. Шишкин.

Прошу передать глубокий поклон многоуважаемым Вашему батюшке и супруге Вашей,[3] а также уважаемым Федору Артемьевичу и Богдану Ивановичу.[4]

139 А. П. БОГОЛЮБОВ — И. И. ШИШКИНУ

Париж. 19 октября 1885[1]

Многоуважаемый Иван Иванович!

Радуюсь, что мысль моя, дабы Вы перестали солить в своей соли прекрасные Ваши офорты и другие работы, а озаботились бы их распространять в Париже и Лондоне, ныне осуществляется Вашим письмом,[2] уснащенным словами «ну» и «но», что обозначает еще не полное решение, от которых отрекитесь, дабы не сбить меня с толку и не заставлять тратить мой порох по-пустому; почему я теперь уведомляю Вас о том, что с завтрашнего дня начну мой поход ко всем знакомым маклакам, каковы: Гупиль, Арнольд, Пети[3] и пр. и пр. Поставлю им условия взять вещи на комиссию, причем, конечно, попрошу с Вашей стороны уступку им положенного процента, а какой он будет, то сообщу в следующем письме, где уже напишу, как и кому устроить высылку. Вот почему я и тороплюсь Вам отвечать, дабы доброе настроение Ваше не улетучилось и чтобы Вы снова не задались «ну» и «но», в торговле вовсе не употребительных, здесь, где все кипит и бушует безотлагательно. Я точно хочу ехать в Италию, но прежде желаю устроить Ваше дело, для которого Вы приготовьтесь сперва тако. Пришлите мне по полудюжине всего того, что хотите пустить в продажу, я покажу продавцам, и тогда они обозначат сами, что им потребно, ибо без обиды скажу, что вкус у них другой, да и сметка их так велика,

что того товару, который им не по скусу, присылать не надо. Но образцы, еще раз повторю, все вышлите.

Но, как только я, как сказал выше, дело плотно обусловлю, то и отпишу окончательно: я сегодня получил Ваше письмо и сегодня же строчу ответ, чтобы дать Вам время собраться. Жаль, что не имею оказии, чтобы Вам облегчить высылку. Это хорошо делается через Министерство иностранных дел — был бы я там, так все бы подстроил, но Вы кувыркаться не любите, а потому не подыщете ли кого из отъезжающих.

Итак, сегодня ничего более не пишу, ибо писать о деле нечего, когда оно еще не начато.

Я был в Голландии 6 недель, а потому нынешний год Суворину[4] будет случай сказать про меня: да кому она нужна, даже и голландцы ее уже не практикуют. Но ведь для таких господ ни Гоббема,[5] ни Рюиздаль, ни Ван-дер Вельд[6] и пр. худож[ники] не существуют, а потому пусть не глумятся над русским тружеником, оставившим с восторгом эту чудную страну. Прошу кланяться нашим товарищам, кого увидите, и не остывать в добром Вашем пробуждении от дремоты к коммерции, которая должна увековечить Ваше имя и труд.

Вас глубоко уважающий и почитающий

А. Боголюбов.

140 А. П. БОГОЛЮБОВ — И. И. ШИШКИНУ

Париж. 30 октября 1885

Многоуважаемый Иван Иванович,

Посылаю Вам письмо ко мне г. Гупиль или Буссот и Комп.,[1] из которого усмотрите условия продажи Ваших произведений, т. е. фотогравюр-офортов, рисунков пером и пр. и проч. О картинах скажу, что это не время говорить, ибо, если вышлете ее сейчас к Гупилю, то ее будут видеть — быть может, продадут, но на салонную выставку она не будет новинка, что у нас в городе не принято, если художник хочет не получить название заношенной вещи. Что делать! Да ведь оно так практикуется и у нас, и потому, в видах личной пользы Вашей, сообщаю эти сведения, не отрицая желания Вам быть полезным в будущем, т. е. после Нового года, ибо 15 февраля н[ового] с[тиля] прием заканчивается: а потому если в эту пору буду в Париже и не удеру в Италию, то я Ваш человек. А теперь даю совет воспользоваться предложением выслать не много, ну хоть по 2 или 1-му экземпляру каждой вещи Вашей прямо на имя Гупиля, что гораздо проще, ибо он имеет на то своих ходоков, а мне черкните о высылке, дабы я навел контроль и установил

продажу. Не осердитесь, если он после Вам скажет: вышлите мне для продажи то и то, что Вам, [может] быть, покажется не сообразным, но ведь у купцов свой взгляд на товар, и что в Питере свинья, то здесь голубь и обратно. А потому и предуведомляю заранее о могущем быть выборе. Далее, он не хочет, чтобы я отдавал в чужие руки Ваши труды, но сам уж раздаст другим торговцам. Опять это его расчет, и тут надо уступить, да и черт с ним, пусть его якшается с кем хочет, только дело бы выгорело. От 50 % не пугайтесь, ставьте к ним свою цену и опять скажите: ну его... только бы платил мне, что прошу. Итак скажите хоть для примеру — офорт № 20 стоит — 1 рубль или 2 ф[ранка] 50 с[антимов], а он скажет *(нрзб)* — стоит $1^1/_2$ рубля — 3 ф[ранка] 75 сантимов.

Вот все, что могу Вам сообщить, и прошу — «ну» и «но» — уже не прилагать к экспедиции, а действовать и высылать по его адресу, что найдется у Вас, без различных рассуждений — пойдет или не пойдет — дайте все обсудить маклаку, а художник никогда себя не расценит как следует. Я соображаю, что если вышлете здоровые Ваши рисунки пером или углем, то он у Вас купит право их издавать, ибо у них процедура превосходная, которую Вы, верно, знаете, а до этого надо добиться, и я постараюсь дело устроить, конечно, не вдруг, но исподволь, и тогда Вы будете с вечной рентой, что вовсе не глупо.

Ну до свиданья, действуйте и пишите. Дружески жму Вашу руку и желаю успеха Вам глубокоуважающий и преданный

А. Боголюбов.

141 И. И. ШИШКИН — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО

Питер. 12 ноября 1885

Многоуважаемый Иван Николыч,

Много раз собирался Вам писать — благодарить Вас за присланные деньги и снисходительный отзыв о двух рисунках.[1] Но лень, преступная лень, в которой и приходится оправдываться. Простите, что затянул третий рисунок, за который и принялся теперь, надеюсь его скоро одолеть. Сюжет взял такой: Дубы из заповедной рощи Петра Великого.[2]

Передайте глубочайший поклон Вашей супруге, многоуважаемому Федору Артемьевичу и Богдану Ивановичу. Остаюсь с истинным к Вам почтением

И. Шишкин.

142 А. П. БОГОЛЮБОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Париж]. 28 ноября 1885

Глубокоуважаемый Иван Иванович![1]

Вы решились высылать Ваши рисунки и спрашиваете меня, на чье имя адресовать их. На имя Буссот и Комп. (быв[ший] Гупиль), адрес стоит на заголовке их письма. Но почему не на мое, пожалуй, тоже спросите? А потому что г-ну Буссот эта процедура предоставлена мною вполне, у него на то специальные люди, а мне придется только сдавать по письму Вашему, которое напишите одновременно с высылкой, и тогда я устрою дело и отпишу Вам окончательно.

Рисунки тоже выставляйте — на них ставьте свою цену,— тут 50 процентов не взимают, а прямо прибавляют, что хотят. После я выставлю их в Салон, коли не продадутся, да, пожалуйста, сделайте оговорку заранее, но иногда это невозможно, ибо покупатель тоже имеет свои капризы. Вообще буду действовать в интересах Ваших, но сообщаю, что на 25 декабря я хочу удрать в Монако и Ниццу, почему и не зевайте очень, а высылайте. Впрочем, если бы что и случилось, то дело сдали кому-нибудь из наших товарищей, но лучше было бы без этого.

Все это время хвораю — мучают страшные грудные спазмы, идущие от газов в желудке. Что делать, жрали и пили когда-то бойко — приходит время расплачиваться за всякие сластолюбия. А что будет у нас выставка, али 13-ю и закончили дело на два года.[2] Жаль. Итак, до свиданья. Да плюйте Вы на 50 %, ставьте цену сперва, а потом накинете их — ведь нельзя же задаром отдавать свою работу, то, что Вы делаете, поверьте мне без лести, почище всех Аппиапов[3] и Аллонже,[4] маньеристов, наводняющих здешние магазины. Надо им муху с носа сшибить русским кулаком.

Итак, до свиданья, будьте здоровы и высылайте. Вас глубоко уважающий и душевно преданный

А. Боголюбов ⟨...⟩

143 А. Г. КУЗНЕЦОВ[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 16 декабря [1885]

Многоуважаемый Иван Иванович!

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за прекрасный рисунок Ваш, полученный мною вчера.[2] Завтра же ставлю его на место, Вами для него назначенное.

Картина Ваша «Лес зимой»,[3] покрытая лаком (В. Е. Маковским), еще более выиграла, особенно в отношении перспективы.

Надеюсь, что, когда будете в Москве, заглянете ко мне, проведаете Ваши создания.

Уважающий Вас

А. Кузнецов.

Деньги, тысячу рублей, посылаю Вам завтра почтой.

А. Кузнецов.

144 И. Я. ПАВЛОВСКИЙ [1] — И. И. ШИШКИНУ

[Париж]. 28 декабря [18]85

Милостивый государь Иван Иванович,

Премного благодарен за Ваше любезное мнение о моих корреспонденциях. Я с удовольствием посмотрю Ваши работы и откровенно скажу о них свое мнение в «Новом вр[емени]». Я уверен наперед, что Ваши офорты прекрасны, как все Ваши работы, которые пользуются у нас такой заслуженной известностью и симпатией публики. Я только потому не был еще у Буссо, что хотел пойти туда с несколькими французскими журналистами и художниками. Это нельзя было сделать до сих пор из-за праздноств, но напечатает ли Новое вр[емя] — не ручаюсь, оно часто выбрасывает у меня целые статьи.

Русские художники сами виноваты, что их не знают за границей. Года три тому назад редакция лондонской Magazine of art [2] обратилась ко мне с просьбой доставить им ряд статей о русском искусстве. Я отправил ей статью об Антокольском, которая и была напечатана. Но продолжить я не мог за неимением под рукой материалов. Написал Крамскому (через Антокольского), чтобы наши художники доставили мне фотографии с своих картин, и ни один не прислал. Тем хуже для них. Неделю тому назад французский издатель предложил мне написать для него книгу о русских художниках, и я тут же отказался, предвидя отсутствие материалов.

С почтением остаюсь готовый к услугам

И. Павловский.

145 И. Я. ПАВЛОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Париж]. 2 января [18]86

Милостивый государь Иван Иванович,

Ваших офортов нет у Буссо (т. е. у Гупиля); я сейчас от него, он говорит, что ничего от Вас не получал, хотя имя Ваше знает. Несколько человек, по его словам, приходило уже спрашивать Ваши работы. Сообщаю Вам это на случай, если в неак-

куратности виновата почта, и объяснить в то же время, почему я не пишу об этих офортах.

С почтением остаюсь готовый к услугам,

И. Павловский.

146 И. И. ШИШКИН — И. Я. ПАВЛОВСКОМУ

[Петербург. Январь 1886]

Милостивый государь Иван[1] Яковлевич,

Первым долгом считаю поблагодарить Вас за любезное отношение к моему делу. Я очень рад, что нашел в Вас человека, сочувствующего нашему русскому искусству.

С моими работами, посланными в Париж (4 больших рисунка пером, сепией и углем и 15 офортов в 3 экземплярах и 2 листа большого формата) через Беггрова, с почтой вышла какая-то путаница. Я получил письмо от Буссо,[2] в котором он говорит о двух альбомах — это рисунки углем, исполненные фототипией, которые я делал для Беггрова, и он их сам издал и послал в Париж Буссо на комиссию *(нрзб)* — они получены, а мои вещи нет. А посланы они были вместе, и я не знаю, как тут и быть. Беггров делает справки на почте.[3]

Еще раз благодарю и буду благод[арить] Вас за участие, которое Вы приняли в судьбе дальнего моего плавания в страны чужие.

Остаюсь с истинным к Вам почтением

И. Шишкин.

147 И. И. ШИШКИН — А. Г. КУЗНЕЦОВУ

[Петербург. Январь 1886]

Многоуважаемый Александр Григорьевич,

Извините, что я так долго не отвечал на Ваше любезное письмо, и весьма рад, что рисунок мой Вам понравился.[1] Деньги я получил только 4 января, на пакете не было выставлено моего адреса, и он пролежал в почтамте две недели до моего заявления.

За полученные деньги, тысячу рублей, приношу искреннюю благодарность. Остаюсь с истинным к Вам почтением

И. Ши[шкин].

148 И. И. ШИШКИН — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО (?)[1]

[Петербург. Январь. 1886]

Дорогой Иван Николаевич,

Пишу и думаю, что надоел я Вам с моими парижскими делами, оказалось, что рисунки и офорты получал г. Буссо, но находились все время в другом их магазине Rue Chantal, 9. Буссо пишет мне, что он их на днях выставит в своем магазине Place de

l'Opera, № 2, и, между прочим, заявляет, что цены я назначил высокие; в этом случае я руководился нашими петербургскими ценами, во всяком случае, я покорнейше Вас прошу, добрейший Иван Николаевич, если будет время и возможность, взгляните, пожалуйста, на моих чужеземцев, и как Вы их найдете между туземными элегантностями. Знать это для нас, русских художников, очень интересно. Остаюсь с истинным к Вам почтеньем

И. Ши[*шкин*].

149 И. И. ШИШКИН — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО

Питер. 30 января 1886

Многоуважаемый Иван Николыч,

Я Вам писал два письма и ни на одно не получил ответа. Чему это приписать? Если Вы сердитесь на меня за мою неаккуратность, то простите великодушно; все это время семья моя поочередно хворала, и голова моя идет кругом.

Благодарю Вас за позволение выставить мои 2 рисунка в Киеве, а третий, углем,[1] я выслал с месяц назад и не знаю, получены они Вами? А если получены, то довольны ли Вы [или] нет? Прошу Вас положить гнев на милость и черкните слова два. Остаюсь с истинным к Вам почтением

И. Шишкин.

Яков Васильевич Тарновский был так любезен, что снял фотографии с моей картины Кама и прислал мне. Я бы очень желал, если бы Вы допустили бы снять фотографию с моего Первого снега, я ее не имею вовсе.

И. Ш.

150 П. А. ИВАЧЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Одесса. Биржевой зал, выставка картин.
4 февраля 1886

Многоуважаемый Иван Иванович!

При последнем свидании с Вами Вы поручили мне не привозить «Лесной уголок» обратно, а отдать его хоть за 500 р[ублей] профессору Кондакову для музея, если пейзаж этот останется по окончании путешествия непроданным. Через 5 дней выставка в Одессе закроется, и я считаю долгом уведомить Вас, что непроданный пейзаж Ваш я оставляю г. Кондакову, которого я сегодня видел и говорил с ним. Он с радостью принимает этот дар и будет хлопотать о том, чтобы отпустили 500 р[ублей] из университетских сумм на уплату за картину. Если Вы что-нибудь имеете против моего поступка (в полном согласии с Вашим ука-

записем), то сообщите поскорее по телеграфу. Молчание же Ваше будет означать, что Вы отдаете картину Кондакову за 500 рублей. От всего сердца желаю Вам доброго здоровья и всяких радостей и прошу засвидетельствовать мой искренний поклон добрейшей Виктории Антоновне [1] и всему Вашему семейству, а равно и почтеннейшим художникам нашим.

Выставка путешествует ныне очень плохо. Публики по всем городам так мало, как никогда. Во-первых, погода преследует нашу 13-ю выставку самым злостным образом, а во-вторых, публика находит, что нынешняя выставка гораздо хуже предыдущих. Впрочем, подобный вывод приходится мне слышать каждый год.

С глубочайшим уважением остаюсь весь к услугам Вашим

П. Ивачев.

151 И. И. ХОХРЯКОВ [1] — И. И. ШИШКИНУ

Темис-су. 22 июня [18]86

Здравствуйте, дорогой Иван Иванович!

Вот два месяца я уже здесь прожил, а как скоро пролетело время. Давно хотел написать Вам, как я здесь устроился и что делаю, простите, что пишу только теперь. Природа мне не очень-то благоволила; когда я выехал из Питера, снег и сильный ветер долго меня сопровождали, и как мне ни хотелось поглазеть по сторонам, но кроме снега ничего почти не видно было, и, покорившись судьбе, таким образом доехал до Москвы. В Москве я переночевал у Быкодарова, [2] посмотрел передвижную выставку, там она мне больше понравилась, чем в Питере. Помещение очень большое, и можно отходить от картин далеко, а не рассматривать их в упор. Видел там несколько новых вещей. Дубовая роща Ваша, Иван Иванович, там как хороша была — она стояла в большом светлом зале,— народу масса всегда стояло. На другой день я выехал из Москвы, и, уже подъезжая к Харькову, стало тепло, и вдоволь налюбовался на цветущие сады и живописные малороссийские деревни. Степь под конец меня уже утомила, и в Севастополь я приехал ночью. Пароход шел в 8 ч[асов] утра, и я не знал, куда деться, отправился в трактир. Там просидел со своими вещами за чаем до свету, нашел татарина, и он меня утром предоставил на пристань. К моему счастью, утро было тихое, теплое, и, когда выехал из Севастополя, мало-помалу берега все делались интереснее, живописнее, и, наконец, я пришел в такой восторг, что просто глаз не мог оторвать от гор, так мне было и ново и грандиозно и в каких красках, какие моменты.

Так что я в восторге приехал в Ялту — горы все отражались в море, а море такое было, что и слов нет описать,— в горах высоко тянулось облачко. Я свои вещи оставил на берегу в агентстве, а сам расспросил дорогу и отправился берегом к Рязанцеву[3] — имение это находится в Магараче, между виноградником магарачским Никитского училища и Никитским садом — только выше. Тут меня встретили и Рязанцев, сестра его и ее подруга — обе приехали за неделю раньше меня из Питера, они на курсах. Рязанцев работал в винограднике, загорелый, испеченный солнцем, и я был тоже хорош! Но чай и виноградное вино здешнее отлично меня подкрепили. Первое время мы путешествовали вместе по горам, потом я принялся за рисунки в Иллюстрацию[4] и над ними просидел довольно долго — хотя только два рисунка и сделал пером. Так что собственно я начал писать в конце мая только. Пишу до 12 часов, около дома поблизости, в 12 ч[асов] обед, а потом до 6 ухожу дальше куда-нибудь, и чаще всего на берег. В горах близко здесь интересного мало, а далеко ходить одному и не хочется и да и с ящиком совсем не могу, тяжело — с маленьким ящиком мало что напишешь, но как хорошо над Гурзуфом в лесах, где и сосновый лес и буковый,— это точно волшебная сказка. Ах, как там хорошо, потом, когда здесь поблизости поработаю, стану туда ходить хоть рисовать — писать-то там мне и не написать ничего. Какие грациозные эти буки, красивые, какой тон стоит во всем лесу — торжественное что-то и величественное в нем. Здесь над нами горы по большей части голые, лес когда-то тут выгорел, остался сосновый лес только местами, а большая часть гор покрыта мелким кустарником, и чтобы попасть в буковый лес над Гурзуфом, приходится идти по этому кустарнику, в жару это невыносимо. Зато там так хорошо, что забудешь всю дорогу. Хотя я все-таки еще не был у Кастрополя. Должно быть, туда нужно идти другой дорогой, не той, как мы ходили. Один раз прошли мы по вершине Яйлы — зеленой степью к пропасти — и хотели спуститься вниз по тропинке, но тропа нас привела только к ключу в буковом лесу, где, вероятно, чабаны поят своих овец, дальше тропинка идет еще немного около стены и кончается — бросить *(нрзб)* камень в это ущелье, и он долго, долго летит. Спасибо Вам, Иван Иванович, за карту, по ней так хорошо все видно, ясно весь путь, куда вздумаешь идти. Я был и на водопаде, там лес также какой славный. Жаль, что здесь близко нет ни одной речки, кроме небольших ручьев, их много, в особенности в саду Никитском, но там они все утилизированы, проведены по каменным желобам, из них устроены искусственные водопады, и все это искусственно,

около сада есть очень милые заросшие уголки, до них я еще доберусь, благо тут ходить близко, только спуститься в балку. Я поднимался несколько раз, чтоб рисовать выше шоссе, но эта дорога одна, когда проходит мимо этого шоссе, мимо известковой печи, мимо табачного поля, ужасно неприятна, и уж если подниматься, так нужно как можно выше, а недалеко — так ужасная тоска, у меня сделалась даже тоска по родине, и я долго ходил, повеся нос, ничего мне было не мило — рад был как можно скорее уехать отсюда, только чтобы быть не в Крыму, все было и казалось каким-то не своим родным, а иностранным чем-то, но потом я увлекся, нашел столько интересного, что теперь работаю очень усердно. Теперь хожу довольно часто на берег и пишу берега — они мне очень нравятся, море стараюсь так брать, чтобы его слишком-то не было заметно, там, на берегу у моря, намечено несколько этюдов, которые я непременно напишу,— вообще я теперь увлекся так, что у меня в голове, кроме этюдов, ничего нет, я сплю и во сне вижу этюды, поэтому думаю, что наработаю много. Это я начертил этюд,[5] который уже почти кончил, еще немного пописать и кончу. Впрочем, я начертил-то так, что ничего нельзя понять. Вдали горы, в них татарская деревня Никита, вся заросшая орехами, а сюда ближе группа деревьев — ясень, дуб на первом плане и зеленая полянка при заднем освещении. Это я здесь пишу почти что дома. На берегу пишу такой.[6] Несколько начатых есть, и маленьких штук 15 написал. Маленькие я делаю для тонов, а большие по возможности оканчиваю и хочу как можно больше оканчивать; написал еще розы. Работать здесь мне удобно — заботы никакой, кроме этюдов, нет, жить очень удобно, у меня отдельная большая комната, так что знай только работай. Деньги тратить приходится только на табак, так что у меня, быть может, сохранится еще часть денег на то, чтобы жить в Питере по приезде,— нужно еще нарисовать что-нибудь для Иллюстр[ации] и для Живоп[исного] обозрения.[7] Как-то нынче Вы устроились где на лето — я ничего решительно не слыхал с отъезда, не имею никаких известий ни о Карловиче,[8] ни о Шильдере. Шильдеру я написал письмо, про Карлыча я слышал такое, что меня привело в крайнее недоумение, и не знаю, правда ли это — будто бы Менк поступил заведующим второй передвижной выставки — какой второй — должно быть, академической. Тогда я ничего не понимаю, а впрочем, все возможно. Васнецов[9] уехал в Тульскую губ[ернию] к брату. Здесь часто идут дожди, что, говорят, даже за редкость. Пока до свиданья, добрый Иван Иванович. Мое почтение передайте Виктории Антоновне, Лидии Ивановне и Кусиньке.[10]

Будьте здоровы. Преданный вам *Н. Хохряков*. Что-то Вы работаете теперь, Иван Иванович?

152 Г. Н. ПОТАНИН — И. И. ШИШКИНУ

[Иркутск]. 24 апр[еля] 1887

Многоуважаемый Иван Иванович,

Ваши «Офорты»[1] лежат у меня на квартире. Огромное сибирское спасибо Вам, огромное, как сама Сибирь.

Жалею, что не увижу тех этюдов, которые Вы вывезете из Вологодской губернии.[2] Не изобразите ли багунное болото, то есть моховое болото внутри слоника, заросшее багуном (Ledum palustre)? Какие разнообразные оттенки цветов торфяникова мха! Можно бы комбинировать из них рисунки, розаны и прочее.

Еще раз спасибо за офорты. Ваш

Григорий Потанин.

P. S. Мои посетители спрашивают, как делаются офорты, чем они отличаются от простых рисунков в самом производстве, чем достигаются их особые эффекты, а я не умею объяснить. Надо как-нибудь увидеться с Вами и выслушать поучения насчет этого.

153 Н. МАРТЬЯНОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Минусинск]. 24 июня [18]87

Милостивый государь Иван Иванович!

Недавно Комитет Минусинского музея имел удовольствие получить от Григория Николаевича Потанина письмо, в котором он радует нас приятным известием о пожертвовании Вами, милостивый государь, альбомов для Минусинского музея. Этот дар составляет богатый вклад в нашу художественную коллекцию, до сих пор довольно бедную предметами искусства. Комитет хорошо сознает пользу и важное значение такой коллекции, воспитывающей вкус и понимание в области эстетики, но ограниченность средств музея кладет пределы в развитии художественной коллекции. Тем живее и глубже мы чувствуем признательность к лицам, приносящим дары в нашу маленькую сокровищницу, и тем более, если они представляют собою произведения мастера, которым гордится вся Россия. Комитет считает большой честью Ваше внимание к музею и просит Вас, Иван Иванович, принять уверение в его искреннейшей и глубочайшей благодарности Вам за приношение.

За Председателя Комитета

Николай Мартьянов

Заведующий музеем.

154 И. И. ШИШКИН — А. А. КИСЕЛЕВУ [1]

[Петербург]. 11 дека[бря] 1887

Мой адрес: В[асильевский] О[стров], 5-я л[иния], д. 32, кв. 7

Добрейший Александр Александрович!

Посылаю на Вашу выставку [2] картину (Этюд с натуры), которую, конечно, желал бы сбыть за 1200. Я слышал, что Вы готовите большую и хорошую вещь для нашей выставки. [3]

Поклон Вашей семье, если они меня помнят.

Картина послана через Вашего агента Аванцо до уплаты на месте. Черкните слова два, как Вы ее найдете.

Остаюсь весь Ваш

И. Шишкин.

155 В. М. МАКСИМОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Любша]. 1 февраля 1888

Многоуважаемый Иван Иванович!

Пожалуйста, ссудите мою жену [1] ста рублями до моего приезда в Петербург, мне здесь достать нет ни досуга, ни возможности.

Картину свою заканчиваю — приеду с нею к 30 февраля в город, чтобы успеть за некоторое время до выставки взглянуть на нее в раме. [2]

Пожалуйста, не откажите, ежели есть возможность, буду искренне благодарен Вам как товарищу.

Рисунок для каталога начат, но так много переделывал в картине, что он теперь совсем не похож. Найду время, так по окончании картины сделаю новый,— коли для Беггрова не будет поздно. [3] Где-то устроимся мы с выставкой? [4] Поставит ли Репин у нас свою картину? Ведь слух шел о его выходе из Товарищества. [5]

Пишу второпях, отвечая на письма жены, а с ответом к ней посылаю в одном конверте и это письмо к Вам.

В ожидании скоро увидеть Вас остаюсь преданный Вам *В. Максимов.*

156 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

[Шмецк. Май июнь 1888]

Любезнейший Иван Васильевич,

Обращаюсь к тебе с просьбой, нет ли у тебя знакомого фотографа или хоть незнакомого, но который бы взялся проявить мои стекла. Здесь нет фотографа, а снимать есть что, и я уже наснимал штук 20 и ничего не знаю, что выходит,— прошлогодний фотограф Соболев [1] не знаю, где живет. Если бы ты был так добр и

нашел бы время сходить на Литейную, на углу Шпалерной или какой-то другой улицы, черт ее знает. Этот самый Соболев там имеет фотографию, у него есть и вывеска. Узнай и отпиши, пожалуйста. Лес здесь превосходный, а главное, у самой дачи, я начал два больших этюда. Лес еловый, сосновый, осина, береза, липа. Болото — прелесть. Вот бы где писать Бурелом, незачем ездить в Вологду[2] — тут под рукой, а снимать что, масса. Потом и окрестности прекрасные, вообще место более живописное. Будь здоров. Кланяйся жене.[3] Остаюсь твой *И. Шишкин.*

157 И. И. ШИШКИН — И. В. ВОЛКОВСКОМУ

[Шмецк]. 24 июня 1888

Милейший Иван Васильевич!

Спасибо тебе за Соболева, что отыскал его,— да вот беда, послать не с кем. Мы живем от станции 8 или 9 верст, и никакого кондуктора нет знакомого, а придется по почте, а это возня. Буду ждать оказии.

Я никогда не хотел, чтобы Соболев приехал сюда, это и дорого и хлопотливо. Вот приедет Пальчиков,[1] он теперь в Уфе дома — приедет к 1 июля. На днях приедет к нам Клейсельс,[2] с ним отправлю Соболеву, и тебе бы дал проявить несколько стекол, да возня с пересылкой.

Погода до сих пор была очень хорошая, а теперь начала портиться. Вчера приехала А. Ф. Гине[3] с дочерью, говорит, что в Питере была погода скверная.

Не хочешь ли приехать к нам, будем очень рады. Я тебе покажу такой лес, что чудо, возьми фотографию, а ехать нужно или на станцию Корф, а оттуда в Шмецк на лошадях 8 верст — стоит 1 рубль, дорога прелесть, или из Нарвы на пароходе в Гунгенбург (он же Усть-Нарва), а там в Шмецк 5 верст. Дача Паленова, № 4. До свидания. Будь здоров, кланяйся жене и детям. Весь твой *И. Шишкин.*

158 И. И. ШИШКИН — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО

Питер. 19 августа 1888

Многоуважаемый Иван Николыч!

Сегодня я приехал в город и нашел Ваше письмо, крайне неприятно, что оно не было прислано мне вовремя. Теперь я пишу Вам наудачу, не знаю наверно, в Киеве Вы или где-либо в чужих краях путешествуете.

Предложению Вашему и Марии Николовны[1] я очень рад, давно не рисовал пером и чувствую, что сделаю недурно. Материалу нового много, и есть, так сказать, некоторый зуд в руках.

Но вот что главное, я хотел бы знать, хотя приблизительно, какой сюжет рисунка лучше и любезнее для Марии Николовны: лес — глухой, более открытый, еловый, сосновый и пр. и пр. Только не поле и не море, можно, я думаю, выразить желание, что более симпатично будет для нее, тогда бы я еще с большей уверенностью работал.

Размером рисунка я не думаю стесняться, хотя размер Вашего рисунка я помню не точно. Это все поэзия и эстетика дела, а вот и проза, и, по правде сказать, не особенно приятная вещь. Желает ли Мария Николовна променять 10 екатерининских портретов на один лист бумаги, правда, довольно большой, испещренный чертами стального и гусиного пера, изображающий какой-то лес?

Потом этот лист потребует раму со стеклом, наверное раму хорошую, т. е. дорогую, стекло также, все это надо заказать (нарочито) у Беггрова или у кого иного (нельзя ли будет стекло поставить в Киеве). Обо всем этом я прошу Вас, многоуважаемый Иван Николыч, черкнуть мне слова два.

Нынешнее лето мы жили за Нарвой в полунеметчине, места хорошие, а люди дрянь, лето было более чем плохое. Немцы и немецкие чухни ужасно надоели. Думаем конец августа и сентября пожить на островах, близ Питера, может осень будет хорошая.

Желаю Вам и Вашей супруге от всей души здоровья и счастия, передайте ей поклон, а также Варваре Николовне и Богдану Ивановичу,[2] как его здоровье и где они теперь? Поклон папаше, если только он помнит меня. Остаюсь с истинным к Вам почтением

И. Шишкин.

159 ПРАВЛЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург. 1888]

Милостивый государь!

Комитет по устройству русского отдела на предстоящей Всемирной выставке в Париже обратился в Правление Товарищества передвижных художественных выставок с приглашением участвовать на выставке. Правление не сочло себя вправе уклониться от такого предложения, но, имея в виду, что вопрос об участии в Парижской выставке зависит от согласия отдельных художников и владельцев картин, дало согласие условно,[1] обязавшись ответить по выяснении вопроса о том, окажется ли возможным устроить выставку картин Товарищества с полнотой, которая бы представляла действительный интерес и отчет деятельности за

последние 10 лет. Для уяснения этого прилагаем выписку картин, в которых подчеркиваем те из произведений Ваших, участие которых, по представлению нашему, было бы желательно. Просим покорнейше рассмотреть список, изменить или добавить и в возможно скорейшем времени возвратить нам. Не откажите сообщить также фамилии владельцев картин, назначенных Вами на выставку.

Члены Правления.

Адрес Правления: Знаменская улица, д. № 36, кв. 46. Савицкому.

И. И. Шишкин

Вечер, Лес (á l'eau forte), Сосновый лес (рисунок пером. Собств. К. Т. Солдатенкова), Полдень, Лесная глушь, Ручей, Истоки речки (рисунок пером), Сумерки, Родник в сосновом лесу, Первый снег, Пчельник, Чернолесье, Еловый лес, Пчельник, Рожь, Лес, Сосновый лес (собств. Н. А. Мельникова), Этюд, 12 № Крымские этюды, Крымский вид, У монастыря Козьмы и Демьяна в Крыму, Дебри, Порубка, Заповедный сосновый бор, Дубки, Вечер, Кама, Речка, Среди долины ровныя, Лесные дали, Последний лист, Этюд, Дремучий лес, Лесной уголок, Туманное утро, Сосновый лес, В заповедной дубовой роще Петра Великого (в Сестрорецке), Святой ключ близ Елабуги, Пески, Дубы, Дубовая роща, Этюд (у Третьякова), Этюд, Бурелом, Туман в сосновом лесу, Этюд (сосновый лес), Полесье, Горелый лес (Третьяков П. М.). Несколько рисунков и офортов просим переименовать и сообщить, где находятся.

160 Н. Н. ХОХРЯКОВ — И. И. ШИШКИНУ

Вятка. 14 февраля 1889

Добрый и дорогой Иван Иванович!

Так совестно мне, что столько времени здесь живу и ни разу не собрался написать Вам, но лучше поздно, чем никогда, и сегодня хочу что-нибудь написать Вам.

Приходится начинать с тех пор, как уехал из Питера. То лето я не рано мог уехать в деревню. Поселился я около одной мельницы, на которой когда-то жил летом у дяди, который там служил.

Тогда, что было прежде там, я не нашел, лес повырублен, стало как-то пусто и неприятно. Я начал там этюд на берегу. Возился с ним долго, хотелось хорошенько окончить, но совладеть с ним не удалось. Пробыл я там около месяца, но на беду пришлось все оставить и уехать домой — захворал серьезно дядя.

Лежал он у нас и у нас умер. Это было в августе. Чтобы как-нибудь наверстать потерянное время, начал ходить за город писать этюды. Ходить приходилось далеко, простудился еще тут, пришлось сидеть дома и взялся за рисунки, чтобы было на что выехать. Посылаю по два рисунка в Иллюстрацию и пишу Дмитриеву [1] письмо. Жду, жду — ответа нет, опять написал — то же самое. Написал Васнецову, чтобы он справился. Пишет, что Дмитриева нет, а вместо него Навозов. [2] Опять прошу справиться о рисунках. Наконец получаю от Навозова письмо о том, что и рисунки не могут быть приняты, по той причине, что в редакции много пейзажных рисунков. Пишу Васнецову и Афанасьеву [3] и прошу их взять рисунки и постараться куда-нибудь их сбыть. Пока тянется эта история, заболевает моя мать. Начинает кашлять, говорят, бронхит, пройдет. Прошло недели две, говорят, воспаление легких, и 15 марта ее не стало. Тяжело мне говорить об этом времени. Перед смертью несколько раз она говорила мне: «Что не напишешь ничего Ивану Ивановичу. Нехорошо. Ты ему так много обязан. Ладно, что нынче ты не уехал, а то бы тебе там было тяжелее, когда бы услышал, что я нездорова». Меня же хотя и грызла совесть, что я ничего не напишу Вам, но порадовать-то я Вас ничем не мог, ничего не сделал и писать смущался. После смерти матери получил письмо от Васнецова. Он мне сообщил, что его выбрали в члены, [4] и послал мне иллюстрированный каталог. О рисунках говорит, что их взяли в «Север», [5] напиши, что согласен по 15 руб[лей] за рисунок. Советует не унывать и работать. Я был очень обрадован, сейчас же написал в «Север» письмо и думаю, что скоро вышлют мне деньги. Пока о работе нечего было и думать, и я взялся за огородные работы и усердно возился с капустой и огурцами.

В мае получаю из Харькова письмо от Первухина [6] — спрашивает, получил ли я деньги из «Иллюстрации», и если нет, то немедленно бы писал об этом заведующему конторой, какому-то Феперу. [7] Я удивился этому, но написал Феперу. Потом слышу, что в «Севере» есть мне ответ, что никаких мы рисунков от А. М. В[аснецова] не получали. Вероятно, рисунки Первухин сдал в «Иллюстрацию», а Аполлинарий Мих[айлович] перепутал. Получаю от Афанасьева письмо — он сообщает, что не желаю ли я ехать на уроки к Нарышкину. [8] В надежде получить скоро деньги, я отказался от урока. Но тщетно ждал я от этого Фепера деньги, и по сей день я их не получил, хотя, говорят,— рисунки были напечатаны. Не знаю, как их удастся получить Далькевичу, [9] которого я об этом просил. И так у меня пропало время, прошло лето, хотя я и пробовал некоторое время жить в деревне,

но без денег это было трудно. Осенью я в полном унынии был — занимать ни у кого не хватило духу — и я опять остался. Пробовал ретушировать фотографии, и тут не повезло. Но вот получаю от Афанасьева известие, что в Москве новый журнал будет издаваться, «Гусляр».[10] Заведовать будет художественным отделом Александров.[11] Афанасьев передал ему моих старых два рисунка. Александрову понравились рисунки. Он их взял и хотел мне написать. Хотел даже предложить постоянную работу при редакции с месячным жалованьем. Я написал Афанасьеву, что отлично, если бы Александров брал рисунки, я таким образом мог бы заработать к лету кое-что и летом приняться мог бы, не отрываясь, за работу.

Мне так хочется сделать что-нибудь здесь — хоть недаром же столько времени просидел здесь. Александров выслал мне журнал, но письма нет. О рисунках ни слова. Хочу ему написать. Горьким опытом наученный, боюсь ему послать еще рисунков. Думаю, не лучше ли послать в Питер кому-нибудь из товарищей — быть может, куда-нибудь сбудут. Теперь я подготовляю рисунки и не теряю надежды их куда-нибудь сбыть — получить бы за них несколько десятков рублей, и я был бы обеспечен на лето и работал бы не унывая с ранней весны. Как бы были рады мои домашние, если бы я здесь летом что-нибудь сделал. Сестра моя теперь поправляется после тифа, и весной я бы уехал вместе с нею в деревню — на Сивую,— куда я столько лет мечтаю забраться и не могу этого исполнить. Неужели с рисунками повторится опять старая история? Но нет, я все еще надежды не теряю и живу будущим.

У Вас теперь скоро откроется выставка. Что-то нынче Вы, Иван Иванович, написали — мне так и не удастся посмотреть. Прислал ли Карлович[12] к выставке картины? Я получил от него письмо, в котором он говорит, что готовит две картины. Бедняге только трудно было писать, у него свое горе — лишился сына, жена больна. На днях я ему напишу. Не знаю только, в Киеве ли он — не уехал ли в Питер. Но думаю, что в Киеве. О товарищах кой-какие имею сведения. Про Шильдера ничего не слыхал, хоть и спрашивал о нем Афанасьева. Карлович тоже о нем не знает, но хотел ему написать — да не знает адреса. Я слышал, что летом он был на Волге, но верно ли это — не знаю. Но интересуюсь очень знать, какое впечатление на него произвела Волга и что оттуда он привез. Увидите его, передайте от меня поклон и желание мое получить от него письмо. Кланяйтесь от меня и Ивану Васильевичу Волковскому. Я от него получал поклоны через Кондопуло[13] — спасибо ему за них,— как он пожи-

вает? Кондопуло я порядочно давно не видел — ходить мне никуда нельзя было, пока хворала сестра, а теперь, хотя и можно, да как-то не могу собраться.

Передайте почтение Виктории Антоновне, Лидии и Ксении Ивановнам.

Пока до свидания. Будьте здоровы. Желаю Вам всего доброго.

Ваш *Н. Хохряков.*

Не посоветуете ли, Иван Иванович, мне, как быть с рисунками. Послать ли их Александрову или ждать, пока он вышлет за первых 2 рисунка? У меня сейчас штук шесть рисунков, и я не знаю совсем, куда их сбыть так, чтобы получить за них что-нибудь.

Как страшно жалко, что нет Полевого [14] в Живоп[исном] обозрении [15] и Дмитриева в «Иллюстрации»,—я крепко надеялся на Дмитриева, когда сюда поехал.

161 И. И. ШИШКИН — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО

Питер. 9 марта 1889

Многоуважаемый Иван Николыч,

Пишу Вам наугад, в Киеве Вы или нет, не знаю. Рисунок пером для сестры Вашей готов. Остается заказать раму, и я думаю его выставить здесь хоть на короткое время и в Москве, если позволите. Товарищи наши находят рисунок превосходным, я со своей стороны доволен им. [1]

Не будете Вы иметь ничего против того, что я сниму с него фотографию и намерен сделать фототипию в 4-ю часть (или немного более) рисунка, и если Вы, добрейший Иван Николыч, не против этого, то покорнейше Вас прошу черкнуть слова два.

Выставка наша имеет большой успех и посещается публикой очень усердно.

Передайте мое глубокое почтение Вашему батюшке.

Остаюсь с истинным к Вам почтением *Иван Шишкин.*

162 И. И. ШИШКИН — И. Н. ТЕРЕЩЕНКО

Питер. 15 мая 1889

Многоуважаемый Иван Николович,

Рисунок отправлен Беггровым порядочно давно, и, вероятно, Вы его получили — надеюсь, что рисунок вышел хорош и Вам и Вашей сестрице он понравится. Письмо Ваше из Ментона получил, в котором Вы пишете, что в первых числах мая будете в Киеве. И если Вы вздумаете послать мне деньги за рисунок, то

покорнейше прошу Вас, многоуважаемый Иван Николович, если можно поскорее, ибо я на этой неделе еду.

Сердечный поклон Вашему папаше и супруге Вашей. Как ее здоровье?

Остаюсь с истинным к Вам почтением

И. Шишкин.

163 И. И. ШИШКИН — В. Д. ПОЛЕНОВУ

Питер. 20 мая 1889

Многоуважаемый Василий Дмитриевич,

Ваше великодушие, добрейший Василий Дмитриевич, сделало меня Вашим должником.[1] Вы прислали мне 2 вещи, и такие прекрасные, особенно Тивериадское озеро. Я считаю долгом Вам дать еще этюд.[2] Вы ли сами как-нибудь будете в Питере или я найду случай удобный Вам передать.

Сердечно Вас благодарю.

Остаюсь уважающий Вас

И. Шишкин.

164 И. ФЕСЕНКО[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Харьков]. 5 октября 1889

Любезный государь Иван Иванович!

Комиссия, заведующая городским музеем, в заседании 27 сентября н. г. постановила приобрести бывшую на последней передвижной выставке картину Вашу «Осень»,[2] предложив сделать уступку этой картины музею за 750 руб[лей].

Считая долгом уведомить об этом Вас, милостивый государь, имею честь покорнейше просить не отказать уведомить меня о согласии Вашем на уступку картины «Осень» музею за предлагаемую цену 750 руб[лей], так как музей вынужден дать эту цену по недостатку средств, которыми он располагает.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть покор[ным] слугой

Иван Фесенко.

165 И. И. ШИШКИН — Е. М. ХРУСЛОВУ[1]

[Петербург]. 4 апреля 1890

Добрейший Егор Моисеевич,

Письмо Ваше получил и рад очень, что дело так устроилось. Стахеев[2] взял и вторую мою картину, Темный лес.[3] Я ему уступил много, ну да делать нечего.

Вот в чем дело — я еще вышлю Вам картину, ту самую, которая была здесь на выставке, Вечер,* и полагаюсь на Ваше

* Я ее про[шел] всю, пока как будто лучше стала.

усмотрение, которую из двух последних удержать для путешествия, я даже согласен обе отдать покупателям, если таковой найдется и на Вечер.[4] Я не знаю, как в этом деле распорядилось наше правление, я со своей стороны даю Вам полное полномочие, как угодно и как лучше. А то, я думаю, найдется место на выставке? Как идет выставка у Вас? Добрейший Егор Моисеевич, еще к Вам просьба. Вы как-то говорили, что знакомы с Морозовым[5] — владельцем лесов и вод на истоках Волги, нас едет туда почти целая компания, в числе коих и Репин. Нельзя ли будет заполучить от владельца что-либо вроде открытого листа, что ли, или вообще каких-либо практических сведений, которые нам очень необходимы, потому что мы не имеем ничего, почти никак[ого] понятия о местности, кроме Ниловой пустыни,* — если можно, Егор Моисеевич, спросите и сообщите нам. Если будет время, черкните, на чье имя выслать картину, чтобы не было излишних проволочек. Цена ей будет старая, т. е. 1500 ру[блей].

Остаюсь с истинным к Вам почтением, передайте поклон нашим хорошим москвичам Маковскому,[6] Прянишникову, Невреву и иным.

Весь Ваш *И. Шишкин.*

166 И. И. ШИШКИН — Е. М. ХРУСЛОВУ

Питер. 5 апреля 1890

Очень приятно получать Ваши письма, добрейший Егор Моисеевич,— давно я не получал таких.

Картину Темный лес нужно отдать покупателю Харитоненко,[1] а Болото надобно отстоять. Вы, как представитель фирмы Товарищества, имеете больше смелости и правоты на то и попросите его оставить для путешествия картину.

Стахеев за Темный лес давал 1000 руб[лей]. Следовательно, 500 руб[лей] послала судьба неожиданно. Чудесно. Не могу еще выслать Вам картину Вечер, рама задержала. А, в случае чего, наклюнется охотник на Зиму в лесу,[2] то я сделаю уступку.

Благодарю Вас сердечно, Егор Моисеевич. Остаюсь весь Ваш *И. Шишкин.*

167 И. И. ШИШКИН — Е. М. ХРУСЛОВУ

Питер. 10 апреля 1890

Добрейший Егор Моисеевич,

Как ни старался отправить картину раньше, и не мог, рама задержала — что же, несколько дней все-таки будет на выставке. И второе письмо Ваше получил.

* и то только знаем название.

Выставка идет, значит, неважно.[1] При сем прилагаю квитанцию. Послал картину с большой скоростью. Вы, пожалуйста, заплатите.

Обращаюсь к Вам с просьбой — будете посылать мне деньги, возьмите из них 50 руб[лей] и передайте ученику Училища живописи Василию Александровичу Журавлеву.[2] Он, бедняга, просит. Он жил или теперь еще живет у Е. С. Сорокина[3] — пожалуйста. Москва оказалась по продаже картин лучше Питера.

Желаю Вам здоровья, остаюсь весь Ваш

И. Шишкин.

168 М. И. ПОДЪЯЧЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Село Акташ. 18 апреля [18]90

Дорогой старый друг Иван Иванович!

Вот уже год, как я получил от тебя «Памяти Гаршина»[1] и до сих пор не собрался ответить — поблагодарить... Прости, прости за мое невежество! Я поджидал, хотя поджидать вовсе не следовало, от тебя ответа-письма... Мне Ремезов[2] писал, что познакомился с тобою... Кроме того, он, бывши в Питере, свел дружбу с Г. И. Успенским[3]... Так не было о тебе весточки, пока в «Ниве», выписываемой здесь священником в 89-м, а ныне учительницею, я встретил образчики твоих произведений — олеографированных ныне на премию.[4] Затем с особенною отрадою вглядеился в портрет твой в № 52 Нивы. К сожалению, портрет этот произвел на меня не отрадное впечатление: выражение болезненности, тяжелого духовного состояния, желчи (если только не исказила литография натуры), выражающиеся в лице и даже всклокоченной большой бороде... Таким и я себя нередко вижу в зеркале в тяжелом тревожном состоянии... Что касается до премий, то не говоря о том, что олеография едва ли верно потрафила искусству, они не по вкусу любителям более пикантных картинок, вот как «Король жених», «Юдифь», «Жемчужина гарема» и т. п. По поводу этой премии из 2 картин по идее я предпочитаю «Запущ[енный] парк», и мне невольно пришли на память эпизоды чуть ли не детства, вероятно, помнишь детскую поэму Д. И. Стахеева, выправленную мною и К. И. Невоструевым в Москве, «Пожар города Елабуги», который мы (*нрзб*) покушались описать, а ты художественно изобразить... Но это, конечно, чепуха: и мы оказались не поэты и ты не специалист изображать подобные катастрофы!! А вот более интересное, что мне невольно пришло в голову при созерцании твоего «Парка», это увлечение,

с которым мы читали с тобою в «Мертвых душах» Гоголя описание «плюшкинского сада»... Мне кажется, если бы ты с таким детским пафосом мог теперь отнестись к строкам этого блестящего описания, в котором, я помню, фигурирует «Клен широколистый», «сплетенные ветви запущ[енного] дерева» и знамени[тый] штамп — надломленной грозой «березы»... Эта иллюстрация поэтических строк Гоголя по мере удачи, в руках такого пейзажиста, как ты, мне кажется, могла бы быть замечательным произведением!!! ⟨...⟩

Всей душой любящий тебя

М. Подъячев.

169 И. И. ШИШКИН — Е. М. ХРУСЛОВУ

[Петербург]. 11 мая 1890

Егор Моисеевич,

Несказанно Вам благодарен за Ваши хлопоты по предлагаемой нашей поездке.[1] Вы дали сведения уже достаточные, чтобы не заблудиться и иметь местами даже приют. А если г. Савельев[2] будет так добр, пришлет нам маршрут, то это будет совершенно достаточно. Памятную книжку Т[верской] г[убернии] мы выпишем.

А Репин, кажется, нас подпадует, он едва ли поедет[3] — ну, все равно, мы трое едем непременно.

Сказать точно, когда выезжаем, не могу. Примерно от 20 до 25 мая. Ищем 4-го компаньона вместо Репина, да все нет желающих. А троим не всегда удобно располагаться на наших доморощенных экипажах.

Что Вы сами куда-нибудь поедете на лето? Ведь оно у Вас свободно до августа. А потом должны ринуться, так сказать, в пучину людскую. Желаю Вам здоровья, а главное, мужества и силы. Остаюсь с пожеланием всего хорошего и благодарный Вам

И. Шишкин.

Фототипий с карт[ины] Болото, а также и других, теперь не будет. Вишняков[4] работу на лето прекратил. Может, к зиме приготовит. ⟨...⟩

Что спросить о Журавлеве у Сорокина? Разве что-нибудь есть. Я ведь этого юношу совсем не знаю. Если знаете Вы что-нибудь — черкните. Для сведения будет не лишнее.

170 И. И. ШИШКИН — Л. И. РИДИНГЕР

[Петербург]. 18 июня [1890][1]

Милая и дорогая Люля,

Ждали твое письмо все с нетерпе[нием], и все обрадовались его получению. Все мы эти дни [по] твоем отъезде скучали и вспоминали тебя на разные лады. Слава богу, что довольна и счастлива. Дай вам бог и впредь согласия и любви. Я начинал беспокоиться, и надеюсь, что ты будешь счастлива, будешь здорова. Примите от меня благословение на все доброе, честное, хорошее. Остаюсь любящий вас сердечно. А ты, милая Люля, не думай, что я к тебе был суров и сух, и не пеняй за прошлое. Остаюсь любящий отец твой

И. Ши[шкин].

Борису Никола[евичу] сердечный привет ⟨...⟩.

171 П. П. КОНЧАЛОВСКИЙ[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 20 октября 1890

Многоуважаемый Иван Иванович,

Вы, вероятно, уже получили рисунки, посланные мною как образцы воспроизведений рисунков, которые будут помещены в нашем издании Лермонтова.[2] Это рисунки Савицкого, Пастернака[3] и Дубовского.[4] Уважаемый Иван Иванович! Когда же, когда же наконец осуществится наша надежда иметь Ваш рисунок. Мы ожидаем его с нетерпением. Назначенный Вами гонорар будет выслан по первому требованию.

С искренним уважением. Остаюсь готовый к услугам

П. Кончаловский.

172 П. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 20 декабря 1890

Многоуважаемый Иван Иванович,

Рисунки были посланы Вам раньше, чем я успел написать, и потому вышло неприятное для меня недоразумение. Во-первых, наши рисунки не представляют типа будущих рисунков, а сделаны в уменьшенном виде для того, чтобы посмотреть, потеряет ли рисунок, если мы будем печатать их все в таком уменьшенном виде, так как мы думали изменить формат издания ради того, чтобы не печатать текста в два столбца, что выходит некрасиво; для решения этого вопроса мы и послали рисунки. Две недели тому назад мы отправили несколько оригиналов в Париж к Бошету, и, вероятно, он скоро вышлет образцы, тогда только нам можно будет дать понятие, в каком виде появятся рисунки в печати. Что касается воспроизведения рисунков фототипией здесь, то этот вопрос может решиться только в январе, когда будут

привезены выписанные машины, и вообще, если это дело будет устроено у нас надежным образом. Я очень рад, Иван Иванович, что Вы поругали наших мастеров, что послужит нам прекрасным уроком и заставит как можно строже относиться к делу.

С истинным почтением. Остаюсь готовый к услугам

П. Кончаловский.

Льщу себя надеждой, что это обстоятельство не заставит Вас отказаться от желания, если оно у Вас сохранилось, сделать для нас рисунок.[1]

П. Кончаловский.

173 И. И. ШИШКИН — Н. П. СОБКО[1]

[1890 ?]

Многоуваж[аемый] Николай Петрович.

Обращаюсь чрез посредство Ваше в Комитет Общества[2] с целью выразить благодарность Комитету за оказанную помощь молодому ученику Фомину[3] и вместе с тем просить Комитет увеличить размер стипендии с 15 руб[лей] хоть на 25 руб[лей].

Смею Вас уверить, что пособие Общества, оказыва[емое] Фомину, пало на плодотворную почву, видеть это Вы можете из представл[енных] им в Комитет этюд[ов] и рисунков, а также могу ручаться за него [как] человека достойного, положительного и честного, который умеет ценить оказанное ему внимание.

Повторяю и прошу Вас, многоуважаемый Николай Петрович, посодействовать увеличению стипендии, о чем я также просил и уважаемого Евграфа Евграфовича Рейтерна,[4] — право, стоит помочь этому человеку. Ост[аюсь] с (*нрзб*) почте[нием]

И. Ш.

174 А. А. КИСЕЛЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 9 апреля 1891

Многоуважаемый Иван Иванович!

Как только я привез приобретенный у Вас этюдик (дубы) в Москву и передал его по принадлежности, так явился охотник до Ваших этюдов за ту же цену (50 р.), и я решился ему продать один Ваш старый Крымский этюд, не знаю, помните ли Вы его. Он писан на желтой бумаге и изображает какую-то татарскую постройку на камнях с небольшим количеством зелени и с сухой травой на первом плане. Этюд этот мало напоминает Вас и вообще гораздо слабее тех дубов, что я приобрел у Вас для Р. Мицкевича.[1] Препровождая Вам деньги (50 рублей) через В. М. Константиновича,[2] прошу Вас, черкните мне, не сердитесь

ли Вы на меня за эту продажу, и если нет, то могу ли я надеяться получить со временем от Вас взамен проданного другой какой-нибудь этюдик.

Вы, конечно, побываете в Москве на французской выставке[3] и мы с Вами увидимся?

Искренне преданный Вам

Ваш *А. Киселев.*

P. S. Прилагаю здесь и расписку покупателя.

175 И. И. ШИШКИН — Е. М. ХРУСЛОВУ

Питер. 20 апреля 1891

Добрейший многоуважаемый Егор Моисеевич,

Я получил письмо от редакции Артист,[1] в котором они просят снять фотографию с моей картины «Дождь», а не сосну,[2] которую они прежде выбрали. То попрошу Вас допустить их фотографировать.

Кстати, прошу Вас под сосной поместить все шесть строк стихотворения Лермонтова — здесь, в Питере, была такая надпись.

Ну-с, а теперь позвольте Вас поблагодарить, хоть и поздно, за Ваше доброе участие в нашем путешествии по верховьям Волги, которым мы с Вишняковым не умели воспользоваться, и благодарить гг. Морозовых за готовность сделать все от них зависящее, короче сказать, мы не успели и не доехали до имения Морозовых, закончили наш путь Коковкиным.[3]

Цена картины моей,[4] если будут требовать уступки и вообще спрашивать, то я готов сделать небольшую уступку, ну да об этом не стоит раньше времени говорить.

Спасибо Вам, голубчик, Вы выдержали натиск разных Кузнецовых и Бодаревских[5] и совершили столь трудное путешествие.

Остаюсь с истинным к Вам расположением, желаю быть здоровым.

И. Шишкин ⟨...⟩

Передайте мой поклон Маковскому, Прянишникову, Киселеву. Скажите последнему, что деньги, 50 руб[лей], получил, а писать лень.

176 В. Д. ПОЛЕНОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 8 октября [18]91

Многоуважаемый Иван Иванович,

У нас в Москве задумали устроить выставку из художественных произведений, пожертвованных в пользу голодающих.[1] Боль-

шинство из московских товарищей с сочувствием отнеслось к этому делу. Комитет поручил мне обратиться к Вам с убедительной просьбой прийти к нам на помощь и пожертвовать что-нибудь для этой цели. Ваше участие крайне для нас ценно, Ваша огромная известность и симпатия публики к Вашим произведениям будут ручательством успеха этого дела.

Очень хотелось бы хоть чем-нибудь помочь людям в годину бедствий.

Искрение преданный Вам

В. Поленов

177 И. И. ШИШКИН — Ф. А. ТЕРЕЩЕНКО

[Петербург. Октябрь — ноябрь 1891]

Многоуважаемый и добрейший Федор Артемьевич,

Я перед Вами виноват и ждал Вашего письма со страхом.

Картина Ваша написана весной, но не кончена,[1] а кончить до сих пор не было возможности, потому что я вздумал устроить выставку этюдов, рисунков, офортов с 1852 по 1891 г. Все время по приезде с дачи и до сих пор занят приготовлением к выставке,[2] этюды нужно привести в порядок, обрезать, наклеить, словом, работы пропасть. Числом же этюдов около 300, да столько же рисунков. Квартира моя вся завалена щитами, на которые наклеиваются этюды, и рамами. К тому же нужно составить каталог и проч. Откроется она в Академии художеств с 15 ноября, до тех пор я никак не могу приняться за картину. Прошу великодушно Вашего прощения. Как только сдам вещи на выставку, то сейчас примусь за Вашу картину, а рисунок[3] не выслал потому, что лучше вместе с картиной в одном ящике. Ост[аюсь] с ис[кренним] к Вам почтением и уважением душевно преданный Вам. ⟨...⟩

178 А. Е. ПАЛЬЧИКОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 1 ноября [18]91

Посылаю Вам, добрейший Иван Иванович, проект предисловия к каталогу. Лучше написать я не могу. Поместить, впрочем, такое предисловие в каталог возможно только в том случае, если самый каталог будет издан не от Вашего имени, а, напр[имер], «составлен Иваном П (*нрзб*), Семеном Григорьевым» или что-нибудь в этом роде, и тогда под предисловием следует выставить «И. П. или С. Г.». Пускать же его от Вашего имени немыслимо (это предисловие помечено лит. Б).

Для образца прилагаю и другое предисловие (лит. А), которое, конечно, может быть подписано и Вами.[1]

То, что вчера условились,— отдано в переписку, и завтра утром писец принесет Вам работу, плата по 50 коп[еек] за переписанный лист. Спешу со всем этим, потому что времени осталось очень мало, а послать к 15 ноября необходимо. В воскресенье, вероятно утром, буду у Вас.

Весь ваш *А. Пальчиков.*

Переписать лит. Б не имею решительно времени, а потому посылаю черняк.

179 А. А. КИСЕЛЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 13 ноября 1891

Многоуважаемый Иван Иванович!

Ваша записка на имя Аванцо, присланная мне через Савицкого, передана мною в магазин Аванцо, но оказалось, что рисунок Ваш им продан уж давно, и потому в пользу голодающих от Вас ничего нет.

Если Вы ничего не имеете прислать из этюдов Ваших, то я могу предложить Вам поставить от Вашего имени один имеющийся у меня Ваш старый этюд сосен и берез по глиняному обрыву. У меня давно есть охотники приобрести его рублей за 50, но я не продаю ничего из моей коллекции без разрешения авторов. Когда я последний раз был у Вас и приобрел у Вас этюдик дубов для доктора Р. Мицкевича, то Вы разрешили мне при случае продать еще что-нибудь из Ваших этюдов, имеющихся у меня, с тем, что деньги будут высланы Вам и Вы, взамен проданного, дадите мне что-нибудь другое из Ваших этюдов. Таким образом, в мае я продал Ваш старый крымский этюд постройки на скалах и прислал Вам деньги через В. М. Константиновича и сообщил Вам об этом в письме. Но Вы ничего мне не ответили. Не знаю, как Вы отнесетесь к данной продаже, я не решался бы вновь продавать что-нибудь из Ваших этюдов. Но теперь является исключительный случай: дело идет о голодающих, и я уверен, что Вы не откажетесь участвовать в этом деле, тем более таким способом, который избавит Вас от труда выбирать и пересылать в Москву что-нибудь из Ваших работ. Черкните мне об этом хоть одну строчку.

Савицкий говорил мне, что начало моей статьи о французской выставке [1] понравилось Вам. Если бы Вы знали, как я этому рад. Я страшно боялся выступить в печати с моими взглядами на искусство, боялся не публики, конечно, а суда товарищей. Теперь я успокоился почти совершенно мнений: Вашего, Мясоедова, Прянишникова и еще кое-кого. Остается ожидать грозы от Ярошенко. [2] Признаюсь, я больше всего боюсь его мнения и уверен,

что мне еще будет головомойка, может быть выраженная в горячем протесте против моих взглядов, а может быть, и в полном молчании с его стороны. Боюсь и того и другого.

Простите, дорогой Иван Иванович, что беспокою Вас, но Вы все-таки напишите мне хоть строчку. ⟨...⟩

Искренне преданный Вам

Ваш *А. Киселев.*

180 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 14 ноября [18]91

Дорогой Иван Иванович!

Помня твое желание хотя изредка иметь весточку обо мне, делюсь с тобою семейной радостью своей. 9-го родилась у меня дочка Елена, жена[1] поправляется, все обстоит благополучно и радостно для нас. Пока это крупнейшее событие у меня с переселением в Москву.[2] Устроились мы здесь недурно, квартира приведена в порядок, и я начал работать, с тем чтобы, оглянувшись в своем обиходе, кинуться и по товарищам. До сих пор видался основательно только с Киселевым, да вчера состоялось наше первое товарищеское собрание в канцелярии Школы живописи и ваяния. Собралось нас 12 человек, не апостолов, как и не было 13-го — Иуды. Новокрещенные члены наши были все налицо, и время прошло будто в оглядывании друг друга. Говорят, что ребята все хорошие, но ведь далеко еще то время, когда сблизимся, объединимся мы, да и придет ли оно? За исключением Поленова, проживающего где-то в своей усадьбе,[3] и отсутствующего Прянишникова, все собрались. Маковский,[4] Неврев, Суриков,[5] Киселев да я, корень старого Товарищества, затем более знакомые нам Остроухов,[6] Апол[линарий] Васнецов и уж совсем неведомые Светославский, Лебедев,[7] Левитан, Архипов и Касаткин.[8] Весь вечер прошел главным образом в совещании, где и как собираться. Школа предоставляет сухомятку, к которой москвичи мало склонны, пробавляться чайком да баранками как будто душа не развертывается, трактиры же дороги, не симпатичны, во многих отношениях неудобны. Я всячески гнул к тому домашнему собранию, какое практикуем под твоим гостеприимным кровом, но ни Маковский, ни Остроухов, единственно могшие бы отозваться в этом, промолчали... Поговорив о предстоящем юбилее Сорокина,[9] о том, где и как состоится наша годичная выставка, о выставке, сборнике,[10] по неизбежному вопросу о голодающих, к 11 часам догадались, что и мы не сыты, перекочевали в виде пробы в соседний трактир, традиционный для художников Саратов, там действительно оживились перед легкой закуской

и просидели до 3-х часов ночи. Оказалось, что ассигнованные 15 руб[лей] убрались грош в грош даже без теплого съедомого. Разбрелись мы по домам, порешив собираться чрез неделю по пятницам, в расчете, что питерские собрания по средам, и, стало быть, будем ли мы иметь что-либо сообщить Вам или Вы нам, сообщения получатся вовремя.

Ну, что твоя выставка? Движется ли к открытию и когда? Подмывает меня крепко примахнуть к вам хоть на 4 дня, да надо подождать с этим. Сердечно крепко жму твою руку, шлю поклон всему семейству твоему и широкому нашему. Твой *К. Савицкий.*

181 И. И. ШИШКИН — А. А. КИСЕЛЕВУ

[Петербург]. 15 ноября 1891

Милейший и многоуважаемый Александр Александрович,

Нельзя ли деньги за проданный рисунок у Аванцо передать в Ваш комитет для голодающих, что нужно для этого сделать, написать, что ли, к Аванцо или дать Вам доверенность — я не знаю даже, за сколько он его продал.

Если Вы отдадите мой этюд, то Вы будете в проигрыше, пожалуй, когда Вы получите от меня взамен. Я со своей стороны даю слово, что этюд Вам дошлю, и поступайте с Вашим этюдом как Вам угодно, благо есть покупатель.

В голове у меня сумбур от затеянной мною выставки своих этюдов, столько хлопот и разных страхов. Пускаюсь в большое мирское плавание.

Ваша статья превосходная, остается только желать, чтобы Вы продолжали,— и, бог даст, у нас установится правильная к р и т и к а, не бойтесь никакого суда, а идите напролом, и да благо Вам будет.

Остаюсь искренне любящий и уважающий Вас *И. Шишкин.*

Черт возьми, писать не умею и не могу, а то бы много, очень много можно бы поговорить,— писания для меня пытка.

Что, как поживает или будет жить Савицкий? Мне кажется, он сделал ошибку. [1]

Говорят, Вы написали на Кавказе хорошие мотивы. Браво! Дай Вам бог! [2]

А как на меня накинулись за мою выставку [3] ⟨...⟩ Яро[шенко], Брюллов ⟨...⟩, Лемох, [4] — но я отгрызаюсь сильно. Да, еще забыл одного — Куинджи ⟨...⟩.

Добрый А[лександр] А[лександрович], передайте от меня В. Д. Поленову мое самое искреннее извинение за мое невежество. Я ему не ответил на его письмо, пусть простит и не сер-

дится — Вы не поверите, что до сих пор у меня не было ни чернил, ни бумаги для писем, ей-богу. Вот каковы мы, цивилизованные-то люди.

Относительно Вашей статьи еще скажу — пишите, пишите, настала Ваша пора. Вы должны развернуться во всю ширь, за Вами все — талант писат[еля], любовь, знания, опыт и все и вся за В[ас].

182 А. А. КИСЕЛЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 1 декабря 1891

Многоуважаемый и добрейший Иван Иванович!

С вопросом о помощи голодающим с Вашей стороны я распорядился так: я продал маленький этюд Ваш, бывший у меня, доктору Рымвид-Мицкевичу за 50 рублей и деньги отдал в Общество любителей художеств; те же деньги, которые следуют Вам с проданного Вашего рисунка сепией в магазин Аванца за 150 рублей, за вычетом комиссионных процентов, именно 15 руб[лей], остальные 135 (сто тридцать пять) рублей я получил от Аванцо, на основании Вашего письма, и посылаю Вам при этом письме. Тут же я прилагаю корректурный листочек с отзывом о Вашей этюдной выставке, выражающим прямо мой взгляд на это дело, хоть выставки этой я не видел. Но, прочитав рецензию Жителя в Новом Времени, я не мог удержаться, чтобы не настрочить этих несколько слов, которые будут помещены в декабрьском нумере Артиста; но там она будет немножко подлиннее, потому что, когда мне принесли корректурный лист, я прибавил к нему еще пару слов. [1]

Спасибо Вам от всей души за Ваш теплый отзыв о моей статье, но я боюсь, что Вы еще разочаруетесь, когда будете читать ее продолжение. Однако я, кажется, втянулся в это писание и едва ли теперь брошу его, хотя бы и оказался к тому несостоятелен. Очень уж это занятие увлекательно, хотя бы тем, что заставляет давать себе отчет в собственных мыслях, заставляет мыслить последовательно. А пока не пишешь, черт знает как скачут мысли и ничего не додумываешь до конца.

Савицкий нездоров и не был даже у нас на передвижнической пятнице, которая бывает у нас в Школе живописи в две недели раз на манер ваших сред. Только эти пятницы почему-то очень не оживленны.

Собираюсь к Савицкому на этих днях и передам ему Ваш поклон. Поленова не видал: он все еще живет в деревне, но, кажется, скоро переберется в Москву.

Сегодня в Обществе любителей был аукцион голодающих картин (т. е. пожертвованных в пользу), и распродано все не разобранное раньше. Всего наторговало Общество тысяч на пять.

Но неужели наша выставка (передвижная) опять будет в Академии наук?[2] Это просто невозможно! Наведя поверхностные справки, мы узнали, что большинство москвичей (а нас 15 членов) пишут все большие картины. Куда же мы их поместим? Мы соберемся теперь в пятницу 13 декабря и, вероятно, напишем Вам петицию о приискании другого помещения.

Простите, дорогой Иван Иванович.

Напишите два слова, что деньги получили. Преданный Вам душой

А. Киселев.

183 И. И. ШИШКИН — А. А. КИСЕЛЕВУ

Питер. 6 декабря 1891

Милейший и глубокоуважаемый Александр Александрович!

Несказанно Вам благодарен за Ваш отзыв о моей выставке — прекрасно Вы понимаете дело. Это не то, что подлец Житель. Представьте себе удивление, что наши товарищи (с малыми исключениями) согласны с ним[1] и очень обрадовались его приговору,— а за глаза ликуют, а в глаза сказать боятся — потеха,— много бы можно сказать по этому поводу, да не умею.

Жаль одного, что Ваши (в полном смысле превосходные) статьи помещаются в малораспространенном журнале, у меня эти две книжки Артиста переходят из рук в руки, и если бы слышали отзывы о Ваших статьях, то, право, порадовались бы. Все без исключения художники и не художники находят в ней новый свет или настоящий свет критики. Некоторые говорят (читавшие много), что на русском языке ничего подобного не встречалось. Так вот как, значит, пишите с богом. Ваши статьи об искусстве дадут ход журналу, об них говорят, и говорят много...

За присланные деньги благодарю, но как же я с Вами-то разделаюсь. Я Вам обязуюсь дать этюд, и чтобы Вы не были в накладе.

Отчего Вы не приедете в Петербург дня на два, посмотрели бы сами на наши выставки. Они очень любопытны и поучительны.

Да, выставка наша передвижная будет опять в Академии наук. Правительство наше говорит, что этого желают москвичи.

Пишите петицию, вот, кстати, пускай Вам поручат передать эту петицию и уполномочат переговорить о выгодах и невыгодах помещения. Право.

Мы с Репиным сделали почин выставлять в теперешней Академии и находим только одно хорошим. Мы хозяева полные, и никаких притязаний и вмешательств нет.

Отчего Вы собираетесь через пятницу — нужно каждую пятницу, скорей будет общение и сближение, что ли?

Вы сумму порядочную выручили для голодных, куда же пойдут эти деньги? Попадут ли голодным?

В Академии наук потолок обвалился, и его теперь весь отбили штукатурку, осталась одна решетка. Что из этого будет, не знаю, а правление наше уже покончило и договорилось с правлением Академии.

Что это бедный Савицкий, чем он болен? Кланяйтесь всем нашим, как здоровье Прянишникова? Простите, Ал[ександр А]лександрович], пишу без связи и, пожалуй, без смысла, пишу сгоряча. Сейчас получил Ваше письмо, читаю и отвечаю, а то, пожалуй, и не соберусь написать.

Нечаянно подвернулась к Вам, А[лександр] А[лександрович], просьба: получил я письмо от ученика Училища живописи и ваяния Петра Ивановича Первунина,[2] который просит (ученик головного класса) внести за право учения деньги, сколько, я не знаю, иначе его исключат. Срок 8 декабря. Вот я бы и хотел попросить [Вас] или В. Е. Маковс[кого] справиться, так ли это и стоит ли, и если да, то, пожалуйста, дайте эти деньги или попросите Маковского, а я или вышлю, или как-нибудь сделаю через нашего казначея Лемоха. Пожалуйста, слезное письмо пишет, и к тому же еще земляк из Елабуги, а так я боюсь послать ему, просто я уже попадал на эту удочку. Обманывали, шельмы.

Вот все, что я мог Вам сообщить. Остаюсь с желанием Вам успеха и здоровья. Передайте поклон Вашей семье. Остаюсь

весь Ваш *И. Шишкин.*

184 А. А. КИСЕЛЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 27 декабря 1891

Многоуважаемый и добрейший Иван Иванович!

Простите, что так долго не отвечал Вам: все возился с этой проклятой статьей. Проклятой я говорю потому, что она была срочной, к спеху; редактор «Артиста» сидел на мне верхом и погонял все время. Поэтому не удалось мне ее хорошенько привести в порядок, пообчистить от повторений и разных неясностей и шероховатостей. Если бы у меня было больше времени над ней

поработать, она бы вышла гораздо короче, а может быть, и дельнее. Но теперь я кончил все, и в январе будет напечатан конец, слава богу! У меня как гора свалилась с плеч. Я даже после сдачи ее сходил в баню и выстригся по-человечески.

Маковский видел Вас в Питере и, конечно, сообщил Вам относительно Первунина, что он принят в школу бесплатно, то есть освобожден от платы за успешные занятия в школе.

Прилагаю здесь часть фельетона (из московской газеты «Русские ведомости») Буквы (Василевского) от 8 декабря, где он говорит о Вас и Репине.[1] Это все-таки лучше Жителя.

Маковский, однако, говорит, что публики на Вашей выставке было мало и что Вы недовольны результатом выставки. Так ли это на самом деле? Я, признаюсь, не удивляюсь, что иные из товарищей были против того, чтобы делать отдельную выставку и в особенности этюдов, да еще в Академии художеств; я знаю, как многие смотрят вообще недоброжелательно на какие бы то ни было компромиссы с Академией, и отчасти разделяю эти взгляды. Но на Ваше дело, Иван Иванович, я смотрю совсем иначе. Скажу Вам прямо, Ваши этюды я считаю столько же интересными, как и Ваши картины, часто они даже сильнее и лучше, свежее и колоритнее у Вас, чем картины. Поэтому Ваша этюдная выставка особенно интересна должна быть для многих любителей, имеющих случай только на ней увидеть Вас во весь рост, в натуральную величину! Но так как на передвижной неудобно же было в самом деле устраивать этюдную выставку из 300 вещей, то это лучше было сделать отдельно. Что же касается помещения в Академии художеств, то ну ее к черту! Она уж мне очень противна по всей истории наших (товарищеских) отношений с ней, и мне было жаль, что Вы явились там. Право, лучше бы было даже в Академии наук. Простите, кланяйтесь нашим всем. Скоро увидимся. Жму с почтением Вашу руку. Савицкий кланяется и удивляется, что Вы ему ни словечка не черкнете

Весь Ваш *А. Киселев.*

185 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 17 января 1892

Дорогой Иван Иванович!

Я бы готов был начать письмо свое словами: «Прости, что надоедаю тебе своими письмами». Но тем, что пишу, доказываю как раз обратное такому мнению о твоем молчании, другое дело Брюллов и Лемох, первый весьма грамотный, т. е. не в труд было бы ему отписать, второй, как и ты, крепко не

любящий писать, все-таки исправился и покаялся, отписал мне после энергичных настояний моих. Твои же письма к А. А. Киселеву я читал, и они так восхитили меня, что я совсем обновился, сразу почувствовал, что если не отвечаешь мне, то не по нежеланию быть со мною в переписке, а просто не можешь, не до того, не пришел стих твой... Писать же ты великий мастер! Редко доводилось мне читать такое здоровое, честное, оригинальное и злое там, где случилось человеку обозлиться. Злость твоя такая, что бьет больно; но злиться на тебя нельзя, больно, а хохочешь не одним горлом, но и всем нутром! Видно, тяготит тебя дело твоей выставки, уж попался ты в ней, т. е. в массе всяких хлопот, столкновений, мнений и воззрений... все это баламутит, изнервило тебя, оно и понятно, художник не может быть нечувствителен в такие минуты жизни, когда детища его треплются на общественном рынке, когда все то, что составляло его интимный душевный мир, делается всеобщим достоянием. Поздравляю тебя с окончанием всего этого, читал и слышал, что ты реализировал многое, успешно продал, а главное скажу, что большое дело совершил ты при жизни, подвел огромный итог тому, что сделано тобой за многие лета, и наглядно показал силы свои для будущей еще большой деятельности... Рост, рост, и рост, вот стимул твой, и благо тебе! Мы здесь (смею сказать мы), москвичи, издали следим и радуемся успеху каждого из братии нашей, в собраниях по пятницам сообща ликуем. В. Е. Маковский привез добрые вести из Питера. Работаем все энергично, видимся порознь и собираемся вместе. Была пятница, затеяли работать офорт сообща,* завтра будем у Киселева, затем соберемся у Поленова, словом, живем не во вред себе. Этого от всего сердца желаю и питерцам.

Выберешь свободную минутку, черкни словечко. Недостает мне старых приятелей.

Душевно твой *К. Савицкий.*

186 А. А. КИСЕЛЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 30 января 1892

Многоуважаемый Иван Иванович!

Давно уже не имел о Вас никаких сведений, а между тем Ваше житье-бытье меня особенно интересует теперь, когда Вы сделали такой решительный шаг в своем художественном подвижничестве и задумали показать публике всю закулисную ра-

* Вот при этом деле не раз помянешь тебя. Молодежь с горячностью накидывается на офорт, вспоминается мне и наше время.

боту Вашего творчества. Ваших давно известных и всем особенно дорогих пейзажей. Шаг этот чрезвычайно интересует меня своими результатами. Выставка Ваших этюдов — было явление не заурядное, а, напротив, выдающееся со всех сторон: и для публики, и для художников, даже для товарищей. Публика и большая часть художников первый раз увидели Ваши этюды. Все, что любит искусство, должно было заинтересоваться этой выставкой в высшей степени. Одно то обстоятельство, что после стольких лет появления Вашего только среди передвижников теперь совершенно самостоятельная выставка Ваша в Академии художеств должна была вызвать во многих недоумение и предположение о том, что Товарищество разрушилось или же что Вы вышли из него. Четвертьвековая борьба Товарищества с Академией хорошо всем известна и многих интересует более, чем вопросы искусства. Наконец, и сами члены-товарищи, имея именно это в виду, разумеется, не могли совершенно сочувствовать появлению Вашей выставки в залах Академии, и понятно, что должны были по-товарищески протестовать против Вашего выбора места для выставки, о чем и намекаете Вы (вероятно) в Ваших письмах ко мне. И конечно, чем крупнее, чем кореннее член Товарищества, чем более он сросся с сутью жизни этой отважной горсти людей, сумевших сберечь человеческий образ и человеческое отношение к своему делу среди безбрежного моря чиновно-зверинного государства, тем менее желательно, чтобы этот член давал хоть малейший повод обществу думать, что Товарищество распадается, что лучшие члены его входят в компромиссы с этим отхожим местом искусства, т. е. с Академией, и что остальная часть этой ничтожной горсти Товарищества упрямится выставлять свои вещи в Академии только из фрондерства, из желания рисоваться своим либерализмом и протестантизмом. Только это обстоятельство и могло вызвать протест (конечно, дружеский протест) против выбора Вами Академии для выставки, а не что-нибудь другое. Что мог иметь кто-нибудь против Вашей выставки этюдов? Всякому, разумеется, было приятно увидеть всю Вашу чудесную работу, приведенную в систему, в порядок, а не урывками. Так что предположение Ваше, что иные радуются ⟨...⟩ статье Жителя и разделяют его взгляды, лишено всякого основания.[1] Радоваться этому мог только личный завистник, и не художник, какой-нибудь Орловский[2] и т. п., а не член Товарищества. Но я уверен, что Вас, как и всех нас, окружают разные приятели, которые только ищут случая подставить нам ногу, и если мы будем слушать, то не устоит ника-

кое Товарищество, как не устоит ни одно хорошее дело. Я знаю, что конференц-секретарь Толстой[3] Вам показался очень хорошим человеком; еще в прошлом году, когда я был с Вами на академической выставке, Вы мне это говорили. Может быть, это и так. Но что Вы ему? Можно ли допустить хоть на одну минуту, что Вы, как художник, для него дороже, чем для Ярошенко или Мясоедова? Или что он лучше ценит русское искусство и его деятелей, чем кто-нибудь из нас, передвижников? Нет, ему нужно утопить Товарищество, а то он окажется никуда не годным чиновником, плохим агентом Академии. Разумеется, он будет ухаживать за всеми, кто станет его слушать, и откажется от товарищей, а уж залучить ему такого туза в Академию, как Шишкин, хоть бы только для этюдной выставки, для него праздник. Если же ему удастся поселить смуту между Вами и товарищами, то он и великого князя[4] Вам на дом привезет и протанцует Вам хоть камаринскую! Ах, как хотелось бы мне услышать поскорее рассказ о том, как он, оставленный Вами в дураках, после всех своих стратегических выходов против Вас, как коренника передвижника, повернулся к Вам спиною и показал Вам свои чиновничьи фалды! Я бы от души порадовался! А то черт знает какие-то слухи вздорные, нелепые ходят здесь и распускаются всякими приятелями по поводу Вашей выставки, обострения отношений и т. д. Я ни одному слову не верю, но злость берет, что не могу, не имея никаких достоверных сведений, оборвать как следует этих болтунов.

Если Вы напишете мне слова два, я буду Вам много благодарен. Если же не случится у Вас пера и бумаги, то не беда. Скоро думаю увидеть Вас лично и расцеловать как художника, как Шишкина и как товарища, неизменного, старого и дорогого нам всем. Савицкий Вас целует.

Преданный Вам неподдельно

А. Киселев.

187 В. М. КОНСТАНТИНОВИЧ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 2 марта 1892

Многоуважаемый Иван Иванович,

Из присланных Вами мне 12 этюдов 2 взял Маковский, за которые должен был рассчитаться с Вами лично, один из них: «Сосновая роща» в 100 р[ублей], другой «2 этюда кочек»[1] — 50 р[ублей]. Остроухов взял «Дубы»[2] за 75 р[ублей], денег еще не прислал; когда получу — принесу,

Три взял Евдокимов: 1. «Буковый лес» 75 р[ублей]
2. «Пожарище» 100 р[ублей]
3. «Еловый лес» 50 р[ублей] [3]
Всего на 225 руб[лей]

Эти двести двадцать пять рублей посылаю, а также оставшиеся шесть этюдов. Будьте добры, дайте записку Томсону[4] в получении этюдов и денег.

Душевно преданный Вам *В. Константинович.*

188 А. Е. ПАЛЬЧИКОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 27 июня 1892

Добрейший Иван Иванович,

Поджидал я Вас очень проездом из Беловежской пущи на дачу, но оказалось, что в Питер Вы не заезжали; а между тем нужно поговорить с Вами о следующем: я ходил к нескольким мастерам справиться о цене за штампованную доску на заголовок; оказалось, что один совсем не берется, второй просил за работу 125 р[ублей], а третий (Кирхнер) [1] определил стоимость работы от 200 до 300 марок, то есть самое большое 150 рублей. Рисунок он берется отправить за границу, где и вырежут самый штамп на цельной доске и части этого штампа (например, листья, корни) на особых досках, что даст возможность печатать заголовок на переплете разными красками. Кроме того, тот же Кирхнер за папки (коленкоровые) просит от 1 р[убля] 50 к[опеек] до 1 р[убля] 75 к[опеек] за штуку, что составит за 350 папок от 525 рублей до 612 р[ублей] 50 к[опеек]. Как видите, все вопросы денежные, и притом такой суммы, какую я без Вашего согласия израсходовать не решаюсь. Если Вы найдете возможным поручить делать папки и штамп Кирхнеру, то на это при его ценах потребуется до 700 р[ублей], а считая 800 р[ублей], которые предстоят Марксу, всего придется истратить еще более 1500 р[ублей]. Вот об этих-то расходах мне и нужно было с Вами переговорить лично. Теперь же будьте добры, порассчитав все хорошенько, то есть расход на издание, предполагаемый доход от его распродажи (по 25 р[ублей] за экземпляр), не откажитесь уведомить меня письменно, чего мне держаться, на что рассчитывать и что заказывать. [2]

Здесь совершенная осень (вероятно, и у Вас тоже); мои все уехали, я один и очень бы хотел повидаться с Вами, но дорога, неимение времени и все такое, другое, прочее — не пускает.

Будьте здоровы, поклонитесь всем Вашим.

Ваш *А. Пальчиков.*

У Маркса все сдано, только совершенно случайно не подписаны Ваши два листа: Пчельник и Лес с волками,[3] но это не мешает делу.

189 Ф. И. БУЛГАКОВ[1] — И. И. ШИШКИНУ

Спб. 12 июля [18]92

Многоуважаемый Иван Иванович,

Дважды я письмом просил Вас не отказать мне в извещении, где и когда я мог бы или повидаться с Вами или как-нибудь иначе получить от Вас справки насчет названий Ваших картин и рисунков, уже отпечатанных для Альбома Ваших произведений,[2] так как я не решаюсь выпустить его с какими-либо промахами, вполне устранимыми при Вашем любезном содействии. Моему посланному на Вашей петербургской квартире ответили, что по возвращении Вашем из Гродно я могу надеяться на исполнение моей просьбы. Прождав 5 недель в этой надежде, я при случайной встрече с графом Иваном Ивановичем[3] узнал, что Вы живете в Шмецке, и просил его передать Вам о моей покорнейшей просьбе. Вероятно, граф позабыл. Вот почему я снова решился беспокоить Вас той же просьбой. Издание задерживается только из-за того, что не рискую выпустить его, не уверившись в безошибочности подписей под рисунками.

Если Вам невозможно повидаться, то я доставлю к Вам в Шмецк оттиски с посланным, который и привез бы их мне обратно. Не зная, удобно ли это Вам, я и прошу Вас предварительно известить меня, когда мой посланный может приехать к Вам в Шмецк.

Посылаю это письмо с оказией, чтобы дошло наверняка.

С истинным почтением, всегда готовый к услугам для Вас

Ф. Булгаков.

190 В. В. СТАСОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. Воскрес[енье] 6 декабря [18]92

Глубокоуважаемый Иван Иванович, Василий Васильевич Верещагин[1] поручает мне просить Вас: не можете ли Вы пожаловать к нам (Знаменская, № 36) уже вечером: он будет читать свои впечатления о Палестине и очень желал бы видеть и Вас в числе слушателей?

Нечего мне прибавлять, что и я присоединяю свою просьбу. Репину пишу о том же, по желанию В. В. Верещагина.

С истинной симпатией и почтением. Ваш

В. Стасов.

191 Н. А. ОКОЛОВИЧ[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Одесса. Февраль 1893]

Многоуважаемый Иван Иванович,

В прошлое лето я старался как можно лучше поступать по Вашему совету — работать летом «прилежненько», которым Вы меня напутствовали перед отъездом моим из Петербурга. Целое лето я писал и рисовал растения и кусты, отложив остальное на будущее время.

Другую половину Вашего совета, быть здоровым, выполнить не смог. Не смог поэтому ехать в Петербург и получить от Вас головомойку хорошую за этюды свои. Теперь же обстоятельства сложились для меня так, что я не могу и думать об Академии, а приходится работать тут самому. А это ужасно трудно. Спросить тут, что и как делать, не у кого, если не хочешь получить самые противоречивые советы.

Когда с натуры работать стало холодно, я засел за картину. Написал и лучшую решился послать на выставку передвижников. Это обстоятельство служит для меня поводом этого письма. Так как картина результат летних работ, то, разумеется, я и решился взять смелость обратиться к Вам с просьбой — сказать мне, сделал ли я успех сравнительно с прошлыми годами. Вы всегда прежде принимали участие во мне и помогали своими советами, а при настоящих моих обстоятельствах одно Ваше словечко очень ободрило бы меня и я стал бы работать с новой энергией. Особенно если результат посылки картины на выставку для меня окажется неблагоприятен, у меня тогда и руки опустятся, если я не буду знать, что делать. А всего, что Вы ни скажете, буду слушаться.

Картина называется «Пчельник»[2], и послал я ее 23 января. Вероятно, она уже приехала в Петербург.

Остаюсь уважающий Вас *Николай Околович.*

192 И. С. ОСТРОУХОВ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 24 марта 1893

Многоуважаемый Иван Иванович,

Вместе с этим письмом посланный вручит Вам т р и с т а р у б л е й, должных мною: двести за Ваши два этюда и сто за этюд Гине, который приобрел Павел Михайлович.

Пожалуйста, простите, что задержал доставку Вам этих денег. Мне необходимо было быть на пятой неделе в Петербурге, и я рассчитывал лично видеть Вас, но, к сожалению, благодаря разным обстоятельствам, поездка моя отложилась до половины апреля. Еще раз прошу Вас простить меня.

Если в половине апреля Вы будете в Петербурге, буду лично извиняться перед Вами. Пока же крепко жму Вашу руку и желаю всего лучшего к наступающим праздникам.

Ваш *И. Остроухов.*

193 И. И. ШИШКИН — В. Е. МАКОВСКОМУ

Питер. 27 марта 1893

Христос воскресе! Милейший Володенька!

Отчего, почему и зачем ты не приехал к открытию выставки, отсутствие твое было весьма заметно и незаменимо, а также отсутствие Илларионa Михайловича. [1] Вы два таких здоровых элемента Товарищества, что без Вас пробел чувствуется,— неужели глупая история у Вас в училище будет иметь какие-либо для Вас неблагоприятные последствия. [2] Не верю.

Вот что, Володенька! Я посылал на выставку в Москву картину (Старый валежник, или Лесное кладбище), [3] которая, говорят, вышла недурна, не знаю, как ты найдешь ее. Назначил цену за нее 3 ты[сячи]. Говорят, мало... а я боюсь и продешевить и боюсь также заломить несуразную цену. Вот почему и прошу тебя назначить ей цену, я вполне полагаюсь на твое беспристрастное присуждение.

Будь здоров, передай поклоны Прянишниковым, Савицкому, Киселеву, семье. Душевно любящий тебя

И. Шишкин. [4]

194 В. Е. МАКОВСКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва. Март — апрель 1893] [1]

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович!

Поздравляю тебя с праздником и желаю тебе от души всего хорошего. Ты очень обрадовал нас, приславши картины на выставку, они положительно скрасили нашу выставку, твоя картина «Л е с н а я г л у ш ь» [2] это удивительная, чудная картина, она вызывает общий восторг и дала серьезный тон нашей выставке; вообще я нахожу, что нынешняя выставка очень хороша, вчера при открытии было 1050 человек, и, наверно, будет успех. Ты мне пишешь, что доверяешь мне назначить окончательную цену на твою картину, вот мое мнение: твоя картина так хороша, что я бы за нее назначил гораздо большую цену, чем 3000 р[ублей]. Но вместе с тем, наученный горьким опытом и беря в расчет нашу публику, я не решаюсь очень увеличивать цену, по-моему лучше продать за 3 тысячи, чем, назначив 5000, не продать, а потому я знаю наперед, что и при такой сравнительно недорогой цене, как 3 тыс[ячи], будут торговаться, я

прибавил 200 р[ублей], чтобы можно было уступить эти 200 руб[лей] при продаже. Наше школьное дело швах, вероятно нам всем придется в недалеком будущем оставить школу. Очень жаль, но делать нечего, а покуда желаю тебе еще раз всего хорошего. Целую тебя и шлю приветы наших товарищей.
До свидания.

Твой *В. Маковский.*

195 И. И. ШИШКИН — И. Г. КАМЕНСКОМУ

Питер. [Апрель 1893]

Милостивый государь Иван Григорьевич,

Честь имею Вас уведомить, на Ваш запрос,[1] за картину мою Старый валежник я назначил 3200 рублей. 200 рублей я готов скинуть.

Что же касается картины якобы моей работы, Вами случайно приобретенной, и с моей подписью, и Вы, как видно, сомневаетесь, моей ли это работы картина,— разрешить это заочно я не могу, а рекомендую Вам показать картину художникам или В. Е. Маковскому, или А. А. Киселеву. Они, я думаю, разрешат эту задачу.

Ост[аюсь] с истинным почтением

И. Шишкин.

196 И. И. ШИШКИН — А. П. ЛАНГОВОМУ[1]

Петербург. 3 апреля 1893

Милостивый государь Андрей Петрович,

Принимая во внимание, что Вы принадлежите к числу искренних любителей искусства, я с удовольствием уступаю Вам мой еловый этюд за предложенную Вами цену (300, триста рублей).

Это мое письмо прошу Вас предъявить сопровождающему выставку г. Хруслову и передать ему мое разрешение выдать Вам картину по окончании выставки в Москве.

Примите уверение в полнейшем уважении.

И. Шишкин.

197 П. А. БРЮЛЛОВ И К. В. ЛЕМОХ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 20 октября 1893

Милостивый государь Иван Иванович,

31 октября празднуется 50-летний юбилей литературно-художественной деятельности Дмитрия Васильевича Григоровича.

В среде петербургских членов Товарищества возникла мысль выразить по этому случаю юбиляру свое сочувствие этой деятель-

ности поднесением адреса. Просим немедленно ответить о Вашем согласии.

Первое товарищеское собрание назначено в среду 27 сего октября у П. А. Брюллова.

Правление: *П. Брюллов*
К. Лемох.

198 И. И. ТОЛСТОЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 18 декабря 1893

Милостивый государь Иван Иванович,

В дополнение к письму моему от 16 декабря сего года № 2339, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что одновременно с назначением Вас действительным членом Императорской Академии художеств по временному уставу 15 октября 1893 г. по ходатайству августейшего президента Академии воспоследовало высочайшее государя императора соизволение на назначение Вас профессором-руководителем мастерских, указанных в §§ 43 и 62 нового устава на первое пятилетие.

К сему долгом считаю присовокупить, что вступление Ваше в отправление обязанностей профессора-руководителя последует с осени будущего, 1894 г.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

гр[аф] *И. Толстой.*

199 Н. А. БРУНИ [1] — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 6 апреля 1894

Милостивый государь, многоуважаемый Иван Иванович,

По поручению его сиятельства графа Ив[ана] Ив[ановича] Толстого имею честь покорно просить Вас пожаловать в Академию в акварельный класс 7 сего апреля к часу дня (вход с 4-й линии). Ученики, работающие на свободные темы, желали бы с Вами посоветоваться и переговорить.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности уважающего Вас

Н. Бруни.

200 Н. В. НОВИКОВ [1] — И. И. ШИШКИНУ

[Москва. Июнь 1894]

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Я решительно отказываюсь представить себе, что Вы думали обо мне за все время моего молчания, надо сознаться, в действительности очень загадочного.

К счастью, у меня нашелся один безмолвный свидетель моей порядочности — это чек от 5 апреля, который я прилагаю при сем письме. Я очень рад, что хоть этим могу Вам доказать, что причина моего молчания заключалась в массе дел и... неприятностей, не дававших мне буквально ни минуты времени, чтобы черкнуть Вам хоть пару строк, чтобы еще раз поблагодарить Вас и за Ваш милый прием в Петербурге, и за Ваше доверие, которое я, к сожалению, не вполне оправдал. Сейчас же после возвращения моего из Петербурга произошел между мною и Куманиным[2] раздел, подробности которого хотя очень интересны, но не годятся для изложения их на бумаге. Весь этот раздел, переход редакции в другое место, передача рукописей, бумаг и книг, не только занял массу времени, но и прямо повредил журналу, отодвинув появление майской книги почти на начало июня.

В средине этой суматохи открылся художественный съезд,[3] который убил у меня опять-таки массу времени и... денег (я предложил съезду печ[атание] дневника, который Вы увидите в майской книге,[4] каталогов и проч.). Приходилось работать и днем и ночью. Кончился этот съезд ко всеобщему благополучию, началась работа по выпуску майской книги, и лишь теперь у меня нашлось хоть сколько-нибудь времени, чтобы начать каяться и перед Вами, и перед многими друзьями в моей кажущейся небрежности.

Итак, я еще раз прошу у Вас, многоуважаемый Иван Иванович, извинения в этой задержке и прошу верить, что в обыкновенное время я не поступаю так непозволительно.

Вместе с тем прилагаю при сем письме расписку в получении мною от Вас рисунков Лагоды-Шишкиной и доски. К сожалению, я не могу обозначить срока возвращения этой последней, потому что решительно не знаю, куда мне обратиться с заказом печати. Здесь, в России, кажется, не найдется ни одного печатника офортов, и придется посылать или в Вену, или в Париж. При получении майской книги обратите внимание на ряд статей под общим заглавием «Русское искусство». В этих статьях заключается программа будущего художественного отдела «Артиста».[5] Я был бы бесконечно рад, получив от Вас хоть пару строк с извинением мне моего поступка, в ожидании которых остаюсь глубоко уважающий Вас

Н. Новиков.

201 В. А. БОНДАРЕНКО[1] — И. И. ШИШКИНУ

[Валаам. Сентябрь 1894]

Достоуважаемый Иван Иванович, простите мне, что осмеливаюсь беспокоить Вас этим письмом, но случай такой подошел, что необходимо было Вас беспокоить, так как в предстоящем деле необходимо будет Ваше влияние. Дело в том, что здесь, в Валаамском монастыре, формируется школа живописи, и нужен будет гипс для учащихся рисованию. Так вот, заведующий этой школой монах отец Лука и податель сего письма покорнейше просят Вас похлопотать у графа Ивана Ивановича Толстого, не могут ли хотя сколько-нибудь выдать из Академии гипсу для этой Валаамской школы.[2] Пожалуйста, простите мне, что и я осмеливаюсь беспокоить Вас этой просьбой, и если что возможно будет, то не откажите. Я ввек не забуду Вашей помощи.

Я пока еще не могу приехать, ибо кончаю большой этюд, хотя теперь холодно и дожди, но от дождя Ваш зонтик весьма предохраняет, а холод полезно немного потерпеть. Итак, с божьей помощью надеюсь окончить их и 27 сентября надеюсь быть в Питере и явиться к Вам со своими рисунками и этюдами на Ваш грозный суд. Признаться по правде, и с этюдами происходила та же борьба, все то бледно, то черно выходит, так что иной этюд переписывал несколько раз, и все-таки черно вышло. Лишь теперь, под осень, как-то спокойно работается, а с тем вместе и начинаю познавать сущность той музыки в природе, которая все прошлые годы лишь ошеломляла как бессознательное существо. А сущность все та же, что и Вы нам постоянно твердили, учиться умению передать характер предмета, отличительные особенности каждого предмета в отдельности. Словом, наблюдая в природе, я начинаю понимать то, что Вы говорили и чему учили, и мне остается только всегда благодарить Вас за наставления, что помогли мне обратиться на свой путь, сделаться самим собой, сделаться тем, что я есть, ибо, живя в мире и проходя все житейские бури, приходится впадать в заблуждения, в крайности, хотя этому и надлежит быть, чтобы познать все добро и зло, чтобы, зная это, стать твердой стопой на путь истины и действовать. Но, слава богу, испытания проходят, и мне теперь остается лишь работать да работать и сколько угодно лет ездить сюда на Валаам, чтобы выполнить ту мысль, чтобы докончить начатое. Простите же, что так много беспокою Вас, и еще раз прошу, если возможно будет, Вам помочь тем, чтобы

выдали гипсу для Валаама, тем более теперь гипсовые классы в Академии закрываются.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

В. Бондаренко.

202 И. И. ТРОЯНОВСКИЙ[1] — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 10 октября 1894

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Обращаюсь к Вам с сердечным трепетом и надеждой страстного любителя искусства и надеюсь, что Вы извините мою смелость. Не есть ли это в самом деле несоразмерная претензия, что скромный чернорабочий врач мечтает о приобретении работы прекрасного мастера? Судите сами. Человек, глубоко и страстно любящий искусство, трудился 15 лет, страдал, экономил крохи, надеясь на это, и наконец решается испытать свою судьбу, т. е. предложить свои скромные трудовые сбережения своим любимцам, чтобы приобрести две-три вещи; осветить ими свое жилище и ими же согревать свое стареющее сердце. Вы, первый из моих богов, надеюсь, Вы мне не откажете! Что бы я желал, это я не смею и определять! Быть может, у Вас есть повторение (или это возможно сделать вновь?) или этюд, послуживший к созданию Ваших «Лесных далей»? Это дивное произведение, олицетворяя нашу природу, поразительно по своей перспективе, массе воздуха и правдивости освещения; оно полно в то же время такой поэзии, такой красоты, такого высокого настроения, что не выходит из моей памяти и сердца! Или что-нибудь вроде «Лесного кладбища», полного такой чудной гармонии, покорной грусти и таинственного покоя. О мхе, о ее технике я не смею и говорить. Чудно хороши и сосны с задумчивой вороной, например, что у Солдатенкова, они, кажется, издают свой характерный смолистый запах. Ну, что говорить, я страстный любитель природы, знаток ботаники, любитель цветов (орхидей и проч.), Вы понимаете, что я чувствую в Ваших произведениях и как я должен любить их. Конечно, я могу надеяться, что Вы уступите мне вещь умеренных размеров, ибо я могу Вам предложить 250, maximum, 300 р[ублей] с[еребром]. Я отлично понимаю, что это не более половины того, что Вы получаете за Ваши произведения обыкновенно и даже того меньше, но, быть может, Вы, сами прошедшие тяжелую школу жизни, но облеченный Вашим громадным талантом, посмотрите снисходительно на простого чернорабочего интеллигента и уважите его почтительную просьбу. Если у Вас есть что-нибудь для меня, не будете ли Вы добры меня уведомить, я, может быть, лично собрался бы

в Петербург, где я никогда еще не бывал, посмотрел бы и лично благодарил Вас от всей души за Вашу доброту.

Примите уверение в моем искреннейшем почтении, уважении и восхищении.

Д[окто]р *Иван Иванович Трояновский.*

203 И. И. ШИШКИН — И. И. ТОЛСТОМУ

[Петербург. Ноябрь 1894][1]

Многоуважаемый граф Иван Иванович,

Долго я думал и передумывал и даже мучился, зная, что делаю Вам лично неприятность, и наконец решился высказать Вам, многоуважаемый граф, свое намерение — я служить в Академии не могу, нести обязанности руководителя мастерской тем более, я чувствую в себе полную неспособность, задача мне не по силам, задача, требующая и умения, и терпения, и энергии, которых, откровенно говоря, у меня нет, и предвижу горькую неудачу. И вот почему я решил просить Вас, граф, уважить мою просьбу и уволить меня от должности руководителя мастерской.[2]

Оставаясь с полным уважением и полным сочувствием к Вашей, можно сказать, исторической деятельности по преобразованию Академии, я, к сожалению и стыду моему, не могу принять деятельного практического участия, а сердечное желание успеха в Вашем славном деле остается в полной силе у Вашего преданного Вам и любящего Вас всей душой *Ивана Шишкина.*

204 И. И. ШИШКИН — Ф. А. ТЕРЕЩЕНКО

[Петербург. 1894]

Милейший Федор Артемьевич,

С великим удовольствием исполнил бы Ваше желание, если бы имел что-либо у себя готовое. Эскиз последней картины Валежник продан — с прошлогодней выставки моих этюдов осталось всего три этюда, которые я не нахожу достойными рекомендовать *(нрзб),* в настоящее время у меня нет ничего готового, ни пером, ни углем, да и вообще я в последнее время мало работал, а начал частенько похварывать.

Грустно, что и Вы, милейший Федор Артемьевич, как я слышал, не совсем здоровы.

205 И. И. ШИШКИН — К. А. САВИЦКОМУ

[Петербург. Январь — февраль 1895]

«Старый друг лучше новых двух»

Милейший Константин Аполлонович,

Черкни словечко, провалился я или нет, утешь или огорчи.[1] А я задыхаюсь и от удушья, и от неизвестности, повесь картины поприличнее. Я в твое беспристрастие верю и надеюсь,

Пришли 2-х человек за рисунками пером.[2]
Весь твой

И. Шишкин.

Будет ли выставка хороша? Что Суриков?[3]

206 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 13 фев[раля] 1895

Дорогой Иван Иванович!

С радостью скажу тебе, что вещи твои делают впечатление отрадное, чудесное, одно только очень желательно, это чтобы ты чуточку помарал теплым тоном синеву неба у кумулюсов в большой картине леса. Оно (синева) красочно и, можно сказать, вор в картине, повешены прекрасно на ответственных, видных местах с левым светом. Выставка складывается хорошая. Суриков еще не получен, но, надеюсь, к вечеру или завтра утром выставить. Прибегу к тебе к 5 часам и принесу целебное средство от одышки, пока советую, подыши над чайником паром (с несколькими каплями скипидара) горячей воды. Это разрешит мокроту, облегчит.

Душевно твой

К. Савицкий.

207 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 12 марта 1895

Дорогой Иван Иванович!

Усилиями В. В. Переплетчикова[1] удалось добыть от Новикова 2 альбома рисунков Ф. А. Васильева. В этих альбомах есть по 2 или по 3 страницы, на которых видны места, где были приклеены рисунки, и затем несколько из них вложены не наклеенными, не знаю, таковыми ли были отданы Н. В. Новикову эти альбомы или рисунки случайно отклеились, наконец, все ли они в наличности? Это решишь ты сам, когда получишь альбомы. Вышлю тебе их с верной оказией или привезу сам, когда поеду на академическое собрание. Что же касается рисунков Ольги Антоновны,[2] то в тот момент, когда Переплетчиков брал альбомы Васильева, в редакции рисунков не нашли, обещали доставить их на следующий день ко мне, но до сих пор не доставили. Я сам был у Новикова, не застал его дома или, может быть, он, удрученный обстоятельствами, не принял меня. На этих днях контора редакции прислала мне мою картину, бывшую в магазине Артиста на комиссии, при письме, сообщающем, что другая маленькая картина будет доставлена в непродолжительном времени. Я писал в редакцию, прося вместе с картиной прислать и альбомы Лагоды-Шишкиной; но вот сейчас только получил

свою картину без альбома! Завтра поеду в редакцию лично допроситься альбома, а теперь спешу только успокоить тебя насчет рисунков Васильева.

Сегодня годовщина смерти И. М. Прянишникова:[3] на могиле мы от Товарищ[ества] п[ередвижных] х[удожественных] выст[авок] отслужили панихиду и положили венок, скромный, в 15 р[ублей], но очень красивый, из живых цветов. Собралось большое общество друзей и почитателей, день такой чудный, солнечный, как и был в его похороны. Отрадно было видеть собравшуюся там молодежь — учеников школы. Пришли почтить его память.

Что делается у вас в Питере? Так ли скверна погода, как газетные рецензии о нашей выставке? В Новом времени, Русских и Московск[их] ведомостях[4] читаем сплошную ругань. Всех богаче этих «Буква» (Василевский), злоба и пошлость превышают всякую меру! Здесь теперь открыты одновременно 3 выставки: историческая, московского кружка худож[ников] и одесситов.[5] Одна другой стоит, одна другой подпирает бока. Все злобствуют друг на друга. Главное впечатление, выносимое с выставок, что никто не любит искусства, каждый кувыркается на чужой манер. Побуждения к писанию картин внешние, так же и исполнение.

Будь здоров, этого особенно горячо желаю тебе, потому что дошел слух, что все вы там похварываете, Лемох, Куинджи больны инфлюенцией, а Шишкин все еще не поправляется, не бережется простуды и табаку! Последнее прибавляю от себя, потому что знаю, какое это зелье при затрудненном дыхании. Итак, будь здоров, до скорого свидания. Душевно твой *К. Савицкий.*

208 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 17 марта 1895

Дорогой Иван Иванович!

Спешу порадовать тебя, альбом рисунков Ольги Антоновны у меня. После многих усилий и хлопот Михееву[1] удалось выудить альбом, как он говорит, из описанного (конфискованного) имущества Новикова. Бедный Ник[олай] Васильевич совсем разорился! Жаль его, жаль журнала, на который бескорыстно и самоотверженно тратил Новиков все свое состояние.[2] Говорят, что он, чистый душой и помыслами, попал людям, сумевшим воспользоваться его неопытностью. Очень грустно, что единственно хороший, отзывчивый к интересам искусства журнал пал безвозвратно. Что-то обещает Север под новым управлением изда-

тельницы Ремезовой?[3] Особа молодая, кажется тоже идеальных воззрений, говорят, богатая, не аналогия ли это П. В. Новикову?

В альбоме 25 рисунков, все ли они? Не усматриваю многих, воспроизведенных в издании Ольги Антоновны.[4] Михеев говорит, что в этой же папке находилось и несколько рисунков твоих, но он их выделил и, кажется, прибрал к себе. Напиши, пожалуйста, что, требовать ли и твои?

Душевно твой

К. Савицкий.

209 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 30 марта 1895

Дорогой Иван Иванович!

Видно, не долго дано нам утешаться своей выставкой в академич[еских] залах. Людская зависть, не замечавшая в продолжение 20 лет неудобства для Товарищества скитаться с выставкой по чужим углам, заговорила! Ополчились художники, печать, а с ними и публика. Вопиют: партийность, захват, свободному искусству дышать нечем! Залы академические заняли передвижники...![1]

Экие мы простофили, будто не догадывались раньше, что это будет так... Нет, догадывались, а только, кому нужно было, гнули облобызаться с умытой Академией, и вот теперь утремся от предательских поцелуев... Чудесно надумали съехаться в Москве, увидимся и столкуемся, посчитавшись наличными силами, увидим, что в Товариществе живо. Зал академических не жаль, нам не привыкать к скитальчеству, а нужно же, наконец, сказать, что путем этих зал и других благодатей идет купля и продажа Товарищества. В академическом собрании раздаются наши же голоса, ищущие помирить то, что рядом жить не может...

Ну, да об этом обменяемся живым словом в Москве, а теперь я сел писать с тем, чтобы сказать тебе: друг Иван Иванович, не обойди моей хаты. Надеюсь, что остановишься у меня. Тебе готова комната и наше радушие.

Если есть еще кто, желающий по-товарищески воспользоваться гостеприимством, то знайте, что есть где голову склонить и широко расправить члены. Кроме квартиры, у меня большая мастерская, в которой свободно и удобно поместится кто захочет. *

Душевно твой *К. Савицкий.*

* Рядом с моей мастерской — Н. А. Касаткина, который также предлагает гостеприимство. Можем укрыть многих (*нрзб*).

210 И. И. ШИШКИН — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЭКСТРЕННОГО ОБЩЕГО СОБРАНИЯ В МОСКВЕ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК

Питер. 4 апреля 1895

Г. председателю экстренного общего собрания в Москве Товарищества передвижных выставок.

Да здравствует Товарищество! Главный вопрос, конечно, вызванный неожиданно сложными обстоятельствами, есть тот: быть или не быть Товариществу! Не сомневаюсь, что мой голос и желания мои за существование Товарищества причислятся к положительному большинству, и не верится, чтобы кто-либо был против. Товарищество было, есть и будет несокрушимо. Да здравствует Товарищество на многие лета, врагов не будем бояться, мы с ними свыклись и будем бороться на арене искусства. [1]

Все вопросы и предложения, клонящиеся к прочности и процветанию Товарищества, хотя бы и детально решенные собранием товарищей, принимаю безусловно. Осталось сделать одно предложение: попытаться, нельзя ли как-нибудь достигнуть соглашения к баллотировке картин членов Товарищества. [2] Это весьма существенный вопрос.

И. Шишкин.

P. S. К сожалению, по расстроенному здоровью быть на собрании не могу. [3]

211 И. И. ШИШКИН — П. Г. КУРДЮМОВУ [1]

[Петербург. Апрель 1895]

Милостивый государь Павел Григорьевич,

⟨...⟩ Повторение картины для Вас «С горы» [2] пишу с большим удовольствием. Мне она самому очень нравится — подвигается довольно быстро, и я уверен, она будет никак не ниже первой, а по моему мнению, выше, и очень буду рад, если и Вы это же найдете. Будет готова в конце апреля — за Ваши деньги очень благодарю как за особенную любезность с Вашей стороны.

Ост[аюсь] с истинным почте[нием] *Ши*[*шкин*]

212 И. И. ШИШКИН — Н. А. КАСАТКИНУ

Питер. 15 апр[еля] 1895

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Деньги 1000 ру[блей] по переводу получил, за что очень благодарен.

Передайте, пожалуйста, К. А. Савицкому за его любезное и товарищеское отношение по поводу Камы [1] — право, слов нет

выразить ему всю мою благодарность, а писать не могу, да и не умею. Я еще до сих пор ничего не знаю о собрании в Москве. Слышал только, что просят помещения у Собко, и больше [не] знаю ничего.

Сижу больной дома, и ко мне никто не идет. Пусть хоть Константин Аполлонович[2] черкнет, если есть время.

Будьте здоровы все. Е. М. Хруслову спасибо за телеграммы.

Остаюсь весь Ваш

И. Шишкин.

213 И. И. ШИШКИН — И. И. ТОЛСТОМУ

[Петербург]. 19 апреля 1895

Многоуважаемый граф Иван Иванович,

Прежде всего поздравляю Вас от души, а с Вами и все русское общество с осуществлением мысли о национальном музее, хвала Вам и слава.[1]

Сегодня Академия в целом своем составе намерена Вас чествовать, как и сотрудники Ваши по преобразованию Академии художеств, которая всецело обязана Вам, желают почтить Вас обедом. К величайшему моему прискорбию, я лично участвовать не могу, нездоровье мое не дозволяет (что за обед, когда ни выпить, ни съесть порядком нельзя). Прошу, Ваше сиятельство, принять уверения в искреннем уважении к Вам и глубокой признательности. Приветствую Вас как русского государственного деятеля.

Остаюсь с искренним к Вам почтением Ваш

И. Шиш[*кин*].

214 П. Я. МЕЛЕШЕВ — И. И. ШИШКИНУ

г. Лубны. 29 апр[еля] — 12 мая 1895

Дорогой, незабвенный друг и товарищ Иван Иванович!

Не могу не высказать того, как я был обрадован Вашим милым, товарищеским письмом.[1] Не шутка — 40 лет, в которые мы с Вами ни разу не видались. 40 лет! ведь это почти целая жизнь человека. Сколько воды утекло за это время, и сколько человек мог перечувствовать, переиспытать всего? Отчего, когда подумаешь об этом, делается грустно? Не об улетевшей ли молодости? Но как бы то ни было, а воспоминание о той жизни, когда мы ютились у Марьи Гавриловны Шмаровиной,[2] трогает сердце, вселяя в него какое-то неизъяснимо отрадное впечатление. Я в этой давно прошедшей жизни все, все решительно помню. Помню худенького, бледного мальчика Петрушу, который подписывал свою фамилию «Крымав». Помню другого Петрушу —

приказчика, приходившего домой в большинстве случаев пьяным, с посоловелыми глазами, похожими на глаза уснувшего судака. Помню Ознобишина, Е., Нерадовского, скромного и милого юношу; Шокорева, с которым мы вместе рисовали в оригинальном классе: он голову Фингала,[3] а я св. муч[еницу] Екатерину, и были за эти рисунки переведены на «фигуры». Помню Пукирева (теперь покойника), с которым Вы, впрочем, кажется, не состояли в близкой дружбе; а также помню К. Е. Маковского и многих других, воспоминание о которых доставляет удовольствие мне по сие время. Да и можно ли забыть вечно, бывало, смеющегося Петрушу Крымова! Сила-ветр, порт-моло́ — словечки действительно очень комичные. А другого Петрушу, ночью взбирающегося ощупью по лестнице и что-то бормочущего вроде: «Ма... Ма... маменька... ну-да, ну-да!.. Гм!.. Мелешев!.. Иван Иванович Шишкин!.. Ну-да, ну-да!.. Гм!..» и проч. и потом — хлоп на постель, если доносили до нее его ноги. Да, все это помнится мне, и притом так живо, как будто это случилось все не 40 лет тому назад, а недавно. Да будет благословенна эта память, которая меня всегда поддерживала на многотрудном поприще моей жизни, всегда идеализируя прошедшее в самых радужных и приятных для глаз красках ⟨...⟩

Как я, дорогой мой, следил за газетами, радуясь Вашим в искусстве успехам; но имею Ваших только 2 офорта, которые храню в папке. Портрета Вашего у меня нет. Я не знаю, какой портрет и когда я рисовал с себя, который находится у Вас; думал, но никак не вспомнил. Простите меня, я даже удивился, что мой портрет мог сохраниться в продолжение столь долгого времени. Посылаю при этом Вам свою карточку, вырезанную из группы бывших моих коллег, и убедительно прошу, добрый и милый товарищ,— вышлите мне свою, а также Ваш дачный адрес, где будете Вы проводить лето. ⟨...⟩ Прощайте, дорогой мой. Жму крепко Вашу руку. До свиданья, искренне Вас любящий *Петр Мелешев.*

215 Н. А. ЯРОШЕНКО — И. И. ШИШКИНУ

Кисловодск. 23 июня [1895?]

Дорогой Иван Иванович, пишу Вам с большим опозданием и не из-за границы, как обещал, а из Кисловодска, потому что до приезда сюда я был как в чаду и не мог разобраться в массе вынесенных впечатлений, да были и другие обстоятельства, мешавшие писать. Говорить о них теперь не стоит — скажу при свидании. Видел я три салона: 2 в Париже и один в Лондоне, в общей сложности перед моими глазами промелькнуло 7200 ху-

дожественных произведений, и если среди них не было ни одного сногсшибательно хорошего, то много было просто хороших и преимущественно со стороны выполнения, с этой стороны нельзя не позавидовать высокому уровню среднего художественного образования, даже на плохих вещах видна строгая школа, и нельзя достаточно надивиться на нашу молодежь, которая вывозит из-за границы склонность подражать манере, мутным тонам, всевозможным уродствам, которые там не пользуются ни малейшим почетом; точно дикари, перенимающие у культурных людей прежде всего пороки и дурные наклонности и неспособные понять лучших сторон культуры, перенимают внешность и утрачивают оригинальность и самобытность, боясь казаться тем, что они есть.

Я очень доволен, что мне удалось видеть все самые характерные и считающиеся лучшими вещи Пювис-де-Шаванна.[1] За ним идет теперь целая толпа подражателей, таких же бесцветных и безвкусных, как и он. Сколько я понимаю, все это мертвые души, у которых ничего своего нет, сказать им нечего, и вот они стали подлаживаться к старшим итальянцам и, подражая их невежеству, думают, что создают однородные с оригиналами художественные произведения. Очевидно, будущее искусства не в них. Где же оно? Куда искусство стремится и какие идеалы преследует? С этими вопросами я ехал, думал себе это выяснить и ошибся! Какая-то всеобщая смута, отчаянные усилия выработать новые способы выражения, обогатить, если можно так выразиться, художественный язык новыми словами и оборотами речи, но для чего? Пока не видно. И все это в одинаковой мере относится ко всем родам искусства, следовательно, и к пейзажу. Настоящего пейзажа — картины я не видал ни одного; но попыток и поисков в передаче поэтических настроений и моментов много, а в передаче лунного света, закатов, потоков воды некоторые достигают значительных результатов. Все эти поиски, метания, жажда нового гнездятся на выставке Марсова поля. В Салоне же все рутина и старая академическая закваска.[2] Если возможно сравнение, то отношение Марсова поля к Салону такое же, как у нас передвижной выставки к академической; на первой никаких наград и знаков отличий, веет молодостью, жизнью, исканием новых путей, на 2-й — медали, печатные отзывы, почетные имена и в значительной мере мертво и консервативно. Правда, что там есть что консервировать, есть художественные традиции рисунка, формы, и в этом большая разница с нашей Академией, у которой никаких традиций, беречь нечего, преж-

няя традиция исчезла без следа, а новая, мариупольская,[3] еще неизвестно, что даст.

Мне все-таки хочется сказать Вам, что мне понравилось больше всего из виденного мною,— это 2 больших панно для парижской ратуши, изображающих «Радости лета», художника Фриана; залитая солнцем природа, цветущий луг, на котором молодые, веселые женщины собирают цветы, убирают ими своих детей, а люди постарше отдыхают от труда в тени дерев, среди них сильная, здоровая мать любовно и бережно держит на коленях чудесного спящего ребенка.[4] Очень простая затея, но сколько в ней жизни, и жизни радостной, здоровой, и написано это так сильно и свежо, что я по крайней мере с сожалением расстался с этими полотнами.

Вот Вам беглый и не очень-то обстоятельный очерк моих впечатлений. Надеюсь при свидании дополнить то, что здесь недосказал. Как Ваше здоровье теперь? Поправились ли Вы совсем и что поделываете? Я очень буду Вам благодарен, если Вы мне хоть в нескольких словах напишете об этом. Адрес мой самый простой: Кавказ, Кисловодск, на мое имя. Здесь Аполлинарий Васнецов[5] и несколько молодых художников, которые у нас по целым дням. Будьте здоровы и не поленитесь написать. Искренне Ваш

Н. Ярошенко.

216 И. И. ШИШКИН — И. И. ТОЛСТОМУ

Петербург. [Октябрь 1895]

Ваше сиятельство граф Иван Иванович,

Не имея возможности лично быть в худож[ественном] Совете в понедельник, покорнейше прошу Вас передать мое мнение и предложение относительно моих бывших учеников. Некоторые из них, как, например, Рущиц,[1] был моим учен[иком] уже года три, а также Химона[2] и Бондаренко. Рущиц и Химона, по моему мнению, заслуживают похвалы и поощрения и которым осмеливаюсь просить Совет дать отдельные мастерские. Считаю [их] вполне к тому готовыми. Остаюсь с *(нрзб)* почтением

И. Шиш[кин].[3]

217 И. И. ШИШКИН — Н. Н. РУНОВУ[1]

[Петербург. 6 или 7 ноября 1895]

Милос[тивый] государь Нико[лай] Никитич,

[Чтобы] удовлетворить Ваше желание и хоть сколько-нибудь облегчить Вам заочный выбор, я начертил некоторые, этот чертеж все-таки даст более понятия о картинах. Предлагаю Вам на выбор:

1. Сосновый лес, этюд — довольно хорошо кончен. 400 руб[лей].

2. Группа сосен (без похвальбы скажу — хорошо написанный этюд. Солнцный. 400).

3. Сосновая роща. 100.

Хорошо кончен. Этюд (ветлы).

4. Лес на берегу моря с бурным воздухом. Хорошо кончен. 75.

5. Лиственный лес. Этюд солнечный. 75.

218 И. И. ШИШКИН — Н. Н. РУНОВУ

[Петербург. Ноябрь 1895]

Письмо и перевод на 600 руб[лей] получил.

Милости[вый] государь Николай Никитич,

Во-первых, [в] письме к Вам забыл сказать, что все этюды без рам, и я не знаю, как Вы на это посмотрите и согласны ли будете взять их без рам, почему и прошу уведомить — тогда уже я распоряжусь укупорить и выслать их к Вам.

Относительно 50 руб[лей] уступки, делаю для Вас с удовольствием, и при этом скажу, что удивляюсь тем, что Вы все-таки берете картины заочно.

Ответьте для скорости телеграммой.

219 И. И. ШИШКИН — Н. П. СОБКО

[Петербург]. 16 декабря 1895

Господину секретарю Общества поощрения художников

Николаю Петровичу Собко

Мой ученик Владимир Архипович Бондаренко был и теперь продолжает пользоваться моими советами и, как я вижу, делает успехи, и потому прошу Вас походатайствовать в Обществе о продолжении выдачи ему стипендии.

Профессор *Иван Шишкин.*

220 А. А. КИСЕЛЕВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 5 января [18]96

Многоуважаемый Иван Иванович!

В прошлую субботу я был у Н. А. Ярошенко и говорил с ним о необходимости нам, передвижникам, собраться и о готовности Вашей дать у себя помещение для этого собрания. Приглашение будет разослано членам на следующую среду 10 января.

Сообщая об этом, я уверен, что здоровье Ваше не помешает нам собраться у Вас в означенный день, первый раз в эту зиму и в Новом году, с которым и поздравляю Вас.

Преданный Вам

А. Киселев.

221 И. И. ШИШКИН, К. В. ЛЕМОХ, А. А. КИСЕЛЕВ И ДР. — В. Е. МАКОВСКОМУ

[Петербург]. 24 января 1896

Товарищеская среда у И. И. Шишкина.

Дорогой товарищ Владимир Егорович,

Собравшись сегодня в обыкновении для нашей дружеской товарищеской беседы, мы особенно сильно почувствовали Ваше отсутствие среди нас. Вы хорошо знаете, что мы в одинаковой степени дорожим как Вашим участием на наших выставках, так и нашими теплыми товарищескими отношениями. Но сегодня мы почувствовали потребность высказать Вам это лишний раз и заявить Вам нашу уверенность, что как бы Вы ни вздумали поступить, ввиду одновременно открывшихся двух выставок,[1] Вы не оставите заслуженного Вами места среди сочувствующих Вам, уважающих и любящих Вас товарищей. Пьем за Ваше здоровье.

И. Шишкин
К. Лемох
А. Киселев
П. Брюллов
Н. Кузнецов
А. Шильдер
Ив. Ендогуров[2]
М. П. Клодт
Полный доброжелательства *Е. Волков*[3]

222 В. М. КОНСТАНТИНОВИЧ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 21 февраля 1896

Многоуважаемый Иван Иванович,

Поздравляю Вас с продажей без уступки; очень бы хотелось, чтобы и все так поступали. Слышал, что Академия желала купить Вашу картину, но с уступкой, по-моему, обидной.[1]

Завтра, в четверг, собираются члены Товарищества в помещении выставки в 8 часов вечера, о чем считаю долгом сообщить; все будут рады Вас видеть на собрании.

Душевно преданный Вам

В. Константинович.

223 В. М. КОНСТАНТИНОВИЧ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 26 февраля 1896

Многоуважаемый Иван Иванович,

Вчера получил от Готье[1] следующее письмо: «В Правление Товарищества передвижных художественных выставок, Петербург, Большая Морская, 38

Милостивые государи,

Сим имею честь подтвердить, что я купил у Вас картину профессора И. И. Шишкина «Дубовый лес» на следующих условиях: в задаток 250 р[ублей], при сем прилагаемые переводом на С. Петербург. 1 октября 1896 года 1500 р[ублей], 1 февраля 1250 р[ублей]. Всего 3000 рублей. В ожидании уведомления Вашего, остаюсь с истинным почтением Л. В. Готье».

За сим следует просьба о присылке размеров картины. Письмо это я послал Николаю Александровичу,[2] равно как и полученные по переводу деньги 250 р[ублей], и об условиях продажи сообщил Московскому Правлению. Вероятно, Николай Александрович пошлет письмо Готье в Правление, а может быть, оставит у себя или передаст Вам. Я прошу его послать письмо в Правление, потому что после слов «1 февраля» не поставлен год, что считается в канцелярском отношении неточностью.

Посетителей у нас уже почти десять тысяч, картин проданных 67 и две на мази; думаю, что на этой неделе дойдет до 70 проданных картин.[3] Киселев картину отдал Академии.[4]

Душевно преданный Вам

В. Константинович.

224 И. И. ШИШКИН — И. А. УТКИНУ[1]

[Петербург. Март — апрель 1896]

М[илостивый] г[осударь] Сидор Афанас[ьевич],

Желание Ваше по возможности исполняю, хотя в письме[2] сделать это довольно трудно, слов, пожалуй, будет много, а дела мало. Прежде чем начать писать картину, обязательно сделать эскиз, в котором приблизительно[3] постараться выразить общий смысл и содержание картины. Эскиз сделать углем или карандашом. Углем удобнее (на чистом белом холсте), холст нужно сначала покрыть углем и вытереть сухой тряпкой или мягкой щеткой, получится ровный тон. Рисовать углем, снимать полутона растушкой, а света мякишем черного хлеба. Тут Вы все можете переделывать, переставлять и выискивать эффект освещения и проч. Проделавши все это, переходите уже почти готовым к задуманной картине.* Писать по возможности сразу — если придется переделывать, то старое нужно счистить ножом или дать хорошо высохнуть — этим удерживается[4] более или менее свежесть красок. Не прибавлять к краскам никаких жидкостей, особенно вареного масла, и никаких сиккативов,

* Делайте тщательно контур с эскиза и потом обведите его чернилами черными, лучше тушью, довольно грубой чертой (чтобы тушь и чернила хорошо пристали, чистый холст вытереть мокрой тряпкой).

в крайнем случае[5] можно брать или чистый скипидар, или керосин *(нрзб)*.

А теперь я Вам хочу дать совет капитальный, на котором зиждется вся премудрость изучения природы или натуры, как говорят, а также и тайны искусства и особенно техники живописи,— это фотография. Она единственная посредница между натурой и художником и самый строгий учитель, и если Вы разумно поймете это и займетесь с энергией изучением того, в чем Вы себя чувствуете слабым, то я Вам ручаюсь за скорый успех. Вы писали три лета, как говорите, а зиму что же делали?[6] В одну зиму работы разумной с фотографии можно научиться писать и воздух, т. е. облака, и деревья на разных планах, и даль, и воду, словом, все, что Вам нужно. Тут можно незаметно изучить перспективу (воздушную и линейную) и законы солнечного освещения и проч. и проч. Если Вы это поймете и последуете моему совету, то Вы быстро научитесь и писать и рисовать, а главное, разовьете и облагородите Ваш глаз и проч. ...

А практически это делается так: берется по Вашему вкусу хорошая фотография или только часть из нее, Вам нужная, и, дабы хорошо видеть и понять, нужно взять лупу или стекло увеличительное. С фотографии, кроме рисования каранд[ашом], нужно писать краской, одним тоном, в тон примерно фотографии. На палитре составляют шпахтелем тона, сначала положить самый темный; потом полутона и так далее до самого светлого, и все эти тона кучками должны быть заранее на палитре готовы (контур обязательно обводят чернилами или тушью). Начните писать и увидите, что кисть играет большую роль, каждый предмет требует своего, так сказать, инструмента, для дерева одна кисть, для воды и воздуха нужна другая и так далее — для деревьев нужна более грубая и растрепанная кисть, для воды мягкие и т. д. На словах передать очень тру[дно], да я и не мастер писать. Поймите меня и убедитесь, что это нужно...[7]

225 КОМИССИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ ПРАЗДНОВАНИЯ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЯ ТОВАРИЩЕСТВА — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 21 апреля 1896

Милостивый государь Иван Иванович!

В одном из собраний Товарищества на передвижной выставке в С.-Петербурге в феврале сего года по предложению Г. Г. Мясоедова было постановлено отпраздновать двадцатипятилетие Товарищества, имеющее совершиться, с открытием XXV-й передвижной выставки в будущем, 1897 году, каким-

нибудь торжеством, в составную часть которого главным образом должно войти публичное чтение исторического очерка 25-летней деятельности Товарищества, сопровождаемое показанием перед публикой, с помощью волшебного фонаря, фотографических снимков с выдающихся произведений членов Товарищества, бывших на выставках за этот период. Для разработки программы этого празднества и подготовительных работ для чтения и волшебного фонаря избрана комиссия, в состав которой вошли: Г. Г. Мясоедов, Н. А. Ярошенко и А. А. Киселев.

Во исполнение этого постановления, комиссия обращается ныне к Вам, милостивый государь, равно как и к каждому члену Товарищества, с покорнейшей просьбой посодействовать успеху этого дела присылкою фотографий или негативов с тех из бывших на передвижных выставках (не менее трех) Ваших произведений, которые Вы считаете наиболее интересными в смысле характеристики Вашей художественной деятельности. Если же у Вас таковых не имеется, то комиссия просит Вас озаботиться добыть эти фотографии в возможно скорейшем времени. Посылки эти просят адресовать в Правление Товарищества, Москва, Школа живописи.

Член комиссии *А. Киселев.*

226 Н. А. КАСАТКИН — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 4 октября 1896

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Посылаю Вам полученный вчера вечером мною от Л. В. Готье перевод на Ваше имя на сумму 1500 р[ублей] в счет покупки им картины. Москвичей огорчают известия о Вашем дорогом нам здоровье! Дай бог поскорей Вам поправиться и бодро встретить предстоящий юбилей Товарищества — делу которого Вы так огромно служили и поддерживаете мощной рукой и по настоящее время.

Искренно и глубоко уважающий Вас *Н. Касаткин.*

227 И. И. ШИШКИН — Н. А. КАСАТКИНУ

Питер. 8 октября 1896

Уважаемый и милейший Николай Александрович!

Благодарю Вас за письмо и сочувствие к моей болезни. Было время, что я был болен серьезно, теперь, слава богу, лучше, хоть еще не выхожу, и чтобы получить деньги от г. Готье, было немало хлопот, нужно было дать доверенность, засвидетельствовать ее и пр. Однако я сегодня деньги 1.500 руб[лей] получил, какой аккуратный Готье, а я и забыл, что должен получить с него в октябре.

Передайте мой поклон всем нашим товарищам, Савицкому скажите, чтобы не очень увлекался школьниками [1] и не забывал себя. Г. Г. Мясоедов нас, питерцев, покинул, [2] мало нас здесь. Не слыхали ли что-нибудь о Ярошенко, как его здоровье?

Ну-ста, будьте здоровы и работайте на славу нам и на страх врагам.

Остаюсь с истинным к Вам почтением и уважением

Весь Ваш *И. Шишкин.*

228 М. П. БОТКИН [1] — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 23 октября 1896

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,

Радостно сказать, что такое важное учреждение [2] находится в русских руках! Котова [3] выбрали директором,— я надеюсь, он дело поведет хорошо. Человек он дельный и чисто русского характера. Дай бог ему работать на славу!

Я давно зашел бы к Вам, но слышал, что у Вас были больные в доме, как только будет можно, то соберусь к Вам.

Крепко жму Вашу руку — с желанием здоровья

Искренне Ваш *М. Боткин.*

По музею идет хорошо, только дай-то бог побольше собрать интересных картин. [4]

229 И. И. ШИШКИН — М. П. БОТКИНУ

[Петербург]. 23 октября 1896

Многоуважаемый Михаил Петрович,

Браво! И слава богу. Еще одно несносное немецкое иго сброшено. Месмахеров долой. [1] Как это приятно, что наконец такое большое дело будет в русских руках,— от души рад и поздравляю Вас, уважаемый Михаил Петрович.

И. Шишкин.

230 И. И. ШИШКИН — А. А. КИСЕЛЕВУ

[Петербург]. 27 октября 1896 [1]

Добрейший Александр Александрович,

Грешно забывать товарища, лишенного возможности знать, что делается, например, в кружке его же товарищей. Вот была среда какая-то скороспелая, что же, съехались все, что ли? Ярошенко приехал, Дубовской, все это интересно знать, о чем поговорили, что узнали и проч.

Весть о заразной болезни в моем доме [2] разнесена благодаря трусливой услужливости Лемоха. Болезнь была в слабой форме, благодаря бога, и вот уже 2 недели как доктор объявил о полной

безопасности для всякого. Если Вам самим некогда, то черкните, пожалуйста. Сам я лежу другую неделю, ворочаясь с боку на бок, и пишу на постели на скамейке.

Весь Ваш *И. Шишкин.*

Вы обещали дать какую[-то] книгу читать. Жажду.

231 А. А. КИСЕЛЕВ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург. Октябрь 1896]

Простите, дорогой Иван Иванович, что так долго не отвечал. Собирался все к Вам сам, но Вы знаете, какой народ женщины. Вот и моя жена[1] такая же. Ни за что не пускала меня к Вам, пока ей сам Мадинг[2] не скажет, что к Вам ходить безопасно.

Прошлую среду собирались мы в Обществе поощрения, чтобы потолковать о делах Товарищества. Были: Брюллов, Маковский, Волков, Лемох, Беггров,[3] Ендогуров, Клодт, Лебедев, Шильдер и я. Толковали о том, что, по всем видимостям, нашей 25-й выставке будет тесно в залах Общества, что надо растолкать правление к деятельности по этому вопросу, что волшебный фонарь едва ли удастся (по слухам от Г. Г. Мясоедова), что хорошо бы издать юбилейный альбом и 1-й выпуск его изготовить к открытию 25-й выставки.[4] Решили в следующую среду собраться и начать переписку с Правлением. Ярошенко и Дубовской еще не дали о себе знать, приехали ли они. А от Боголюбова я получил письмо на другой день после его смерти.[5]

Преданный Вам *А. Киселев.*

232 К. В. ЛЕМОХ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 30 октября 1896

Многоуважаемый, дорогой Иван Иванович!

Как твое здоровье? Я очень грущу, что не могу тебя навещать, ибо, как учитель, не должен быть неосторожен, хотя я часто узнавал от твоего швейцара о тебе и твоей дочери. Радуюсь, что все прошло и можно будет тебя навещать.

Прошлую среду мы начали собираться, было очень приятно, мне что-то напомнило наше старое время: вспоминали очень часто тебя и надеемся, что скоро ты будешь с нами. Говорили много о нашем двадцатипятилетии и пришли к такому заключению, вместо волшебного фонаря лучше бы издать каждого из членов одну картину, его портрет и в тексте поместить кроки; в тесном кружке повеселиться, пригласив бывших членов и экспонентов.

25 выставку постараться сделать обширнее, и потому опросить всех членов и, ежели не хватит помещения, озаботиться об

увеличении. Бывших членов просить участвовать на 25 выставке, а умерших — постараться достать одну картину и портрет красками, а в крайнем случае фотографию, но это, конечно, все предположение, как решит собрание, которое придется собрать экстренно в декабре.

Вот, дорогой Иван Иванович, уж извини, написал [как] сумел, но хотелось побеседовать с тобой (сегодня на среде предложу, чтобы написать тебе все, что мы будем говорить).

Жму твою руку. Жена[1] и я шлем глубокий поклон тебе и твоим.

К. Лемох.

Вчера кое-кто собрался у меня, и мы достали гитару. Маковские отец и сын[2] пели, а мы подтягивали — не хватало тебя.

233 Н. А. ЯРОШЕНКО — И. И. ШИШКИНУ

Кисловодск. 2 ноября [1896][1]

Дорогой Иван Иванович! Целое лето добиваюсь что-нибудь узнать верное о Вашем здоровье, о том, как Вы себя чувствуете, и все мои попытки были напрасны. К Вам непосредственно я не обращался, зная, как туго Вы отвечаете на письма, притом же сначала не знал, где Вы проводите лето, а потом Константинович сообщил мне слух о том, что Вам крепко нездоровится,— просил я Шильдера сообщить о Вас, тот обещал и надул, так что я не вытерпел и решил послать Вам телеграмму с вопросом о Вас и вестью о себе. Сейчас получил Ваш ответ и так порадовался доброй вести об улучшении Вашего здоровья, что мне захотелось Вам написать, несмотря на то, что скоро собираюсь в Петербург и в конце месяца надеюсь с Вами увидеться, и тогда расскажу Вам о своей поездке в Египет и Палестину. Теперь же только скажу, что это одна из самых интересных поездок, какую я только делал на своем веку. Все — и природа, и люди — так своеобразно, дают такую массу впечатлений, так переносят в глубь времен, что не раз приходилось сомневаться — действительность перед глазами или сон. Все мне благоприятствовало — и погода и покойное море, на котором пришлось проболтаться ни много ни мало, как 40 дней, и только подкузьмила проклятая холера, по милости которой пришлось выдержать в Бейруте 10-дневный карантин и потерять совершенно напрасно две недели.

Вернулся я в Кисловодск 10 июля, где застал прескверное лето, до половины августа дожди не давали покоя, но зато осень была очаровательная, и я надеялся, что она продлится очень долго, как это здесь часто бывает; как вдруг третьего дня про-

сыпаюсь и вижу в окно настоящую северную зиму; на четверть аршина выпал снег и мороз 2 градуса; значит, пора на зимние квартиры, и мы решили выехать отсюда 15-го. В Москве я пробуду несколько дней и после 25—26-го буду в Петербурге. О том, что делается в художественном мире, до меня доходят только слухи. Мясоедов и Остроухов действуют по юбилейной части, и думается мне, что затеи обоих окажутся неудачными.[2] Сообщили мне также, что Репин сломал ногу, а Куинджи — голову, причем и очень мило объяснили, что произошло это оттого, что тот и другой были не на своем месте. Репин был на велосипеде, когда ему нужно было сидеть в мастерской, а Куинджи был в мастерской, где ему быть не надлежало и делать было нечего.[3]

Прочел в газетах о смерти Боголюбова и должен признаться, известие это нисколько меня не взволновало. Боголюбов не был мне симпатичен ни как человек, ни как член Товарищества, ни как художник. Бог с ним!

На этом кончаю, надеюсь, что, когда приеду в Петербург, застану Вас уже на ногах перед холстами, а пока до скорого свидания! Марья Павловна[4] шлет Вам искренний привет и, так же как и я, радуется Вашему выздоровлению.

Искренно преданный Вам

Н. Ярошенко.

234 И. И. ШИШКИН — В. М. ВАСНЕЦОВУ

Питер. 30 ноября 1896

Многоуважаемый и высокочтимый, знаменитый мой земляк Виктор Михайлович!

Пришла счастливая мне мысль написать Вам несколько строк и тем самым выразить Вам свое удивление и восторг, который Вы вызываете Вашими произведениями и которыми Вы увековечили Ваше славное имя,— я горжусь Вами как кровным русским великим художником и радуюсь за Вас искренно как товарищ по искусству и, пожалуй, как земляк,— не примите это за лесть, избави бог,— я говорю от чистого сердца и по правде, как должно быть.

Приятно вспомнить то время, когда мы, как новички, прокладывали первые робкие шаги для передвижной выставки. И вот из этих робких, но твердо намеченных шагов выработался целый путь и славный путь, путь, которым смело можно гордиться. Идея, организация, смысл, цель и стремления Товарищества создали ему почетное место, если только не главное в среде русского искусства.

Следующая выставка будет 25, и ее называют юбилейной.

Виктор Михайлович!

Двигайте-ка на нее Ваших богатырей, ведь они у Вас, сколько я помню, почти окончены, или другое что[1] — нужны Вы, Ваше участие нужно, чтобы видели все, что связь между Товариществом и Вами не порвана, а перерыв был только временный.

Извините и простите за смелость, право, это нужно, необходимо для общего для всех нас дела.

Больше не могу ничего сказать и не умею, а только остается искреннее желание, чтобы Вы, многоуважаемый Виктор Михайлович, приняли эту мысль и не отвергнули бы ее.

Вот все, что хочется Вам сообщить, а главное, я рад, что это письмо дало случай, повторяю, выразить искреннее уважение к Вашей великой художественной деятельности и таланту. Остаюсь с искренним к Вам почтением.

И. Шишкин.

235 И. И. ШИШКИН — И. Е. РЕПИНУ[1]

[Петербург. Октябрь — ноябрь 1896]

Многоуважаемый Илья Ефимович,

Недели 2 назад приходил ко мне юноша, довольно трепаный. Длинные волосы, взор с видом истомленного и вдохновленного художника в форме академического ученика. Назвал себя Адрианом Соколовым[2] и Вашим учеником, на вопрос, что ему угодно, он припал на колени и тянется к моей руке с целью лобызать, я, конечно, не без удивления и брезгливости отстранился. Спросил *(нрзб),* что Вам надо. Я два года ученик Репина. Мне заказан портрет государя (в рост), а красок и холста нет — тут я упускаю подробности *(нрзб)* — Отчего же Вы к Репину не обратились? *(нрзб)* Репин уж мне помогал много раз, но я слышал, что Вы, И[ван] И[ванович], такой *(нрзб)* добрый человек и проч. Я поспешно даю ему записку в магазин Буффа,[3] прошу выдать краски и холста Адриану Соколову (нрзб) на мой счет. Уходит опять с коленопреклонением и покушением целовать руку. Узнал — он набрал красок и холста на 40 рублей. Скажите, Илья Ефимович, есть у Вас такой ученик, если да, то я не буду жалеть, а мне кажется, что я услужил мазурику в форме академического ученика 〈...〉

И. Ши[шкин].

236 А. П. НОВИЦКИЙ[1] — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 4 декабря 1896

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Ввиду предстоящего 25-летнего юбилея Передвижных выставок, в Москве готовится издание «Передвижники и их влияние

на русское искусство». Книга эта будет иллюстрирована теми клише, которые были раньше напечатаны в «Артисте» и теперь приобретены издателем этой книги г. Кнебелем.[2] Текст составляется мною. Так как в числе клише есть снимки и с некоторых из Ваших произведений, то я имею честь покорнейше просить у Вас на то разрешения, о котором усердно прошу Вас не замедлить уведомлением, ввиду того, что книга в скором времени должна уже печататься и задержка в Вашем разрешении может отозваться запозданием книги ко времени юбилея.

Простите, что я решаюсь беспокоить Вас своей просьбой, но я надеюсь, что дело, которому должна служить эта книга, и Вам так дорого, что Вы простите мне мою дерзость.

С чувством искреннего и глубокого уважения остаюсь готовый к услугам.

А. Новицкий.

237 И. И. ШИШКИН — А. П. НОВИЦКОМУ

[Петербург. Декабрь 1896]

Милостивый государь Алексей Петрович,

Разрешение на печатание в книге тех из моих картин, которые были показаны при Артисте, даю с величайшим удоволь[ствием]. Желал бы, чтобы моя картина Дождь[1] также попала в число намеченных в печать в Вашей книге.

Примите увер[ение] в полном уваж[ении].

238 В. К. МЕНК — И. И. ШИШКИНУ

[Киев]. 29 декабря [18]96

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Прежде всего, позвольте Вас сердечно поцеловать и поздравить с наступившими праздниками и с наступающим Новым годом и пожелать Вам от всей глубины души здоровья. На днях я услышал, что Вы больны, это меня, конечно, крайне огорчило и, скажу прямо, опечалило. Уже сколько лет подряд я рвусь съездить в Питер на время выставок, повидаться со старыми хорошими знакомыми и в особенности с Вами, дорогой Иван Иванович. Вы как-то всегда в былое время относились ко мне тепло, сердечно, и лучшими воспоминаниями в моей прошлой жизни осталось то время и те часы, когда я был с Вами, эти часы были для меня необыкновенно полезные, поучительные и вместе с тем увлекательны, веселы; вспомните, как, бывало, ничего не значащие слова, вроде: трифель, нафиль, прилегла вызывали у нас добродушнейший смех, и вообще — веселые и отрадные были вечера. Да, а как вспомнишь, это было давно, и только по своей жизненности кажется, так недавно все это переживалось.

А сколько восторженных минут я переживал, следя и любуясь за каждым Вашим мазком и наконец цельным типичным и необыкновенно правдивым произведением. Скажу правду, до знакомства с Вами я природу любил бессознательно, и только когда увидел Ваши первые картины и рисунки, только тогда я понял, что я больше всего люблю в живописи пейзаж, к сожалению Вы не одобрили мой выбор (может быть, Вы и правы, но я и по сих пор этим живу). Ваши строгие суждения к моим занятиям давали право думать, что и как к художнику относились с добрым пожеланием, и скажу сердечное Вам спасибо за это. Многим я Вам обязан и всегда буду Вам сердечно благодарен.

У нас теперь гостит передвижная выставка, Ваши пейзажи вызывают всеобщий восторг, лета Ваши ни при чем, Вы вечно молоды,— здоровый и ядреный воздух... — чувствуется в Ваших произведениях удивительно хорошо.[1] В этом году 25 лет деятельности Товарищества, думаю приехать в Питер и, полагаю, приму участие в этом как бывший экспонент,[2] мечты мои заветные не сбылись, членом я этого общества не буду, не судьба...

Примите мое сердечное пожелание в скором выздоровлении и мой искренний привет, до скорого свидания. Вас искренне любящий и сердечно преданный

В. Менк.

Привет мой многоуважаемой Виктории Антоновне, Лидии и Ксении Ивановнам.

239 И. И. ШИШКИН — В. В. ЧУЙКО (?) [1]

[Петербург. Январь 1897]

Многоуважаемый Виктор Викт[орович],

Очень Вам благодарен за Ваше доброе и усердное участие в моем неожиданном и небывалом, кажется, еще никогда юбилее.[2] Кроме газет из провинции, которые Вы мне прислали, я получил множество телеграмм *(нрзб)* — признаюсь, я до сего времени не воображал, что пользуюсь в публике такой симпатией и такой любовью к моим, по моему мнению, слабым художественным произведениям, что, конечно, очень приятно и доставило высокое удовольствие, как оценка моих не совсем, значит, бесполезных трудов — еще и еще благодарю Вас, Виктор Вик[торович], за Ваше отношение ко мне и при этом удивляюсь и радуюсь Вашей неутомимой энергии и бодрому таланту. Вы в разговоре со мной из моих бессвязных, торопливых и отрывочных фраз составили нечто целое и полное интереса, статью.

Спасибо Вам, Виктор Вик[торович], а также, если можно, прошу Вас передать мою благодарность Иерониму доброму за

его симпатичное и доброе отношение ко мне в газете — я забыл тогда впопыхах Вас спросить, кто это Иероним добрый? Если не ошибаюсь, то это Иероним Иеро[нимович] Ясинский.[3] Будьте здоровы, бодры *(нрзб)* на Вашей разнообразной и беспокойной деятельности, которая, однако, служит в общест[венной] жизни огромным и сильным рычагом. Ост[аюсь] с ист[инным] к Вам почтением и уважением

И. Ш.

240 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 18 января 1897

Дорогой, уважаемый Иван Иванович!

Пишу тебе с целью по-товарищески узнать, как смотришь ты на вопрос приглашения бывших членов Товарищества на обед, праздник нашего юбилея? Ты знаешь, что большинство петербургских членов, как и все московские, высказались за желательность такого приглашения участием на выставке и личным присутствием на обеде. Это симпатично и просто. Правление должно бы было разослать также приглашения четырем лицам: Репину, К. Е. Маковскому, В. М. Васнецову и Куинджи; но вот на последнем встречается запятая, и такая значительная, что с ней приходится считаться. Я знаю твои отношения с Куинджи, знаю взгляд на него Ярошенко, частью и Дубовского, вообще шансы Куинджи в Товариществе, заслуженные им самим, думаю, что за небольшим исключением людей безразличных, все одного и того же очень определенного взгляда на него.[1] Разница лишь в том, что твои отношения к Куинджи, кроме общих, осложнены еще личной неприязнью, доходящей до боли. Ярошенко и Дубовской люди принципа, доходящего до крайности, вот все это, вместе взятое, может создать не праздник, а такие условия встречи, что никому не будет радостью. Будь я на месте Архипуса, то принял бы это приглашение, но не пошел бы на праздник, отговорясь нездоровьем, от него же этого ждать нельзя, и я, как и многие из членов Правления, становимся в тупик, задумываемся, как выйти из затруднения? Правление обязано выполнять постановление большинства, но страшно, чтобы не испортить праздник. Если можно желать, чтобы Куинджи не явился, то обидно и невозможно допустить, что самые дорогие, самые коренные члены Товарищества могут не явиться, будут отсутствовать в этот день в кругу товарищей?!.. Мне кажется, что в этом вопросе, ввиду интереса общего, можно и должно стать выше личной неприязни, общественность на том и построена, что ее принцип устраняет личность, нужно общее дело, и перед ним стираются

все щетинки животного — Куинджи на празднике будет человеком, ведь он хоть и своеобразный общественник, но тем не менее общественник, на это бьет и знает хорошо, где и как можно...

Я знаю твою нелюбовь не к одному Куинджи, но и к письмам; поэтому не жду твоего ответа, а низко кланяюсь доброй и снисходительной Виктории Антоновне и прошу ее в двух словах написать мне, как примешь ты это послание, что скажешь, как обругаешься. Мне поможет это разобраться в трудном товарищеском вопросе. Душевно твой

К. Савицкий.

Внемли моему вздоху члена Правления, трудно им быть, ответь, что присутствие Куинджи на обеде не помешает тебе быть веселому, не сокрушит аппетита к яствам и питиям, ведь можно же быть за одним столом, но не целоваться.

241 Д. И. ИЛОВАЙСКИЙ [1] — И. И. ШИШКИНУ

[Москва]. 4 м[арта] 1897

Милостивый государь Иван Иванович!

Вчера приехал из-за границы и был сегодня на выставке. Г[осподин] распорядитель мне сказал, что одну покупку мною Вашей картины («В лесной глуши») можно считать окончательной, а потому не откажите ответить согласием, когда я могу застать Вас дома, не причиняя Вам беспокойства, дабы заплатить весь мой долг.

С глубоким уважением

Д. Иловайский.

242 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Москва. Апрель 1897]

Дорогой, сердечный Иван Иванович,

Обрадовал ты меня своим хорошим сочувственным письмом. Обрадовал и смутил дух мой. Получив предложение от Академии,[1] я много думал и взвешивал, вникал в устав Пензенской школы, много раз перечитывал многосложные обязанности директора. Жестоко ответственное положение, вся административная деятельность, обязанности представительствовать с лицами города, властей и пр. и пр. — все это так сложно и противуположно моим стремлениям, так неумолимо тягостно отзовется на моем прямом чисто художественном призвании, что я лучше с нуждой, да буду вольной птицей, к нужде и подчас очень тяжелым минутам мне не привыкать, а дрожать и день и ночь в страхе за упущения по службе — это новая петля.

2100 руб[лей] в год, хотя и с квартирой, без искусства, с которым я должен надолго распроститься, не восполнят всего, от чего я буду оторван, приняв директорство, закатившись от товарищей и людей в Пензу. Я попробовал поговорить кое с кем из товарищей в смысле своих будущих сослуживцев и помощников, но увидал, что на это подвинуть людей нужных трудно! Нынешняя моя педагогическая деятельность занимает определенные часы дня, а затем я принадлежу самому себе, правда она тяжела под началом милого соседа, но все же смотрю на это как на временную скорбь!..

Обидно мне, что товарищи и академические друзья надумали восполнить недостающее мне художественное звание[2] чином статского советника, не чиновником мне хочется быть, а желал бы я по праву пользоваться званием по профессии, но, видно, бабушка мне не ворожит!.. Итак, простился я с директорством и отписал графу,[3] прося принять мою глубокую признательность за почетное избрание, но отклонить от меня это назначение.

В училище, будучи часто живым свидетелем возмутительного произвола,[4] я подумываю бежать, но куда?.. Нужно работать свои вещи, и вот зажмуриваю глаза, зажимаю уши и ухожу в свою мастерскую, там отдых мой. Молодежь люблю и чувствую, что, по мере сил, я им полезен.[5]

243 И. И. ШИШКИН — А. А. КИСЕЛЕВУ

[Петербург]. 28 сентября 1897

Милейший Александр Алексан[дрович],

Не будете ли Вы добры, зайдите ко мне сегодня — помогите мне отразить нападки газет по поводу этого проклятого интервьюера П. Г.[1] Сегодня читал в Н[овом] в[ремени] Фингала — черт знает, что он там толкует по моему адресу.[2]

Весь Ваш

И. Шишкин.[3]

244 Н. А. ЯРОШЕНКО — И. И. ШИШКИНУ

Кисловодск. 28 сентября 1897

Дорогой Иван Иванович,

С половины июля, т. е. со времени моего возвращения из-за границы, у меня лежит на столе памятная записка «написать Ивану Ивановичу». Каждый день я ее видел, каждый день собирался написать и откладывал на следующий, и вот к октябрю только собрался, да и то, по правде говоря, уж очень совесть загрызла после Вашей телеграммы; и все просто потому, что

настроение было никуда не годное — мог держать в руках только книжку, которых и прочел значительное число, но всякий инструмент — кисть, перо — валился из рук.

Весной, как Вы помните, я, обладая небольшим голосом, направился в благословенную Италию, в надежде, что там мне голос разовьют и просто поставят. Потому ли, что я несчастливо попал и меня все первое время преследовали непогода и холода, или почему другому, но вышло так, что чуть только я в Анконе (ехал я на Варшаву, Вену, Фиуме, откуда морем в Анкону) ступил на итальянскую почву, голос меня оставил окончательно, так что я мог говорить только шепотом. Можете себе представить, как удобно путешествовать в чужой стране, в громыхающих вагонах, пересаживаться при шуме и гаме, господствующих в вокзалах, и договариваться в гостиницах, имея возможность говорить только шепотом. Иногда бывало смешно, когда носильщики, извозчики и проч., думая, что я говорю с ними по секрету, отвечали мне тоже потихоньку, а иногда было просто горько.

В Триесте и Фиуме нет прямых пароходов в Сицилию; нужно пересаживаться в Бриндизи, потом 2 раза пересаживаться на поездах, а так как это все сопряжено с разговорами, я и предпочел *(нрзб)* махнуть в самый носок итальянского сапога, где сидит город Реджио. Тут впервые я увидал на другой стороне Мессинского пролива Этну. Почтенная, я Вам скажу, дама! Громадная, величественная, лежащая на самом берегу моря, с протянутыми в воду ногами, с гривой седых распущенных волос, она на расстоянии казалась такой покойной, гладкой и красивой, что не хотелось верить россказням о ее дурном и строптивом характере. Но едущим на скорых поездах долго любоваться видами не полагается; наш поезд уперся прямо в бок дымящегося парохода, моментально опустел, а пароход ⟨...⟩ стал полон, и не прошло и 10 минут, как мы уже плыли между Сциллой и Харибдой или, говоря попросту, переплывали Мессинский залив и через час высадились в самой Мессине, которая давно нам знакома как родина уничтожаемых нами в Петербурге апельсинов.

Добравшись до прославленной *(нрзб)* Сицилии, я был рад, что погреюсь на солнце и испытаю его настоящий припек *(нрзб)*, не тут-то было! Право, были моменты, когда мне казалось, что я в Кронштадте,— резкий ветер, моросит, солнце проглядывает только украдкой, и вот только когда оно проглянет, то видишь, что это не Кронштадт, потому что в небе и воде являются такие переливы красок, каких там еще не видали; но все-таки любоваться на них приходилось, кутаясь в пальто и поминутно прикрываясь зонтиком. Ждал я ждал погоды, прождал три дня и

решил ехать дальше; в нескольких часах от Мессины есть прославленное место Таормина, стоящее на особой горе прямо против Этны (из Мессины ее не видно), поехал я туда, и действительно место оказалось такое чудное, что я не заметил, как просидел там шесть дней. И вот отсюда старушка уже не та! Тут понимаешь, отчего у ней такая репутация; красоту она сохраняет, но видно, что вся она в нарывах, многие из которых сочатся, многие дымят, морщин без конца, и очевидно, что она не остается в покое. Часто ворочает своими членами, сдвигает и раздвигает морщины, причем ютящимся на ней в необычайном числе двуногим кочевникам приходится несладко. При мне она была все время покойна, и даже дыма не видно из верхнего кратера, должно быть потому, что его разгонял сильный ветер, дувший на версту. Из Таормина переехал в Катанию. Город сам по себе неинтересный, но я из него сделал интересную поездку до половины высоты Этны; поездка вообще легкая и приятная в экипаже, и только с последнего пункта, доступного для экипажей, я взял мула, чтобы взобраться на один из боковых заглохших кратеров, откуда открывался поразительный вид на застывшую реку лавы, вылившейся во время последнего большого извержения. Я Вам покажу написанный с этого места этюд. Из Катании я поехал в Сиракузы, куда мне бы и не ездить, хотел поехать в Джирдженти, где есть интересные храмы и куда был у меня и билет, но, испугавшись перспективы еще лишний раз высадиться в новом городе, нанимать извозчика, гостиницу и проч., поехал прямо в Палермо, где решил пробыть дней 10, а прожил даже дольше, потому что это чудесный уголок, к тому же я отлично поместился, у меня была комната с балконом прямо на море, а небо и море там выкидывают такие штуки при содействии солнца, что можно сидеть целые дни, не сходя с балкона и любуясь тем, что расстилается перед глазами. К тому же в Палермо есть три сада с чудной тропической зеленью, в которых можно часами сидеть, особенно в жару. А в Палермо уже стало действительно тепло! Там мне было так хорошо, что я уехал оттуда с сожалением, которое по приезде в Неаполь только усилилось, так как жить в Неаполе много хуже! Но опять-таки тут *(нрзб)* Везувий, в котором тоже есть что-то гипнотическое. В Неаполе я прожил 10 дней, жизнь эта мне надоела, и я переехал в Помпею, где тишина и покой и нечто вроде деревни. Отсюда я поднялся на Везувий, и так как лава разрушила каменную дорогу до станции железной дороги, то пришлось только немного проехать на лошадях (т. е. в экипаже), а большую часть пути верхом на невероятных одрах и на таких седлах, что ка-

жется, сидишь не на седле, а на бороне, опрокинутой вверх зубьями. Мне помнится, я Вам рассказывал, что я видел на вершине Везувия, когда был там в первый раз, 15 лет назад. Мне очень хотелось это написать, но, увы! Все так изменилось, что ничего из виденного мною не осталось и все виденное было совсем ново. Я действительно стоял на краю громадного кратера-воронки, откуда через каждые 2—5 минут раздавалась такая канонада и вылетали такие массы дыма, паров, камней и пепла, что, по совести говоря, хотелось как можно скорее удрать подальше от этой чертовщины; я не мог пробыть там более часа, и, пока писал этюд, мой ящик, шляпа, платье и этюд были буквально усыпаны пеплом, что, как Вы легко поймете, мало способствовало колоритности моего этюда, хотя и сообщило ему маков тон. После Везувия смотреть уж было нечего, сел я на поезд утром, к вечеру был в Бриндизи, а ночью сел на пароход, который кругом Греции, мимо Афин и Константинополя доставил меня в Одессу, откуда я тоже морем доехал до Новороссийска, и на другой день я был здесь.

В Афинах я высаживался, должен сказать, что сколько я ни видел развалин и в Риме, и в Египте, и в Палестине, но более живописных и по форме и по сочетанию красок, как в Афинах, нет нигде. К сожалению, не мог сделать даже беглого наброска, так как пароход не ждал.

Вот Вам моя Одиссея. Вернувшись сюда, я захворал, и это лишило меня возможности что-либо сделать летом.

Только теперь я чувствую себя хорошо и был бы совсем здоров, если бы не безголосье.

А как Ваше здоровье, Иван Иванович? Мне кажется, что этим письмом я загладил свою вину и заслуживаю, чтобы Вы мне написали о себе и о том, как прошло Ваше лето. Из художников здесь был Нестеров,[1] а теперь еще остается Перов[2] — этот совсем плох, кажется, у него чахотка, и жаль его, и вместе с тем он какой-то такой, что к нему не тянет. Ну, до свиданья! Поклон Вам от Марьи Павловны. Кланяйтесь Виктории Антоновне и дочке.

Искренно Ваш *Н. Ярошенко.*

Буду в Петербурге во 2-й половине ноября.

245 Н. Д. СТАХЕЕВ — И. И. ШИШКИНУ

Москва. 3 апреля 1897

Многоуважаемый дядюшка Иван Иванович!

Картина Рожь[1] царствующим домом не взята, а потому в силу условия должна остаться за мной. Деньги, три тысячи,

служащий мой Тарасов Вам уплатит на днях. Прошу картину приказать сдать мне после окончания московской выставки,[2] на дальнее ее путешествие по городам согласиться не могу. Жена[3] и я шлем Вам глубокое уважение, желая в радости встречать с Вашей семьей дни светлой пасхи.

Сердечно уважающий Вас племянник *Н. Стахеев.*

246 И. И. ШИШКИН — Н. Д. СТАХЕЕВУ

[Петербург. Апрель 1897]

Христос воскресе, дорогой племянничек Николай Дмитриевич!

Сегодня был приятно удивлен, узнав от нашего уполномоченного по выставке в Москве, что Вы, добрый Ник[олай] Дмит[риевич], купили мою картину,[1] чему очень, очень рад, и рад еще больше потому, что все сделалось без помощи телеграфа, как [в] 88 году, когда Вы, желая купить мою картину Бурелом, предлагали 300[0] руб[лей], а я покапризничал, а главное, в ответной телеграмме вставил минимум, и этот-то проклятый минимум все дело испортил, и я не имел удовольствия видеть свою картину в руках знакомых и даже родственников, а продана она в Киев 〈...〉 и уж действительно за минимум. Я был наказан и до сих пор жалею об этом, особенно о картине, что она не попала к Вам. Повторяю, очень рад и благодарен, что Ник[олай] Дмитриевич не имеет, как говорят, на меня зуба за этот проклятый минимум. Поздравляю Вас и любезную Ольгу Яковлевну с праздником и желаю Вам здоровья. 〈...〉

Ваш дядя *И. Шишкин*

247 И. И. ТОЛСТОЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург]. 4 октября 1897

Милостивый государь Иван Иванович,

В собрании Академии 29 сентября сего года наличные члены, единогласно выразив сожаление об оставлении Вами руководительства пейзажной мастерской, изъявили пожелание, чтобы Вы не отказали снова принять на себя обязанности руководителя мастерской.

Сообщая Вам о столь единодушном постановлении собравшихся 29 сентября сочленов Ваших и присоединяя к нему свою личную просьбу, обращаюсь к Вам, прося о Вашем решении не оставить меня уведомлением.

Примите уверение в истинном моем уважении и преданности Вашего покорнейшего слуги

Гр[аф] *И. Толстой.*

248 И. И. ШИШКИН — И. И. ТОЛСТОМУ

[Петербург]. 15 октября 1897

Многоуважаемый граф Иван Иванович!

В ответ на извещение Ваше о лестном для меня пожелании, выраженном господами членами Академии в заседании 29 сентября сего года, спешу уведомить Вас о полной моей готовности служить дорогому мне искусству и помогать в чем могу питомцам Академии, посвятившим себя изучению пейзажа.[1]

Мое здоровье решительно не позволяет мне взять на себя единоличное руководство мастерскою, так как я не могу обязаться ходить в Академию ни часто, ни аккуратно; но ввиду избрания А. А. Киселева,[2] которого давно знаю и за которого сам подал голос, вполне готов идти с ним рука об руку, совместно с ним выработать план преподавания в мастерской и вдвоем осуществить этот план, причем всегда буду служить советом и указанием ученикам нашей пейзажной мастерской. При этом считаю нужным выразить убеждение, что выработка совместного плана преподавания — дело необходимое и для мастерской очень важное.

Остаюсь с истинным к Вам почтением и уважением

И. Шишкин.

249 И. И. ШИШКИН — З. Н. БУЛГАКОВОЙ[1]

[Петербург. Октябрь 1897]

Многоуважаемая Зинаида Николаевна,

Позвольте мне принести Вам мою искреннюю благодарность за память обо мне, так же как и глубокое сожаление о болезни добрейшего Федора Ильича.[2]

Что касается о той заметке в Н[овом] в[ремени], которую Вы так любезно желали поместить, то могу Вам предложить следующие сведения: в им[ператорскую] Академию художеств я снова поступил пр[офессором] рук[оводителем] по единоглас[ному] желанию всего Совета Академии. Лето, хотя и хворал, надеюсь не прошло для меня бесследно. Я привез порядочное количество этюдов, из них некоторые довольно крупных размеров. Вот, многоуваж[аемая] З[инаида] Н[иколаевна], сырой материал, который и предоставляю Вашему просвещенному вниманию. Предоставляю Вам придать ему ту литературную обработку, которую Вы найдете нужной.

Примите увер[ение] в полнейшей преданности и благодарности.

И. Ш.

250 Н. Н. БЕЛЬКОВИЧ[1] — И. И. ШИШКИНУ

Казань. 27 ноября 1897

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

От души порадовался, получив Ваше письмо: раз пишете — стало быть, здоровы, а понадобился этюд — стало быть, настолько здоровы, что и за дело взялись. Слава богу! Слава богатырю земли русской! Какие невзгоды ему не по плечу!

Ваши этюды произвели страшную сенсацию среди учеников, и уж столько про них разговоров и толков!

Мы уже посмели их вставить в рамы и развесить по классам. Скоро готовы будут и рамы для офортов.

Кроме непосредственно сильного впечатления от Ваших этюдов, самый факт такого ценного подарка отразился сильно на подъеме духа нашей школы. «Стало быть, мы что-нибудь да стоим, когда нам дарят такие вещи». Ученики ура кричали и целый день ног под собой не слышали.

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз от лица всей школы выразить самое горячее спасибо.

Требуемый Вами этюд спешу выслать.

Передайте мой поклон Виктории Антоновне, а также и всем Вашим.

От всей души желаю Вам полного выздоровления.

Всей душой Вам преданный

Н. Белькович.

251 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

Пенза. 5 декабря 1897

Дорогой Иван Иванович!

Спасибо тебе сердечное за приветственную телеграмму. Она сама по себе, как весть об академике,[1] обрадовала меня одинаково. Кто первый, добрая душа, поспешил оповестить меня, поделиться сочувствием? Добрый друг Иван Иванович, да еще семья Кирилла Викентьевича,[2] твоя телеграмма и письмо Лемоха пришли одновременно, получены были в мое отсутствие Лерой,[3] которая вместе с детворой обставили эту радостную весть для меня очень торжественно! Купила цветов, и в букете нашел я поздравление. Ты, дорогой, знаешь, как существенно для меня теперь это звание — я радуюсь ему, утешен вполне, ценя поддержку Академии в дни, когда нуждаюсь в ней.

Вот мы и в Пензе, т. е. семья моя и я с двумя сотрудниками, преподавателями. Работаем не покладая рук. Ребята чудесные, дельные, всей душой отдавшиеся делу. Приискал я себе и делопроизводителя, симпатичного, молодого, окончившего Казанский

университет естественником. Он же и преподаватель естеств[енных] наук. Штат преподавателей числом 11 и столько же служителей, все скомплектовано, училище обставлено учебными пособиями, музей и библиотека устраиваются, и решено начать занятия с 7 января 98 г. Теперь же частным образом работают в отдельном классе 19 учеников, всех же прошений поступило сверх 90. Комплект для двух первых художеств[енных] классов определен в 120 учеников.

С местными властями, городским персоналом и обществом состою в ладах, радушие и дружелюбие такое, что иной раз даже мешают делу — приходится разрываться, чтобы поспеть на все зовы ответить визитами.

Наводя распорядки в училище, бывая всюду, я все-таки обрыскал и окрестности Пензы, часто бегаю на базарную площадь с альбомчиком и уделяю время мастерской, где главные холсты уже на подрамниках. Квартирка небольшая, но очень миленькая, веселая, а солнце слепит на снегу, зима чудная, леса и дали просто волшебные. Бог не без милости, дело пойдет. Вчера отписал Валериану Порфирьевичу,[4] облегчил свою душу, а то попечительский совет молчит, медлит с делами, а в Академии же может зародиться мысль, что мы бездеятельны.

Дорогой Иван Иванович, горячо обнимаю тебя, низко кланяюсь твоей дорогой семье, добрую Викторию Антоновну прошу иной раз черкнуть хоть коротенькое словечко о твоем здоровье и бодрости духа.

Сердечно твой *К. Савицкий.*

Жена шлет сердечный поклон.

252 В. К. МЕНК — И. И. ШИШКИНУ

[Киев. Декабрь] 1897

Дорогой Иван Иванович!

С Новым годом поздравляю Вас ⟨...⟩ желаю от души Вам здоровья. Весьма приятную весть я услышал, что Вы приняли опять профессорство в Академии: это показывает, что Вы чувствуете себя хорошо в настоящее время ⟨...⟩.

Вы, несомненно, приготовили интересные вещи. Недавно еще мы любовались Вашими вещами, «Еловый лес»[1] — это один восторг, и как же Вас, Иван Иванович, публика любит, оно и понятно, сама правда, полная иллюзия!!! Что-то приготовили художники к XXVI перед[вижной] выставке, а ведь, несомненно, есть интересные вещи.

Нестеров написал хорошую картину, по-моему, это его лучшая вещь, мне она очень нравится — «Пострижение»,[2] типы мо-

лодых и старых монашенок замечательны, есть некоторая условность в пейзаже, три березки на первом плане, но это не вредит общему впечатлению. ⟨...⟩

253 Е. М. ХРУСЛОВ — И. И. ШИШКИНУ

Киев. 16 января 1898

Многоуважаемый Иван Иванович!

11 января, в день закрытия выставки, здесь продал я картину Вашу «Болото»[1] за 600 рублей Владимиру Семеновичу Сарачеву (генералу). Следуемые за картину деньги посылаю Вам переводом через Государственный банк; переводный билет Киевской конторы за № 423 при сем прилагаю. О получении денег покорнейше прошу известить меня по адресу в Москве.

С 21 декабря по 11 января в Киеве продано: билетов по 40 копеек — 4.596; билетов по 20 копеек — 1.551; каталогов по 10 копеек — 2.098; каталогов по 1 рублю 60 копеек — 71; подписки на альбом XXV-летия Товарищества приняты.

Картин продана 1 Ваша.

Рассчитываю завтра выехать из Киева в Москву. Придется ли мне быть в Петербурге, не знаю, как решит Правление.

XXV выставка окончила путешествие, и картины отправлены по местам.

Шлю сердечный привет.

Искренне уважающий Вас *Е. Хруслов.*

254 И. И. ШИШКИН — Е. М. ХРУСЛОВУ

[Петербург]. 20 февраля 1898

Добрейший Егор Моисеевич,

Скажите, пожалуйста, кто Вам сообщил цену моей большой картины[1] и почему она в каталоге означена 15 тысяч?

На запрос М. П. Боткина я ему объявил самое большее — 12.

В случае спроса в[еликого] к[нязя] Георгия Михайловича[2] скажите, что это была ошибка. Цена 12, а не 15.

С исти[нным] к Вам почтением

остаюсь *И. Шишкин.*

255 К. А. САВИЦКИЙ — И. И. ШИШКИНУ

[Петербург. Февраль 1898]

Картина заиграла, нота сильная, чудесная — поздравляю не я один, все восхищены; браво!.. Сосной на выставке запахло — солнца, свету прибыло!..[1] И меньшие не уступают — лодочка с водой чудесно!..[2] Напиши название рисунка крымского.[3] Твой

К. Савицкий.

256 И. И. ШИШКИН — ПЕРЕДВИЖНИКАМ

[Петербург]. 29 февраля 1898

Благодарю добрых товарищей за добрые пожелания [1] и шлю всем вам искренний и сердечный привет, всем товарищам передвижникам. Да здравствует товарищество!!!

И. Шишкин.

II *Дневник*

[Осень 1861][1]

Не доезжая 18 верст села Пьяного Бора,[2] острова украшены великолепными дубами, под горой большой ручей, густой лес смешанный (урема),[3] в котором вотяки справляют керемет;[4] вообще вотяки выбирают для этого самые глухие, но живописные места. Есть целые картины, этюдов без конца. У деревни Ватэзи дорога идет по самому берегу, и у дороги разбросаны дивные осокори, перемешанные с тополем, ивой и кустарниками; дальше идут дубы; крутой берег, каменистый с обрывами — место, по-моему, самое замечательное в отношении живописности и сочетания разнородных видов деревьев для пейзажиста; [надо] жить в деревне Ватэзи,[5] отсюда недалеко Ижовка, и до самой Ижовки идет ряд живописных вещей по всем родам пейзажа.

По дороге из Елабуги[6] к Казани (сухим путем) есть замечательные места; верстах в 20—30, в деревне Уличке, сплошной дубовый лес — есть весьма хорошие вещи, сосны богатые; не доезжая реки Вятки, в деревне Полянах великолепные ивы, осокори у речки, которая бежит, страшно извиваясь, тут же и водяная мельница.[7] Вятку проезжали ночью, ничего нельзя сказать, но сдается, что река довольно живописная; верст в 80 от Казани идет чудный дубовый лес. Как бы хорошо,[8] если бы удалось когда-нибудь проехать по этой дороге или по другой какой на долгих; тогда только может быть существенная польза для пейзажиста и также для жанриста. А так как мы обыкновенно ездим скоро — от этого толку мало,— схватываешь верхушки только, да и то не всегда и не везде; ужели мечта о поездке по дороге не сбудется? Также не без интереса проехал бы по Вятке, река хороша, и пароход по ней ходит.

Против города Тетюш, частью пониже их, расположен великолепный лес, состоящий из осокорей, вязов и частью дубов, но дубы не замечательны, гораздо лучше играют роль осины, но осокори прелесть. Лес и луга эти принадлежат князю Бр., деревня которого от этого леса недалеко — верст 5, но князь этот человек дурного характера, даже чтобы писать здесь и жить в холщовой палатке, которую хорошо иметь, все-таки нужно спросить позволения упомянутого князя, с которым трудно что-либо сделать. Ездить в лес через Волгу из Тетюш неудобно, а лес стоит того, чтобы в нем позаняться; лес не сплошной, а колоссальными группами, и идут они широкой массой до берега Волги; жилья, избушки никакой в нем нет.

В Казани скука, осень глухая, Казань мне не понравилась — может быть, тому причиной холод и грязь, которые здесь свирепствуют. О кремле казанском я имел другое понятие — прежде он мне казался хорош, а теперь нет: казенщина страшная; вид с кремля недурен, особенно на Волгу. Казанский монастырь женский производит впечатление, немного напоминает Казанский собор в Петербурге. Монашки поют приятно; видел много молодых людей — неужели не из ханжества приходят?.. Чебоксары проехали ночью. Первая станция из Чебоксар Малая Сунда — очень живописная, лес дубовый, Волга недалеко; очень живописна на границе Казанской губернии деревня Черемасы. Васильсурск — местность гористая, живописная — на берегу Волги и Суры, у которой берега лесистые; переезжали Суру между льда; Лысково село, как город, местами хорош, в трактире толкуют о посредниках;[9] народ торговый и любят тоже поговорить об антихристе; много раскольников; трактир довольно богатый, украшен портретами героев Крымской войны, на черном фоне с золотыми эполетами и крестами; тут же маленькие уродливые портреты Екатерины и Петра I, клетки с птицами, стук идет, говор, шум. Пестрота окраски домов — красные, синие и голубые — причудливая постройка. Деревья большой дороги подходят к самому Нижнему; в Вольске величественное зрелище представляет Волга — огромные массы льда едва двигаются — видимо встают и черные как ночь полыньи. Переправа через Оку — ямщик рассказывает о своем знахарстве. Из Нижнего — три дороги: старая, большая, отживающее шоссе и железная. Владимир очень живописен; Боголюбовский монастырь в 10 верстах от города также. Собор очень хорош, напоминает Успенский внутри, а снаружи гораздо изящнее московского; иконостас в крестовой безвкусен в высшей степени, образа старые. Улицы Владимира полны извозчиками и денщиками, хорошеньких женщин не видать; новые постройки

около монастыря — американские (на скорую руку). Вокзал железной дороги очень скромен, даже неряшлив, в нем сыро и течет со стен. Деревянные постройки на железной дороге в русском вкусе очень милы. Летом Владимир, вероятно, очень хорош, недурно бы съездить для пейзажиста, есть много кое-чего.

[Май — июль 1862][10]

Здание хорошо;[11] галерея дрянь — несколько вещей порядочных; Beder[12] (Несчастное семейство) очень хорош. Гильдебрандт[13] (Отмель) великолепный. Калям очень плох, Лессинг (группа защищающихся солдат на скале) недурен. Куккук[14] (Зима) так себе. Классы рисовальные грязны, рисуют сухо, каждый рисунок отдельно с гипсовых голов, рук и пр., что очень хорошо. Пейзажный класс не богат оригиналами, и то все старые рисунки карандашом, весьма плохие; новых нет. Студии конкурентов смешны, и конкуренты сами тоже, сюжет какой-то допотопный, но все-таки из своей, т. е. немецкой истории.

В Академии мы[15] узнали, что Гильдебрандт в Берлине, пошли к нему, а он уехал на днях — жаль; ходили тоже с письмом от Боголюбова к Кнаусу — и он уехал в Баден-Баден.[16] Отыскивая Гильдебрандта, попали случайно в мастерскую какого-то графа Оскара фон Краков, как отрекомендовал его портье дома, где живут он и Гильденбрандт. Спрашиваем, что он пишет, по какому роду живописи, но из ответов поняли только швейн — а остальное ничего; входим в 4-угольную переднюю, наконец его дверь отворилась, и там показалось много пейзажных этюдов, весьма плохих. Мастерская с хорошим светом, 12 талеров в год, увешана сверху донизу этюдами животных, особенно головами кабаньими, ослиными и оленьими, птицы есть, некоторые очень недурны и то написаны с чучел; тут же пишется картина довольно большая — травля кабанов; нехороша, мертва, жизни, как у большей части средних немецких художников, нет; рисовать вовсе не умеет. Вообще, художник, хоть и граф, но плох и живет как мы грешные, только почище. Галерею Академии посещает очень много народу; свободный доступ от 10 до 2-х. Музей в Берлине, преимущественно из немецкой школы, отвратителен; Каульбах (его теперь здесь тоже нет), фрески великолепны (мифология и аллегория). Теперь их только 5, будет писать шестую — Историю цивилизации.[17] Это нам все передал Григорович (беллетрист),[18] который, оказывается, большой знаток искусства и поклонник его без разбора, ругает все русское без пощады, уехал в Париж. Эстампных магазинов в Берлине очень много, а фотографии на каждом шагу, и есть очень хорошие; в книжных лав-

ках постоянно найдете между иностранными и наши книги, конечно запрещенные. Между бесчисленного множества карточек найдете непременно Искандера, Огарева и других русских. Жизнь в Берлине недорога, платье тоже; я плачу за комнату в отель de Rom, хорошей гостинице, 45 к[опеек] сер[ебром], чисто и удобно; стол общий 60 коп[еек], очень хорош — только длинный, $1^{1}/_{2}$ и 2 часа —ведь это ужас! Пошли в сад — громадный, из лип, дубов и каштанов; против всякого вероятия, в нем есть места совершенно почти не тронутые. 〈...〉

Через 5 дней поехали в Дрезден.[19] 18/6 мая, переезд 5 часов, ехали ночью, дорога напоминает нашу Московскую железную дорогу. Остановились в гостинице Штадт Кобурге, прислуга понравилась сразу — очень любезна и услужлива. Номера порядочные и недорого; в первый раз встречаю вместо одеяла тонкую и легкую перину, что сначала кажется очень странно; ночью я ее сбросил — жара; кофе дают очень много и хороший. В Дрездене встретили сестер двоюродных Якоби, которые совершили большое путешествие по Италии и много нам рассказывали; женщины очень умные и добрые — особенно Ольга Яковлевна Эйхен[20] — художница, но работ ее я не видел, теперь она не занимается. Сегодня же пробежали по некоторым частям города, видели какие-то улицы, полные народом и зеленью — зелени здесь еще больше, чем в Берлине. Здания церкви темные, сделаны из старого камня, который от времени почернел, тон недурен. Старый мост через Эльбу плох, Эльба мелка, течет по камням, набережная не везде, но очень живописна — унизана зеленью сверху донизу и к воде идет отмель; вдали виднеются горы. По левую сторону Эльбы главный город уже более парадный, там и дворцы, и галереи, казармы, конечно, и бездна солдат. Улицы довольно узки, но все не так, чтобы нельзя было разъехаться; видели где-то монумент кому-то на лошади, напоминающий очень Петра Великого, но плох до гадости и стоит на какой-то торговой площади. Потом опять потянулись великолепные аллеи каштановые, которые прильнули к громадным домам и покрыли их — очень живописно; вот где бездна аксессуаров для наших бедных портретистов. Пришли к новому мосту (за проезд по мостам берут по грошу, т. е. по 3 коп[ейки]), через который идет железная дорога; тут нас хватил сильный дождь, и наше с Якоби платье, купленное в Берлине, все сморщилось и как бы уменьшилось, рукава стали коротки, полы поджались до безобразия — это немецкая честность портных! От дождя мы едва скрылись под арку 〈...〉 Поблизости нашей гостиницы какая-то башня с часами, звуки которых чрезвычайно напоминают московские Спасские — очень

приятно; сегодня же мы слышали звон в церкви очень гармоничный — это как-то отзывается родным.

19 мая. Сегодня покупали краски; я прежде думал, что в Дрездене можно найти что хочешь из художественных материалов, но на деле оказалось другое, пришли мы в один магазин — очень маленький выбор красок, стулья, мольберты старые, непрактичные, да и тех раз-два да и обчелся. Мы вышли и потом долго искали вывески кунст и едва-едва нашли близ знаменитой гостиницы Закс магазин Рейхель; сразу мы начали толковать, нас не понимают, мы их, и так долго длилось, пока мы не употребили в ход мимику — но сколько тут было смеху! Краски хороши и дешевы, пузырь, который у нас стоит 30—25, здесь 15; полотно великолепное и дешево. Альбомы, черт знает, почему-то очень дороги, довольно большой стоит 8 и 9 р[ублей],— но зато хороши, ватманской бумаги; тут есть альбом из масляной бумаги, наклеенной плотно; написанное можно легко сохранить, верхняя крышка с фальцем, что очень практично. Это из Парижа, а здешней работы складные мольберты, стулья и зонтики плохи — из рук вон. Я очень жалею, что не взял с собой из Питера. Здешние магазины просты, до пустоты — наши, напр[имер] Беггров и даже Риппа, гораздо богаче, если бы краски у них были хороши. Дождь сегодня шел целый день, и погода совершенно петербургская и так же холодновато, но потеха, что в дождь на улицах делается: являются тысячи зонтиков, и каждый, чтобы не задеть другого, поднимает его, и эта общая масса зонтиков плывет сверх голов.⟨...⟩ Повторяю еще раз, что Дрезден хороший город — живописный, но, увы! До сих пор еще ничего не рисовали и не писали, все ходим.

20 мая. Сегодня были на постоянной выставке, за вход платится 2½ зильберн гроша — одна небольшая зала, разгороженная ширмами и мольбертами,— картин довольно много; кроме того, есть довольно много итальянских этюдов масляными красками на бумаге; рисунков карандашом также порядочно, акварели, фотографии, но что это все за вещи — ужас! Мы [21] по невинной скромности себя упрекаем, что писать не умеем или пишем грубо, безвкусно и не так, как за границей, но, право, сколько мы видели здесь и в Берлине — у нас гораздо лучше, я, конечно, беру общее. Черствее и безвкуснее живописи здесь на постоянной выставке я ничего не видал — а тут есть не одни дрезденские художники, а и из Мюнхена, Цюриха, Лейпцига и Дюссельдорфа, более или менее все представители великой немецкой нации. Мы, конечно, на них смотрим так же подобострастно, как и на все заграничное. Кажется, так же подобострастно смотрит и сама немецкая пуб-

лика — куда ни придешь, в музей ли или на выставку, везде бездна народу, и все, по-видимому, смотрят с удовольствием и с видом знатоков. Понравилось мне то, что во всей этой зале незаметно никакого шику — рамы не бросаются в глаза, весьма скромные. Драпировок около картин нет, и вообще в обстановке преобладает простота. Этим нам хвалиться нельзя — мы иногда любим закатить раму во сто раз дороже самой картины, обвешаем кругом драпировками и раму еще всадим в полированный ящик. До сих пор из всего, что я видел за границей, ничего меня не довело до ошеломления, как я ожидал, а напротив, я стал более в себе уверен — не знаю, что дальше будет. Переберу некоторые картины постоянной выставки.[22] Первая мне попалась очень хорошая вещь Гартмана[23] из Мюнхена — лошади на водопое,— пейзаж очень хорош, но особенно лошади написаны и нарисованы хорошо; я редко видел столько правды, и притом техника очень проста; это не то, что наш Сверчков.[24] Рядом с Гартманом стоит пейзаж из тех, что мы называем историческим, т. е. пейзаж с фигурами; это бегство в Египет, дичь страшная, заходящее солнце, как плешь бритого татарина — свету в нем нисколько, а картина вся красная; манера этой картины мне напомнила нашего академика Каменева.[25] Тут же забрался известный нам по нашей постоянной выставке Леонарди[26] — небольшой пейзажик, нечто вроде лесной глуши с камнями и травой на первом плане, написанными очень хорошо, но деревья, особенно штамбы,— плохо. Несколько слабеньких акварелей, итальянские этюды (не знаю чьи) очень плохи. Петцоль[27] картина из Швейцарии, огромная дура, но зато выстрочена донельзя; тут еще несколько Швейцарских видов и, между прочим, озеро 4-х кантонов Рау[28] — страшная пошлость. Еще несколько пейзажистов, и все плохие. Honneck[29] пейзаж из римской Кампаньи очень недурен; сюжет очень прост — камни на первом плане, и между ними видны поля и горы, написаны смело и хорошо. На почетном месте стоит большая картина Шольтца[30] — какой-то банкет средних веков, писана довольно бойко и не без вкуса, но страшно бестолкова, вроде наших Хлебовского[31] и, пожалуй, Микешина; публика около нее толпится. Рисунки, пейзажи карандашом очень плохи, должно быть еще учеников, мы гораздо лучше рисуем. Обратила на себя внимание одна фотография с картины Мейснера[32] из Цюриха — овцы стоят у разломанного прясла и некоторые перепрыгивают через него — очень хорошо. Вот и все, об остальных, право, нечего сказать: исторические картины, идиллические пейзажи, портреты — отвратительные телячьи морды, выставка незавидная. Вот что-то скажет здешняя Академия ху-

дожеств и некоторые мастерские — думаем на днях забраться,— в музее еще не были, все не можем закупить материала, так это здесь бестолково, нигде ничего нет — эта пресловутая заграница, черт бы ее побрал! Зонта и мольберта складного не можем найти, нужно заказывать.

21 мая. Сегодня после обеда мы пошли в первый раз с Якоби рисовать[33] и рисовали так себе для начала; но, что всего лучше, так это не любопытство здешней публики, проходят себе, не обращая внимания, если даже подойдет на минуточку, то с видом поощрения и сейчас же проходит, это очень хорошо. Погода здесь дождливая, ходят тучи, сегодня слышали в первый раз гром. Дрезден больше и больше нравится, но жить здесь без языка просто беда.⟨...⟩

22 мая. Дрезденская галерея.

Осмотреть враз и к тому пробежать скоро нет возможности, так как галерея большая и по большей части старый хлам громадных размеров. Великолепные Вандики, Рубенсы, Мурильо, Вуверманы, Рюисдали и пр. пересыпаны этим хламом, исторической пылью. Знаменитая Мадонна не произвела на меня никакого впечатления, очень понравился Спаситель и божья матерь, но этот поп и внизу умиленная Варвара тут совершенно лишние.[34] Просидели перед ней почти полчаса, силились всмотреться, но, увы! Душа наша не откликнулась! И нашли же мы время заметить на ней раму — действительно, немцы удрали штуку,— они ее вделали в киот совершенно как образ, недостает только лампады с сотнею свечей. Поставлена она в отдельной комнате; вообще Мадонна вещь действительно серьезная и чувствуются в ней достоинства, которых, быть может, мы и не понимаем. Мадонна Мурильо[35] также очень хороша. Мне она еще больше нравится, тут видим больше естественности, как будто правды, но и написана великолепно, по-мурильевски. Есть там еще одна чисто немецкая драгоценность — это Мадонна Гольбейна,[36] — ну это просто византийщина, и киот у нее нелепее, чем у Рафаэля. Вот и все; право, как-то тяжело не только видеть, даже говорить о том, к чему не лежит сердце, все это как-то дряхло, старо, на подмостках или разных ходулях. Только и отдыхаешь на таких господах, как Вандик, Рембрандт, Бергем[37] (даже и Рюисдаль нам не понравился), Остад Нагари[38] — его великолепные головы стариков ничуть не уступают первым художникам, хотя он и мало известен. В галерее мы встретили архитектора Попова[39] со слепым пр[офессором] Тоном[40] и Писемского,[41] который до того утомился, что страшно пыхтел; он говорил, что ему ничего не

нравится и Эрмитаж наш в сто раз богаче. Посетителей в галерее много, здание хорошо.

Академия художеств — первое, что снаружи она очень, очень бедна; бедна и внутри, правда, что не все и видели, только четыре первых класса; рисуют, как нам показалось, хорошо, лучше, чем в Берлине, а метода одна и та же — каждый рисует с отдельного гипса, большая часть рисунков в величину статуй; рисуют на мольбертах, стоя, но конопатка сильно в ходу; число учеников невелико. Проходя небольшую комнату с невысокими шкапами у стен, круглым столом посредине с несколькими стульями ветхого свойства, нам сказали, что это библиотека и конференц-зал Академии. Хотели посмотреть натурный класс, куда много и спешно шли ученики, но нас туда не пустили: немец, который нас водил (кастелян, помощник чего-то или кого-то), торжественно объявил, что там стоит голая натура,— так мы с тем и ушли. Сегодня также ходили с Якоби рисовать, но безуспешно, немецкий пейзаж слишком непривлекателен и почти до омерзения расчищен.

Вчера мы были на знаменитой террасе, слушали музыку за 5 зиль[берн] грошей, музыка очень недурна, музыка здесь слышна нередко, конечно военная, каждый день гоняют по городу солдат с музыкой, чтоб и им было нескучно и чтоб немцы-либералы боялись, а то восстанут «не только против бога, но и против своего короля», как нам объясняли. Терраса — место очень хорошенькое, т. е. возвышение, откуда вид на город и вверх и вниз по Эльбе, самая же терраса обсажена густо деревьями, конечно, обстриженными и приглаженными, что очень гадко.[42] Закат был здесь великолепный, все общество наслаждалось, кроме одного господина — старого знакомого Якоби, приехавшего из Парижа; он первый раз за границей и ничего больше не видит, кроме дамских тряпок — разговор его постоянно о том, что в Париже все носят шляпы, или о том, где лучше чистят сапоги — здесь или в Вене. Богатый молодой человек, помещик, но пустее и глупее его я редко встречал.

23 мая. Сегодня день почти потерян в художественном отношении, нигде не были и ничего не видали, впрочем, шатались по городу, кое-что покупали из мелочей, а большую часть дня провели в приготовлении шкатулок для красок к предстоящей поездке в Саксонскую Швейцарию. Гуляя, мы пробрались вверх по Эльбе, откуда вид на Дрезден очень недурен; но сама Эльба смешна, особенно теперь, были все дожди, и вода с гор, вероятно, текла по глине, оттого вода в Эльбе чистая мумия,[43] отвратительна, и это бывает после каждого порядочного дождя; вообще,

Эльба не стоит красок поэзии, которые так щедро расточали на нее наши поэты. Вверх по правому берегу идут довольно большие холмы, на них построены дачи, похожие на замки, но все неметчина.

Назад идти пешком поленились и наняли лодку, нечто вроде гондолы, т. е. такая же длинная и с крышей, но и все сходство в этом, а остальное все грубо, скверно, даже непрактично; нанять ее нам стоило труда: нам было нужно к новому мосту, а, как назло, мост мы не знали по-немецки; толковали, толковали и решили прибегнуть к карандашу — нарисовали ему мост с железной дорогой,— он и понял, мы сели и покатились по грязной, мелкой, хотя и быстрой Эльбе.〈...〉

Пожалеешь сто раз, что не знаешь языка, без него очень плохо, потому и Дрезден начинает надоедать и не нравиться — в эту минуту так бы и полетел в Россию, в Петербург, к товарищам, ах, как жаль, что их нет! Сижу и грустно насвистываю песенки русские, а в саду тоже слышится пение немецкое; много еще предстоит скучного и грустного впереди — делиться впечатлениями не с кем. Эх, нет Гина, Джогина, Ознобишина — словом, пейзажиста-художника — жаль! А пейзажист — истинный художник, он чувствует глубже, чище. Черт знает, зачем я здесь, зачем сижу в номере Штадт Кобурге, отчего я не в России, я ее так люблю! Грустно; пою и свищу почти со слезами на глазах: «Не уезжай, голубчик мой! Не покидай поля родные!», в репертуар моего пения вошли почти все русские мотивы, какие знаю. Грусть, страшная грусть, но вместе с тем и приятно — дай бог, чтобы не утрачивалось это чувство, таскаясь по проклятой загранице. Еще более делается грустно и неприятно, что не получу ни от кого писем — велел их адресовать в Женеву.

24 мая. Сегодня день самый пустейший — пуст, как моя голова в настоящее время; нигде не были, погода великолепная, голова очень болит.

25 мая. Воскресенье. Немцы все на улице, жарко, собирается туча, и гремит гром; был я сегодня в церкви, в здешнем соборе; когда я пришел, пастор говорил с кафедры, вернее кричал: «то нежно он ослабевал», то вдруг как будто на войну зовет, бьет себя в грудь, голову то закидывает назад, то опускает ее и замолкает,— и из чего, подумаешь, хлопочет? А хлопочет усердно. Собор большой, по обе стороны идут арки в два этажа — напомнил мне петербургский Гостиный двор, только пустой, без товаров. Крик пастора [44] надоел, но мне хотелось дождаться органа — дождался и очень рад, орган, пение, музыканты с трубами и даже барабанами, до того хорошо, даже странно, что просто прелесть!

Огромный пустой собор весь наполнился звуками — великолепно, я был в восторге! ⟨...⟩

26 мая. Сегодня целый день собирались, укладывались как можно компактнее, и все-таки у нас обоих семь вещей, а баул я оставляю.[45] Хотели ехать сегодня вечером, но не успели, потому были на Брюлевой террасе,[46] слушали музыку — плоха; опять много русских, опять залюбовались закатом, который сегодня не так был хорош, живописен. Видели также у старого моста в ресторане много огней и по временам бенгальское освещение, что очень эффектно, особенно при здешних темных ночах. Дрезден надоел в высшей степени, завтра бы удрать очень хорошо.⟨...⟩

27 мая — едем в Криппен (Шандау).⟨...⟩

4 июля приехали в Баденбах. В таможне[47] взяли за сигары больше, чем они стоят; богемский язык уже часто встречается; мост через Эльбу очень хорош, но берут с конного и пешего, что очень гадко. Здесь дача или сад вроде монастыря графа Тона. Это помещик не деревенский, а даже городской — берет оброк со всего города и прилегающих к нему деревень — чем лучше нашего. В саду графа Тона гуляли с провожатым, но такая гадость, что мы ушли сейчас же, конечно, только заплатили ему. Деньги здесь бумажные, начиная с монеты в 10 к[опеек]. Местность в Баденбахе недурна, но для художника мало. Город недурен и, как все города на Эльбе, какие мы успели видеть, лепится на горах и скалах, но живописного мало. Были за Баденбахом, шли туда одной дорогой, возвращались другой. Там больше простоты и живописнее.

Прага, 5 июля. Сейчас только догадались, что не туда попали, куда бы следовало: нужно было поехать в Бромберг, а не Прагу, которая для пейзажиста не представляет ничего замечательного, также и ее окрестности. Горы ниже по Эльбе совершенно голые, овальные, весьма невзрачные; было одно место на пути из Баденбаха в Прагу, местность совершенно плоская на несколько десятков верст и живо напомнила Россию: кое-где рисуются небольшие плоские возвышенности, а иногда на горе виднеются села и деревни с белыми, как у нас, церквами. Прага — город большой, шумный, от того более, что очень тесный, улицы узкие; мы сразу обошли его, довольно долго искали квартиру г. Колара,[48] чеха, по рекомендации Пыпина.[49] Квартиру нашли скоро, но не застали дома, кухарка его говорила с нами по-чешски, понять было можно. Возвращаясь от него, напали случайно на богомолье католиков: посреди площади колонна, украшенная херувимами, посредине, конечно, образ мадонны, за решеткой сидит какой-то ксендз с густыми бакенбардами, громко поет, а за

ним вся толпа повторяет, толпа же состоит из одних женщин и стариков, это, как и у нас в таких случаях. Как только выехали в Австрию, то на каждом шагу попадаются то кресты, то распятия, то статуи святых. Большой мост в Праге весь уставлен статуями, от времени почерневшими, но, кажется, недурно сделанными, орнаменты во вкусе Возрождения. На улицах Праги попадаются чаще всего солдаты и немцы, чешский язык редко слышен, но вывески и газеты есть чешские.

Были в одном ресторане, пили кофе и видели, как там много и, кажется, азартно играют в карты, бильярдов тоже много, но при нас они были пусты.

6 июня.[50] Были у Колара; как взошли, сейчас заговорил по-русски, говорит очень хорошо, и человек прекраснейший, милый; до него были в монастыре, или, как после оказалось, в духовной семинарии; полон собор молодых людей, будущих ксендзов; мы уже пришли к концу и ничего не видели, хотели слышать орган, но он издавал последние скрипящие и кричащие ноты; внутренность собора безвкусна. Оттуда попали в собор крестоносцев (здесь много разных религиозных орденов), тут застали в полном разгаре торжественную обедню; мы думали, что какой-нибудь праздник, оказалось, что воскресенье, а мы позабыли. Пение и орган, как обыкновенно у католиков, хороши, но эти проклятые ксендзы постоянно торчат на виду, и то присядут, то нагнутся, и сразу человек 7—8, нет, у нас лучше, греки были умнее, там все действие происходит в закрытом алтаре и попы не надоедают. Пение же наше, особенно хороший хор, и Бортнянский[51] зашибет, и орган, и скрипки. Внутренность собора напомнила чрезвычайно наши соборы — такое же безвкусие в употреблении образов и золота, а здесь еще скульптуры. Скульптурные произведения здесь все на один лад, художники хотели постоянно придать больше грации и выражения, и обыкновенно вещь исковеркана без пощады.〈...〉 Колар повел нас в Пражский музей[52] и хотел показать преимущественно чешских художников, но, на беду, их оказалось очень мало, но и то из них есть довольно порядочные. Из Мюнхена Вольц[53] — коровы стоят у водопоя, великолепная вещь; коровы довольно большие на первом плане и потом теряются вдали, при этом воздух чудный, облачный и ярко освещен солнцем. Освальд Ахенбах недурен — белая каменная стена и по бокам деревья, особенно стена чертовски хороша; деревья просто мазаны, но ловко — и все-таки это бестолочь, есть еще кое-что порядочное, а остальное все старье и безобразие. Оттуда пошли обедать на остров посреди реки, куда проходит новый цепной мост, там Колар познакомил нас со многими чехами, народ все

прекрасный и охотно говорят по-русски. Оттуда поехали за город на народное чешское гулянье верст за 8 от Праги. Дорога туда и места там невзрачные, голые, есть скалы, из которых жгут известку. Гулянье называется св. Прокопа; народу было много всякого звания; крестьянки здешние одеваются очень хорошо и не без вкуса, самое же гулянье состоит в питье пива и танцах под шарманку молодежи, также много поют патриотических песен, тут на горе церковь и пещера св. Прокопья, дорога вверх очень живописна; мы там пробыли часов 5, но время провели довольно скучно. Жара была нестерпимая, а наши ноги в тоненьких сапожках сильно чувствовали каждый богемский камешек. Возвращаясь оттуда, на половине дороги зашли в гостиницу пить пиво, и Осип Иванович Колар познакомил нас с чехом Вавра,[54] который перевел Обломова и еще несколько русских вещей на чешский язык, и, как говорят, хорошо; тут же узнали, что Колар тоже перевел Кольцова и Некрасова и в восторге от них. Колар — профессор чешской гимназии, читает словесность и естественные науки, человек молодой, очень хороший господин и хорош собою, высокий брюнет, прост, умен и добр. Были в чешском клубе, или, как они называются, «беседа»: помещение довольно большое, но народа по случаю праздника и лета мало. Пили там отвратительный русский чай. Там[55] познакомились с русским музыкантом, скрипачом, человеком, кажется, недалеким и каким-то нахалом, словом, не художником; оказывается, что он служил когда-то на Кавказе, это и на лице у него написано — тип нашего солдата; ищет, где более русских, туда и едет давать концерты и, говорят, успешно. Он, как мы узнали, живет в одной с нами гостинице, и из клуба пошли вместе, зашли к нему, и он сыграл несколько вещей прекрасно, техника в руках чертовская; это было в полночь, окно номера было открыто, и на улице собралась многочисленная толпа — аплодировали и кричали браво, что ему очень польстило; он нам прочел из немецких газет похвалу о нем, но все-таки я остаюсь того мнения, что он очень недалек и не музыкант, а отменный техник, играет с вычурной мимикой, но музыка скрипичная хороша — я в первый раз слышу такую скрипку; в это же время начиналась другая музыка — гораздо посильнее и повпечатлительнее; ночь темная, и по временам начала вспыхивать молния[56] очаровательным светом, наш музыкант смолк, и мы стали смотреть в окно — к тому времени там наверху собрался целый[57] великолепнейший концерт света и звуков; гроза, молния зажигает все небо, гром сначала был слышен вдали басовитыми нотами, потом ближе и ближе грохочет, удары, дождь, свист ветра и град — концерт небесный показал

свою величественную силу и удалился, оставив по себе самое приятное впечатление. ⟨...⟩ тебя, могучая гроза, долго буду помнить!

7 июля. С Коларом пошли к художнику Манесу,[58] по дороге зашли в один магазин, где видели статую богородицы, Манес же теперь в Риме. Он[59] чешский художник, популярный и талантливый господин, видели у него много этюдов фигур и пейзажей. Типы славянские есть прелесть, нарисованы хорошо — я еще не видал художника более строгого, добросовестного и честного. А как Манес рисует пером и потом акварелью, карандашом свинцовым, красным в светах, это в головках, которые у него особенно хороши, и нужно заметить, что его работа нисколько не похожа на заграничную вообще, т. е. легкую, вкусную и часто пустую и бессмысленную, у него строгий характер и манера напоминает старых, но хороших художников.⟨...⟩

8 июля. Добрейший Колар сегодня утром пришел к нам, пока мы еще спали; пошли в чешский собор — снаружи великолепие, он не кончен, а затеян был огромнейший, но недостало средств у чешской нации, да и он еще потерпел от пожара, бывшего давно уже. Стиль готический.[60] Были в той комнате, из которой были выброшены австрийцами чехи Мартиниус и Славата;[61] Якоби думает эту сцену написать, конечно, хорошенько ознакомившись с историей, мы там все необходимое зачертили; картина может быть хорошая драма. Выбросить в окно, из которого до земли 30 сажень! Да и люди пострадали за родину, и там внизу им поставлен памятник, уже в последующее время, конечно. Колар очень любит Прагу и вообще патриот славянин. Были также в зале Вячеслава,[62] хороша. Своды готические переплетены узкими выпуклыми карнизами, что очень красиво, эта зала совершенно пуста, но в другой несколько мест и трон под балдахином — интересная вещь для хорошего исторического художника, но мне уже надоедают все эти подвиги и прихоти королей, и светских и духовных; все это прошло, и слава богу.[63] Это мертвечина, а мне бы скорее на натуру, на пекло красного солнышка; природа всегда нова, не запятнана ничем подобным и всегда готова дарить неистощимым запасом своих даров, что мы называем жизнью. Что может быть лучше природы, да еще не искаженной подвигами человечества! Мне как-то становится скучно и досадно, что я только и вижу все историю, да историю, и увы! Завтра опять неутомимый наш путеводитель Колар поведет нас по музеям и в ратушу и, между прочим, в мастерские чешских художников, с которыми мы уже отчасти знакомы по их маленькому художественному клубу, где они собираются вечерами почи-

тать и потолковать. И Россию, и наших художников они не знают, так же как и мы их, мы им советовали присылать свои картины к нам на выставки — они бы и охотно посылали, да австрийское правительство тому препятствует — с Россией нет порядочного сношения даже почтового. Мы были в Бельведере[64] — древнее здание, особенно хороша колоннада вокруг него, хотя не массивна, но очень изящна; на этой-то колоннаде когда-то наблюдал движения звезд знаменитый Тиходебраге, который здесь и похоронен; также и знаменитый Кеплер[65] покоится здесь же — и, странно, таким великим людям и не отдана дань справедливости, ни одного признака их здесь нет, а на каждом шагу попадаются статуи и памятники бог знает кому. Грустно и досадно. Картины помещены в самом здании, весьма простом, но изящном, особенно лестница, ведущая в залу, очень хороша, также и портик снаружи, но крыша на здании — гадость; картин там числом шесть — все из чешской истории, некоторые только недурны, особенно отличается из них Свобода[66] «Император Иосиф в больнице» — очень хорошая вещь. Картины писаны al fresco, несколько есть еще мест, приготовленных для новых картин. Бывши у них в клубе, при рассказах о России и ее богатствах я спорол такую дичь, что мне самому стало совестно, готов был бы провалиться, а чехи заметили, что я грубо соврал, да и Якоби тоже не уступал; я им говорил о скульптуре в России, между прочим, вспомнил карпатиды у Эрмитажа,[67] хотел похвастаться русским[68] гранитом, из которого они сделаны, и бухнул, что они 8 сажен вышины, чехи, молодцы, сейчас же смекнули и прикинули и дознались, что я жестоко соврал, и громко смеялись между собой не без сарказма: вот, дескать, русские любят иногда брякнуть! Я вспомнил Крылова «Лжец и огурец»,[69] да и Якоби тоже сыпал сотнями тысяч, платимых художникам в России; очень неприятно, я говорил не подумав, мне они казались очень большими, я и хватил, вперед наука.

9 июля. Начался день музыкально, были у Св[ечи]на[70], и он нам играл кое-что, на своих дверях мы написали Колару и Д — у,[71] чтоб они пришли туда же, что они и сделали, и мы вчетвером слушали этого практичного маэстро, а потом втроем отправились в мастерские художников, посетили меньшего Манеса,[72] жанриста, особенно хорошего ничего не нашли, господин малодаровитый и еще молодой. Заходили в книжную лавку, и Колар показывал нам фотографии с картин чешского художника Чермака[73] из чешской истории — великолепие, он напоминает частию Поль Деляроша[74] и так же хорош; картины несложные, в две, три фигуры. Особенно хороша жена разбойника, муж

которой ранен и лежит с ребенком, а жена сторожит неприятеля, врага, конечно немца. Чермак живет зимой в Париже, там его и оригиналы проданы, и в Лондоне также, а теперь он путешествует по южным славянам, художник даровитый и молодой — 30 или 35 лет. Видали картину Свобода или происшествие в знаменитой комнате, о которой я уже упоминал; картина эта теперь в гостинице, не помню какой, кажется Штепано, ее не позволили выставить на выставку, немцам показалась слишком либеральна; на наш взгляд вещь весьма посредственная, он худо воспользовался сюжетом, но мы заметили костюмы, за верность которых ручается Колар. ⟨...⟩ Видели также только что начатый строить большой чешский театр, старую ратушу, где теперь тюрьма, заходили в один частный дом посмотреть картину молодого умершего пейзажиста Косарека[75] — недурна, талантливая, но уж очень грустная; потом пошли к пейзажисту Гавранеку[76] и не застали дома, а, говорят, хороший пейзажист, жаль не видали; были у исторического художника Льготы,[77] пишет по большей части католические образа, у него, впрочем, много хороших эскизов; у скульптора Томаса Зейдана[78] маленькая мастерская вся уставлена посредственными вещами, между прочим, он начал работать Петра Великого, когда он кует в Карлсбаде подкову; у него же видели мы модель памятника Ганки, который поставится в Вышеграде — недурен. Посетили хорошего скульптора немца Макса[79] — бездна у него вещей, работает неутомимо, вот бы взять пример нашим скульпторам, он здесь самый популярный, но надоело писать, лень, а были еще в Музеуме, видели копья, ножи, щиты и пр., тоже разные чучела, горные породы и проч.

10 июля. Видели альбом богемских литографий, Южная Богемия особенно отличается видами, также фотографии, какой-то приморский пейзаж с картины не знаю какого художника — я ничего лучше не видал из фотографий, передан решительно каждый мазок кисти до невероятия великолепно: стоит 5 гульденов. Были у пейзажиста Гавранека — говорили, что хорош, а ничего не стоит, жалкий труженик, похож на нашего Пискунова[80] и, кажется, добрый и радушный малый. Якоби получил из Дрездена депешу и уехал, я с Коларом пошел в чешскую оперу; есть голоса порядочные, но обстановка и декорации донельзя бедны.

11 июля. Сегодня мы с Коларом ушли из Праги в 5 часов утра за город и прошли верст 25 по долине, называемой Шарки,[81] есть довольно много хорошего. Возвратились к двум часам в Прагу, устали. ⟨...⟩ Были с Коларом в Трое; не доходя Трои,

сад Стромовка, в котором очень много хороших груш, дубов, лип и тополей, и, к величайшему моему удовольствию, я увидал целое семейство наших берез, окруженных со всех сторон буками, каштанами и платанами, которые у нас очень редко встретишь.[82] Идя в Трою, нужно переехать через Молдаву, пойдет ровное место, весной заливаемое водой, тут есть картинки; самая Троя — деревня, весьма живописная, много больших деревьев и речка очень интересная. Нашему удовольствию помешал дождь, который идет даже и сегодня, скверная погода, а нужно идти на Стрелецкий остров, на освящение знамени певческого общества — патриотическое гулянье. Колар вчера занимался со мной ботаникой, набрал он растений и определял их, также занимались и микроскопом.

13 июля. Были на освящении знам[ени] общества гимнастиков и певчих. Началось с того, что все собрались на Стрелецкий остров на площади, на которой было устроено нечто вроде балдахина, как у нас на Крещенье, только без креста: пришли гимнастики и певцы, старшины, обрядные старосты были под балдахином, также и дамы; певчие стали петь народные песни, я думал, что будут попы, и оказалось, что это гражданское освященье знамени, т. е. чехи себя хоть этим утешают под гнетом немцев. Хор очень большой, пели недурно, костюм обыкновенный, только на левом борте сюртука особый знак. Гимнастиков 900, они стояли по 3 в ряд; на них был костюм: красная рубашка, серые панталоны и такая же куртка внатяжку и обыкновенная черная шляпа с соколиным пером; костюм красивый и некоторым физиономиям очень идет. Старшина, доктор князь Турн-Таксис, говорил речь, из которой я, конечно, ничего не понял, говорил без одушевления, человек он, говорят, очень хороший и отчаянный демократ и либерал; говорила также и жена его, она тоже член.[83] Ему и ей аплодировали, затем начался самый обряд освящения: женщины самое полотно знамени прибивали к древку, певчие пели: знамя есть символ будущей свободы[84] чехов. Потом говорил длинную речь Сладковский[85] — я тут только понял, что значит сила слова и выражения: говорил он так сильно, с таким чувством, что я понял весь смысл его речи, зная из их языка почти несколько слов; молодец и либерален до возможности.[86] Я думаю, ему завтра будет выговор от немцев, если не больше, к тому же он известный публицист. Но странно, мне и многим другим показалось, что, когда он кончил, и кончил великолепно, раздалось только обыкновенное, даже предписанное формой восклицание, вроде «Слава» по три раза — и только, а я думал, что вот разразятся рукоплескания, но холодны стали чехи или нем-

цев боялись — не знаю, а у меня, признаюсь, руки чесались — смысл его речи был общая свобода всех славян, самого громадного племени в Европе. 〈...〉 А все-таки, смотря на гимнастиков и на эти все общества, становится как-то смешно, я припоминал одну статью в Современнике, кажется «Страх врагам», там это хорошо очерчено, с комической стороны.[87]

14 июля. Я был в Трое — хорошее местечко,— я там нарисовал.[88]

15 июля. Утром приехал Якоби из Дрездена; были опять в музее, видели разные рукописи, книги с миниатюрами чешских художников, но там особое богатство геологических предметов, множество отпечатков допотопных растений. Сегодня же собираемся ехать в Пардубицы. 〈...〉

III *Современники о художнике*

1. Из писем

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ — А. С. НЕЦВЕТАЕВУ [1]

Ялта. 4 февраля 1872

От души рад, что наш Иван Иванович расходился и по-старому нарохтится написать достойную себя картину, как Вы пишете. Целую моего племянника,[2] передайте это им. Не забудьте сказать также Ивану Ивановичу, чтобы он хорошенько поналег на картину: 1000 рублей — штука хорошая,[3] а потому Клодт[4] и Саврасов не пожалеют труда заработать ее, а Иван Иванович, к его несчастью, во 1-х, всегда очень поздно начинает писать, а во 2-х, всегда очень легко относится к живописи. Это последнее — самый большой пробел у него, а между тем он может его поправить без труда. Это не фразы, а сущая истина, которую я познал своим долголетним опытом.

И. Н. КРАМСКОЙ — Ф. А. ВАСИЛЬЕВУ [5]

Спб. 22 февраля 1872

Недели две тому назад И[ван] И[ванович] Шишкин работает, т. е. заканчивает у меня свою картину на конкурс, так как у него ему нет возможности ничего написать вследствие тесноты, кроме черных сапог. К тому же он начал большую вещь, очень большую. Вы его знаете очень хорошо и можете представить себе, что он сделал, если я скажу, что он написал вещь хорошую до такой степени, что Шишкин, оставаясь все-таки самим собою, до сих пор еще не сделал ничего равного настоящему. Это есть чрезвычайно характеристическое произведение нашей пейзажной живописи — конечно, принимая во внимание, что школа наша не бог весть что такое. ⟨...⟩ Шишкин заболел, не успевши кончить

вещь, в которой работы было дня на два. Она и теперь еще здесь. Конкурс отложен до 1 марта.[6] ⟨...⟩ Григорович[7] ничего больше и не говорит: «Ах, какой Шишкин!», «Ах, какой Васильев!»,[8] «Ах, какой Васильев!», «Ах, какой Шишкин!», «Две первых премии, две первых премии, две первых премии». Конечно, ничего не известно, что будет и как решат, по мое мнение, по совести, если класть шары: и та, и другая. Эти вещи до такой степени разнородны и равносильны, что нет возможности решить, которая. Если бы премии были такие: 1-я — 1000, а 2-я — 900, и я был бы в числе обязанных уж непременно произносить приговор, то я бы положил: Шишкин — 1-я, Васильев — 2-я, но так как расстояние между 1-й и 2-й премиями громадное, то не может быть сомнения, что первых премий должно быть две. Вещи взаимно исключают одна другую или взаимно заменяют. Бо́льшей противоположности трудно себе вообразить. Одна — Шишкина — объективная, по преимуществу, другая — Ваша — субъективная. ⟨...⟩

Теперь опишу Вам картину Шишкина. Вот она как расположена:[9] величиной она вместит четыре Ваших на своей плоскости — почти. Лес глухой и ручей с железистой, темно-желтой водой, в котором видно все дно, усеянное камнями. На левой стороне — большая, упирающаяся в раму сосна, березка — и за ними глушь. Внизу под ними — коряга, мхи и папоротники. Направо, по пригорку,— сосновый лес, уходящий влево. Под соснами, на пригорке, два медведя, один очень умильно поглядывает на улей, привязанный к дереву на благородную дистанцию, другой охаживает около — это выражено. Направо, на пригорке,— сломанное дерево с вывороченным корнем. Все освещено солнцем. Правый берег — осыпающийся песок с камнями, опутанный корнями. Голубое небо с белыми облачками. Картина имеет чрезвычайно внушительный вид: здоровая, крепкая и даже колоритная. Всего лучше вода и вся правая сторона, и что удивительно — небо, действительно светлое и легкое небо — словом, картина хорошая и производит впечатление здоровое. Но, как всегда, скорее более рисунок, чем живопись. Лучшей вещи он не писал.

И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ[10]

[Петербург]. 1 марта 1872

Одновременно с Вашим письмом о Шишкине[11] я получил ответ на телеграмму, в котором он объявляет цену 1000 рублей.

Картина Шишкина, когда будет кончена, будет стоить 1500 рублей. Здоровье его в настоящее время немножко лучше и, как говорит доктор, пошло ко выздоровлению. У него сделался тиф, осложнившийся на 5-й день болезни воспалением легких самой

острой и злой формы, но, как он говорит, оставляющей не такие пагубные последствия, как воспаление легких более медленное. Лечение и болезнь, сколько мне кажется, идет правильно.

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ — А. С. НЕЦВЕТАЕВУ [12]

Ялта. 3 марта 1872

Неужели болезнь дорогого моего Ивана Ивановича опасна? Не может быть! Ведь это просто ужасно! Я просил Крамского немедленно телеграфировать. Кланяйтесь Ивану Ивановичу и сестре и скажите, что хотя я и не пишу ему, но все-таки моя привязанность к нему не уменьшилась нисколько; ну, да это он, я думаю, и сам чувствует без объяснений. 〈...〉

Вчера получил письмо от Ивана Николаевича, в котором он описывает новое произведение нашего Ивана Ивановича такими красками, что я прыгаю до потолка от радости. [13] Нате же, черт возьми, нате же, и Клодт, и знаменитые Мещерские и Саврасовы, и проч. и проч.! По отзыву его же, Крамского, и мою картину можно ставить на конкурс, несмотря даже на этот лесище, который Иван Иванович уволок целиком из натуры и предоставил в помещение Обще[ства] поощ[рения].

И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ [14]

[Петербург]. 10 апреля 1872

Иван Иванович Шишкин, как Вы увидите, сделал в своей картине [15] много даже перемен — и все к лучшему, по моему мнению; впрочем, Вы увидите сами. Сколько я могу судить, картина его — одно из замечательнейших произведений русской школы.

И. Н. КРАМСКОЙ — Ф. А. ВАСИЛЬЕВУ [16]

[Станция Серебрянка]. Усадьба Спарской.
5 июля 1872

Шишкин нас просто изумляет своими познаниями, по два, по три этюда в день катает, да каких сложных, и совершенно оканчивает. И когда он перед натурой (я с ним несколько раз пытался садиться писать), то точно в своей стихии, тут он и смел и ловок, не задумывается: тут он все знает, как, что и почему. Но когда нужно нечто другое, то... Вы знаете. Я думаю, что это единственный у нас человек, который знает пейзаж ученым образом, в лучшем смысле, и только знает. Но у него нет тех душевных нервов, которые так чутки к шуму и музыке в природе и которые особенно деятельны не тогда, когда заняты формой и глаза ее видят, а, напротив, когда живой природы нет уже перед глазами, а остался в душе общий смысл предметов, их разговор

между собой и их действительное значение в духовной жизни человека и когда настоящий художник под впечатлением природы обобщает свои инстинкты, думает пятнами и тонами и доводит их до того ясновидения, что стоит их только формулировать, чтобы его поняли. Конечно, и Шишкина понимают: он очень ясно выражается и производит впечатление неотразимое, но что бы это было, если бы у него была еще струнка, которая могла бы обращаться в песню. Ну, чего нет, того нет: Шишкин и так хорош. Удовольствуемся... он все-таки неизмеримо выше всех взятых вместе до сих пор, не более, но и не менее. Все эти Клодты, Боголюбовы и прочие — мальчишки и щенки перед ним. Но дальше нужно другое. Что? Вы, надеюсь, понимаете. Шишкин — верстовой столб в развитии русского пейзажа, это человек — школа. Но ведь после школы наступает жизнь, и хотя тоже школа, но другими приемами, чем прежде, передаваемая,— это он, как и следует ожидать, отрицает: вечная история. Впрочем, что ж, что я приношу приговоры? Ведь Шишкин до сих пор еще не перестал расти, и черт его знает, до каких пор он вырастет, а что он растет — это несомненно.

И. Н. КРАМСКОЙ — Ф. А. ВАСИЛЬЕВУ [17]

Серебрянка. 20 августа 1872

Шишкин все молодеет, т. е. растет — серьезно. И знаете, хороший признак, он уже начинает картину прямо с пятен и тона. Это Шишкин-то! Каково — это недаром, ей-богу. А уже этюды, я Вам доложу,— просто хоть куда, и, как я писал Вам, совершенствуется в колорите.

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ — Е. А. ШИШКИНОЙ [18]

[Ялта]. 30 августа 1872

Что делает Иван Иванович? Мне Иван Николаевич писал, что он всех поражает быстротой и прелестью своих этюдов. Пусть он хорошенько потрудится, потрудится на этот раз для конкурса, пусть не тратит времени, прошлый конкурс — обязывает его написать так же хорошо, да ведь и относительно денег стоит трудиться — 1000 р[ублей] на полу не поднимешь, а для того, чтобы Иван Иванович налег как следует, то передай ему, что я со своей стороны употреблю все старание на то, чтобы написать на конкурс что-нибудь действительно порядочное и вышлю картину только в том случае, если буду ей доволен. Если Иван Иванович считает меня конкурентом несколько опасным — то пусть примет к сведению. Да во всяком случае нужно ему постараться если не ради денег, то ради первого места, которое он

легко может занимать в небольшой семье пейзажистов, занимать его всегда, а не только тогда, когда он захочет. Это мое крайнее убеждение и дружеское пожелание.

И. Н. КРАМСКОЙ — Ф. А. ВАСИЛЬЕВУ [19]

С.-Петербург. 1 декабря 1872

О Шишкине сообщу Вам, что он, право, молодец, т. е. пишет хорошие картины. Конечно, чего у него нет, того и нет. Но он, наконец, смекнул, что значит писать,— судите, мажет одно место до пота лица,— тон, тон и тон почуял. Когда это было с ним? Ведь прежде, бывало, дописал все, выписал, доработал, значит, и хорошо. А теперь — нет: раз двадцать помажет то одним, то другим, потом опять тем же и т. д. Проснулся. Пейзаж сгрохал в 3 аршина, 1 вершок, внутренность (болотистая) леса, да еще в сумерки, какое-то серое чудовище, а ничего — хорошо. Другую, облачную, светлую поляну, под отвесными лучами солнца. [20]

И. Н. КРАМСКОЙ — Ф. А. ВАСИЛЬЕВУ [21]

С.-Петербург. 2 января 1873

Конкурс отложен до марта, как я сказал выше. Я думаю, что Вы успеете. Шишкин хотя и намерен, кажется, писать, но едва ли что сделает. Со своими двумя большими пейзажами, о которых я Вам писал уже, он так устал и измучился, что, как он говорит,— голова пуста. Один из них вышел очень хорош — лучше прошлогодней конкурсной. [22] Академия его покупает. Другой же — «Полдень» — вышел ординарным. Но все-таки лучше его прежних неизмеримо — в тонах.

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ — Е. А. ШИШКИНОЙ [23]

Ялта. Февраль 1873

Мне Крамской в каждом письме, которых очень много, описывает подвиги Ивана Ивановича, которым я по родству, во 1-х, и по художественной связи, во 2-х, душевно радуюсь. Иван Иванович очень, очень много может сделать — только бы убедился в необходимости и возможности достигнуть цели, чего он часто не хочет сделать, почему — бог его знает. Крамской пишет, что эти его картины еще лучше прошлогодней конкурсной, [24] особенно заметна выработка тонов, что Иван Иванович считал обыкновенно лишним. Поздравляю его со всей горячею к нему моею привязанностью и из глубины души желаю как можно чаще слышать о его подвигах, которые в других поднимают, конечно, не совсем схожие с моими чувства: это лучшая мерка успеха.

И. Н. КРАМСКОЙ — К. А. САВИЦКОМУ [25]

С.-Петербург. 26 августа 1874

Иван Иванович живет верстах в трех [26] и какой-то стал шероховатый, окружен своей прежней компанией, занят фотографией, учится, снимает, а этюда и картины ни одной. Не знаю, что будет дальше, а теперь пока не особенно весело. [27] Впрочем, это натура крепкая; быть может, ничего.

И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ [28]

[Петербург]. 12 марта 1875

Я, к сожалению, картины Шишкина [29] не видал больше недели еще перед Вами, а потому не могу судить, как она была тогда, но должен сказать, что в настоящее время это едва ли не лучшая вещь на выставке; такой силы, рельефа, красок и гармонии у Шишкина было мало, да, пожалуй, и совсем не было; и, несмотря на это, поэзии все-таки нет. Да он, впрочем, о ней и не заботится. Немного неровное исполнение, именно второй план налево больше выписан, чем ему быть следует, особенно по сравнению с землей на первом плане, но и только, больше я ничего сказать не могу.

П. П. ЧИСТЯКОВ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ [30]

[Петербург]. 4 апреля 1876

Шишкин растерялся. [31] Ваш пейзаж с медведями [32] есть лучший из его, да и изо всех русских, исключая двух пейзажей Лебедева, [33] что здесь в Академии.

В. М. МАКСИМОВ — К. А. САВИЦКОМУ [34]

[Петербург]. 29 января 1877

Шишкин делает превосходные выпуклые офорты, сейчас иду к нему учиться «травле», тоже хочу работать.

И. Н. КРАМСКОЙ — К. А. САВИЦКОМУ [35]

С.-Петербург. 26 декабря 1877

Теперь я Вам передаю поручение Ивана Ивановича: видите ли, он тоскует, кусает ногти, ничего не делает. Надеялся, что ему удастся заманить к себе Мясоедова, чтобы было с кем работать, а он приехал и поместился работать у меня свою картину; [36] вот Иван Ив[анович] и думает, нельзя ли Вас выманить из Динабурга? У него есть свободные комнаты, и говорит: «Это было бы для меня чудесно. Я,— говорит,— не соберусь написать ему, ну, а Вы» и проч... Вот я и исполняю его просьбу, да и так думаю от себя: что, в самом деле, Вам там делать? [37]

И. Н. КРАМСКОЙ — И. Е. РЕПИНУ [38]

Спб. 26 марта 1878

Я хотел Вам писать о выставке и потому пишу. Я буду говорить в том порядке, в котором (по-моему) вещи по внутреннему своему достоинству располагаются на выставке. Первое место занимает Шишкина «Рожь». Уже из одного этого Вы можете судить, что такое выставка; потому что все мы знаем, что от Шишкина требовать нельзя поэзии и того захватывающего душу настроения, которое озаряет пути для художников и производит сенсацию в публике (оговорюсь, впрочем: все мнения, здесь высказанные, суть моя личная точка зрения, нисколько не обязательная, к счастью, ни для кого). Потом второе место — Репин и Ярошенко, двумя этюдами: «Дьяконом» и «Кочегаром» ⟨...⟩. Шишкина «Рожь» — одна из удачнейших вещей Шишкина вообще. Я думаю даже, что если бы она стояла каким-нибудь чудом в Салоне, то... (а впрочем, черт его знает!).

И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ [39]

Спб. 15 апреля 1878

Возьмите Шишкина. Это ли не учитель? Вам, может быть, покажется это даже смешно, но я утверждаю, что Шишкин чудесный учитель. Он способен забрать 5, 6 штук молодежи, уехать с ними в деревню и ходить на этюды, т. е. работать с ними вместе. Ведь это только и нужно. 5, 6 человек! Это не шутка, когда подумаешь, что в 10 лет из Академии вырвется один, наполовину искалеченный.

П. П. ЧИСТЯКОВ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ [40]

[Петербург. Май 1878]

Вероятно, Вы были на передвижной выставке. Я три раза был, и ладно. Есть хорошие картины. Особенно мне понравились: Засуха, встреча иконы, узник и рожь. [41]

И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ [42]

Спб. 26 ноября [18]79

Шишкин воротился из Крыма с целым ворохом рисунков и этюдов, и я должен сказать, что он взглянул на южную природу по-своему и положительно сделал успехи в колорите.

А. М. ВАСНЕЦОВ — Н. Н. ХОХРЯКОВУ [43]

[Москва]. 15 апреля 1880

Ну, был в Питере у Ив[ана] Иваныча Шишкина. Конечно, от твоих рисунков в восторге (свое мнение я писал, так же, как он, немало любовался ими), что может зависеть от него, он сде-

лает, но, во всяком разе, если за них и не приведется получить денег, он хочет сделать в среде питерских художников подписку. Виктор[44] тоже хочет сделать подписку в среде московских — и к осени ты, наверное, будешь в Питере. Шишкин говорит, что с таким талантом преступление оставаться где-то у вотяков. К лету тебе ехать в столицу, конечно, не резон, особенно пейзажисту, того же мнения и он.

И. С. ОСТРОУХОВ — А. И. МАМОНТОВУ[45]

[Петербург. 1882—1883]

Давно уж собирался я с Ильей Ефимовичем[46] побывать у Шишкина, но все как-то вместе не удавалось. Шел я сегодня из Академии, проходя мимо дома, где живет он, мне пришла мысль, дай зайду один. Скажу, что так, мол, и так, хотел быть у Вас с Репиным, но до сих пор не пришлось, потому рискнул на авось представиться сам. От мысли к делу — и я позвонил. Шишкин в довольно растрепанном виде, с грязными руками, с взъерошенными волосами, ровно старая крепкая сосна мохом поросшая, отворил дверь. Я объяснился. Ему такая форма визита очень понравилась. Он стал меня усаживать, и мы начали беседу. Через несколько минут я спросил — не отрываю ли я его от работы. Он сказал на это, что работа, за которой я застал его, пустая, и просил не стесняться. Я предложил ему продолжать свое дело, на что он перевел меня в свою мастерскую, где уселся среди чудесной мебели, превосходных этюдов и картин в рамах и разного брик-а-брак atelier на кресло и принялся за свою прерванную работу — засучил рукава, вытащил из-под стола грязный самовар и стал его скоблить и чистить. Такая это фигура чудесная была, что сегодня я несколько раз пробовал на память зачертить ее, но еще крылья коротки. Вообще и т. д.[47] Вообще принял меня сразу так по-питерски радушно, что я с первой же минуты очутился в своей тарелке.

— Так Вы хотели поступить в Академию? Оборвались? Отлично. Это счастье. Академия, знаете, как я смотрю на нее, на Вашу Академию? Это вертеп, в котором гибнет все мало-мальски талантливое, где из учеников развивают канцеляристов, где черт знает что делается; откуда все путное уходит, раз почуяв, что это за помойная яма; а сколько гибнет там, сколько гибнет, если бы Вы знали! Отлично, что оборвались, очень рад, я слышал о Вас раньше, по физиономии (!) Вы малый путный, нрав у Вас свежий (!!) веселый (!!!) работайте, работайте, только плюйте и плюйте на Академию![48]

Это первые слова его.

Я стал говорить за, стал говорить и репинские доводы.

— Репин, Репин! Не знаю, чего увлекается он так Академией? Разве по себе он не ругает ее? Ведь не будь у него кружка тех протестантов, которые отказались от золотой медали,[49] и его забила бы она. Удивляюсь ему — сам так ругает ее, а молодежь шлет туда и шлет! Серов[50] вот: какие надежды подавал, а теперь, я уверен, готов голову прозакладывать, засушит его Академия.

— Он лучше работает, Ив[ан] Ив[анович], если же суше сколько, так без этого нельзя делать школьную работу.

— Не верю теперь в него. Убьет его Академия. А какие надежды он стал было подавать...

И чем дальше, тем все злобнее и злобнее об Академии.

Я истощил все свои доводы за нее, наконец, перешел напрямик и спросил его, разве не все наши худ[ожники] прошли ее школу?

— Строго говоря, ни один, кроме Репина, Поленова и еще нескольких, но этим как-то удалось работать там более или менее самостоятельно. Остальные числились только в ней или бросили ее в самый короткий срок. Я, например, скажете, был в Академии, что имею и профессора, и медали и прочее? Да, я четыре года числился в ней, и за все это время четыре раза ходил в классы! Бросьте, бросьте эту проклятую мысль и т. д.

Такого горячего, страстного озлобления я даже не ожидал встретить у него, хотя и слышал, что он кое-что имеет против Академии.

Очень порадовался, что поступил в школу.[51]

— Вот где можно работать. Там другие условия, совсем другие. Вот откуда вышли Крамские, Васильевы. Только все же без школы они больше работали. Делайте и Вы так. Работайте дома так, как сердцу захочется, не стесняйте Вы себя этими ⟨...⟩ рецептами. Свободному искусству — работа свободная должна быть. Я птица старая и много на веку видел — поверьте мне, что слова мои искренни, и только участие к гибнущему человеку говорит во мне. А скажите, какую специальность Вы избрали себе в живописи?

На это я высказал свой юный взгляд, что не признаю специальности в искусстве, что не понимаю, как человек может замкнуться в пейзаже, например, и не выходить из него, как бы другое ни интересовало его.

— Непременно должен замкнуться, и чем у́же, тем лучше.

— Т. е. на всю жизнь ограничить себя изображением, положим, ржаного поля?

— Это немного крайне, но, пожалуй, что и так.

— Мы не можем понять друг друга. Вы уже зрелый, полный художник, я начинающий ученик, и до тех пор не соглашусь с Вами, пока не приду сам к тому же.

— Вы придете к тому, помяните мое слово. Что Вы делаете теперь, кроме школы?

— Копирую в Эрмитаже. Рисую гипсы в музее Академии.

— Бог знает, что Вы делаете. Что Вам дался гипс? Бросьте его, изучайте живое тело...

Привожу Вам наиболее характерные отрывки нашего разговора, но сколько интересных деталей опускаю за невозможностью передать всю беседу.

Я пробыл у него больше двух часов. Назавтра он просил непременно принести этюды и альбомчики мои. Только ради бога не гипсы, не то затошнит!

На другой день пришел к нему с этюдами и альбомами. Смотря их, он стал похваливать, и чем дальше, тем больше. Отлично, превосходно. Вам уже немного остается сделать. По альбомам вижу, что Вы и на жанр надежды подаете. Что ж, работайте, работайте. Вчера я только советовал бросить Вам Академию, теперь я говорю Вам прямо — она не нужна Вам. Вам остается немного — годик, другой — и Вы художник. Только поприлежней работайте. Мне нравится в Вас этот зуд. Работайте в альбомчиках, пишите этюды, копируйте фотографии, компонуйте картины. Я советую Вам обработать вот такой мотив — обработайте и принесите показать. Не то оставьте Ваш адрес — я буду заходить к Вам... Вообще, наговорил кучу любезностей, извинялся, что вчера так напугал меня разными вопросами, объяснял это тем, что не видел моих этюдов, говорил, что помнит такой момент в развитии своей покойной жены, после которого она срисовала пяток фотографий и уже вполне овладела рисунком и техникой. Нашел в некоторых этюдах много техники относительно, конечно, небольшого времени, как я занимаюсь, одним словом тррр.

Потом разговорились о Питере, сошлись в основных взглядах на искусство, художников, жизнь, он показал мне этюды, подаренные ему товарищами. Просил бывать у него, обещал показать альбомы покойного Васильева и жены, когда приведет в порядок свою квартиру... Одним словом, очаровал меня совсем. Что за чудесный, простой человек!

И. Н. КРАМСКОЙ — А. С. СУВОРИНУ [52]

Петербург. 14 февраля [18]85

Отделите картину Шишкина «Сосновый лес» [53] от соседства с настоящей живописью, и Вы увидите, как картина вырастет. Ведь как мы все, старые живописцы, пишем или, по крайней мере, писали (потому что теперь даже и мы стараемся). Например, Шишкин: пишет, положим, небо, пишет, пишет — недостало краски домазать угол, он, ничтоже сумняшеся, берет маслица, разбавляет краску, и ее хватает докрасить и т. д. Между тем в небесах у пейзажистов — живописцев нет вершка одного тона, даже в белом простом небе. Потому что, как только одна краска идет долго, так и выходит выкрашено, а не написано. И Клодт и Шишкин оба не стали хуже, а только другие ушли дальше. Но ведь есть же что-нибудь, за что они, особенно Шишкин, знамениты! Еще бы! Конечно, до Шишкина в России были пейзажисты выдуманные, такие, каких нигде и никогда не существовало (исключая Щедрина и Лебедева при Алекс[андре] I); этого мало: Шишкин остался единственным до сих пор как знаток и рисовальщик дерева вообще, и хвойного леса в особенности. Когда Шишкина не будет, тогда только поймут, что преемник ему не скоро сыщется. Одну минуту, лет 8—10 тому назад, Шишкин стал как будто искать краску, да, вероятно, привычка думать линиями и формой не легко оставляет мозг.

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ [54]

[Петербург]. 18 февраля [18]87

Понравился мне более всего большой этюд Шишкина двух сосен. [55] Я никогда ничего такого живописного у Шишкина не видал. Жаль только, падающие тени из рук вон наврапы и бездарны.

И. С. ОСТРОУХОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ [56]

[Спб.] 21 февраля 1888

У Шишкина превосходный лес [Бурелом], какого у него тоже не бывало. Удивительный старик этот Шишкин! Сколько в нем энергии, молодости и как сильно он все еще идет вперед!

В. Д. ПОЛЕНОВ — Н. В. ПОЛЕНОВОЙ [57]

[Петербург]. 25 февраля 1889

Вчера вечером был я у Ивана Ивановича Шишкина, очень много говорили и обо многом договорились. Я ему читал письмо Каманина, [58] которое его глубоко тронуло. 〈...〉

Шишкин мне даже подарил этюд, [59] что он очень редко делает — в такую я к нему взошел милость.

П. П. ЧИСТЯКОВ — К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ [60]

[Петербург]. 31 декабря 1891

Этюды И. И. Шишкина [61] хороши по рисунку и по светотени, но в колорите не все удовлетворительны.

И. С. ОСТРОУХОВ — Н. П. ОСТРОУХОВОЙ [62]

[Петербург]. 26 февраля 1897

...Поехал на выставку, оттуда к Шишкину, который был в восторге от действий московского Правления, [63] и в конце концов подарил мне удивительный рисунок углем.

Он все же очень болен и с трудом держится на ногах.

2. Из художественно-критических статей

В. В. Стасов. ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА 1871 ГОДА [1]

Из числа петербургских художников появились на выставке все трое первых: барон Клодт, гг. Шишкин и Боголюбов. ⟨...⟩ Г-н Шишкин выставил три вещи: «Сосновый лес» [2] — великолепный, как большинство пейзажей этого отличного живописца, «Вечер» [3] — большая картина с прекрасными эффектами и замирающими красными отблесками солнечного сияния на дороге, на заборе и на стенах древесных, наконец, гравюра крепкой водкой «Вид на острове Валааме», [4] на наши глаза доказывающая, что и теперь г. Шишкин хорошо владеет иглой и эффектами гравировального дела (хотя отпечатана его доска не везде довольно мягко и гармонично) и что впоследствии мы вправе ожидать от него удивительного мастерства и по этой, столь желательной для русской школы, специальности.

Г. Г. Урусов. ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХ ВЫСТАВОК В РОССИИ И МОСКОВСКОГО УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ, ВАЯНИЯ И АРХИТЕКТУРЫ [5] (1872)

Какою простотою и прелестью дышит «Сосновый лес» г. Шишкина. Г. Шишкин давно известен по своим неподражаемым рисункам пером, изображающим преимущественно лес. Его рисунки в большой известности за границею и, как слышно, имеются там, в некоторых художественных училищах, как оригиналы для изу-

чения. Настойчиво, упорно, несмотря ни на что препятствующее, изучал художник родную природу, родную сосну, березу, траву, ручейки, камешки и создал особый, шишкинский, род рисунков. Овладев же рисунком, ему легче стало подчинять себе краски, и вот пред нами одно из сильнейших произведений его мощного таланта. Вот он, наш смолистый, задумчивый красавец — сосновый лес, с его степенным шумом, смолистым ароматом... Право, остановясь перед этою картиной, замечтаешься,— ну, и не мудрено, что послышится запах и шум леса. Да это родные сосны, а не итальянские пинусы, когда-то бывшие в моде. Кому не знаком и этот ручеек, выбегший из глубины леса, с проглядывающими сквозь прозрачные струи беленькими камешками! Кому не знакомы и эти сваленные, вывернутые с корнями бурею сосны! Далеко уходит лес по лощине. В воздухе плывет, распластав крылья и высматривая добычу, коршун. Если говорят про иного мастера своего дела, что он съел собаку, то про г. Шишкина можно сказать, что он съел медведя, да не одного... За эту картину художник получил от Общества поощрения художеств премию в тысячу рублей. И поделом ему!

П. М. Ковалевский. ВТОРАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ[6] (1873)

Добросовестный и дельный г. Шишкин, кроме превосходного рисунка пером, «Речка»,[7] — в чем он не имеет у нас соперника,— выставил два больших пейзажа: 1) березовую рощу весною — свежую и правдивую передачу северной растительности, деревьев, травы, цветов... и 2) лесную глушь — почти этюд, несмотря на значительные его размеры.[8] Это один из тех удачных портретов хвойного леса, какие умеет так хорошо делать г. Шишкин. Трущоба с пнями и корнями, заплесневелыми, обросшими подушками зеленых мхов, с нагроможденным валежником, стоячею водою и теменью частых, прямых, как частокол, смолистых стволов — такой мотив этюда. Все это передано очень сильно и реально, как обыкновенно передают только знатоки своего дела. Словом, в общем я вижу больше движения, толкового и утешительного, более неустрашимости, чем трепета.

Неизвестный автор. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА В ЗАЛАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОГО ДОМА[9] (1873)

Большой пейзаж Шишкина «Лесная глушь» представляет сырой, заросший разнообразными породами деревьев лес. ⟨...⟩ Шишкин тщательно с намерением избегает всего, что способно

искусственно возвышать естественную поэтичность сюжета, каковы, например, эффекты освещения или выбор необыкновенных форм. Его лес совершенно верен природе, он вовсе не особенно красивый лес; рядом с могучими представителями лесной растительности стоят тощие деревца, жалкий мох и сухой валежник играют здесь большую роль. Освещение совершенно простое, здесь нет ни веселого весеннего солнца, ни эффектов потухающего летнего заката. Над лесом стоит обыкновенный, небогатый светом, серый полдень. Картина написана без всяких претензий, но именно потому она так нам и нравится; она прекрасна своей верностью природе, своей правдой. ⟨...⟩ Перед картинами Шишкина вы никогда не услышите разговоров по поводу каких-нибудь второстепенных частностей; там каждый инстинктивно старается уловить общую точку зрения, чтобы понять смысл целого и насладиться его впечатлением, а это и служит лучшей характеристикой того, как умеет ставить свои задачи и справляться с ними названный художник.

П. Н. Петров (?). ПЯТАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА[10] (1876)

Лучшая из четырех картин Шишкина на передвижной выставке — «Чернолесье», кроме капитальных достоинств своих, самым оживлением пейзажа посредством бокового скользящего луча невольно заставляет признать в авторе великого мастера, равного которому между русскими живописцами растительной природы еще не находилось, хотя при таком признании невольно приходит на память гениальный юноша Лебедев, распростившийся с жизнью при начале самостоятельного поприща. Мы помним первые пейзажи Шишкина — его виды Валаама. Помним, как много в них уже было задатков той силы и обширности взгляда на природу, которые составляют теперь достояние нашего неподражаемого изобразителя лесных чащ. Упорным трудом и любовию к искусству все блистательные задатки своего дарования г. Шишкин развил теперь в мощь великого мастера, которому нет в технике препятствий к выражению чего бы он ни захотел из тонко подмеченного им в природе. Вне ее теперь для Шишкина нет мотивов, и она остается для него единственным образцом для постоянного изучения, при неиссякаемом у него потоке творчества. Таково наше мнение о художнике.

Неизвестный автор. НА ПУТИ НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ И ШЕСТАЯ «ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА» [11] (1878)

Русский художник всегда остается русским. ⟨...⟩ Лучшим образчиком этой национальной самобытности мы можем поставить из наших пейзажистов талантливого художника Шишкина, превосходный портрет-картина которого работы Крамского отправлен теперь на «всемирную» выставку. [12] Под влиянием Дюссельдорфской школы он рисует немецкий пейзаж, но уже в этом пейзаже (картина составляет теперь собственность г. Воронина) можно видеть самобытную русскую складку. [13] Под влиянием этой школы с изумительной быстротой и силой развертывается в нем талант неподражаемого рисовальщика, и немцы дивятся его рисункам, как небывалой, неподражаемой вещи. Возвращается он в Россию и быстро стряхивает с себя все следы немецкого влияния. Русский пейзаж, русская природа становятся его любимой сферой творчества. Из глухих, диких лесов своей родины, из лесной глуши, из болот, заросших лесной чащью, он выходит на простор, необъятную ширь русских полей. [14]

В. В. Стасов. ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА 1878 ГОДА [15]

Наши пейзажисты представили на передвижную выставку несколько прекрасных вещей ⟨...⟩. Первое место занимает «Рожь» г. Шишкина — мотив им, кажется, еще никогда не пробованный и мастерски нынче выполненный. Эта рожь кажется сам-восемьдесят, такая она тучная, роскошная; она наполняет золотистыми отливами всю картину и только в середине разгибается в обе стороны, чтобы пропустить вьющуюся тропинку с бредущими по ней крестьянками. В двух местах из-за ржи поднимаются великолепными лиственными столбами громадные сосны, словно колонны портала.

А. В. Прахов. ВЫСТАВКА В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОГО ИСКУССТВА, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ В ПАРИЖЕ [16] (1878)

Настоящая краса всероссийского пейзажа, исполинские, почти девственные леса позднее завоевывают себе почетное место в русском искусстве, благодаря классической деятельности И. И. Шишкина. Он первый отнесся к лесу с такой искренней и глубокой любовью и первый сумел воспроизвести русский лес с таким блестящим, образцовым совершенством, по крайней мере

со стороны рисунка. «Лесная глушь» и в особенности «Сосновый бор»[17] с парою медведей под сосной с бортью останутся навсегда славным памятником этой деятельности, глубоко народной, здоровой, серьезной и суровой, как сама северная природа. Шишкин не увлекается миловидными, так сказать, жанровыми мотивами природы, где суровость пейзажа смягчается присутствием домашних животных или человека, он не увлекается также случайностью световых эффектов, на что пошел бы человек, знающий лес лишь с налету, нет, он, как истый сын дебрей русского севера, влюблен в эту непроходную суровую глушь, в эти сосны и ели, тянущиеся до небес, в глухие дикие залежи исполинских дерев, поверженных страшными стихийными бурями; он влюблен во все своеобразие каждого дерева, каждого куста, каждой травки, и как любящий сын, дорожащий каждою морщиною на лице матери, он с сыновнею преданностью, со всею суровостью глубокой искренней любви передает в этой дорогой ему стихии лесов все, все до последней мелочи, с уменьем истинно классическим.

В. В. Стасов. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ 1879 ГОДА[18]

Между всеми пейзажами передвижной выставки (которых немало, и в том числе хороших) первое место занимают картины трех художников: гг. Шишкина, М. К. Клодта и Куинджи.

«Край леса у воды»[19] г. Шишкина одно из самых-самых лучших его созданий. Этот песчаный пригорок над водой, сосны, ухватившиеся за яркий, чудесно написанный песок своими корнями, точно жилистыми пальцами лап, темная зелень на их верхушках, оранжевые стволы с черными пятнами и полосами поперек, убегающая черная глубь промеж деревьев и все это нависшее над темной водою, поверх которой клубится тяжелый воздух перед грозою,— все это мастерской, великолепный этюд с натуры.

Неизвестный автор. ДЕСЯТАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН[20] (1882)

Хотя талант Шишкина как пейзажиста признан уже давно, но до сих пор он проявлялся почти исключительно в изображении леса и именно — леса хвойного; все старание художника было, по-видимому, направлено на то, чтобы схватить общую физиономию лесного пейзажа и с мастерским искусством передать

то сочетание форм и красок, какие поражают нас в глухом бору, лесных прогалинах, оврагах, во всех бесконечных вариациях одного и того же лесного типа. Можно было думать, что художник, сознав, в чем заключается его сила, решил остановиться на всю жизнь на том мотиве, с которым он наиболее сроднился. Конечно, за ним осталась бы и тогда известность; художник и в таком случае был бы выдающимся талантом в известном роде пейзажной живописи; но подобного рода талант, как слишком специальный, не в состоянии был бы производить долго сильное впечатление; однообразный мотив мог наконец прискучить, надоесть самому художнику, которому угрожало бы отдаться рутине и варьировать на избитый сюжет без всякого участия чувства. Шишкин понял это и стал мало-помалу переходить к иным мотивам, изучать иные типы пейзажа. Появился его ряд этюдов из крымской природы, этюдов, написанных с талантом и смыслом; но художник скоро понял, что эта природа не та, с формами и красками которой он сжился. Он вернулся снова к нашему северу, но внимание его стало останавливаться на более широких и разнообразных мотивах. На нынешней выставке им выставлено четыре вещи, лучшая из коих, несомненно, «Кама». По нашему мнению, это одно из самых выдающихся приобретений новейшей русской живописи, свидетельствующее наглядно о прогрессе наших художников. Не прибегая ни к каким эффектам и с полной верностью воспроизводя природу, художник сумел передать все приволье многоводной реки, всю прелесть ее панорамы при летнем, солнечном освещении.

Перед вами плес реки, уходящей вдаль и исчезающей за следующим поворотом: направо — крутой нагорный берег, поросший бесконечным сосновым лесом, налево — далеко расстилающаяся луговая сторона. Все озарено яркими лучами июльского солнца, свет которого отражается в воде и рассыпается мелкими блестками в подымающемся над водой паре. По небу бегут облака, бросая пятнами тень на широко освещенный общий фон. Хорошо, привольно, но дико, безлюдно; только вдали, готовясь скрыться за поворотом, видпеется пароход, единственный свидетель распространяющейся культуры. Насколько мне известно, г. Шишкин еще не выступал с пейзажем, который бы обнимал такое обширное пространство и передавал бы так мастерски художественно залитые солнцем воздух и воду.

Н. П. Вагнер. ОДИННАДЦАТАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН. СТАТЬЯ ВТОРАЯ[21] (1883)

Я остановлюсь еще на двух капитальных по величине пейзажах нашего необыкновенно даровитого рисовальщика И. И. Шишкина. Это два громадных полотна, из которых на одном развертывается перед зрителем любимый сюжет художника: «Лес», по которому пролегает песчаная дорога.[22] Кто в России и за границей не знает, как умеет изображать русские леса карандаш, перо и резец этого колоссального художника? Мой добрый знакомый А. Н. Я—ий рассказывал мне, что в одном магазине картин и рисунков в Дюссельдорфе он встретил рисунки пером Шишкина. Хозяин магазина хранил их как святыню и, показывая их моему знакомому, сказал:

— Вот вещи, которые я никогда, никому не продам, потому что им нельзя назначить цену. Если бы ваш художник остановился и сосредоточился на таких рисунках, то давно бы имел громадное состояние.

Картина «Полесье», выставленная теперь художником, может послужить прекрасной иллюстрацией к этой оценке силы его таланта, оценке, сделанной дюссельдорфским купцом. В картине есть один недостаток, свойственный многим картинам Шишкина, это скучное однообразие тонов, которое в особенности чувствуется внизу картины.

Другое произведение даровитого художника имеет те же несомненные достоинства. Оно весьма оригинально по теме. Художник вздумал представить иллюстрацию к известной песне Мерзлякова «Среди долины ровныя».[23] Иллюстрация превосходно задумана и выполнена с необыкновенной симпатией. С плоскогорья открывается широкая поемная луговина, по которой вьется речка, обрамленная с одной стороны синеющими горами. Наносные тени покрывают красивыми синими пятнами почти всю долину. На этом плоскогорье стоит один «могучий дуб», «ни деревца, ни кустика кругом». Вечерние кудрявые облака, освещенные легким розоватым светом, облегли горизонт, над ними проглядывает вечернее зеленоватое небо. Бледные лучи солнца уже опускаются к горизонту, освещают дуб тусклым прощальным светом. Тихие тени стелются на первом плане и незаметно ползут к одинокому дереву. На всей картине чувствуется печальный тон, чувствуется что-то необыкновенно грустное и вместе с тем спокойное и величавое. Нет сомнения — это одна из лучших по мысли картин художника. Без сомнения, картина

выиграла бы, если бы пейзажист не утрировал тусклости освещения и придал бы немного более рельефа середине дуба, нарисованного с безукоризненной верностью и правдой.

П. Н. Полевой. XI ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА [24] (1883)

...Замечательный пейзаж г. Шишкина «Среди долины ровныя». Перед этим холстом постоянная толпа, и не мудрено: этот пейзаж, в ряду знакомых нам пейзажей Шишкина, есть явление новое, невиданное. Мы все привыкли считать нашего знаменитого пейзажиста «царем лесов», неподражаемым изобразителем лесного царства, во всех его видах, лесной жизни — во всех ее проявлениях. И вдруг Шишкин раскидывает перед нами обширную равнину, которая разлеглась кругом верст на сорок; налево, на окраине ее, проходят небольшие возвышенности, а среди поемных лугов бежит извилистая речка и местами просвечивают ее заводи. Над этою-то равниною, на плоском возвышении, стоит сочный, коренастый, развесистый дуб — великан! Между этим дубом и зрителем художник с удивительным тактом поместил волнообразные возвышения, по которым, то взбегая, то сбегая, извивается дорожка. Этот передний план и убегающая даль писаны настолько хорошо, что картина должна быть несомненно отнесена к лучшим произведениям художника, которого даже немцы-критики удостаивают прозвищем несравненного, бесподобного русского пейзажиста.

В. И. Сизов. XI ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН В МОСКВЕ [25] (1883)

Количество картин достает почтенной цифры — оно переходит за сотню. По отношению к качеству достаточно упомянуть, что Крамской и Шишкин выставили свои произведения. ⟨...⟩

В области пейзажной живописи Шишкин и на настоящей выставке премирует: его два пейзажа — «Полесье» и «Среди долины ровныя» — представляют образцовые произведения пейзажной живописи. В первой картине сосновый лес прекрасно написан, а также и песчаная дорога, по которой еле тащится тарантас. К числу достоинств этого художника, бесспорно, принадлежит и прекрасный рисунок, который высказывается в каждой былинке первого плана.

Вторая его картина интересна уже по самому сюжету, представляющему тип дуба, воспеваемого в песне «Среди долины ровныя». Такого рода задачу мы считаем для пейзажиста чрез-

вычайно плодотворной: здесь художник своей картиной поясняет те красоты нашей природы, которые в народе или в отдельном лице оставили глубокие впечатления. Таким образом русский художник-пейзажист является истолкователем эстетических чувств нашего народа по его собственным признаниям или песням. Что касается выполнения картины, то оно превосходно. Вообще картина заставляет действительно вспомнить слова песни и чувствовать их, а в этом, как мы думаем, и состояла задача художника.

Н. И. Мурашко. XI ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА[26] (1883)

Разбирая игру какого-нибудь артиста, говорят иногда: он превзошел самого себя. Жаль, что этого нельзя сказать об И. И. Шишкине. Мы знаем его «Сосновый бор», бывший на II передвижной выставке,— теперь он принадлежит П. Третьякову, «Первый снег», бывший на IV передвижной выставке, собственность Терещенко, это величавые до торжественности картины. Такую же картину мы видим и теперь на XI передвижной выставке — его «Полесье». Это картина необыкновенной глубины и прозрачности. Это уже не рельеф. Нет,— вы чувствуете расстояние вглубь от одного предмета к другому, от одного дерева к следующему. Дорога в лесу так уходит от рамы, что хоть иди по ней. Один лишь упрек можно сделать — скучна картина по тонам своим.[27] По упавшим от деревьев на площадь земли резким теням нужно думать, что это освещено летним солнцем, и вот этого-то солнечного света мало. Света с его игрой золотистой, с его тысячью то красноватых, то воздушно-синеватых переходов тут и нет, так что, грешный человек, стоишь и думаешь, не изображен ли просто серенький денек. Кстати, там и тучки ходят. Резко падающие тени сбивают с толку, и думаешь, что солнцем освещен первый план. Вообще трудно объяснить себе эту неопределенность и однообразие в колорите. Ведь мы видели у Шишкина и более колоритные вещи. Он, стало быть, не желает дать того, что мог бы дать.

Жил Иван Иванович Шишкин за границей в чудном крае, где колорит так хорош, гораздо лучше нашего. Но он им, кажется, не увлекался, рисовал пейзажи пером да изучал животных. Потом он жил на Ладожском озере у Валаама. Там суровая природа: формы вековых елей, утесов гранитных и сосен не могли дать ему колорита, а только серьезный и строгий рисунок, к которому он так душевно расположен. В последнее время

любимым местопребыванием Ивана Ивановича Шишкина стало Сиверское. Там написан Мина Моисеев[28] Крамского. Сиверское — это одна из станций железной дороги, расположенная в лесу, недалеко от Петербурга. И этот край не ахти как сияющий колоритом, но он, видимо, настолько отвечает духу и настроению художника, что он весьма неохотно его оставляет. Я, по крайней мере, умолял Ивана Ивановича приехать к нам, уверяя его, что у нас природа не так цветиста и иллюминована, как природа Италии или Крыма, но гораздо веселее той, с которой он так сдружился. И я получил категорический и прямой ответ:

— Нет, не поеду. Знаю, туда к вам приезжают некоторые из наших художников, но мне не хочется.

Знаете ли вы Ивана Ивановича Шишкина? Это большой человек, с проседью, подстриженная борода, по временам щеголь, а иногда в пиджаке таком, что думаешь, в какой глубокой древности теряется фасон его. Так же разнообразна бывает и вся обстановка художника. В лес он отправляется с топором, и встреча с медведем для него, кажется, будет только забавна. Простой и прямой в обращении. Помню, когда я при открытии школы обратился к нему первому за пособием для школы, он стал ворчать:

— К чему, говорит, ваша школа, таланту она не нужна, а ремесленнику помочь вы, пожалуй, и не думаете, да и не сумеете. Где вы найдете пособия?

Да уж будем стараться, Иван Иванович, говорю я.

Ворчит, а на стены поглядывает: что бы такое дать. И дает один этюд, другой, третий. Я благодарю, а он мне говорит:

— Погодите, надо еще рисунков вам дать.

И дал шесть пейзажных рисунков да три рисунка животных. Я только кланяюсь да благодарю.

— Стойте, говорит, надо еще рисунок пером вам дать. Дал и пером,— так что я вошел к нему бедняком, а вышел богачом.

Я привел эти черты для характеристики благодушного и прямого нрава художника. Будем же и мы откровенны ввиду того, что чтим и уважаем этого художника. Три года тому назад Иван Иванович удостоил Крым своим посещением, и Крым со своей стороны не остался в долгу у Шишкина. Он уступил ему часть своего ясного солнышка. И мы видели, как оно заиграло на одной из его картин. Она приобретена Иваном Николычем Терещенком, была три года тому назад на выставке.[29] Там превосходно передан солнечный луч, золотящий листву; привлекатель-

нейшая синева воздуха, ручей журчащий — словом, все веселит душу и интересно.

На теперешней же картине все серьезно, но зато и скучно.

А. И. Сомов. И. И. ШИШКИН КАК ГРАВЕР[30] (1883)

В группе художников, которым современная русская живопись обязана замечательным развитием в ней пейзажа, одно из первых мест принадлежит профессору Ивану Ивановичу Шишкину. Он приобрел его своею горячею любовью к природе, своим редким пониманием особенностей, свойственных ей в нашем отечестве, строгим изучением своей специальности не столько под руководством каких-либо наставников, сколько при помощи врожденной наблюдательности и усидчивого труда — короче, талантом сильным, самобытным, не зарытым под спуд. Эти качества с первым появлением произведений г. Шишкина перед публикой обратили на него общее внимание, мало-помалу распространяли его известность и, наконец, закрепили за ним славу первоклассного пейзажиста в нашей школе,— славу, которая сохранится за ним и в истории русского искусства. Г. Шишкин по всей справедливости слывет самым сильным рисовальщиком среди наших пейзажистов, удивительным знатоком растительных форм, воспроизводимых им в картинах с тонким пониманием как общего характера, так и мельчайших отличительных черт всякой породы деревьев, кустов и трав. Берется ли он за изображение соснового или елового леса — отдельные сосны и ели, точно так же, как и их совокупность, являются у него с истинной их физиономией, без всяких прикрас или убавок, в том виде и с теми частностями, которые вполне объясняются и обусловливаются местом, почвою и климатом, где художник заставляет их расти. Пишет ли он дуб или березу, эти деревья принимают у него донельзя правдивые формы в листве, ветвях, стволах и кореньях, гласящие о том, что он не только схватил их в один какой-либо определенный момент, но и старался постигнуть их прежнее существование. Эта верность формам природы, это осмысленное, полное любви отношение к избранным сюжетам кладут яркую и привлекательную печать на каждую работу, выходящую из-под кисти нашего почтенного пейзажиста.

Однако с г. Шишкиным повторилось то, что бывает почти со всяким особенно сильным рисовальщиком: наука форм далась ему в ущерб для колорита. Последний, не будучи, впрочем, у него слабым и неграмотным, все-таки не стоит на одном уровне с его мастерством в рисунке. Как быть! Каждому дано свое, и наш

живописец должен быть счастлив уже тем, что судьба сделала его полным обладателем хотя одной, но зато самой важной части в избранной им специальности.

Не знаем, как на вкус других, а на наш г. Шишкин, привлекательный во всех своих произведениях, в особенности хорош тогда, когда работает карандашом или пером, или же играет гравировальною иглою. Кто соглашается с таким нашим взглядом, тот, подобно нам, найдет объяснение этому взгляду в самих свойствах таланта нашего художника. Сверх картин, писанных масляными красками, г. Шишкин произвел на своем веку несколько десятков исполненных пером рисунков, высоко ценимых любителями этого рода произведений. Но как картины, так и рисунки искусного мастера доступны для приобретения лишь немногим избранным фортуны; большинство же смертных должны довольствоваться фотографическими снимками с тех и других. Такие снимки с произведений г. Шишкина распространены в значительном количестве и очень уважаются любителями пейзажей. Но что значит фотография, всегда тусклая и смутная, в сравнении с блестящим и сочным эстампом, оттиснутым с гравировальной металлической доски? Поэтому пришедшая г. Шишкину мысль заняться гравированием на меди крепкою водкою (офортом) была счастливою мыслью. Этот род гравюры, простой по своим приемам и благодатный по результатам, прежде всего и пуще всего требует от художника умения хорошо рисовать и некоторые навыки работы пером и мокрою тушью. Г. Шишкин был уже большой искусник по той и другой части, когда впервые вооружился гравировальною иглою и вытравил первую зачерченную ею доску. Это было в 1864 г.[31] в Цюрихе, где наш пейзажист находился в то время в качестве пенсионера Академии художеств, посланного за границу для довершения своего артистического образования. Две гравюры, исполненные им там в виде шалости, вышли, однако, настолько удачны, что не могли не внушить ему охоты более серьезно предаться офорту. Но последовавшее вскоре затем возвращение на родину, а потом необходимость много работать кистью для того, чтобы упрочить здесь свою репутацию как живописца, отвлекли нашего художника от полюбленного им дела. Только в 1870 г., когда в Петербурге образовался кружок под названием Общества русских аквафортистов, он снова принялся за гравирование, причем как более опытный между членами этого кружка помогал многим своими советами и примером. С того времени г. Шишкин не переставал заниматься офортом в минуты досуга от более многодельных и крупных художественных работ и выпускал свои

эстампы то отдельными листами, то целыми сериями, возбуждая каждый раз энтузиазм наших собирателей гравюр и заставляя их друг пред другом гоняться за первыми и лучшими оттисками этих произведений.

Одно время, с целью найти такой способ размножения своих композиций, который соединял бы в себе достоинства медного офорта с удобствами печатания в обыкновенном типографском станке, а следовательно, превосходил бы офорт в отношении дешевизны и многочисленности получаемых равносильных оттисков,— предпринял г. Шишкин ряд опытов цинкографии, или, как он назывался, выпуклого офорта. Наиболее удачные из этих опытов появлялись в журнале «Пчела» и были, бесспорно, лучшими между ее иллюстрациями. Уступая во многом настоящим офортным гравюрам, они тем не менее очень интересны, потому что в них является художник самолично, а не в истолковании ксилографа, всегда более или менее искажающего воспроизводимый им рисунок.

При своей пытливости и настойчивости г. Шишкин, конечно, продолжал бы еще трудиться над выработкой своего выпуклого офорта, если бы изобретение и новейшие успехи фотоцинкотипии не сделали подобное дело излишним.

Боясь идти наперекор скромности уважаемого профессора, не станем распространяться в похвалах таланту его как гравера. Скажем только, что если он — один из первых в ряду современных русских живописцев пейзажа, то как гравер-пейзажист — единственный и небывалый в России. Мало того, среди аквафортистов столь богатой мастерами этого рода Западной Европы найдется лишь мало соперников ему по искусству передавать в гравюре растения, особенно густые леса, сосны и ели. Живи и работай он в одном из таких центров художественной деятельности, как Париж, Лондон и Вена, или заботься он о распространении своих эстампов вообще в чужих краях,— известность его сделалась бы широкою. Но, к сожалению, он не умеет или не желает искать репутации вне пределов своей родины. Он горячий патриот и довольствуется тем, что его знают и уважают соотечественники. Среди последних в настоящую пору отдают ему за его гравюры должную дань уважения лишь немногие — горячие любители искусства и страстные собиратели русских эстампов, но придет время — мы в этом уверены,— когда офорты г. Шишкина будут высоко цениться обширным кругом людей с тонким вкусом, одинаково чутких к художественности и больших, написанных красками картин, и сравнительно маленьких,

одноцветных оттисков с гравировальных досок. Во всяком случае, имя Шишкина со временем займет одну из видных страниц в словаре пока еще немногочисленных русских peintres-graveurs.

Неизвестный автор. ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН[32] (1884)

«Лесные дали» И. И. Шишкина едва ли имеют себе на выставке соперников. Далекая перспектива лесов, покрытых легкой дымкой, выдающаяся вдали поверхность воды, небо, воздух, словом, целая панорама обыкновенной русской природы, с ее не бьющими в глаза красотами, изображена на холсте с поразительным мастерством.

Только из-под кисти заправского художника, обладающего глубоким пониманием истинных задач искусства и чувством меры, могла выйти такая прекрасная картина!

А. И. Сомов. СБОРНИКИ НОВЫХ ОФОРТОВ И. И. ШИШКИНА И ПЕРВЫХ ОПЫТОВ ГРАВИРОВАНИЯ À L'EAU — FORTE В. Е. МАКОВСКОГО[33] (1887)

В конце минувшего года вышли в свет один вслед за другим два альбома русских гравюр, представляющие высокий интерес для любителей искусства. У нас вообще составляют крайнюю редкость издания, заключающие в себе исправные воспроизведения работ отечественных художников, а еще реже сборники эстампов, в которых артист становится, так сказать, лицом к лицу перед публикою, без предательского посредничества ксилографа или без помощи автоматических способов печатания, каковы фотоцинкография и фототипия, скрадывающие значительную долю достоинства представленных ими оригиналов. Поэтому нельзя не приветствовать от души издание, в котором художник является сам и композитором, и рисовальщиком, и гравером; еще более радушной встречи достойно издание в том случае, когда единоличный его исполнитель — выдающийся талант, стяжавший себе громкую известность другими своими трудами.

К числу изданий подобного рода именно и должны быть отнесены два альбома, о которых мы повели речь.

Один из них, выпущенный в свет несколько раньше второго, содержит в себе 25 новых оригинальных офортов профессора И. И. Шишкина.

Талант нашего бесподобного пейзажиста, полагаем, достаточно известен повсюду в России, где теплится хотя бы малейший интерес к искусству. Его многолетняя усидчивая деятельность произвела многое множество картин, рисунков и гравюр, разошедшихся в массе художественной публики, и кто из видавших эти произведения многозаслуженного профессора не удивлялся его глубокому знанию форм и эффектов русской природы и его мастерству передавать ее впечатления тонко, внятно, характерно? Кого не восхищали его виды непроходимых лесных трущоб, какие можно встретить только на нашем севере, его портреты елей и сосен, растущих на песчаных обрывах или среди густых папоротников, его веселые дорожки и просеки в березовых и дубовых рощах, его широко расстилающиеся луга у берегов рек и речек, его благодатные нивы, покрывающие гладкие и холмистые местности, и, наконец, его угрюмые финляндские и крымские скалы, нависшие над морем или над загроможденным ущельем? И все эти разнообразные мотивы русского ландшафта передаются художником в высшей степени своеобразно, с ему одному свойственным пониманием и чувством природы, свидетельствующим о его безграничной любви к родине. Эта оригинальность, в связи с мастерством рисовальщика и вообще техники, ставит г. Шишкина высоко среди современных пейзажистов не только России, но и Западной Европы. Но как на солнце имеются пятна, так и г. Шишкин не свободен от недостатков; они относятся к его колориту в масляной живописи, в котором желательно было бы видеть несколько побольше силы и правды, хотя среди картин его найдутся и безупречные даже в этом отношении. Зато всякий раз, когда художник наш кладет в сторону кисти и вооружается карандашом, рисовальным пером или гравировальною иглою, под его рукою создаются пейзажи замечательные столько же по силе и гармоничности тонов, сколько и по магистральности рисунка.

На это обстоятельство мы не раз уже указывали в нашем издании, когда приходилось говорить в нем о г. Шишкине, и опять должны указать по поводу лежащей пред нами серии его офортов, которой он только что увеличил свой уже и без того почтенный гравировальный oeuvre. В новоизданном его альбоме что ни лист — великолепная картина, целиком схваченная из природы, но опоэтизированная чувством художника и притом исполненная с таким совершенством, которому мог бы позавидовать любой из знаменитейших европейских мастеров.

П. М. Ковалевский. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ В ПЕТЕРБУРГЕ. XV ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА И АКАДЕМИЧЕСКАЯ [34] (1887)

Говорить о правде, силе и мастерстве пейзажей г. Шишкина уж даже и не приходится. Кто же этого не знает? Его дубы, прошлогодние и теперешние, его пески с соснами, которые он если не создал, но с которыми положительно сроднился, никем и никогда еще у нас так не передавались. Тут мастерство и полное овладение предметом достигли пределов возможного. Далее идти нельзя и более сказать о г. Шишкине нечего. Его нынешние работы, [35] если хотите, большие этюды. Оттого-то они и смотрят живыми отрывками из природы. Ничего нет сочиненного — одна самая чистая правда.

И. И. Ясинский. ПРОФЕССОР И. И. ШИШКИН [36] (1888)

К числу замечательнейших наших пейзажистов принадлежит Иван Иванович Шишкин. Под ударами его могучей кисти русский пейзаж достиг высокой степени совершенства и стал национальным по преимуществу. Достаточно взглянуть на любую картину Шишкина, чтобы сказать: «Это писал русский человек, с самобытным взглядом на искусство, с самобытным художественным приемом, горячо любящий родину и превосходно знающий ее». ⟨...⟩ для критика и историка искусства особенное значение имеют только те таланты, которые кладут своим развитием печать на известную эпоху, переживаемую искусством. Как Репин — большинством своих картин и Верещагин — своими туркестанскими картинами отметили неизгладимою печатью искусство наших дней в области исторической живописи и серьезного драматического жанра, так Шишкин отметил собою пейзаж наших дней и первый проложил в его дебрях широкие и смелые просеки. Будущий историк с уважением остановится на художественной деятельности Шишкина, и в его истории имя Шишкина займет почетную страницу.

От картин Шишкина веет чисто русской грустью и задумчивостью. Но это грустит и задумывается не сентиментальная душа нервного и слезливого гражданина, а грустит богатырь, закованный в броню, мощный, широкоплечий — Илья Муромец. Недаром Шишкин пишет почти исключительно лес. Поэт и певец лесов дремучих, Шишкин чувствует себя свободным в чаще красноречиво шумящих исполинских дубов и грабов. Сильными взмахами кисти растит он деревья, одевает их шелестящей листвой, заставляет их сучья переплетаться между собою, покрывает их корни

мхом, как Илью Муромца — бронею, одевает он корой столетний дуб, зелеными иглами мохнатит угрюмые сосны и поседевшие от времени ели; когда же чересчур пасмурно глядит его лес, он, как волшебную палочку, протянет свою кисть, и — глядишь — запестрели прогалины крупными лесными цветами, и далеко на солнце белеют их маковки.

Неизвестный автор. И. И. ШИШКИН [37] (1888)

Иван Иванович Шишкин — талант крупный, первостепенный и совершенно самобытный. Это в полном смысле слова пейзажист севера. Уроженец Вятской губернии, он с детства полюбил древесную густоту наших хвойных лесов, привязался к этому сереньkому северному пейзажу. Не ищите в его картинах сочных, ярких красок, южных цветов, ослепительных эффектов. От его произведений веет родным, упоительным русским летом, теплом, затишьем, миром, простотой, безыскусственностью...

Пробовал Иван Иванович ездить на юг, познакомиться с горячим полуденным колоритом. Но — увы! Слишком он был северянином, для того чтобы забыть все прежнее для новых красок. На его палитре не нашлось блеска, мягкости, если хотите — слащавости южных тонов. Да его и не манили жгучие, затопленные солнцем пейзажи. Он выжидал пасмурных дней, забирался в горы, искал нашу северную сосну, писал мрачные, затянутые сизым покровом туч вершины Чатыр-Дага и показал нам Крым не с его праздничной, улыбающейся стороны, а со стороны будничной, хмурой, когда от дождя все краски сбегают и роскошная декорация превращается в самую серенькую заурядную натуру.

П. П. Гнедич. ХУДОЖНИКИ И ХУДОЖЕСТВА [38] (1889)

Почетное место — г. Шишкину за две его картины: «Утро в сосновом лесу» и «Идриас». [39] Первый холст чрезвычайно оригинален своим идиллическим содержанием. Утренний туман тихо вздымается, прогоняемый дневным теплом. Лесные обитатели проснулись, в том числе и семья медведей, копошащихся возле старых смолистых сосен. Медвежата эквилибрируют на стволах и наслаждаются жизнью в полное удовольствие. «Идриас» — интересен по своему мотиву. Это колоссальный обрыв на берегу Финского залива в Эстляндской губернии, одно из красивейших мест в нашей северной полосе. Верх обрыва представляет ров-

ную плоскость, засеянную рожью. Внизу растут густые деревья и вкраплены огромные валуны. Картина очень удалась художнику.

Неизвестный автор. ВЫСТАВКА ЭТЮДОВ И. И. ШИШКИНА[40] (1891)

В половине октября откроется выставка, которая несомненно привлечет всех интересующихся у нас художеством. Это выставка этюдов и рисунков И. И. Шишкина, обнимающая собою его деятельность за тридцать лет, начиная с шестидесятых годов.[41] Хотя за это время у И. И. Шишкина набралось громадное количество всевозможных этюдов, так как он всегда отличался редким прилежанием, но для выставки им выбрано только около двухсот номеров, в том числе до тридцати больших этюдов, почти картин, написанных им в последние годы. Подобной ретроспективной выставки у нас еще не было, и г. Шишкин делает почин в этом отношении. Интерес новизны выставки усиливается еще возможностью наглядно проследить развитие одного из крупнейших наших художественных талантов, поэта русского пейзажа, каким является Шишкин. Он первый между русскими пейзажистами освободился от стеснительных оков и преданий прежней школы и дал пейзажу в нашей живописи настоящее, а не прежнее условное значение. Кто припомнит пейзажи Воробьева, учителя Шишкина, тот согласится, какой громадный шаг сделали русские пейзажисты вместе с Шишкиным и благодаря ему. Уже одна техническая манера письма его указывает размеры прогресса. Исчезла вся заказанность прежнего пейзажа, в котором всегда с темных фонов стремились к осветлению, исчезла условность и сочиненность его. Несмотря на то что северная природа, казалось бы, не особенно благоприятствовала пейзажу, глядя на картины Шишкина, этого не подумаешь: такое разнообразие сюжетов умел он всегда почерпать в этой скудной природе с ее тусклым и капризным освещением, таким живым мастером явился он в передаче ее картин, особливо в картинах нашего леса.

Когда Шишкин начинал свою деятельность, у него были товарищи, его сверстники — Гине и Джогин. Но оба, несмотря на дарование, в сущности, ничего не сделали, и теперь даже имена их мало кому известны, кроме разве записных любителей пейзажа; имя же Шишкина распространено по всей России.

Художники относятся к этюдам ревнивее, чем к своим картинам, неохотно показывают их, неохотно расстаются с ними. Все почти номера, которые будут находиться на выставке, о ко-

торой идет речь, не пускаются в продажу, за исключением только немногих работ двух, трех последних годов, имеющих гораздо более характер картин, чем этюдов.

А. А. Киселев. ВЫСТАВКА ЭТЮДОВ И. И. ШИШКИНА [42] (1891)

В Петербурге, в залах Академии художеств 26 ноября открылись две выставки: картин, этюдов и эскизов И. Е. Репина и этюдов, офортов, рисунков и т. д. И. И. Шишкина. Выставки эти несомненно должны произвести грандиозное впечатление. И. Е. Репин является здесь с новыми своими произведениями огромных размеров 〈...〉.

Выставка И. И. Шишкина представляет совершенно иной характер. Здесь собрано им все лучшее из всех его этюдов за время его художественной деятельности с 1848 по 1891 год, вся та закулисная, никогда не выставлявшаяся им напоказ работа с натуры, служившая знаменитому нашему пейзажисту лишь материалом для его художественных созданий. По этой выставке, следовательно, можно видеть весь последующий ход развития его выдающегося таланта от поступления его учеником в Академию художеств и до последней поры его маститой зрелости. За всю свою трудовую жизнь много создал он прекрасных картин, стяжавших ему неувядаемую славу во всех концах России и за границей, славу первого русского пейзажиста наших северных лесов, недаром утвердившую за ним прозвище «лесного царя». Но для каждой своей картины он писал десятки и сотни этюдов и целые альбомы наполнял рисунками своего беспримерного карандаша и пера. Из всего этого материала он отобрал теперь около 300 нумеров и решился показать их публике. Если бы он ничего не произвел более, как только половину выставленных теперь этюдов и рисунков, и тогда слава его была бы обеспечена навсегда. Но, помимо художественного интереса, выставка эта дает интерес, так сказать, биографический. Она рисует полную картину постепенного расцвета сил художника, не ослабевающих до последнего дня, до последнего мазка его кисти. Новейшие его этюды (последних четырех, пяти лет) мы имели случай видеть еще в его мастерской и были поражены могучей силой правды его рисунка и колорита, с каждым годом все более освобождающегося от условных красок его старинного письма, несколько сухого, вялого и однотипного. Редко кому выпадает на долю такой счастливый случай подвести итоги так наглядно, за такой продолжительный период своей деятельности, воочию

убедиться в плодотворности этой деятельности и иметь право сказать себе: «Да, я трудился недаром, шел постоянно к цели и не ослабевал до настоящей минуты». Остается только пожелать, чтобы эта сила и бодрость в художественном деле, какую выказал И. И. Шишкин за все время своей художественной карьеры и в особенности в последних его этюдах, долго еще не покидала нашего маститого и всеми любимого пейзажиста.

Оставляя оценку выставки И. Е. Репина до другого раза, мы коснулись этюдной выставки И. И. Шишкина главным образом потому, что в «Новом времени», в день открытия выставки 26 ноября, появился отзыв о ней г. «Жителя», дающий совершенно превратное, по нашему мнению, толкование всей деятельности И. И. Шишкина. Не касаясь вопроса о том, насколько г. Шишкин поэт в создании своих пейзажей, и соглашаясь с г. «Жителем» в полном реализме шишкинского творчества, мы не можем, однако, согласиться с автором отзыва, что поэтичность шишкинского пейзажа сказывалась только под влиянием на него Калама (какового влияния никогда не было, ни прямого, ни косвенного) и что поэтичность эту погубило в г. Шишкине давление на него реалистических воззрений дурной хвалебной критики, превозносившей грубый реализм кружка товарищей передвижников, к которым принадлежит и И. И. Шишкин. По-видимому, ни один рецензент не может обойтись без камня за пазухой, припасенного для своего собрата по ремеслу.[43] И г. «Житель» обнаружил этот камень, направив его на соперника, трубившего хвалебные гимны передвижникам как протестантам Академии. Может быть, он и прав, но нам нет дела до их распри, но за что же при этом достается передвижникам, никогда не поддававшимся влиянию этих хвалебных отзывов, особенно по части манеры живописи и вообще по специальным художественным вопросам? Еще удивительнее, что камень этот по дороге задевает И. И. Шишкина, постоянно совершенствующего свою технику и именно в последних своих этюдах жизненностью тонкой, изящной и сочной живописи ушедшего далеко вперед от Калама и его школы, всегда условной, манерной и слащавой, хотя в свое время Калам и оказал большую услугу пейзажной живописи. Если в этих этюдах нет поэтичности, так кто же ищет ее в этюдах? Ведь это сырой материал, это непосредственное отношение художника к натуре только как к материалу, а поэзия может сказаться только в переработке этого материала в картину. Физиономия г. Шишкина как пейзажиста вылилась в ярко очерченную форму, которой он никогда не изменял от

начала и до конца своей деятельности. Он — реалист убежденный, реалист до мозга костей, глубоко чувствующий и горячо любящий красоту леса, как в его отдельных типичных особенностях, так и в массе.

Правда, он лучше чувствует изящество рисунка, чем изящество тона, колорита, и поэтому в его работах пером, и в особенности в неподражаемых офортах, более поэзии и изящества, чем в его живописи, но где же эта «тузовая» грубость мазка, в которой он провинился перед «Жителем»? И справедливо ли ставить в строку такому бесспорному знатоку и художнику лесных дебрей единственную его неудачную попытку экскурсии в поэзию Лермонтова, где реализм его оказался не у места.[44]

И. Ф. Василевский. ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАБРОСКИ[45] (1891)

В Академии художеств публика инспектирует теперь два художественных смотра. Заглавные таланты нашей живописи И. Е. Репин и И. И. Шишкин выставили массу этюдов за все время своей долгой и блестящей деятельности. ⟨...⟩

Весь Шишкин перед нами. Выставка обличает в нем строго-систематического человека. Художник привел в безукоризненный порядок огромный черновой материал, свой «архив», и расположил его в хронологической последовательности и связности. Шишкинская коллекция начинается детскими опытами знаменитого пейзажиста — карандашными рисунками, изображающими собор в Елабуге, какого-то господина, прикорнувшего на диване, мальчика за книгами,[46] — дает указания, и поразительные, о всех стадиях дальнейшего развития таланта, мужания его и нарастания и кончается современными, вчерашними эскизами и подготовками. В этом зале — настоящее «лесное царство». Направо и налево, вверху и внизу зеленые тоны и полутоны. Очевидно, что художник на первых же порах своей карьеры нащупал свое призвание, свой вид для творчества и сосредоточился на нем исключительно, сполна. Шишкин всегда писал и пишет лес, лес и только лес. Он не знал и не позволял себе никаких дилетантских экскурсий в иные отделы живописи. Серьезно поставленное искусство требует специализации. Это вы видите у Шишкина и на Шишкине. У него есть, например, целая стена этюдов, портретировавших только облака, одни облака. В другом отделе — работы над эффектами стоячей воды, в третьем отделе штудируются древесные корни и земляные расселины и т. д. Крупные экземпляры растительности были для Шишкина вполне характерными, само-

стоятельными особями. На многих десятках недоделанных полотен фигурируют у него словно выписанные «портреты» одиноких дубов, сосен, елей, берез, буков. На других полотнах — игра в переливы солнца, света, теней. Для вас ясно и несомненно, что живая природа была непосредственным учителем и вдохновителем художника. Он лишь претворял и идеализировал ее по-своему. Шишкинская выставка — торжество и апофеоз художественной правде, труду и добросовестности.

В. В. Стасов. ВОТ НАШИ СТРОГИЕ ЦЕНИТЕЛИ И СУДЬИ[47] (1892)

Я имею возможность сказать лишь немного слов про выставку Шишкина. Она вся состоит из «этюдов», которые так высоки в глазах всякого, любящего и понимающего художество, и так ничтожны в глазах невежд. Здесь было множество самых драгоценных художественных страниц. Ведь эта выставка плод 40-летних трудов, изучений, наблюдений. Шишкин — художник народный. Всю жизнь он изучал русский, преимущественно северный лес, русское дерево, русскую чащу, русскую глушь. Это его царство, и тут он не имеет соперников, он единственный. Иные рисунки пером, иные гравюры, его офорты еще выше, чем картины, такова их сила, изящество и поразительная правда, такова любовь к ним автора. Тут есть лес, и дерево, и чаща, во все часы дня, от зари и до зари, во все времена года, кроме зимы, и это удивительно для Шишкина; впрочем, в последние годы у него явился и снег, чудесно воспроизведенный,— лес, дерево и чаща вдоль всей Волги, начиная от ее крошечных, незаметных истоков и до устья, есть сотни лесных «сцен», будящих мысль и фантазию. Но как рассмотреть и описать целых 500 картин, целую художественную жизнь человека, влюбленного в свое дело и никогда его не покидавшего?

Однако же и тут отличились наши критики. Все вообще похваливали Шишкина, но вместе с тем одни вздумали тут же жалеть, зачем ему «на первых порах не посчастливилось найти руководителя и руководство! Что бы тогда создал его талант и любовь к искусству!» Другие же объявляли на весь свет, что Шишкин — ученик Калама и что первая лучшая манера Шишкина — есть каламовская. Кому верить, кого слушать? Я думаю, оба хороши, но главное: Шишкин — последователь и копиист Калама! Ха-ха-ха-ха-ха!!! Откуда, скажите ради бога, откуда только этакие доки и знатоки, такие ценители и судьи берутся?! А ведь преспокойно печатают.

В. В. Чуйко. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ гг. РЕПИНА И ШИШКИНА[48] (1892)

Без всякого сомнения, гг. Репин и Шишкин являются самыми даровитыми и серьезными представителями той школы русской живописи, которая может быть названа реальной по преимуществу, если под словом реализм мы условимся понимать отрицание всех школьных, академических традиций, непосредственное и живое чувство действительности, преобладание сознания над чувством, отсутствие почти полное и в большинстве случаев сознательное всех идеалистических представлений в сфере пластических искусств. Между гг. Репиным и Шишкиным можно заметить много общего в признании — вольном или невольном — именно этих главнейших положений реалистической школы. Оба они — поклонники действительности, не прикрашенной, не нарядной, непосредственной 〈...〉.

В. В. Чуйко. ДВЕ ВЫСТАВКИ[49] (1893)

Петербургский сезон художественных выставок открылся пейзажными выставками И. И. Шишкина в Академии художеств[50] и Л. Ф. Лагорио в императорском Обществе поощрения художеств. Обе выставки представляют значительный художественный интерес, хотя с различных точек зрения. И. И. Шишкин выставил свои этюды (числом 58), написанные им в нынешнее лето в окрестностях Петербурга и Беловежской пущи 〈...〉. Можно догадаться, что сделать выставку своих этюдов И. И. Шишкина побудила отчасти, по крайней мере, мысль познакомить публику с новыми сторонами его первоклассного таланта, еще малоизвестными, с той новою манерою, с которой он в настоящее время выступает. 〈...〉 До сих пор И. И. Шишкин, за весьма малым исключением, приучил нас видеть в нем поэта хвойного леса по преимуществу и северной природы. Прошлогодняя его выставка открыла нам в ряде последовательных картин весь процесс и развитие его таланта от первых робких шагов на поприще пейзажной живописи до крайних пределов совершенства, в особенности в рисунках. И. И. Шишкин, как известно, северянин, уроженец, если не ошибаемся, Вятской губернии. Не мудрено поэтому, что, проживая или на своей родине, или в Петербурге, он изучал по преимуществу северную природу. Это отразилось отчасти на его колорите; его колорит всегда был несколько тусклый, однообразный, недостаточно яркий; мы привыкли в нем видеть великого

рисовальщика, одного из лучших (если не лучшего) знатока и поэта северной природы, но качества колорита приписывали ему лишь отчасти. Однако г. Шишкин не остановился на полдороге; мало-помалу и он стал увлекаться световыми эффектами, и уже в прошлом году можно было видеть, что и в колорите он может сделаться истинным виртуозом, если захочет. Нынешняя выставка еще более подтверждает наше мнение. Трудно представить себе, не видя настоящих этюдов г. Шишкина, всю прелестную фантасмагорию красок и цветов, поражающих зрителя, в особенности в его больших этюдах Беловежской пущи. Впрочем, необходимо оговориться: г. Шишкин, вероятно из скромности, называет свою выставку выставкой этюдов; в действительности же большая часть этих этюдов, и, прибавим, огромная часть, настоящие картины не только по размерам, но и по законченности. Дело, конечно, не в том, что эти картины писаны с натуры и воспроизводят один лишь уголок сюжета, а в том, что в них г. Шишкин является субъективным художником. Он в этих картинах не только добросовестно и объективно изучает природу, характер растительности, свойства почвы и пр., как обыкновенно делают художники в своих этюдах, являющихся, таким образом, лишь материалом для будущих картин, нет, г. Шишкин в своих нынешних картинах дал в известных пределах волю своему творчеству и придает изображаемой природе поэтический оттенок, так что в его картинах, как и следует, природа является не простым материалом, она является уже претворенною творческим духом художника. С другой стороны, нельзя не заметить, что нынешняя выставка знакомит нас с г. Шишкиным как с колористом. Вероятно, изучение природы в Беловежской пуще усилило в нем элементы колорита, и это отразилось даже на тех картинах его, которые взяты из северной природы, с островов Аптекарского, Крестовского, Каменного. Нечего говорить, что рисунки нашего художника и тут представляют ту замечательную чистоту и совершенство, которыми он всегда отличался.

Неизвестный автор. У ПЕРЕДВИЖНИКОВ [51] (1893)

Лучшая картина выставки, бесспорно,— «Старый валежник» Шишкина, который смело можно поставить в один ряд с лучшими его «лесами». Как бы мало чутки вы ни были к красотам пейзажа в природе ли или на картине, вы не можете не поддаться тому мирному, успокаивающему настроению, каким пропитан «Валежник», с пробивающимися через густые ветви го-

рячими летними лучами, которые золотыми веселыми пятнами ложатся по свежему зеленому мху и наполняют жизнью этот тихий уголок.

Никто, кажется, не спорит, что истинная задача пейзажной картины — создать в смотрящем на нее известное более или менее тонкое настроение, более или менее приближающееся к тому, какое в самом художнике вызвала изображенная действительность и какого непосредственно не может она дать обыкновенному смертному.

Картина Шишкина достигает этой цели в совершенстве: недаром перед ней всегда толпится несколько человек, недаром, обойдя всю выставку, опять возвращаешься к «Старому валежнику» и не хочется уходить из этого угла, где так хорошо пахнет смолою и мхом и пробившееся сквозь зонт хвои солнце ласкается к зеленому пушистому ковру, где все навевает тихую сладкую дрему и гонит прочь всякую мысль об оставшейся там, позади опушки, суетливой сутолоке...

А. П. Новицкий. ГАЛЕРЕЯ П. М. ТРЕТЬЯКОВА [52] (1893)

Перейдем теперь к нашему маститому живописцу хвойных лесов И. И. Шишкину (род. в 1831 г.). У нас нет другого такого превосходного рисовальщика, с такою любовью и даже самоотвержением изучавшего часто нездоровые, сырые местности хвойных глушей и при этом, в некоторых картинах, достигающего такой высокой поэзии, как только что названный маститый художник. Отдавая ему полную справедливость в необыкновенном знании рисунка и в самом тщательном изучении дерева, некоторые из наших художественных критиков тем не менее упрекают его в отсутствии той чарующей поэзии, которая охватывает всякого, входящего в прохладу и тишину девственного леса. Но, как мы уже заметили, это не вполне справедливо. Если это можно сказать про некоторые, худшие произведения его, то в своих лучших произведениях он достигает такого совершенства, что самые краски и холст как бы исчезают и зритель чувствует пред собою настоящий лес, с вековыми соснами, с поросшим густым мхом валежником, чувствует всю его чарующую прелесть и не может оторваться от него, не может заставить себя видеть пред собою картину, а не выхваченный и запечатленный художником уголок природы. Напомним хотя бы последнюю картину его на передвижной выставке нынешнего года «Валежник». Таковы же и собранные здесь картины: «Ручей в лесу», которая получила

1-ю премию от Общества поощрения художников, несмотря на то, что конкурентом с ним в данном случае явился тоже замечательный художник Ф. А. Васильев и тоже с одною из лучших своих работ; затем «Рожь», «Сосновый лес» и др. Всех картин, здесь собранных, двадцать четыре и восемь различных рисунков, из которых три исполнены пером. В этой же манере И. И. Шишкин решительно не имеет у нас себе соперников, так же, как и в офорте.

В. М. Михеев. РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ В ГОРОДСКОЙ ГАЛЕРЕЕ П. И С. ТРЕТЬЯКОВЫХ[53] (1894)

...Если мы имеем патриарха мариниста в лице И. К. Айвазовского, то хотя и более молодой, но не менее плодовитый И. И. Шишкин — истинный патриарх лесов в нашей живописи.

Кто знает эту характерную седую голову, уже много лет склоненную над изображением леса, кто изучил эти изображения в бесконечном количестве картин и этюдов, для того образ этого патриарха лесного пейзажа имеет необыкновенно яркую характерность и цельность... Еще недавно выставка его этюдов подвела как бы итог его многолетней деятельности.

Действительно, целые годы, не опуская рук, работает г. Шишкин над воспроизведением всевозможных подробностей нашего леса. Мастер рисунка, он долгое время вел борьбу с недостатками своего дарования: с некоторой сухостью и бедностью колорита. И недавно, на одной из последних передвижных выставок, появился истинный трофей победы его в этой борьбе: прошлогодний валежник, мы не помним, к сожалению, точного названия, поросший новой сочной зеленью мхов, заткавшей его мелкими бархатными листьями, изображенный И. И. Шишкиным с такой свежестью колорита, какой у него еще никогда не бывало. Эта картина, выставленная в прошлом году в Москве, находится теперь на передвижной выставке в Петербурге.

⟨...⟩Шишкин именно изучил лес; он исследовал все его подробности, но не воспел его, как воспели море, каждый по-своему, гг. Айвазовский и Судковский.[54] Быть может, сам этот северный «дремучий лес» менее настраивает душу на лирический порыв, чем море; быть может, бесконечно богатый и разнообразный в своих подробностях, он под тенью своих ветвей так манит к здоровому, спокойному созерцанию его тайн, что личность его созерцателя постепенно исчезает, и только природа леса охватывает всецело художника.

Именно такое впечатление относительно процесса творчества И. И. Шишкина производят на нас его работы. Он в большинстве своих произведений несколько сух и скуп в колорите, поэтическое настроение как будто бы чуждо его кисти. Но зато сколько правды и тонкого понимания в его изображениях леса! Надо долго всматриваться в его работы, чтобы почувствовать, как постепенно будто запах леса начинает отуманивать вашу голову и живая, истинно живая индивидуальная жизнь сосен, елей, ржи — под развесистыми вершинами немногих деревьев — охватывает вас своей тщательно изученной правдой.

Вглядитесь особенно в его этюды, в его «сосны», «грибы», в его «цветы», «папоротники», в его «горную дорожку», в его «камни» и «ручей»... Уйдите взглядом в этот седой туман лесной дали, в «Медвежье семейство в лесу» или в прихотливую чащу его «Дебрей»,[55] и вы поймете, с каким знатоком леса, с каким сильным объективным художником имеете дело. И если цельности вашего впечатления помешает что-нибудь в его картинах, то никак не деталь леса, а, например, фигуры медведей, трактовка которых заставляет желать многого и немало портит общую картину, где поместил их художник. Очевидно, мастер — специалист леса — далеко не так силен в изображении животных. Впрочем, он ими и не злоупотребляет. Входите смело в его дебри и рощи; в большинстве случаев вы будете там одиноки. Объективное спокойствие их изображений охватит вас тишиной и миром, и вы забудете о всем живом в глуши и тени дерев.

Да, несмотря на несомненную объективность и сухость большинства работ г. Шишкина, точность изображений, их правда действует непобедимо на зрителя, целостно охватывает его внимание и приковывает к себе его глаза. Г. Шишкин не поэт леса, он его тонкий, глубокий бытописатель.

В. И. Немирович-Данченко. ПОЭТ ПРИРОДЫ (ПО ПОВОДУ «60 ОФОРТОВ ИВ. ИВ. ШИШКИНА», ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА)[56] (1895)

I

Ни об одном из наших современных художников не хочется сказать так много и по душе, как об Иване Ивановиче Шишкине, и едва ли кто-нибудь из его товарищей представляет собою такой цельный и законченный образ, такую характерную фигуру, какою является этот истинный «поэт природы». Лучшего определения ему трудно подыскать. Он действительно живет с нею одною жизнью, весь отдается ей, и она не имеет от своего истолко-

вателя никаких тайн. Вглядитесь в портрет нашего «лесовика» (да простит мне читатель это выражение), не только вглядитесь, но вдумайтесь в этого крепкого и сильного человека, от которого веет на вас смолистым и здоровым запахом темного бора, мощью старорусских заповедных дебрей.

Он и сложен так же, как слажены «кондовые» сосны, на диво поднявшиеся из, по-видимому, бесплодных песков. А. Ф. Маркс очень хорошо сделал, что к собранию этих 60 офортов приложил и портрет, исполненный тем же способом самим художником. Он превосходно передает не только внешний облик Ивана Ивановича Шишкина — он говорит вашей душе, вы понимаете человека — по спокойным, пристальным и вдумчивым глазам узнаете его манеру наблюдать и всматриваться в сокровенные красоты скромной природы нашего Севера. Это живое лицо, разом делающее вас, постороннего обозревателя, знакомым художника. Мне, по крайней мере, так и рисовалось утопающее в сумраке и прохладе чернолесье, с тихим лепетом ключа в овраге, с огнистым и расплывчатым закатом солнечных лучей, проникающих сюда сквозь переплеты вершин, и посреди этой свежести и тишины — художник, таким, каков он сейчас передо мной в своем офорте 〈...〉.

II

«Поэт природы» — именно. Поэт, думающий ее образами, разбирающий красоту ее там, где простой смертный пройдет равнодушно, безучастно. Для Ивана Ивановича Шишкина, как для настоящего поэта, в его родной стихии нет великого или малого. Достаточно треплющихся по ветру былинок, цветов, поднявшихся над травою, широких и запыленных листьев лопуха, чтобы в его творческой фантазии создались картины, полные истинной прелести и силы. Дымок, стелющийся вдали между стволами сосен, просветы неба сквозь дремлющие ветви — все это говорит его сердцу, а в истолковании художника и нашему. Вы видите, что это все живет, чувствует, теплится, дышит под его кистью и карандашом. Вас самих тянет прочь от душного, шумного и суетливого города в величавое и торжественное своим спокойным говором зеленое царство 〈...〉 Его «Лесные цветы» — ведь это сама идиллия, переданная в живом образе. Крошечный рисунок, — но вы чувствуете его жизненную правду, вы вместе с этим поэтом природы понимаете, что в ней нет и не должно быть малого и незначительного. Лесной ручей (офорт № 2) чуть струится в камнях. Кругом молчат деревья, хранящие в своих листах свежесть. Трава, напоенная его живительной водой,

пышно раскидывается кругом. Так тихо и сладко делается на душе — точно в нее самую художник перенес мистический покой и благоговейное молчание своего возлюбленного леса.

III

Если бы я хотел дать полное понятие о собрании офортов, мне пришлось бы перечислять все его нумера. Нужно некоторое принуждение над собою, чтобы говорить не о всех. Ну как миновать, например, этот несравненный уголок леса («На порубке», № 5) ночью. Темное небо вызвездило. Полное какой-то неразгаданной тайны, оно мерещится вам за черными стволами деревьев, некоторые из них уже легли под топором. Далеко из глубины бора светится огонек костра. А ночь кругом молчит, и за вершинами неподвижных лесных великанов ее загадочные созвездия медленно и торжественно совершают обычный свой оборот над окутанной мраком землею ⟨...⟩ Ясный день — ручей капризно змеится и пропадает вдали чуть различимым извивом. Белые, полные солнечного света облака высоко поднялись над уголком расступившегося леса, и на их мареве чернеют привольно раскинутые крылья птиц. И опять ночь зимняя, лунная. Звезды чуть теплятся. Воздуха так много между этими опушенными снегом соснами и елями. Вдали, на темном фоне неба они только чудятся. Точно стоят там трудно различимые фантомы, а перед вами полянка, облитая мечтательным светом месяца, сквозь пуховины осыпавшего их снега торчат стебли оставшихся от лета растений, и в белом тонком насте они же чернеют, неподвижные и безжизненные. Далеко-далеко между деревьями тускло светятся другие, чуть тронутые луной, полянки.

IV

Как хороши все эти маленькие «поэмы в рисунках» у нашего поэта природы. Посмотрите на это море. Обрыв чуть покрыт землею каменного берега, могучее дерево уцепилось на нем, пустило в его расщелины свои крепкие корни и пышно облиствело под солнцем над полувоздушной далью. Чайки реют внизу. Движение бездонных вод чудится — вы его видите не глазами, а чувствуете. Дальше — дальше белеет парус. Куда несется он по лазурной пустыне? А вот задумчивая, полная света и красоты южная ночь. Черные и мрачные скалы Гурзуфа обрываются пугающими воображение массами — опять в то же чуть зыблющееся безбрежное море. Месяц, чуть тронутый узенькою тучкою, отразился в его глубинах. Тишина, безлюдье, простор — только этот камень

да мерцающие воды что-то без слов говорят вашей душе. А вот еще (№ 37) — выступ Аю-Дага за великолепной южной сосною — чудным образчиком творчества этой природы. Море спокойно лежит в мощных объятиях скал. Оно не волнуется и не кажется засыпающим. Жарко. Солнце отражено облаками, какие-то черные птицы несутся над ними. Не предвестники ли бури? Но до чего мы мало еще знаем наших лучших художников. Право, начинаешь верить, что артистка провинциального театра, после «Ревизора» пожелавшая немедленно поехать в Петербург пожать руку Гоголю,— не анекдот. Ведь и Ивана Ивановича Шишкина многие грамотные люди считают исключительно автором «сосен» и северных лесных пустынь. А между тем под его карандашом и кистью также живет и воскресает перед нами далекое теплое море, высятся мощные Крымские скалы (№ 36, 58). Самый камень в его руках полон странной, несколько мрачной красоты. Через утес в другой бьет солнце. Он так и горит перед нами, весь расписанный загадочными трещинами. Скала впереди бросает на него резкую тень, в щели между ними вы чувствуете сумрак и прохладу среди палящего полудня. Каменное великолепие горных долин передано мастерски. У И. И. Шишкина ночи дышат.

V

У нашего поэта природы рядом с мастерством и техникой идет то, что не часто встречается и у настоящих поэтов. С определенным образом, так или иначе говорящим вашей душе, рядом набросаны, как будто бы вскользь, черточки, которые вы с первого взгляда не отличите. Любуясь этими изящными уголками чудного божьего мира во второй и третий раз, вы в них почувствуете новую красоту, упущенную вами прелесть. Все эти «На лесной меже» (№ 16), «Полянка» (№ 20), «Опушка» (№ 21), «Сосны» (№ 27) и много других, помимо их удивительной верности природе, погружают вас в мир неуловимых ощущений. Случалось ли вам в солнечный день остановиться у леса в тени и задуматься? В вашей душе точно тени от облаков бегут неопределенные, но чудные впечатления. Вы уходите в мечтательные созерцания как-то не дающейся вам в руки красоты. Именно то же я испытал, рассматривая эти вдохновенные рисунки. Особенно два из них: «Дремучий лес» (№ 26) и «Сосны» (№ 27) — сколько в них мощи, силы, глубины... Взгляд в этом царстве древесных стволов уходит бог знает куда, и там, где густится тьма, он все еще угадывает новые и новые силуэты и образы. А ночь над морем! Где-то далеко-далеко луна отразилась в воде у самого горизонта... Здесь, на берегу, у резко очерченных во мраке черных

деревьев, костер и около него люди... Тянет туда вволю надышаться свободою, свежестью, налюбоваться этой красотою...

Всякий раз, когда мне делается особенно скучно, а за окнами хмурится тоскливый и скупой на ласку зимний день, я открываю офорты и вместе с «поэтом природы» Иваном Ивановичем Шишкиным ухожу в его заколдованное царство, теряюсь в его лесах, вволю дышу солнечным светом и теплом, слушаю говор лесных вершин и прибой царственного моря, грежу лунными ночами — и, возвращаясь к скучной городской действительности, чувствую себя освеженным и бодрым.

VI

Нужно знать кропотливое производство офорта, чтобы понять, сколько труда и усилий потрачено на это издание. Маленькая невнимательность, рассеянность — и начинай все сначала. Чтобы добиться тех результатов, которые дает это издание, нужно было упорно и долго преследовать свою цель, преодолеть тысячи препятствий. Сколько великолепных удавшихся досок приходилось вновь переделывать, потому что, по мнению требовательного художника, они не вполне передавали известное настроение. Рассказывая в предисловии, как Иван Иванович Шишкин работал над этим, издатель говорит: «Он не только печатал листы, но и варьировал их до бесконечности, рисовал на доске краской, клал новые тени, делал другие пятна, звезды, лунные блики... Весь в возбуждении работы, сильный, уверенный, он являлся действительно большим мастером, напоминающим собою художников былого времени».

Позволю себе закончить свой очерк офортов Шишкина кратким указанием, что появление их в свет является не только удавшимся издательским предприятием, но и крупной заслугой. Россию можно изучать в этих художественных очерках со всем бесконечным разнообразием ее характерных черт, контрастов, тонких и неуловимых для других подробностей, являющихся выпукло и ясно в творчестве нашего поэта природы. По отношению к технике офортного дела — это последнее слово. Мы смело можем теперь на выставки целого мира послать это великолепное издание. В нем наше искусство лицом в грязь не ударит. Еще раз обращаясь ко всему нами сказанному, мы не в силах не послать нашего заочного спасиба поэту природы, подарившему нам столько радостных и поэтических впечатлений, окружившему нас очарованным миром задумчивой и истинной красоты.

Неизвестный автор. К РИСУНКАМ[57] (1897)

Что сказать об И. И. Шишкине? Что лучше его никто не передает холодный мрак лесной глуши? Что лучше его никто не умеет рисовать сосны и елки? Что никто не знает «анатомию» дерева так, как знает ее он, певец холодной северной природы? Кому это не известно? Кто не стоял часами перед его лесами, выхваченными художником из натуры и перенесенными на холст?

Иван Иванович Шишкин уроженец Вятской губернии. Он вырос под серым небом, среди дремучих таинственных лесов и, полюбив их с детства, уже всю жизнь не мог их разлюбить. Он не променял бы серых, унылых, однообразных красок своей родины на самые яркие, самые радостные, самые волшебные краски юга. Он был на этом юге, и его давило солнце, угнетала цветущая зелень, и ликующая природа наводила тоску. Он и там, на юге, среди кипарисов и виноградных садов отыскивал уголки, напоминающие ему далекий север, выжидал серых облачных дней и тогда писал. Он писал север на юге. Его палитра не блещет красками, как не блещет ими и природа, которую он пишет. Он не гонится за разнообразием в своих пейзажах, давая только то, что он любит. А он любит опушку леса с черными пнями, торчащими из-под земли, с зеленеющими кое-где молодыми деревцами; он любит страшную мрачную глушь, черную и немую, с свалившимся от старости столетним дубом; он любит широкую просторную поляну с уходящими в небо тонкими и стройными соснами, дорожку, белеющую в траве и убегающую змеей в котловину, поросшую орешником. Любит он еще овраг, покрытый березняком, с журчащим и бегущим по камням ручейком, любит зеленеющее поле, желтеющую ниву,— вот что еще он любит и сумел заставить нас полюбить.

И. И. Шишкин принадлежал к числу лучших у нас рисовальщиков не только среди пейзажистов, но и жанристов. Нарисовать целую сотню сосен, сохранив весь их характер,— задача не из легких. Кроме картин масляными красками, И. И. Шишкину принадлежит масса рисунков углем, карандашом и пером. Тут он большой мастер. Но где он не знает себе соперника, так это в офорте. До такого мастерства, каким владеет художник в этой области, у нас еще никто не доходил.

Д. Успенский (?). ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ [58] (1898)

XXVI передвижная выставка — в трауре: вскоре после ее открытия скончался на 67 году Иван Иванович Шишкин. Это был прекрасный человек, с виду суровый, на самом деле добряк, по внешности волостной старшина, на самом деле тончайший художник. Наружность его была типично великорусская, вятская. Высокий, стройный, красивый силач, с зорким взглядом, густою бородой и густыми волосами. Когда-то в молодости, в одной из пивных Мюнхена немцы стали подтрунивать над русскими и Россией, Шишкин вступился. Началась ссора, окончившаяся сокрушением целой толпы немцев. Дело дошло до суда, и там в числе вещественных доказательств фигурировал железный прут пальца в три толщиной, согнутый в дугу могучими руками сражавшегося Ивана Ивановича. Суд оправдал Шишкина, а немецкие художники отнесли его из зала суда в ближайшую пивную, где и воздали должную честь талантливому собрату и доброму патриоту. Те же руки, которые сгибали шкворни, всю жизнь трудились над картинами и рисунками, которые свидетельствуют о глубокой и нежной любви художника к родной природе. Конечно, строгие критики насчитают у Шишкина кучу недостатков. Он больше рисовальщик, чем живописец; он писал почти исключительно полдни; его воздух — воздух мастерской, у него мало разнообразия в настроениях и т. д. Подумаешь, никуда не годится Шишкин. А между тем, кто же его не знает и кто не любит?

Шишкин великорусский талант по преимуществу, талант уравновешенный, спокойный и, так сказать, сознательный. Он не только чувствует, но и изучает. Вглядитесь в любое произведение Шишкина, и вы будете поражены изумительным знанием каждого дерева, каждой травки, каждой морщины коры, изгиба ветвей, сочетания стеблей листьев в букетах трав. Но это не холодное изучение, в котором упрекают великорусов. Без искренней любви нельзя дойти до такого точного знания: наскучило и приелось бы. Нет, Шишкин жил своими деревьями и травами. Мне представляется, что он должен был разговаривать с ними, конечно, где-нибудь наедине, на этюдах, чтобы не подумали, что человек лишнее выпил. Шишкин предпочитал солнечные полдни, и это тоже характерно для здравого ума и ясного воображения великоруса. В полдне больше всего света, больше подробностей, — больше работы и знания. Не в рассудочности Шишкина причина его недостатков, а в робости, в той робости, которой отличаются умы и таланты неокрепших культур. Человек еще не научился

верить своим силам и не дает себе полной воли. Бездарности подражают, таланты стесняют себя. Шишкин только тогда решался создавать, когда ему казалось, что предварительно он изучил предмет со всею полнотой. Помню, в конце семидесятых годов он выставил чудесные крымские картины. Наша реалистическая критика сейчас же подняла крик. Крымские картины! Когда он успел превратиться из вятича в крымчака! Когда ему было изучить Крым! Долой, назад, в Вятку, в Сестрорецк. Это уже изучено, и только тут он может быть настоящим реалистом. Старое дитя Шишкин сейчас же и поверил, и каялся, особенно в конце ужинов, каялся с вятскими вздохами, с потрясенной душой, словно какой-нибудь некрасовский Шкурин или Зацепа. Его крымские картины дрянь. Кто не изучает — дрянь. И Крым — дрянь. Если кто-нибудь в эти минуты пробовал заступиться за Шишкина, оказывался тоже дрянью, что Иван Иванович без церемоний и объявлял заступнику. Не «робей» Шишкин, кто знает, до какой величины вырос бы его талант, и при робости ставший европейски известным.

Неизвестный автор. XXVI ВЫСТАВКА КАРТИН ТОВАРИЩЕСТВА «ПЕРЕДВИЖНИКОВ» [59] (1898)

Что, например, может быть яснее, сказать просто: И. И. Шишкин. Даже совсем не требуется пояснения имени, все его хорошо знают, знают сразу, о чем идет речь, и можно прямо приступить к делу. Один мой знакомый уверяет, что у него всегда при имени И. И. Шишкина тотчас же сразу возникает в уме яркое впечатление большого, преимущественно соснового леса и даже чувствуется характерный сосновый запах, так что всегда хочется глубоко вздохнуть. Оно и понятно — ведь кто же не надышался вволю этими лесными ароматами около его бесчисленных картин за последние двадцать пять лет...

Теперь при имени И. И. Шишкина приходится вздохнуть уже под давлением иного, более грустного впечатления. И. И. Шишкин скончался прошлого 8 марта. На последней выставке московская публика в последний раз стоит перед его восхитительными лесными пейзажами, стоит и как бы прощается с ним.

Товарищество передвижников понесло в Шишкине незаменимую утрату. Разбилось большое и чистое художественное зеркало, ярко и правдиво отражавшее много лет очаровательную природу наших русских лесов, передававшее живьем, до мельчайших подробностей все неисчислимые красоты лесного царства. У этого царства тайн от И. И. Шишкина не было, и в тихих, интимных беседах наедине друг с другом последнему весьма часто

удавалось узнавать то, что осталось навсегда сокрытым от других. Особенно драгоценным свойством этого чистого зеркального стекла было именно то, что оно никогда, ни при каких обстоятельствах не тускнело: ни обстоятельства, ни годы не имели на него никакого влияния... Едва ли возможна здесь хоть приблизительная замена. Этот признанный «царь лесов» отошел в вечность, не назначив себе при жизни законного преемника, из могущих оказаться претендентов на лесное царство едва ли кому скоро удастся представить надлежащие доказательства близости родства к незабвенному покойнику.

3. Из воспоминаний

А. Т. Комарова.[1] ЛЕСНОЙ БОГАТЫРЬ-ХУДОЖНИК

«Если дороги нам картины природы нашей дорогой и милой родины Руси, если мы хотим найти свои истинно народные пути к изображению ее ясного, тихого и задушевного облика, то пути эти лежат и через ваши смолистые, полные тихой поэзии леса. Корни ваши так глубоко и накрепко вросли в почву родного искусства, что их никем и никогда оттуда не выкорчевать!»

Так писал в 1896 г. наш знаменитый художник В. М. Васнецов[2] другому нашему художнику, И. И. Шишкину, и всякий знакомый с русской живописью, конечно, согласится, что г. Васнецов сумел в нескольких словах дать полную характеристику значения Шишкина в истории русского искусства. Это значение определяется не только абсолютными достоинствами его картин, но также и тем, что он был инициатором, впервые дерзнувшим сказать, что русская природа тоже достойна кисти художника...

До него думали иначе, до него русские пейзажисты полагали, что только итальянские и швейцарские виды достойны изображения на полотне; так что даже и в тех редких случаях, когда художники брались за изображение русских местностей, русская природа итальянизировалась, подтягивалась под идеал итальянской красоты.

Шишкин внес струю реализма в русский пейзаж, он положил начало правдивому изображению нашей природы, лишенной роскоши и блеска южных стран, но полной тихого и спокойного величия. Специальностью Шишкина был лес, но правдивое реальное отношение к одному из элементов русской природы положило начало вообще правдивому, реальному русскому пейзажу.

И. И. Шишкин (мой дядя) сознавал, что его биография, история зарождения и развития его реалистических стремлений, характеристика лиц, в кругу которых прошли его ученические годы,— что все это имеет несомненный общественный интерес; поэтому он давно уже начал писать заметки и собирать материал для своей биографии; но, зная, что сам он никогда не выполнит этой задачи, он не раз говорил мне: «Ты должна сделать это». Исполняя его волю, я и приступила к составлению подробной и обширной биографии И. И. Шишкина, которая появится в будущем отдельной книгой.[3] Но я полагала, что сверх книги, которая выйдет не так скоро и которая попадет в руки только ограниченного круга читателей, полезно написать небольшую статью, при помощи которой можно ознакомить широкий круг читателей с одной из характернейших личностей, способствовавших зарождению русского искусства. ⟨...⟩

И. И. Шишкин родился 13 января 1832 г. в Елабуге, в многочисленной и небогатой купеческой семье. Его отец считался в своем городе ученым человеком и хотел, чтоб его сын получил по возможности хорошее образование, почему сначала, кроме уездного училища, посылал его к разным учителям, а в 1844 г. отвез в Казанскую гимназию.[4] Сверх любви к чтению Иван Иванович с ранних лет обнаружил страсть к рисованию и всю бумагу, которая ему попадалась под руку, покрывал рисунками и изображениями того, что видел дома и в училище. Поступив в гимназию, он встретил там нескольких товарищей, с которыми мог не только устраивать себе развлечения в бурсацком вкусе, как, например, выходить на кулачные бои, но и рисовать и рассуждать об искусстве. Однако тогдашняя гимназия с ее узкой формалистикой до такой степени не соответствовала стремлениям и наклонностям молодого Шишкина, казалась ему так нестерпима, что, возвратясь на лето 1848 г. в Елабугу, он объявил родным, что в гимназию больше не вернется, чтобы не сделаться чиновником, чего он боялся всю жизнь. Отец не стал настаивать, и «Ваничка» был водворен в верхнем этаже родительского дома.

Освободившись от обязательных занятий, Иван Иванович с жаром предался рисованию. Когда только позволяла погода, он, обыкновенно с утра, забирался куда-нибудь за город и целые дни бродил по замечательно красивым окрестностям Елабуги, зачерчивая и, главное, наблюдая, усваивая себе ту природу, которой он оставался верен всю жизнь и к которой постоянно, до последнего времени возвращался в своих картинах. Дома он казался дикарем, нелюдимым, постоянно сидел у себя в комнате, где из окон открывался чудный вид на прибрежные луга и закамские леса.

Он всегда был недоволен, когда нужно было принимать участие в каком-нибудь семейном торжестве или визите. С самого начала, когда он отказался вернуться в гимназию, от него потребовали участия в делах семьи: там все работали, и семнадцатилетний юноша не мог быть оставлен в бездействии. Отец начал посылать его вместо себя или старшего сына по коммерческим делам, но скоро все должны были убедиться, что их «Ваничка» не способен исполнять даже простые поручения; он все путал, его обманывали и обсчитывали самым невозможным образом.

Мать он приводил в отчаяние своей непригодностью к делу; она в насмешку прозвала его «арифметчиком-грамматчиком» и восставала против того, что он постоянно сидел за книгами или за пачкотней бумаги. Старший брат тоже вооружался против младшего, не видя с его стороны никакой помощи и иногда даже краснея за него перед знакомыми, когда Иван Иванович захлопывал свою дверь перед их носом или отвечал бранью на предложение ехать наряженным в гости. Отец не приписывал неудачи сына его нежеланию работать; он видел, что тот всегда чем-нибудь занят, и не раз удивлялся его быстрому соображению и памяти; но и Иван Васильевич привык соединять ум с практичностью и потому также не мог понять сына. Чтобы не сердить мать, Иван Иванович рисовал тихонько, по ночам, с сальной свечкой, и иногда так увлекался, что однажды, в 1850 г., срисовывая глаза из отцовской книги с рисунками частей лица, он не мог понять, почему ему было так жарко, и только обратив внимание на красный свет, разлитый в комнате, бросился к окну и, отдернув занавеску, увидал, что дом их соседа весь в огне.

В этом пожаре, уничтожившем почти весь город, погибли почти все первые рисунки Ивана Ивановича, так же как и его скульптурные произведения из местного камня. При отстройке нового дома Иван Иванович оказался незаменимым, умея все сделать удобно, крепко и красиво, и этим поднял немного свою репутацию, как дома, так и в обществе. Своих занятий он не оставлял; его художественное развитие все шло вперед, и в это время у него вырабатывались взгляды на искусство и художника, которых он держался до смерти. Он имел тогда время вдуматься в каждую прочитанную статью, отдать себе отчет в каждом вопросе, который в ней поднимался. Все, что ему нравилось, что казалось достойным сохранения в памяти, он переписывал в тетради,[5] и, просматривая их, видишь, что его всегда тянуло больше всего к изображению картин природы, в стихах и в прозе. Тут переписаны биографии разных художников, из биографии Брюллова, например, он усвоил его требование от учеников постоянно

заносить в свои альбомы все, что обращает на себя их внимание. Много встречается записанных изречений, из которых становится ясным и тогдашнее представление его о художнике и его задачах. «Гений искусства требует, чтобы ему была посвящена вся жизнь художника, сосредоточенная сама в себе для того, чтобы выразиться в полной силе творчества».[6] «Посвятить себя живописи — значит отказаться от всяких легкомысленных занятий жизни».[7] Сам художник, по его тогдашнему воззрению, должен быть высшим существом, живущим в идеальном мире искусства и стремящимся только к усовершенствованию. «Свойства художника: трезвость, умеренность во всем, любовь к искусству, скромность характера, добросовестность и честность».[8]

Внутренняя жизнь Ивана Ивановича, однако, так мало соответствовала тому, что происходило вокруг него, что временами на него нападало отчаяние, сомнение в своих стремлениях, поддержку которым он видел только в книгах и не находил в действительной жизни. Домашние дрязги, городские сплетни были ему противны, а когда молодость брала свое и хотелось с кем-нибудь поговорить, он охотнее обращался к простым людям. Однажды разговорился он с плотником, который у них работал, и тот начал рассказывать о Петербурге и Академии художеств, где он когда-то бывал; конечно, он немного мог сообщить Ивану Ивановичу и только раздразнил его описанием здания Академии и пр.

В 1851 г. в Елабугу были выписаны из Москвы живописцы, расписывать иконостас в соборной церкви. Иван Иванович едва дождался их и, конечно, сейчас же свел с ними знакомство. Иконописец Осокин был очень польщен таким вниманием сына одного из самых влиятельных людей в городе, старался чем мог помочь молодому человеку, к которому почувствовал искреннее уважение за его рисунки и восторженное поклонение искусству, давал ему краски, кисти, учил всему, что знал сам, и даже потом, когда Иван Иванович жил в Москве, он старался всегда поддерживать его бодрость и не допустить в нем сомнения в своих силах.[9]

Рассказав же ему о Московском училище живописи и ваяния, Осокин сделал цель Ивана Ивановича более достижимой, так как Москва была не так далека и чужда, как Петербург. Высказывая свои мечты, Иван Иванович встречал самое горячее сочувствие, особенно когда перед Осокиным стоял сосуд с живительной влагой и они вместе пили за будущие успехи.

Эти первые возлияния скоро сделались известны в доме Шишкиных, произошли объяснения, и когда выяснилось, что Иван Иванович тоже хочет быть художником,— отчаянию матери не было пределов: «Никогда еще в роду Шишкиных не было худож-

ника!» — воскликнула она, поднимая руки к образам. Все его уговаривали, но Иван Иванович стоял на своем. Видя страстное желание сына посвятить себя искусству, отец начал думать, что, может быть, он и действительно пробьет себе дорогу и будет вторым Брюлловым, и наконец согласился отпустить его. Осенью 1852 г. Иван Иванович распрощался с родительским домом и выехал со своим зятем Стахеевым в Москву после трех лет бездействия и приготовления к трудовой жизни.

Москва поразила Ивана Ивановича своим величием и обширностью; шум, говор, езда на улицах совсем ошеломили одичавшего юношу. Первое посещение Училища живописи и ваяния, где была в то время выставка картин Айвазовского и Лагорио, произвело на Ивана Ивановича неизгладимое впечатление; он в первый раз увидел картины масляными красками, притом картины, о которых говорила тогда вся Европа. Оба художника были пейзажистами, и не мудрено, что под их впечатлением у него явилась мысль, что если так хороши на картинах горы и море, то чем же хуже наши леса и поля? И он живо представлял себе тот или другой мотив родной природы, которую он хорошо знал и на которую не мог налюбоваться. Когда же потом в Училище он увидал картины Калама — его будущая деятельность была решена; сюжеты Калама оказались ближе к его сердцу, он увидел, что лес и заброшенные ручьи имеют право на передачу и могут быть так же удивительно хороши на полотне.

В августе 1852 г. Иван Иванович поступил в Училище. Большинство учеников были люди, не получившие никакого образования; общих интересов, кроме классных, не было никаких, в классах же царствовала рутина; пьянство было ужасно,[10] бедность почти общая, ученики питались главным образом в лавочке, находящейся под Училищем, где Иван Иванович, получавший из дома очень немного, питался иногда по целым неделям хлебом с патокой.

На товарищей он производил впечатление очень скромного малого, держался в стороне от буйной компании и удивлял всех только своей работой. Его костюм и сильная медведеобразная фигура заставили даже товарищей, привыкших ко всяким костюмам, прозвать его «семинаристом». В скором времени этот семинарист удивил всех своими успехами, быстро проходя гипсовые классы один за другим. В гипсах он никогда не мог постичь красоту, которую его учили в них видеть, и старался скорее, прилежнее их рисовать, чтобы только от них отделаться, хотя впоследствии некоторые снимки ему и нравились. На этом первом впечатлении он основал потом свое мнение, что юношу-пейзажиста,

видевшего только природу, нельзя сажать сразу за рисование с гипсов, которые вначале представляются ему только какими-то странными формами.[11]

Как ни слабы первые пейзажи Ивана Ивановича, но в них уже видно умение взять натуру, художественный вкус. На всех классных рисунках с гипсов вся подкладка была изрисована пейзажами, которые удивляли товарищей, и мало-помалу вся школа узнала, что Шишкин рисует такие виды, какие еще никто до него не рисовал: просто поле, лес, река, а у него они выходят так красиво, как и швейцарские виды. Этим рисункам начали подражать, а когда в школу поступил Гине и также начал рисовать пейзажи, последователей им нашлось много. Иван Иванович быстро сошелся со многими из товарищей, и они образовали кружок раскольников. Ближайшими его друзьями были: Гине, Ознобишин, Седов, К. Е. Маковский, Борников, Колесов,[12] Перов и др. Все они постоянно были вместе, постоянно спорили друг с другом, отстаивая свои взгляды; вечером собирались к кому-нибудь, рисовали и читали, и в этих спорах и чтениях книг по искусству, где они искали ответы на занимавшие их вопросы, они получили свое развитие. Читали очень много, и хотя книги покупались у Варварских ворот, но все более или менее замечательное в искусстве и литературе тот же час доставалось и прочитывалось. Товарищи передавали друг другу свои познания, никакое явление жизни не проходило для них бесследно, и в Иване Ивановиче развилась та необыкновенная наблюдательность, которая потом составляла важную черту в его характере. На этих вечерних собраниях будущие русские художники покончили с классицизмом и при взаимной поддержке могли дать отпор классическому направлению школы. Число их сторонников все увеличивалось, так что вскоре почти вся школа разделилась на два лагеря, споры между которыми иногда кончались даже дракой. Пока же решались будущие судьбы русского искусства, Иван Иванович и другие не выпускали карандаша из рук, рисуя товарищей, карикатуры или пришедшие в голову мотивы. Здесь строго, глазами соперников, оценивались свои работы; Шишкин, Маковский, Гине, Перов и др. не уступали друг другу, работали вперегонку и крупными шагами шли вперед.

Из профессоров Московской школы только один Мокрицкий имел на Шишкина большое влияние, которое продолжалось даже после перехода его в Академию.[13] Любимые ученики Мокрицкого постоянно бывали у него, и он говорил с ними об искусстве, рассказывал об Италии, вне которой он сам не признавал пейзажа,

хотя эта последняя его идея и не нашла отклика в душе его слушателей.

В первый год Шишкин с товарищами начали зарисовывать на улицах старинные церкви, разные сценки, потом их прибежищем сделались Сокольники, тогда чудесный, живописный лес.[14] На следующий год Иван Иванович, выбившись из детской неумелой манеры, начал переносить па бумагу и холст каждый листок, гоняясь за каждой «прихотью формы» природы, не обращая внимания на краски, так что его этюды и картины того времени могут называться рисунками в красках. Работал он без устали, иногда дни и ночи, рисовал в один день то, что другие делали в неделю. По дороге на этюды не пропускалась ни одна интересная фигура, ни дерево, ни корова — сейчас же все зачерчивалось в книжечку. В Сокольниках они проводили целые дни, ходили также в Останкино, в Свиблово, несколько раз в Троице-Сергиеву лавру.

На лето Иван Иванович ездил домой, и в первый же раз приехал туда совсем другим человеком; все домашние и знакомые заслушивались его рассказов и удивлялись перемене, происшедшей в нем. Иван Васильевич начал гордиться сыном, хотя и смущался его работами, сомневаясь, что и в пейзаже можно далеко уйти и много сделать. Весь день, по обыкновению, Иван Иванович пропадал в лесу, но не бродил по-прежнему, а писал и рисовал и после каждой поездки привозил массу этюдов и рисунков.[15]

В 1856 г. Шишкин переехал в Петербург. 〈...〉[16] Вскоре по приезде он простудился, заболел, должен был пропустить несколько классов и получил дурной нумер за рисунок, что сразу охладило его рвение, и хотя потом и начал получать хорошие №№ за рисунки, но перестал стараться в классах.[17] Ему все больше и больше надоедало рисование с натурщиков. Как и в Москве, с первыми теплыми днями он отправился рисовать окрестности.

Вот что говорит Иван Иванович о своем пребывании в Академии: «Перейдя в Академию, я три месяца порисовал в натурном классе и бросил; поступил к профессору Маркову,[18] но он обругал меня за пейзаж и послал к С. М. Воробьеву[19] — художнику и учителю бездарному; во все время пребывания моего в Академии от него ничем не пользовался и не научился.[20] Являлись мы обыкновенно раз в год на экзамен этюдов и рисунков с натуры — до нас прежде обычая этого не было; нам давали медали и награды; не зная лично ничего, мы не знали, за что нас хвалили и порицали».

Наставником их кружка еще много лет оставался Мокрицкий; он переписывался с ними, их картины и рисунки посылались в Москву на его критику. ⟨...⟩

По приезде в Петербург Шишкин и его товарищи первое время совсем сжались, уничтожались перед именами, блиставшими тогда в Академии, но вскоре почти все они начали отличаться, чем вызвали недовольство в питерцах, скоро перешедшее во вражду с москвичами.

В общих чертах жизнь в Академии походила на жизнь учеников московской школы: те же кутежи, кончавшиеся иногда даже участком, такое же молодечество и глупые выходки, возможные только в то время. Кружок москвичей имел общие всем недостатки, но Иван Иванович много работал, и скудость средств не позволяла ему так предаваться кутежу, как предавались другие. Для летних работ ему был назначен Лисий Нос, где он и прожил все лето с Волковским, Джогиным и Гине. Там они оставались до ноября[21] — из-за неимения денег,— голодали и холодали, но в веселой компании нужда не казалась страшна — они все потом с удовольствием вспоминали это голодное время. Экзамен в этом году был отложен с сентября на март, так что вся зима прошла для Ивана Ивановича в тревожном ожидании; неизвестность вызвала у его родных новые уговоры вернуться к ним. Это очень расстраивало его. Он едва дождался 19 марта 1857 г., когда, наконец, он мог в пылу радости известить родителей, что «удостоился первой академической награды» ⟨...⟩

Иван Иванович получил ее через посредство своего профессора Воробьева и послал родителям, в глазах которых эта медаль бесповоротно решила участь Ивана Ивановича как художника.

В следующем году Шишкин писал родным о своих рисунках карандашом: «Эти рисунки так сделаны, что профессора удивились, пришли в восторг» ⟨...⟩[22]

Картина в этом году оказалась неудачной, и Иван Иванович был в большом горе, но эта неудача только придала ему энергии, оправдавшей надежды профессоров, что он будет заниматься вдвое, чтобы догнать товарищей. На лето ему был назначен Валаам, куда он ездил следующие три года по окончании Академии.

Монахи сначала встретили Шишкина, Каменева, Феддерса[23] и Гине не особенно дружелюбно, чему причиной был Пискунов, который там жил летом 1857 г. и позволял себе разные издевательства над монахами, бранил их и рассказывал про них разные анекдоты. Монахи сперва терпели, но потом пришли к нему, взяли его под руки, привели в общее собрание и начали отчитывать раба божьего от нашествия злого духа, после чего Пискунову

оставалось только уехать из монастыря. Теперь вновь приехавшие ученики быстро сделались любимцами монахов, как только те поняли, что эти люди совершенно другие. Для Ивана Ивановича Валаам «девственно новый, суровый и величавый» был просто откровением, наложившим печать на всю его дальнейшую деятельность, изобилие воды в лесу, вековые сосны на скалах до последнего времени остались его любимыми мотивами.

Тамошняя жизнь пришлась ему как нельзя более по сердцу; даже постный, но изобильный и разнообразный монашеский стол всегда казался ему самым вкусным и приучил его к рыбе и разным похлебкам.

Жил он там всегда в веселой компании товарищей; на дальние этюды они ездили на лодке, иногда в сопровождении игумена Дамаскина; возвращаясь домой, неоконченные этюды покрывали клеенкой и прятали под скалами вместе с ящиками с красками, так как трогать было некому (кроме монахов, никто не имел права ходить по острову). Мольберты они себе строили на место из целых бревен, рубили деревья и связывали их веревкой. ⟨...⟩

Работы этого лета были удачны; к декабрьскому экзамену Шишкин приготовил три рисунка пером, которые произвели на выставке фурор — некоторые приняли их за превосходные гравюры; Совет Академии торжественно объявил, что таких Академия еще не видала, и хотел дать за них золотую медаль, но отложил до марта и дал большую серебряную. Кроме рисунков, Шишкин выставил еще восемь этюдов масляными красками, и рисунки пером были выставлены потом в Москве, где и были проданы, так что эту зиму Иван Иванович уже не так нуждался, как раньше, когда он часто обедал только хлебом с квасом, который брал постоянно в одной мелочной лавочке, где однажды, зачерпывая сам квас из кадки, вместе с квасом выловил скелет крысы, сгнившей в кадке, которая, очевидно, никогда не мылась. Эти ужасы нужды прекратились только, когда он начал изредка продавать свои картины и рисунки; присылаемых же ему денег из дома хватало только разве на квартиру и на художественные принадлежности, на которые он обыкновенно не жалел денег. С большим трудом, и то с помощью товарищей, ему удалось скопить 12 рублей на покупку двух офортов Калама, давно облюбованных им в окне магазина, где они были выставлены. Но с каким торжеством молодые художники принесли купленные оттиски! Поставив их на стулья, они почти всю ночь простояли перед ними на коленях, рассматривая и изучая их.

На экзамене 17 апреля 1859 г. Иван Иванович получил малую золотую медаль за картину «Ущелье на Валааме». Хотя этот эк-

замен был необыкновенно строг, но успех его вещей был полный. На Валааме, где это лето было проведено в очень большой компании, местность показалась Ивану Ивановичу еще лучше прежнего, и он очень много сделал за три месяца.

По приезде в город они узнали, что Академия получает коренное преобразование, что много перемен в ней уже сделано и готовится к введению новый устав, временный, который, впрочем, не касался их, а только вновь поступающих. Вся эта зима прошла для Ивана Ивановича, Гине и Джогина в изучении литографии и в работах для альбома литографий, который они хотели сделать выпусками, и Иван Иванович через отца, принявшего в этом большое участие, просил у Стахеева средств для этого издания. Когда эта затея сделалась известна Ф. Ф. Львову, всесильному тогда конференц-секретарю Академии, он очень заинтересовался этим и при всяком удобном случае старался оказать помощь трем друзьям. Шишкин начал изучать и совершенствовать способ рисования на камне; он первый начал рисовать так называемым черным типографским карандашом по камню, а белые места выскребал ножом (за эти первые литографии ножом он в 1895 г. получил большую золотую медаль на выставке печатного дела). Первые листы были напечатаны в литографии Мюнстера,[24] вскоре, впрочем, закрывшейся. Несмотря на все рвение художников, помощь Стахеева и Академии, этот альбом, за исключением нескольких превосходных литографий, так и не вышел в свет.

Лето 1860 г. было опять проведено, как и предыдущие, на Валааме: Иван Иванович там кончил свою большую картину «Кукко», как называлось одно место острова, и в сентябре получил за нее большую золотую медаль. ⟨...⟩ Он всю зиму прожил в Петербурге, а весной поехал в Елабугу, где не был почти пять лет.[25]

Возвращаясь в Петербург уже поздней осенью, он поехал на лошадях. ⟨...⟩ Из Казани, где Иван Иванович останавливался, он ездил на развалины Великих Болгар,[26] в 60 верстах от города, где много нарисовал и написал, потом довольно долго пробыл в Москве и, приехав в Петербург, стал собираться за границу; но так как он не только не рвался туда, но ехал даже с неохотой, и только потому, что все кругом говорили, что нужно ехать, то он и протянул всю зиму и собрался только на следующую весну.

27 апреля 1862 г. Шишкин с Якоби и г-жой Т. выехали в Берлин, где рассчитывали остаться некоторое время. Их сильно смущало незнание языков. Якоби говорил только по-французски; чтоб как-нибудь суметь объясниться в Германии, они по дороге

в вагоне старались заучить несколько немецких слов и фраз. В Берлин они приехали ночью; каждый, захватив свой багаж, вышел на платформу; их обступили носильщики и агенты гостиниц и оттерли друг от друга; один из комиссионеров овладел багажом Шишкина, повторявшего только klein Zimmer,[27] и привез его в Hotel de Rome. Случайно в этот же отель попал и Якоби, и утром, когда он начал расспрашивать о своем товарище, его после долгих объяснений привели в соседний номер, где он и увидел И. И. Шишкина, рисующего у окна и проклинавшего заграницу и ее порядки. Оказалось, что тем же вечером в отель приехал какой-то англичанин, также не говорящий по-немецки, и приказал себя разбудить в шестом часу утра, чтобы ехать дальше. Кельнер смешал его с Иваном Ивановичем и утром рано приходит к Шишкину, будит его и знаками показывает, чтобы он оделся; тот послушно встает. Кельнер приносит ему кровавый ростбиф (Шишкину ненавистный), яйца и масло и приглашает его жестами сесть за стол. Иван Иванович отказывается, машет руками, но кельнер с улыбкой показывает на часы, надевает ему дорожную сумку и жестами убедительно уговаривает его позавтракать; делать нечего, Иван Иванович садится и покорно съедает все ему поданное. Вдруг входит управляющий отеля, говорит что-то кельнеру, потом оба обращаются к нему с какими-то словами, кланяются и кельнер начинает его раздевать и показывает, чтоб он опять ложился в постель и спал. Иван Иванович так и сделал, но потом с отчаянием спрашивал у Якоби: неужели здесь существует обычай заставлять путешественников насильно есть среди ночи? Дело объяснилось, и они много хохотали над этим происшествием.

В первый день они отправились осматривать город; Иван Иванович решил писать дневник и некоторое время записывал все свои впечатления, дополняя их иллюстрациями, но потом отвращение к письму взяло верх и он забросил дневник. ⟨...⟩

Он проехал по Саксонской Швейцарии и прожил несколько времени в Праге. ⟨...⟩ В Праге Иван Иванович работал очень недолго, хотя иногда и делал экскурсии в окрестности; он был очень доволен, когда в июле уехал с товарищами в Пардубицы, откуда они все лето разъезжали по Богемии, останавливаясь в более интересных местах. Но погода стояла холодная и дождливая, Иван Иванович не мог сосредоточиться и мало сделал, пока не привык к чуждой для него природе и людям. В начале зимы 1862 г. они приехали в Мюнхен,[28] где и наняли мастерские. Но дело у Шишкина не клеилось, хотя он там сделал несколько замечательных рисунков, писал этюды животных, желая в будущих работах «соединить пейзаж с животными», как он говорил в своих академи-

ческих отчетах. Для этого он часто посещал мастерские братьев Бено и Адамса,[29] Фридриха Фольца и некоторых молодых художников, посвятивших себя живописи этого рода. Здесь он в первый раз услыхал имя Коллера, увидал копии с его этюдов и решил ехать к нему в Цюрих ⟨...⟩.

Летом 1863 г. Иван Иванович объехал всю Швейцарию: много писал и рисовал в горах Оберланда; сюжетами его постоянно оставались лес с водой, отдельные деревья и горные дороги, характерный же швейцарский пейзаж не привлекал его. В Цюрихе Шишкин начал заниматься у Коллера, копировал с его этюдов и писал с натуры животных, начал писать картину по заказу г. Быкова и сделал также несколько офортов. В это время Иван Иванович уже убедился, что его страх перед заграницей был напрасен, и начал привыкать к новой жизни. Несмотря на это, его одолевала хандра — эта хандра была тогда присуща почти всем нашим художникам за границей (как видно из писем). На родине в это время все изменилось, общество начинало жить новой жизнью. В Академии являлись новые светила, затмевавшие славу Шишкина. Товарищи его, покончив с Академией, работали на свободе, устраивались художественные пятницы, возникла Артель художников, а он жил далеко от всех, не мог сразу примениться к новым условиям и так идти вперед, работать, как работал раньше. В обществе его забывали, забывали и товарищи, у которых являлись новые интересы, а он здесь не мог получить существенной пользы уже потому, что не знал языка, не понимал разговоров об искусстве, из которых он мог бы уловить новые веяния; ни в старинных картинах, ни у современных художников он не находит того направления, тех сюжетов, которые ему более всего были по душе. Он не знал, за что приняться, бросался за изучение животного жанра, к которому его привлекали прекрасные этюды и рисунки многочисленных художников, каких он не видал в России. Он привык к тесному кружку товарищей, в котором высказывались и обсуждались сомнения, поднимавшиеся в каждом из них, обсуждалась каждая вещь,— здесь же у него не было ни одного близкого человека. Но он сознавал, что вернуться из-за границы с пустыми руками нельзя, самолюбие не позволяло этого и заставляло работать и совершенствоваться. Из Швейцарии Иван Иванович поехал в Дюссельдорф, где в это время жило много академистов, как Каменев, Дюккер, Якоби и др.

Здесь Иван Иванович начинает работать по-прежнему; может быть, этому способствовало общество товарищей. Его этюды Тевтобургского леса, рисунки карандашом и в особенности рисунки пером (которые были помещены в Дюссельдорфском музее)

заставили весь художественный мир обратить на него внимание и вызвали самые восторженные отзывы, даже настоящие овации. В Тевтобургском лесу, где они жили с Дюккером и Каменевым, он всех изумлял также своей силой, беря с собой на этюды тяжелый железный мольберт, который едва могли поднять другие. Однажды они с Дюккером выбрали красивую группу дубов; росший перед нею бук заслонял ее, лесничий же позволил ломать только те ветки, которые они могут достать руками. Иван Иванович взял одной рукой свой мольберт и, размахивая им, оставил несчастному буку одну верхушку в виде букета. В Дюссельдорфе же Иван Иванович написал Быкову картину «Вид окрестностей Дюссельдорфа», которая была представлена в Академию и оказалась лучшей на выставке. Шишкину за нее дали звание академика.[30]

По возвращении из-за границы Шишкин остановился ненадолго в Москве у Борникова, чтобы повидать старых товарищей и рассказать им свои заграничные похождения, а в июне 1865 г. он был уже в Елабуге, где мелкие домашние интересы скоро надоели Ивану Ивановичу, и он отправился в разъезды по дальним окрестностям, зарисовывая все, что ему встречалось на пути. Маленький альбомчик, начатый еще в Дюссельдорфе, был наполнен за это лето мотивами, которые послужили основанием многих его картин. Вернувшись осенью в Петербург, Иван Иванович вошел в совершенно новую для него жизнь, начал бывать на художественных пятницах и в Артели, которая образовалась в его отсутствие из конкурентов, отказавшихся от академического конкурса 1863 г. Познакомившись там с Крамским, Шишкин сразу подчинился его обаянию, и, кажется, ни один человек не имел на Ивана Ивановича такого сильного, долгого и благодетельного влияния, как Крамской; до самой своей смерти Иван Иванович всегда вспоминал о нем, когда затруднялся чем-нибудь в картинах или хотел знать беспристрастную оценку своих вещей. Он говорил, что со смертью Крамского он лишился незаменимого художественного критика, который всегда умел и ободрить, и остановить вовремя, и всегда указывал именно тот путь, по которому надо было идти. А на книгу писем Крамского Шишкин указывал молодым художникам, как на евангелие по искусству. Вне художественной деятельности, в общественных делах, Иван Иванович шел за Крамским с закрытыми глазами, и почти до конца все взгляды Крамского оставались и его взглядами. Сам он не был инициатором, просто боялся всяких дел, начинаний и только в близком кружке мог проводить свои мысли и убеждения; когда нужно было с чем-нибудь бороться, хлопотать, отстаивать какое-нибудь дело вне своего кружка, Шишкин сразу терялся и пасо-

вал. Зато, когда он видел, что предстоит хорошее, полезное дело, с людьми, которым он верил, он принимал самое горячее участие, смело становясь на их сторону, и его ничем уже нельзя было сбить.

Членом Артели Иван Иванович никогда не был, но постоянно там бывал и во всем участвовал как свой человек, подружился со многими и туда же привел Ф. А. Васильева, тогда еще мальчика, ученика рисовальной школы Общества поощрения художеств. Сначала их отношения были отношениями ученика и учителя; но их характеры, взгляды на искусство были до того различны, что вскоре уже они начали расходиться. Васильев, мальчик по годам, оказался человеком совершенно сложившимся, с твердыми воззрениями на жизнь и искусство. Крамской говорит, что трудно было найти две более взаимоисключающие друг друга натуры... Но, к чести обоих, надо сказать, что их уважение друг к другу скоро опять восстановилось. На этих же вечерах начали делать впервые пробы литографий, а потом и офорта, и так как эта отрасль искусства почти никому не была известна, то А. И. Сомов прочел несколько лекций об офорте, причем тут же делались опыты. Шишкин, давно уже пробовавший свои силы в офорте, теперь с жаром принялся за его изучение, начал применять различные новые способы, а кроме того, старался изучить цинкографию и первый в России начал делать так называемые выпуклые офорты, не имеющие себе соперников, которые он помещал потом в журнале «Пчела». Литографию Иван Иванович знал и раньше и всех удивлял, поступая против правил литографского искусства, рисуя ножом и получая превосходные результаты.

Решено было выпускать «Художественный автограф», для которого на этих же «четверговых пятницах» — как назывались потом их собрания по четвергам — все рисовали литографии, кто оригинальные, кто с чужих картин академической выставки, и было сделано два выпуска в 1869 и 1870 гг.

Так как занятия офортом требовали многих приспособлений и места, то была нанята маленькая отдельная квартирка, в которой и собирались для работы, главным образом по субботам, когда приходил академический печатник Келенбенц[31] печатать их работы. Это собрание получило название Общества русских аквафортистов,[32] в котором Иван Иванович положительно царил со своим знанием рисунка и офортной техники, так что не только пейзажисты, но многие художники совсем другого жанра, как, например, Бобров,[33] называли его своим учителем.

В 1868 г. Г. Г. Мясоедов в письме к К. В. Лемоху впервые подал мысль об основании Общества передвижных выставок, но Артель забраковала вначале это предложение, и оно осуществилось только в 1869 г., когда к Мясоедову присоединились москвичи Перов, В. Е. Маковский, Саврасов и др., а в Петербург вернулся из-за границы Ге и вместе с Крамским начали пропагандировать между товарищами мысль о самостоятельном обществе с целью распространения в русской провинциальной публике хороших картин. [34]

Шишкин с основанием Товарищества передвижников был самым горячим его приверженцем и деятельным членом, хотя никогда не был членом правления Товарищества. Но, если нужно было придумать какое-нибудь улучшение для устройства выставки, для перевозки картин, он с жадностью принимался за работу, делая модели ящиков, мольбертов и пр., и до конца жизни считал все интересы Товарищества своими.

Жизнь его за 1865—1868 гг. проходила почти одинаково; зимой он постоянно посещал Артель и работал для конкурсной и академической выставки; в 1866 г. его картина «Воздух» и 6 рисунков были выставлены в Москве; в 1867 г. он выставил на Парижской Всемирной выставке несколько рисунков пером и «Вид из окрестностей Дюссельдорфа» и в этом же году написал «Вид из окрестностей Елабуги». В 1868 г. в Академии был выставлен «Сосновый лес» и «Чем на мост нам идти, поищем лучше броду», за которые академический Совет присудил ему звание профессора, но великая княгиня Мария Николаевна, президент Академии, вместо этой награды представила его к Станиславу 3-й степени.

В это время, под влиянием Крамского, Васильева и заграничной жизни, Шишкин начинает изменять свою первую манеру в живописи — его вещи приобретают более широкую трактовку, он начинает изучать краски и не засушивает свои произведения, заканчивая их до последнего листочка. Его картины почти каждый год получали в Обществе поощрения художеств первые премии, его уже называли «царем леса».

Летом Иван Иванович всегда работал очень много; в 1866 г. провел лето в селе Братцево под Москвой; в 1867 г. он поехал на Валаам в большой компании и жил там и работал по-прежнему; в 1868 г. он жил в деревне Константиновке под Петербургом, вместе с семейством Васильевых. В этом же году в его жизни произошла важная перемена: он женился на сестре Ф. А. Васильева, Е. А. Васильевой. По своему характеру Иван Иванович был рожден семьянином; вдали от своих он никогда не был спо-

коен, почти не мог работать, ему постоянно казалось, что дома непременно кто-нибудь болен, что-нибудь случилось. Во внешнем устройстве домашней жизни он не имел соперников, создавая почти из ничего удобную и красивую обстановку; скитание по меблированным комнатам ему страшно надоело, и он всей душой предался семье и своему хозяйству. Для своих детей это был самый нежный, любящий отец, особенно пока дети были маленькие. Евгения Александровна была простая и хорошая женщина, и года ее жизни с Иваном Ивановичем прошли в тихой и мирной работе. Средства уже позволяли иметь скромный комфорт, хотя с постоянно увеличивающимся семейством Иван Иванович не мог позволять себе ничего лишнего. Знакомых у них было много, к ним часто собирались товарищи и между делом устраивались игры, и Иван Иванович был самым радушным хозяином и душой общества.

Из картин 1868 г. — «Полдень», «Речка Лиговка подле деревни Константиновки» и «Сумерки» — наибольшим успехом пользовалась последняя. В 1870 г. ему единогласно была присуждена премия на конкурсе, где были выставлены «Ручей в лесу» и «Закат солнца», с которой потом была сделана литография. В 1869 г. был издан альбом литографий пером по камню, для которого Иван Иванович сделал много рисунков.[35]

На лето 1870 г. Иван Иванович должен был ехать в Нижний, чтобы сделать акварелью тридцать видов Нижнего по заказу фотографа Карелина,[36] которому было поручено нижегородским дворянством составить альбом для поднесения государю, — это единственная и, говорят, превосходная серия акварелей, исполненная Шишкиным. Все лето он промучился вдали от своих и в письмах умоляет жену писать ему чаще и очень беспокоится за ее здоровье. Евгения Александровна начала прихварывать уже в первый год замужества, а рождение и смерть детей сильно способствовали развитию у нее чахотки. В письмах из Елабуги отец Ивана Ивановича также все жаловался на слабость здоровья и хотел перед смертью еще раз увидеть сына и невестку с внучкой, предлагая Евгении Александровне воспользоваться этим летом, чтобы пить кумыс. Поэтому лето 1871 г. было проведено Шишкиным в Елабуге и Сарапуле, у сестер Ивана Ивановича. Это было его последнее свидание с отцом, который скончался в 1872 г.

К первой выставке передвижников Иван Иванович приготовил картину «Вечер», офорт «Лес» и рисунок пером. Выставка сразу имела большой успех, возбудила общественный интерес и доставила Товариществу хорошие денежные средства; критика нашла, что Шишкин сделал большой шаг вперед по колориту.

К конкурсу 1872 г. Иван Иванович затеял большую картину, которую должен был писать у Крамского, за недостатком места у себя дома. Об этой картине («Лесная глушь с медведями») Крамской говорит, что «Шишкин, оставаясь самим собою, до сих пор еще не сделал ничего равного настоящему». Первую премию в 1000 рублей он получил за картину «Мачтовый лес в Вятской губернии», и Общество поощрения заказало ему альбом офортов для премии.

Лето 1872 г. Шишкин вместе с Крамским и Савицким жил близ Луги, и все работали с жаром. Иван Иванович, по словам Крамского, просто изумлял всех своими работами. Облюбовав этюд, он обыкновенно расчищал кустарники, обрубал сучки и отгибал деревья, чтобы ничего не мешало ему видеть выбранную им картину; потом устраивал себе сиденье из сучьев и леса, делал идеальный по простоте и удобству мольберт и располагался как дома. В Луге он начал писать прямо с натуры картину «Лесная глушь», за которую в 1873 г. получил звание профессора, и картина была приобретена Академией. На второй же передвижной выставке была еще картина «Полдень».

Следующее лето опять Шишкин провел с Крамским и Савицким; подле Тулы была нанята большая дача с общей мастерской, которая вскоре была увешана этюдами и рисунками, главным образом Ивана Ивановича, работавшего без устали.

Осень и зима 1873—1874 гг. были очень тяжелы для семьи Шишкиных. Умер Ф. А. Васильев, которого Шишкин очень жалел и всегда ставил чрезвычайно высоко как художника; Шишкин вместе с Крамским должен был заняться приведением в порядок дел покойного и уплатой его долгов. В это время Е. А. Шишкина была тоже очень плоха и в апреле 1874 г. скончалась, оставив двоих детей, дочь и сына, также вскоре умершего. С ее смертью начинается темная полоса в жизни Ивана Ивановича; он начинает пить не в компании, как раньше, а дома, постоянно, и его некому было удержать; в своей теще, которая поселилась у него, он находил даже поддержку этому. Он начал опускаться нравственно, его характер портился, так как ничто не влияло на него так ужасно, как водка. Мало-помалу он отдалялся от общества Крамского, который один имел на него влияние, и опять сошелся ближе с друзьями своей юности, которые все страдали той же болезнью и в это время совсем уже опустились как художники. Шишкина спас разве только его успех, который он уже себе обеспечил, восприимчивость и сила, которыми отличался его организм.

В мае Иван Иванович с детьми и с Васильевым[37] поехал на дачу в Старо-Сиверскую, которая вскоре сделалась любимым дачным местом для художников, привлеченных красивыми, тогда еще не тронутыми окрестностями и простотой деревенской жизни. Общество было большое и веселое, но мало приносило пользы Шишкину. Все пикники, собрания обыкновенно кончались попойкой и ссорами. Иногда привычка к труду и любовь к природе выручали его, и он весь по-прежнему уходил в работу; самолюбие в нем было слишком сильно и не допускало его оставить то место, которое он завоевал в искусстве. Картины его имели все больше и больше успеха, делаясь посредством передвижной выставки известными и в провинции. В 1875 г. им были написаны: «Первый снег», «Дорога в сосновом лесу» (повторенная два раза); в 1876 г.: «Святой ключ», «Пчельник», «Чернолесье», «Еловый лес»; в 1877 г.: «Зорька», в 1878 г.: «Рожь», «Сосновый бор», «Еловый лес» и «Лес», в 1879 г. «Песчаный берег».

В 1877 г. Иван Иванович с маленькой дочерью навестил в Елабуге старуху мать; оставался он там недолго, но объехал, как всегда, окрестности, которые опять привели его в восторг. Зимой этого же года Иван Иванович познакомился с одной молодой красавицей, художницей Ольгой Антоновной Лагода, вскоре превзошедшей своими работами всех других его учеников, которых у Ивана Ивановича было уже немало, так как многие из молодых художников приходили к нему за советом и показывали ему свои работы.

Ольга Антоновна с самого начала слепо повиновалась его указаниям и исполняла его требования писать и рисовать с фотографий, а на следующий год она также поселилась на Сиверской, примкнув к кружку молодежи, собиравшемуся вокруг Шишкина. Все работали вперегонки, но за Ольгой Антоновной никто не успевал: у пей сразу после зимних подготовительных работ явилась та «музыка карандаша», которая, как говорил Иван Иванович, не имела ничего себе подобного; в ее рисунках сразу сказался мастер, особенно на следующее лето, когда она сделала массу рисунков и этюдов (в которых она брала только тона).

В октябре 1878 г. Шишкин, Крамской, Иконников, Литовченко[38] и Щербатов[39] поехали в Париж на Всемирную выставку, где они пробыли около месяца, в большой компании русских художников. Шишкин всегда очень высоко ставил старую французскую школу пейзажа; Дюпре,[40] Добиньи, Коро, в особенности Руссо,[41] родственный ему по таланту и личности, были его любимцами; относительно новой французской школы он был вполне

согласен с Крамским и говорил, что там почти отдохнуть не на чем.

Дорогой и во время пребывания в Париже Иван Иванович часто смешил всю компанию, избрав мишенью своих шуток мрачного и рассеянного Литовченко, который все, что ему ни говорили, принимал всерьез и с которым постоянно случались разные смешные приключения. Летом 1879 г. Иван Иванович с семьей и художниками Волковым и Шильдером ездил в Крым. Они забирались работать в горные леса, писали в монастыре Козьмы и Демьяна; из Алупки на арбе, как цыгане, перебирались в Гурзуф и потом всегда с удовольствием вспоминали эту поездку. ⟨...⟩

Летом 1880 г. Шишкин был уже женихом О. А. Лагоды. Как бы возродившись, он вполне порвал с прежней жизнью. Ольга Антоновна ввела его в круг своих родных и знакомых, представлявших резкую противоположность с его домашней обстановкой; его теща Васильева уехала в Москву, где вскоре умерла. После свадьбы дом Ивана Ивановича скоро приобрел репутацию самого симпатичного дома. На их воскресеньях разыгрывались шарады, дурачились, танцевали в разных смешных костюмах. Все веселились от души, без стеснения, стараясь придумать только что-нибудь особенно остроумное или смешное, и Иван Иванович всех вызывал на это, представляя сам то заезжего фокусника, то итальянского тенора без голоса, то, наконец, танцуя русскую с дочерью. Между весельем кипело и дело: «Полесье», написанное Иваном Ивановичем в этом году, считается одной из лучших его картин и было повторено два раза. Он написал еще «У монастыря Козьмы и Демьяна» в Крыму, «Крымский вид», «Порубку» и «Лесные дебри». Ольга Антоновна выставила на передвижной свою первую картину, прелестную «Тропинку», заросшую белыми высокими цветами. На лето они опять поехали на Сиверскую. Здесь 21 июня 1881 г. у них родилась дочь Ксения. Ольга Антоновна начала поправляться, уже вставала, дом их постоянно был полон гостей; у них жил Хохряков, часто гостил Савицкий, все работали, не подозревая о том, что должно было произойти: в июле Ольга Антоновна опять заболела, у нее сделалось воспаление брюшины и 25 июля ее не стало. Это как гром поразило всех. Иван Иванович и Виктория Антоновна, сестра Ольги Антоновны, с которой она жила прежде всегда вместе и на руках у которой оставила свою малютку, не могли прийти в себя от отчаяния; все чужие, даже едва знавшие Ольгу Антоновну, плакали о ней. Шишкин получал от всех сочувственные письма ⟨...⟩.

О. А. Шишкину-Лагоду похоронили в селе Рождественом, в 8 верстах от Сиверской; далеко с шоссе виднеется высокий бе-

лый крест на красивой горке, в сосновом лесу. Шишкин в это лето и в следующее несколько раз написал и нарисовал ее могилу, всю в цветах, которые она так любила при жизни.

Оставаться на той же даче было слишком тяжело, и Шишкины переехали в Старо-Сиверскую, к Виктории Антоновне, решившей заменить мать крошечной крестнице. Для Ивана Ивановича это было спасением; он не мог жить без семейной обстановки и постоянной поддержки. Он горевал ужасно, но, видя кругом ту же обстановку, те же заботы о себе, к которым он уже привык, он, чтобы забыться, чаще прибегал к работе, чем к водке. Все окружающие старались развлечь его, постоянно кто-нибудь бывал у них, как на даче, так и в городе, где по-прежнему в воскресенье у них собиралось много народу, так что жизнь Ивана Ивановича внешним образом не переменилась; он был спокоен за детей, деньги, получаемые за картины, не уплывали куда-то, как прежде, а приносили полнейшее довольство, даже роскошь. Шишкину было всегда тяжело заботиться о разных домашних нуждах, а под старость он просто не мог принимать участия в разных материальных заботах и хлопотах. В начале 1880-х годов Иван Иванович был еще очень силен и душевно и физически и еще любил повеселиться и посмеяться; он обладал удивительным вкусом и уменьем убрать комнаты, и они с Викторией Антоновной иногда перед балом чуть не всю ночь сами вешали портьеры, приготовляли какое-нибудь особенное убранство залы, которая служила Ивану Ивановичу и мастерской. Вообще все в жизни Шишкина складывалось хорошо, но его несчастная страсть все-таки часто давала себя знать. Когда Иван Иванович был не в духе, он сердился на замечания семейных, а так как «Николай Петрович» (как у них было прозвано пиво, что значило «не пейте») непременно приводил его в дурное, раздражительное и подозрительное настроение, то по этому поводу не раз бывали ссоры. Только во время работы, перед выставкой Шишкин почти совсем оставлял это, но за работу он принимался серьезно только за месяц, за два до выставки и тогда работал буквально все дни и ночи. Когда картины были готовы и на выставке происходил выбор экспонатов, Иван Иванович иногда, возвращаясь оттуда, начинал говорить, что у него в этом году картины хуже всех будут,— не только хуже товарищей, но и молодых художников, и что ему самому и смотреть на них не хочется. Он сердился, когда говорили о ценах, ему казалось, что цены невозможно высоки. С выставки обыкновенно получались письма, что такая-то картина «покупается до выставки». Кто-нибудь из товарищей приходил поздравить Ивана Ивановича с успехом и восхищался которой-нибудь

картиной. «Да неужели? — восклицал Иван Иванович, качая головой,— скажи пожалуйста!»

В 1882 г. он написал «Дубки», «Каму», «Вечер» и «Речку», в 1883 г. — «Полесье» и «Среди долины ровныя»; в 1884 г. — прелестные «Лесные дали», «Последний лист», «Дремучий лес», этюд «Цветущий уголок», «Сжатое поле» и «Дорожку в сосновом лесу» — мотив, повторенный им несколько раз.

Весной 1884 г. Шишкин собрался проехаться по Волге в имение Ушковых, около Самары,[42] оттуда проехал в Елабугу. Там он увидел племянника Ивана,[43] сына умершего брата Николая, и, узнав, что тот намерен сделаться также художником-пейзажистом, взял его в Петербург. Но тот, проработав очень хорошо зиму, решил сделаться актером, потом уехал в Елабугу, где и погиб от чахотки. Иван Иванович очень жалел его, не только как последнего Шишкина, но и как погибший большой талант. Следующие два лета Иван Иванович провел в Сестрорецке, который ему очень понравился. Сосновый и дубовый лес Сестрорецка был его стихией, и здесь впервые он начал писать с натуры этюды огромного размера.

За эти годы Шишкин много занимался офортом и цинкографией, занятия, которые он не оставлял всю жизнь. В 1886 г. им было издано 25 своих офортов, и, по настоянию Боголюбова, он послал несколько листов в Париж. ⟨...⟩ О вещах, посылаемых за границу, Шишкин беспокоился всегда, и эта боязнь «заграницы» удерживала его от посылки туда своих картин и рисунков. Даже уговоры Крамского оказывались в этих случаях недействительными.

В 1885 г. он написал «Туманное утро», «Сосновый лес» и «Лесной уголок»; в 1886 г. — «В заповедной дубовой роще Петра Великого» и «Святой ключ близ Елабуги». В мае 1887 г. Иван Иванович ездил с Е. П. Вишняковым в Вологодскую губернию, привез много рисунков речных порогов, разлива и пр. и написал оттуда картину «Бурелом» для выставки 1888 г. На следующий, 1889 г. Иван Иванович выставил «У берегов Финского залива (Удриас)», «Осень» и «Утро в сосновом лесу», где семью медведей написал Савицкий по эскизу Шишкина. Лето 1888 г. Иван Иванович работал в Шмецке, где ему очень нравился сырой, болотистый и нетронутый лес. В Шмецке нельзя было оставаться на осень; Шишкины переехали оттуда на острова и прожили до половины октября на Крестовском, где Иван Иванович написал несколько этюдов Невы и запущенного сада Лаваль, куда он ездил на лодке. Следующее лето было проведено на мызе Мери-Хови, подле Белоострова. Иван Иванович ездил оттуда на этюды в Фин-

ляндию и сделал несколько больших, смелых набросков лесного пожара.

В этот год весь художественный мир, да и весь Петербург был заинтересован скандалом в Академии. На державшего в руках все академические дела конференц-секретаря Исеева был сделан донос, обличавший его во взяточничестве и мошенничестве, и с ним оказались замешанными не только чиновники канцелярии, но и некоторые профессора и служившие в Академии. В Обществе передвижников тогдашняя Академия пользовалась давно очень нелестной репутацией, и теперь передвижники торжествовали, их отчуждение от Академии подняло их в глазах Общества на небывалую еще высоту и придало их обособленности новый смысл. На их собраниях, «средах», происходивших в доме у Ивана Ивановича, только и говорилось, что про Академию; одни были прямо за ее совершенное уничтожение; другие, как и Иван Иванович, за ее коренное преобразование; споры затягивались иногда до 4-х ночи; наверное никто не знал, и передавались только слухи более или менее вероятные, пока граф И. И. Толстой, вновь назначенный конференц-секретарем Академии, не познакомился с Иваном Ивановичем и не начал у него бывать. Иван Иванович ему откровенно высказал свои взгляды на Академию и много раз в это время вспоминал Крамского. «Вот когда такой человек был бы нужен,— повторял он,— никто бы теперь не был так на месте, как Крамской». Шишкина это дело сразу захватило: когда-то в молодости он смотрел на художника почти как на святого, идеального человека, и такой взгляд не мог пропасть бесследно. Ему казалось, что академическое дело — позор для всех русских художников и каждый по мере сил должен стараться его исправить. Исполненный этих благих намерений, он сошелся с графом Толстым.

Во время собраний по средам Ярошенко и Куинджи прямо нападали на него за то, что он имеет с Академией что-то общее, выдумал помогать созданию новой Академии, тогда как для передвижников прямая выгода, чтоб было как можно хуже.

Иван Иванович сердился на это и говорил, что юноши, будущие русские художники, идут не к нам, передвижникам, а в Академию, что надо же подумать и о них, а что пока товарищи будут держаться и работать, как они и прежде работали, никакая Академия им не страшна, так как их задачи совершенно различны. Почти никто из товарищей не соглашался с ним, и все по привычке шли за Ярошенко и Куинджи; хотя последний не был более членом Товарищества, но имел в нем большое влияние.

В 1890 г. Иван Иванович выставил «Вечер», «Болото с журавлями», «Зиму в лесу». Весной он поехал с Вишняковым на истоки Волги, но отсутствие сообщений и дурная погода помешали ему сделать что-либо серьезное. По возвращении оттуда в Финляндию, Иван Иванович принялся за изучение солнечных пятен на соснах и на песке, нарисовал несколько бесподобных рисунков больших сосен. В середине лета ему помешала работать свадьба его дочери от первой жены Васильевой, Лидии, вышедшей замуж за владельца мызы Мери-Хови, Ридингера. Как очень любящий отец, он беспокоился за судьбу дочери, не мог скоро освоиться с мыслью о том, что она будет жить отдельно, в чужой семье. В городе он опять увлекся, и еще более, чем прежде, академическими делами, старался выяснить себе задачу Академии, способы обучения молодежи, и, когда к нему приходил один из учеников, Фомин, очень талантливый и симпатичный, но рано умерший художник, Иван Иванович часто говорил с ним о том, что его занимало. Фомин спрашивал у него, как надо учиться, и Иван Иванович рассказывал ему, как они учились. Он говорил, что учиться надо сначала у природы, и только потом, когда научился понимать, видеть натуру, уже для приобретения изящества, для усвоения высшей красоты, созданной человеком, нужно изучать вечные образцы человеческого творчества. О пейзаже Шишкин говорил, что это самый молодой род живописи, так как всего только [несколько] [44] лет прошло с тех пор, как люди начали понимать и изучать жизнь природы, а прежде самые великие мастера становились в тупик перед деревом, что человек среди природы так мелок, так ничтожен, что отдавать ему преимущества нельзя. Разве в лесу не чувствуешь себя таким слабым, уничтоженным, разве не сознаешь, что составляешь только какую-то ничтожную частицу этой невозмутимой и вечно прекрасной природы?

Иван Иванович говорил также, что новое поколение еще не умеет понимать все таинства природы, но что в будущем придет художник, который сделает чудеса, и что он будет русский, потому что Россия страна пейзажа; что пейзаж имеет самую лучшую будущность, потому что другие роды живописи уже были и устарели, а этот только нарождается.

В Академии продолжалось дело Исеева; отношение передвижников к ней было все то же, и только Шишкин и И. Е. Репин сразу приняли участие в деле, которое должно было пойти на десятки лет, затронуть целое сословие. Иван Иванович говорил, что русские должны положить почин, так как у них нет еще вековых традиций, и старая Академия, созданная по образцу западных, не могла привиться в России, да и на Западе эта форма Академии

признается никуда не годной. Академия, говорил он, должна заключать в себе высшее управление всеми школами и художественными делами и сделаться высшим заведением, где были бы не ученики, а художники, уже заявившие себя чем-нибудь, но еще молодые и неопытные; они пользовались бы там советами людей опытных и имели бы помещение для занятий. Этой зимой Мясоедов писал портрет Ивана Ивановича с оттиском офорта в руках,[45] и их разговоры также постоянно возвращались к Академии. На «средах» Ивану Ивановичу много приходилось ратовать против Куинджи и Ярошенко, который в принципе отвергал Академию и до самой смерти оставался верен этому взгляду. Многие из товарищей старались удержать Ивана Ивановича от сближения с Академией, говоря, что граф Толстой может уйти и тогда кто поручится, что его не заменит Исеев № 2 и все пойдет по-старому. Но мало-помалу Иван Иванович начал торжествовать, когда Куинджи, а за ним еще несколько человек начали склоняться на его сторону и разошлись с Ярошенко, а в Академии была назначена комиссия для создания нового устава, в которую были выбраны несколько передвижников: Поленов, Савицкий, Мясоедов, Куинджи и др. Ивана Ивановича не выбрали, зная его отвращение ко всякого рода заседаниям, и он был за это очень благодарен. С Куинджи Шишкин был в самых лучших отношениях, обезоруживаемый его уступчивостью; Куинджи бывал постоянно у Шишкиных, чуть не каждый день, как свой человек; после обеда постоянно поднимались разные интересные вопросы, например об искусстве как религии будущего, о доброте как страшной силе в обществе. Вместе они рассуждали о работах Шишкина, чертили иногда на полу перспективу начатой картины. Иван Иванович уверял, что он перспективы не знает, а так, только по чутью, рисует — хотя никогда не грешил против нее. В это время Иван Иванович находился под обаянием Куинджи, сознавая это, в шутку называл его и в глаза «чародеем» и часто заходил к нему в «семирамидины сады», как он называл квартиру Куинджи, потому что у того на крыше дома был устроен сад.

Для зимних картин этого года Иван Иванович несколько раз ездил в Мери-Хови наблюдать снег и зиму, и Вишняков снимал там для него фотографии; там были написаны «Морозный день», «На севере диком» (к которой даже Куинджи приложил руку — маленькой кисточкой с кадмием посадил точку — огонек вдалеке); «Лесная полянка» и «К вечеру». Весной Иван Иванович поехал с семейством в Ораниенбаум, откуда привез несколько чудных еловых этюдов Мордвиновского парка, как, например, «Старик в еловом лесу, вечером» — этюд редкий даже у него по

мягкости тонов, с каким-то таинственным золотистым светом, идущим из картины, из глубины леса. Там же он написал целую серию великолепных дубов. Вернувшись осенью 1891 г. в город, Шишкин решил устроить вместе с И. Е. Репиным ретроспективную выставку своих этюдов и рисунков за 40 лет. Все этюды его были собраны по годам, с самых первых его шагов; собраны были также в строгом порядке все его рисунки, офорты, литографии и цинкографии, так что выставка производила самое стройное, целостное впечатление.

Всех поражало то, что все это было создано одним человеком, представляло только его черновую работу, было выставлено 300 этюдов и более 200 рисунков. Даже сам он говорил, смеясь: «А вы, нынешние, ну-тка!»

«В художественной деятельности, в изучении натуры,— пишет Иван Иванович в черновом предисловии к своему каталогу,— никогда нельзя поставить точку, нельзя сказать, что выучил это вполне, основательно, и что больше учиться не надо; изученное хорошо только до поры до времени, а после впечатления бледнеют, и, не справляясь постоянно с натурой, художник сам не заметит, как уйдет от правды». Это Иван Иванович всегда сознавал и всю жизнь старался идти дальше хоть сколько-нибудь, зная, что для художника остановиться — значит идти назад.

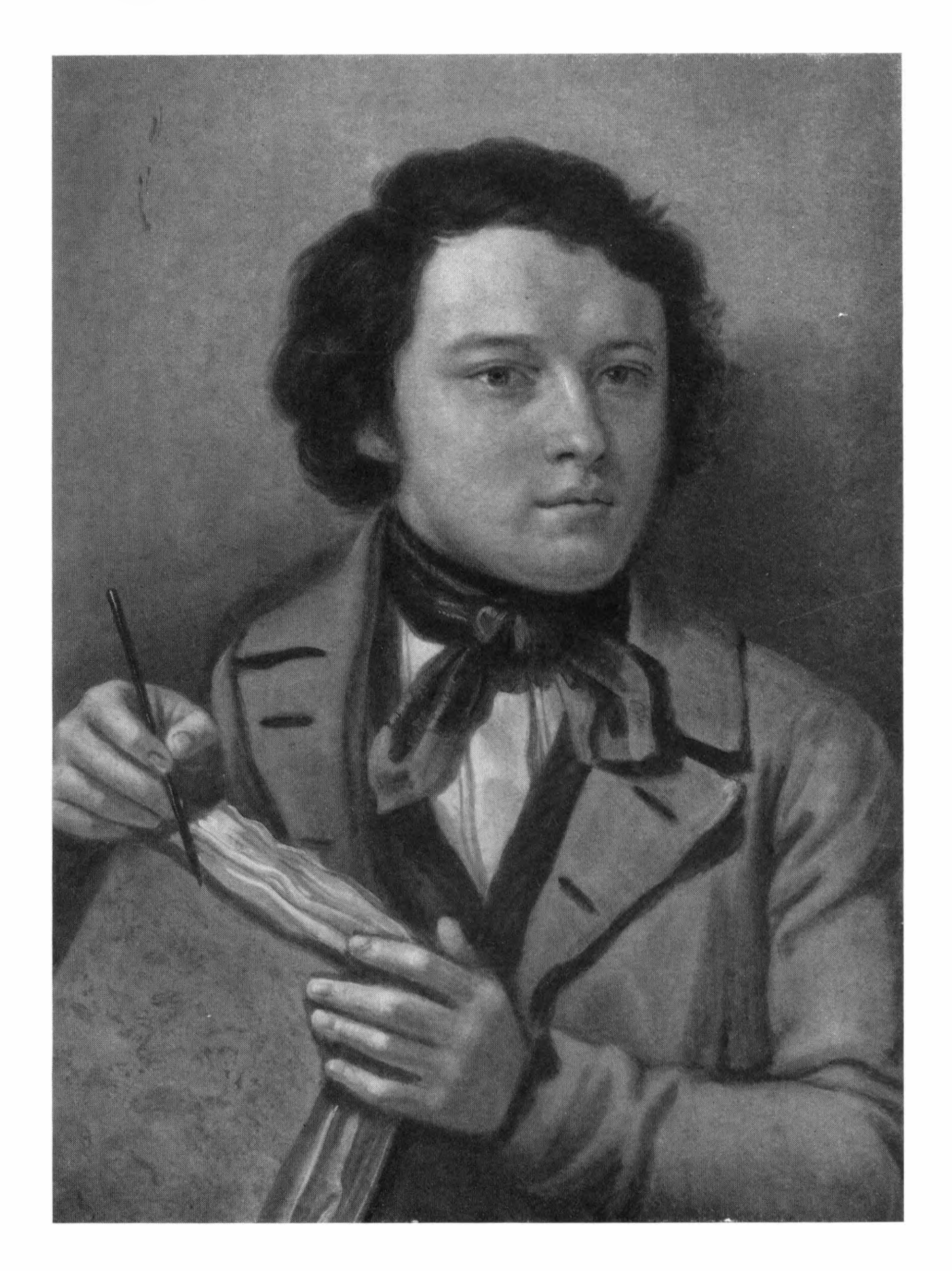
Успех выставки был полный, она вызвала множество статей в разных журналах и газетах, много вещей было приобретено Академией. Торжеству Шишкина мешало только отношение товарищей к нему и к его выставке. Когда Иван Иванович объявил товарищам, что он выставляет в залах Академии, Ярошенко за всех сказал ему, что идти в Академию, значит пачкать свою репутацию. Куинджи тоже открыто придерживался мнения Ярошенко. Иван Иванович начал доказывать, что он имеет дело только с залой Академии и что их общество с самого начала боролось не со стенами, а с людьми, которые там были, и поссорился из-за этого с Ярошенко, с которым всегда был очень хорош. Другие товарищи ничего не говорили, глухо ворчали или же передавали Шишкину, что его выставку называют «посмертной», что он сам себя как будто хоронит, точно признается, что больше работать не в состоянии. Из Москвы Иван Иванович получил от одного из старых товарищей письмо,[46] которое его страшно рассердило, так что он готов был выйти из Общества. ⟨...⟩

Шишкину больше всего было обидно, что его обвиняли в подрывании основ Товарищества, которому он был предан всей душой. Он был уверен, что где бы он ни выставлял, что он только увеличивает популярность Общества, вместе с его собственной.

1. В. П. Верещагин.
Портрет П. В. Шишкина.
Масло. 1862

2. И. Осокин.
Портрет И. И. Шишкина.
Масло. 1850

3. Автопортрет. Карандаш. 1854

4. К. А. Маковский.
Портрет И. И. Шишкина.
Масло. 1856

5. Г. С. Седов.
Портрет И. И. Шишкина.
Карандаш. 1859

6. И. И. Шишкин в Дюссельдорфе. Фото. 1864—1865

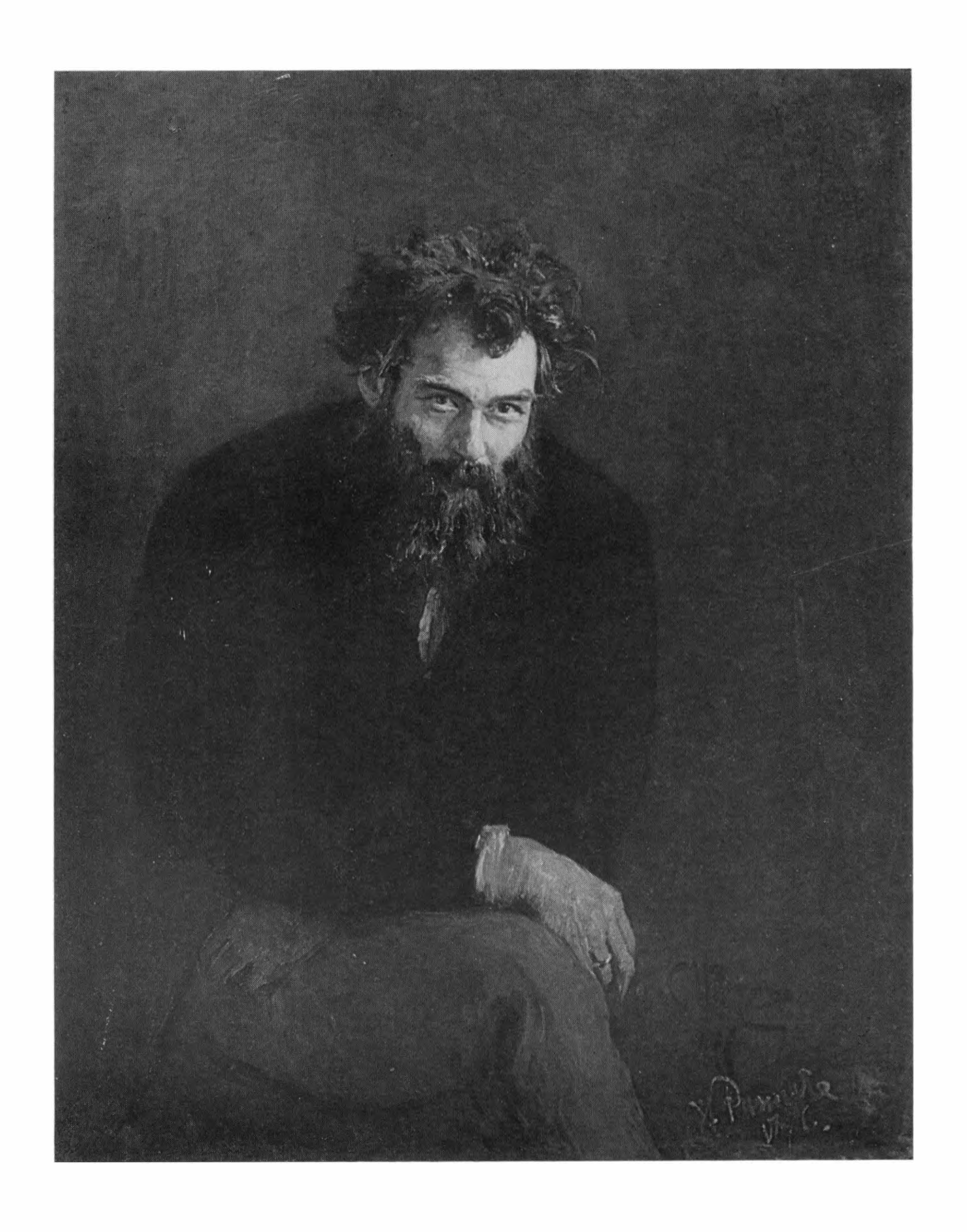
7. Е. А. Шишкина. Фото. Начало 1870-х гг.

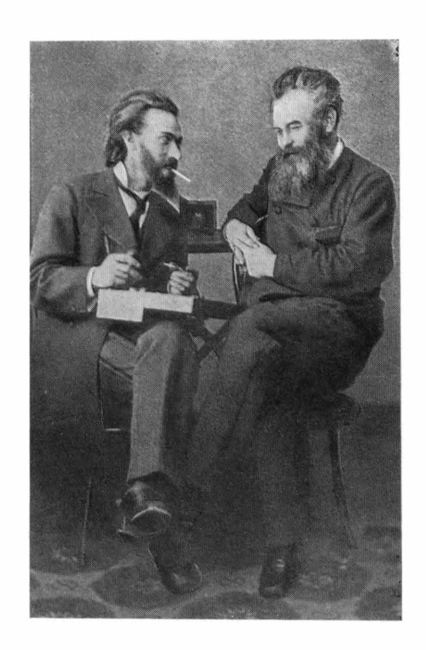
8. И. Н. Крамской.
Портрет И. И. Шишкина.
Масло. 1873

9. И. Е. Репин.
Портрет И. И. Шишкина.
Масло. 1876

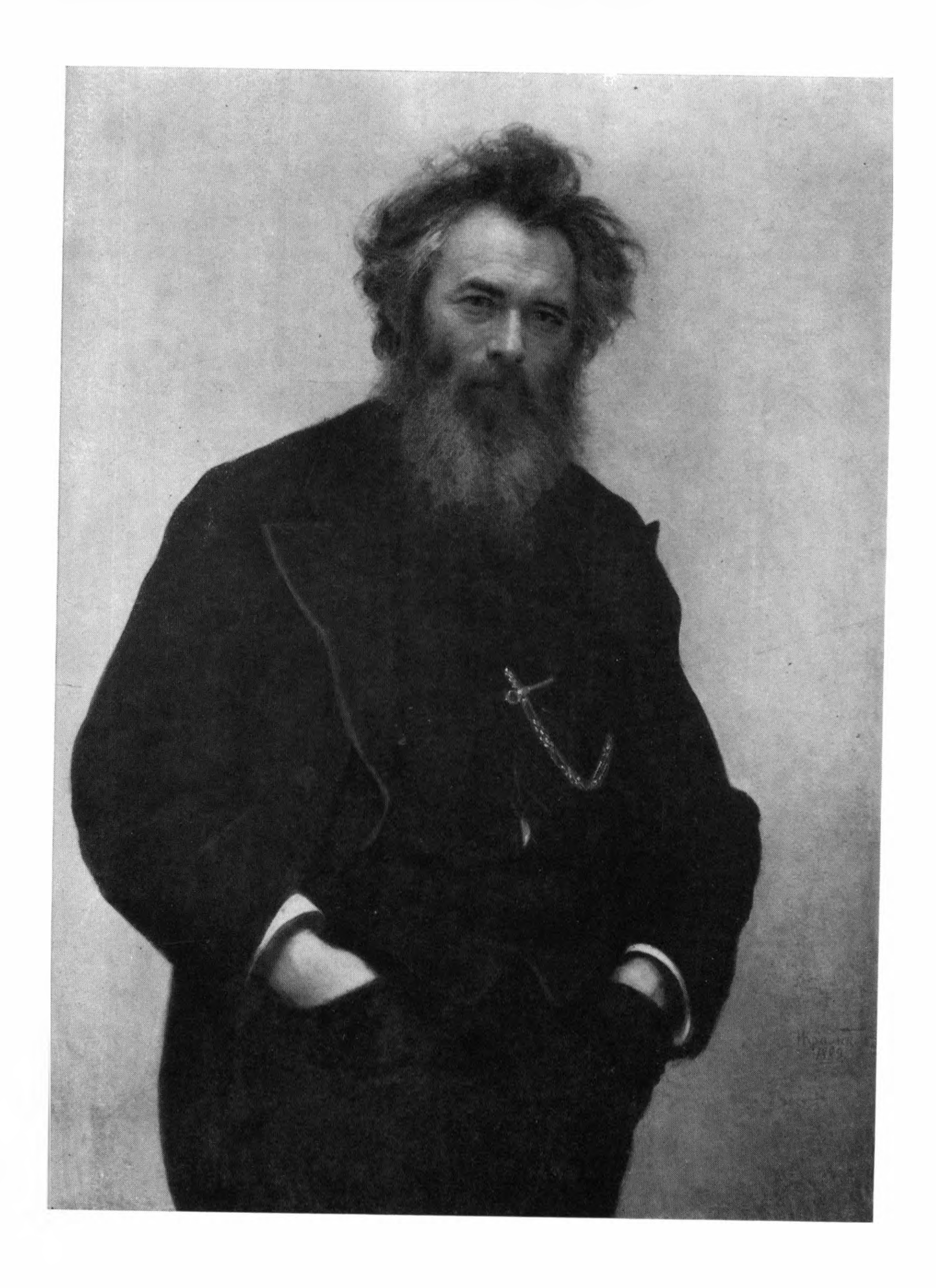

10. К. А. Савицкий, И. И. Шишкин. Фото. Начало 1880-х гг.

11. К. А. Савицкий, И. Н. Крамской, П. А. Брюллов, Н. А. Ярошенко, И. И. Шишкин. Фото. 1870-е гг.

12. И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1880

13. И. И. Шишкин (в центре) в группе членов Товарищества передвижных художественных выставок. Фото. 1886

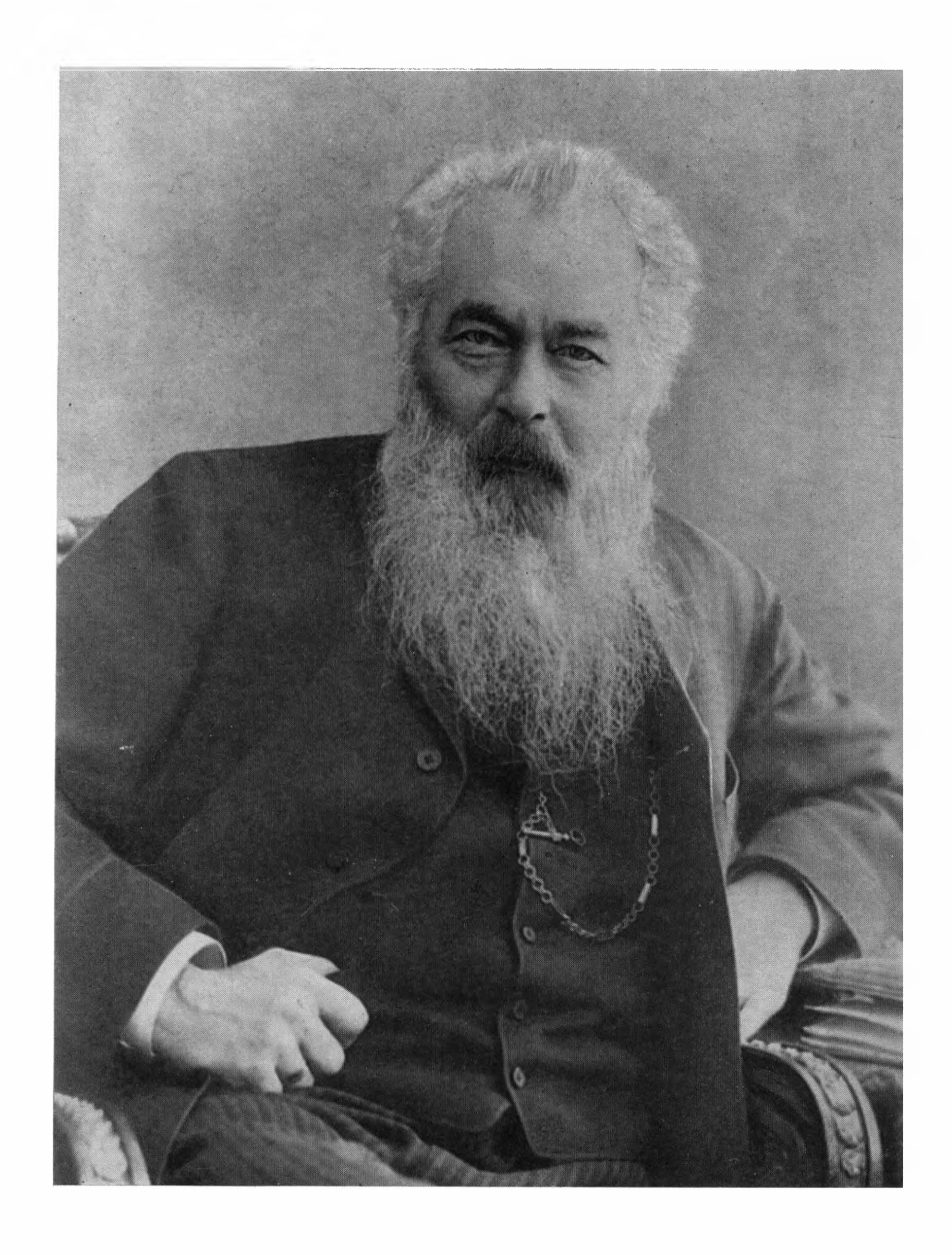
14. И. И. Шишкин (правее центра) в группе членов Товарищества передвижных художественных выставок. Фото. 1888

15. Шишкин за работой над картиной «Мордвиновские дубы».
Фото. 1891

16. И. И. Шишкин. Фото. 1890-е гг.

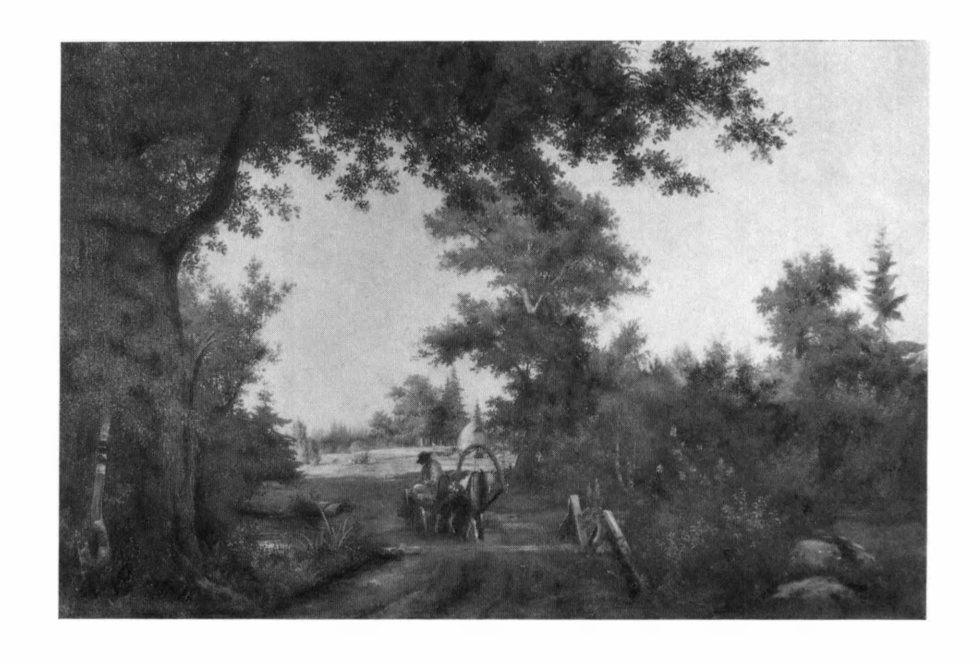

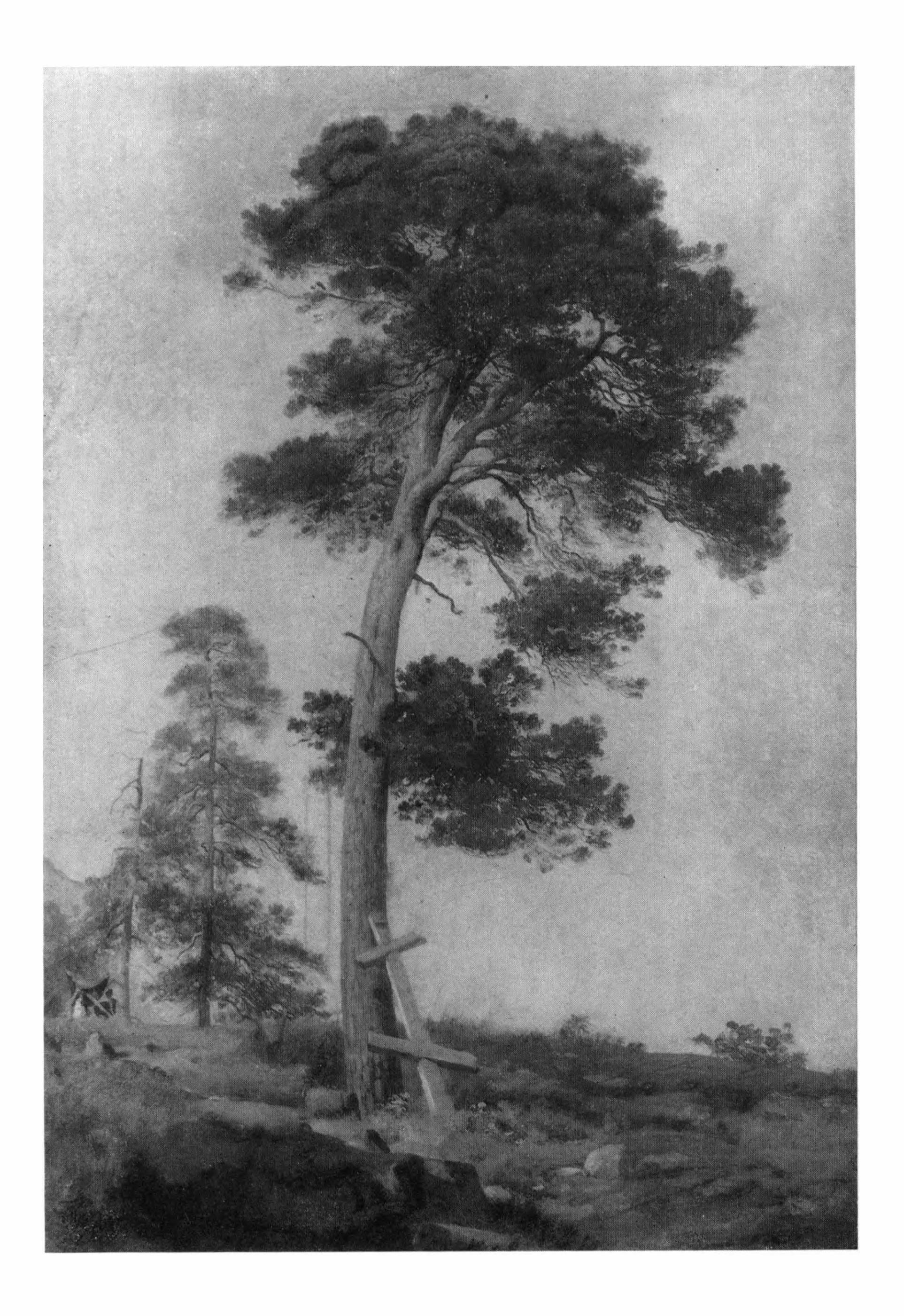
бы картина явилась внутрен-
ней, преимущественно, — и по-
тому я нашел необходимым
изменить первый размер
т: е: въ место 11 и 14 вершков
я взял 10½ и 15, — полагая
что вы не будете в претензии
[illegible] [illegible] [illegible]

Сюжет картины — [illegible]
[illegible] грязь, на среднем плане
остатки [illegible] и [illegible]
[illegible] дуба, ~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible] будет [illegible] [illegible] и [illegible]

радуюсь что вы этим сюжетом [illegible]
довольны. — Этот год [illegible]
[illegible] мало, где я ни проводил
дождливое лето — кстати, нынче
лето было здесь, да и везде, кажется,
по крайней мере в Швейцарии и
даже в Италии была прескверная
погода, — радуюсь что [illegible]
[illegible] не будет этюдов. —

а что наговорил я тому картину
красками и красное временем, —
мне совестно, — а дело показалось
неисправимым — что станет
делать, добрейший Николай Дмит-
риевич, а ведь сколько я [illegible]
[illegible] [illegible], и сколько от-
нимет [illegible] время. — и [illegible]
[illegible] было [illegible] советов
[illegible], и [illegible] что [illegible]
и довели ее до состояния [illegible]
[illegible] [illegible] в искусстве, [illegible]
[illegible] от этюда [illegible] [illegible] —
— Если вы будете так
добры Николай Дмитриевич

17. Автограф письма И. И. Шишкина Н. Д. Быкову (№ 67) с наброском-вариантом картины «Вид в окрестностях Дюссельдорфа». Фото

18. Вид в окрестностях Петербурга. Масло. 1856

19. Сосна на Валааме. Этюд. Масло. 1858

20. Местность Кукко. Вид на острове Валааме. Масло. 1859 или 1860

21. Трущоба.
(Вид на острове Валааме).
Литография. 1860

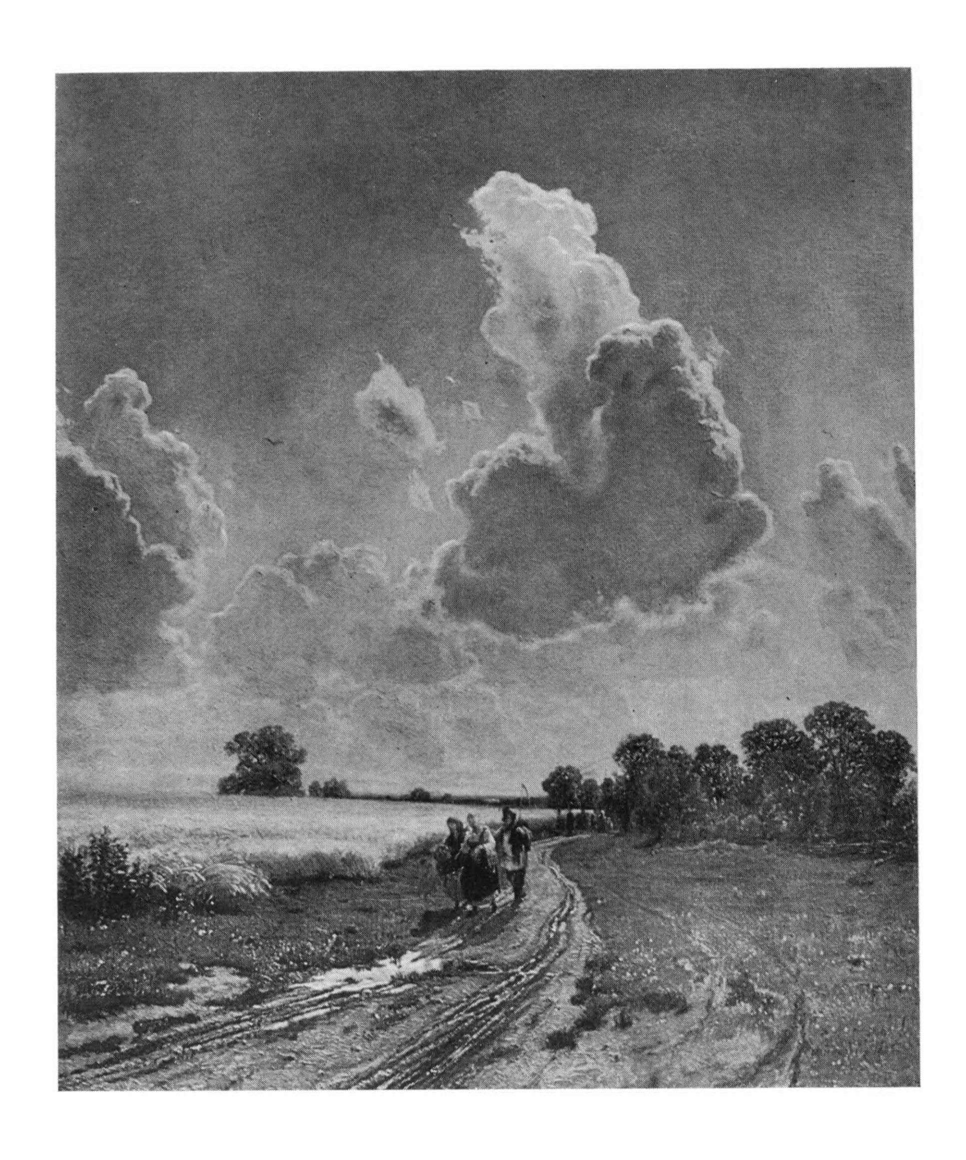

1862.

22. И. И. Шишкин и А. В. Гине в мастерской на острове Валааме. Этюд. Масло. 1860

23. Дрезден. Мост Августа. Акварель. 1862

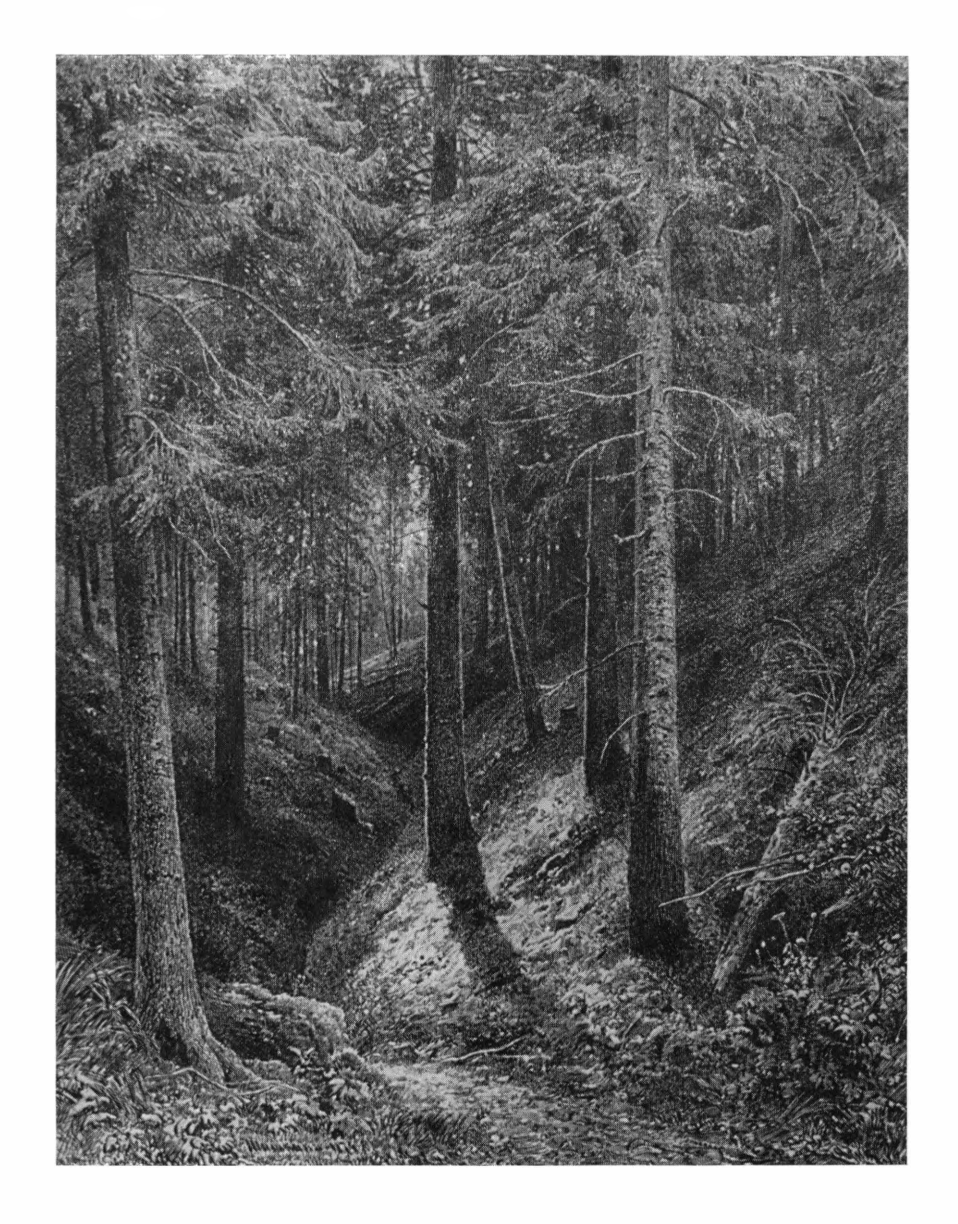
24. Полдень. Окрестности Москвы. Братцево. Масло. 1866

25. Вид в окрестностях Дюссельдорфа. Масло. 1865

26. Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии. Масло. 1872

27. Овраг в еловой роще. Тушь, перо. 1874

28. Рожь. Масло. 1878

29. Пруд.
Карандаш. 1870-е гг.

30. Сосны на взморье.
Карандаш. 1877

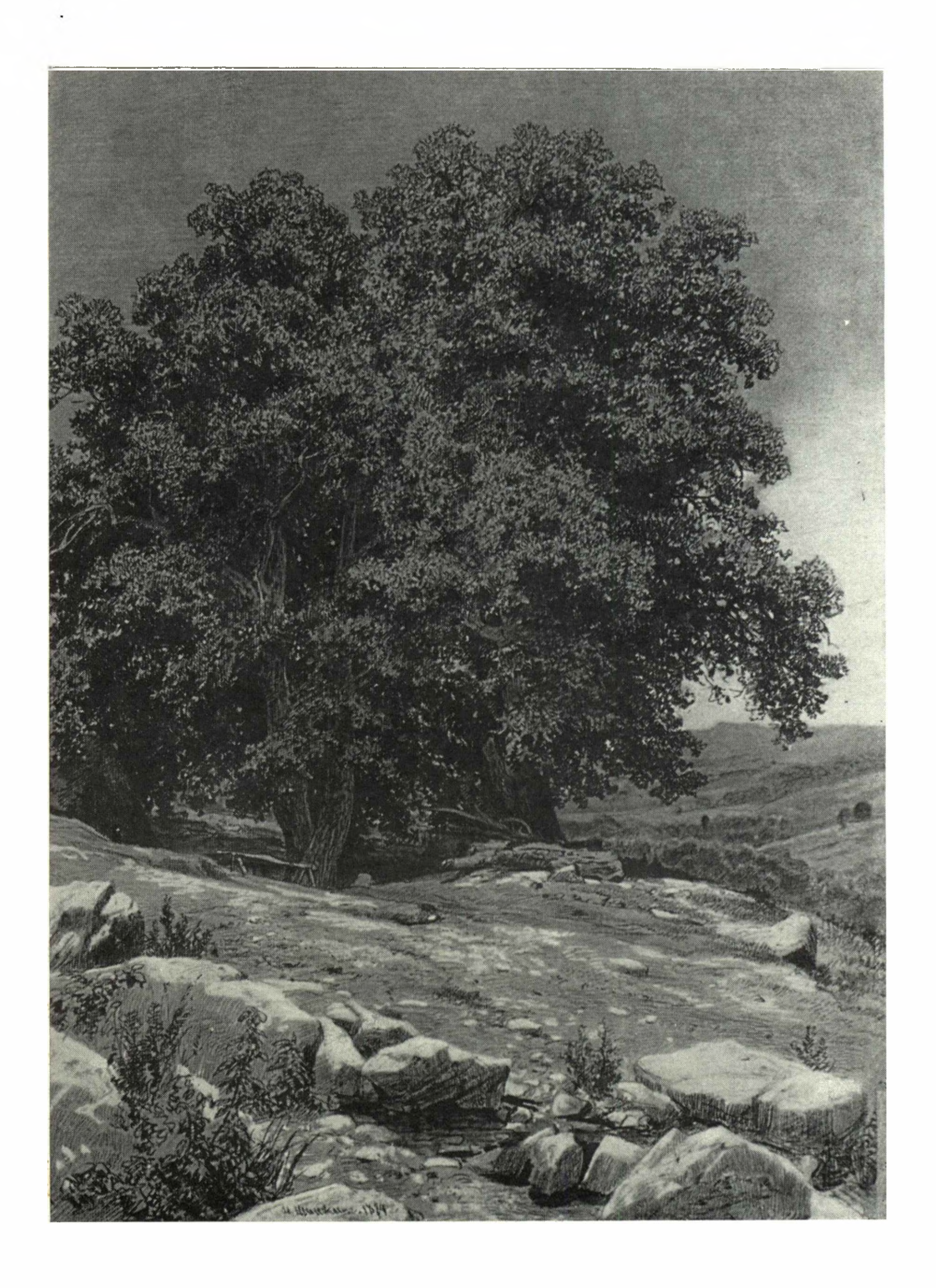
31. Сууч-хан. Крым. Карандаш. 1879

32. Из окрестностей Гурзуфа. Этюд. Масло. 1879

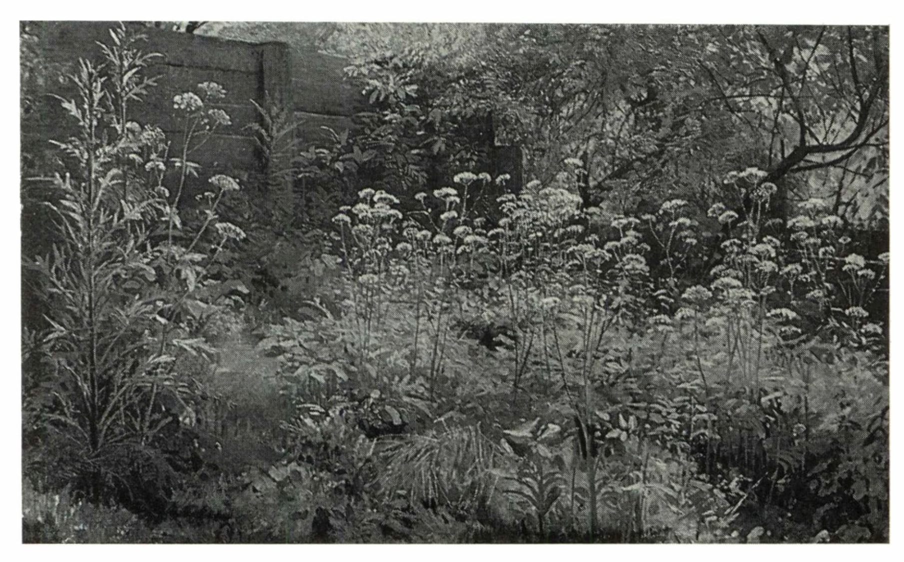
33. «Среди долины ровныя...». Масло. 1883

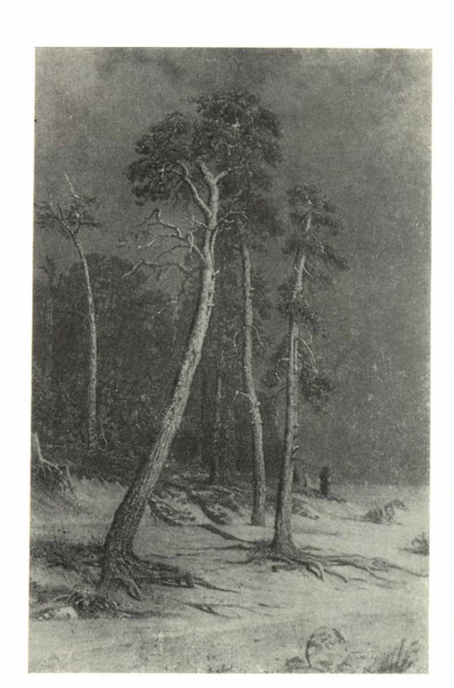
34. Крымские орешины. Уголь, мел. 1884

*35. Поемные луга. (Болото).
Уголь, мел. 1884*

*36. Сныть-трава. Парголово.
Этюд. Масло. 1884—1885*

37. Сосны. Офорт. 1885

38. Поле. Офорт. 1886

39. *Сосны, освещенные солнцем.*
Масло. 1886

40. Дубовая роща. Масло. 1887

41. Бурелом. Масло. 1888

42. Дубы. Масло. 1887

43. Смешанный лес (Шмецк близ Нарвы). Масло. 1888

44. Утро в сосновом лесу. Масло. 1889

45. Лесное болото. Тушь, перо. 1889

46. Берег моря. Мери-Хови. Уголь, мел. 1889

47. Разливы рек, подобные морям.
Карандаш, уголь, соус, белила. 1890

48. Зима.
Масло. 1890

49. Травки.
Этюд. Масло. 1892

50. Дождь в дубовом лесу.
Масло. 1891

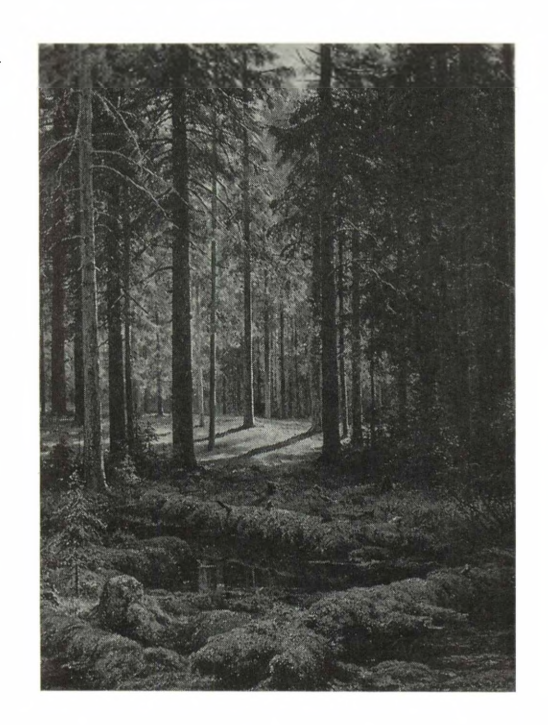
*52. Старые липы.
Масло. 1894*

*53. Опушка лиственного леса.
Масло. 1895*

*51. В лесу гр. Мордвиновой.
Масло. 1891*

54. Хвойный лес. Солнечный день. Масло. 1895

55. Корабельная роща. Масло. 1898

По средам он несколько раз уходил из собрания в другие комнаты, к домашним, и сидел там, чтобы успокоиться и не говорить лишнего. Примирителем являлся Куинджи, и хотя Иван Иванович возмущался тем, что «чужак» вмешивается в семейные дела Товарищества, но ему было приятно, что по крайней мере хоть кто-нибудь да заговорит об этом прямо и можно было все высказать и объясниться. В «среду» после этого Шишкин так прижал всех к «стене», как он говорил потом, что большинство сейчас же объявило, что ничего не имеет против него, что все были недоразумения, и согласилось с тем, что занять на время залу Академии — не значит войти в ее состав, признать какое-либо академическое начальство. Все были рады примирению, хотя этот мир и был заключен положительно по пословице «худой мир лучше доброй ссоры». Иван Иванович не мог опять сразу сойтись по-прежнему с товарищами, не мог им в угоду бросить дело, которому он вполне сочувствовал, принимая к сердцу все, что происходило в Академии, и стараясь привлечь других к этому делу.

Больше прочих его поддерживал в этом Куинджи, с которым наружно продолжались дружеские отношения, хотя несколько раз готова была вспыхнуть ссора — больше всего из-за забот Куинджи о Товариществе, которым Шишкин не верил. Иногда Иван Иванович, написав ему резкое письмо, объявлял, что он один только вполне понимает «хитрого грека» и не поддастся больше на его добродушие и что между ними все кончено. Вдруг раздавался звонок, входил Куинджи и иногда со слезами извинялся, что у него что-то неловкое вышло, нечаянно, и тогда из кабинета только слышалось громогласное: «Нет, ты постой, я говору, я говору». Куинджи говорил час, два, и Иван Иванович, выходя из кабинета с пристыженным видом, сообщал: «Помирились, ну его совсем... Что уж тут» — и они опять были друзьями до первого случая, задевавшего самолюбие Ивана Ивановича.

На выставке в том году у него были картины: «В сосновом лесу» и «Летний день». Этой же зимой (1892) вышли 60 офортов, изданных Марксом.[47] Весной, после художественной экскурсии, Шишкин приехал в Шмецк, где, не смущаясь холодным летом, работал все дни под дождем и говорил, что чувствует себя лучше, чем в жару, которую он не переносил; холодная же погода доставляла ему возможность выпивать несколько лишних рюмок, как бы по праву, «с холода», и не смущаться от этого перед домашними. В Шмецком лесу были везде сделаны Иваном Ивановичем удобные сиденья из пней, сучьев и мха; иногда он устраивался писать очень удобно, над водой, на упавшей березе, лежащей над глубоким болотом; везде сооружал свои мольберты и

писал этюды чуть не в два аршина длиной и шириной. Но погода все-таки выгнала Шишкиных раньше обыкновенного, и они опять переехали на Крестовский, где Иван Иванович работал до снега и за все лето и осень сделал кроме сорока небольших 17 громадных, превосходных этюдов, которые решено было выставить опять в Академии. Эта выставка была устроена главным образом с целью заставить молчать тех, которые говорили, что Шишкин не может больше работать, если сам сознал необходимость отдать отчет в своей деятельности прошлогодней выставкой. Он хотел доказать, что способен сделать в три месяца то, на что другим было бы мало трех лет.

В эту же зиму 1892 г. Репин, Маковский, Васнецов, Куинджи и Поленов были назначены профессорами. Иван Иванович не скрывал, что находит несправедливым назначение Куинджи как человека, оставившего художественную деятельность почти 15 лет; Куинджи не мог это не узнать, но они продолжали оставаться «faux amis»,[48] чтоб не вносить раздора в самом начале нового дела. Потом их всех встревожила отставка графа Толстого от должности конференц-секретаря: партия Ярошенко торжествовала, Иван Иванович и особенно Куинджи были огорчены расстройством своих планов, так что даже на время забыли личные счеты и опять сошлись. В эту зиму и прошлую после выставки к Ивану Ивановичу приходило особенно много учеников и из Академии, и посторонних, и он всем охотно давал советы, когда видел талант. Но, по его взглядам, он не должен был одобрять, «захваливать» сразу ученика,— поэтому иногда так сурово встречал вновь пришедшего к нему юношу, что с одним из них раз сделался почти обморок, так что Иван Иванович сам ужасно перепугался. Приходившие к нему за советами барышни почти всегда ударялись в слезы. Иногда Иван Иванович ходил с учениками посмотреть их работы и всегда возвращался в хорошем расположении духа, когда находил что-нибудь интересное, всегда помогал им в нужде и выхлопатывал стипендии, большей частью в Обществе поощрения художеств. Если ученик попадал в добрую минуту, когда Иван Иванович ничем не был особенно занят или встревожен, он говорил так, что, наверное, все им сказанное навсегда оставалось в душе молодого художника. Иногда он получал письма от иногородних, но отвечал только тогда, когда письмо или присылаемые этюды или рисунки ему нравились. Случалось, он давал подробные советы, как надо учиться ⟨...⟩. То же Иван Иванович советовал и приходившим к нему ученикам, чтобы по фотографии они научились зимой низшей технике пейзажа и летом изучали уже только краски, не смущаясь трактовкой мате-

рии предмета и самими приемами живописи; он бывал очень доволен, если кто понимал его и следовал его совету; в результатах же изучения природы по фотографии он был уверен, проверив это на себе, Космакове,[49] Шильдере и др.

Для выставки 1893 г. Шишкин написал «В саду Лаваля» и «Летний сад». В мае, прежде чем ехать на дачу в Дудергоф, он поехал с Вишняковым, Шильдером и Г.[50] в Спалу в Беловежскую пущу, про которую ему говорил государь император Александр III при посещении его выставки; но из-за дурной погоды Иван Иванович не мог сделать того, что хотел. В Дудергофе его также ждало разочарование: дача была нанята зимой, и по приезде туда Иван Иванович увидал, что ему совсем нечего там делать, и хотя потом и начал несколько больших этюдов, но, кажется, ни одного не кончил и больше занимался войной с кошками, заходившими в их сад, защищая от их нападений своих любимых певчих птичек; смотрел также на войска на Красносельском поле, да иногда ходил наблюдать необыкновенно красивые тучи, бывшие в это лето. Его мрачное настроение немного рассеял приезд Куинджи и известие, что граф Толстой назначен вице-президентом Академии. Но по возвращении в город в семействе начались разные неприятности, и настроение Ивана Ивановича было просто ужасно. Он ничего не делал, только ходил взад и вперед по комнатам, всех в чем-то подозревал, выдумывал такие несчастья и неприятности, каких и не было вовсе, по ночам не спал, а читал уголовные французские романы, а часов в 12 садился ужинать и сидел часов до 4-х, пока не опустеет маленький графинчик, стоявший перед ним.

В подобном настроении Иван Иванович считал себя ни на что не способным, мучаясь тем, что его песенка спета, и, когда ему предложили быть профессором-руководителем мастерской новой Академии, он испугался и начал отказываться, хотя это нисколько не противоречило его взглядам. Правда, он говорил: «Как это можно кого-нибудь учить», но учеников у него и так было много и среди академистов, так что, поступая в Академию, он там не находил ничего нового; но он боялся, что в Академии надо «действовать», т. е. интриговать, уметь проводить свои мысли, говорил, что он не надеется на Куинджи (который был назначен также руководителем пейзажной мастерской), но тот относился к нему так хорошо, искренно, так его уговаривал, что Иван Иванович сдался и был назначен профессором-руководителем, вместе с другими, по новому уставу.[51] Мало-помалу он опять втянулся в это дело и начал писать программу для учеников своей мастерской, как надо, по его мнению, учиться пейзажу;

он обо всем советовался с Куинджи, с которым решил идти рука об руку и не ссориться больше. Они сговорились так: учеников делить сообразно направлению их таланта, причем каждый из руководителей должен давать советы всем ученикам, а потому мастерские должны быть общими; а чтобы не сбивать молодежь противоречиями, было решено сговариваться заранее обо всем, что будут говорить ученикам.

Таким образом, казалось, все шло хорошо. Иван Иванович начал писать «Лесное кладбище», но все хандрил, повторяя, что ему не стоит идти в Академию, что он там без учеников останется, так как все знают, что он относится строго, спуску никому не дает, считая такое отношение своей обязанностью и не желая заблаговременно создавать себе популярность и всех забирать потихоньку в руки. Когда его разуверяли, он сдавался, но при малейшем поводе опять начинал свое, и даже летняя работа в Меррекюльском и Шмецком лесу не могла разогнать эту хандру.

Осенью Шишкину пришлось вступить в исполнение своих обязанностей; в его мастерской почти все ученики уже не первый год были знакомы ему и приходили к нему на дом, как Борисов, Бондаренко, Вагнер,[52] Рущиц, Химона и др. Он заранее объявил, что много учеников он не возьмет, потому что не может быть много талантливых, а людям бездарным он считает совершенно лишним заниматься искусством серьезно, и, если ему удастся образовать одного, двух хороших художников, он считает свою задачу выполненной. Придя в первый раз в Академию, Иван Иванович был очень весел, много рассказывал, смеялся с учениками и произвел на них самое лучшее впечатление, какое он всегда производил на людей, когда был в веселом расположении духа. Вскоре он опять пришел туда и увидал, что дверь, ведущая в мастерскую Куинджи, наглухо заделана. Это сразу опять восстановило прежнее недоверие, и, когда Куинджи, бывая у него, смеялся над его подозрительностью, Иван Иванович упорно отмалчивался. Было решено, что все ученики Академии могут обращаться к ним за указаниями по пейзажу, и для этого были назначены пятницы, на которых Шишкин ни разу не был; узнав, что в первый раз было 200 человек, он сердился, говоря, что вместо дела они устраивают развлечение ученикам. Потом кем-то было передано Ивану Ивановичу, что Куинджи позволяет себе в присутствии учеников делать неодобрительные отзывы об этюдах Шишкина, висевших у него в мастерской. Иван Иванович видел, что его ученики только и думают, как бы пойти в мастерскую Куинджи, где всегда было очень весело, поднимались разные интересные вопросы и от них не требовали постоянной работы. Сначала Иван Иванович хо-

дил в Академию почти каждый день, потом начал ходить все реже и реже, так же как и на академические собрания. «На что я там?— говорил он. — Теперь я уже больше не нужен», и уже в ноябре просил графа Толстого об отставке, но его уговорили остаться.

На средах передвижников много споров и пререканий возбудило помещение их выставки в залах Академии художеств, но так как большинство передвижников были уже члены или профессора Академии, то выставка в Академии казалась вполне логичной, и Ярошенко ничего не мог против этого сделать. Эта выставка, на которой у Ивана Ивановича были картины «Кама» и «Сосновый бор», вызвала множество толков и статей о распадении Товарищества, о слиянии его с Академией, даже о захвате Академии передвижниками. Многие из товарищей даже сомневались, нужно ли теперь их общество — почему и решено было устроить съезд в Москве. Шишкину было горько и досадно, что его обвиняли в том, что это он втянул Товарищество в Академию, но он судил по себе и никогда не допускал мысли, что Товарищество должно распасться, потому что нашлось еще другое дело: он и шел в Академию с условием, что останется передвижником. На съезд в Москву Иван Иванович не мог ехать по болезни — беспрестанные, непривычные волнения, неприятности и излишества последних лет давали себя чувствовать; у него уже началась одышка, доктора определили грудную жабу и запретили ему спиртные напитки, с чем он никак не хотел согласиться. В Москву он написал председателю съезда, что присоединяет свой голос ко всем постановлениям, клонящимся к развитию и упрочению Товарищества.

Передвижное общество осталось тем, чем было, только переменило или прибавило несколько параграфов в своем уставе.

Иван Иванович не раз говорил, что, по его мнению, главное дело профессора-пейзажиста — не зимой, а летом, и предлагал сделать правилом, чтоб Академия нанимала дачу для учеников пейзажной мастерской в месте, выбранном профессором, но так как это не состоялось, то он уговорил некоторых из учеников поселиться вместе с ним в Меррекюле, что и было исполнено. Иван Иванович писал иногда с учениками одни и те же этюды, и хотя порою был нетерпелив в своих требованиях, но старался действовать на каждого юношу сообразно его характеру; заметив, например, что Борисов очень самолюбив, он хвалил ему этюды Химоны и смеялся, видя, что это его задело и что он начал работать вдвое усерднее.

Результатами этого лета Иван Иванович был очень доволен, особенно когда на ученической осенней выставке оказалось, что

его ученики сделали громадный шаг вперед и в его мастерской, по общим отзывам, были лучшие вещи.

Но во время этой выставки Иван Иванович не был уже профессором Академии. Летом он простудился и заболел, серьезного ничего не было, но грудная жаба при каждом удобном случае давала себя знать одышкой и слабостью. Иван Иванович не привык к болезням, к осторожности и говорил обыкновенно, что «теперь все равно, берегись не берегись один конец», но водку, однако, почти совсем бросил. Осенью у Ивана Ивановича с Куинджи начались самые натянутые отношения. Однажды профессора выбирали в музее Академии более слабые вещи для рассылки по провинциальным школам, Иван Иванович был тут же и вдруг слышит, что Куинджи говорит, указывая на какую-то вещь: «Вот и эту дрянь послать можно». Шишкин ничего не сказал, но вернулся домой совсем расстроенный, и хотя после этого ему и объясняли, что Куинджи думал, что эта вещь принадлежит другому автору, дело от этого не изменилось. Шишкин опять начал себя чувствовать лишним, не способным бороться и отстаивать даже самого себя, и в октябре 1895 г. уже подал официальное прошение об отставке, прося Совет Академии признать его учеников Химону, Борисова и Рущица конкурентами и дать им мастерские.

Первое время после отставки он храбрился, говоря, что отдыхает, и действительно отдыхал от всяких треволнений последних лет. Но мало-помалу Иван Иванович заметил, что остался почти совсем одинок; прежние товарищи передвижники были поглощены делами Академии, некоторые переселились в Москву; прежние ученики перешли в мастерскую Куинджи и редко заходили к нему; среды у него больше не собирались, так как чересчур утомляли Шишкина. В Академию он ходил только смотреть панораму Шильдера, которую тот писал в одной из мастерских; возвращался он обыкновенно в восторге и от души радовался за Шильдера. Он впоследствии возмущался, что Шильдера «замолчали», что не нашлось ни одного художественного критика, который показал бы всем, что его панорама «Баку» и диорама «Огни древних персов» — явление далеко не заурядное.

Всю жизнь присматриваясь к новым веяниям и боясь отстать от своего времени, Шишкин старался в своих картинах «Вечерняя заря», «Дубовая роща» и «Еловый лес» достигнуть чего-то нового по колориту, сознавая, что так писать, как они когда-то писали, уже нельзя; но он был слишком удручен нравственно, чтобы сделать что-либо особенное, и картины вышли самыми

обыкновенными его вещами с прелестными мотивами, но и сам Иван Иванович обвинял их в красочности.

В 1896 г. Шишкиными была нанята дача на станции Преображенской, где Ивану Ивановичу все очень понравилось. Он с удовольствием начал работать, но у него разболелась нога. Болезнь затянулась оттого, что сначала он потихоньку лечил ногу разными невозможными средствами, чем даже подверг свою жизнь большой опасности, а потом, когда началось правильное лечение, плохо слушался докторов.

По мере того как Иван Иванович отставал от спиртных напитков, характер его делался все мягче и уступчивее. Жизнь его была совершенно спокойна, каждая малейшая прихоть его исполнялась, и все болезни его за это время происходили всегда от его собственной неосторожности: он никак не мог понять, что ему не по силам уже то, что он привык делать раньше. Зимой 1896/97 г. он вначале скучал, часами сидел у окна мастерской, наблюдая уличную жизнь, чинил и отливал разные вещи из олова, добытого из пузырьков с красками; затем начал писать картины: «Туман на пруду», «Рожь», «Болото», «После жаркого дня». Принимался за офорт и цинкографию, но сделал только одну доску — «Грязную дорогу», остальное не кончил.

В 1897 г. было 25-летие Товарищества передвижников; решено было отпраздновать это торжественным обедом, издать альбом, пригласить к участию на выставке всех прежних членов. ⟨...⟩ Вторичному присоединению И. Е. Репина в этом году к Товариществу, кажется, никто так не радовался, как Шишкин; также он сам писал В. М. Васнецову, прося его принять участие в их празднике.

Его хандра к весне совсем прошла, он с нетерпением ждал лета, чтоб «поработать». И действительно в последнее свое лето 1897 г. он работал с какой-то жадностью, и его этюды точно выливались из-под кисти — таких тонов, такой силы и правды красок, как в этом году, у него, кажется, еще не было; он писал большие этюды в своем саду, в парке, окружающем дачу, и делал небольшие экскурсии верст за 9, за 12 по окрестностям, на лошадях и по реке Оредеж на пароходе. Преображенское так понравилось Шишкиным, что они решили там купить себе место для дачи, выбрали небольшой кусок земли на берегу Лути и хотели строиться. Ивана Ивановича это ужасно занимало, он мечтал даже об артезианском колодце и фруктовом саде, о водяном колесе на ручье и пр.

В городе многие близкие знакомые начали ему говорить, что так как теперь он не может особенно жаловаться на здоровье, то

он должен опять идти в Академию, тем более что на месте Куинджи там будет А. А. Киселев, с которым он почти всегда был в хороших отношениях. Иван Иванович отвечал обыкновенно, что он согласился бы быть профессором Академии уже только для того, чтобы провести свою заветную мысль о рисовании с фотографии, т. е. с экрана волшебного фонаря, но что он не хочет подвергаться случайностям баллотировки. Когда же весь Совет Академии просил его снова занять свое место, Шишкину ничего не оставалось, как благодарить всех в лице графа Толстого за избрание, которым почтила его Академия, и уверить «в полной готовности служить дорогому искусству и помогать питомцам Академии, посвятившим себя изучению пейзажа». Но он поставил условием, что по болезни не обязуется ходить туда ни часто, ни аккуратно; что считает необходимым выработать совместно с А. А. Киселевым план преподавания и устройства в Академии волшебного фонаря с экраном, на котором фотографии рисовались бы почти в натуральную величину; что он не будет получать жалованья и не будет ходить на заседания Совета. Все эти условия были приняты, и Иван Иванович занялся составлением программы, или, вернее, окончанием программы 1895 г., но вскоре опять заболел воспалением легких и принужден был долго оставаться в постели.

Шишкину очень понравились рисунки одного алтайца, Гуркина,[53] только что приехавшего учиться в Академию, и он принял в нем такое участие, какого давно никому не показывал. Он мог бы поместить его в свою мастерскую в Академии, но решил, что Гуркин будет заниматься у него на квартире, что в Академии, пожалуй, собьют с толку, испортят это «дитя Алтая». Иван Иванович как будто торопился все показать Гуркину, всему его научить и развить его. Сам он давно, может быть с самой молодости, не был в таком добродушном и веселом настроении, как в эту зиму; принимал живое участие в делах своих домашних, как-то особенно радушно встречал всех приходивших к нему, на все отзывался — точно у всех хотел оставить по себе светлую память. Он почти сразу приступил к картинам: «Дорога в сосновом лесу», «Пруд в старом парке», «Заброшенная мельница» и «Корабельная Афонасовская роща близ Елабуги». Последние эти вещи он начал писать совсем новыми приемами. Он чувствовал необыкновенный прилив нравственных сил и бодрости, хотя физические силы ему часто изменяли. Кажется, у него никогда не было столько планов на будущее, столько предположений. Так, в надежде на следующее лето он роздал по музеям множество этюдов последнего года. Все в эту зиму как-то радовало Ивана Ива-

новича и удавалось ему, неприятностей у него не было, все кругом было мирно, все к нему относились хорошо, опять о нем вспомнили, его вещи производили необыкновенное впечатление. Огорчало Ивана Ивановича только то, что в Академии никак не могли устроить волшебного фонаря, а ему очень хотелось поскорее видеть это дело исполненным, «поставить себе этим памятник», как он говорил, хоть раз, два показать и объяснить все ученикам; но это ему так и не удалось. Шишкин очень редко бывал в мастерской, так как прежние его ученики уже кончили, а из новых никто не заинтересовал Ивана Ивановича. Если порой на него нападали обычные сомнения в себе, в своих силах,— он им не поддавался и оставлял вещь на время и принимался за другую. Когда Иван Иванович сидел вечером один, большей частью за рисунками пером, то почти постоянно слышались его разговоры с «Ахметкой»: это значило, что Иван Иванович совершенно спокоен и весел и вслух говорит сам с собой, двумя голосами, одним своим собственным, а другим так, как говорят по-русски татары; иногда он даже своих вводил в заблуждение, и они, слыша горячий разговор в мастерской, шли туда, а там был один Иван Иванович, мирно сидящий за рисунком. «Это я с Ахметкой спорю,— смеясь говорил он,— вот уверяет, бритая башка, что я тут не так делаю». А иногда являлся и «отец Илья» или «Питирим», поп-расстрига, склонный к рюмочке и поющий разные «стихи» неимоверно козлиным голосом. Когда-то Шишкин часто представлял комического старичка с палочкой, которого ведет девочка, он от старости все позабыл и все спутал, а в последний год он говорил: «Вот я прежде представлял старичка, а теперь и в самом деле ног поднять не могу и водить меня приходится»,— хотя и несколько преувеличивал свою слабость, в особенности перед чужими.

Когда его картины и рисунки были готовы, с ним началось обычное «выставочное настроение»; ему не верилось, что картины хороши, он приглашал то того, то другого из знакомых посмотреть на них и высказать свое мнение, которое у всех было одинаково. Но он все-таки боялся, говорил, что это только в мастерской так кажется, а вот что-то будет на выставке. Как раз его дочь заболела дифтеритом, и хотя от него и скрывали ее опасное положение, но он, как и всегда во время ее болезни, да и при болезни всех других из семьи, выдумывал постоянно разные осложнения и мучился все время. Картины отправили на выставку, и все приезжающие оттуда товарищи поздравляли его с успехом, необыкновенным даже для него; все кругом говорили, что

«Корабельная Афонасовская роща» должна быть в музее Александра III,[54] но Иван Иванович сомневался в этом и не верил до тех пор, пока его не поздравили с продажей этой картины государю. Тогда Иван Иванович начал печалиться об участи других картин. «Наверное, не продадутся, кто их купит!» — вздыхал он. Как нарочно, являлись письма с выставки о том, что «Пруд» купил великий князь Сергей Александрович,[55] или рисунок пером «Дубы» — великий князь Павел Александрович,[56] — и Иван Иванович успокаивался.

Когда дифтерит у его дочки прошел и началось воспаление почек, Иван Иванович приходил к ней и садился на кровать, обнимая свою «дряннуху», и долго иногда сидел, смеясь и разговаривая. Его бодрость опять к нему вернулась; сначала он задумал переделывать «Заброшенную мельницу», которою был не совсем доволен, но потом решил писать другую картину и прелестно скомпоновал два рисунка для нее; прежде он хотел ее назвать «Лесное царство», а потом «Красполесье», так как она должна была изображать целое море соснового леса. Последний рисунок он сделал 6 марта и все время был очень весел. Холст был уже заказан, и 7 марта его принесли; нужно было его разбить на клетки, но Иван Иванович последний год уже не мог этого делать сам и за него делала племянница, но в этот вечер ей нездоровилось, и она отложила это до утра. У Ивана Ивановича вечером был, как всегда, массажист, и, разговаривая с ним и Викторией Антоновной, Шишкин сказал: «Вот как бы я хотел умереть — так это моментально,[57] сразу, чтобы не мучиться».

Утром 8 марта, около 9 часов, когда его племянница пришла, он ее встретил словами: «Вот ты меня чуть не лишила работы на сегодняшнее утро, а я все-таки без дела не сидел, рисовал с фотографии, чтобы вот ему (Гуркину) показать, что с фотографии можно зачерчивать так же, как и с натуры». Пока приготовлялся холст, он делал второй рисунок и все время говорил, ждал газет, чтобы узнать подробности открытия музея Александра III; потом пробыл с четверть часа у своей Куси и Виктории Антоновны; смеялся над синичкой, вылетевшей из птичьей комнаты, бранил ручного скворца, садившегося ему на голову, но пожаловался, что чувствует какую-то слабость, что эту картину тяжелее начать, чем прежние, и что он опять плохо спал эту ночь, как и прошлую. Возвратившись в мастерскую, он поговорил с Гуркиным и сел рисовать картину углем, с рисунком в левой руке, начертив нижнюю половину первого плана, он передвинулся со стулом направо, и Гуркин услыхал, что Иван Иванович зевнул, а выглянув на

него из-за своего холста, увидал, что рисунок валится из рук Ивана Ивановича, а сам он, с углем в руках, тихо падает со стула. Гуркин бросился к нему и подхватил его уже мертвого.

А. Т. Комарова. КРАСКИ ШИШКИНА[58]

Знание материалов, которыми пользовались при своих работах тот или другой крупный художник, имеет очень большое практическое значение, позволяя хотя отчасти объяснить те изменения, которые происходят в картинах с течением времени. Я присутствовала при творчестве картин и этюдов профессора Шишкина в последнее десятилетие его жизни, знала его палитру и настоящей заметкой надеюсь помочь желающим проверить изменения хотя некоторых красок, анализируя его произведения.

Шишкин употреблял большей частью немецкие краски Мевеса.[59] Белила служили ему преимущественно цинковые.[60] Свинцовые белила, как скоро сохнущие, он брал с собой в поездки и на некоторые этюды с натуры на даче, в картины же они попадали, только когда он уж очень торопился к выставке.

Писал по возможности на дрезденском холсте. Он говорил, что краски меньше изменятся, если брать по возможности готовые, уже проверенные на фабрике тона и накладывать их рядом, чем смешивать всякую грязь на палитре, «хотя как от этого удержаться?» — прибавлял он. Он приобретал много красок, и наряду с привычными тонами на его палитре часто можно было найти какую-нибудь новость красочной фабрики. Но если он знал о непрочности той или другой краски или какого-либо смешения — то уже строго избегал этого. Так, например, кармин был им выброшен из употребления (хотя с большим сожалением), после того как в конце 1890-х годов Поленов показал свои таблицы красок, простоявшие 10 лет — одна на свету, другая в тени. Кармин на свету совершенно исчез.

[В палитру Шишкина входили следующие краски]:

Красные: английская, китайская киноварь, краплаки, rose, doré употреблял только для лессировок.[61] Terre de sienne brulée пользовалась его большой симпатией.

Разных зеленых Шишкин употреблял очень много. Главными красками были: Permanent, Paul Veronese (*нрзб*), зеленый кобальт, в большом количестве — de grüne, хром, зеленая киноварь (которой шло тоже очень много), зеленая земля, изумрудно-зеленая.

Желтые краски употреблялись в большом количестве и самые разнообразные: охры, кадмии, цинковая желтая (для дальних

планов и освещенной солнцем листвы). Terre de sienne, очень редко хром, индийская желтая (для лессировки). Никогда не употреблял гуммигут, ауреолин. Желтую блестящую неаполитанскую он употреблял иногда по многу — для песка, обрывов, корней. Когда он писал большую картину сестрорецкие дюны[62] и в разных сестрорецких этюдах он для изображения первого плана в краску подмешивал тонкий песок. Вообще он говорил, что первый план нужно писать всевозможными способами, манерами и приемами, так как от этого больше выигрывает спокойная широкая трактовка дальних планов.

Синие краски — кроме кобальта и ультрамарина разных №№ только bleu de ciel и очень редко, больше для составления ярких зеленых тонов,— прусскую или парижскую синюю.

Коричневых красок на палитре бывало большое разнообразие. Привыкнув в молодости прокладывать все тени асфальтом, как это было тогда принято, он боролся с этой манерой почти до конца жизни, старался начинать этюды и картины со светов и кладя мазок к мазку, без всякой протирки теней, чем и отличаются главным образом его ранняя и поздняя манеры (говорил, что асфальт виноват в том, что прежние картины потемнели, и старался комбинировать в стволах и корнях всякие тона).

Фиолетовые краски и лаки употреблялись очень мало — большей частью все фиолетовые цвета составлялись из синих и краплаков.

Из черных красок он любил составлять зелень, но имел почти всегда только Noir d'ivoire и ламповую копоть.

Из оранжевых шел почти исключительно кадмий.

Краски на палитре Шишкина представляли параллельные гаммы, сливающиеся с одной стороны у большого пальца с белой, а на противоположной стороне — с черными красками. Ближе к краю располагались большими кучками более мутные краски, начинаясь с неаполитанских блестящих желтых, переходя к охрам, индийской и сиенам, английской красной и жженой сиене, темно-синим кобальтам и ультрамаринам, переливавшим далее в мутно- и темно-зеленые — кобальты, киновари, зеленая земля,— незаметно переходящие в коричневые и черные цвета. Под светло-желтыми верхнего ряда сияли рядом с белилами цинковая желтая, начинающая собой веселую мажорную гамму ярких, блестящих как драгоценные камни красок, переходящих от лимонных к канареечным, золотым оранжевым (кадмии, многие хромы). Далее горели яхонтом, рубином киноварь, rose, doré, лежали гранатами краплаки, красиво оттеняя небесно-синие и светлые кобальты. Иногда между ними сияли аметистами темные

капли какой-нибудь фиолетовой краски или лака. Синие чудесно связывались светло-зеленым кобальтом с следующими за ними ярко-зелеными — поль веронезом, перманентом и изумрудно-зеленой и через темно-зеленые незаметно переходили опять в черные краски. Шишкин говорил, что краски на палитре, что клавиши или струны инструмента, на которых художник разыгрывает свои мелодии, и как трудно играть на расстроенном инструменте, так трудно писать, находя нужный тон не на своем месте в той или другой гамме, а разыскивать его кистью по палитре.

Кисти свои Шишкин большей частью обрезал и чинил самыми различными манерами. Больше всего он дорожил старыми, обтрепанными кистями, которые давали постоянно новый неопределенный мазок и позволяли достигать большего разнообразия в манере. Иногда же он писал и шпателями, мох же, снег, стволы и разные предметы переднего плана — просто большим пальцем (Бурелом, снег, в Беловежской пуще). Как он писал картины, лучше всего высказано им же самим в письме к какому-то молодому человеку.[63]

В. В. Каплуновский. КОЛЛЕКЦИЯ И. И. ШИШКИНА[64]

«Лесной богатырь-художник», «царь леса», как называли современники Ивана Ивановича Шишкина (1831—1898), живет в своих неувядаемых произведениях, созданных его волшебной кистью, его карандашом, пером и гравировальной иглою.

Я неоднократно бывал в квартире его осиротевшей семьи, где вся обстановка до мельчайших подробностей говорит о том, что отсутствующий хозяин, творец «Чернолесья», «Соснового бора», «Вечерней зари», невидимо присутствует здесь; всегда казалось мне, что он куда-то вышел и вот-вот сейчас вернется, откроет дверь и войдет в комнату — мощный, широкоплечий, с седой волной вьющихся непокорных волос и с мягкой улыбкой... Он не приходил, но со стороны смотрели вдумчивые, молодые, проницательные глаза портрета, на котором прекрасно изображен иконописцем Осокиным 20-летний Шишкин, еще только начинавший тогда заниматься живописью.[65]

Сидишь и смотришь, а между тем слушаешь воспоминания близких о том, о другом, как, например, родители Шишкина не хотели, чтобы он сделался художником, и как мать воскликнула однажды с неподдельным ужасом, молитвенно поднимая руки к образам:

— Господи, да неужели же мой сын будет маляром!..

Рассказывали и о том, как, живя как-то летом в Меррекюле с некоторыми из своих учеников, Шишкин частенько писал этюды в парке.

Вот раз подходит к нему генерал (дилетант-живописец), рассматривает, щурится и покровительственно замечает:

— Гм... ничего... схвачено как будто недурно...

Художник встает и, приветливо раскланиваясь, отвечает с улыбкой:

— Благодарю за лестный отзыв. Позвольте познакомиться. Шишкин.

Смущенному генералу оставалось одно — поскорее стушеваться.

В прекрасном виде сохранилась коллекция покойного художника, где, кроме его собственных произведений, много картин и рисунков других живописцев, и, большею частью, все выдающиеся ⟨...⟩.

Все это собирала заботливая рука человека с высоким художественным вкусом, а теперь, после его смерти, все это так же заботливо сохраняется его дочерью, пейзажисткой Ксенией Шишкиной, которой уделил отец искру от своего творческого огня.

Нет ли еще чего-нибудь редкого? — задаешь вопрос, заранее зная, что там, в мастерской молодой художницы, таится много толстых папок.

И вот, мало-помалу вынимаются и раскладываются на столе, на рояле, на стульях ценные реликвии.

Это, так сказать, святая святых шишкинского музея.

Вот целый ряд тетрадей еще молодого И. И. Шишкина, где помещены его ранние рисунки с гипсов, чертежи, перспективы, снеговые эффекты, теория теней и бесконечные наброски с натуры, между которыми попадаются портреты товарищей, деревья, лошади, олени, различные фигуры, комната самого художника, где он работал в 1853 г., наконец, эскизы будущих картин.

Тут же мелькают порой беглые мысли и афоризмы.

Привожу некоторые из них.

«Брюллов от учеников постоянно требовал, чтобы они в свободное время и на прогулках заносили в свои альбомы все, обращающее на себя внимание живописностью или представляющее трудную задачу для художника».

«Борьба с технической частью искусства — тайна развития таланта».

«Работа есть условие таланта; охота и возможность преодолевать трудности есть характер таланта».

«Постоянная работа есть закон искусства»,

«Художник, копируя природу, в которой все беспрестанно движется и переменяется, не может схватить в ней разом более одного мгновения».

«Для художников посредственных одна принятая, условная манера кажется лучше, чем бесконечное разнообразное подражание природе».

«Отыщите одну истинную красоту в художественном произведении, и вы будете богаче того, который нашел в нем десять ошибок».

Н. Н. Хохряков. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И. И. ШИШКИНЕ [66]

Иван Иванович ко мне очень хорошо относился, как и покойная Ольга Антоновна Лагода-Шишкина, его жена ⟨...⟩, но Иван Иванович бывал иной раз и требователен, и, хотя потом смеясь и говорил «кого люблю, того и бью», все же часто резкие слова на меня производили впечатление, и он мне тогда говорил: «Вы как улитка, вас нельзя задеть, сейчас же вы и зажметесь в свою скорлупку. Так нельзя, вас здесь заклюют и вам не выбиться с таким характером».

У Ивана Ивановича я рисовал карандашом с его этюдов и фотографий. Написал один натюрморт. Вот этого мне и хотелось главным образом, но почему-то он предпочитал давать своим ученикам писать одним тоном с фотографии, на этом я сидел довольно долго. Он говорил, что вот в Академии все рисуют с гипса, а придет лето, выйдет человек писать на натуру и ничего не может сделать, нет уменья. Ни дерева, ни леса никогда ему не написать и не справиться. ⟨...⟩

К Ивану Ивановичу я ходил каждый день, приходил в 9 утра, у него завтракал, обедал, пил чай и уходил от него часов около 2-х ночи, все время работал.

Но мне было тяжело. Я был оторван от семьи, от своего уголка, где все было так для меня дорого и мило, меня тянуло домой. Хотелось постигнуть тайну красок, их гармоничное сочетание. Но Иван Иванович требовал только рисунка. «Нужно рисовать, иллюминировать-то уж это всегда можно. Краски-то Мевес делает!» — говорил он смеясь. Когда он увидел мои жалкие опыты писания картины, то раз сказал мне так: «Живопись вам надо запереть в ящик и ключ от ящика бросить в море.[67] А вот с рисунком у вас дело совсем иначе обстоит, рисунком вы займитесь серьезно и работайте над ним. У вас будет мастерство, и известность, и средства, а уж тогда можно будет и живописью заняться».

Н. А. Киселев. ИЗ КНИГИ: СРЕДИ ПЕРЕДВИЖНИКОВ. ВОСПОМИНАНИЯ СЫНА ХУДОЖНИКА[68]

Когда отец был избран на пост профессора-руководителя мастерской Высшего художественного училища Академии художеств, мастерская переживала кризис, вызванный столкновением методов преподавания двух профессоров, знаменитых художников — Шишкина и Куинджи. Они являлись антиподами по своим взглядам на методы преподавания, на технику работы и на идейную сторону творчества.

И. И. Шишкин был необыкновенным знатоком и любителем леса. Он до совершенства знал анатомию деревьев разных пород, всегда говорил, если видел неправильность в рисунке дерева: «Такой березы не может быть» или «эти сосны бутафорские». Некоторые упрекали его в сухости. Такое мнение, пожалуй, может быть оправдано по отношению к некоторым офортам, над которыми он проводил много времени в последние годы жизни. Но живописные его работы, несмотря на применение сложнейшей техники, всегда смотрелись свежо. Казалось, вы внезапно вошли в лес, ощущая как глазами, так и всем телом его близость. ⟨...⟩ Художественная техника до иллюзии сближает вас с природой, остается только молча восхищаться. Это заставляет вас невольно улыбаться и глубже дышать, а руки тянутся пощупать влажный мох.

Шишкин как был, так и до сих пор является крупнейшим русским художником-реалистом, знатоком лесного царства. И, как это ни странно, из его многочисленных учеников лишь Андрей Николаевич Шильдер был действительно крупным мастером.[69] Он обладал прекрасной техникой как в рисунке, так и в живописи, но самостоятельной — не шишкинской.

Ученики Шишкина, перешедшие под руководство нового профессора А. А. Киселева, так со временем говорили в дружеских беседах об Иване Ивановиче: «Шишкин был неоценимым профессором, знатоком, пользующимся большим авторитетом. Но он совсем забывал о том, что ученики его уже художники, имеющие каждый свое определенное лицо, свои явно выявившиеся склонности и твердые стремления к достижению самостоятельных художественных целей. Просматривая работы учеников, почти все внимание профессор обращал на технику, ее недостатки. Он жестоко критиковал ошибки в работах учеников, задевая их самолюбие, часто не обращая внимания на интересные творческие достижения».

Зимой, из-за невозможности писать с натуры, он заставлял учеников делать рисунки с проецируемых на большое полотно

диапозитивов, сделанных с его лесных картин и гравюр. Некоторые осуждали такой педагогический метод, но те, кто сумел терпеливо всмотреться в его живописные (маслом) картины лесных уголков и почувствовать очарование исключительно талантливой, насыщенной до предела чудесными деталями живой природы, и восторгались и учились многому.

Во время летних работ, когда совместно с профессором писали несколько его учеников, он по очереди подходил смотреть их работы и делал свои замечания. Некоторые из учеников, несмотря на ценность каждого его критического слова, готовы были, как говорится, провалиться сквозь землю. Шильдер сам рассказывал, что он, человек нервный, иногда, завидя издали фигуру Ивана Ивановича, направляющегося в его сторону, не мог удержаться и, оставив этюд и палитру, буквально уползал в кусты, как уж, а потом изворачивался, как мальчишка, объясняя свое отсутствие. Да! Ученики боялись Шишкина.

Другим предшественником отца на посту профессора-руководителя пейзажной мастерской был талантливейший художник Архип Иванович Куинджи. Он, как я уже писал, был педагогом, не имевшим по методу преподавания ничего общего с Шишкиным.

Задачей Куинджи во многих его работах было передать явления природы, не поддающиеся длительному писанию с натуры, как, например, пейзажи, освещенные ночным лунным светом, а также хатки, озаренные последними лучами заходящего солнца, которые можно наблюдать лишь в течение нескольких минут. Запечатлеть это даже быстрым наброском масляными красками невозможно, так как краски уже не видны ни на палитре, ни на холсте. Его необыкновенные способности запоминать тона и их взаимоотношения давали возможность днем создавать, до полной иллюзии натуры, различные вечерние и ночные пейзажи. В этих вещах использованы приемы, усиливающие эффект освещения. Но это была не натура, а иллюзия. Шишкин говорил, что он таких берез не видал. 〈...〉

Как педагог Куинджи совершенно расходился в методе преподавания с Шишкиным, для которого передача мелких деталей являлась необходимым средством для изображения лесного пейзажа. По мнению Куинджи, главное было передать в полную силу впечатление от эффектов освещения в природе, какими бы средствами это ни было достигнуто. 〈...〉

Отношение отца как к Шишкину, так и к Куинджи было проникнуто не только чувством глубокого преклонения перед их

талантом, но и теплым чувством дружбы и любви как к товарищам-передвижникам. Оба они часто заходили к отцу не по вечерам, как обычно к нам приходили знакомые, а днем, к завтраку, когда отец делал часовой перерыв в работе и спускался из своей мастерской на четвертом этаже нашей же парадной лестницы. Иногда происходили и неожиданные встречи этих двух антагонистов. Отец всегда пользовался краткими моментами, чтобы как-то примирить их отчужденность. Иногда это удавалось, и отец был очень доволен.

Иван Иванович был художником великого труда. Его нельзя было встретить на вечерах ни у нас, ни у Репина или Маковского, он заходил, как я говорил, только к отцу днем на часок, а то и меньше. ⟨...⟩

Вспоминается мне интересная беседа отца с Н. К. Рерихом об искусстве. ⟨...⟩ Шишкина Рерих считал богатырем русского леса. Он вполне оправдывал его строгое требование передачи красоты форм разных деревьев и особенностей пятен и складок на коре, свойственных разным породам. Это все при живописной технике Шишкина не сушит, а оживляет и освещает лес. Да! Это верно.

П. И. Нерадовский. ИЗ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА.[70] ВСТРЕЧА С ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ ШИШКИНЫМ

Отец мой учился вместе с И. И. Шишкиным в Московском училище живописи, а затем и в Академии художеств. В Петербурге они жили вместе. Отец мой был немного более обеспеченным. Шишкин был беден настолько, что у него не бывало часто своих сапог. Чтобы выйти куда-нибудь из дома, случалось, он надевал отцовские сапоги. По воскресеньям они вместе ходили обедать к сестре моего отца.

В 1895 году, весной, я приехал с бабушкой в Петербург навестить моего брата, учившегося в Инженерном училище. Я бывал в Эрмитаже, в Музее Академии художеств, видел здесь все, что меня особенно интересовало, а кроме того, под впечатлением рассказов о совместной жизни отца с Шишкиным я решил побывать также и у него.

Узнав, что Шишкин живет на 5-й линии Васильевского острова, против Академии, я пошел к нему. С замиранием сердца поднялся по лестнице, позвонил и с волнением ожидал встречи со знаменитым художником. Он сам отворил дверь. Его большая и, скажу откровенно, неприветливая фигура, голова с всклокоченными волосами произвели на меня немного подавляющее впечатление. ⟨...⟩

Я назвал себя, и после короткого разговора Шишкин ввел меня в довольно большую комнату, где мне прежде всего бросился в глаза его большой портрет, написанный Крамским[71] (позднее этот портрет поступил в Русский музей).

Шишкин сел в кресло за столиком против окна и пододвинул мне другое против себя. Немного порасспросив меня, он начал рассказывать мне про отца, про свои с ним ученические годы.

— Ваш отец любил антики с гипсов рисовать. А я, Саврасов и мои товарищи, еще когда мы учились в Москве, весной, как становилось тепло, всегда уходили куда-нибудь за город, часто в Сокольники, и там писали этюды с натуры. Любили писать коров.

Там-то, на природе, мы и учились по-настоящему. И как это было там интересно. И приятно же и полезно было работать на воздухе. Мы оживали там. Особенно мы испытывали это после длинных дней зимних занятий в классах.

На природе мы учились, а также отдыхали от гипсов. Уже тогда у нас определялись наши вкусы, и мы сильнее и сильнее отдавались тому, что влекло каждого из нас. Поступив в Академию, я и здесь при первой возможности уходил писать этюды за город, куда-нибудь на Петровский остров. А ваш отец все сидел на гипсах. А вы что любите? — вдруг спросил он меня.

Я ответил, не сразу найдясь, что люблю исторические картины, очень люблю портреты.

— Ну, вот, я тоже люблю архитектуру,— сказал он, показав рукой в окно на высокий дом,— люблю жанр, люблю портреты, люблю... мало ли что я еще люблю, да вот заниматься этим не занимаюсь и не буду заниматься. А люблю я по-настоящему русский лес и только его пишу. Художнику нужно избрать одно, что ему больше всего полюбилось. И вам советую полюбить одно. Только тогда будете с успехом совершенствовать любимое. Разбрасываться никак нельзя.

Я видел, как Шишкин, говоря, все больше и больше увлекался и, наконец, совсем преобразился. И у меня совсем исчезло первое неприятное впечатление. Я простился с Иваном Ивановичем и ушел от него в самом хорошем настроении, пошел на набережную и до вечера ходил со своими мечтами.

Е. И. Фортунато. ИЗ СТАТЬИ: ВСТРЕЧИ В ПУТИ.[72] ЛЕС И ПОЛЕ

На даче в Преображенском (теперь Толмачево) мне сказали, что в соседнем домике живет Иван Иванович Шишкин с дочерью-подростком.

— С утра до вечера пишет свои этюды...

Я едва дождалась утра, чтобы пойти поискать Шишкина и посмотреть, как он работает.

Его дача — вся красная — стояла отдельно от других, в глубине буйно разросшегося сада. Еще издали я искала взглядом знакомую мне по фотографиям фигуру в холщовой блузе с палитрой в руках под громадным, тоже холщовым зонтиком. Но в саду никого не было. «Наверное, уже ушел писать,— решила я. — Буду искать его». Но где он может быть?

Река Луга не казалась мне красивой. Ничего интересного, по-моему, в ней не могло быть для художника — плоские берега, жалкая растительность. Вот разве дубы там, на пригорке, за извилиной реки?

Вскарабкавшись по круче, я уже издали увидела холщовый зонт и фигуру сидящего на складном стуле художника.

Подошла. Стала за его спиной и смотрю. Он писал дубы. И довольно долго делал вид, что меня не замечает. Потом слегка обернулся и спросил:

— Художница?

— Нет. Но очень люблю искусство, а ваши картины в особенности. Разрешите мне стоять здесь сбоку и смотреть, как вы работаете?

— Смотрите, только не мешайте.

Так началось наше знакомство.

За два месяца моего пребывания в Преображенском дня не проходило, чтобы я не виделась с Шишкиным. Мы встречались как старые знакомые, почти как друзья.

— Работать! Работать ежедневно, отправляясь на эту работу, как на службу. Нечего ждать пресловутого «вдохновения»... Вдохновение — это сама работа! — говорил Иван Иванович.

— Знаете, как работает Золя? Пишет ежедневно в определенные часы и определенное количество страниц. И не встанет из-за стола, пока не закончит положенного им на этот день урока. Вот это труженик! А как он изучает материал прежде чем начать писать! Как он знакомится со всеми деталями того, что собирается описывать!

Так работал и сам Шишкин. Работал ежедневно, тщательно. Возвращался к работе в определенные часы, чтобы было одинаковое освещение. Я знала, что в 2—3 часа пополудни он обязательно будет на лугу писать дубы, что под вечер, когда седой туман уже окутывает даль, он сидит у пруда, пишет ивы и что утром, ни свет ни заря, его можно найти у поворота дороги в де-

ревню Жельцы, где катятся сизые волны колосящейся ржи, где загораются и потухают росинки на придорожной траве.

Шишкин ко мне привык и как будто даже ценил мой настойчивый интерес к его работе. Стою, бывало, рядом с ним и восхищаюсь. На холсте яркими красками оживают небо, река, кустарник, лес...

— Иван Иванович, знаете, лес у вас более настоящий, чем в природе.

Он смеется.

Я не знаю человека, так влюбленного в наш русский лес, как был влюблен в него Иван Иванович Шишкин.

Помню, однажды меня застигла в лесу гроза. Сначала я пыталась укрываться под елями, но тщетно. Скоро холодные струйки потекли по моей спине. Гроза промчалась, а дождь лил с прежней силой. Пришлось идти домой под дождем. Свернула по тропинке к даче Шишкина, чтобы сократить путь. Вдали, над лесом, сквозь густую сетку дождя светит яркое солнце.

Я остановилась. И тут на дороге, возле дачи, увидела Ивана Ивановича. Он стоял в луже, босиком, простоволосый, вымокшие блуза и брюки облепили его тело.

— Иван Иванович! Вы тоже попали под дождь?

— Нет, я вышел под дождь! Гроза застала меня дома... Увидел в окно это чудо и выскочил поглядеть. Какая необычайная картина! Этот дождь, это солнце, эти росчерки падающих капель... И темный лес вдали! Хочу запомнить и свет, и цвет, и линии.

Помню еще один случай. Я ходила в деревню Жельцы по каким-то хозяйственным делам. Жара была адова. Раскаленный песок на дороге буквально обжигал ноги. Я решила свернуть напрямик через поле. Шла очень быстро, опустив голову.

Остановил меня терпкий запах ромашки. Я опустила глаза и чуть не вскрикнула: все поле было сплошь покрыто ромашкой. Земля нигде даже не сквозила между сочными, сильными кустами с ярко-зеленой листвой и громадными звездами цветов. Можно было подумать, что ромашку посеяли здесь намеренно. А ведь это был пар, и ромашки, упорные и сильные сорняки, вероятно, мало радовали хозяев этого поля. Но что за прелесть!

— Что за красота! — услышала я как бы в ответ своим мыслям.

Иван Иванович стоял у самого края поля, не отрывая глаз от ликующих цветов.

— Я — случайно,— начала я.

— А я второй раз прихожу. Дочь открыла эту прелесть и прибежала в венке из ромашек. Осторожнее! Вы чуть не раздавили! — И, нагнувшись, он выпрямил примятый мною роскошнейший куст.

Таким — влюбленным в каждый цветок, в каждый кустик, в каждое деревцо, в наш русский лес и полевые равнины — я всегда вспоминаю Ивана Ивановича Шишкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

Принятые сокращения *

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГРМ — Государственный Русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
КМРИ — Киевский музей русского искусства
ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
НБА АХ СССР — Научно-библиографический архив Академии художеств СССР
ОР — Отдел рукописей
ТПХВ — Товарищество передвижных художественных выставок
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР

I ПЕРЕПИСКА

1 [1] *Шишкин Иван Васильевич* (1792—1872) — отец художника. Купец сначала второй, потом третьей гильдии, перешедший в конце жизни в мещанское сословие. Торговал хлебом. Человек широких интересов. Увлекался техникой. Им разработана и осуществлена система мест-

* Сокращения относятся и к вступительной статье.

ного водопровода, издано «Практическое руководство к построению разных мельниц». Занимался археологией. Участвовал в раскопках Ананьевского могильника. Был избран в члены Московского археологического общества. Изучал историю родного края. Написал книгу «История города Елабуги». Был энергичным общественным деятелем. Оказывал благотворное влияние на развитие младшего сына (И. И. Шишкина) — прививал мальчику интерес к старине, природе, чтению, поощрял в нем любовь к рисованию. Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «Получено 20 январь 1856 год».

[2] *Шишкина Дарья Романовна* (1801 или 1802 — не ранее 1887), урожденная Котелова (так значится в биографии И. И. Шишкина, составлявшейся А. Т. Комаровой. — ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 54, л. 12; а в автобиографии И. В. Шишкина, переписанной Г. М. Залкиндом, указана фамилия Киркина — ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 66, л. 33) — мать художника.

[3] Девятая выставка Московского училища живописи и ваяния была открыта с 19 января по 25 февраля 1856 г.

[4] *Невоструев Капитон Иванович* (1815—1873) — археограф и археолог, родом из Елабуги. Был связан с И. В. Шишкиным по научно-изыскательской работе, постоянно с ним переписывался.

[5] У И. И. Шишкина было четыре сестры: Александра, в замужестве Стахеева, Анна, в замужестве Репина, Ольга, в замужестве Ижболдина, и Екатерина, в замужестве Комарова.

[6] *Чертово городище* — остатки укрепленного поселения близ Елабуги, входившего в территорию Волжско-Камской Болгарии — одного из первых в Восточной Европе государств (X—XIV вв.).

[7] *Кулыгинский Петр* — елабужский священник, после смерти которого (1855) остались рукописи о «Чертовом городище», пугачевском бунте и другие.

[8] *Ознобишин Егор (Георгий) Александрович* (1837 — не ранее 1902) — живописец. Пейзажист. Учился вместе с Шишкиным в Московском училище живописи и ваяния у А. Н. Мокрицкого и с конца 1857 г. — в Академии художеств у С. М. Воробьева и затем у А. П. Боголюбова. В 1866 г. получил звание классного художника второй степени. Преподавал рисование в Новочеркасске, Ростове-на-Дону и на Кавказе. Ездил с Шишкиным в Елабугу летом 1855 г.

[9] *Шишкин Николай Иванович* (?—1880) — старший брат И. И. Шишкина.

[10] *Стахеев Дмитрий Иванович* — елабужский купец первой гильдии, зять И. И. Шишкина, поддерживавший его в годы учения.

2 [1] *Подъячев Михаил Николаевич* — двоюродный брат Шишкина, учившийся вместе с ним в первой мужской гимназии Казани.

4 *Мария Николаевна* (1819—1876) — великая княгиня. Президент Академии художеств (1852—1876) и председатель Общества поощрения художников.

5 [1] Чувство любви к Москве, рождавшей у Шишкина ощущение чего-то родного и в то же время величавого, и противопоставление ее холодному казенному Петербургу мы находим в ряде ранних писем художника. Так, например, 13 апреля 1856 г. он пишет родителям: «Пасха в Петербурге, сколько я могу думать, не будет так великолепна, как в Москве, что очень жаль. Разумеется, нужно более своего, духовного торжества, но все как-то внешнее торжество и величание более вливает чувств в душу, например, в Москве минута, когда сотни тысяч народу в Кремле ждут первого удара колокола, но какого колокола! Громадного, как сама Москва. Он потрясает всю вашу душу одним звуком и, кажется, высказывает всю важность события. И с этим первым звуком разольется тысяча звуков, и ваша душа трепещет от восторга и радости. Нет! В Петербурге не бывать того. Здесь в этот праздник и насмотришься одних только мундиров, да лент и прочее, и прочее» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 11 об.).

[2] Речь идет о Воробьеве Сократе Максимовиче (1817—1888) — профессоре пейзажной живописи (с 1858), преподававшем в Академии художеств (1855—1872). А. Т. Комарова в статье «Лесной богатырь-художник» пишет, что Шишкин после трехмесячного обучения в натурном классе Академии художеств попал в класс А. Т. Маркова. Эти сведения приводятся и в монографии Н. И. Пикулева «Иван Иванович Шишкин» (М., 1955, с. 38). По документам же в начале марта 1856 г. Шишкин числился в классе С. М. Воробьева (ЦГИА, ф. 789, оп. 19, ед. хр. 762, л. 22).

[3] *Слуткин и Латкин* — купцы, с которыми И. В. Шишкин поддерживал связь.

[4] Неясно, о ком пишет Шишкин.

6 [1] *Петров Владимир Петрович* (1832—1864) — живописец. Пейзажист. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1856 г. получил звание учителя рисования в гимназиях, в 1858 г. — неклассного художника.

[2] Речь идет о работе с натуры в лесу, в Сокольниках, где Шишкин часто бывал во время учения в Московском училище. 29 августа 1854 г. Ознобишин писал ему по этому поводу: «...я думаю, что ты уже все Сокольники нарисовал» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 105).

[3] *Пименов Николай Степанович* (1812—1864) — скульптор. Представитель позднего классицизма. С 1855 г. — профессор. Преподавал в Академии художеств (1855—1864).

[4] *Мокрицкий Аполлон Николаевич* (1810—1870) — живописец. Портретист, работал также в области пейзажа. В 1849 г. получил звание академика. С 1851 г. преподавал в Московском училище живописи и ваяния.

[5] *Седов Григорий Семенович* (1836—1886) — живописец. Жанрист, автор исторических картин. Учился вместе с Шишкиным в Московском училище живописи и ваяния и затем в Академии художеств (1857—1866). В 1866 г. получил звание классного художника, в 1870 — академика.

[6] *Зарянко Сергей Константинович* (1818—1870) — живописец. Портретист. В 1848 г. получил звание академика, в 1850 г. — профессора. С 1856 г. назначен инспектором и старшим преподавателем Московского училища живописи и ваяния. С Зарянко связаны нововведения в методах преподавания, направленные на усиление работы с натуры с целью достигнуть максимального приближения к ней. Кроме того, он стремился объединить в процессе обучения живопись и рисунок, изучавшиеся раньше раздельно.

[7] *Тарабрин Мемнон Иванович* — живописец. Пейзажист. Учился вместе с Шишкиным в Московском училище живописи и ваяния и с 1856 г. в Академии художеств. В 1858 г. получил звание неклассного художника. Преподавал.

[8] *Гине Александр Васильевич* (1830—1880) — живописец. Пейзажист. Учился в Московском училище живописи и ваяния у А. Н. Мокрицкого (с 1853) и в Академии художеств у С. М. Воробьева (с конца 1856 по 1862). В 1865 г. получил звание классного художника первой степени, в 1878 г. — академика. Друг Шишкина, учившийся вместе с ним еще в первой мужской гимназии Казани.

[9] *Истомин Иван Владимирович* — живописец. Портретист. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1858 г. получил звание неклассного художника за этюд старика.

7 [1] *Борников Константин Николаевич* (1837—?) — живописец. Жанрист. Учился в Московском училище живописи и ваяния (с 1852). В 1859 г. получил звание классного художника.

[2] *Нерадовский Иван Диомидович* (1837—1881) — живописец. Жанрист. Учился в Московском училище живописи и ваяния, затем в Академии художеств (1857—1865). В 1865 г. получил звание свободного художника. С 1868 г. преподавал.

[3] *Крымов Петр Алексеевич* (? — 1904) — живописец. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1865 г. получил звание классного художника. Преподавал.

[4] Борников, по-видимому, имеет в виду книгу К. Фукса «Казанские татары в статистических и этнографических отношениях» (Казань,

1844). О каких еще книгах говорится в письме, неясно. *«Художественная газета»* — петербургское иллюстрированное издание (1836—1841), издатель-редактор Н. В. Кукольник (до 1841).

[5] Роман «Мертвое озеро» был написан в 1851 г. Н. А. Некрасовым и А. Я. Панаевой.

[6] *Астрахов Василий Егорович* (?—1865) — живописец и рисовальщик. Жанрист и портретист. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1853 г. исполнил картину «Мучной лабаз», за которую получил звание неклассного художника. О каком эскизе пишет Борников, не установлено.

[7] *Маковский Константин Егорович* учился вместе с Шишкиным в Московском училище живописи и ваяния. Картина «Воззвание Минина на Нижегородской площади» была им написана в 1896 г.

[8] Имеется в виду один из братьев Брызгаловых: Александр Александрович или Николай Александрович. Оба учились в Московском училище живописи и ваяния. Сведения об исполненных ими работах крайне скудны.

[9] *Шокорев Василий Вячеславович* (1834—?) — живописец. Учился в Московском училище живописи и ваяния, где в 1853 г. нарисовал портрет Шишкина. В 1855 г. получил звание неклассного художника, в 1860 г. — академика живописи исторической и портретной.

[10] Речь идет о переводе в следующий класс, где рисовали уже не с «оригиналов» и гипсов, а с натуры и сочиняли эскизы на заданные темы.

[11] *Виктор* — лицо не установленное.

[12] Эта и предыдущая фраза приписаны вверху письма.

[13] *Волосков Алексей Яковлевич* (1828—1882) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств с 1839 г. В 1851 г. назначен в академики.

8 [1] Строительство батарей в Лисьем Носу, расположенном на северном побережье Финского залива, было связано с событиями Крымской войны, в частности бомбардировкой англо-французским флотом Свеаборга и других городов.

[2] В письме родителям от 19 мая 1856 г. Шишкин пишет: «...в субботу едем, избавляемся [от] духоты и шума Петербурга, столь надоевшего нам художникам. Есть же люди, которые любят все это! Удивляюсь!» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 15 об.).

10 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «августа 8 числа ответ 10 августа».

[2] В 1855 г. И. В. Шишкин обследовал «Чертово городище», а в 1867 г. в основном на личные средства реставрировал разрушавшуюся здесь башню. К. И. Невоструев писал по этому поводу: «В конце 1855 года,

из любви к отечественной археологии, особенно же к знаменитым памятникам своей родины... вступили мы в сношения с почтеннейшим соотчичем, несколько лет бывшим городским головою, купцом Иваном Васильевичем Шишкиным, человеком весьма любознательным, начитанным и много лет занимавшимся елабужскими древностями. Предметом переписки нашей было «Чертово городище»...» (Труды 1-го археологического съезда в Москве. 1869, II, М., 1871, с. 489).

11 [1] Вверху письма приписка И. В. Шишкина: «10-го октября писано октября 8-го ответ — 17».

12 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «ответ 1-го Января 1857 года».

[2] *Ушков Капитон Яковлевич* — елабужский купец первой гильдии. Владелец химического, двух винокуренных и стеклянного заводов, построивший в Елабуге уездное училище (Шишкин И. В. История города Елабуги. М., 1871, с. 41, 43).

[3] Речь идет о сестре Шишкина.

[4] «Мне его очень жаль, его праздность и бездеятельность мучает жестоко»,— пишет Шишкин в другом письме (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 24).

13 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «получено 31 марта отвечал 2-го апреля».

[2] Экзамен в Академии художеств, намеченный на 29 сентября 1856 г., был перенесен на март 1857 г. Шишкин взволнованно писал родителям 5 ноября 1856 г.: «...экзамен отложен решительно до марта или апреля, и вещи все, которые должны быть на экзамене, составлены в одну залу и запечатаны, дабы ничья рука не прикасалась к малейшему исправлению каких-либо недостатков. Моя вещь тоже там и я никак не могу сказать или предугадывать, что я получу или не получу. Все это в руках бога» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 24).

[3] «Вид из окрестностей Петербурга» (Указатель художественных произведений, выставленных в Музее Императорской Академии художеств. Спб., 1857) или «Пейзаж на Лисьем Носу» (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 29). Картина находится в ГРМ. Обстоятельный анализ ее дан в статье И. Н. Пружан «Две ранние работы И. И. Шишкина» (Сообщения Государственного Русского музея, IV, М., 1956, с. 42—43).

[4] По поводу этой второй картины Шишкин сообщал родителям 28 января 1857 г.: «Теперь я тоже пишу одну вещь на выставку, и она

тоже будет па экзамене, посему я в академические классы не хожу, а все сижу дома и занимаюсь — а в марте что бог даст буду копировать в Эрмитаже...» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 27—28).

14 [1] Слова — «2 сере» обрамлены в овал (цифра «2» в письме написана над словом «сере[бряная]»).
[2] Имеется в виду А. Н. Мокрицкий.
[3] А. В. Гине.
[4] В. П. Петров.
[5] *Перов Василий Григорьевич* (1834—1882) — известный живописец и педагог. Жанрист, портретист, автор исторических картин. Учился в Московском училище живописи и ваяния (1853—1861). Друг Шишкина.

15 [1] *Шульц Эдуард-Вильгельм Иванович* (1838—1877) — живописец. Портретист. Учился в Московском училище живописи и ваяния и в Академии художеств (до 1863). В 1868 г. получил звание классного художника первой степени.

16 [1] В книге П. М. Дульского «Иван Иванович Шишкин» (Казань, 1955, с. 13) это письмо неточно датировано 2 июня. В монографии И. И. Пикулева (М., 1955, с. 208) — 19 марта.
[2] *Стахеев Иван Иванович* — елабужский купец первой гильдии, торговавший мануфактурой в Москве и Сибири.

17 [1] *Стахеева Александра Дмитриевна* — вторая жена Д. И. Стахеева.
[2] Эти слова Шишкина перекликаются с теми, которыми Н. В. Кукольник в статье «С.-Петербургская выставка в Императорской Академии художеств в 1836 году» характеризует творчество М. И. Лебедева: «Лебедев отличается от многих сохудожников, по моему мнению, творческою теплотою, особенною поэзией своего художества; ему мало верности, сходства, портретности; он дерзает подметить и передать зрителю жизнь, биение сердца жарко дышащей натуры...» (разрядка моя.— *И. Ш.*). Статья опубликована в «Художественной газете», 1836, № 11—12, с. 179—181.
[3] П. П. Джогин и А. В. Гине.

18 [1] *Богомолов-Романович Александр Сафонович* (1830—1867) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств. В 1857 г. получил большую золотую медаль за картину «Вид на острове Коневце». С 1862 г. — академик.

19 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «14 сентября отвечал 17-го».

[2] Летом 1857 г. в Дубках вместе с Шишкиным жили П. П. Джогин, И. В. Волковский и А. В. Гине. Имена остальных не установлены. О своих учениках Шишкин писал родителям 2 июня 1857 г.: «Был у нас конкурс... Мне пришлось опять там же. Только немного подальше в Сестрорецке... и со мной как бы под покровительство или художественный надзор назначено еще двоим ученикам начинающим. Это уже настояние нашего профессора Воробьева, который со мной очень хорош и меня любит и хорошо знает... другому кому, пожалуй, не сделает этого предложения» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 35—36).

[3] *«Сын отечества»* — петербургский еженедельный ученый и литературный журнал (1856—1861). Издатель — А. В. Старчевский. В 1856—1858 гг. в журнале вел отдел «Листок барона Брамбеуса» Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800—1858) — писатель, журналист, востоковед. Фельетоны Сенковского увлекали Шишкина своим обличительным характером.

[4] Имеются в виду «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, публиковавшиеся в 1856—1857 гг. в «Русском вестнике» и частично в «Библиотеке для чтения». В 1857 г. произведение вышло отдельным изданием. В приложениях к «Сыну отечества» 1857 г. с № 27 по 58 давались весьма невысокого качества иллюстрации к «Губернским очеркам», нарисованные П. Анненским и вырезанные на дереве Л. Серяковым, Ф. Кубло, И. Муравьевым и Куренковым.

[5] Шишкин имеет в виду Крутоярск, под которым в «Губернских очерках» подразумевалась Вятка. Сюда в 1848 г. был выслан М. Е. Салтыков-Щедрин за «вредный образ мыслей».

20 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «31 октября отвечал 5-го ноября».

[2] В 1851 г. И. В. Шишкин познакомился в Вятке с писателем, который был в то время советником губернского правления.

[3] Речь идет о персонажах «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

21 [1] В апреле 1858 г. П. А. Крымов получил малую серебряную медаль за портрет с натуры (этюд старика).

[2] С. К. Зарянко.

[3] Возможно, речь идет о Клиентове Василии Алексеевиче. Известно лишь, что он выставлял в 1868 г. в Академии художеств этюд с натуры «Старик».

[4] *Драбов Александр Петрович* — живописец. Учился в Московском училище живописи и ваяния, затем в Академии художеств (1857—1861). В 1861 г. получил звание художника третьей степени по живописи исторической. Преподавал.

[5] *Мелешев Петр Яковлевич* (?— не ранее 1896) — живописец. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1855 г. получил звание неклассного художника живописи портретной. Преподавал в гимназиях (1866—1896).

[6] *Рындин Матвей Михайлович* — живописец. Портретист. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1858 г. получил малую серебряную медаль за этюд с натуры, в 1861-м — звание свободного художника.

[7] На академической выставке 1858 г. демонстрировалась картина В. Г. Перова «Приезд станового на следствие» (1857), за которую он получил большую серебряную медаль.

[8] *Зарянко Василий Константинович* (? — 1860) — живописец. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1858 г. получил звание неклассного художника за портрет.

22 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «января 8-го дня 1858 года отвечал 14-го дня».

[2] Один из этих рисунков: «Дубки под Сестрорецком» (ГТГ).

[3] Речь идет о И. В. Волковском и А. В. Гине.

23 [1] Вверху письма приписка И. В. Шишкина: «1832-го января 13 в среду родился наш Иван». Под датой его же пометка: «отвечал 18-го февраля».

24 [1] Речь идет о картине «Вид из окрестностей С.-Петербурга, м. Дубки» (Указатель художественных произведений, выставленных в Музее Императорской Академии художеств. Спб., 1858). Местонахождение неизвестно. В другом письме от того же числа и по тому же поводу Шишкин пишет родителям: «Теперь у всех праздник, а у меня нет его, кроме, конечно, первого дня и благовещения. Экзамен должен быть в понедельник или среду на Фоминой. Это меня страшит, тем более, что я уже уверен, что я его проиграю» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10).

25 [1] На письме вверху пометка И. В. Шишкина: «отвечал 20 мая (*нрзб*)».

[2] А. В. Гине получил малую серебряную медаль за картину «Вид на Финском берегу, м. Дубки», а П. П. Джогин — за пейзаж «Вид в окрестностях С.-Петербурга».

[3] Шишкин имеет в виду еще А. В. Гине.

26 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «10 ноября 1858 ответ писал 12 (*нрзб*)».

[2] Рядом сделан набросок будущей картины, обрамленный рисованной рамой.

[3] *Джогин Павел Павлович* (1834—1885) — живописец, рисовальщик, литограф. Пейзажист. Учился в Академии художеств у С. М. Воробьева (1854—1862). В 1862 г. получил звание классного художника второй степени, в 1867 г. — академика. Друг Шишкина.

[4] Приводится план комнаты.

[5] В 1858 г. состоялось открытие в Петербурге Исаакиевского собора, построенного по проекту архитектора А. А. Монферрана. Высказывание Шишкина отличается присущей ему самостоятельностью суждений: ведь в то время о вновь построенном соборе писали преимущественно восторженно.

[6] Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу» демонстрировалась осенью 1858 г. в Петербурге. Шишкин писал о ней родителям еще 19 сентября 1858 г.: «В Академии у профессора не был, но, несмотря на все, видел знаменитую картину Иванова. Это просто чудо искусства, и вы, я думаю, следите за суждениями об ней в нашей литературе» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 55). Шишкина эта картина должна была привлечь не только отсутствием идеализации, правдивостью сцены, но и той гражданственной позицией ее создателя, силой его духа и убеждений, которые вскоре ярко подчеркнул Н. Г. Чернышевский в статье «Заметки по поводу предыдущей статьи П. А. Кулиша „Переписка Н. В. Гоголя с А. А. Ивановым"» (Современник, 1858, XXII, нояб.). Однако в письме родителям Шишкин, по-видимому, имел в виду брошюру А. Н. Мокрицкого «Явление Христа народу. Картина Иванова. Разбор академика Мокрицкого». М., 1858 (утверждена цензором фон Крузе 9 сентября 1858 г.). Свой разбор произведения Иванова Мокрицкий заключал словами: «При таких высоких художественных достоинствах не заслуживает ли оно стать наряду с первыми произведениями искусства? И, выполняя в такой мере современные требования, может ли не заслужить первого места?» (с. 72).

27 [1] В книге П. М. Дульского «И. И. Шишкин», с. 13, письмо ошибочно датировано 30 января 1859 г. Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «Получено 3 января 1859 отвечал 6-го».

[2] Речь, очевидно, идет об А. С. Богомолове-Романовиче, ставшем с 1857 г. пенсионером Академии художеств. Какие картины они подарили Валаамскому монастырю, неизвестно.

28 [1] В книге П. М. Дульского «И. И. Шишкин», с. 12—13, письмо ошибочно датировано 1857 г.

[2] Среди этих этюдов — «Вид на острове Валааме» (КМРИ) и «Сосна на Валааме» (Пермская гос. картинная галерея).

[3] В декабре П. П. Джогин был награжден большой серебряной медалью за пейзаж «Вид в Дубках, близ С.-Петербурга».

[4] *Бруни Федор Антонович* (1799—1875) — исторический живописец, работал также в области портрета. Ректор Академии художеств по живописи и ваянию (1855—1871). Картина «Моление о чаше», находящаяся в ГРМ, была исполнена в 1830-х гг. Выбор данной картины, чуждой творческим интересам Шишкина, был подсказан, думается, самыми высокими оценками этого произведения в художественной критике (например: Русский художественный листок, 1858, № 36).

29 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «Получено 4 февраля отвечал 17 февраля».

[2] С Измаилом Федоровичем Терентьевым, чиновником особых поручений при вятском губернаторе, Шишкин познакомился на Валааме в 1858 г. Здесь Терентьев составлял историю Валаамского монастыря.

[3] Поверх слова «сестрицы» написано «племянницы».

[4] А. Н. Мокрицкий.

30 [1] *Карташев Дмитрий Васильевич.* Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1859 г. получил звание художника по пейзажной живописи за картину «Вид близ Москвы».

[2] *Всеславин Александр Сергеевич* (1813—1882) — делопроизводитель Академии художеств (1843—1859), коллекционер.

31 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «21-го марта получено».

[2] На академической выставке 1859 г. Шишкин экспонировал четыре рисунка — виды на острове Валааме — и картину «Вид на острове Валааме» («Ущелье Валаама» — см. письмо 26), за которую он получил малую золотую медаль.

[3] Речь идет не о выпусках «Московского вестника» (Пикулев И. И. И. И. Шишкин, с. 53—54), а о статье «Художественная выставка в залах Московского училища живописи и ваяния», помещенной в газете «Московские ведомости» за 30 января и 1 февраля 1859 г. Она принадлежала перу *Крузе Николая Федоровича* (1823—1901) — прогрессивно настроенного цензора, писателя и общественного деятеля. В своей статье Крузе особенно подробно разбирал произведения А. А. Иванова и давал им высокую оценку, подчеркивая, в частности, в пейзажах Иванова мастерскую передачу характеров разных деревьев. Саму же выставку работ преподавателей и учащихся Московского училища живописи и ваяния Крузе считал неудовлетворительной, указывая на отсутствие содержательности, правды и простоты в целом ряде произведений. В конце своей статьи Крузе выделял Шишкина: «...заслуживают внимания любителей,— писал он,— три прекрасных рисунка пером г. Шишкина по бойкости пера и отчетливости исполнения».

[4] Письмо Е. А. Ознобишина И. В. Шишкину хранится в ОР ГПБ (ф. 861, ед. хр. 182). Ознобишин получил 16 августа 1859 г. малую серебряную медаль за пейзаж «Вид в окрестностях С.-Петербурга» и этюд женской головы.

32 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «получено 19».

33 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «получил 5 мая».

[2] См. примеч. 2 к письму 31.

[3] Речь идет о *Мещерском Арсении Ивановиче* (1834—1902) — художнике-пейзажисте. Учился в Академии художеств у С. М. Воробьева (1854—1857) и за границей у А. Калама. В 1864 г. получил звание академика, в 1876 г. — профессора.

[4] А. В. Гине получил большую серебряную медаль за пейзаж «Берег Финского залива».

34 [1] Во вступительной статье к каталогу «И. И. Шишкин. К 50-летию со дня смерти» (М. — Л., 1948, с. 22) это письмо неточно датировано 10 мая 1859 г.

[2] Письма Шишкина к Мокрицкому не обнаружены.

[3] В Указателе художественных произведений, выставленных в Музее Императорской Академии художеств (Спб., 1859), не значатся работы Савичева. О нем самом есть упоминание в Дневнике Т. Г. Шевченко (М., 1954, с. 257): «...поплелся к Мокрицкому... Отдохнул у него, полюбовался эскизами незабвенного друга моего покойного Штернберга и пошел к уральскому казачине Савичу... От Савичева зашел в харчевню...» (20 марта 1858 г.).

[4] Речь идет об А. П. Драбове.

[5] Мокрицкая Мария Александровна.

35 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «20 мая отвечал 26».

36 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «получено 6 июня отвечал 9 июня».

[2] Речь идет о петербургских еженедельных газетах «Северная пчела» (1825—1864) и «Русский инвалид» (1857—1861).

[3] *Гагарин Григорий Григорьевич* (1810—1893) — живописец и рисовальщик. В молодости пользовался советами К. П. Брюллова, с которым находился в тесных дружеских отношениях. Жанрист и пейзажист, автор множества картин и натурных этюдов из русской и кавказской жизни. Выдающийся иллюстратор. Во время военной службы на Кавказе был другом М. Ю. Лермонтова. Автор ряда трудов по истории искусства. Вице-президент Академии художеств (1859—1872). Действительный и почетный член Русского археологического

общества. С конца пятидесятых годов стал проявлять большой интерес к византийской иконописи.
[4] Александр II.
[5] *Волковский Иван Васильевич* (?—1896) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств у С. М. Воробьева. В 1867 г. получил звание классного художника второй степени. Друг Шишкина.
[6] *Балашов Петр Иванович* (?—1888) — живописец, акварелист и литограф. Пейзажист. Работал также в области портрета. Учился в Академии художеств (1852—1859). В 1868 г. получил звание классного художника первой степени. Был рисовальщиком в Военно-интендантском ведомстве.

37 [1] По-видимому, Мокрицкий обращается к трем своим бывшим ученикам: Шишкину, Гине и Ознобишину.

38 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «19 августа ответил 24 августа».

39 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «октября 7 отвечал 14 октября».
[2] Утвержденный 30 августа 1859 г. новый академический устав не принес, вопреки надеждам Шишкина, коренного преобразования Академии художеств. Согласно этому уставу для учащихся вводился курс общеобразовательных наук, отмененных в 1840 г. Но если, с одной стороны, в новом уставе нашли отражение растущие в обществе требования повышения общего культурного уровня художников, то, с другой, по вновь утвержденному уставу для представителей низших сословий затруднялся доступ к высшему художественному образованию, так как от поступающих требовался общеобразовательный минимум в размере 4-х классов гимназии. Вскоре стало ясно, что проведенные в академии полумеры, не менявшие сути дела, не могли удовлетворить молодых художников.
[3] Предположение Шишкина о выпускном экзамене в академии в размере университетских требований было ошибочным.
[4] В письме от 6 октября 1859 г. Шишкин писал родителям: «Сумма, канальство, не маленькая; несмотря на то что мы ограничили число экземпляров, только 400, на первый раз довольно. Только бы начать. Можно и дешевле, но зато все хуже, особенно литографы, если дороже, то и лучше. Печать, бумага, камни и прочее по возможности нужны безукоризненные. И несмотря на довольно большую сумму, потребную для издания, стоимость же Альбома будет около 4 рублей — очень дешево, 15 рисунков. Самое главное этой дешевизны то, что мы сами рисуем на камне, а не особые рисовальщики, как обык-

новенно делают другие издатели. Они за это много платят. В продаже же он будет не менее 10 и не более 15 рублей сер[ебром], очевидно, что выгода при всех случаях будет и сумму данную нам легко можно будет возвратить, да еще и останется нам и на следующие издания впереди — дай-то бог, чтобы это состоялось» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 10).

40 [1] Вверху письма пометка И. В. Шишкина: «27-го февраля 1860 отвечал».

[2] Годовой экзамен и академическую выставку, которые должны были состояться в марте 1860 г., перенесли на сентябрь, поэтому над своими конкурсными произведениями Шишкин работал на Валааме не одно, а два лета.

41 [1] В журнале собраний совета Академии художеств от 20 февраля 1860 г. записано: «По прошению учеников по живописи пейзажной И. Шишкина, А. Гине и П. Джогина под № 187-м об оказании им денежного пособия на издание этюдов посредством литографии, причем представляя образцы предполагаемых ими работ, просят об оказании им денежного пособия по опытам литографии, определено: вышеназванным трем ученикам... за принимаемые ими на себя труды по опытам литографии выдать денежное вознаграждение в количестве ста пятидесяти рублей серебром на всех троих и изъявить им признательность совета, а г. профессора Воробьева благодарить за успехи тех его учеников» (Петров П. Н. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Спб., 1866, с. 351).

[2] Видимо, речь идет о таких литографиях, как «Ущелье» (1860), «Трущоба (Вид на острове Валааме)» (1860), «На Валааме» (1859—1860), «На берегу Ладожского озера» (1859—1860), «Лунная ночь» (1859—1860).

[3] *Калам Александр* (1810—1864) — швейцарский живописец, рисовальщик и гравер. Пейзажист, восхищавший современников главным образом внешней романтикой своих картин, посвященных суровой альпийской природе. Почетный вольный общник Петербургской Академии художеств (с 1852), где было обязательным копирование его произведений.

[4] *Лагорио Лев Феликсович* (1827—1905) — живописец и акварелист. Пейзажист, работал также в области батальной живописи. Учился в Академии художеств (1843—1850). В 1860 г., вернувшись из-за границы, представил в виде отчета около 30 этюдов и картин. В том же году получил звание профессора.

[5] Возможно, речь идет о В. М. Резанове.

42 [1] Во вступительной статье к каталогу «И. И. Шишкин. К 50-летию со дня смерти» (с. 23) это письмо ошибочно датируется 1859 г.

[2] Неясно, какие произведения имеются в виду. Может быть, это картина «Вид на острове Валааме» и один из четырех рисунков, бывших на академической выставке 1859 г.

[3] Очевидно, Мокрицкий пишет об экспонировавшихся на академической выставке 1859 г. картинах Гине: «Берег Финского залива» и «Вид Финского залива, близ С.-Петербурга».

[4] *Рейсдаль Якоб ван* (1628/1629—1682) — голландский живописец и офортист. Пейзажист, писал также марины.

[5] *Поттер Пауль* (1625—1654) — голландский живописец и офортист. Анималист.

[6] В начале этой фразы стоит пометка Мокрицкого: «Продолжение».

[7] *Штернберг Василий Иванович* (1818—1845) — живописец. Пейзажист, жанрист. Учился в Академии художеств (1835—1838). В 1839 г. получил звание классного художника третьей степени.

[8] Целый ряд советов Мокрицкого говорит о его благотворном влиянии на Шишкина, однако, признавая в соответствии с новыми требованиями важность тщательного изучения и верного воспроизведения натуры, он в то же время в своих воззрениях на искусство в целом придерживался старых эстетических концепций.

[9] Венера Медицейская, римская скульптура I в. н. э., находится в музее Уффици во Флоренции.

43 [1] Вверху письма приписка: «об окончании Акад[емии]».

[2] Большую золотую медаль Шишкин получил 2 сентября 1860 г. за два одноименных пейзажа «Вид на острове Валааме. Местность Кукко», названных в Указателе художественных произведений, выставленных в залах Императорской Академии художеств (Спб., 1860): «Вид места, называемого по-фински «Кукко» на острове Валааме». Одно из этих произведений находится в США в частной коллекции.

[3] Как отмечалось во вступительной статье, Шишкин был несправедлив в своей оценке Г. Г. Гагарина — человека умного, доброжелательного к молодым художникам и довольно либерального по своим взглядам (о нем см.: Верещагина А. Г. К истории конкурса на большую золотую медаль Академии художеств 1863 года («Протест четырнадцати»). — Вопросы художественного образования. Вып. XVII. АХ СССР, Л., 1976, с. 25—26). Видимо, пренебрежение Шишкина к этикету, его стремление уклониться от официальных приемов и встреч с высокопоставленными чиновниками-руководителями вызывало в свою очередь недовольство Гагарина.

44 [1] Свое письмо Мокрицкий ошибочно пометил 1859 г. (Под этой датой оно значится и в книге П. М. Дульского «И. И. Шишкин», с. 17.)

Следует читать 1860 г., так как в письме речь идет об окончании Шишкиным занятий в Академии художеств.

[2] Известно, что в апреле 1861 г. Шишкин просил разрешения совета Академии художеств о предоставлении ему пенсионерского содержания на один год для путешествия по восточной России вместе с только что получившим профессорское звание А. П. Боголюбовым для художественных занятий по рекам Волге, Каме и Каспийскому морю (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 29, л. 2—9). Однако 21 мая 1861 г. Шишкин приехал в Елабугу, в то время как А. П. Боголюбов с братом Н. П. Боголюбовым совершили поездку по Волге, целью которой явилось составление путеводителя «От Твери до Астрахани», вышедшего в свет в 1862 г. (рисунки по тексту, составленному Н. П. Боголюбовым, были выполнены А. П. Боголюбовым).

[3] *Щедрин Сильвестр Федосеевич* (1791—1830) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1800—1812).

[4] *Лебедев Михаил Иванович* (1811—1837) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1829—1833).

45 [1] Речь идет о картине «Проповедь на селе», находившейся на академической выставке 1861 г.

[2] *Львов Федор Федорович* (1820—1895) — художник-любитель. Конференц-секретарь Академии художеств (1859—1865), секретарь Общества поощрения художников (1863—1864), впоследствии директор Строгановского училища технического рисования в Москве.

[3] Имеется в виду лондонская Всемирная выставка 1862 г., открывшаяся 19 апреля (1 мая).

[4] Московское общество любителей художеств.

[5] Рядом помещен беглый набросок композиции с пояснительными надписями: «окно закуска полковник жена рассмат[ривает] в кулак (*нрзб*) солдаты вдали». Речь идет о картине 1862 г. «Дилетант», находящейся в ГТГ.

[6] В 1862 г. к участию в выставке Московского училища живописи и ваяния решено было пригласить известных петербургских художников и некоторых учеников Академии художеств. Так, в частности, Н. А. Рамазанов просил Ф. Ф. Львова «выбрать лучшие программы учеников Академии для обогащения выставки Училища живописи и ваяния» (Русский художественный архив, 1894, вып. 2, с. 80).

46 [1] Имеется в виду академическая выставка, открывшаяся в сентябре 1862 г.

[2] М. Н. Подъячев проходил службу в московских жандармских казармах.

[3] Статья М. Н. Подъячева за подписью «М. П — въ» была помещена в «Иллюстрации», 1862, 5 июля, № 226, с. 5—6.

[4] *«Иллюстрация»* — еженедельное обозрение. Спб. (1858—1863). В 1861—1862 гг. (по № 206) — редактор Н. С. Курочкин.

47 [1] А. В. Гине.

[2] В журнале собраний совета Академии художеств от 2 октября 1862 г. записано: «Александру Гине, Василию Сорокину, Ипполиту Горавскому, Егору Леману, Карлу Миллеру, Ивану Миодушевскому и Павлу Джогину отказать в допущении до конкурса на золотую медаль. Первым трем за летами... А Миодушевскому и Джогину по неуспешному конкурсу в два раза» (Петров П. Н. Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за сто лет..., с. 410).

[3] Речь идет о картине «Вид в Гатчино», которую Джогин экспонировал на академической выставке 1862 г.

[4] Имеется в виду постоянная художественная выставка Общества поощрения художников, которая была перенесена с Васильевского острова на Невский проспект и открыта здесь 10 апреля 1862 г.

[5] *Резанов Виктор Михайлович* (1829—?) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств. В 1862 г. получил звание классного художника третьей степени, в 1866 г. — академика.

[6] *Елагина Дарья Яковлевна* — будущая теща Джогина.

[7] *Елагина Анна Семеновна* — домашняя учительница, будущая жена Джогина, которую он ошибочно в этом письме называет Анной Гавриловной.

[8] Г. Н. Потанин.

[9] «Пятницы» или «пятницкие рисовальные вечера» (1852—1862) — устраивались сначала на квартире кого-либо из художников, затем один раз в неделю в Рисовальной школе Общества поощрения художников и позднее — в Академии художеств.

[10] *Якоби Валерий Иванович* (1836—1902) — живописец. Окончил Академию художеств в 1861 г. и одновременно с Шишкиным уехал в качестве академического пенсионера в Германию, куда за ним последовала его гражданская жена Тюфяева Александра Николаевна (1842—1918) —писательница, выступавшая под псевдонимом Толиверова.

48 [1] П. П. Джогин и А. В. Гине.

[2] Речь идет о пейзаже Гине «Буря на Валааме».

[3] *Суходольский Петр Алексеевич* (1843—1903) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств. В 1864 г. получил звание классного художника первой степени, в 1878 г. — академика. На академической выставке 1862 г. экспонировал «Этюд с натуры в Дубках».

[4] *Дюккер Евгений-Густав Эдуардович* (1841—1916) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1859—1862). С 1868 г. —

академик, с 1873 г. — профессор. Преподавал в Дюссельдорфской Академии художеств.

[5] Рядом помещен очерченный набросок пейзажа.

[6] *Ахенбах Андреас* (1815—1910) — немецкий живописец. Пейзажист и маринист. Учился в Дюссельдорфской Академии художеств, с 1846 г. преподавал в ней. С 1861 г. — почетный вольный общник Петербургской Академии художеств.

[7] *Орловский Владимир Донатович* (1842—1914) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1861—1866). В 1867 г. получил звание классного художника первой степени, в 1874 г. — академика, в 1878 г. — профессора.

[8] *Боголюбов Алексей Петрович* (1824—1896) — живописец. Пейзажист, автор батальных картин из истории русского военного флота. Учился в Академии художеств (1850—1853). В 1853 г. получил звание классного художника первой степени, в 1858 г. — академика, в 1860 г. — профессора. Член ТПХВ с 1873 г. Много лет жил во Франции. В своих воспоминаниях, рассказывая о возвращении в Россию в 1860 году после пенсионерской командировки, Боголюбов писал: «Я пошел в Академию. Августейший президент В[еликая] Кн[ягиня] Мария Николаевна предложила мне безвозмездно брать учеников Академии пейзажистов на выучку. Молодежь стала ко мне ходить — я им проводил мои европейские взгляды на искусство, рекомендуя главное писать поболее этюдов с натуры и не набросками, как у нас называется работа художников, а окончательно и серьезно. Из всех молодых людей я встретил талантливого одного Ив[ана] Ив[ановича] Шишкина и потом через 2 года Орловского. Остальное все было посредственно и тупо» (Боголюбов А. П. Записки моряка-художника. ОР ГПБ, ф. 82, № 2, л. 38 об.).

[9] *Вележев Дмитрий Васильевич* (1841—1867) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1859—1866). В 1866 г. получил звание классного художника третьей степени. В 1862 г. на академической выставке экспонировался его пейзаж «Вид из Рязанской губернии, в имении Боголюбова».

[10] Имеется в виду картина Перова 1862 г. «Сельский крестный ход на Пасхе» (ГТГ).

[11] Речь идет о картине Г. Г. Мясоедова 1862 г. «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе» (Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина).

[12] *Рицциони Александр Антонович* (1836—1902) — живописец. Жанрист, портретист. Учился в Академии художеств (1852—1861). В 1861 г. за картину «Продажа с аукциона» получил большую золотую медаль. С 1862 г. — академик, с 1868 г. — профессор.

[13] Столетие Академии художеств (со времени Указа Екатерины II об основании «Императорской Академии трех знатнейших художеств...» и утверждения первого устава) было 4 ноября 1864 г.

[14] К. Е. Маковский получил малую золотую медаль за картину 1861 г. «Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова» (ГТГ).

[15] *Эрасси Михаил Спиридонович* (1823—1898) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств. В 1852 г. получил звание классного художника третьей степени, в 1857 г. — академика, в 1862 г. — профессора.

[16] *Кушелев-Безбородко Николай Александрович* (1834—1862) — граф, любитель искусств, коллекционер, почетный член Академии художеств, завещавший академии галерею картин и статуй для «составления постоянной публичной выставки» (Журнал собраний совета Академии художеств от 22 августа 1862 г.).

[17] На лондонской Всемирной выставке 1862 г. экспонировались: два итальянских вида Л. Ф. Лагорио, три итальянских вида М. И. Лебедева и «Вид Сорренто» С. Ф. Щедрина; картина «Великая княгиня Софья Витовтовна срывает пояс с Василия Косого...» П. П. Чистякова; картина В. И. Якоби «Разносчик фруктов» («Продавец лимонов»); «Портрет отца» (А. К. Швальбе) О. А. Кипренского и портреты Екатерины II, Н. С. Борщовой, Е. Н. Молчановой и Г. И. Алымовой Д. Г. Левицкого.

[18] *Дейк Антонис ван* (1599—1641) — фламандский живописец. Портретист, автор произведений на религиозные и мифологические темы. Ученик Рубенса.

[19] *Рейнольдс Джошуа* (1723—1792) — английский живописец. Портретист.

[20] *Микешин Михаил Осипович* (1835—1896) — живописец и скульптор. Баталист, иллюстратор, автор проектов памятников. Учился в Академии художеств (1852—1858). С 1869 г. — академик. В 1862 г. ему была поручена работа над памятником Екатерины II, который был открыт в Петербурге в 1873 г. Ознобишин имеет в виду проект этого памятника.

[21] В 1859 г. на конкурсе памятников тысячелетия России проект М. О. Микешина оказался первым. Открытие памятника в Новгороде состоялось 8 сентября 1862 г.

[22] Храм Христа Спасителя в Москве был сооружен К. А. Тоном в 1837—1883 гг. (не сохранился).

[23] *Грибовский П. Ф.* — казанский землевладелец.

[24] *Бекетов В. Н.* — владелец имения «Шмелевка» Казанской губернии Спасского уезда.

[25] Ознобишин имел в виду подготовлявшуюся судебную реформу (одну из важнейших реформ 1860-х гг.). В основу проектов судебных

уставов, утвержденных 20 ноября 1864 г., были положены главные принципы буржуазного права, а именно: гласность судебных процессов, бессословность суда, состязательность сторон и независимость судей. Окружные суды — первая судебная инстанция — решали дела с обязательным участием присяжных заседателей. Судебная реформа способствовала утверждению в России буржуазных порядков.

[26] В 1863 г. винные откупа в России были отменены и заменены акцизом. Постепенно в ведение акцизных управлений переходили и другие откупа.

[27] Ознобишин не точен в своем сообщении о гильдиях: с 1863 г. вместо трех гильдий было оставлено две. Согласно «Положению о пошлинах на право торговли и других промыслах» 1865 г. (в основу которого лег закон 1 января 1863 г.), в России вводились гильдейские свидетельства. Бравшие их лица, занимающиеся торговлей или промыслом, не должны были обязательно принадлежать к купеческому сословию, но получали личные права и преимущества, присвоенные этому сословию.

Законом 1863 г. были отменены плети и шпицрутены.

49 [1] Начало письма утеряно — о ком идет речь, неясно.

[2] *Коллер Рудольф* (1828—1905) — швейцарский живописец и гравер. Анималист, пейзажист, портретист.

[3] Рядом помещен очерченный набросок картины.

[4] Не установлено, какой альбом имеется в виду.

[5] *Попов (Московский) Александр Павлович* (1835 — не ранее 1889) — пейзажист. Учился в Московском училище живописи и ваяния и затем с конца 1850-х по 1861 г. в Академии художеств. В 1865 г. получил звание классного художника первой степени. Преподавал. На академической выставке 1862 г. А. П. Попов не участвовал, так же как и Д. В. Вележев.

[6] Речь идет об Ознобишине, который получил на экзамене 22 декабря 1862 г. большую серебряную медаль за пейзаж.

50 [1] 23 апреля 1863 г. Джогин обвенчался с А. С. Елагиной.

[2] Так Шишкин ошибочно называет Анну Семеновну Джогину.

[3] Летом 1862 г. Ознобишин ездил в Казань к В. Н. Бекетову. Видимо, попутно он заезжал в деревню Кудряково Лаишевского уезда Казанской губернии, где родился Якоби.

51 [1] *Быков Николай Дмитриевич* (1812—1884) — петербургский коллекционер, собиратель произведений русских художников (обладавший, в частности, самым крупным собранием работ М. И. Лебедева). Почетный член Академии художеств с 1870 г., действительный член

Общества поощрения художников. После смерти Быкова большая часть его коллекции была приобретена П. М. Третьяковым.

[2] *Бонер Роза* (1822—1899) — французский художник и скульптор. Анималист.

[3] *Тройон Констан* (1810—1865) — французский живописец. Пейзажист и анималист.

[4] *Браскасса Жак-Раймон* (1804—1866) — французский живописец и литограф. Пейзажист и анималист.

[5] Перед отъездом в пенсионерскую командировку за границу Шишкин оставил Н. Д. Быкову следующее обязательство: «1862 года апрель 24 дня я, нижеподписавшийся художник Иван Шишкин, отправляясь за границу, принял от Николая Дмитриевича Быкова заказ написать ему картину из видов ландшафтов в Швейцарии или Италии по моему усмотрению, мерою в ширину 14 дециметров и в высоту 11 дециметров, картину прислать в С.-Петербург г. Быкову в 1863 году. Получить мне от него за картину семьдесят полуимпериалов золотом, в числе которых в настоящее время и получил тридцать пять полуимпериалов, по присылке же картины получить и другие 35 полуимпериалов за границей или кому я назначу к выдаче по моему уведомлению. Исполнить обязуюсь все сказанное свято и ненарушимо. Художник Шишкин». (Копия обязательства, написанная рукой Быкова, хранится в ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 37, л. 1.)

[6] Шишкин имеет в виду одну из своих конкурсных картин 1860 г. «Вид на острове Валааме. Местность Кукко», приобретенную Н. Д. Быковым.

52 [1] *Клодт Михаил Петрович* (1835—1914) — живописец. Жанрист, писал также исторические картины. Учился в Академии художеств (1852—1861, с перерывом). С 1867 г. — академик. Член-учредитель ТПХВ. Преподавал.

[2] *Каменев Лев Львович* (1833—1886) — живописец. Пейзажист. Учился в Московском училище живописи и ваяния (1854—1857). В 1857 г. получил звание неклассного художника, в 1867 г. — классного художника третьей степени, в 1869 г. — академика. Член-учредитель ТПХВ.

[3] Речь, возможно, идет о картине «Стадо в лесу» (1864), находящейся в Гос. картинной галерее Армении под названием «В лесу» (размеры этой картины соответствуют указанным Шишкиным в письме). Работая над ней длительное время, художник мог отказаться от первоначального намерения изобразить коров крупным планом.

[4] А. В. Гине.

53 [1] В книге П. М. Дульского «И. И. Шишкин», с. 17, это письмо неточно датировано 8 января.

[2] Что имеет в виду Шишкин — неясно.

[3] 2 ноября 1863 г. Ознобишину было «назначено от императорского высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича постоянное пособие для полного изучения Русского пейзажа в размере 250 рублей в год с 1 сентября 1863 г.». Эти деньги ему выдавались из собственной конторы императорских детей (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 6, л. 25—26).

[4] В. М. Розанову предстояла поездка за границу.

[5] Неясно, какого из двух немецких художников имеет в виду Шишкин — *Кирхнера Карла Антона* (1822—1869) — исторического живописца, портретиста, жанриста и пейзажиста или *Кирхнера Альберта* (1813—1885) — архитектора и пейзажиста.

[6] *Кошелев Николай Андреевич* (1840—1918) — жанрист, портретист, автор картин на религиозные сюжеты. В 1863 г. получил особое разрешение конкурировать на большую золотую медаль.

[7] См. примеч. к письму 51. *Кокорев Василий Александрович* (1817—1889) — коллекционер, почетный член Академии художеств (с 1884), финансист. До банкротства Кокорева его картинная галерея в Москве была открыта для обозрения публики. В Указателе картин и художественных произведений галереи В. А. Кокорева, составленном А. Н. Андреевым (М., 1863), пейзаж Шишкина не значится, но в Указателе выставки в Академии художеств 1881 г. (под названием «Чаща») и в Иллюстрированном каталоге художественного отдела Всероссийской выставки в Москве 1882 г., с. 38, картина «Вид на острове Валааме» отмечена как собственность В. А. Кокорева.

54 [1] В журнале собраний совета Академии художеств от 15 ноября 1862 г. записано: «Определено: донесения находящихся за границей пенсионеров художников о их занятиях, а именно: Ивана Шишкина (под № 1257)... принять к сведению и первого за произведенное им значительное число этюдов благодарить» (Петров П. Н. Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за сто лет..., 1866, с. 414). Отчеты Шишкина в Академию художеств за 1862 и 1863 гг. не сохранились.

[2] *Рипп* — владелец магазина художественных принадлежностей.

[3] Шишкин имеет в виду следующие параграфы устава Академии художеств 1859 г.: «§ 132... Пенсионер обязан... каждый год отдавать отчет Академии о производимых работах и кроме того присылать ежегодно же какое-либо произведение... § 136. Пенсионер, не приславший в течение года никакой работы... перестает считаться пенсионером Академии и ему прекращается казенное содержание».

[4] А. Коллером.
[5] *Radierung* — гравюра (*нем.*).

55 [1] Вопрос об изменении устава Академии художеств, утвержденного в 1859 г., встал уже в начале 1860-х гг. В 1864 г. был подготовлен печатный циркуляр с перечислением некоторых пунктов, подлежащих первоочередному обсуждению. Затем назначена была комиссия, но это не привело ни к каким изменениям, и пересмотр устава в 1868 г. по высочайшему повелению был временно отложен.
[2] Волковский приводит с некоторыми изменениями стихотворение А. А. Киселева (см. кн.: Киселев Н. А. Среди передвижников. Воспоминания сына художника. Л., 1976, с. 7—8).
[3] За картины «Перевоз на Волге во время тумана» и «Гладкое поле» (в Указателе академической выставки 1864 г. — «Перевоз на Волге в Жигулевских горах» и «Пейзаж близ г. Спасска в Казанской губернии») Ознобишин получил от совета Академии художеств благодарность за успехи в изучении русского пейзажа.
[4] Возможно, речь идет о Н. А. Брызгалове.

56 [1] Имеется в виду стихотворение А. А. Киселева, которое Волковский послал Шишкину.
[2] По поводу этой статьи Подъячев писал Шишкину 18 января 1865 г.: «Жаль мне, что не имею времени продолжать моего литературного начала. «Богатый лог» невыправленная и, сознаю, неудовлетворительная статья, вероятно, осталась без внимания — ничего и не слыхал. Если поедешь на родину, возьми ее назад у И. В. Волковского, здесь под твоим благотворным на меня влиянием я выправлю ее и, может быть, будет не хуже „Пустыни"» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 113, л. 4).
[3] *Диде Франсуа* (1802—1877) — швейцарский живописец и акварелист. Пейзажист. Был учителем А. Калама. Основатель женевской школы пейзажистов.

57 [1] *Зворский Василий Кириллович* (1826—1889) — с 1859 г. делопроизводитель и заведующий казначейской частью в Академии художеств, с 1875 г. — полицмейстер.

58 [1] Вверху надпись: «27. Мая 1864 года». В книге И. И. Пикулева «И. И. Шишкин», с. 210, этот отчет отмечается датой получения его в Академии художеств. В книге «Мастера искусства об искусстве», т. 6 (М., 1969, с. 497) выдержки из отчета ошибочно отнесены к автобиографии Шишкина.
[2] *Каульбах Вильгельм* (1805—1874) — немецкий живописец и рисовальщик. Учился в Дрезденской и Мюнхенской академиях художеств.

Известен прежде всего как автор фресок историко-аллегорического содержания.

[3] *Пилоти Карл* (1826—1886) — немецкий исторический живописец, профессор Мюнхенской Академии художеств.

[4] *Коцебу Александр Евстафьевич* (1815—1889) — живописец. Баталист. Учился в Академии художеств (1837—1847). В 1850 г. получил звание академика, в 1858 г. — профессора. С 1848 г. жил в основном в Мюнхене.

[5] *Зейтц Антон* (1829—1900) — немецкий живописец. Жанрист. Работал в Нюрнберге и Мюнхене.

[6] *Прейфер Вильгельм* (1822—1891) — немецкий живописец. Жанрист, анималист, иллюстратор.

[7] *Гартман Людвиг* (1835—1902) — немецкий живописец и гравер. Анималист.

[8] *Мейссонье Эрнест Жан Луи* (1815—1891) — французский живописец, рисовальщик, литограф. Писал исторические и батальные картины, иллюстрировал книги.

[9] *Воуверман Филипс* (1619—1668) — голландский живописец. Пейзажист, изображал также батальные и охотничьи сцены.

[10] *Бамбергер Фриц* (1814—1873) — немецкий живописец и рисовальщик. Пейзажист, писал также батальные картины и морские виды.

[11] *Шлейх Эдуард* (1812—1874) — немецкий живописец. Пейзажист. Профессор Мюнхенской Академии художеств.

[12] *Мильнер Карл* (1825—1895) — немецкий живописец. Пейзажист.

[13] *Стефан Леопольд* (1826—1890) — чешский живописец. Пейзажист.

[14] *Ротман Карл* (1797—1850) — немецкий живописец. Пейзажист. Работал в Мюнхене.

[15] Речь идет о Новой пинакотеке (построенной в Мюнхене в 1846—1853 гг.), где экспонировались произведения немецких скульпторов и живописцев XIX в.

[16] *Циммерман Август-Альберт* (1808—1888) — немецкий живописец. Пейзажист. Член Мюнхенской Академии художеств, почетный вольный общник Петербургской Академии художеств с 1860 г., профессор Венской Академии художеств (1860—1872).

[17] *Стадеман Адольф* (1824—1895) — немецкий живописец. Пейзажист.

[18] Немецкие живописцы, братья: Адам Бено (1812—1892) — анималист, мастер охотничьих сцен и Адам Франц (1815—1886) — анималист, жанрист.

[19] *Фольц Фридрих* (1817—1886) — немецкий живописец. Анималист, пейзажист.

[20] *Кошер Георг (Карл)* (1812—1883) — немецкий живописец. Пейзажист, жанрист.

59 [1] Имеется в виду граф *Стенбок-Фермор Юлий Иванович* (1812—1878) — действительный член (с 1857) и почетный член (с 1871) Академии художеств. Президент департамента уделов. Шишкин, как и некоторые другие ученики академии, называл его Штейнбоком.

[2] *Бочаров Михаил Ильич* (1831—1895) — живописец. Пейзажист и театральный художник. Учился в Московском училище живописи и ваяния и в Академии художеств у С. М. Воробьева. В 1857 г. получил звание классного художника третьей степени. На академической выставке 1863 г. экспонировалось семь его пейзажей, виды Италии и Швейцарии, за которые он был признан академиком.

[3] *Горавский Аполлинарий Гиляриевич* (1833—1900) — живописец. Пейзажист, портретист, автор исторических картин. Учился в Академии художеств (с 1850). В 1854 г. получил звание художника третьей степени, в 1861 г. — академика.

60 [1] Отношение Шишкина в молодости к А. Каламу было противоречивым. С одной стороны, он восхищался его мастерством гравера, с другой — опасался попасть под влияние его манеры. Будучи за границей, он не спешил посетить его мастерскую, выбрав своим руководителем Коллера. Восторженные слова, звучащие в настоящем письме, скорей всего были данью памяти умершего художника. Впоследствии в России, окончательно встав на путь реалистически трезвого воспроизведения природы, Шишкин, естественно, отрицательно относился к холодному академическому романтизму полотен Калама.

[2] В 1864 г. И. В. Волковский не экспонировал свои произведения на академической выставке. О какой зиме идет речь в письме Шишкина — неизвестно.

[3] Отчет и фотографии Шишкина находились в петербургской таможне, куда был послан запрос из Академии художеств 25 мая 1864 г. (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 29, л. 12).

[4] *Потанин Григорий Николаевич* (1835—1920) — известный географ, этнограф, публицист и фольклорист. Путешественник и исследователь Сибири и Центральной Азии. Был вольнослушателем на естественно-историческом отделении Петербургского университета (1859—1862). С 1859 г. занимался в вечерних классах Академии художеств. В 1860 г. Потанин вместе с Шишкиным ездил на остров Валаам.

61 [1] Имеется в виду увлечение Г. Г. Гагарина византийским и древнерусским искусством.

[2] *Баганц Фридрих-Генрих* (1834—1873) — живописец и рисовальщик. Пейзажист. Учился в Академии художеств. В 1860 г. получил звание неклассного художника, в 1868 г.— классного художника первой степени. Назначенный в мае 1862 г. в кругосветную экспедицию,

«для плавания с кадетами, для приобучения их черчению с натуры корабля и всего касающегося до моря», Баганц только лишь в июне 1864 г. был отправлен в кругосветное плавание на корабле «Гиляк» (ЦГИА, ф. 719, оп. 14, ед. хр. 103, л. 7—8).

[3] *Ядринцев Николай Михайлович* (1842—1894) — этнограф, археолог, исследователь Сибири. Публицист, издатель газеты «Восточное обозрение». Был вольнослушателем в Петербургском университете, в 1862 г. сотрудничал в газете «Искра».

[4] *Усов Федор Николаевич* (1839—1888) — казачий офицер, полковник. Был слушателем Военной академии в Петербурге. Секретарь Западно-Сибирского отдела Географического общества (1880—1886). Автор трудов: «Статистическое описание сибирского казачьего войска», «Очерки по истории сибирского войска» и др.

[5] *Песков Михаил Иванович* (1834—1864) — живописец. Автор исторических картин, жанрист. Учился в Академии художеств (1855—1863). В 1863 г. получил звание классного художника. Весной 1864 г. выехал в Ялту, где 31 июля умер от чахотки.

[6] *Крейтан Василий Петрович* (1832—1896) — скульптор. Портретист, работал также в области монументальной скульптуры. Учился в Академии художеств (1857—1863). В 1869 г. получил звание классного художника скульптуры первой степени.

[7] К. Е. Маковский.

[8] *Соломаткин Леонид Иванович* (1837—1883) — живописец. Жанрист. Учился в Московском училище живописи и ваяния (1855—1861) и в Академии художеств (1861—1866). В 1866 г. получил звание классного художника третьей степени. Местонахождение эскиза задуманной Соломаткиным картины «Важная особа», о которой пишет Джогин, неизвестно. Несмотря на неодобрение начальства, художник, переработав эскиз, написал в 1864 г. картину «Вход губернаторши в церковь» (Гос. Эрмитаж).

[9] *Трутнев Иван Петрович* (1827—1912) — живописец. Жанрист. Учился в Академии художеств (1851—1859). В 1859 г. получил звание классного художника первой степени, в 1868 г. — академика. С 1866 г. — директор Виленской рисовальной школы.

[10] *Тарновский Яков Васильевич* (1837—1899) — украинский коллекционер.

[11] Речь идет о картине «Тайная вечеря» (ГРМ), экспонировавшейся на академической выставке 1863 г., за которую Н. Н. Ге в 1864 г. получил звание профессора.

[12] За картину «Неравный брак» (ГТГ), экспонировавшуюся на академической выставке 1863 г., В. В. Пукирев (1832—1890) получил в том же году звание профессора.

62 [1] Отзыв И. И. Шишкина о Базельской выставке неизвестен. Однако имеется свидетельство А. Т. Комаровой о том, что он «высоко ставил французскую школу пейзажа; Добиньи, Дюпре, Коро и в особенности Руссо... были его любимцами» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 54, л. 59).

[2] *Коро Жан Батист Камиль* (1796—1875) — французский живописец и график. Пейзажист.

[3] *Добиньи Шарль Франсуа* (1817—1878) — французский живописец и график. Пейзажист.

[4] В Тевтобургском лесу Каменев вместе с Шишкиным провели лето 1864 г.

[5] *Арминий* — вождь германских племен херусков, возглавивший борьбу против римлян, стремившихся утвердить свою власть на Рейне. Он завлек в Тевтобургский лес и наголову разбил легион римского наместника Вара (IX в. н. э.).

[6] *Быковский Николай Михайлович* (1834—1917). Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1857 г. получил звание неклассного художника, в 1864 г. — классного художника, в 1867 г. — академика живописи исторической. Был экспонентом II выставки ТПХВ.

[7] Ниже приводится план местности, где находится дом.

63 [1] И. В. Волковский получил большую серебряную медаль в апреле 1864 г. за «Пейзаж». Малых серебряных медалей он получил три — в 1860, 1862 и в 1864 г.

[2] Отчет Шишкина был получен в Академии художеств только 27 мая 1864 г. А 31 июля 1864 г. Шишкину было послано официальное письмо следующего содержания: «Совет Императорской Академии художеств, рассмотрев отчет Ваш с фотографиями, выразил совершенное одобрение за Ваши труды и похвалу за занятие гравированием...» (черновик хранится в ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 29, л. 19).

[3] *Самойлов Василий Васильевич* — сын выдающегося актера В. В. Самойлова. В 1867 г. получил звание свободного художника архитектуры за проект конференц-зала для Академии художеств.

[4] *«Архитектурный вестник»* — петербургский журнал архитектуры, образовательных искусств и строительной техники (1859—1861).

[5] *Любке Вильгельм* — немецкий историк искусства. Был преподавателем истории архитектуры в Берлинской строительной академии, в Цюрихском и Штутгартском политехнических институтах и пр. Автор трудов по истории искусства.

[6] Редактором «Архитектурного вестника» был А. Т. Жуковский. Д. И. Гримм, профессор архитектуры, не имел отношения к этому изданию.

64 [1] Академическая выставка 1864 г. была открыта 4 ноября.

65 [1] См. примеч. 3 к письму 52.

66 [1] *Вьюшин Александр Васильевич* (1835 — не ранее 1904) — живописец. Портретист и жанрист. Учился в Академии художеств с 1857 г. В 1862 г. получил звание художника. Преподавал.
[2] Волковский ошибается (см. примеч. 2 к письму 63).

67 [1] Ниже этой строки помещен обрамленный вариант-набросок будущей картины («Вид в окрестностях Дюссельдорфа»).

70 [1] В Отчете о действиях комитета Общества поощрения художников за 1864 г. (Спб., 1865, с. 6) указано: «Комитет Общества, изыскивая средства для привлечения на Выставку большего числа посетителей, предложил в виде опыта открыть при Выставке художественную лотерею».
[2] В 1864 г. Л. И. Соломаткин получил большую серебряную медаль за картину «Славильщики на празднике Рождества Христова» («Христославы»), экспонировавшуюся на академической выставке того года.
[3] На академической выставке 1864 г. экспонировались произведения Шишкина: «Стадо в лесу», «Спуск с горы», «Две коровы у ручья» и «Пастушка и коровы под деревом».
[4] Н. С. Пименов, пользовавшийся в прошлом репутацией человека прямого и нелицеприятного, автор первой, по словам А. С. Пушкина, «народной» скульптуры в России («Юноша, играющий в бабки»), скончался 5 декабря 1864 г.
[5] *С.-Петербургское собрание художников* (1863—1877) — организация открытого типа, сходная с клубом, включавшая разнородный состав художников. Деятельность ее носила во многом развлекательный характер.

71 [1] Этюдник (*нем.*).
[2] *Лессинг Карл Фридрих* (1808—1880) — немецкий живописец. Пейзажист и автор исторических картин. Представитель дюссельдорфской школы.
[3] Пейзаж «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» (ГРМ).
[4] Ф. Ф. Львов был отстранен от должности конференц-секретаря Академии художеств в январе 1865 г. С 1865 по 1868 г. исправлял эту должность *Ребезов Дмитрий Иванович* (1817—1893) — управляющий канцелярией и хозяйственной частью академии, ее действительный член (с 1866).
[5] Дюссельдорфский вестник (*нем.*).

72 [1] Это ужасно *(нем.)*.

73 [1] *Григорович Василий Иванович* (1786—1865) — любитель искусств. Издавал журнал «Вестник изящных искусств» (1823—1825), был конференц-секретарем Академии художеств (1829—1859) и читал здесь лекции по теории изящных искусств. Секретарь Общества поощрения художников.

[2] *Боголюбова Надежда Павловна*, урожд. *Нечаева* (1839—1865).

[3] *Сазонов Николай Федорович* — живописец. Сохранились сведения лишь о том, что он экспонировал на академической выставке 1872 г. четыре пейзажа.

[4] Приехав в июне 1865 г. в Россию, Шишкин вскоре уехал в Елабугу. Имеется выданное ему 21 июня 1865 г. свидетельство, гласящее: «Из Императорской Академии художеств, Пенсионеру оной, г. Классному Художнику Ивану Шишкину, отправляющемуся для художественных занятий ландшафтной живописью с натуры по разным губерниям России, сроком до октября м-ца сего 1865 года, почему благоволят г. начальствующие в уездах исправники, становые пристава и прочие земские власти, в случае избрания им г. Шишкиным в какой-либо местности для снятия ландшафтных видов, оказывать ему содействие к устранению всяких препятствий со стороны местных жителей. Во уверение чего и дано ему г. Шишкину сие свидетельство с приложением Академической печати. Исправляющий должность Конференц-Секретаря Статский Советник Д. Ребезов» (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 29, л. 20).

[5] См. примеч. 3 к письму 52.

[6] *Строганов Павел Сергеевич* (1825—1911) — коллекционер, почетный член Академии художеств. Играл большую роль в деятельности Общества поощрения художников, где по его инициативе с 1865 г. были учреждены конкурсы с выдачей денежных премий за лучшие произведения жанровой и пейзажной живописи.

[7] *Григорович Дмитрий Васильевич* (1822—1899) — писатель. Учился в Академии художеств. Был секретарем Общества поощрения художников (1864—1884).

[8] *«Русские ведомости»* — московская газета, выходившая три раза в неделю (1863—1894). Рецензия на произведения Шишкина в ней не обнаружена.

74 [1] В. М. Резанова.

[2] См. примеч. 3 к письму 55.

[3] *Feder Zeichnung* — рисунок пером *(нем.)*.

[4] Речь идет, по-видимому, о картинах «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» и «Тевтобургский лес» (ГРМ).

76 [1] «Вид в окрестностях Дюссельдорфа».

77 [1] На академической выставке в октябре 1865 г. И. В. Волковский экспонировал пейзаж «Вид села «Великий Бобрик».

78 [1] 3 сентября 1865 г. Н. Д. Быков направил в совет Академии художеств картину Шишкина «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» со следующей пояснительной запиской на имя Д. И. Ребезова: «Милостивый Государь Дмитрий Иванович! Пенсионер Императорской Академии художеств Классный Художник Иван Шишкин по заказу моему написал картину: вид из окрестностей Дюссельдорфа и прислал ее ко мне, которую при сем имею честь передать на благоусмотрение Академического Совета. Картина эта заслужила одобрение дюссельдорфских художников, и мне известно, что рисунки пером работы Шишкина удостоены помещения в дюссельдорфском Музеуме наряду с первыми мастерами Европы, а настоящая картина служит доказательством его способностей и таланта...» (ЦГИА, ф. 719, оп. 14, ед. хр. 29, л. 21). 12 сентября Шишкин, «оправдавший ожидания Совета отличными своими работами, произведенными как в России, так и за границей», получил звание академика (Отчет Императорской Академии художеств с 4 ноября 1864 г. по сентябрь 1865 г., с. 30).

79 [1] *Шамшин Петр Михайлович* (1811—1895) — живописец. Автор исторических произведений. Учился в Академии художеств. С 1853 г. — профессор. Преподавал в Академии художеств (с 1843), был членом совета и ректором Академии художеств по живописи и скульптуре (с 1883).

[2] Сведения Нерадовского неточны: Ю. И. Стенбок-Фермор лишь замещал Г. Г. Гагарина, пока тот был в отпуске.

80 [1] В 1866 г. в Академии художеств не было выставки. В Указателе художественных произведений годичной выставки Императорской Академии художеств за 1866—1867 академический год (Спб., 1867) значится, что В. М. Резанов экспонировал в 1867 г. «Вид в Германии» и два «Вида в Новгородской губернии». А в Отчете Императорской Академии художеств с 12 сентября 1865 г. по 4 сентября 1866 г. (Спб., 1867) указано, что в этот период Резанов обратил внимание совета академии тремя пейзажами: «Жатва и лес в Германии и мельница в Полтавской губернии» (с. 7).

[2] В связи с просьбой Резанова Шишкин писал А. А. Борисовскому: «Милостивый государь Александр Александрович! Обращаюсь к Вам с весьма многозначащей просьбой, дело вот в чем: мне в настоящее время крайне нужно 200 руб[лей], которые я должен художнику

Резанову... Лучше было для меня, если бы вы были расположены взять за эти деньги моими работами, которые бы вам понравились, тогда бы я был совершенно счастлив и более покоен...» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 4).

81 [1] *Лихачев Андрей Федорович* (1832—1890) — казанский археолог, нумизмат, коллекционер предметов старины и произведений искусства, краевед. Член Русского археологического общества, член-основатель Казанского общества археологии, истории и этнографии в 1878 г.

[2] *Журавлев Иван Игнатьевич* (1834—1883) — живописец. Уроженец Казани. Учился в Академии художеств (1861—1867). В 1868 г. получил звание учителя рисования в гимназиях.

[3] По-видимому, речь идет о картине «Швейцарский пейзаж» 1866 г., являющейся вариантом картины «Вид в окрестностях Дюссельдорфа». Находится в Музее изобразительных искусств Татарской АССР. Казань.

82 [1] И. И. Журавлев.

83 [1] *Шварц Вячеслав Григорьевич* (1838—1869) — живописец. Мастер исторической картины. Учился в Академии художеств (1859—1863). С 1865 г. — академик.

84 [1] В этой связи Н. Д. Быкову было послано 13 октября 1866 г. письмо следующего содержания: «Милостивый государь Николай Дмитриевич. В Вашей собственности находится пейзаж Академика Шишкина. Картина эта могла бы послужить истинным украшением Русского художественного отдела на предстоящей Всемирной выставке; по сему предмету Комиссии обращаюсь к Вам, милостивый государь, с просьбою принять участие в обогащении нашего отечественного отдела, доставив в Академию на мое имя помянутую картину, в чем Вам будет выдана установленная квитанция... Ф. Бруни» (ОР ГПБ, Собр. П. Л. Вакселя, ед. хр. 661, л. 1).

85 [1] 26 сентября 1866 г. Шишкину было послано письмо за подписью председателя Московского общества любителей художеств А. С. Уварова и секретаря Л. Панина: «...господа члены художники Общества изъявили желание составить из своих рисунков Альбом для поднесения оного во время бала ее высочеству...». 18 декабря 1866 г. Шишкин получил благодарственное письмо за присланный рисунок (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 104).

[2] О задуманном альбоме Перов писал 6 июня 1866 г. в совет Академии художеств: «Со всех моих картин, как прежде написанных, так

и тех, которые пишу в настоящее время, я предпринял снять фотографии и составить альбом...» (Федоров-Давыдов А. А. В. Г. Перов. М., 1934, с. 99).

[3] *Беггров Александр Иванович* — владелец магазина картин, эстампов и художественных принадлежностей. Имел в Петербурге литографическую мастерскую.

[4] *Фельтен Франц Иванович* — владелец магазина картин, эстампов и художественных принадлежностей в Петербурге.

[5] *Аванцо Иван Иосифович* — комиссионер и владелец магазинов художественных принадлежностей и произведений искусств в Москве и Петербурге.

[6] *Ламанский Евгений Иванович* — финансист, управляющий гос. банком.

[7] *Прянишников Илларион Михайлович* (1840—1894) — живописец. Мастер бытовой картины. Учился в Московском училище живописи и ваяния (1856—1866) и преподавал здесь с 1873 г. Член-учредитель ТПХВ.

86 [1] И. И. Журавлев на экзамене 8 октября 1866 г. был награжден малой серебряной медалью за рисунок с натуры и такой же медалью за этюд с натуры.

87 [1] На постоянной выставке Общества поощрения художников в 1866 г. экспонировалась картина Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом» (ГТГ). На этой же выставке экспонировались и рисунки Шишкина, по поводу которых Перов писал ему: «Добрейший дружище Иван Иванович! Прекрасные рисунки твои получил, велел вставить стекла и поставить на выставку, то есть в общество, причем написал письмо, в котором изложил твои желания быть членом общества. Рисунки и рамы я получил в целости, рисунками твоими все, кто видел, восхищаются, а многие не верят, что это рисованные, спорят, до слез спорят, что это гравюры. Цену я им назначил по 60 руб[лей], хотя они стоят и более, но да любители-то больно плохи. В воскресенье будет в обществе годичное собрание, и вероятно тебя утвердят членом ⟨...⟩». (Шумова М. Н. Неизвестное письмо В. Г. Перова. — Художник, 1983, № 12).

[2] Ответного письма Шишкина не сохранилось, но, видимо, Перов отказался от продажи картины в Москве. 7 января 1867 г. Перов писал смотрителю выставки Общества поощрения художников М. И. Барткову: «Позвольте утруднить Вас покорнейшей просьбою, а именно, у Вас находится моя картина «Приезд Гувернантки». Если представится случай, то продайте ее, пожалуйста, чем сделаете мне большое удовольствие и одолжение. Цена ей от 500 до 450 руб[лей] сереб[ром],

меньше прошу Вас не отдавать. Прошу Вас, добрейший Михаил Иванович, если будете иметь свободную минутку, то напишите, когда я могу мою картину взять у Вас с выставки. Прошу Вас при свидании поклониться Ивану Ивановичу Шишкину. С желанием Вам всего лучшего примите уверение в уважении к Вам. В. Перов. Адрес мой: у старых Триумфальных ворот. Дом Резанова, в Москве» (ЛГИА, ф. 448, оп. 1, № 348).

[3] А. К. Саврасов исполнил в 1866 г. следующие произведения: «Озеро в горах Швейцарии» (ГТГ), «Пейзаж с избушкой» (Башкирский республиканский художественный музей им. М. В. Нестерова) и два сельских вида (местонахождение неизвестно). Какую картину имел в виду Перов, неизвестно.

[4] В 1866 г. Л. Л. Каменев исполнил картины «Зимняя дорога», «Весна» и «Сенокос» (за последнюю удостоен 1-й премии на конкурсе Московского общества любителей художеств).

88 [1] На парижской Всемирной выставке 1867 г. Шишкин экспонировал, помимо картины «Вид в окрестностях Дюссельдорфа», следующие рисунки: «Березовая роща», «Лес», «Стадо в лесу» и «Опушка леса». Возможно, речь идет о рисунке «Стадо в лесу» («Пейзаж со стадом овец»), находящемся в частном собрании в Москве.

89 [1] *Маршевский Иосиф Иванович* — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (до 1855). В 1857 г. получил звание классного художника третьей степени, в 1870 г. — первой степени. Ездил за границу на собственные средства. В 1865 г. жил в Дюссельдорфе. В Россию вернулся осенью этого же года.

[2] Шишкин послал 2 июля 1866 г. на имя В. К. Зворского следующую записку: «Милостивый государь Василий Кириллович! Я получил письмо от художника Маршевского, моего хорошего знакомого, который находится в весьма затруднительном положении, не имея свидетельства от Академии для свободного занятия с натуры — то, будьте так добры, потрудитесь ему выслать поскорее. Имею честь быть Вашим покорнейшим слугою Иван Шишкин. Село Братцево...» (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 22—27).

[3] По этому поводу Шишкину писал в октябре 1866 г. из Новочеркасска Е. А. Ознобишин: «За время моего пребывания в Москве я слышал от Каменева и Прянишникова о той страшной деятельности, какую ты оказал в течение последнего летнего сезона. Зная твою художественную натуру, я этому совершенно и верю и об одном сожалею, что не имею возможность видеть твоих этюдов лично...» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 105).

90 [1] *Борисовский Александр Александрович* — московский коллекционер.

91 [1] *Васильева Евгения Александровна* (1847—1874) — жена Шишкина с 1868 г., сестра Ф. А. Васильева. Через него Шишкин, видимо, познакомился с ней в 1866-м или в самом начале 1867 г.

[2] *Васильев Федор Александрович* (1850—1873). — Учился в Рисовальной школе Общества поощрения художников (1863—1867), пользовался советами Шишкина, относившегося к Васильеву с большой заботливостью как к исключительно одаренному художнику и своему родственнику.

[3] *Васильева Ольга Емельяновна,* урожденная *Полынцева* (? — 1881) — с 1868 г. теща Шишкина.

[4] И. В. Волковскому.

93 [1] *Перова Елена Эдмундовна,* урожденная Шейне.

[2] Возможно, речь идет о *Рейнгардте Владиславе Яковлевиче* (?—1886) — живописце. Учился в Академии художеств (1852—1856). В 1863 г. получил звание учителя рисования в уездных училищах. Работал в качестве фотографа.

[3] 7 сентября 1868 г. Шишкин представил в Академию художеств два пейзажа: «Сосновый лес» и «Чем на мост нам идти, поищем лучше броду» — с просьбой почтить его званием профессора (ЦГИА, ф. 719, оп. 14, ед. хр. 29, л. 28), вместо чего вел. кн. Мария Николаевна назначила представить его к ордену. Указ об этом был издан 27 ноября 1868 г.

[4] 28 октября 1868 г. Шишкин обвенчался с Е. А. Васильевой (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 29, л. 23).

94 [1] В Отчете о действиях комитета Общества поощрения художников за 1868 год (Спб., 1869, с. 4) говорилось: «Комитет Общества, изыскивая средства для более правильной и беспристрастной оценки произведений, присылаемых на конкурс, определил руководствоваться на нынешний раз точно так же, как и на будущее время, таким правилом: не ограничиваться впредь экспертами, выбранными из членов Общества, но приглашать еще лиц из круга гг. профессоров и академиков». 21 декабря 1868 г. происходила баллотировка премий — 1-я премия по ландшафту была присуждена Ф. А. Васильеву за картину «Возвращение стада в деревню», 2-я — А. К. Саврасову за пейзаж «Осенний вид из окрестностей Москвы».

95 [1] Письмо Е. Э. Дюккера Шишкину от 6 марта 1869 г. находится в НБА АХ СССР (ф. 39, оп. 1, ед. хр. 10).

[2] Дюккер, видимо, выслал Шишкину фотографии с некоторых произведений, выставленных в Дюссельдорфе торговцем художественных произведений комиссионером Бисмейером.

[3] Рядом помещено два беглых очерченных наброска пейзажных композиций.

[4] В ноябре 1868 г. А. П. Боголюбов получил «высочайший заказ» написать картины, изображающие крушение русского фрегата «Александр Невский» у берегов Шотландии. Побывав на месте крушения, Боголюбов к весне 1869 г. исполнил две картины: «Выход на берег из бурунов вел. кн. Алексея Александровича и его свиты» и «Молебствие после крушения» (Отчет Императорской академии художеств за 1868—1869 гг. 1870, с. 51).

[5] Поездка Ф. А. Васильева в Дюссельдорф не состоялась. Лето и осень 1869 г. он провел в имениях П. С. Строганова.

[6] *Шульте* — владелец художественного магазина в Дюссельдорфе.

[7] Рядом помещен беглый набросок картины.

[8] *Ахенбах Освальд* (1827—1905) — немецкий живописец. Пейзажист. Брат А. Ахенбаха. Профессор Дюссельдорфской Академии художеств (1863—1872). С 1861 г. — почетный вольный общник Петербургской Академии художеств.

[9] Следующая фраза — «Большой чудак этот Борисовский»— зачеркнута.

96 [1] По дороге в имение Знаменское Тамбовской губернии.

[2] *Нецветаев Александр Сергеевич* — штабс-ротмистр кирасирского полка, впоследствии полковник. Художник-любитель. Вместе с Н. В. Дмитриевой был восприемником первой дочери Шишкина — Лидии.

[3] На академической выставке 1869 г. экспонировались следующие произведения Шишкина: «Речка Лиговка в деревне Константиновке» (принадлежала Н. Д. Быкову), «Лесной ручей» (местонахождение неизвестно), «Полдень» («Полдень. В окрестностях Москвы») (ГТГ), «Сумерки» («Лес вечером») (Рыбинский художественный музей).

[4] Неизвестно, о какой картине идет речь.

[5] *Фролов Николай Николаевич* — сын царскосельского полицеймейстера, служил в Умани, в 12-м Ахтырском гусарском полку аудитором. Товарищ детства Ф. А. Васильева.

[6] Видимо, Васильев имеет в виду не пятницы, а четверги, как назывались рисовальные вечера Петербургской Артели художников, которые устраивались в 1869 г. на квартире А. И. Корзухина в доме № 12 по Невскому проспекту.

[7] *Иконников Яков Михайлович* (1837—1881) — живописец. Учился в Академии художеств (1858—1868). В 1869 г. получил звание учителя

рисования в гимназиях. *Иконникова Евгения Ивановна* — его жена, болевшая туберкулезом и в связи с этим в 1871 г. выехавшая в Крым, где вскоре скончалась.

[8] Ф. Васильев с Иконниковыми катался на коньках в Демидовском саду в Петербурге.

[9] *Васильчиков Александр Алексеевич* (1839—1890) — гофмейстер двора, почетный член Академии художеств, директор Эрмитажа (1879—1889).

[10] *Плещеев Алексей Николаевич* (1825—1893) — поэт.

[11] *Романовский Сергей Максимилианович*, герцог Лейхтенбергский (1849—1877) — почетный любитель Академии художеств с 1869 г.

[12] 28 февраля 1869 г. у Шишкина родилась дочь Лидия (ум. 1926), в первом браке Ридингер, во втором — Шайкович.

97 [1] Дочь Шишкина.

[2] В 1869 г. Шишкин исполнил тушью и пером следующие рисунки: «Болото на Петровском острове» (местонахождение неизвестно), «Аллея Летнего сада» (ГРМ), «Дорога в лесу» (ГТГ) и «Лес» (Музей латышского и русского искусства). Из них два первых экспонировались на академической выставке.

[3] П. С. Строганов.

98 [1] «Полдень. В окрестностях Москвы».

99 [1] Упоминаемые письма Шишкина к Третьякову не обнаружены.

101 [1] *Бартков Михаил Васильевич* (1842—?) — живописец. Портретист. Состоял смотрителем постоянных выставок Общества поощрения художников.

102 [1] О какой картине идет речь, неясно.

103 [1] На обороте письма имеется надпись карандашом — копия ответа Третьякова: «Избави меня бог кого-либо и как-нибудь ввести в изъян. Оставляя Вашу раму, я предполагал, что она Вам годится для первой же будущей картины, теперь я Вас покорнейше прошу прислать картину в той же раме, какая есть. Прилагая при сем 20 рублей, прошу извинить. Преданный Вам. П. Третьяков» (ОР ГТГ, ф. 1, ед. хр. 4274, л. 1).

[2] Имеется в виду присуждение премий на конкурсе Общества поощрения художников. 1-ю премию получил И. Е. Репин за картину «Бурлаки на Волге». Одним из членов жюри был Шишкин.

104 [1] *Дмитриева Наталья Васильевна,* урожденная Малькс — жена художника Н. Д. Дмитриева-Оренбургского.
[2] *Овербек* — фотограф в Дюссельдорфе.
[3] В 1870 г. летом Шишкин был в Нижнем Новгороде, где его снимал известный фотограф А. И. Карелин.
[4] *Вотье Веньямин* (1829—1898) — немецкий живописец. Жанрист. Профессор Дюссельдорфской Академии художеств.
[5] *Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич* (1837—1898) — живописец и рисовальщик-иллюстратор. Жанрист и баталист. Учился в Академии художеств (1853—1863). С 1868 г. — академик, с 1883 г. — профессор.

105 [1] Видимо, это Рисовальная школа Общества поощрения художников.
[2] Дмитриев-Оренбургский в 1871 г. был командирован за границу для усовершенствования в живописи и с июня этого года жил в Дюссельдорфе, получая стипендию от Академии художеств.
[3] Е. А. Шишкиной.

106 [1] Имеется в виду картина «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии» (ГТГ), о которой Третьяков писал Крамскому 18 апреля 1872 г.: «Пейзажем Шишкина я остался совершенно доволен: скажите Ивану Ивановичу большое спасибо!» (Переписка И. Н. Крамского. 1869—1887. М., 1953, т. 1, с. 50).

107 [1] *Боткин Сергей Петрович* (1832—1889) — врач-терапевт, профессор Медико-хирургической академии, общественный деятель. Основоположник физиологического направления в клинической медицине.
[2] 17 июля скончался брат Ф. А. Васильева — Александр.
[3] *Владимир Александрович* (1874—1909) — вел. кн., с 1869 г. товарищ президента Академии художеств, с 1876 по 1909 г. — ее президент.
[4] Картина «Горы и море», исполненная Васильевым в августе 1872 г. (ГРМ).
[5] По заказу вел. кн. Владимира Александровича Васильев должен был исполнить четыре пейзажа, которые предназначались для украшения ширм.

108 [1] *Исеев Петр Федорович* — конференц-секретарь Академии художеств (1868—1889).
[2] Картина «Лесная глушь», писавшаяся Шишкиным летом 1872 г., во время совместного с Крамским и Савицким пребывания на даче под Лугой, находится в ГРМ.

109 [1] С Иваном Николаевичем Крамским Шишкина связывали сердечные дружеские отношения, установившиеся вскоре после возвращения

пейзажиста в Россию. Крупнейший исследователь творчества Крамского, автор капитальной монографии о нем С. Н. Гольдштейн допускает, что эта дружба могла зародиться значительно раньше. «Оба художника,— пишет С. Н. Гольдштейн,— учились в Академии художеств одновременно... Есть основания утверждать, что уже в эти годы оба художника были связаны тесными товарищескими отношениями, перешедшими затем в глубокую дружбу» (Иван Николаевич Крамской. Жизнь и творчество. М., 1965, с. 331).

[2] Крамской имеет в виду свое и Шишкина местопребывание летом 1872 г. в усадьбе Спарских, расположенной на станции Серебрянка по Варшавской железной дороге.

[3] См. предыдущее примеч.

110 [1] *Савицкий Константин Аполлонович* (1845—1905) был одним из самых близких друзей Шишкина.

[2] Савицкий ошибочно датирует свое письмо июлем, а не июнем.

[3] См. письмо 109.

[4] *Крамская Софья Николаевна,* урожденная *Прохорова* (1840—1919) — жена И. Н. Крамского.

[5] 19 мая у Шишкиных родился сын Константин. Скончался в 1875 г.

[6] *Савицкая Екатерина Ивановна,* урожденная *Митрохина* (1838—1875).

[7] Речь идет о Лидии и Константине, восприемниками которого были С. Н. Крамская и К. А. Савицкий.

111 [1] *Новосельский Николай Александрович* (?—1898) — петербургский любитель искусств, член Общества поощрения художников.

[2] Д. В. Григорович.

[3] *Забелло Пармен Петрович* (1830—1917) — скульптор. Автор портретных бюстов, памятников, надгробий. Учился в Академии художеств (1850—1857). С 1869 г. — академик. Шурин Н. Н. Ге.

[4] Речь идет о картине Ге «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы», 1874 г. (ГТГ).

[5] *Сомов Андрей Иванович* (1830—1909) — историк искусств, художественный критик. Был служащим Академии наук, сотрудником газеты «С.-Петербургские ведомости», впоследствии редактировал журналы «Вестник изящных искусств» и «Художественные новости», занимал должность старшего хранителя Эрмитажа.

[6] *Иван* — возможно, натурщик, о котором упоминает Савицкий в письме Крамскому от 12 марта 1874 г. (Переписка И. Н. Крамского. М., 1954, т. 2, с. 434).

[7] *Маковский Владимир Егорович* (1846—1920) — видный представитель передвижнической бытовой живописи, активный член ТПХВ, из-

вестный педагог — впоследствии входил в число близких друзей Шишкина.

[8] *Аммон Владимир Федорович* (1826—1879) — живописец. Пейзажист. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1851 г. получил звание художника, в 1859 г. — академика. С 1872 г. работал библиотекарем Московского училища. В 1873 г. стал членом ТПХВ.

[9] *Аммосов Сергей Николаевич* (1837—1886) — живописец. Пейзажист. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1864 г. получил звание свободного художника, в 1872 г. — классного художника первой степени. С 1872 г. — член ТПХВ.

[10] *Верещагин Василий Петрович* (1835—1909) — живописец. Автор исторических картин, портретист. Учился в Академии художеств (1857—1861). В 1861 г. получил звание классного художника первой степени. Профессор с 1869 г.

[11] *Попов Михаил Петрович* (1837—1898) — скульптор. Учился в Академии художеств. В 1866 г. получил звание классного художника первой степени, в 1872 г. — академика, в 1878 г. — профессора. О ком еще идет речь, не установлено.

[12] Члены Петербургской Артели художников были недовольны поступком Дмитриева-Оренбургского, скрывшего от товарищей свои хлопоты в Академии художеств о поездке за границу на казенный счет, состоявшейся в 1871 г. благодаря покровительству вел. князей. Крамской резко осудил этот поступок, видя в нем нарушение основных идейных позиций Артели.

[13] Неизвестно, кого имеет в виду Шишкин.

[14] Может быть, подразумевается Я. М. Иконников.

[15] Речь идет о Ф. А. Васильеве. Академия художеств, посылавшая на лондонскую Всемирную выставку 1872 г. картину Васильева «Оттепель» (ГРМ), называла автора классным художником первой степени, хотя на самом деле ему так и не был выдан диплом на основании постановления совета академии от 12 мая 1872 г. о необходимости предварительно выдержать «экзамены из наук». Это было невозможно сделать тяжелобольному, живущему в Ялте художнику. На свое обращение в совет академии об отсрочке экзаменов и выдаче диплома он получил отказ.

[16] Картина «На покосе в дубовой роще», 1874 (Музей изобразительных искусств Татарской АССР. Казань).

[17] Речь идет о картине 1873 г. «Осмотр старого барского дома» (ГТГ).

[18] Над двумя портретами Л. Н. Толстого, находящимися в настоящее время в ГТГ и в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого Ясная Поляна, Крамской работал в сентябре 1873 г.

[19] Картина Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге», 1873 (ГТГ).

[20] *Михаил Павлович и Лев Иванович* — лица неустановленные.

112 [1] Речь идет о письме Крамского от 14 марта 1874 г.

[2] Е. А. Шишкина скончалась 6 марта 1874 г. от чахотки.

[3] *Кнаус Людвиг* (1829—1910) — немецкий живописец. Жанрист. Представитель Дюссельдорфской школы, работал в Париже (1852—1860), был профессором Берлинской Академии художеств (1874—1884).

[4] *Зиммлер Фридрих-Карл-Иосиф* (1801—1872) — немецкий живописец и гравер. Жанрист и анималист. *Кренер Христиан* (1838—1911) — немецкий живописец и гравер. Автор охотничьих сцен, пейзажист.

113 [1] Начало письма утеряно.

[2] Речь идет о картине И. Е. Репина «Парижское кафе» (1874—1875), находящейся в частном собрании в Швеции.

[3] Картина В. Д. Поленова «Право господина» экспонировалась в Салоне в 1874 г., в 1875 г. была приобретена П. М. Третьяковым.

[4] *Харламов Алексей Алексеевич* (1842—1922) — живописец. Портретист и жанрист. Художник салонно-академического направления. Учился в Академии художеств (1852—1868). С 1874 г. — академик. Жил в Париже. С 1882 г. — член ТПХВ.

114 [1] В 1876 г. для работы над картиной «Хохот. Радуйся, царю Иудейский!» И. Н. Крамской ездил в Италию и затем несколько месяцев жил в Париже.

[2] Картина Шишкина «Пчельник» экспонировалась на V передвижной выставке 1876 г. (Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник).

[3] Имеется в виду уплата за портрет В. Н. Третьяковой (1844—1899), над которым И. Н. Крамской работал в то время.

[4] В Академии художеств готовилась выставка (открывшаяся 1 марта 1876 г.) нового выставочного объединения Общества выставок художественных произведений, созданного в противовес ТПХВ.

[5] Картина Г. С. Седова «Царь Иоанн Грозный любуется Василисою Мелентьевой» (1875 г.) экспонировалась на I выставке Общества выставок художественных произведений, с которой была приобретена Академией художеств (находится в ГРМ).

[6] И. Н. Крамской имеет в виду историческую драму А. Н. Островского «Василиса Мелентьева», напечатанную в 1868 г.

[7] За свою картину Г. С. Седов не получил звания профессора.

[8] *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818—1901) — московский коллекционер и книгоиздатель, крупный коммерческий и финансовый

деятель. С 1867 г. почетный вольный общник Академии художеств, ее действительный член с 1895 г. Свою коллекцию завещал Московскому Румянцевскому музею (большая ее часть находится в ГТГ).

[9] *Голяшкин Сергей Николаевич* (?—1903) — московский коллекционер произведений русской и иностранной живописи.

[10] Картина В. Г. Перова «Трапеза», 1865—1867 (ГРМ).

115 [1] О каком пейзаже идет речь — неясно. Возможно, это купленная в 1871 г. Третьяковым картина «Осень». См. письмо 102.

[2] *Марк* — сын Крамского, скончавшийся 9 октября 1876 г.

116 [1] О. Е. Васильевой.

[2] *Гупиль Адольф* — торговец художественными произведениями в Париже, комиссионер, антиквар, издатель.

[3] Салон — название периодических художественных выставок современного искусства в Париже.

[4] Речь идет о картинах «Полдень. Перелесок», 1872 г. (Иркутский областной художественный музей) и «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии».

117 [1] *Прахов Адриан Викторович* (1846—1916) — историк искусств, художественный критик, археолог. Доцент Петербургского университета (с 1872), редактор художественного отдела журнала «Пчела» (1876—1878), в котором печатались выпуклые офорты Шишкина. В 1887 г. поселился в Киеве, где руководил созданием росписей Владимирского собора. Был одним из редакторов журнала «Художественные сокровища России» (1901—1907).

[2] *Поленова Елена Дмитриевна* (1850—1898) — художница, акварелистка, ученица П. П. Чистякова.

[3] Еще в 1850-х гг. — в период учения в Академии художеств — Шишкин приходит к мысли о важности популяризации произведений искусства, ищет пути широкого распространения искусства в обществе. Большое внимание уделяет он с ранних лет гравюре. В 1870-х гг. Шишкин разработал новый в России способ гравирования — так называемый рельефный штрих или выпуклый офорт, позволявший печатать репродукции одновременно с текстом.

118 [1] *Ханенко Богдан Иванович* (1850—1917) — коллекционер. С 1875 г. столичный участковый мировой судья, затем член Варшавского окружного суда. С 1891 г. поселился в Киеве. Сахарозаводчик.

[2] *Терещенко Федор Артемьевич* (?—1902) — киевский коллекционер произведений русской живописи, сахарозаводчик.

[3] Вероятно, речь идет о картине «Зима. Иней» (1877, КМРИ).

[4] *Худояров Василий Павлович* (1831—1892) — живописец. Портретист, жанрист и пейзажист. Учился в Академии художеств с конца 1850-х гг. В 1865 г. получил звание классного художника третьей степени.

[5] *А. А. Стадольский* — председатель Одесской судебной палаты.

[6] По получении письма Ханенко, Шишкин сообщил ему о согласии заменить эту картину одним из своих пейзажей.

[7] *Ханенко Варвара Николаевна,* урожденная *Терещенко* (1850—1922).

119 [1] После неожиданной тяжелой утраты жены, трагически скончавшейся в Париже в феврале 1875 г., Савицкий долго не мог поправиться. В этот период он нередко испытывал неверие в свои силы, способности. Всем этим и можно объяснить горечь, которая сквозит в его письме.

[2] Савицкий экспонировал на VI передвижной выставке, открывшейся 9 марта 1873 г., следующие произведения: «Дворик в Нормандии» (1876—1878), «Путешественники в Оверни» (1876), «Встреча иконы» (1878) и «Пожар в деревне» (1878) — эта впоследствии уничтоженная автором картина была показана лишь в провинции. В письме речь идет, по-видимому, о картине «Встреча иконы».

[3] Видимо, А. И. Сомова.

120 [1] Шишкин пишет о картине «Горелый лес», местонахождение которой в настоящее время не установлено. Она находилась в собрании ГТГ до 5 ноября 1938 г., когда была передана в Военно-инженерную академию и числилась там до 1941 г. включительно.

[2] По поводу этого письма Шишкина Третьяков писал Крамскому 5 апреля 1878 г.: «...я решил, что «Горелый лес» нужен, и потому спросил Ивана Ивановича, какая цена будет, если бы я приобрел? Он назначил 2000 р[ублей]. Я ему предложил 1500 р[ублей] — одинаковую, как за «Рожь»... пожалуйста, уговорите Ивана Ивановича устроить за 1500 р[ублей], так как более я не могу заплатить» (Переписка И. Н. Крамского. 1869—1887, с. 225).

121 [1] Вероятно, это исполненные Шишкиным в 1877 г. два рисунка: «Папоротники в лесу» и «Цветы в лесу» (ГТГ).

122 [1] Общество поощрения художников в Петербурге, переименованное в 1882 г. в Общество поощрения художеств, существовало с 1820 г. В его задачи входила популяризация искусства при помощи выставок, издания и распространения гравюр с картин русских мастеров, а также содействие отечественным художникам путем обучения и посылки их за границу, выдачи им ссуд, пособий, приобретения про-

изведений и т. п. В 1857 г. в ведение Общества перешла С.-Петербургская рисовальная школа для вольноприходящих (основанная в 1839 г.).

[2] *Шильдер Андрей Николаевич* (1861—1919) — живописец и рисовальщик. Пейзажист, работал и как театральный художник. Учился у Шишкина, в 1879 г. ездил с ним в Крым. В 1880 г. получил первую премию на конкурсе Общества поощрения художников за картину «Туман в горах». Два года был пенсионером этого Общества. С 1894 г. — член ТПХВ. В 1903 г. получил звание академика.

123 [1] *Ярошенко Николай Александрович* (1846—1898) — всегда дружески расположенный к Шишкину, он особенно сблизился с ним в 1890-х гг.

[2] *Брюллов Павел Александрович* (1840—1914) — живописец. Пейзажист, жанрист, работал также в области портрета. С 1874 г. — член ТПХВ. В дальнейшем был хранителем Русского музея Александра III.

[3] *Чиркин Александр Дмитриевич* (?—1897) — художник-любитель, отставной майор. В 1873 г. получил звание художника, работал как пейзажист и анималист. С 1872 по 1880 г. состоял уполномоченным по организации передвижных выставок в провинции и сопровождающим их лицом.

[4] Видимо, имеется в виду отправка картин передвижной выставки, после ее закрытия в Москве, в путешествие по городам. Отправка картин в провинцию 15 августа могла состояться в 1878 г., так как только в этом году выставка в Москве была закрыта в конце июня. В то лето Шишкин, побывав на Валааме, жил на станции Сиверская, куда, вероятно, и приезжал к нему Ярошенко. В 1876 г. выставка не путешествовала по городам. Лето 1877 г. Шишкин проводил в Елабуге. В 1879 г. художник уехал на лето в Крым. Выставка же 1880 года закрылась в Москве 15 мая, и поэтому отправка картин в провинцию 15 августа, спустя 3 месяца, маловероятна.

124 [1] К. А. Савицкий имеет в виду возвращение Шишкина и Крамского из Парижа, куда они ездили в октябре 1878 г. на Всемирную выставку. В упоминаемом им письме Крамскому от 7 ноября 1878 г. он писал: «Смекаю, что Вы и компания промелькнули под самым моим носом, т. е. через Динабург, не доставив мне случая свидеться с Вами, хотя на несколько минут остановки поезда. Это похвально, великодушно и по-товарищески! не правда ли?» (Переписка И. Н. Крамского, т. 2, с. 505).

[2] Говоря о крушении, которое он потерпел своими прошлыми картинами, Савицкий явно преувеличивал, тем более что на VI передвижной выставке 1878 г. демонстрировалась его картина «Встреча ико-

ны» — одно из наиболее значительных жанровых произведений того времени. Скорей всего художник подразумевал такие малозначительные работы, как «Козы», «Пригляпулась», «Дворик в Нормандии», экспонировавшиеся в 1877 г.

³ К. А. Савицкий собирался привезти к открытию VII передвижной выставки, состоявшемуся 23 февраля 1879 г., картину «Проводы призыва на войну». Однако он не сумел ее закончить к сроку, и она демонстрировалась лишь на VIII передвижной выставке 1880 г. в Петербурге (в настоящее время сохранились фрагменты этого произведения). Второй вариант картины, известный под названием «На войну», был закончен в 1888 г. и демонстрировался на XVI передвижной выставке (находится в ГРМ).

⁴ У К. А. Савицкого была тяжелая болезнь рук, вызванная работой с кислотами при занятии гравированием.

⁵ Конец письма вместе с подписью утерян. Поэтому оно значится в ЦГАЛИ как письмо из Витебска неизвестного корреспондента (Опись документальных материалов личного фонда № 917... М., 1949, с. 7).

125 ¹ Начало письма утеряно.

² Общее собрание Товарищества, состоявшееся 12 ноября 1878 г.

³ Имеется в виду постройка собственного выставочного помещения, которая была горячей мечтою членов Товарищества.

⁴ *Борис* — племянник К. А. Савицкого.

⁵ VI передвижная выставка была закрыта 20 марта 1879 г., после того как она побывала в Одессе.

⁶ А. В. Праховым.

⁷ Савицкий делал для заработка рисунки, которые воспроизводились в гравюре на дереве в журналах «Пчела», «Всемирная иллюстрация» и др.

⁸ *«Пчела»* — петербургский еженедельный иллюстрированный журнал искусства, литературы, политической и общественной жизни (1875—1878). Издатель А. Ф. Базунов, а с 1876 г. — М. О. Микешин.

⁹ Имеется в виду картина «Встреча иконы» (ГТГ).

¹⁰ Савицкий допустил ошибку в инициале. Он подразумевал *Менка Владимира Карловича* (1856—1920) — киевского живописца, пейзажиста и жанриста.

¹¹ *Лагода Ольга Антоновна* (1850—1881) — живописец и рисовальщик. Пейзажист. Училась в Академии художеств (1875—1876) и у Шишкина. В 1880 г. стала его женой (ЦГИА, ф. 781, оп. 14, ед. хр. 29, л. 54). Савицкий ошибочно указывает ее отчество.

126 ¹ *Маркс Альфред Федорович* (1838—1904) — издатель и книготорговец. С 1870 г. начал выпускать журнал «Нива» и другие иллюстрированные издания.

[2] *«Нива»* — популярный петербургский еженедельный иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни (1870—1917). В «Ниве» неоднократно помещались репродукции с картин Шишкина и отзывы о художнике.

127 [1] «Сосульки на крыше». Акварель (ГРМ).

128 [1] *Кондаков Никодим Павлович* (1844—1925) — заслуженный профессор Петербургского университета, археолог и исследователь в области византийского и русского искусства, в 1880-х гг. временно исполняющий обязанности директора Рисовальной школы в Одессе, составитель ее устава.

129 [1] Речь идет о Всероссийской промышленно-художественной выставке, открывшейся в Москве в 1882 г.

131 [1] О. А. Лагода-Шишкина умерла 25 июня 1881 г. В «Художественном журнале», т. II, 1881, № 8, авг., на с. 94 был помещен посвященный ей некролог.

133 [1] *Ивачев Павел Андрианович* (1844 — ?) — живописец. Учился в Академии художеств (1867—1872). Классный художник второй степени. В 1881—1886 гг. сопровождал передвижные выставки в провинцию.

[2] Местонахождение этих пейзажей неизвестно.

[3] X передвижная выставка была открыта в Москве с 9 мая по 25 августа 1882 г. — в неудобное летнее время, когда многие разъехались.

134 [1] *Клучгист Генрих* (? — 1902) — киевский коллекционер.

[2] *Пото* (Алексей Львович?) — киевский коллекционер преимущественно произведений прикладного искусства.

[3] Картина Шишкина «Кама» 1882 г. была приобретена украинским коллекционером Я. В. Тарновским.

[4] *Неврев Николай Васильевич* (1830—1904) — живописец. Жанрист, портретист, автор исторических картин. Учился в Московском училище живописи и ваяния (с 1850). В 1859 г. получил звание классного художника. С 1881 г. — член ТПХВ. На X передвижной выставке экспонировались его картины: «Представление Ксении Годуновой Самозванцу» и «Смерть князя Гвоздева».

[5] На X передвижной выставке экспонировалось четыре произведения М. П. Клодта: «Соседки», «Восход и закат», «Вся в мать» и «За прялкой».

[6] В ноябре — декабре 1882 г. в Киеве, в университетском зале, была открыта выставка польских художников.

135 [1] Шишкин ошибочно назвал Брюллова Павлом Андреевичем.

[2] Имеется в виду пейзаж 1884 г. «Еловый лес зимой», приобретенный А. Г. Кузнецовым (в настоящее время — Серпуховский художественный музей).

[3] «Лесные дали», 1884 (ГТГ).

[4] *Васнецов Аполлинарий Михайлович* (1856—1933) — живописец и график. Пейзажист, автор исторических картин, театральный художник и иллюстратор.

[5] В 1884 г. Шишкин написал в Парголове этюд «Уголок заросшего сада. Сныть-трава» (ГТГ).

136 [1] Начало письма с обращением утеряно. По-видимому, оно адресовано А. И. Беггрову.

[2] Шишкин исполнил специально для А. И. Беггрова серию рисунков углем, которые тот издал двумя альбомами: «И. И. Шишкин. Рисунки углем, воспроизведенные способом фотокопии» (серия I, 1884, серия II, 1885). Все 12 рисунков экспонировались на академической выставке 1885 г. На этом основании письмо датируется 1885 г.

137 [1] *Терещенко Иван Николаевич (Николович)* (1854—1903) — киевский коллекционер, субсидировавший Киевскую рисовальную школу Н. И. Мурашко. Сахарозаводчик.

[2] *Вжещ (Вржещ) Евгений Ксаверьевич (Ксаверьянович)* (1853—1917) — живописец. Пейзажист. Учился в Киевской рисовальной школе (1876—1880), работал в Киеве. Член Товарищества южнорусских художников. Участвовал на XIII передвижной выставке картиной «Осень».

[3] Рисунок «Пасека» был исполнен Шишкиным в 1884 г. (КМРИ).

[4] Пейзаж 1880 г. «Ручей в лесу. (На косогоре)» находится в КМРИ. Картина «Полесье» 1883 г. была разрезана. Фрагменты картины находятся в Гос. художественном музее БССР, Минск.

[5] Конец письма с подписью утерян.

138 [1] *Светославский Сергей Иванович* (1857—1931) — живописец. Пейзажист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1875—1883). Член ТПХВ с 1891 г.

[2] Приводятся образцы форматов рисунков.

[3] *Терещенко Николай Артемьевич* (1819—1903) — киевский коллекционер. Сахарозаводчик. Терещенко Елизавета Михайловна.

[4] Ф. А. Терещенко и Б. И. Ханенко.

139 [1] Вверху страницы — рисунок пером, изображающий танцующих, с подписью: А. Боголюбовъ.

[2] Письма Шишкина к Боголюбову не обнаружены.

[3] Торговцы художественными произведениями в Париже, комиссионеры.

[4] *Суворин Алексей Сергеевич* (1834—1912) — журналист, писатель, издатель петербургской газеты «Новое время» (1876—1912), политический характер которой М. Е. Салтыков-Щедрин определил словами «Чего изволите?». На ее страницах нередко публиковались статьи, направленные против идейного реалистического искусства.

[5] *Гоббема Мейндерт* (1638—1709) — голландский живописец. Пейзажист. Ученик Я. Рейсдаля, его последователь.

[6] *Велде ван де Эсайас* (ок. 1590/1591—1630) — голландский живописец. Пейзажист, жанрист, баталист. *Велде ван де Виллем* (1633—1707) — голландский живописец. Маринист. *Велде ван де Адриан* (1636—1672) — голландский живописец и график. Пейзажист, портретист, автор религиозных и мифологических картин.

140 [1] А. П. Боголюбов имеет в виду письмо, посланное ему Буссо и Валадоном 27 августа 1885 г.

141 [1] О каких рисунках пишет Шишкин, неясно.

[2] Речь идет о рисунке «Побережье дубовой рощи Петра Великого в Сестрорецке» (соус, уголь, мел), 1885 г. (КМРИ).

142 [1] Вверху письма рисунок пером, изображающий танцующих, с авторской надписью: Bibi et la Grille d'egouts au moulin de la Galette. Paris.

[2] XIII передвижная выставка, открывшаяся 10 февраля 1885 г., побывала в пяти городах и закончила маршрут в Одессе. Следующая передвижная выставка открылась 2 марта 1886 г.

[3] *Аппиан Адольф* (1819—?) — французский живописец и гравер. Пейзажист.

[4] *Аллонже Август* (1833—?) — французский живописец и рисовальщик. Пейзажист.

143 [1] *Кузнецов Александр Григорьевич* (1855—1895) — известный московский благотворитель, коллекционер.

[2] Рисунок «На взморье в Дубках» (местонахождение неизвестно). Эскизы и этюды к рисунку находятся в ГРМ. Сам рисунок воспроизведен в «Альбоме русской живописи. Картины и рисунки И. И. Шишкина». Спб., 1892.

[3] См. примеч. 2 к письму 135.

144 [1] *Павловский Исаак Яковлевич* (1852—?) — журналист (псевдоним И. Яковлев). Привлекался в связи с «процессом 193-х» (суд над участниками «хождения в народ»), законченным в 1878 г. В 1880 г. эми-

грировал за границу, где стал парижским корреспондентом газеты «Новое время».
[2] Журнал искусств (*нем.*).

146 [1] Шишкин ошибочно называет Павловского Иваном, а не Исааком.
[2] Речь идет о письме от 16 октября 1885 г. (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 10).
[3] Это недоразумение вскоре разъяснило письмо Буссо и Валадона к Шишкину от 14 января 1886 г. (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 10), о котором Шишкин вскоре писал И. Н. Терещенко (?) — см. письмо 148.

147 [1] См. примеч. 2 к письму 143.

148 [1] Этот черновик хранится в ОР ГПБ среди писем Шишкина неустановленным лицам (ф. 861, ед. хр. 10).

149 [1] О своих рисунках Шишкин писал И. Н. Терещенко в письме 141.

150 [1] *Лагода Виктория (Виринея) Антоновна* — свояченица Шишкина, воспитывавшая его детей Лидию и Ксению.

151 [1] *Хохряков Николай Николаевич* (1857—1928) — живописец и рисовальщик. Пейзажист. В 1880 г. познакомился через А. М. Васнецова с Шишкиным и под его руководством начал заниматься рисунком и и офортом. В 1881 г. жил у него на даче в Сиверской. С 1913 г. — учитель рисования в Высшей начальной школе в Вятке. Один из организаторов Вятского художественного музея. После Великой Октябрьской революции — хранитель его картинной галереи.
[2] *Быкодаров Николай Яковлевич* (1857—?) — живописец. Был экспонентом XII, XIV, XV и XIX передвижных выставок.
[3] *А. А. Рязанцев* — уроженец Вятки, был знакомым Н. Н. Хохрякова и А. М. Васнецова.
[4] *«Всемирная иллюстрация»* — петербургский еженедельный иллюстрированный журнал (1869—1897).
[5] Приводится очерченный набросок.
[6] Приводится очерченный набросок.
[7] *«Живописное обозрение»* — петербургский еженедельный иллюстрированный журнал (1875—1894).
[8] Речь идет о В. К. Менке.
[9] А. М. Васнецов.
[10] *Шишкина Ксения Ивановна* (Куся) — дочь Шишкина и Лагоды-Шишкиной, родившаяся в 1881 г., впоследствии художник, пейзажист.

152 [1] Альбом «Офорты И. И. Шишкина 1885—1886. Собственность И. И. Шишкина. Издание ведено А. Е. Пальчиковым». Спб., 1886.

[2] Весной 1887 г. Шишкин ездил в Вологодскую губернию с Е. П. Вишняковым.

154 [1] *Киселев Александр Александрович* (1838—1911) — живописец. Пейзажист. Выступал и как художественный критик. Учился в Академии художеств (1862—1864). С 1876 г. — член ТПХВ. С 1890 г. — академик. С 1895 по 1897 г. — инспектор академических классов. Заведовал отделом изобразительного искусства в журнале «Артист».

[2] Речь идет о выставке московского Общества любителей художеств.

[3] На XVI передвижной выставке экспонировалось десять пейзажей Киселева: «К вечеру», «Водопад в Массандре», «Весенний разлив», «Сенокос», «Речка Похра», «Деревушка», «Прудик», «Серенький день», «Задворки» и «Ледоход».

155 [1] *Максимова Лидия Александровна*, урожденная *Измайлова* (1848—1919).

[2] Имеется в виду картина «Новоселье» (местонахождение неизвестно). 30 февраля — очевидная описка.

[3] В иллюстрированном каталоге XVI передвижной выставки (Спб., 1888, изд. Беггрова) находилось воспроизведение картины Максимова.

[4] XVI передвижная выставка открылась в Петербурге 28 февраля 1888 г. в помещении Академии наук.

[5] В 1880-х гг. Крамской предостерегал Товарищество против превращения его в замкнутую бюрократическую организацию. Тенденции подобного превращения после смерти Крамского усилились, и это заставило Репина выйти в 1887 г. из объединения. Однако в 1888 г. он снова туда вернулся и участвовал на XVI передвижной выставке.

156 [1] *Соболев Родион* — фотограф.

[2] По материалам поездки в Вологду Шишкин написал в 1888 г. картину «Бурелом» (КМРИ).

[3] Любовь Дмитриевна Волковская.

157 [1] *Пальчиков Анатолий Евграфович* — столоначальник в Петербургском лесном департаменте. Подготовил и издал в 1885 г. «Перечень печатных листов И. И. Шишкина».

[2] *Клейсельс* — лицо неустановленное.

[3] *Гине Александра Федоровна* — вдова А. В. Гине.

158 [1] *Терещенко Мария Николаевна* — сестра И. Н. Терещенко.

[2] Б. И. и В. Н. Ханенко.

159 [1] Речь идет о Всемирной выставке в Париже 1889 г. После неоднократных обсуждений Правление Товарищества решило отклонить полученное приглашение в связи с недостатком времени для подготовки к этой выставке.

160 [1] Неясно, о ком идет речь.

[2] *Навозов Василий Иванович* (1862—1919) — живописец. Жанрист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1880—1882) и в Академии художеств (1882—1886). В 1889 г. получил звание классного художника первой степени.

[3] *Афанасьев Алексей Федорович* (1850—1920) — живописец. Жанрист. Учился в Академии художеств. С 1889 г. — экспонент, с 1918 г. — член ТПХВ. Был директором Пензенского художественного училища им. Н. Д. Селиверстова (1905—1909).

[4] В 1889 г. А. М. Васнецов стал членом ТПХВ.

[5] *«Север»* — петербургский еженедельный литературно-художественный журнал (1888—1914).

[6] *Первухин Константин Константинович* (1863—1915) — живописец, пейзажист. Учился в рисовальной школе М. Д. Раевской-Ивановой в Харькове и в Академии художеств (1886). С 1899 г. — член ТПХВ.

[7] *Фенер* — лицо неустановленное.

[8] О каком Нарышкине идет речь, неясно.

[9] *Далькевич Мечислав Михайлович* (1861—1941 или 1942) — рисовальщик и живописец. Иллюстратор, художественный критик. Учился в Академии художеств (1876—1882).

[10] *«Гусляр»* — московский еженедельный иллюстрированный журнал (1889—1890).

[11] *Александров Николай Александрович* (1840—1907) — журналист, художественный критик. Издавал и редактировал петербургский «Художественный журнал» (1881—1887).

[12] В. К. Менк.

[13] Неясно, о ком идет речь.

[14] *Полевой Петр Николаевич* (1839—1902) — писатель, историк литературы. В 1882—1888 гг. издавал и редактировал журнал «Живописное обозрение».

[15] *«Живописное обозрение»* — петербургский еженедельный журнал (1872—1905).

161 [1] Речь идет о рисунке «Лесное болото», 1889 (КМРИ).

163 [1] До этого Шишкин подарил Поленову этюд «Бор около Сестрорецка» (1887).

[2] В 1891 г. Шишкин подарил Поленову второй этюд — «Сосновый лес (Мери-Хови)», исполненный в 1889 г. Он, как и предыдущий, находится в Гос. музее — усадьбе В. Д. Поленова.

164 [1] *Фесенко Иван Осипович* — кандидат естественных наук, избирался городским головой. Письмо написано на бланке «Харьковский городской Голова... № 5548».

[2] Картина «Парк в Павловске» («Осень») находится в Харьковском художественном музее.

165 [1] *Хруслов Егор Моисеевич* (1861—1913) — живописец. Пейзажист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Участвовал в качестве экспонента на XVII и XVIII передвижных выставках. Был уполномоченным ТПХВ по организации выставок и с 1899 по 1913 г. — хранителем Третьяковской галереи.

[2] *Стахеев Николай Дмитриевич* — сын Д. И. Стахеева (?). Елабужский первой гильдии купец.

[3] Речь идет о пейзажах 1890 г. «Темный лес» (Харьковский художественный музей) и «Болото» (Гос. художественный музей БССР, Минск).

[4] На XVIII передвижной выставке экспонировались картины Шишкина «Вечер», «Зима в лесу», «Темный лес» и «Болото».

[5] Возможно, речь идет о текстильном фабриканте Михаиле Абрамовиче Морозове (1870—1903), одном из владельцев Тверской мануфактуры.

[6] В. Е. Маковскому.

166 [1] *Харитоненко Павел Иванович* (1852—1914) — коллекционер. С 1914 г. почетный член и любитель Академии художеств.

[2] Местонахождение картины «Зима в лесу» неизвестно. Вариант картины «Зима» находится в ГРМ.

167 [1] Речь идет о XVIII передвижной выставке, которая была открыта в Москве с 31 марта по 22 апреля 1890 г.

[2] *Журавлев Василий Александрович* — учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Сохранилось его письмо: он благодарит Шишкина за рекомендательное письмо к Е. С. Сорокину (ЦГАЛИ, ф. 719, оп. 1, ед. хр. 21).

[3] *Сорокин Евграф Семенович* (1821—1892) — исторический живописец. Учился в Академии художеств. В 1861 г. получил звание академика, в 1878 г. — профессора. С 1859 г. преподавал в Московском училище живописи и ваяния.

168 [1] *«Памяти Гаршина».* — В кн.: Художественно-литературный сборник. Спб., 1889.

[2] *Ремезов Николай Владимирович* (1857—1917) — публицист, автор книги «Очерки из жизни дикой Башкирии» (М., 1887).

В 1870-х гг. печатался вместе с М. И. Подъячевым в «Казанском биржевом листке».

³ *Успенский Глеб Иванович* (1843—1902) — писатель.

⁴ В письме речь идет о картинах Шишкина (собственность «Нивы») — «Сосновый лес» и «Запущенный парк», воспроизведенных в № 52 «Нивы» за 1889 г.

169 ¹ Благодаря Хруслову Шишкин получил следующий документ: «Москва 22 мая 1890. Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий. Правление. Москва. В Селижаровскую Контору Лесных операций Товарищества Тверской мануфактуры. Приказчикам зашлюзных рощей Крупскому, Щербакову и другим. Правление поручает Вам принять сего Ивана Ивановича г. Шишкина и его товарищей, показать им лес и озера во владениях Товарищества, предоставив им помещение в лесных конторах и все возможные удобства. Директор Я. Гартунг (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 164).

² *Савельев* — лицо не установленное.

³ Репин в мае 1890 г., стремясь пополнить недостающий материал для картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», поехал на юг по Волге, далее по Дону в Крым и затем в Одессу.

⁴ *Вишняков Евгений Петрович* — фотограф-любитель, коллекционер художественных предметов, полковник. В своих занятиях фотографией предпочитал пейзажные мотивы. Был дружен со многими художниками и особенно с Шишкиным.

170 ¹ Л. И. Шишкина обвенчалась летом 1890 г. в Териоках с Борисом Николаевичем Ридингером (?—1912) и уехала в его имение Мери-Хови на берегу Финского залива. В ЦГАЛИ письмо ошибочно датируется 1891 г. (Опись документальных материалов личного фонда, № 917... М., 1949, с. 6).

171 ¹ *Кончаловский Петр Петрович* (1838—1904) — переводчик, один из пайщиков книгоиздательства И. Н. Кушнерева, отец известного художника П. П. Кончаловского.

² Речь идет об издании фирмой И. Н. Кушнерева сочинений М. Ю. Лермонтова в связи с 50-летием со дня его смерти с иллюстрациями известных русских художников, предпринятом по инициативе П. П. Кончаловского (изд. Кушнерева. М., 1891).

³ *Пастернак Леонид Осипович* (1862—1945) — живописец и график. Жанрист и портретист. Работал в области книжной иллюстрации. Преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (с 1894). Был экспонентом ТПХВ.

⁴ *Дубовской Николай Никанорович* (1859—1918) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (до 1881). С 1886 г. — член ТПХВ. С 1898 г. — академик.

172 [1] Шишкин исполнил два рисунка к произведениям М. Ю. Лермонтова. На тему стихотворения «Сосна» — «На севере диком...» (ГТГ) и на тему стихотворения «Родина» — «Разливы рек, подобные морям» (КМРИ).

173 [1] *Собко Николай Петрович* (1851—1906) — историк русского искусства, библиограф. Секретарь Общества поощрения художеств (1884—1900), редактор журнала «Искусство и художественная промышленность» (1898/1899—1902).

[2] Общество поощрения художеств.

[3] Сведений о Фомине не найдено, кроме упоминания А. Т. Комаровой («Лесной богатырь-художник»).

[4] *Рейтерн Евграф Евграфович* (1836—1919) — собиратель русских гравюр и рисунков, член совета Академии художеств, сенатор.

174 [1] *Рымвид-Мицкевич* — московский коллекционер.

[2] *Константинович Василий Михайлович* — сопровождал передвижные выставки по городам в качестве уполномоченного ТПХВ (1888—1890), был секретарем Правления ТПХВ (1890—1895).

[3] Имеется в виду открывшаяся в мае 1891 г. в Москве большая промышленная и художественная выставка.

175 [1] *«Артист»* — московский театральный, музыкальный и художественный журнал (1889—1895).

[2] Речь идет о картинах 1891 г. «Дождь в дубовом лесу» (ГТГ) и «На севере диком...» (КМРИ).

[3] Шишкин отмечал в 1891 г.: «Малочисленность этюдов с верховьев Волги была обусловлена как не совсем благоприятной погодой во время поездки (стояли холода), так, в особенности, чрезвычайно дурными дорогами для проезда к верховьям. Приходилось с большим трудом подвигаться по топям, болотам и грязям при почти полном безлюдье этой стороны» (Выставка в Императорской Академии художеств этюдов, рисунков, офортов, цинкографий и литографий И. И. Шишкина, члена Товарищества Передвижных художественных выставок. 1849—1891 гг. Спб., 1891, с. 28).

[4] На XIX передвижной выставке были следующие картины Шишкина: «Дождь», «Сосна», «К вечеру», «Лесная полянка» и «Морозный день».

[5] XVIII передвижная выставка побывала в восьми городах, закончив свой маршрут Полтавой. *Бодаревский Николай Корнильевич* (1850—1921) — живописец и портретист. Учился в Академии художеств. С 1884 г. — член ТПХВ, с 1909 г. — академик. Передвижники относились к Бодаревскому, художнику мещански-салонного толка, резко отрицательно, но по уставу не могли исключить из своей среды.

Кузнецов Николай Дмитриевич (1850—1930) — живописец. Портретист, жанрист, работал также в области пейзажной живописи. Учился в Академии художеств. С 1883 г. — член ТПХВ, с 1895 г. — академик. В произведениях 1880-х гг. развивал лучшие традиции передвижничества. В то же время большое внимание уделял чисто живописной стороне своих работ, проблемам формы. К Кузнецову, как и ко многим представителям талантливой ищущей молодежи, вошедшей в Товарищество в 1880—1890-х гг., старшие передвижники относились настороженно. В творчестве молодых они видели новые тенденции. Некоторые из передвижников необоснованно ставили на одну доску таких различных и по уровню дарования, и по художественным интересам мастеров, как Бодаревский и Кузнецов, относя обоих к «инакомыслящим». Так, например, в одном из писем В. М. Константиновича к В. М. Максимову 1890 г. мы читаем: «Про Кузнецова, Бодаревского и других иностранцев ничего сказать не могу» (ГРМ, ф. 18, ед. хр. 84, л. 12).

176 [1] Эта выставка была открыта в 1892 г. в Москве.

177 [1] 16 октября 1891 г. Ф. А. Терещенко писал Шишкину: «Я уверен, что большая картина будет мне доставлять наслаждение — сюжет ее мне очень симпатичен» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 134, л. 3—4). Вероятно, речь идет о картине «Сосны на берегу моря», которая не экспонировалась на передвижной выставке этого года (Львовская гос. картинная галерея).

[2] Шишкин одновременно с Репиным устроил в залах Академии художеств с 26 ноября 1891 г. ретроспективную выставку своих этюдов, рисунков и гравюр, исполненных с 1849 по 1891 г.

[3] Видимо, речь идет о рисунке «Разливы рек, подобные морям».

178 [1] Каталог «Выставка в Императорской Академии художеств этюдов, рисунков, офортов, цинкографий и литографий И. И. Шишкина...» сопровождался следующим вступлением, написанным от имени Шишкина: «В деле искусства — будь то живопись, архитектура или другая отрасль — великое значение имеет практика. Она одна только дает возможность художнику разобраться в той массе сырого материала, которую доставляет природа. Поэтому изучение природы необходимо для всякого художника, а для пейзажиста в особенности. Любя русскую природу и работая над ее изучением около 40 лет, у меня накопился значительный запас этюдов, рисунков и проч. материала, необходимого для сознательного воспроизведения этой природы. Материал этот я представляю в настоящее время на суд публики, предполагая при этом, что подобные выставки работ художни-

ка за все прожитое время дают довольно определенное понятие о приемах, с которыми художник относится к изображаемой им природе».

179 [1] А. А. Киселев был автором большой статьи, печатавшейся в «Артисте» (1891, № 16, 17, 18, и 1892, № 19) под названием: «Французская живопись (По поводу французской выставки 1891 г. в Москве)» за подписью «А. Ки — левъ».

[2] Боязнь Киселева услышать мнение Ярошенко была обусловлена различием их позиций в отношении новых веяний в искусстве. В то время как Ярошенко относился к ним резко отрицательно, видел в живописных исканиях молодых отход от идейного, гражданственного искусства и был сторонником самых строгих мер для ограждения товарищества от «чужеродных» художников, Киселев принадлежал к группе передвижников, старавшихся, напротив, смягчить обстановку и вовлекать в Товарищество талантливую молодежь, стремившуюся к обогащению художественных средств, к новым образным решениям. Мысль о необходимости большей свободы творчества звучит и в статье Киселева. Оценка этой статьи, данная Шишкиным (см. письма № 181, 183), свидетельствует о том, что он разделял точку зрения Киселева и не был так категоричен в своих суждениях, как Ярошенко. (Вопрос о критической деятельности Киселева и его принципиальных установках впервые и основательно освещен в статье: Верещагина А. Г. Из истории художественной критики конца XIX века (А. А. Киселев). — В кн.: Проблемы развития русского искусства. Л., 1973, вып. V, с. 49—57.)

180 [1] *Савицкая Валерия Ипполитовна,* урожденная Дюмулен (1867—1950) — вторая жена К. А. Савицкого (с 1886 г.).

[2] В 1891 г. Савицкий поселился в Москве.

[3] В. Д. Поленов жил в усадьбе «Бехово», или «Борок», как называл ее сам художник, расположенной на берегу р. Оки, близ Тарусы.

[4] В. Е. Маковский.

[5] В. И. Суриков стал членом ТПХВ с 1881 г.

[6] *Остроухов Илья Семенович* (1858—1929) — живописец. Пейзажист, знаток русской и западной живописи, художественный деятель, коллекционер. С 1891 по 1903 г. — член ТПХВ, с 1903 г. — член Союза русских художников. С 1906 г. — академик. Член совета Третьяковской галереи (1898—1903), ее попечитель (1905—1913).

[7] *Лебедев Клавдий Васильевич* (1852—1916) — живописец. Автор исторических картин и жанрист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1875—1881), преподавал там же с 1890 г. Член ТПХВ с 1891 г., академик с 1897 г.

[8] И. И. Левитан, А. Е. Архипов и Н. А. Касаткин стали членами ТПХВ в 1891 г.

[9] В 1891 г. исполнилось 50 лет художественной деятельности Е. С. Сорокина. Этот юбилей был отпразднован в ноябре 1891 г. небольшим кружком художников и любителей.

[10] Возможно, речь идет об иллюстрированном каталоге XX передвижной выставки 1892 г.

181 [1] Шишкин имеет в виду переезд Савицкого в Москву.

[2] На XX передвижной выставке экспонировались пейзажи Киселева: «Дождливый день на Южном Кавказе», «Под облаками, на Военно-Грузинской дороге», «Кура близ Тифлиса» и «На высотах Южного Кавказа».

[3] Многие художники ошибочно расценивали решение Репина и Шишкина устроить свою выставку в залах академии как нарочитое сближение и заигрывание с ней.

[4] *Лемох Карл (Кирилл) Викентьевич* (1841—1910) — живописец. Жанрист и портретист. Учился в Московском училище живописи и ваяния, затем в Академии художеств (1858—1863). С 1875 г. — академик. Член-учредитель ТПХВ (с 1880 г. — его казначей). Член совета Академии художеств (1895—1900). Хранитель Русского музея Александра III (1901—1909).

182 [1] В газете «Новое время» (1891, 26 нояб. (8 дек.), № 5656, с. 3) была опубликована статья «И. И. Шишкин» за подписью «Житель», принадлежавшая перу Дьякова Александра Александровича (1845—1895) — журналиста и критика реакционного толка, постоянного сотрудника «Нового времени». Эта статья — пример нарочитого искажения творческого облика художника, неоднократно практиковавшегося «нововременцами» по отношению к ведущим передвижникам. В этой связи В. В. Стасов писал Репину 29 ноября 1891 г.: «Я со всех сторон слышу негодование на «Жителя» (с которым так согласен Суворин) — какой позор! Мне во вторник первым рассказал про него Ив[ан] Ив[анович] Толстой, с которым мы ходили по выставке. То же негодование я вот который день слышу со всех сторон. Я уже не говорю про пакости, написанные про бедного Шишкина» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, II, 1877—1894. М. — Л., 1949, с. 159). В ответ на статью «Жителя» А. А. Киселев поместил в журнале «Артист» (1891, № 18, дек., с. 161—162) статью-опровержение.

[2] XX передвижная выставка открылась в Петербурге 23 февраля 1892 г. в помещении Академии наук.

183 [1] Обиженный на товарищей, которые выражали недовольство тем, что он устроил выставку в залах академии, и даже говорили о ка-

ком-то особом сближении с ней, Шишкин несправедливо считал, что они солидарны с Дьяковым.

[2] *Первунин Петр Иванович* (1874 — ?) — живописец. Учился в Академии художеств (1892—1895). В 1895 г. получил звание классного художника третьей степени.

184 [1] Имеются в виду «Петербургские наброски» за подписью «Буква», помещенные в газете «Русские ведомости» (1891, 8 дек., № 338, с. 3). Автором этой статьи был фельетонист Василевский Ипполит Федорович (1850 — ?).

186 [1] См. письмо 183.

[2] В. Д. Орловский входил в группу консервативно настроенных, враждебных ТПХВ представителей академии.

[3] *Толстой Иван Иванович* (1858—1916), граф — археолог и нумизмат. С 1889 г.— конференц-секретарь Академии художеств, затем ее вице-президент (1893—1905). С 1905 по 1906 г. — министр просвещения. Принимал деятельное участие в введении нового академического устава 1893 г., способствовал основанию Русского музея Александра III. Автор ряда научных трудов.

[4] Речь идет о президенте Академии художеств — вел. кн. Владимире Александровиче. Шишкин проявил в оценке И. И. Толстого, сыгравшего на определенном этапе развития реалистического искусства положительную роль, бо́льшую объективность, чем А. А. Киселев и некоторые другие художники. Именно при Толстом были установлены новые академические порядки, введены индивидуальные мастерские, занятия в которых велись «исключительно по системе и личному усмотрению профессора-руководителя» (Временный устав Императорской Академии художеств, 1893, § 46). Это привлекло вскоре в академию группу видных передвижников, в том числе и Киселева.

187 [1] Возможно, речь идет об этюде «Сосновая роща при монастыре», 1890 (местонахождение неизвестно), экспонировавшемся на выставке 1891 г. под № 331. На той же выставке Шишкин демонстрировал три этюда кочек под № 290, 327 и 328.

[2] На выставке 1891 г. экспонировалось шесть этюдов дубов под № 47, 48, 226, 337, 344, 346.

[3] *Евдокимов Иван Львович* — товарищ прокурора в Прокурорском надзоре Московского окружного суда.

[4] *Томсон Андрей-Мориц Александрович* — архитектор. Учился в Академии художеств. В 1865 г. получил звание классного художника третьей степени.

188 [1] *Кирхнер Отто* — владелец типографии и фабрики конторских книг, переплетных и кожаных изделий.

[2] Речь идет об издании 4-го альбома офортов Шишкина: «60 офортов профессора Ив. Ив. Шишкина. 1870—1892. Собственность и издание А. А. Маркса в С.-Петербурге». Альбом вышел в свет в декабре 1894 г. В предисловии к альбому издатель писал: «Значительный успех выставки (1891 г. — *И. Ш.)* навел нашего художника на мысль сделать такой же ретроспективный обзор всем своим офортам. С этой целью И[ван] И[ванович] собрал имевшиеся у него офортные доски, прошел их снова, некоторые переделал совершенно и добавил около десятка новых».

[3] Офорты «Пчельник» и «Лес с волками» не вошли в альбом 1894 г.

189 [1] *Булгаков Федор Ильич* (1852—1908) — журналист, редактор-издатель, переводчик и автор ряда книг по искусству. Постоянный сотрудник газеты «Новое время».

[2] Булгаков Ф. И. Альбом русской живописи. Картины и рисунки профессора И. И. Шишкина. Спб., 1892. Фототипическое и автотипическое издание.

[3] И. И. Толстым.

190 [1] В 1891 г. в журнале «Художник» (№ 2, с. 101—106) появились «Палестинские очерки» В. В. Верещагина, которые он, по-видимому, и читал у Стасова.

191 [1] *Околович Николай Андреевич* (1876—1928) — живописец. Пейзажист. Учился в Высшем художественном училище при Академии художеств (1897—1901). В 1901 г. получил звание художника. С 1912 г. — хранитель Русского музея Александра III. В 1926 г. — реставратор Художественного отдела Русского музея.

[2] На передвижных выставках Околович экспонировал картины: «Окраина города» (XXII выставка 1894 г.) и «Весна» (XXIII выставка 1895 г.).

193 [1] Имеется в виду открытие XX передвижной выставки в Петербурге (15 февраля 1892 г.), на которой не участвовал И. М. Прянишников. В. Е. Маковский экспонировал на ней пять произведений, среди них «Не пущу» и «В трактире».

[2] Видимо, Шишкин подразумевал недовольство и столкновения многих деятелей Московского училища живописи, ваяния и зодчества с инспектором Н. А. Философовым, очень нелюбимым учащимися. В начале 1890-х гг. училище располагало сильным составом педагогов, среди которых были И. М. Прянишников, В. Е. Маковский и др. По сравнению с Академией художеств оно предоставляло значитель-

по большую творческую свободу и педагогам и учащимся, поскольку над ними не довлела система таких четких требований, связанных с обязательными программами, как в академии. Но в то же время отсутствие строго выработанной, единой и обязательной для всех педагогов системы обучения имело свою отрицательную сторону. По этим важнейшим вопросам между деятелями училища возникли серьезные разногласия. За сохранение старой системы обучения ратовали В. Е. Маковский, И. М. Прянишников и П. М. Третьяков. За методическое упорядочение занятий, за систематизацию и своего рода унификацию системы обучения выступила другая группа педагогов вместе с Н. А. Философовым. Возникший острый конфликт закончился уходом из училища ряда противников реформы, в первую очередь Маковского. После этого дальнейшее пребывание в училище инспектора Философова стало невозможным. Его сменил А. Е. Львов. На освободившиеся вакансии пришли новые педагоги. О столкновении преподавателей училища с Н. А. Философовым интересные и важные для понимания возникшего конфликта сведения приводит С. Н. Гольдштейн в кн.: «Государственная Третьяковская галерея. Очерки истории. 1856—1917». Л., 1981, с. 120.

[3] Картина «Лесное кладбище» («Старый валежник») демонстрировалась на XX передвижной выставке в Москве и на XXI передвижной выставке в Петербурге. Находится в Гос. художественном музее БССР, Минск.

[4] На обороте надпись, сделанная неизвестной рукой: «На Воздвиженке Шереметьевский переулок. До К. Мещерского до 11 часов Дмитрий Матвеевич Глаголев».

194 [1] В книге И. И. Пикулева «И. И. Шишкин» (с. 109) это письмо ошибочно отнесено к началу 1870-х гг.

[2] Речь идет о картине «Лесное кладбище».

195 [1] Письмо московского коллекционера И. Г. Каменского от 1 апреля 1893 г. (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 86).

196 [1] *Ланговой Алексей Петрович* (1857—1939) — врач, профессор Московского университета, коллекционер картин русских художников. С 1913 г. — член совета Третьяковской галереи. Шишкин ошибочно называет его Андреем.

199 [1] *Бруни Николай Александрович* (1856—1935) — живописец и мозаичист. Писал портреты, жанровые картины, исполнял иконы. Учился в Академии художеств (1875—1885). С 1894 г. — инспектор классов Высшего художественного училища при Академии художеств. С 1906 г. — академик. С 1912 г. — заведующий мозаичным отделением

Академии художеств. В 1920-х гг. преподавал в Ленинградском политехническом институте.

200 [1] *Новиков Николай Васильевич* — один из основателей и член редакции журнала «Артист», бывший его издателем с 23 апреля 1894 г. (№ 37) по февраль 1895 г.

Еще в апреле Шишкин послал ему одну из своих картин, по расписки и денег не получил, несмотря на неоднократные запросы. Первая половина приводимого в сборнике ответного письма Новикова находится в ОР ГПБ (ф. 861, ед. хр. 100), среди корреспонденций неустановленных лиц, вторая половина — с подписью — там же (ед. хр. 102).

[2] *Ф. А. Куманин* — драматург, переводчик, артист. С 1889 по 1894 г. был издателем журнала «Артист».

[3] Первый съезд русских художников и любителей художеств открылся в Москве при Обществе любителей художеств 23 апреля 1894 г.

[4] Артист, 1894, № 37. Приложения.

[5] «Русское искусство в 1894 г. (Академическая выставка, статья А. А. Киселева. — XXII передвижная выставка, статья В. М. Михеева. — Выставка отверженных, статья М. Далькевича. — Выставка московских художников, статья Н. Досекина)», с. 116—147. Общая для этих статей тенденция — сочувствие реалистическому направлению.

201 [1] *Бондаренко Владимир Архипович* (1866—1900) — живописец. Пейзажист и портретист. Окончил Одесскую рисовальную школу. Учился в Академии художеств (с 1890) и у Шишкина, затем у А. И. Куинджи. В 1897 г. получил звание классного художника третьей степени.

[2] 19 октября 1894 г. Шишкин получил письмо с аналогичной просьбой от валаамского игумена Гавриила (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 43).

202 [1] *Трояновский Иван Иванович* (1855—1925) — московский врач, коллекционер русской живописи.

203 [1] Письмо датируется со слов А. Т. Комаровой («Лесной богатырь-художник»).

[2] Официально вступив в должность профессора-руководителя с осени 1894 г., Шишкин приказом от 24 ноября 1895 г. был уволен («с 15 октября сего года»), согласно написанному им на имя президента Академии художеств следующему прошению: «Не будучи в состоянии по болезненному состоянию здоровья продолжать занятия в моей ученической мастерской Высшего Художественного Училища, осмеливаюсь всепочтительнейше просить Ваше Императорское Высочест-

во об увольнении меня по болезни от должности профессора-руководителя Высшего Художественного Училища» (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, ед. хр. 29, л. 59).

205 [1] Шишкин имеет в виду XXIII передвижную выставку, открывшуюся в Петербурге 17 февраля 1895 г., на которой экспонировались картины «Сосновый бор» и «Кама близ Елабуги».

[2] На XXIII передвижной выставке Шишкин экспонировал рисунок пером «У ручья» («Ручей в лесу»), приобретенный А. А. Назаровым (местонахождение неизвестно).

[3] В. И. Суриков экспонировал на XXIII передвижной выставке картину «Покорение Сибири Ермаком» (ГРМ).

207 [1] *Переплетчиков Василий Васильевич* (1863—1918) — живописец и график. Пейзажист. Учился у А. А. Киселева и в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Был экспонентом на восьми выставках ТПХВ. Член-учредитель Союза русских художников.

[2] О. А. Лагоды-Шишкиной.

[3] И. М. Прянишников скончался 12 марта 1894 г. в Москве от туберкулеза.

[4] *«Русские ведомости»* (1863—1918) — московская политическая и литературная газета; *«Московские ведомости»* (1756—1917) — реакционная по характеру газета, пользовавшаяся большим влиянием в бюрократических кругах. В письме Савицкого речь идет об обзорных статьях, посвященных XXIII передвижной выставке. Так, в частности, И. Ф. Василевский в «Русских ведомостях» дает «обозрение баб и печей», представленных на выставке. Его насмешкам подвергаются и Левитан, и Архипов, и Репин, и Суриков (№ 70, с. 3. Подпись «Буква»). Особенно злобствовал в «Новом времени» А. А. Дьяков, который иронизировал по поводу «овчинной печали», докучающей в картинах передвижников, их неумения разрабатывать сюжет «в изящной и увлекательной форме», незнания техники и т. п. (5 марта, № 6830, с. 2. Подпись «Житель»).

[5] Первая выставка картин художников исторической живописи, созданная Обществом художников исторической живописи; Третья выставка картин московских художников (третья выставка московского Товарищества художников); Вторая передвижная выставка Товарищества южнорусских художников.

208 [1] *Михеев Василий Михайлович* (1859—1908) — писатель и журналист. Секретарь первого съезда русских художников и любителей художеств.

[2] Речь идет о закрытии журнала «Артист» в феврале 1895 г.

[3] М. К. Ремезова стала издателем и редактором журнала «Север» с № 15 за 1894 г.

[4] Имеется в виду альбом рисунков О. А. Лагоды-Шишкиной, изданный И. И. Шишкиным в 1887 г.

209 [1] Так, например, в «Новом времени» читаем: «После долгих ожиданий Товарищество передвижных выставок устроило свою выставку в залах Академии художеств и таким образом окончательно водворилось в ней... Уничтожение старых академических выставок их окончательным обезличением и подведением под общий дух вышеназванного товарищества — может быть печально и вредно» (1895, 19 февр., № 6816, с. 3).

210 [1] На другой странице приписка: «Врагов у нас много и старых и вновь народившихся». Вверху письма приписка: «спросить Лемоха». В другом, более раннем черновике письма Шишкин приводит народные пословицы: «В согласном стаде и волк не страшен»; «Без друзей, без связи да без мази — телега скрипит, ехать гадко»; «Пошел в попы — служи панихиды» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 10).

[2] В том же, более раннем черновике письма читаем: «Единственное мое предложение — это баллотировка картин членов плохих и сомнительных».

[3] По-видимому, ответом на это письмо была полученная Шишкиным телеграмма: «Товарищество шлет горячий привет своему старейшему вернейшему сочлену, здравствуйте многие лета. Спасибо за письмо. Собрание» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 136, л. 13).

211 [1] *Курдюмов Павел Григорьевич* — московский коллекционер.

[2] В конце мая 1895 г. Остроухов писал Шишкину по поводу продажи картины: «Деньги Ваши 500 руб[лей] (пятьсот рублей) за проданную на Московской выставке этого года картину «С горы» получены мною 14 мая» (НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 20).

212 [1] Речь идет о картине «Кама близ Елабуги».

[2] К. А. Савицкий.

213 [1] 13 апреля 1895 г. высочайшим указом было положено основание Русского музея, открытого 7 марта 1898 г. Положение о музее разрабатывалось при непосредственном участии И. И. Толстого.

214 [1] Письмо Шишкина к П. Я. Мелешеву не обнаружено.

[2] В ученической тетради Шишкина есть запись: «1852 года 28 августа в четверг переехал на квартиру к Марье Гавриловне. Вечером.

Ценою в месяц 6 руб[лей] серебром» (НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 2).

[3] *Фингал* — легендарный герой, живший в III в. н. э. — отец Оссиана. Большая героическая поэма «Фингал» была написана в 1762 г. Макферсоном.

215 [1] *Пюви де Шаванн Пьер* (1824—1898) — французский живописец. Писал в основном на религиозные и аллегорические темы. Работал главным образом в области монументально-декоративной живописи. Его творчество представляло собой один из вариантов символизма.

[2] В Париже в то время существовало два Салона: старый на Елисейских полях и новый Салон Марсова поля, который выделился в 1890 г. из Национального общества изящных искусств (здесь выставлялись Пюви де Шаванн, Каролюс-Дюран, Фриан и др.). Об этом Салоне рассказывал В. Д. Поленов: «„Salon de Champ de Mars" образовался, подобно нашим передвижникам, из отщепенцев, которые считали официальный „Salon des Champs Elysées" устаревшим, рутинным учреждением и недовольны были тамошним жюри» (Из записей В. Д. Поленова. — В кн.: Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М. — Л., 1948, с. 470).

[3] Имеется в виду мастерская Высшего художественного училища при Академии художеств, которой руководил Куинджи с осени 1894 г.

[4] *Фриан Эмиль* (1863—1932) — французский живописец, гравер, скульптор. Еще в 1894 г. в обоих Салонах экспонировались декоративные произведения, заказанные французским правительством для украшения парижской ратуши и Сорбонны. Ярошенко сам в то время увлекался темой материнства, делал наброски к неосуществленной картине, изображающие молодую мать.

[5] В 1895 г. А. М. Васнецов впервые был на Кавказе.

216 [1] *Рущиц Фердинанд Эммануил Эдуардович* (1870—1936) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1891—1896). В 1897 г. получил звание художника.

[2] *Химона Николай Петрович* (1865—1920) — живописец и рисовальщик. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1889—1897). В 1897 г. получил звание художника, в 1916 г. — академика. Член-учредитель Общества им. А. И. Куинджи.

[3] Внизу вариант начала письма: «Многоуважаемый Иван Иван[ович]. Я пишу Вам полуофициальное письмо, прочтите его в Совете. Документ о моем увольнении я получил, чему очень рад». На обороте вариант того же письма, адресованный художественному совету: «В Художестве[нный] Совет. Не имея возможности лично быть в

художественном совете я (*нрзб*) прошу гг. членов обратить свое благосклонное внима[ние] на работы моих бывших учеников. Некоторые из них, как-то Борисов, Рущиц и Химона, по моему мнению, настолько готовы, что заслуживают поощрения и отдельных мастерских. И. Ш.». *Борисов Александр Алексеевич* (1866—1934) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств с 1888 по 1897 г. В 1897 г. получил звание классного художника.

217 [1] *Рунов Николай Никитич* — московский коллекционер, преподаватель пения.

221 [1] В феврале 1896 г. в Петербурге открылась XXIV передвижная выставка Товарищества, на которой В. Е. Маковский не участвовал. В начале 1896 г. художник находился в Москве. Он был приглашен для исполнения альбома, посвященного готовящимся в Москве коронационным торжествам. Какую выставку имеют в виду авторы письма, неясно.

[2] *Ендогуров Иван Иванович* (1861—1898) — пейзажист. Учился в Академии художеств. С 1895 г. — член ТПХВ.

[3] *Волков Ефим Ефимович* (1844—1920) — живописец. Пейзажист, автор ряда жанровых картин. Учился в Академии художеств с 1867 г. С 1880 г. — член ТПХВ. С 1899 г. — академик.

222 [1] Речь идет о картине «Дубовая роща», которую Академия художеств хотела приобрести за 2300 рублей вместо назначенных автором 3000 рублей (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 16).

[2] Незадолго до этого — 11 февраля 1896 г. — болевший в то время Шишкин получил следующее письмо: «Дорогой Иван Иванович! Пьем Ваше здоровье. Жалеем, что Вы не с нами. Верим в будущее и в долговременную совместную работу. «Товарищи» (ОР ГПБ, ф. 856, ед. хр. 136, № 8).

223 [1] *Л. В. Готье* — московский коллекционер.

[2] Н. А. Ярошенко.

[3] Речь идет о XXIV передвижной выставке.

[4] В 1896 г. Академия художеств приобрела картину А. А. Киселева «На снежных вершинах».

224 [1] *Уткин Исидор Афанасьевич* — художник-самоучка, москвич, приславший Шишкину письмо с просьбой дать совет, как работать (ЦГАЛИ, ф. 719, оп. 1, ед. хр. 43).

[2] Сохранился и публикуется в настоящем сборнике черновик ответного письма Шишкина. Само же (не обнаруженное в архивах) пись-

мо было опубликовано А. Т. Комаровой в статье «Лесной богатырь-художник».

[3] В статье Комаровой вместо слова «приблизительно» стоит слово «нужно».

[4] В статье Комаровой вместо слова «удерживать» стоит «достигается».

[5] В статье Комаровой слова «в крайнем случае» опущены.

[6] Считая необходимым для начинающих художников занятия с фотографий, которые, по мысли Шишкина, могли ускорить процесс профессиональной подготовки учащихся, он вместе с тем главное значение придавал этюдной работе с натуры. Об этом можно судить по черновой записи А. Комаровой, со слов Шишкина, 1890-х гг., озаглавленной: «Введение в программу летних занятий для учеников Академии художеств. Работа над этюдом с натуры», где сконцентрированы взгляды художника по этому вопросу. «Выработав зимой на фотографии свою манеру письма, приобретение свежести рисунка,— пишет Шишкин,— летом ученик изучает тени, отношения и законы красок; этюд также прежде всего должен быть школой, не гнаться за картинностью, для чего этим служит эскиз; в нем должен быть тщательно передан один кусок натуры со всеми подробностями, может быть лишними для картины, создавая которую художник невольно воспринимает только те предметы и тона, которые и составляют мотив, от присутствия которых зависит сила впечатления; это уже делается бессознательно, в этом выражается художник. Каждый ученик летом должен обязательно писать этюды и в них со всех сторон изучать то, что он избрал своей специальностью; кроме того, как зимой, так и летом он должен иметь при себе записную книжку и альбом, чтобы приучиться зачерчивать в ней все, что оста[но]вит на себе его внимание, а не полагаться на свою память и воображение, так как человек устроен, к несчастью, так, что новейшие впечатления сглаживают и вытесняют предыдущие, и иногда не только этюд, но простой набросок, чертеж восстанавливают в памяти полузабытый мотив. Я считаю этюд и рисунки настолько обязательными для всех учеников, что только болезнь может служить оправданием в отсутствии летних работ. Картина должна быть полной иллюзией, а это невозможно достигнуть без всестороннего изучения избранных сюжетов, к которым художник чувствует наибольшее влечение, которые остались в его воспоминаниях детства, т. е. пейзаж должен быть не только национальным, но и местным. Порукой всего сказанного будет мой долголетний опыт, и все мое желание послужить родному пейзажу, и надеюсь, что придет время, когда вся русская природа, живая и одухотворенная, взглянет с холстов русских худож[ников]» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1. ед. хр. 3., л. 1).

[7] В тексте письма, приведенном Комаровой, после предпоследней строки черновика находятся еще следующие: «но если Вы человек с талантом и любите пейзаж, то Вы должны меня понять, и видеть в этом не цель, а средство для изучения пейзажа, и должны писать или рисовать с фотографии как бы с натуры. Вот тут частью познается степень даровитости человека: бездарный будет рабски копировать с фотографии все ее ненужные детали, а человек с чутьем возьмет то, что ему нужно».

227 [1] Савицкий после переезда в Москву в 1891 г. начал преподавать в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где с 1894 по 1897 г. руководил натурным классом. Кроме того, у художника много времени отнимали частные уроки.

[2] Живя в Полтаве, Мясоедов в то же время в этот период часто ездил в Москву и подолгу в ней останавливался.

228 [1] *Боткин Михаил Петрович* (1839—1914) — живописец. Автор картин религиозного содержания, коллекционер. Учился в Академии художеств (1856—1858). С 1863 г. — академик. С 1897 г. — член совета Академии художеств.

[2] Речь идет об Училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге — гос. художественном учебном заведении, открытом в 1879 г. по инициативе и на средства мецената А. Л. Штиглица.

[3] *Котов Григорий Иванович* (1859—1942) — архитектор. Учился в Академии художеств с 1878 г. С 1887 г. — академик. С 1896 по 1917 г. — директор Центрального училища технического рисования барона Штиглица, с 1905 г. — профессор архитектурной мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств.

[4] Боткин подразумевает музей Общества поощрения художеств, директором которого он был назначен в 1896 г.

229 [1] *Месмахер Максимилиан-Эдуард Григорьевич* (1842—1906) — архитектор и рисовальщик. Строитель здания Училища технического рисования барона Штиглица и первый его директор (1877—1896). Царившая в училище казенная обстановка, стремление Месмахера окружить себя преподавателями академического толка, несправедливое увольнение им в связи с этим демократически настроенного К. А. Савицкого (1889) рождало неудовольствие и даже возмущение в кругах прогрессивной художественной интеллигенции. (Встречающиеся иногда у Шишкина неодобрительные замечания в адрес «немецкого» и «немцев» вызваны, думается, не национальной неприязнью, а скорее ассоциациями с представителями царского двора.)

230 [1] Дата на письме написана чужой рукой.

[2] Шишкин писал в ту пору Ярошенко: «Многоуважаемый Николай Александрович, я во все время был болен, начал серьезно лечиться, и теперь лучше, и делаю маленькие выходы из дому в мастерскую. Оказывается, что и Вы не совсем здоровы. У меня в квартире четверо больных — эта проклятая инфлюэнция...» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 10).

231 [1] *Киселева Софья Матвеевна,* урожденная *Протопопова* (1851? — 1920).

[2] Речь идет о *Мазинге Эрнесте Карловиче* — враче, лечившем многих художников.

[3] *Беггров Александр Карлович* (1841—1914) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1870) и в Париже у Л. Бонна и А. П. Боголюбова (1871—1874). С 1876 г. — член ТПХВ. В 1899 г. получил звание академика.

[4] XXV передвижная выставка открылась 12 марта 1897 г. в помещении Общества поощрения художеств. Альбом же двадцатипятилетия ТПХВ (изд. К. А. Фишера. М.) вышел в свет лишь в 1899 г.

[5] А. П. Боголюбов скончался 26 октября (7 ноября) 1896 г. в Париже.

232 [1] Лемох Варвара Федоровна.

[2] Речь идет о В. Е. Маковском и А. В. Маковском (1869—1924) — художнике-жанристе и пейзажисте.

233 [1] Восточные этюды Ярошенко помечены маем и июнем 1896 г. На этом основании датировано письмо.

[2] Речь идет о подготовке к празднованию 25-летия ТПХВ.

[3] Ярошенко, резко отрицательно относившийся к вхождению группы передвижников в реформированную Академию художеств, был особенно непримирим и несправедлив в отношении А. И. Куинджи, начавшего преподавать там с 1894 г.

[4] *Ярошенко Мария Павловна,* урожденная *Навротина* — жена Н. А. Ярошенко (с 1874 г.).

234 [1] На XXV передвижной выставке В. М. Васнецов экспонировал картину «Царь Иван Васильевич Грозный». Картина «Три богатыря» была завершена художником в 1898 г. и продана П. М. Третьякову.

235 [1] Репин с 1894 по 1907 г. был профессором-руководителем мастерской исторической живописи, а в 1898/99 г. — ректором Высшего художественного училища при Академии художеств.

[2] Сведений об Адриане Соколове не найдено.

[3] *Буффа* — владелец петербургского магазина художественных принадлежностей.

236 [1] *Новицкий Алексей Петрович* — редактор московского журнала «Русский художественный архив» (1892—1894), сотрудник Исторического музея, был секретарем 1-го съезда русских художников и любителей художеств (1894).

[2] *Кнебель Иосиф Николаевич* (1854—1926) — московский издатель и книготорговец, выпустивший в свет много книг по русскому искусству.

237 [1] «Дождь в дубовом лесу», 1891 (ГТГ).

238 [1] По-видимому, речь идет о картинах «Дубовая роща» и «Вечерняя заря» (местонахождение неизвестно).

[2] В. К. Менк был экспонентом шестнадцати выставок ТПХВ.

239 [1] *Чуйко Владимир Викторович* (1838—1898) — художественный критик, литератор, переводчик. С 1872 г. вел критический отдел в газете «Голос», с 1882 г. — в газете «Новости». Шишкин ошибочно называет его Виктором.

[2] Имеется в виду появившееся в газетах ложное известие о смерти И. И. Шишкина (Новое время, 1896, 29 дек.; Одесские новости, 1896, 29 дек.; Новости дня, 1896, 29 дек. и др.). На самом деле скончался однофамилец Шишкина — малоизвестный художник А. В. Шишкин. В этой связи в «Одесском листке» 31 декабря 1896 г. была напечатана следующая заметка, принадлежавшая перу В. М. Дорошевича: «Жертвой репортерского злодейства пал знаменитый художник Шишкин. Почтенный «Лесной царь» взял утром газету, прочел свой некролог... Через полчаса в редакции «Нового времени» разыгралась душераздирающая сцена. Сотрудники лезли под стол. Г. Суворин сидел в редакционной корзине и бормотал: «Чур меня! Чур!.. Наше место свято!.. Наша газета консервативная!..» В дверях стоял... г. Шишкин... Господа, да я жив! Живы? Сотрудники начали выползать из-под стола. Опять «Новое время» соврало! — спокойно произнес г. Суворин и с достоинством вышел из редакционной корзины. Г. Буренин облизнулся: — Жаль, что это не с Репиным! Я бы его за такую штуку ррразделал!» (№ 342, с. 3). Вверху приводимого письма пометка Шишкина: «О мнимой смерти». Сохранился черновик телеграммы, составленный по этому поводу И. С. Остроуховым: «Не могу удержаться, чтобы не высказать мою величайшую радость, что ужасное неожиданное известие о потере Вас было ложно и что Вы опять среди нас. Дай Вам бог много, много лет жизни и здоровья. Берегите себя для всех искренно ценящих и любящих...» (ОР ГПБ, ф. 10, ед. хр. 664, л. 1).

[3] Псевдоним «Добрый Иероним» принадлежал *Флугу Семену Григорьевичу* (1860—1916) — поэту и журналисту. Статья его, как и статья В. В. Чуйко о мнимой смерти Шишкина, не найдена. *Ясинский И. И.* (1850—1931) — писатель и журналист.

240 [1] После 1879 г. Куинджи не выступал на передвижных выставках, а с 1882 г. вообще перестал где-либо экспонировать свои произведения, хотя по-прежнему интенсивно работал. 4 марта 1880 г. он официально вышел из ТПХВ. Это вызвало нарекания некоторых передвижников. Совершенно нетерпимо стали относиться к Куинджи Ярошенко (после вступления Куинджи в реформированную Академию художеств) и Мясоедов. С 1894 г. порвал с ним отношения и Шишкин, руководствовавшийся при этом не только резкой противоположностью творческих и педагогических методов каждого из них, но и неблагоприятно сложившимися личными отношениями, доходившими до нанесения взаимных обид. 27 февраля И. С. Остроухов писал жене: «Куинджи на обед не зовут, и раскол происходит громадный: семеро академиков наших, стоящих за него, на обед не придут, но мы ничего поделать не можем, так как в противном случае десять наших дорогих членов не явятся. Но это инцидент семейный, и ты про него никому не говори» (в кн.: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971, I, с. 284).

241 [1] *Иловайский Дмитрий Иванович* — губернский гласный Московской губернии, коллекционер, горный инженер.

242 [1] 17 марта 1897 г. на общем собрании членов Академии художеств было решено предложить Савицкому место директора открывающегося в Пензе рисовального училища. 31 марта Савицкий сообщил И. И. Толстому о своем отказе от этого назначения.

[2] К. А. Савицкий не имел, в отличие от многих передвижников, и в частности таких близких ему по характеру творчества, как Г. Г. Мясоедов и В. Е. Маковский, звания академика.

[3] И. И. Толстому.

[4] Савицкий был возмущен, как и ряд других художников, введением в 1897 г. с санкции кн. Львова (председателя Московского художественного общества, в ведении которого находилось Московское училище живописи, ваяния и зодчества) строгих мер по отношению к ученикам. Это вызвало волнение среди учащихся (см.: Левенфиш Е. Г. Константин Аполлонович Савицкий. Л. — М., 1959, с. 122).

[5] Конец письма с датой утерян.

243 [1] Шишкин имеет в виду писателя Потапенко Игнатия Николаевича (1856—1929).

[2] Речь идет о статье И. Н. Потапенко «Художественные просонки», появившейся в «Новом времени» (1897, 28 сент., № 7754, с. 3) за подписью «Фингал». В этой сугубо тенденциозной статье осуждается «один почтенный художник», который, якобы опасаясь конкуренции,

«боясь за свой кошелек», утверждал, что для русского искусства вредны выставки произведений западных художников и их надо запретить. Сохранился черновик письма Шишкина к Потапенко, в котором художник писал: «...прочитавши корень Вашей статьи, я пришел в ужас, где я, оказывается, говорю печатно, во всеуслышание такие несообразности и такую чепуху, что и все мои понятия и верования перевернуты наизнанку... и это безнаказанно брошено в публику... Вы столько нагово[рили] несправедливого по моему адресу» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 10).

[3] На обороте надпись: Александру Александровичу Киселеву от Шишкина.

244 [1] М. В. Нестеров, став с 1896 г. членом Товарищества, сблизился с Н. А. Ярошенко.

[2] *Перов Владимир Васильевич* (1869—1898) — сын В. Г. Перова, живописец. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Участвовал на XX и XXI передвижных выставках.

245 [1] Речь идет о картине, экспонировавшейся на XXV передвижной выставке под названием «На окраине соснового бора» (местонахождение неизвестно).

[2] XXV передвижная выставка была открыта в Москве с 14 апреля по 11 мая.

[3] Стахеева Ольга Яковлевна.

246 [1] См. предыдущее письмо.

248 [1] Однако вначале Шишкин, как и прежде, хотел отказаться от избрания. Сохранился черновик письма, написанного им по этому поводу И. И. Толстому: «Многоуважаемый Граф Иван Иванович, благодарю Вас за сообщение о единодушном постановлении на собрании 29 сентября сего года, где изъявили пожелание снова принять мною обязанность руководителя пейзажной мастерской. Благодарю собрание за внимание и доверие ко мне. К сожалению, как и в первый раз, так и теперь не могу принять предложение единственно по слабости здоровья...» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 19, л. 11а).

[2] В 1897 г. А. А. Киселев был избран профессором-руководителем пейзажной мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств.

249 [1] *Булгакова Зинаида Николаевна* — жена Ф. И. Булгакова.

[2] Ф. И. Булгаков.

250 [1] *Белькович Николай Николаевич* (1866—1920). — Учился в Академии художеств (по 1894). Один из основателей Казанской художественной школы и ее первый директор (1895—1898). Инспектор в Высшем художественном училище при Академии художеств (до 1905). Инструктор по народному образованию в г. Лаишево (1919). Педагог.

251 [1] 18 апреля 1897 г. Савицкий, изменив своему первоначальному решению, дал согласие занять пост директора Пензенской рисовальной школы. В этом же году он получил звание академика.

[2] К. В. Лемох.

[3] В. И. Савицкая.

[4] *Лобойков Валериан Порфирьевич* (1861—1932) — гофмейстер двора, с 1893 г. конференц-секретарь Академии художеств, с 1894 г. — ее секретарь по уставу 1893 г.

252 [1] Эта картина под названием «Хвойный лес. Солнечный день» (1895) находится в ГРМ.

[2] Картина «Великий постриг» (ГРМ) была написана Нестеровым в Киеве в 1898 г.

253 [1] Картина «Болото» экспонировалась на XXV передвижной выставке (местонахождение неизвестно). По поводу этой картины Шишкин посылал ранее телеграмму на имя Хруслова: «Полтава. Выставка. Что за гусь просил вчера Болото, предлагал пятьсот, я согласился, сегодня триста без рамы, безобразно, не отдавайте. Шишкин» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 69, л. 15 — черновик).

254 [1] «Корабельная роща», 1898 (ГРМ).

[2] *Георгий Михайлович*, вел. кн. — управляющий Русским музеем Александра III в Петербурге (с 1897).

255 [1] Речь идет о картине «Корабельная роща».

[2] «Пруд в старом парке» (местонахождение неизвестно).

[3] «Водопад Сууч-хан в Крыму», 1897 (Ярославский художественный музей).

256 [1] Возможно, это ответ Шишкина на письмо, присланное ему передвижниками, под которым подписалось тридцать три художника: «Дорогой Иван Иванович, пьем за Ваше здоровье, живите долго и прочно, как Ваш мачтовый лес. Товарищество». Письмо хранится в архиве Музея изобразительных искусств Татарской АССР, Казань, и было опубликовано в журнале «Волга» (1969, № 4, с. 187—188).

II. ДНЕВНИК

[1] Дневниковые записи, которые Шишкин делал, по-видимому, незадолго до отъезда из Елабуги и затем уже по дороге в Москву, датируются на основании следующих слов И. В. Шишкина: «1861 г. Сын Иван Иванович из Питера через шесть годов приехал 21 мая классным художником первого разряда. Уехал в Питер 25 октября» (Записки достопримечательностей разных. ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 74).

[2] Шишкин в то время ездил из Елабуги на пароходе в Сарапул к сестре О. И. Ижболдиной.

[3] *Урема* — мелкий лес, растущий в низменных долинах рек.

[4] *Керемет* — место идолопоклонничества.

[5] На полях этой страницы рукою Шишкина записано: «надеясь когда-нибудь тут быть и работать — или иметь возможность указать другому пейзажисту характер местности и также где в какой местн[ости] или деревне можно жить, он записывает».

[6] Вверху приписка Шишкина: «уже поздней осенью».

[7] На полях этой страницы рукою Шишкина записано: «и в своей книжке дает краткую характеристику каждой проезжаемой станции».

[8] Вверху приписка Шишкина: «пишет он».

[9] Согласно «Положениям» 19 февраля 1861 г., назначавшиеся из дворян-помещиков мировые посредники должны были содействовать проведению крестьянской реформы, разрешать споры между помещиками и крестьянами и обладали по отношению к последним судебно-полицейской властью.

[10] Эта часть дневниковых записей относится к пребыванию Шишкина за границей.

[11] Речь идет о Берлинской Академии художеств.

[12] *Вебер Антон* (1833—1909) — немецкий живописец. Жанрист и портретист. У Шишкина неточно обозначена фамилия (Beder).

[13] *Гильдебрандт Эдуард* (1818—1869) — немецкий живописец. Пейзажист. Профессор Берлинской Академии художеств.

[14] *Кукук Баренд Корнелис* (1803—1862) — голландский живописец. Пейзажист.

[15] Шишкин выехал в Берлин 27 апреля 1862 г. вместе с В. И. Якоби, с которым и совершал вначале свое путешествие, и совместно с ним поступил в мастерскую Коллера.

[16] На полях этой и следующей страницы приписка Шишкина: «Далее он описывает свои впечатления от города, от мастерских художников, виденных им там, картины, церкви, магазины, мосты, подмечает разные мелочи германской жизни и нравов, жалуясь иногда на бестолковость и трудность найти что-либо без знания языка: им по-

стоянно приходилось прибегать к мимике или к рисованию нужного предмета».

[17] За период с 1847 по 1865 г. В. Каульбах исполнил на стенах Берлинского нового музея шесть огромных и несколько меньших по размеру композиций символически-исторического характера.

[18] Д. В. Григорович.

[19] На полях приписка Шишкина: «и И. И. заносит так же подробно и Дрезденские впечатл[ения]».

[20] *Эйхен Ольга Яковлевна.* — Училась в Петербургской рисовальной школе. В 1860 г. получила звание неклассного художника.

[21] Вверху приписка Шишкина: «Постоянная выставка в Дрездене ему не понрави[лась]».

[22] На полях приписка Шишкина: «и он перебирает понравившиеся ему вещи».

[23] Речь идет о Людвиге Гартмане, славившемся своими картинами с изображением лошадей.

[24] *Сверчков Николай Егорович* (1817—1898) — живописец. Жанрист, автор охотничьих сцен, портретист, обращался также к историческим темам, занимался скульптурой. Учился в Академии художеств с 1827 г. С 1852 г. — академик, с 1855 г. — профессор.

[25] *Каменев Валерьян Константинович* (1823—1874) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств с 1841 г. С 1857 г. — академик. Преподавал.

[26] *Страшинский Леонард (Вильгельм-Давид) Осипович* (1827—1878) — живописец. Писал исторические и бытовые картины. Учился в Академии художеств с 1847 г. С 1856 г. находился в качестве пенсионера Академии художеств за границей. В 1862 г. получил звание академика.

[27] *Петцольдт Георг* (1810—1878) — немецкий живописец и литограф. Пейзажист.

[28] *Раух Иоганн Непомук* (1804—1847) — австрийский живописец и график. Пейзажист.

[29] *Хоннек Адольф* (1812—1879) — немецкий живописец и график.

[30] *Шольтц Юлиус* (1825—1893) — немецкий живописец. Автор исторических картин. Шишкин имеет в виду картину «Банкет генерала Валленштейна».

[31] *Хлебовский Станислав* (1835—1884) — живописец. Писал исторические и бытовые картины. Учился в Академии художеств. В 1859 г. получил звание классного художника.

[32] *Мейснер Эрнест Адольф* (1837—1902) — немецкий живописец и гравер. Жанрист, пейзажист и анималист.

[33] В ГРМ находится акварель художника с авторской надписью: «Дрезден 21 Майя» (инв. р-11058).

[34] Имеется в виду «Сикстинская мадонна» (1515—1519) Рафаэля Санти. В дневнике речь идет об изображенных на картине папе Сиксте IV и св. Варваре, о которых и Крамской писал в 1869 г., что они «только мешают, развлекая внимание, и портят впечатление» (Письмо С. Н. Крамской от 19 ноября 1869 г. — В кн.: Крамской И. Н. Письма, статьи. М., 1965, т. 1, с. 80).

[35] Картина «Мария с младенцем» была исполнена Мурильо около 1670 г.

[36] В дневнике речь идет о находящейся в Дрезденской галерее копии, исполненной около 1537 г. Бартоломеусом Самбургом с картины Гольбейна «Мадонна базельского бургомистра Якоба Мейера цум Газен» (1528—1530). Оригинал находится в Дармштадте.

[37] *Берхем Клаас Питерс* (1620—1683) — голландский живописец. Жанрист и пейзажист.

[38] Шишкин, по-видимому, имеет в виду *Нагари Джузеппе* (1699—1763) — итальянского живописца. В Дрезденской галерее находятся его произведения: «Скупец» и «Ученый».

[39] *Попов Александр Петрович* (1828 — ?) — архитектор. Учился в Академии художеств. В 1860 г. получил звание классного художника первой степени, в 1870 г. — академика. С 1862 г. — пенсионер академии.

[40] *Тон Константин Андреевич* (1794—1881) — архитектор. С 1843 г. — профессор первой степени, с 1854 г. — ректор Академии художеств по архитектуре и заслуженный профессор.

[41] *Писемский Алексей Феофилактович* (1821—1881) — писатель.

[42] На полях приписка Шишкина: «Далее идет описание Брюлевой террасы, Эльбы, встреченных русских». Речь идет о «Террасе Брюля» — набережной на берегу Эльбы, в центре Дрездена, превращенной в XVIII в. в большой сад (бывший его владелец — граф Брюль).

[43] *Мумия* — коричневая краска.

[44] Вверху приписка Шишкина: «скоро его».

[45] На полях этой и следующих страниц приписка Шишкина: «С 25 мая начали приготовлять свои ящики и все вещи к путешествию в Саксонскую Швейцарию, куда и выехали. 27 мая. Все утро этого дня И. И. бродил по городу. Попал на кладбище и на учение солдат — (зачеркнуто: горнистов и барабанщиков. — *И. Ш.*) — ему надоело ужасно и он не мог дождаться, когда они уедут в Криппен».

[46] См. примеч. 42.

[47] Вверху приписка Шишкина: «по приезде в Баденбах 4 июля».

[48] *Колар Иозеф (Осип) Иванович* — преподаватель словесности и естественных наук в пражской гимназии. Горячий пропагандист идеи славянского содружества, переводчик Кольцова и Некрасова.

[49] *Пыпин Александр Николаевич* (1833—1904) — литературовед, общественный деятель, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского. В 1861 г. вместе с группой профессоров покинул Петербургский университет в знак протеста против реакционного нажима на студенчество. Одной из разрабатываемых им тем была славянская литература.

[50] Описка — не июня, а июля.

[51] *Бортнянский Дмитрий Степанович* (1751—1825) — композитор, мастер хорового письма, автор церковных песнопений.

[52] На полях этой и следующей страницы приписка Шишкина: «и Колар за время их пребывания не оставлял их и показывал им все местные достопримечательности. Они [осматривали] и галереи, и соборы, где И. И. заслушивался иногда органа, и народные гулянья. И. И. подробно описывает освящ[ение] — праздник знамени чешских певцов и гимнастов. Колар же их знакомил с чехами, говорящими по-русски,— большей частью литераторами и переводчиками. Ввел их в чешские клубы».

[53] *Вольц Бертольд* (1829—1896) — немецкий живописец. Жанрист и портретист.

[54] *Вавра Эммануил* (1839 — ?) — переводчик. Брат известного чешского политического деятеля и публициста, принимавшего активное участие в борьбе чехов с австрийским правительством.

[55] Вверху приписка Шишкина: «они».

[56] На полях приписка Шишкина: «мгновенное освещение».

[57] Это слово написано Шишкиным поверх зачеркнутого «ночной».

[58] *Манес Иозеф* (1820—1871) — чешский живописец и рисовальщик.

[59] Шишкиным написано «Манес».

[60] Собор св. Вита, или Святовитский собор — выдающееся произведение европейской готики.

[61] Шишкин ошибается: весной 1618 г. — в период разгоревшейся борьбы между Габсбургами и чешскими сословиями — из дворцовых окон в ров были выброшены восставшими против королевской власти чехами императорские советники Слават, Мартинец и их секретарь Фабриций.

[62] Речь идет о Владиславском зале королевского дворца в Праге, построенном в конце XV в. при Владиславе Ягеллоне архитектором Бенедиктом Рейтом.

[63] На полях приписка Шишкина: «Осмотр города скоро прискучил И. И. После посещения комнаты, из которой немцами были выброшены чехи Мартинус и Славата, и залы Вечеслава...»

[64] Летний королевский дворец Бельведер, построенный в 1535—1563 гг., является памятником ренессансной архитектуры.

[65] *Браге Тихо* (1542—1601) — датский астроном. С 1599 г. жил в Праге. *Кеплер Иоганн* (1571—1630) — немецкий астроном. С 1600 по 1612 г. жил в Праге.

[66] *Свобода Карел* (1824—1870) — чешский исторический живописец и гравер.

[67] Речь идет о десяти атлантах, украшающих Эрмитаж, сделанных из сердобольского гранита (1844—1849). Автор моделей — скульптор Теребенев Александр Иванович (1815—1859).

[68] Слово «русским» написано Шишкиным поверх слова «своим».

[69] Басня И. А. Крылова «Лжец».

[70] «...были у Свечина...» — в тексте три центральные буквы фамилии зачеркнуты.

[71] Неясно, о ком идет речь.

[72] *Манес Квидо* (1828—1880) — чешский живописец. Жанрист.

[73] *Чермак Ярослав* (1830—1878) — чешский живописец. Мастер исторической картины, обращался также к портрету, пейзажу и натюрморту.

[74] *Деларош Ипполит (Поль)* (1797—1856) — французский живописец. Мастер исторической картины, портретист.

[75] *Косарек Адольф* (1830—1859) — чешский живописец.

[76] *Гавранек Бедржих* (1821—1899) — чешский живописец.

[77] *Льгота Антонин* (1812—1905) — чешский художник.

[78] *Зейдан Томас* (1830—1890) — чешский скульптор.

[79] *Макс Эмануил* (1810—1901) — немецкий скульптор, поселившийся с 1850 г. в Праге.

[80] *Пискунов Василий Григорьевич* — живописец. Пейзажист. Работал также в области религиозной живописи. Учился в Академии художеств в 1850-х гг.

[81] «Шарки» — приписка Шишкина на полях вместо зачеркнутого в тексте названия.

[82] Слова «наших», «окруженных со всех сторон», «платанами» приписаны Шишкиным.

[83] Эта фраза написана рукою Шишкина над зачеркнутой.

[84] Слово «свободы» приписано Шишкиным.

[85] *Сладковский Карел* (1823—1880) — чешский прогрессивный деятель. Активный участник Пражского восстания 1848 г. В 1862 г. был избран членом чешского сейма. Лидер чешских либералов, один из руководителей младочешской партии.

[86] «Либерален до возможности» — написано Шишкиным вместо зачеркнутых слов.

[87] Автор статьи «Страх врагам» (Современник, 1861, авг., с. 325) иронизирует по поводу различных немецких гимнастических общин, которые «выкидывают свои штуки, поют гимны, получают призы и со-

вершенно убеждены, что все враги и супостаты трепещут от этого проявления германской мощи».
[68] Акварель «Троя близ Праги» находится в ГТГ.

III. СОВРЕМЕННИКИ О ХУДОЖНИКЕ

1. Из писем

[1] Вестник изящных искусств, т. 8, 1890, вып. 4, с. 304—305.
[2] В 1871 г. у Шишкина родился сын Владимир (умер в 1872 г.).
[3] Речь идет о конкурсе в Обществе поощрения художников.
[4] *Клодт Михаил Константинович* (1833—1902) — известный пейзажист. Учился в Академии художеств (1851—1858). В дальнейшем занимал здесь должность профессора пейзажного класса (1871—1886).
[5] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи. М., 1965, т. 1, с. 106—109.
[6] 1 марта открылась выставка произведений, предназначенных для конкурса, а сам конкурс состоялся 12 марта.
[7] Д. В. Григорович.
[8] Речь идет о картинах «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии» И. И. Шишкина и «Мокрый луг» Ф. А. Васильева.
[9] Здесь в тексте письма дан набросок композиции картины.
[10] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 110.
[11] Имеется в виду письмо Третьякова от 25 февраля 1872 г., в котором он спрашивал у Крамского о цене за картину Шишкина «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии».
[12] Вестник изящных искусств, т. 8, 1890, вып. 4, с. 306—307.
[13] См. письмо Крамского к Васильеву от 22 февраля 1872 г.
[14] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 114.
[15] «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии».
[16] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 120—121.
[17] Там же, с. 126.
[18] ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 174.
[19] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 141.
[20] Речь идет о картинах «Лесная глушь» и «Полдень. Перелесок» (Иркутский областной художественный музей).
[21] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 148.
[22] Крамской сопоставляет картины «Лесная глушь» и «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии».
[23] ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 86, л. 2.
[24] См. примеч. 20.
[25] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 263.

[26] Имеется в виду станция Сиверская по Варшавской железной дороге, где в то лето Крамской жил с семьей на даче.
[27] Шишкин незадолго до этого похоронил жену.
[28] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 290.
[29] Речь идет о картине «Родник в сосновом лесу» (частное собрание), экспонировавшейся на IV передвижной выставке в Петербурге. На полях письма Третьяков набросал текст телеграммы по поводу этого пейзажа: «...если Шишкина картина не приобретена, попросите подождать я приеду ответ Толмачи уплачен. Третьяков». Однако картину приобрел Ф. А. Терещенко.
[30] П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832—1919. М., 1953, с. 77—78.
[31] На V передвижной выставке экспонировались пейзажи Шишкина «Пчельник», «Чернолесье» и «Еловый лес».
[32] «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии».
[33] Чистяков, видимо, имеет в виду пейзажи М. И. Лебедева, находящиеся в ГРМ: «Ариччa близ Рима» (1836) и «Вид Кастель-Гандольфо близ Рима» (1836).
[34] ОР ГТГ, ф. XIV, ед. хр. 132.
[35] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 436.
[36] Мясоедов заканчивал в то время картину «Засуха».
[37] В ответ на это письмо Савицкий писал Крамскому 31 декабря 1877 г.: «Не думайте, что я пристрастен к «своему»; без иронии говоря, Питер тоже недурен, отдаю ему справедливое, хотя бы в лице Вашем и чудеснейшего Ивана Ивановича. Обнимаю Вас обоих горячо» (Переписка И. Н. Крамского, т. 2, с. 499—500).
[38] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 1, с. 452.
[39] Там же, с. 458.
[40] П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832—1919, с. 87.
[41] Из картин VI передвижной выставки Чистяков выделил «Встречу иконы» Савицкого (ГТГ), «Засуху» Мясоедова (Национальный музей в Варшаве), «Заключенного» Ярошенко (ГТГ) и «Рожь» Шишкина (ГТГ).
[42] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 2, с. 25.
[43] ОР ГТГ, ф. 11, ед. хр. 213, л. 1—2.
[44] В. М. Васнецов.
[45] ОР ГТГ, ф. 10, ед. хр. 275, 277 (письмо частично опубликовано в кн.: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, т. 1, с. 254). *Мамонтов Анатолий Иванович* (1840—1905) — брат известного мецената С. И. Мамонтова, владелец книжного магазина и типографий в Москве, издатель. В доме его постоянно бывали художники, писатели, артисты.

[46] И. Е. Репин.
[47] Здесь стоит авторская пометка «выше», так как идущий далее текст письма был помещен ранее — после слов «просил не стесняться».
[48] Подобные высказывания не свидетельствуют о полной объективности Шишкина в отношении Академии художеств как школы, где многие передвижники получили профессиональную подготовку. Сам Шишкин спустя двенадцать лет пришел в академию в качестве профессора — руководителя пейзажной мастерской, понимая, как важно молодежи получать с юных лет прочную основу профессиональных знаний и мастерства.
[49] Имеется в виду демонстративный уход из академии в ноябре 1863 г. четырнадцати выпускников и деятельность образованной ими С.-Петербургской Артели художников. Репин был постоянным участником рисовальных вечеров Артели.
[50] Особую симпатию к В. А. Серову Шишкин пронес до конца жизни, назвав именно его своим любимым художником (Из воспоминаний, примеч. 58).
[51] По поводу своей неудачи с Академией художеств и поступления в Рисовальную школу Общества поощрения художеств Остроухов писал Сурикову: «...я в Академию не поступил: в этом году было до 200 претендентов на 40 имеющихся вакансий — ну куда уж нам! С горя поступил в Школу Общества поощре[ния] художеств, которой очень доволен». В том же письме Остроухов сообщал: «Познакомился я, между прочим, с Шишкиным и просто влюбился в него — такой он простой, теплый человек! Он очень расхваливал мои этюды последнего лета и сделал много, много хороших указаний» (ОР ГТГ, ф. 10, ед. хр. 564, л. 1 и 2).
[52] Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи, т. 2, с. 179.
[53] Пейзаж «Сосновый лес» экспонировался на XIII передвижной выставке.
[54] ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 436, л. 1 об. *Поленова Наталья Васильевна,* урожденная *Якунчикова* (1858—1931) — жена В. Д. Поленова.
[55] «Сосны, освещенные солнцем», 1886 (ГТГ).
[56] ОР ГТГ, ф. 10, ед. хр. 474, л. 3.
[57] ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 461, л. 4.
[58] Неясно, о ком идет речь.
[59] См. примеч. 1 к письму 163.
[60] П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832—1919, с. 255.
[61] Речь идет об этюдах, экспонировавшихся на персональной выставке Шишкина в ноябре — декабре 1891 г.

[62] ОР ГТГ, ф. 10, ед. хр. 404, л. 1—1 об. *Остроухова Надежда Петровна* (1855—1935) — жена И. С. Остроухова.
[63] Речь идет о подготовке к празднованию 25-летия ТПХВ.

2. Из художественно-критических статей

[1] С.-Петербургские ведомости, 1871, 8 дек., № 338. Подпись: В. С.
[2] Речь идет о большом рисунке пером «Лес» (1871), который был использован в картине 1872 г. «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии». Рисунок находится в Саратовском гос. художественном музее им. А. Н. Радищева.
[3] Картина «Вечер» находится в ГТГ.
[4] Стасов имеет в виду офорт, получивший названия «На краю березовой рощи» и «Лес». Был исполнен по заказу Общества поощрения художников для раздачи в виде премий членам Общества за 1871 г.
[5] Беседа, 1872, дек., кн. XII, с. 25.
[6] Отечественные записки, 1873, т. CCVI, № 1, отд. II, с. 97—98. Подпись: П. К. *Ковалевский Павел Михайлович* (1823—1907) — поэт, писатель, художественный критик.
[7] Вероятно, это рисунок, находящийся в Симферопольской картинной галерее под названием «Лесной пейзаж».
[8] Речь идет о картинах «Лесная глушь» и «Полдень. Перелесок».
[9] Виленский вестник, 1873, 5 мая, № 96. Без подписи.
[10] Биржевые ведомости, 1876, 27 марта, № 85. Подпись: П. П. *Петров Петр Николаевич* (1827—1891) — историк искусств и художественный критик.
[11] Свет, 1878, март, вып. 3, с. 100. Без подписи.
[12] И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина, 1873 (ГТГ).
[13] Речь идет о картине «Вид в окрестностях Дюссельдорфа».
[14] Имеется в виду картина «Рожь».
[15] Новое время, 1878, 30 марта, № 749.
[16] Пчела, 1878, № 17, с. 262. Подпись: Профан.
[17] «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии».
[18] Новое время, 1879, 15 марта, № 1093. Подпись: В. С.
[19] Картина экспонировалась на выставке под названием «Песчаный берег» (местонахождение неизвестно).
[20] Русские ведомости, 1882, 18 июня, № 169. Подпись: Д.
[21] Новое время, 1883, 13 марта, № 2528. *Вагнер Николай Петрович* (1829—1907) — зоолог и писатель.
[22] Имеется в виду картина «Полесье».
[23] *Мерзляков Алексей Федорович* (1778—1830) — литературный критик и поэт. Профессор Московского университета. Автор стихотворе-

ния «Одиночество», впервые напечатанного в 1811 г. Картина «Среди долины ровныя...» находится в КМРИ.

[24] Живописное обозрение, 1883, 19 марта, № 12, с. 187. Подпись: Маленький художник.

[25] Русские ведомости, 1883, 4 мая, № 121. Подпись: В. Си — в. *Сизов Владимир Ильич* (1840—1904) — педагог, историк, искусствовед, художественный критик.

[26] Заря, 1883, 24 нояб., № 253, с. 2—3. *Мурашко Николай Иванович* (1844—1909) — живописец, педагог. Учился в Академии художеств. В 1876 г. открыл в Киеве Рисовальную школу, которая просуществовала до 1901 г. Писал художественно-критические статьи.

[27] Сходные упреки Мурашко делал и Репину, который отвечал ему в письме от 30 ноября 1883 г.: «Относительно красок ты, может быть, и прав, что они у меня, как у Крамского и Шишкина, страшно скучны, что делать, это уже недостаток таланта, но я бы себя презирал, если бы я стал писать «ковры, ласкающие глаз» (в кн.: Мастера искусства об искусстве. М., 1970, т. 6, с. 51).

[28] «Мина Моисеев», 1882 (ГРМ). Этюд для картины 1883 г. «Крестьянин с уздечкой» (КМРИ).

[29] «Ручей в лесу (На косогоре)».

[30] Вестник изящных искусств, 1883, т. 1, вып. 1, с. 183—186.

[31] Сомов ошибается: первый офорт «Горная дорога» был исполнен Шишкиным в 1853 г. в Московском училище живописи и ваяния.

[32] Русский курьер, 1884, 17 апр., № 104. Без подписи.

[33] Художественные новости, 1887, т. 5, 15 янв., № 2, с. 33—37. Подпись: А. С.

[34] Русская мысль, 1887, апр., кн. 4, отд. II, с. 122—133.

[35] Речь идет о картинах «Дубы» (ГРМ), «Дубовая роща» и «Пески» (КМРИ).

[36] Всемирная иллюстрация, 1888, т. X, 24 сент., № 1027, с. 247.

[37] Север, 1888, № 4, с. 15—16. Без подписи.

[38] С.-Петербургские ведомости, 1889, 19 марта, № 77, с. 2. Подпись: Rectus. *Гнедич Петр Петрович* (1855—1927) — писатель, драматург, художественный критик.

[39] Речь идет о картинах «У берегов Финского залива (Удриас близ Нарвы)», находящейся в ГРМ, и «Утро в сосновом лесу» (ГТГ).

[40] Новое время, 1891, 19 сент., № 5588. Подпись: М—е.

[41] Неточность — на выставке, открывшейся 26 ноября 1891 г., экспонировались произведения конца 1840—1850-х гг.

[42] См. примеч. 1 к письму 182. А. А. Дьяков, заведомо искажая истину, писал: «И. И. Шишкин, за исключением московской подготовительной школы, ученик Воробьева — формально и Калама — по существу. По всей вероятности, сам художник будет отрицать спра-

ведливость моего мнения и доказывать свою полную независимость от Калама. Я же утверждаю, что первая и лучшая манера г. Шишкина, уже свободного от академических влияний, есть именно каламовская. Начиная с программных картин и продолжаясь не один десяток лет, эта последовательность Каламу чувствуется на всех произведениях г. Шишкина... Где начинается перелом этого сильного дарования, я не могу основательно проследить это. По всей вероятности, на г. Шишкина, как и на всех товарищей-передвижников, решительно подействовало отречение от Академии и дурная критика, воспевавшая все грубости реализма как целого учения в искусстве...»

[43] А. А. Дьяков не упускал случая, чтобы задеть В. В. Стасова как идеолога передвижничества.

[44] Имеется в виду картина «На севере диком...».

[45] См. примеч. 1 к письму 184.

[46] Речь идет о рисунках 1849 г., находящихся в ГРМ: «Старый собор в Елабуге», «Мальчик, читающий книгу при свече» и «Мужчина, спящий на диване» (И. В. Шишкин?).

[47] Северный вестник, 1892, № 1, отд. 2, с. 102.

[48] Наблюдатель, 1892, февр., с. 52—63.

[49] Всемирная иллюстрация, 1893, № 1253, с. 83.

[50] Речь идет о выставке этюдов Шишкина, исполненных в течение лета и осени 1892 г., открывшейся 10 января 1893 г.

[51] Семья, 1893, 11 апр., № 21, с. 10. Без подписи.

[52] Русское обозрение, т. 24, 1893, дек. М., с. 818—819.

[53] Артист, 1894, март, № 35, с. 132—133.

[54] *Судковский Руфин Гаврилович* (1850—1885) — живописец. Маринист. Учился в Академии художеств (1868—1870?). В 1879 г. получил звание классного художника первой степени.

[55] «Дебри». 1881 (ГТГ).

[56] Нива, 1895, № 12, с. 291 и 293. Подпись: Вас. Н.-Д — ко. *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1845—1936) — писатель, журналист, критик.

[57] Нива, 1897, № 38, с. 903—904. Без подписи и без названия помещена в разделе «К рисункам».

[58] Неделя, 1898, 22 марта, № 12, с. 395—396. Подпись: Д. *Успенский Дмитрий* — журналист, сотрудник газеты «Неделя».

[59] Московский листок, 1898, 18 апр., № 107. Подпись: А. С.—ъ.

3. Из воспоминаний

[1] *Комарова Александра Тимофеевна* (? — не ранее 1938) — дочь сестры Шишкина, Е. И. Комаровой. Родилась в Уфе, с детства обнаружила влечение к искусству. С конца 1880-х гг. жила в семье Шиш-

кина в Петербурге. Училась у Шишкина и в Академии художеств. Впоследствии давала уроки рисования и живописи. Статья ее о Шишкине была опубликована в петербургском литературном журнале «Книжки Недели» (1899, нояб., с. 7—35; дек., с. 42—68). Эта статья приводится по журнальной публикации почти целиком (см. примеч. 16). Рукопись статьи хранится в НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 29, л. 7—81. Далее в примечаниях при цитировании этой рукописи архивный шифр опускается.

2 Письмо В. М. Васнецова не обнаружено.

3 В рукописном тексте начало статьи изложено иначе: «Разбирая зимой 1897 г. бумаги покойного дяди Ив[ана] Ив[ановича] Шишкина, я нашла несколько листочков, где было написано: «Елабуга, первые впечатления, краски от ворот, Казань, гимназия» и т. д., разные события из его жизни до поездки за границу. Оказалось, что он это написал для Ив[ана] В[асильевича] Волковского, вместе с которым когда-то хотел писать свою автобиографию. «Теперь это должна ты написать, сказал он мне, я, конечно, буду тебе только рассказывать, а уж ты сама пиши, как хочешь». И он начал объяснять мне содержание «китайской грамоты», как мы ее называли за едва намеченные слова, но он успел разобрать только ее половину. После его смерти я решила исполнить его желание, пока в моей памяти и у других еще живы его рассказы и случаи, бывшие с ним, и написать не литературную биографию, а простую и правдивую летопись его жизни» (л. 6—7). «Китайской грамотой» Комарова называет наброски биографии Шишкина, хранящиеся там же, где и рукопись статьи (л. 1—5).

Задуманная и начатая А. Т. Комаровой подробная биография Шишкина так и не была ею завершена. Рукопись хранится в ЦГАЛИ (ф. 719, оп. 1, ед. хр. 54).

4 В рукописи далее следует выпущенный в журнальной статье текст: «У мальчика рано начала пробуждаться любознательность, и отец, к которому он обращался с вопросами, всегда ему все объяснял и рассказывал, давал ему книги — все больше серьезные научные сочинения и журналы,— так что И[ван] И[ванович] с ранних лет получил интерес ко всевозможным разнородным предметам науки и жизни, что навсегда оставалось его отличительной чертой» (л. 8).

5 Одна из этих тетрадей, начатая позже, чем указывает Комарова,— 18 июня 1852 г.,— озаглавлена «Заметки о живописи» (НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 2).

6 В рукописи далее следует: «Видно, что тогда уже у него сложился взгляд на служение искусству, который потом Крамской высказал евангельскими словами: оставь отца Твоего и мать Твою и иди за мной» (л. 11). Комарова не точно приводит запись, сделанную

Шишкиным. В его тетради фраза начинается словами: «Гений искусства зреет в глубине науки; он требует» (НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 2, л. 13).

[7] В рукописи далее следует: «Изображение всего, что имеет жизнь, есть главная трудность искусства». «Изящные искусства ведут ко всему прекрасному, искреннему, благородному — ко всему, что зовется надеждою, советом и утешением». «Художник должен быть творцом, а не фантазером» (л. 11). Комарова приводит не полностью запись Шишкина. В тетради 1852 г. она заканчивается словами: «в исполнении данных ему поручений» (НБА АХ СССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 2, л. 18).

[8] В рукописи далее следует: «Все эти правила вошли тогда в плоть и кровь — с годами жизнь, конечно, сгладила многое, но общий взгляд на искусство и природу остался тот же, и впоследствии, когда началась художественная деятельность, взгляды оказались настолько сформированными, что могли противостоять тогдашнему направлению школы и Академии» (л. 12).

[9] *Осокин Иван Афанасьевич* (?) учился в Строгановской школе в Москве. Был знаком с Шишкиным еще в 1850 г., о чем говорит написанный в то время Осокиным портрет будущего художника. Вскоре после поступления Шишкина в Московское училище живописи и ваяния Осокин писал ему: «Любезный друг Иван Иванович! Желаю Вам доброго здоровья и в делах счастливого успеха. Я надеюсь, что Вы в рисовке много теперь успели, но только Вы пишете, что меняете склонность к ландшафтам, что хорошо. Но, подумайте сами хорошенько, что повыгодней. Если к исторической живописи привыкать, по-моему, лучше, потому что, хотя и не быть знаменитым художником, можно жить хорошо и иметь более дела, а ландшафты мало принесут пользы в посредственном искусстве. Дай бог, чтобы быть Вам по ландшафтам Айвазовским, по перспективе Шухвостовым, а по историческим картинам Новаковичем... Вы... должны непременно выучиться и доказать родным и знакомым, что не попусту ездили, не давать себя в насмешку другим, а показать себя твердым, что захотел и выучился, и будет пример другим и для себя приятным воспоминанием прежней жизни, то есть теперешней бедственной. Я к Вашему тятеньке хожу часто и уверяю, что Вы выдержите... курс ученья и [не] посрамите себя, и готов быть порукой за Вас. Еще скажу Вам, что на обратном пути из Москвы в Казань купил бюстов или гипсов: Похищение Прозерпины в 3-х фигурах, еще Геркулеса и еще анатомию — большие фигуры, и славно сделаны, и теперь рисуем все с них. Эстампов много у меня еще новых. Теперь вся наша квартира настоящий класс... Денег я Вам просил у Вашего тятеньки. Он обещал при-

слать Вам. Если когда нужно немного, то пишите ко мне. Я своих немного буду посылать, и после сочтемся совсем. Я знаю, что и теперь нужны Вам. Доброжелатель Ваш Иван Асокин» (ОР ГПБ, ф. 861, ед. хр. 20).

[10] А. Т. Комарова здесь несколько противоречит сама себе. Ведь вскоре, рассказывая об интересах и занятиях Шишкина и его друзей, она рисует иную картину их времяпрепровождения в том же самом училище.

[11] В журнальную статью не вошел важный для понимания взглядов молодого художника текст, имеющийся в рукописи: «В своих альбомах он продолжает писать разные заметки, девизом его тогда было: «Образование, труд, любовь к занятиям». Далее идут изречения об «изящном искусстве», как видно, слышанные им в школе, и рисунки на античные темы, которые скоро сменяются рисунками с натуры и его собственными мыслями, как: «Одно только безусловное подражание природе может вполне удовлетворить требованиям ландшафтного живописца и главнейшее для пейзажиста есть прилежное изучение натуры — вследствие сего картина с натуры должна быть без фантазии». «Природу должно искать во всей ее простоте — рисунок должен следовать за ней во всех ее прихотях формы». «Правилом и законом художнику при изображении природы служит выбор» (л. 15).

[12] *Колесов Алексей Михайлович* — живописец. Портретист. Учился в Московском училище живописи и ваяния. В 1856 г. получил звание свободного художника, в 1876 г. — классного художника третьей степени.

[13] В рукописи далее следует: «Я, пишет И[ван] И[ванович], первый в то время из пейзажистов начал рисовать с натуры, и первые мои 10 рисунков заслужили общую похвалу и ходили по рукам разных покровителей и ценителей, также и преподавателей. Они же уговаривали меня бросить пейзаж как низший род живописи и заняться исторической живописью и были недовольны за то, что многие из учеников тоже стали рисовать пейзажи, животных и пр., что, по их мнению, было потерей времени; в изучении античного гипса они видели ключ к искусству. Единственный из преподавателей, человек образованный, любивший природу и искусство, был А. Н. Мокрицкий — ему я и многие обязаны правильным развитием любви и понимания искусства» (л. 17).

[14] В рукописи далее следует: «В их работах главное внимание было обращено на рисунок; по совету Мокрицкого И[ван] И[ванович] перерисовал все коллекции Ландези и Куанье, скопировал также все рисунки Штернберга» (л. 18).

[15] В рукописи далее следует: «Успехи Шишкина к концу прожитого им в Москве были неоспоримы, все товарищи уже стали подумывать об Академии, к которой они относились тогда с благоговением. В [18]55 г. между товарищами было решено, что И[ван] И[ванович] и еще два ученика съездят в Петербург, чтобы все там разузнать и осмотреть. Путешественники отправились зимой, в товарном вагоне, за три рубля, в Петербурге пробыли недолго, но были в Академии, на выставке и в музее, и И[ван] И[ванович] совсем растаял от виденных им там пейзажей. Они разузнали условия петербургской жизни и, вернувшись, сообщили все товарищам, из которых И[ван] И[ванович] первым перебрался совсем в Петербург в 1856 г.» (л. 19).

[16] Пересказ отдельных писем, сделанный Комаровой, или приводимые ею выдержки из дневника и писем, публикуемых в настоящем сборнике, опускаются.

[17] В рукописи имеется продолжение этой фразы: «В Академию И[ван] И[ванович] ходил только до приезда товарищей».

[18] *Марков Алексей Тарасьевич* (1802—1878) — живописец. Автор исторических картин. С 1842 г. — профессор и член совета Академии художеств, преподавал в ней до 1872 г.

[19] По-видимому, Комарова неточно приводит слова Шишкина, который был в классе С. М. Воробьева уже спустя месяц после поступления в Академию художеств (см. примеч. 1 к письму 5).

[20] Судя по письмам Шишкина к родителям, отношение его к Воробьеву и взаимоотношения с ним были иными.

[21] А. Т. Комарова допускает неточности: 1. Гине не мог быть летом 1856 г. вместе с Шишкиным в Лисьем Носу, так как учился еще в Московском училище живописи и ваяния (см. Переписка, письмо 7). Эта неточность встречается и в искусствоведческой литературе о Шишкине. 2. Из Лисьего Носа в Петербург Шишкин вернулся не в ноябре, а в сентябре 1856 г.

[22] А. Т. Комарова ошибается, говоря, что это было в следующем году после получения Шишкиным малой серебряной медали. На самом деле рисунки Шишкина были отмечены в декабре того же года.

[23] *Феддерс Юлий Богданович* (Иванович) (1838—1909) — живописец. Пейзажист, работал также в области портрета. Учился в Академии художеств с 1856 г. С 1874 г. — классный художник первой степени, с 1880 г. — академик. Преподавал.

[24] *Мюнстер Алексей Эрнестович* — петербургский издатель и владелец типографии, литограф.

[25] В рукописи далее следует: «Можно себе представить, с какой жадностью слушал его рассказы отец, как все родные присматривались к этому совсем новому для них, веселому и неисчерпаемому

рассказчику, в котором трудновато было узнать прежнего молчаливого, набожного и сторонящегося от всех неудачника Ваничку. Из Елабуги он ездил на пароходе к сестре в Сарапул» (л. 29—30).

[26] *Болгары Великие* (Болгар, Булгар) — столица Болгарии Волжско-Камской, государственного образования народов Среднего Поволжья и Прикамья, сформированного в X в. Город во второй половине XIII в. стал важнейшим торгово-ремесленным центром Золотой Орды. В XIV в. был разрушен одним из ханов. Некоторые каменные сооружения XIII—XIV вв. сохранились.

[27] Маленькая комната *(нем.)*.

[28] В Мюнхен Шишкин приехал уже в октябре 1862 г.

[29] Ошибка — братья Адам, Бено и Франц (см. письмо 58, примеч. 18).

[30] В рукописи имеется продолжение этой фразы: «12 сентября 1865 года, известие, которое он получил по возвращении домой, испросив разрешение вернуться в Россию раньше шестилетнего срока» (л. 40).

[31] *Келенбенц Александр Христофорович* (? — 1887) — служащий Печатной мастерской Академии художеств.

[32] В статье ошибочно напечатано «акварелистов».

[33] *Бобров Виктор Алексеевич* (1842—1918) — живописец, рисовальщик, гравер. Портретист и жанрист. Учился в Академии художеств с 1860 г. С 1868 г. — классный художник первой степени, с 1873 г. — академик.

[34] А. Т. Комарова допускает неточности: письмо Г. Г. Мясоедова К. В. Лемоху было написано в 1867 г.; предложение Мясоедова осуществилось не в 1869 г., а в 1870 г.; Н. Н. Ге окончательно вернулся из-за границы в 1870 г.

[35] Альбом «Этюды с натуры пером на камне» был издан в 1868 г.

[36] *Карелин Андрей Иосифович* (1837—1906) — живописец. Известный фотограф. Учился в Академии художеств (1856—1864). С 1866 г. жил в Нижнем Новгороде. Альбом видов Нижнего Новгорода с акварелями Шишкина находится в ГРМ.

[37] *Васильев Роман Александрович* (1862 — ?) — младший брат Ф. А. Васильева.

[38] *Литовченко Александр Дмитриевич* (1835—1890) — живописец. Автор исторических картин, портретист, работал также в области религиозной живописи. Учился в Академии художеств (1855—1863).

[39] *Щербатов Михаил Лазаревич* — живописец. Портретист. Учился в Академии художеств (1869—1873). В 1878 г. получил звание классного художника третьей степени.

[40] *Дюпре Жюль* (1811—1889) — французский живописец. Пейзажист, представитель барбизонской школы.

[41] *Руссо Теодор* (1812—1867) — французский живописец. Пейзажист, один из основоположников барбизонской школы.
[42] Владелец имения — Ушков Петр Капитонович.
[43] *Шишкин Иван Николаевич* (1863—1895).
[44] Опечатка. В тексте рукописи стоит: «каких-нибудь сто лет» (л. 58).
[45] Г. Г. Мясоедов. Портрет И. И. Шишкина. «Пробный оттиск», 1891 (Пензенская картинная галерея им. К. А. Савицкого).
[46] См. письмо № 186.
[47] Комарова ошибается. Альбом офортов Шишкина был издан А. Ф. Марксом в 1894 г.
[48] Ложные друзья *(франц.)*.
[49] *Космаков Иван Александрович* (1849—1894). Учился в Академии художеств (1866—1872). Участвовал в качестве экспонента на XIX и XX выставках ТПХВ.
[50] Кто такой Г., неясно.
[51] О сложных взаимоотношениях назначаемых в Академию художников, об опасениях, вызываемых у них новым уставом и своей предстоящей деятельностью, об обеспокоенности всем этим И. И. Толстого, наконец, о начинающихся разногласиях между Шишкиным и Куинджи могут хоть отчасти засвидетельствовать отрывки из черновика несколько наивной сатирической пьески, написанной рукою Комаровой и хранящейся среди бумаг Шишкина (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 4, ед. хр. 58, л. 1 об. — 4):
⟨...⟩
Шишкин: Итак, сегодня заговор? Не знаю, какой тут выйдет толк — кого учить мы будем — вот вопрос!
Куинджи: Ты требователен очень — мягче будь, и мирно мы пойдем дорогой новой, деля учеников между собой.
Васнецов (вздыхает робко): Я Репина боюсь — капризен он немного и популярность любит чересчур.
Шишкин: Почище Репина найдутся в этом духе (тигром смотрит на Куинджи, Куинджи опускает глаза с наивной улыбкой).
Куинджи: Нас ждут, однако ж, господа! (Уходят в подъезд Толстого.) ⟨...⟩
Кабинет Толстого: большая комната, освещенная 2-мя свечами в колпачках. Входят Куинджи, Шишкин, Васнецов — ничего не могут различить.

Васнецов: Как тут темно.
Шишкин: Да, бродим мы во тьме.
Толстой (из мрака): А, господа, я жду уж Вас давно; ⟨...⟩ Архип Иванович! Вам благодарность приношу сердечно за все усердье Ваше... Вы Менделеева забрили в наше войско. И Вы, Иван

Иванович, надеюсь, рады — устав пройдет не завтра — в понедельник, и праздновать победу нашу мы можем без сомненья.
Шишкин (мрачно напевает): Нет, я не верю, ты мне изменяешь.
⟨...⟩ *Входят Репин и Маковский, здороваются.*
Толстой (кричит в дверь): Подайте лампы!
Репин: Да, свету! Больше свету дайте нам!
Куинджи: Но что теперь мы будем разбирать? Все ясно мне и предо мной открыто!
Толстой: Устав вам всем известен.
Шишкин: Но, позвольте, я человек особых убеждений — Вы знаете их, граф, но разделяете ль, не знаю? ⟨...⟩
Куинджи: Слушайте! Иван Иванович! Ты начинаешь вздор. Все это, эти взгляды пустое дело — пусть каждый их имеет для себя! ⟨...⟩
Шишкин: Молчи, ты ⟨...⟩ спятил с радости от профессуры! (Общие крики.) ⟨...⟩
Толстой: Но что же это? И для чего собранье наше?
Васнецов: Свободных Вы художников собрали, себя ведут они свободно, а люди всюду люди — и управлять народом этим трудно будет.
Куинджи (Шишкину): Ты рисовать умеешь только! Я ж лунный свет поймал в своей картине!
Шишкин: И показал его при свете лампы! (...Ничего нельзя разобрать, все говорят разом.)
Куинджи (кричит): Да слушайте, молчите, это, эта...
Толстой (мечется между ними — никто его не слушает. Схватив Васнецова): Вы человек разумный — усовестите их!
Васнецов: Ну нет! Я ухожу покуда цел, а с ними ведайтесь Вы сами. Ведь дело Ваших рук все новые уставы!
Толстой: Но что же делать с ними?
Васнецов: Вы думали, что люди с именами, с заслугами чтить больше будут Вас, чем прежние, привыкшие повиноваться? ⟨...⟩
Толстой: Да, легче быть посланником китайским ⟨...⟩
Шишкин: Я не останусь ни минуты боле, я ухожу!
Маковский: И я иду, пока все не утихнет!
Толстой: Постойте, погодите! ⟨...⟩

Куинджи кричит перед Шишкиным. Шишкин наступает на него. Толстой хватается за голову; крик, шум; ⟨...⟩ *Куинджи в виде огромной совы налетает на Шишкина, но тот превращается в дуб.*

Толстой (просыпаясь над новым уставом): Так это был лишь сон? Какой зловещий сон! ⟨...⟩

[52] *Вагнер Петр Николаевич* (1862—1932) — живописец. Пейзажист. Учился в Академии художеств (1894—1900). С 1924 г. — профессор. Преподавал во Вхутеине в Ленинграде (1922—1929).

[53] *Гуркин Григорий Иванович* (1870—1937) — живописец и рисовальщик. Пейзажист. С 1897 г. занимался у Шишкина, с 1898 г. в пейзажной мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств у А. А. Киселева. В 1905 г. уехал на Алтай.

[54] Русский музей Александра III, открытый для посетителей в 1898 г. (в помещении Михайловского дворца — ныне Государственный Русский музей), был основан как музей художественный и культурно-исторический. Первоначальную основу собрания Художественного отдела музея составили произведения из Эрмитажа, Академии художеств, Аничкова и царскосельского Александровского дворцов. По сравнению с теперешним собранием ГРМ, коллекция Художественного отдела была небольшой и носила в значительной мере случайный характер.

[55] *Сергей Александрович* (1857—1905), вел. кн. — почетный член Академии художеств (с 1895).

[56] *Павел Александрович* (1860—1919), вел. кн.

[57] То же самое мы читаем и в наброске ответов Шишкина на вопросы «Петербургской газеты». Эти вопросы были напечатаны в газете 10 января 1893 г. (№ 9) со следующим пояснительным текстом: «В конце минувшего года мы обратились к целому ряду писателей, художников, артистов, композиторов с просьбой собственноручно ответить на приводимые ниже вопросы...» Ответы, составленные Шишкиным, представляют несомненный интерес и заслуживают того, чтобы их привести полностью:

«Главная черта моего характера? Прямота, простота.
Достоинство, предпочитаемое мною у мужчины? Мужество, ум.
Достоинство, предпочитаемое мною у женщины? Честность.
Мое главное достоинство? Откровенность.
Мой главный недостаток? Подозрительность. Мнительность.
Мой идеал счастья? Душевный мир.
Что было бы для меня величайшим несчастьем? Одиночество.
Кем бы я хотел быть? Действительно великим художником.
Страна, в которой я всегда хотел бы жить? Отечество.
Мои любимые авторы-прозаики? Аксаков, Гоголь, Толстой как беллетрист.
Мои любимые поэты? Пушкин, Кольцов, Некрасов.
Мои любимые композиторы и художники? Шуман и Серов.
Пища и напитки, которые я предпочитаю? Рыба и хороший квас.
Мои любимые имена? Имена моих детей.
Как я хотел бы умереть? Безболезненно и спокойно. Моментально.

Мое состояние духа в настоящее время? Тревожное.
Недостатки, к которым я отношусь наиболее снисходительно? Те, которые не мешают жить другим.
Что меня теперь больше всего интересует? Жизнь и ее проявления, теперь, как всегда. Положение дел в Европе.
Мой девиз? Быть русским. Да здравствует Россия» (ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 55, л. 1).

[58] ЦГАЛИ, ф. 917, оп. 1, ед. хр. 56, л. 1—3.
Ввиду того, что заметки А. Т. Комаровой делались наскоро, без определенной последовательности, составитель постарался придать им бо́льшую собранность, допустив некоторые перестановки фраз — без изменения текста — и сделав несколько сокращений, обусловленных авторскими повторениями. Кроме того, восстановлены без специальных пояснений сокращенные или не дописанные автором слова, вполне ясные по смыслу. Фраза, добавленная самим составителем, приводится в квадратных скобках.

[59] *Г. В. Мевес* — владелец фирмы красок.

[60] В физической лаборатории Государственного Русского музея при проведении технико-технологических исследований двадцати четырех эталонных произведений Шишкина обнаружены свинцовые или свинцово-цинковые белила. Чистые цинковые белила в рассматриваемых пейзажах отсутствовали, что противоречит утверждению А. Т. Комаровой.

[61] Рядом зачеркнутые слова «облака, вод».

[62] Очевидно, имеется в виду картина «Пески» 1887 г., находящаяся в Киевском музее русского искусства.

[63] См. письмо № 224.

[64] Столица и усадьба, 1916, № 50, с. 6—9. Подпись: В. Уманов-Каплуновский (псевдоним). *Каплуновский Владимир Васильевич* (1865—?) — поэт, писатель, журналист.

[65] Портрет находится в ГРМ (поступил в 1917 г. от А. П. Боткиной). Шишкину в то время было не 20, а 18 лет.

[66] Машковцев Н. Г. Вступительная статья к «Каталогу выставки произведений Н. Н. Хохрякова. 1857—1928». М., 1948, с. 8—10 (приведенные Машковцевым воспоминания Хохрякова озаглавлены составителем).

[67] Н. Н. Хохряков не был даже в ранние годы плохим колористом. Его живопись отличается задушевностью, мягкостью, гармоничностью. «Резкий отзыв Шишкина о живописи Хохрякова,— пишет Н. Г. Машковцев,— был, очевидно, продиктован стремлением заставить ученика возможно глубже овладеть мастерством рисунка» (с. 10—11).

[68] Киселев Н. А. Среди передвижников. Воспоминания сына художника. Л., 1976, с. 110—114, 123.
Киселев Николай Александрович (1876—1965) — живописец. Пейзажист. Член Союза художников СССР.
[69] А. Н. Шильдер сыграл несравненно меньшую роль в искусстве, чем Шишкин. Работы его, по сравнению с пейзажами Шишкина, пишет Ф. С. Мальцева, «кажутся сухими, условными и лишенными того жизненного пафоса, которым полны картины учителя» (История русского искусства. М., 1965, т. IX, кн. 1, с. 112).
[70] Нерадовский П. И. Из жизни художника. Л., 1956, с. 58—59. *Нерадовский Петр Иванович* (1875—1962) — живописец. Портретист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (с 1888), затем в Академии художеств у Репина (до 1903). С 1909 г. — хранитель Художественного отдела Русского музея, с 1912 г. — заведующий этим отделом. С 1929 г. — действительный член музея.
[71] И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина. 1880.
[72] Нева, 1957, № 12, с. 175—176. *Фортунато Евгения Ивановна* — ленинградская писательница.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. И. ШИШКИНА

1832 Родился 13/25 января в г. Елабуге Вятской губернии в купеческой семье.

1844 Поступает в 1-ю мужскую гимназию Казани. Знакомится здесь с А. В. Гине.

1848 Уходит из 4-го класса гимназии и возвращается домой. Рисует с натуры.

1850 Знакомится с московским иконописцем Иваном Осокиным.

1852 В начале года приезжает в Москву. В августе поступает в Московское училище живописи и ваяния, где учится (до января 1856 г.) под руководством А. Н. Мокрицкого.

1853 Исполняет первый офорт «Горная дорога».

1855 Зимой ненадолго едет в Петербург выяснить возможность поступления в Академию художеств. С июня по сентябрь живет в Елабуге.

1856 29 января приезжает в Петербург. Поступает в Академию художеств. Учится здесь (до сентября 1860 г.) в классе С. М. Воробьева. С конца мая до осени работает с натуры в Лисьем Носу. Исполняет картину «Вид в окрестностях Петербурга».

1857 19 мая получает первую академическую награду — малую серебряную медаль. Впервые участвует па выставке Академии художеств (экспонирует свои произведения на академических выставках и в течение последующих трех лет). С 3 июня по сентябрь работает с натуры в деревне Дубки. 23 декабря получает малую серебряную медаль за четыре рисунка. Один из них — «Дубки под Сестрорецком».

1858 С мая по сентябрь работает с натуры на острове Валаам. По возвращении в Петербург задумывает подготовить и издать совместно с П. П. Джогиным и А. В. Гине альбом литографий с произведений,

выполненных на Валааме. 23 декабря получает большую серебряную медаль за три рисунка пером и восемь живописных этюдов — виды Валаама. Среди них — «Сосна на Валааме» и «Вид на острове Валааме».

1859 В феврале участвует (как и в апреле следующего года) на выставке Московского училища живописи и ваяния. 18 апреля получает малую золотую медаль за картину «Вид на острове Валааме» («Ущелье Валаама»). С мая по сентябрь работает с натуры на Валааме. В ноябре начинает подготовку альбома литографий.

1860 Весной работает в мастерской Академии художеств над картинами к выпускному экзамену. Летом занимается на Валааме. В сентябре получает большую золотую медаль и право на заграничную командировку за две картины одного названия «Вид на острове Валааме. Местность Кукко».

1861 В мае получает разрешение академии отправиться в качестве ее пенсионера в путешествие по Восточной России с профессором А. П. Боголюбовым, но, отказавшись от этой поездки, 21 мая уезжает в Елабугу, где находится до 25 октября. Исполняет здесь много этюдов и натурных набросков. В «Русском художественном альбоме» помещаются три его литографии. Заканчивает работу над литографиями в книге А. В. Вышеславцева «Очерки пером и карандашом из кругосветного путешествия».

1862 27 апреля вместе с В. И. Якоби выезжает в Германию. Посещает Берлин, Дрезден, в конце мая отправляется в Саксонскую Швейцарию. С 5 по 15 июля живет в Праге. Путешествует по Богемии и с октября поселяется в Мюнхене. Посещает мастерские братьев Бено и Франца Адамов, Фридриха Фольца. Пишет донесение в Академию художеств о своих занятиях и получает благодарность за значительное число исполненных этюдов.

1863 В марте едет в Цюрих — занимается в мастерской Рудольфа Коллера до конца мая. Все лето (до середины октября) работает с натуры вместе с Л. Л. Каменевым в Бернском Оберланде. В конце октября снова возвращается в Цюрих к Коллеру.

1864 В январе уходит из мастерской Коллера. Работает самостоятельно. Занимается офортом. В феврале ненадолго едет в Женеву. 7 марта посылает из Цюриха в академию отчет вместе с двенадцатью фотографиями с исполненных этюдов и рисунков. Посещает Париж (уезжает оттуда 18 мая). В начале лета едет на озеро Четырех

кантонов, затем в Дюссельдорф. Все остальное время до сентября работает с натуры вместе с Л. Л. Каменевым и Е. Э. Дюккером в Тевтобургском лесу. 31 июля совет Академии художеств выносит одобрение его занятиям за границей, отмечая особо гравирование. В сентябре возвращается в Дюссельдорф. Посылает в Петербург картину «Стадо в лесу» и этюды и после трехлетнего перерыва снова участвует на выставке Академии художеств. Экспонирует свои произведения на выставке Общества поощрения художников. Едет ненадолго с Л. Л. Каменевым в Брюссель и Антверпен.

1865 В феврале—марте экспонирует на постоянной выставке в Дюссельдорфе свои рисунки пером, вызвавшие многочисленные восторженные отзывы. Занимается литографией. В июне возвращается в Россию. Лето (по сентябрь) проводит в Елабуге. 12 сентября за картину «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» получает звание академика. С октября окончательно поселяется в Петербурге. Сближается с членами С.-Петербургской Артели художников, посещает (как и в последующие годы) устраиваемые здесь «четверги».

1866 В апреле участвует на Всемирной выставке в Париже. Летом работает с натуры вместе с Л. Л. Каменевым в селе Братцево. Исполняет пейзаж «Полдень. Окрестности Москвы. Братцево». Участвует на выставке Московского общества любителей художеств. Получает первую премию на конкурсе Общества поощрения художников за пейзаж «Сосновый лес». Исполняет для А. Ф. Лихачева картину «Швейцарский пейзаж». В конце года знакомится и вскоре начинает заниматься с шестнадцатилетним Ф. А. Васильевым.

1867 Исполняет картину «Рубка леса». Летом работает с натуры на Валааме совместно с Ф. А. Васильевым. Участвует на выставке Общества поощрения художников.

1868 Выходит первый альбом его гравюр (шесть литографий) — «Этюды с натуры пером на камне». Летом живет с семьей Ф. А. Васильева в деревне Константиновка под Петербургом. Исполняет картины «Чем на мост нам идти, поищем лучше броду» и «Сосновый лес». В сентябре ненадолго едет в Елабугу. После двухлетнего перерыва участвует (как и в следующем году) на выставке Академии художеств. 28 октября венчается с сестрой Ф. А. Васильева Е. А. Васильевой. В декабре получает орден Станислава 3-й степени.

1869 28 февраля — рождение дочери Лидии. Летом работает с натуры в деревне Константиновка. Исполняет картину «Полдень. В окрестностях Москвы» (первая работа художника, приобретенная П. М. Тре-

тьяковым). В октябре ставит свою подпись под письмом — обращением группы московских художников к членам С.-Петербургской Артели художников по поводу «Проекта устава Товарищества подвижных художественных выставок». Участвует на выставке Академии художеств. 7 декабря избирается комитетом Общества поощрения художников в качестве одного из экспертов по оценке произведений, присылаемых на конкурс, и присуждению им премий. Участвует (как и в следующем году) в подготовке литографированного альбома «Художественный автограф», издаваемого С.-Петербургской Артелью художников.

1870 В марте получает (по конкурсу 1869 г.) первую премию Общества поощрения художников за картину «Ручей в лесу». В июле едет в Нижний Новгород, где исполняет по заказу для альбома серию акварельных видов города. В октябре ставит свою подпись под уставом Товарищества передвижных художественных выставок.

1871 В марте избирается комитетом Общества поощрения художников в качестве одного из экспертов по оценке произведений, присылаемых на конкурс. Становится членом Общества русских аквафортистов. Летом живет в Елабуге и Сарапуле. Исполняет картину «Вечер». Участвует на I выставке Товарищества передвижных художественных выставок, с которым отныне связана вся его дальнейшая творческая деятельность. Рождение сына Владимира.

1872 Заканчивает картину «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии», за которую получает первую премию на конкурсе Общества поощрения художников. Участвует на II (как и на последующих) выставке Товарищества передвижных художественных выставок. Летом живет с И. Н. Крамским и К. А. Савицким под Лугой на станции Серебрянка. Пишет картины «Лесная глушь» и «Полдень. Перелесок». Участвует (как и в следующем году) на выставке Академии художеств. 1 сентября — смерть отца. В том же году — смерть сына.

1873 28 февраля получает звание профессора за картину «Лесная глушь». В мае подготавливает и сам печатает первый альбом офортов (11 листов), выпущенный в качестве премии Общества поощрения художников. 19 мая — рождение сына Константина. Участвует на Всемирной выставке в Вене. Летом живет на станции Козловка-Засека под Тулой с И. Н. Крамским и К. А. Савицким. Исполняет картины «Хвойный лес», «Лесное болото», этюд «Дубовый лесок в серый день». В декабре участвует совместно с И. Н. Крамским и Д. В. Григоровичем в организации посмертной выставки произведений Ф. А. Васильева.

1874 Исполняет картину «На покосе в дубовой роще». 6 марта — смерть Е. А. Шишкиной. Летом (как и в следующие два года) живет под Петербургом на станции Сиверская. В октябре ставит свою подпись под заявлением одиннадцати художников («Голос», 5 октября) в защиту В. В. Верещагина, обвиненного в несамостоятельной работе над картинами.

1875 Исполняет картины: «Сумерки», «Родник в сосновом лесу», «Первый снег». Посещает вечера в доме А. В. Прахова. Занимается выпуклым офортом. Начинает участвовать в журнале «Пчела». Смерть сына Константина.

1876 Исполняет картины: «Пчельник», «Еловый лес», «Чернолесье».

1877 Летом едет с дочерью в Елабугу. Пишет картины «Зима. Иней», «Пихтовый лес на Каме» («Речка Кама близ Елабуги»). Исполняет рисунки «Папоротник в лесу» и «Цветы в лесу».

1878 При участии И. В. Волковского подготавливает к изданию второй альбом офортов (25 листов). Исполняет картины «Рожь» и «Горелый лес». Занимается с О. А. Лагодой и А. Н. Шильдером. Избирается кандидатом в члены Правления Товарищества передвижных художественных выставок. Летом едет на Валаам, затем живет в Сиверской. Участвует на Всемирной выставке в Париже. Посещает ее вместе с И. Н. Крамским и другими художниками в октябре.

1879 Исполняет картины «Сумерки. Заход солнца» и «Песчаный берег». В мае едет с А. Н. Шильдером и Е. Е. Волковым на этюды в Крым — живет в Симферополе, затем в Алуште, Гурзуфе, Ялте, Алупке. Возвращается в Петербург в сентябре.

1880 Исполняет картину «Ручей в лесу (На косогоре)», рисунок пером «Лесной ручей». 20 апреля венчается с О. А. Лагодой. Летом работает с натуры в Сиверской. Зимой начинает заниматься с Н. Н. Хохряковым.

1881 Участвует на выставке в Академии художеств. Исполняет картины «Дебри» и «Заповедная роща». Летом работает с натуры в Сиверской. 21 июня — рождение дочери Ксении. 25 июля — смерть О. А. Лагоды-Шишкиной.

1882 Исполняет картины: «Кама», «Дубки», «Вечер», «Речка». Участвует на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве. Летом работает с натуры в Сиверской.

1883 Начинает работать над серией станковых рисунков углем (по заказу А. И. Беггрова). Исполняет картины: «Среди долины ровныя...», «Полесье», «Заря», «Ручей в березовом лесу».

1884 Завершает картину «Лесные дали», пишет «Лес весной» и «Еловый лес», исполняет рисунок пером «Пасека». Продолжает работу над серией рисунков углем. Весной работает с натуры в Парголово под Петербургом. Летом едет по Волге в имение П. К. Ушкова около Самары, оттуда — в Елабугу. Осенью пишет этюды в Сестрорецке. Выходит альбом «И. И. Шишкин. Рисунки углем, воспроизведенные способом фототипии». Серия I.

1885 Исполняет картину «Туманное утро». Летом пишет этюды в Парголово, Сестрорецке и на Карельском перешейке. Публикуется «Перечень печатных листов И. И. Шишкина». Составил А. Е. Пальчиков, Спб. Выходит альбом «И. И. Шишкин. Рисунки углем, воспроизведенные способом фототипии». Серия II.

1886 На выставке Академии художеств экспонируются рисунки углем. Исполняет картины: «Побережье дубовой рощи Петра Великого в Сестрорецке», «Дубовая роща», «Святой ключ близ Елабуги». Издается третий альбом офортов (25 листов) — «Офорты И. И. Шишкина. 1885—1886. Собственность И. И. Шишкина. Издание ведено А. Е. Пальчиковым». Летом работает с натуры в Сестрорецке. Пишет здесь «Сосны, освещенные солнцем».

1887 Завершает картину «Дубовая роща», пишет картины «Дубы» и «Пески». В мае едет с Е. П. Вишняковым на этюды в Вологодскую губернию. Летом работает с натуры в Сестрорецке. Участвует на академической передвижной выставке в Екатеринбурге. Издает альбом «Рисунки карандашом О. А. Лагоды-Шишкиной. 1879—1880».

1888 Завершает картину «Бурелом». Летом работает с натуры в Шмецке близ Нарвы.

1889 В июне едет в Петрозаводск. Затем пишет этюды в Мери-Хови на берегу Финского залива и в Павловске. Исполняет картины «Утро в сосновом лесу», «У берегов Финского залива (Удриас близ Нарвы)», «Парк в Павловске» («Осень»), рисунки «Мери-Хови. Берег моря», «Лесное болото».

1890 Пишет картины «Зима в лесу», «Зима», «Болото». В мае едет с Е. П. Вишняковым для работы с натуры в Тверскую губернию к истокам Волги — заканчивает поездку деревней Коковкино. Затем

пишет этюды в Финляндии. Работает над иллюстрациями к сочинениям М. Ю. Лермонтова — исполняет рисунки «На севере диком...» и «Разливы рек, подобные морям».

1891 Зимой работает с натуры в Мери-Хови. Исполняет картины «Дождь в дубовом лесу», «На севере диком...». Летом живет в Петергофе. Пишет здесь «В лесу гр. Мордвиновой». 26 ноября в залах Академии художеств открывается персональная выставка этюдов, рисунков, гравюр, созданных за период с 1849 по 1891 г. Заканчивает картину «Сосны на берегу моря».

1892 В мае едет с Е. П. Вишняковым и А. Н. Шильдером на этюды в Спалу в Беловежскую пущу. Работает с натуры в Шмецке и затем на островах в Петербурге. Исполняет много этюдов. Выходит «Альбом русской живописи. Картины и рисунки И. И. Шишкина» (изд. Ф. И. Булгакова, Спб.).

1893 10 января открывается выставка 58 этюдов, исполненных в течение лета и осени 1892 г. Выходит альбом «Новые этюды И. И. Шишкина» (изд. Ф. И. Булгакова, Спб.). Исполняет картину «Лесное кладбище» («Старый валежник»). Летом работает с натуры в Дудергофе. 18 декабря получает уведомление о назначении его профессором-руководителем пейзажной мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств.

1894 Участвует на выставке Академии художеств. Летом работает с натуры в Мерреколе и Шмецке. С осени начинает преподавать в Высшем художественном училище. Выходит альбом «60 офортов И. И. Шишкина. 1870—1892» (изд. А. Ф. Маркса, Спб.).

1895 Участвует на первой Всероссийской выставке печатного дела в Петербурге. Исполняет картины: «Кама близ Елабуги», «Еловый лес. Солнечный день», «Сосновый бор». Летом работает с натуры с учениками в Мерреколе. 15 октября освобожден от должности профессора-руководителя пейзажной мастерской по болезни.

1896 Исполняет картины: «Вечерняя заря», «Дубовая роща», «Лес осинник. (После дождя)». Участвует на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Работает с натуры в Сиверской и на станции Преображенское под Петербургом. 29 декабря — ошибочное сообщение в прессе о смерти художника.

1897 Исполняет картины: «На окраине соснового бора», «В лесной глуши», «После жаркого дня», «Полянка». Начинает заниматься с Г. И. Гуркиным. Летом работает с натуры в Преображенском. 29 сентября на общем собрании Академии художеств принято единодушное решение предложить Шишкину вновь занять место профессора-руководителя пейзажной мастерской. 1 ноября утвержден в этой должности.

1898 Завершает картину «Корабельная роща». 8(20) марта скончался на петербургской квартире.

ИКОНОГРАФИЯ

1. И. И. Шишкин. Автопортрет (при свече). Рисунок. 1849. ГРМ.
2. И. И. Шишкин. Автопортрет (кричит). Рисунок. 1850. ГРМ.
3. И. И. Шишкин. Автопортрет (зевает). Рисунок. 1850. ГРМ.
4. И. Осокин. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1850. ГРМ.
5. В. В. Шокорев. Портрет И. И. Шишкина. Рисунок. 1853. ГРМ.
6. И. И. Шишкин. Автопортрет. Рисунок. 1854. ГРМ.
7. К. Е. Маковский. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1856. ГРМ.
8. К. Е. Маковский. Портрет И. И. Шишкина. Рисунок. 1857. ГРМ.
9. Неизвестный художник. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1858 (?). ГРМ.
10. Г. С. Седов. Портрет И. И. Шишкина. Рисунок. 1859. ГРМ.
11. И. И. Шишкин. И. И. Шишкин и А. В. Гине в мастерской на острове Валааме. Масло. 1860. ГРМ.
12. В. П. Верещагин. Портрет И. И. Шишкина. Рисунок. 1861. ГРМ.
13. И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина. Рисунок. 1869. ГРМ.
14. И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1873. ГТГ.
15. И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина. Офорт (с портрета И. Н. Крамского. 1873). 1874.
16. И. Е. Репин. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1876. ГРМ.
17. В. А. Бобров. Портрет И. И. Шишкина. Офорт (с фотографии. 1870). 1879.
18. И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1880. ГРМ.
19. В. В. Матэ. Портрет И. И. Шишкина. Офорт (с портрета И. Н. Крамского. 1880).
20. И. И. Шишкин. Автопортрет. Офорт. 1886.
21. В. В. Матэ. Портрет И. И. Шишкина. Ксилография. 1888.
22. Г. Г. Мясоедов. Портрет И. И. Шишкина («Пробный оттиск»). Масло. 1891. Пензенская картинная галерея им. К. А. Савицкого.
23. Н. П. Загорский. И. И. Шишкин в группе художников. Рисунок 1891—1892. ГРМ.
24. А. Т. Комарова. Портрет И. И. Шишкина. Офорт (по картине Г. Г. Мясоедова «Пробный оттиск». 1891).
25. В. В. Матэ. Портрет И. И. Шишкина. Ксилография (с фотографии). 1893.
26. И. Е. Репин. И. И. Шишкин на заседании совета Академии художеств. Рисунок. ГРМ.

27. И. Е. Репин. Портрет И. И. Шишкина. Рисунок. 1895. ГРМ.
28. И. А. Пелевин. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1896. Художественный музей Белорусской ССР.
29. Н. А. Ярошенко. Набросок портретов И. И. Шишкина, И. С. Остроухова (?) и других. Рисунок. 1896. ГТГ.
30. А. Т. Комарова. Портрет И. И. Шишкина. Цветной офорт. 1897.
31. Н. А. Ярошенко. Портрет И. И. Шишкина. Масло. 1897.
32. А. Т. Комарова. Портрет И. И. Шишкина. Офорт (с портрета неизвестного художника. 1858 ?).
33. М. М. Далькевич. Карикатура «Пейзажный лесовод и летописец». Рисунок.
34. Н. Н. Дубовской. Портрет И. И. Шишкина. Рисунок. ГРМ.
35. Н. А. Ярошенко. Портрет И. И. Шишкина. Этюд.

Фотографии

1. И. И. Шишкин в Дюссельдорфе. 1864—1865.
2. И. И. Шишкин. 1870.
3. И. И. Шишкин. 1870.
4. И. И. Шишкин в группе передвижников. 1870-е гг.
5. И. И. Шишкин. Начало 1880-х гг.
6. И. И. Шишкин и К. А. Савицкий. Начало 1880-х гг.
7. И. И. Шишкин в группе передвижников. 1886.
8. И. И. Шишкин в группе передвижников. 1886.
9. И. И. Шишкин в группе передвижников. 1888.
10. И. И. Шишкин. 1880-е гг.
11. И. И. Шишкин. 1880-е гг.
12. И. И. Шишкин. 1880-е гг.
13. И. И. Шишкин за работой над картиной «Мордвиновские дубы». 1891.
14. И. И. Шишкин. 1890-е гг.
15. И. И. Шишкин на прогулке в лесу. 1890-е гг.
16. И. И. Шишкин на даче с учениками. 1890-е гг.

ВЫСТАВКИ, НА КОТОРЫХ ЭКСПОНИРОВАЛИСЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. И. ШИШКИНА

Выставка художественных произведений, выставленных в Музее Академии художеств. 1857, Спб.

Выставка художественных произведений, выставленных в Музее Академии художеств. 1858, Спб.

Выставка художественных произведений, выставленных в Музее Академии художеств. 1859, Спб.

Выставка художественных произведений, выставленных в залах Академии художеств. 1860, Спб.

Художественная выставка в залах Московского училища живописи и ваяния. 1860, М.

Постоянная выставка Общества поощрения художников. 1864, Спб.

Годичная выставка в Академии художеств за 1863—1864 академический год. 1864, Спб.

Годичная выставка Академии художеств в залах по Круглому двору за 1864—1865 академический год. 1865, Спб.

Постоянная выставка в Дюссельдорфе. 1865.

Постоянная выставка Московского Общества любителей художеств. 1866, М.

Постоянная выставка Общества поощрения художников. 1866, Спб.

Всемирная выставка в Париже. 1867.

Годичная выставка художественных произведений в Академии художеств за 1867—1868 академический год. 1868, Спб.

Постоянная выставка Общества поощрения художников. 1868, Спб.

Выставка художественных произведений Академии художеств в 1869 году. Спб.

Постоянная выставка Общества поощрения художников. 1869, Спб.

Первая художественная выставка Товарищества передвижных выставок. 1871—1872, Спб., М., Киев. *

Постоянная выставка Общества поощрения художников. 1871, Спб.

Всемирная выставка в Лондоне, 1872.

Выставка произведений, представленных на конкурс Общества поощрения художников. 1872, Спб.

Выставка художественных произведений в Академии художеств в 1872 году. Спб.

Выставка художественных произведений в Академии художеств. 1873, Спб.

---

* Шишкин участвовал на выставках ТПХВ с 1871 (1-я) по 1899 г. (27-я). Выставки со второй по двадцать седьмую не перечисляются.

Всемирная выставка в Вене. 1873.

Выставка художественных произведений, назначенных для Всемирной выставки в Париже. 1878, Спб.

Всемирная выставка в Париже. 1878.

Базар в залах Михайловского дворца 12, 13 и 14 декабря 1880 (в пользу состоящих под покровительством вел. кн. Екатерины Михайловны заведений).1880, Спб.

Первая периодическая выставка Общества любителей художеств в Москве. 1881, М.

Выставка старой и новой школы в Академии художеств. 1881, Спб.

Третья периодическая выставка Московского Общества любителей художеств. 1882, М.

Третья акварельная выставка русских и иностранных художников. 1882, Спб.

Художественный отдел Всероссийской промышленной выставки. 25 лет русского искусства. 1882, М.

Сибиро-уральская научно-промышленная выставка. 1887, Екатеринбург.
Выставка в Академии художеств в 1885 году. Спб.

Выставка в Академии художеств этюдов, рисунков, офортов, цинкографий и литографий И. И. Шишкина, члена Товарищества передвижных художественных выставок. 1841—1891. 1891, Спб.

Выставка картин из частных собраний Москвы в пользу пострадавших от неурожая. 1892, М.

Выставка в Академии художеств этюдов И. И. Шишкина (члена Товарищества передвижных выставок), написанных за лето 1892 года. Июнь — октябрь. 1893, Спб.

Выставка произведений иностранных и русских живописцев из коллекций частных владельцев в залах Московского Общества любителей художников. 1893, М.

Выставка художественных произведений из собраний частных владельцев, устроенная при 1-м съезде русских художников и любителей художеств в 1894 г. В г. Москве, в здании Исторического музея. 1894.

Первая всероссийская выставка печатного дела в Петербурге. 1895.

Временная выставка картин русских и иностранных художников. 1896, Киев.

VIII (художественный) отдел Всероссийской промышленно-художественной выставки. 1896, Нижний Новгород.

Выставка коллекции рисунков и акварелей кн. М. К. Тенишевой. 1897, Спб.
Временная выставка картин русских и иностранных художников. 1898, Киев.

Посмертная выставка произведений И. И. Ендогурова, И. И. Шишкина и Н. А. Ярошенко, членов Товарищества передвижных художественных выставок. 1898, Спб.

Посмертная выставка художественных произведений О. А. Лагоды-Шишкиной, И. И. Шишкина, Ф. А. Васильева. 1899, Спб.

Всемирная выставка в Париже. 1900.

Посмертная выставка картин И. И. Шишкина. Устроитель В. И. Чекато. 1904, М.

Выставка старых и новых картин из частных собраний в Киевском музее. [Начало 1910-х гг.].

Выставка коллекции картин, этюдов и рисунков И. И. Шишкина и других художников. 1906, Спб.

Выставка рисунков и эстампов. 1908, Спб.

2-я выставка русских и иностранных художников, устроенная Обществом борьбы с чахоткой и бугорчаткой. 1909, Киев.

Первая выставка партии Вятского художественного музея. 1910, Киев.

Выставка картин в Актовом зале Университета им. св. Владимира. 1915, Киев.

Выставка в память двадцатипятилетия со дня смерти Павла Михайловича Третьякова. 1898—1923. ГТГ. 1923, М.

Выставка «Крестьянин в русской живописи». Рогожско-Симоновский филиал ГТГ. 1924, М.

Рисунки И. И. Шишкина (Из собрания Г. М. Залкинда и П. А. Радимова). 1926, Казань.

Выставка картин, выделенных Государственным музейным фондом Центральному музею Татарской АССР. 1927, Казань.

Выставка новых поступлений Художественного отдела Центрального музея Татарской АССР. 1929, Казань.

Выставка картин и этюдов русских художников второй половины XIX в. 1936, Саратов.

Художники-реалисты второй половины XIX века. Передвижная выставка из фондов Государственной Третьяковской галереи. 1937, М.

Выставка произведений И. И. Шишкина к 40-летию со дня смерти. 1938, Киев (Киевский государственный музей русского искусства).

Пейзаж в русской живописи второй половины XIX века. 1947, М. (Центральный дом работников искусства).

Выставка произведений художников вятичей и кировчан. 1948, Киров.

Выставка творів І. І. Шишкіна. До 50-річчя з дня смерті художника (1898—1948). 1948, Киев.

Оргкомитет Союза советских художников. Государственная Третьяковская галерея. Иван Иванович Шишкин. 1948, М. (Выставка произведений из частных коллекций).

Выставка произведений И. И. Шишкина. Астраханская областная картинная галерея. Астраханский областной союз советских художников. 1948, Астрахань.

Выставка произведений И. И. Шишкина, находящихся в коллекции Молотовской государственной художественной галереи. К 50-летию со дня смерти художника. 1948, Молотов.

И. И. Шишкин. К 50-летию со дня смерти. Выставка произведений художника. 1948, Иркутск.

Выставка произведений русского дореволюционного и советского искусства. Скульптура. Живопись. Графика. Государственный музей латышского и русского искусства. 1948, Рига.

И. И. Шишкин. К 50-летию со дня смерти. 1898—1948. Государственная Третьяковская галерея. Выставка произведений И. И. Шишкина, 1948, М.;

Государственный Русский музей. Выставка произведений И. И. Шишкина. 1948, Л. (без каталога).

Русская графика. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 1949, М.

Выставка рисунков Академии художеств СССР. 1949, Л.

Выставка русской живописи и графики из частных собраний города Куйбышева. 1950, Куйбышев.

Выставка русской дореволюционной и советской живописи. 1951, Псков, Тарту (передвижная, ГРМ).

Выставка картин русских художников-пейзажистов второй половины XIX и начала XX в. Из частных собраний Ленинграда. (Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР). 1952, Л.

Выставка картин, эскизов и этюдов «Русская живопись второй половины XIX и начала XX в.» (из частных собраний). 1951—1952, М.

Русский пейзаж. 1953, Пушкин.

Выставка графики. Акварель и рисунок русских художников XIX — начала XX в. и советских художников. 1953, Куйбышев.

Выставка картин, эскизов и этюдов. Русская живопись XVIII—XX вв. (Из государственных и частных собраний). 1953, М.

Выставка эскизов и этюдов русских художников XVIII — начала XX в. из фондов Государственной Третьяковской галереи. 1954, М.

Выставка русского дореволюционного и советского искусства. ГТГ, 1954.

Выставка русской гравюры (XVIII, XIX, начала XX в.). 1954, М.

Выставка произведений живописи, скульптуры, графики. Из фондов Государственного Русского музея. 1954, Харьков.

Выставка русской гравюры. XVIII — начало XX века. 1954 (передвижная, ГРМ).

Выставка картин русских художников XVIII — начала XX в. Из частных собраний Ленинграда. Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР. 1954, Л.

Выставка картин, эскизов и этюдов. Пейзаж в русской живописи XIX и начала XX в. (из государственных и частных собраний Москвы). 1955, М.

Выставка рисунков и офортов И. И. Шишкина (коллекция Киевского государственного музея русского искусства). 1957, Киев.

Иван Иванович Шишкин. 1832—1898. Выставка к 125-летию со дня рождения (Куйбышевский художественный музей). 1957, Куйбышев.

Произведения И. И. Шишкина. К 125-летию со дня рождения художника (Кировский областной художественный музей им. А. М. Горького). 1957, Киров.

Юбилейная выставка офортов И. И. Шишкина. 1957, Брянск.

Рисунок и акварель русских художников XVIII — начала XX в. (Государственный Русский музей). 1957, Л.

Русская живопись XIV—XX вв. 1957, Варшава.

Двести лет Академии художеств СССР. 1958, Л.

Выставка произведений русских художников второй половины XIX и начала XX в. (Из частных собраний г. Киева). 1958, Киев.

Выставка русской классической живописи XVIII — начала XX века из собрания Государственного Русского музея. 1957—1958, Пекин, Шанхай.

Выставка русских и советских художников. 1959, Лондон.

Таллинский государственный художественный музей. Русская живопись XVIII—XX вв. 1958—1959, Таллин.

Русская и советская живопись. 1960, Париж.

Русская гравюра и литография XVIII—XX вв. Выставка из собрания отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа. 1960, Л.

Выставка новых поступлений Куйбышевского художественного музея. 1960, Куйбышев.

Русские рисунки XIX—XX вв. Выставка в залах Вологодской областной картинной галереи. 1961, Вологда.

Выставка русского искусства из частных собраний. 1961—1962, Минск.

Русское и советское искусство. 1962, Будапешт.

Рисунки и акварели русских художников конца XVIII — начала XX в. Из частных собраний Ленинграда. (Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР). 1964, Л.

Русское и советское искусство. 1964, Мальмё, Бухарест.

Передвижная выставка из фондов Киевского музея русского искусства. 1966—1967, Одесса — Сумы.

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Выставка русской гравюры XVIII — начала XX в. 1966, М.

Шедевры живописи из музеев СССР. 1966—1967, Токио, Киото.

Русское искусство от скифов до наших дней. 1967—1968, Париж.

Выставка новых поступлений Государственного Русского музея. 1968, Л.

Рисунок и акварель русских художников XVIII — начала XX в. (Из собрания Киевского музея русского искусства). 1968, Киев.

Русское дореволюционное и советское искусство. Живопись, скульптура, графика. Из новых поступлений. 1963—1968 (ГТГ). 1968, М.

Русское искусство XVIII — начала XX в. 1969, Дагестан.

Русское изобразительное искусство с XIII века до наших дней. 1969, Варшава.

Передвижники. 1970, Белград.

Русское и советское искусство. 1970, Прага, Братислава.

Государственный Русский музей. Передвижная выставка. 1970.

Передвижники в Государственной Третьяковской галерее. 1971, М.

Первая художественная выставка Товарищества передвижных художественных выставок. 1871—1872 (реконструкция). 1971, М.

Рисунок и акварель передвижников. 1971, Л.

Сто шедевров из музеев Советского Союза. 1971, Токио, Киото.

К 100-летию Товарищества передвижных художественных выставок. 1971, Куйбышев.

Государственный литературный музей. Выставка к 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова (1821—1877). 1971—1972, М.

Выставка произведений передвижников. К 100-летию Товарищества пере-

движных художественных выставок из фондов Государственного художественного музея Белорусской ССР. 1971—1973, Минск, Гродно, Пинск, Гомель, Витебск, Могилев, Бобруйск.

Пейзажная живопись передвижников. 1972, Киев, Минск, Ленинград, Москва.

Передвижники из фондов КМРИ. 1972, Донецк.

Русский реализм. 1850—1900. 1972—1973, Баден-Баден, Прага, Дортмунд, Братислава.

Персональная выставка И. И. Шишкина. 1973, Казань.

Русский критический реализм. 1973—1974, Польша и Румыния.

Передвижная выставка произведений из Государственного Русского музея. 1974.

Рисунок русских и советских художников (XVIII — XX веков) из коллекции А. А. Сидорова. 1974, М.

Русская и советская живопись от XIV в. до наших дней. 1974, Флоренция, Рим.

Шедевры пейзажа из советских музеев. 1975—1976, Лондон — Гонзаго.

Русская реалистическая живопись. 1860—1890. 1976, Берлин (ГДР).

Выставка шедевров Государственной Третьяковской галереи и Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 1975, Токио, Осака, Нагоя; 1976, Фудзимия.

Русская реалистическая живопись второй половины XIX в. 1976, Вена, Грац.

Русская живопись и рисунок с 1700 по начало 1900-х гг. 1976, Хельсинки.

Передвижная выставка Государственного Русского музея в Калининграде. 1976.

Автопортрет в русском и советском искусстве. 1976—1977, М., Л.

Выставка работ отдела реставрации Государственного Русского музея. 1977, Л.

Выставка шедевров из Государственного Русского музея. 1977, Япония.

Русская и советская живопись. 1977—1978, Нью-Йорк, Сан-Франциско.

Шедевры рисунка и акварели из Государственного Эрмитажа и Государственной Третьяковской галереи. 1978, Мельбурн, Сидней.

Реализм и поэзия в русской живописи. 1850—1905. 1978, Париж.

Государственный Русский музей. К 80-летию со дня открытия. Выставка новых поступлений. Живопись XVIII — начала XX в. 1978, Л.

Лев Толстой в изобразительном искусстве. Живопись. Графика. Скульптура. (Академия художеств СССР). 1978, М.

Рисунок русских и советских художников из коллекции А. А. Сидорова. 1978, М.

Государственный Русский музей. К 80-летию со дня открытия. Выставка новых поступлений. Рисунок и акварель XVIII — начала XX века. 1978, Л. (Каталог издан в 1979 г.).

Дюссельдорфская школа живописи. 1979, Дюссельдорф, Дармштадт.

Выставки произведений И. И. Шишкина. К 150-летию со дня рождения. 1982, М. (ГТГ); Л. (ГРМ); Киев (КМРИ); Казань (Музей изобразительных искусств Татарской АССР); Минск (Государственный художественный музей БССР); Вологда (Вологодская областная картинная галерея).

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография не претендует на исчерпывающую полноту. Литература об И. И. Шишкине столь обширна, что окончательное выявление и систематизация ее потребовали бы специальных изысканий. В библиографию не вошли материалы о Шишкине, опубликованные в зарубежной печати.

Наряду с другими материалами, в частности заключенными в монографии И. И. Пикулева (М., 1955), составителем прежде всего использованы сведения, приводимые в справочном издании Г. Буровой, О. Гапоновой и В. Румянцевой «Товарищество передвижных художественных выставок» (М., 1952, т. 1, с. 377—381).

ЛИТЕРАТУРА ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Гнедич П. История искусств. Т. 3. Спб., 1897.

Новицкий А. Передвижники и влияние их на русское искусство. М., 1897.

Бенуа А. История живописи в XIX веке. Русская живопись. Спб., 1901.

Новицкий А. История русского искусства с древнейших времен. В 2-х т. Т. 2. М., 1903.

Никольский В. Русская живопись. Историко-критический очерк. Спб., 1904.

Главные течения русской живописи XIX в. в снимках с картин. Текст П. Н. Ге. М., 1904.

Грабарь И. История русского искусства. Т. 1. М., 1910.

Шамурины Ю. и З. Русская живопись. Третьяковская галерея. Румянцевский музей. М., 1910.

Гравюра и литография. Очерки истории и техники. Составил И. И. Леман. Спб., 1913.

Байе К. История искусств. Киев, 1914.

Фриче В. М. Очерки социальной истории искусства. М., 1923.

Никольский В. История русского искусства. Берлин, 1923.

Стасов В. В. Избр. соч. в 3-х т. М., 1952.

Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952.

Корнилов П. Е. Офорт в России XVII — XX веков. М., 1953.

Коростин А. Ф. Русская литография XIX века. М., 1953.

Федоров-Давыдов А. А. Искусство второй половины XIX века. — В кн.: Очерки по истории русского искусства. М., 1954.

Чистяков П. П. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832—1919. М., 1955.

Нерадовский П. Н. Из жизни художника. Л., 1956.

Павлов Н. Русские художники в нашем крае. Калинин, 1959,

Сидоров А. А. Рисунок русских мастеров (вторая половина XIX века). М., 1960.

Репин И. Далекое близкое. 5-е изд. М., 1960.

Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856—1869. М., 1960.

История русского искусства. Т. 2. М., 1960.

Голубева Э. И., Крестинский А. А., Кузнецова Э. В. Беседы о русских художниках. Вторая половина XIX века. Л., 1960.

Замечательные полотна. Книга для чтения по истории русской живописи XVIII — начала XX в. Л., 1961.

Всеобщая история искусств. Искусство 19 века. Т. 5. М., 1964.

Круковская С. В мире сокровищ. Ташкент, 1964.

Осокин В. Н. Рассказы о русском пейзаже. М., 1965.

Мальцева Ф. С. Пейзаж. — В кн.: История русского искусства. Т. 9, кн. 1. М., 1965.

Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи в 2-х т. М., 1965, 1966.

Лясковская О. Я. Пленэр в русской живописи XIX века. М., 1966.

Ажнакин А. Лесной кудесник. — В кн.: С веком наравне. Рассказы о картинах. М., 1966.

Агапов В. М., Хаккарайнен Т. А. Художники на Валааме. Петрозаводск, 1967.

Молева Н., Белютин Э. Русская художественная школа второй половины XIX — начала XX века. М., 1967.

Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870—1879. М., 1968.

Мастера искусства об искусстве. Т. 6. М., 1969.

Дмитренко А. Ф. и др. 50 кратких биографий мастеров русского искусства. Л., 1970.

Фролова К. В гостях у коллекционеров. — Художник, 1972, № 2, с. 55.

Русская живопись в собраниях Чехословакии. Сост. и автор текста Владимир Фиала. Л., 1974.

Киселев Н. А. Среди передвижников. Воспоминания сына художника. Л., 1976.

Федоров-Давыдов А. Русское и советское искусство. Статьи и очерки. М., 1975.

Рылов А. Воспоминания. Л., 1977.

Факторович М. Д., Членова Л. Г. Художественные музеи Киева. М., 1977.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Общая

Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Составил почетный вольный общник ее П. Н. Петров ко дню празднования юбилея Академии. Ч. 3. 1843—1864. Спб., 1866.

Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. Спб., 1888.

Булгаков Ф. И. Наши художники на академических выставках последнего 25-летия. Т. 1. Спб., 1889, с. 258—260.

Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. Т. 2. СПб., 1895, стб. 1190—1198.

Отчет о деятельности имп. Академии художеств в 1898 году. Спб., 1899, с. 11.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXXIX[a] (78). Спб., 1903, с. 607.

Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий. Вып. 4. Сост. Н. К. Синягин. Спб., 1910.

Русский музей императора Александра III. Живопись и скульптура. Сост. барон Н. Врангель. Т. II, Спб., 1914.

Имп. Санктпетербургская Академия художеств. 1764—1914. Список русских художников к юбилейному справочнику Имп. Академии художеств. Сост. С. Н. Кондаков. II. Часть биографическая. Спб., с. 224.

Бурова Г., Гапонова О., Румянцева В. Товарищество передвижных художественных выставок. Перечень произведений и библиография, 1. М., 1952; Обзоры выставок в периодической печати. 2. М., 1959.

Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 29, 1978, с. 420.

Краткая художественная энциклопедия. Искусство стран и народов мира, Т. 3. М., 1971, с. 750.

О Шишкине

Перечень печатных листов И. И. Шишкина. Сост. Пальчиков А. Е. Спб., 1885.

Иван Иванович Шишкин (1832—1898). Опись документальных материалов личного фонда № 917. Под ред. А. Н. Щекотовой. Крайние даты документальных материалов 1816—1926. М., 1949 (Главное архивное управление МВД СССР. Центральный государственный литературный архив СССР).

ЛИТЕРАТУРА О ШИШКИНЕ

Монографические издания
и статьи в сборниках, книгах и каталогах

Дульский П. Вступ. ст. к кат.: Рисунки И. И. Шишкина (Из собрания Г. М. Залкинда и П. А. Радимова). Казань, 1926.

Корнилов П. На родине И. И. Шишкина. Казань, 1929.

И. И. Шишкин (Сб. статей: Дульский П. И. И. Шишкин; Корнилов П. И. И. Шишкин как мастер офорта; Савинов А. Рисунки И. И. Шишкина). Казань, 1945.

Мальцева Ф. С. Вступ. ст. к кат.: И. И. Шишкин. К 50-летию со дня смерти. 1898—1948. М.—Л., 1948.

Савинов А. Иван Иванович Шишкин. 1831—1898. М.—Л., 1948.

Мальцева Ф. С. Шишкин. — В кн.: Мастера русского реалистического пейзажа. Вып. 1. М., 1952, с. 123—174. (Переиздана в 1959 г.)

Федоров-Давыдов А. А. И. И. Шишкин. М., 1952 (Русская графика).

Дульский П. М. Иван Иванович Шишкин. Казань, 1953.

Иван Иванович Шишкин. 1831—1898. Кишинев, 1953.

Павловский Б. «Лес». Картина И. И. Шишкина. 1831—1898. Свердловск, 1954.

Пикулев И. И. И. И. Шишкин. Жизнь и творчество. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведческих наук. М., 1955.

Дульский П. М. Иван Иванович Шишкин. Казань, 1955.

Пикулев И. Иван Иванович Шишкин. 1832—1898. М., 1955.

Желобова Л. И. Работы Ивана Ивановича Шишкина в экспозиции музея. Вып. 5. Омск, 1956.

Пружан И. Н. Две ранние работы И. И. Шишкина. — В кн.: Сообщения Государственного Русского музея. IV. М., 1956, с. 42—46.

Михранян А. Н. Вступ. ст. к кат.: И. И. Шишкин. 1832—1898. К 125-летию со дня рождения. Куйбышев, 1957.

Мальцева Ф. И. И. Шишкин. Рожь. М., 1959.

Шарун Н. Пейзажи И. И. Шишкина. Вып. 2. Горький, 1960.

Бузовкина Н. А. Картины И. И. Шишкина в собрании Серпуховского историко-художественного музея (буклет). Серпухов, 1961.

Гребенюк В. А. Работы И. И. Шишкина. Краснодар, 1961.

Савинов А. Н. И. И. Шишкин. — В кн.: Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Вторая половина девятнадцатого века. М., 1962, с. 641—668.

Пунина И. Н. Новая страница биографии художника И. И. Шишкина. — В кн.: Архитектура. Доклады к I научной конференции молодых ученых-строителей ЛИСИ. Л., 1965, с. 75—82.

Двинянинов Л. Иван Иванович Шишкин. 1832—1898. Киров, 1965.

Грибовский А. И. Мастера русского пейзажа. И. К. Айвазовский, А. И. Куинджи, И. И. Шишкин. Воронеж, 1965.

Произведения И. И. Шишкина. Киев, 1966 (Киевский музей русского искусства).

Раздобреева И. В. Иван Иванович Шишкин. Л., 1966.

Произведения И. И. Шишкина в Киевском музее русского искусства. Киев, 1972.

Кудинов И. Повесть о художнике Шишкине. Барнаул, 1973. (Переиздана в 1981 г.)

Альбомы

Булгаков Ф. И. Альбом русской живописи. Картины и рисунки профессора И. И. Шишкина. Фототипическое и автотипическое издание. Спб., 1892.

Булгаков Ф. И. Новые этюды И. И. Шишкина. Фототипическое издание (Выставка этюдов профессора И. И. Шишкина в императорской Академии художеств). Спб., 1893.

Иван Иванович Шишкин. Альбом репродукций. Сост. и автор вступ. ст. Ф. Мальцева. М., 1954.

І. І. Шишкін. Репродукції з картин музеї в України. Киев, 1955.

Рисунки И. И. Шишкина. Текст А. Н. Савинова. М., 1960.

Иовлева Л. Шишкин (Репродукции). М., 1965.

Иван Иванович Шишкин. Вступ. ст. Т. Юровой. М., 1961.

Савинов А. И. И. Шишкин. Шесть факсимильных репродукций с рисунков из собрания Государственного Русского музея. Л., 1968.

Иван Иванович Шишкин. Текст А. И. Савинова. 5-е изд. М., 1971.

Шишкин. Сост. и автор вступ. ст. И. Шувалова. Л., 1971.

Иван Иванович Шишкин. Сост. и автор вступ. ст. О. Круглова. М., 1976.

Chichkine. Editions d'art Aurore Léningrad. Textes d'introduction Alexeï Savinov et Alexeï Feodorov-Davydov. Réalisation et chronologie Irina Chouvalova. 1981.

Шишкин. Сост. и автор вступ. ст. М. Холина. М., 1981.

Статьи в периодической печати

А. П. [Прахов А. В.] Выпуклый офорт. Новое художественно-техническое усовершенствование И. И. Шишкина. — Пчела, т. 1, 1875, № 35, с. 427.

«Лесная глушь». Оригинальный выпуклый офорт И. И. Шишкина. — Пчела, т. 2, 1876, № 1, с. 15.

«Пчельник». Картина профессора И. И. Шишкина. — Всемирная иллюстрация, т. 15, 1876, № 385, с. 382.

«Лес», снимок с картины И. И. Шишкина. — Живописное обозрение, 1877, № 5, с. 79.

«Лесная дорога», снимок с картины И. И. Шишкина. — Там же, № 7, с. 110—111.

Сомов А. И. И. И. Шишкин как гравер. — Вестник изящных искусств, т. 1, 1883, вып. 1, с. 183—191.

Русская печать. — Новости и Биржевая газета, 1883, 27 нояб.

С. П. Я—чь. Шишкин (Искусство и литература). — Заря, 1884, № 226.

И. Б. И. И. Шишкин. По поводу 25-летия его художественной деятельности. — Новости и Биржевая газета, 1885, № 331.

Перечень печатных листов И. И. Шишкина. Сост. А. Е. Пальчиков. Спб., 1885. — Художественные новости, т. 3, 1885, № 4, с. 106—107.

«Весна», гравюра à l'eau forte И. И. Шишкина. — Вестник изящных искусств, т. 3, 1885, вып. 3, с. 264—265.

«На Каме, близ Елабуги», гравюра à l'eau forte И. И. Шишкина. — Там же, т. 4, 1886, вып. 1, с. 110.

«Дубы», гравюра à l'eau forte И. И. Шишкина. — Там же, т. 5, 1887, вып. 6, с. 575.

А. С. [Сомов А. И.] Сборник новых офортов И. И. Шишкина и первых опытов гравирования à l'eau forte В. Е. Маковского. — Художественные новости, т. 5, 1887, № 2, с. 33—37.

«На реке после дождя», гравюра à l'eau forte И. И. Шишкина. — Вестник изящных искусств, т. 6, 1888, вып. 5, с. 404.

И. И. Шишкин. — Север, 1888, № 4, с. 15—16.

Ясинский И. Профессор И. И. Шишкин. — Всемирная иллюстрация, т. 40, 1888, № 1027, с. 247.

И. И. Шишкин. — Нива, 1889, № 52, с. 1333—1334.

Русские художники: И. И. Шишкин. — Живописное обозрение, 1890, № 9, с. 133.

М — е. Выставка этюдов И. И. Шишкина. — Новое время, 1891, № 5588.

Житель [Дьяков А. А.]. И. И. Шишкин. — Там же, № 5656.

Вагнер Н. П. Шишкин и Калам (Письмо в редакцию). — Там же, № 5658.

А. К. [Киселев А. А.] Выставка этюдов И. И. Шишкина. — Артист, 1891, № 18, с. 161—162.

Rectus [Авсеенко В. Г.]. Выставка работ гг. Репина и Шишкина. — Художник, 1891, т. 2, № 24, с. 837—839.

Я. Выставка в Академии художеств. II. Этюды, рисунки, офорты, цинкографии и литографии И. И. Шишкина. — Всемирная иллюстрация, 1892, т. 48, № 1199, с. 71.

Выставка Репина и Шишкина. — Колосья, 1892, № 1, с. 266—277.

Чуйко В. Художественные выставки гг. Репина и Шишкина. — Наблюдатель, 1892, № 2, с. 52—61.

Чуйко В. В. Две выставки. — Всемирная иллюстрация, 1893, № 1253, с. 83.

Н.-Д—ко Вас. [Немирович-Данченко В. И.] Поэт природы (По поводу 60 офортов И. И. Шишкина. Изд. А. Ф. Маркса). — Нива, 1895, № 12, с. 291, 293.

К рисункам. — Нива, 1897, № 38, с. 903—904.

Памяти Ивана Ивановича Шишкина. — Всемирная иллюстрация, т. 59, 1898, № 12, с. 283—286.

Коринфский А. А. Памяти «поэта русского леса». — Север, 1898, № 11, с. 341—342.

Рост — в [Ростиславов А.]. И. И. Шишкин. — Театр и искусство, 1898, № 11, с. 220—222.

И. И. Шишкин. — Нива, 1898, № 12, с. 239.

Кравченко Н. Посмертная выставка произведений Н. Н. Ендогурова, И. И. Шишкина и Н. А. Ярошенко в Академии художеств. — Новое время, 1898, 13 дек.

И. И. Шишкин (Некролог). — Исторический вестник, т. 1, 1898, май, с. 697.

Львов Б. [Л. С. Бакст]. Посмертная выставка картин Ендогурова, Ярошенко и Шишкина. — Мир искусства, 1899, № 5, с. 36.

[Конради П.] Три художника (По поводу посмертной выставки работ Шишкина, Ендогурова, Ярошенко). — Живописное обозрение, 1899, т. 1, № 2, с. 41—42; № 3, с. 59—60.

И. Л. Выставка произведений О. А. Лагоды-Шишкиной, И. И. Шишкина, Ф. А. Васильева. — Хроника журнала Искусство и художественная промышленность, 1899, 20 окт., с. 37—40.

Комарова А. Т. Лесной богатырь-художник. — Книжки Недели, 1899, № 11, с. 7—35; № 12, с. 48—68.

Далькевич М. Несколько слов о художественной деятельности И. И. Шишкина. —Искусство и художественная промышленность, 1899, № 4-5, с. 393—397.

Некрасов Н. В. И. И. Шишкин. — Известия Общества преподавателей графических наук, 1908, № 3, с. 58—59.

Б. Н. И. И. Шишкин. — Нива, 1913, № 11, с. 216.

Уманов-Каплуновский В. [Каплуновский В. Н.] Коллекция И. И. Шишкина. — Столица и усадьба, 1916, № 50, с. 6—9.

Зотов А., Лебедев А. И. И. Шишкин, выдающийся живописец русской природы. — Юный художник, 1937, № 6, с. 7—12.

Моргунов Н. С. И. И. Шишкин (К 40-летию со дня смерти). — Сов. культура, 1938, 20 марта.

Лин В. Великий русский пейзажист. К 40-летию со дня смерти И. И. Шишкина. — Коммунист (Саратов), 1938, 20 марта.

Поэт лесной стихии Иван Иванович Шишкин (1831—1898). — Огонек, 1947, № 23, с. 30.

Знаменитый русский художник. — Смена, 1948, № 6, с. [17].

Рогинская Ф. И. И. Шишкин. К пятидесятилетию со дня смерти. — Искусство, 1948, № 2, с. 64—74.

Яковлев В. Н. Великий русский пейзажист. — Там же, № 6, с. 69—74.

Яковлев В. И. И. Шишкин. — Огонек, 1948, № 12, с. 17.

На выставке И. И. Шишкина. — Там же, № 47, с. 26.

Воронов В. Щедрость таланта. (К 125-летию со дня рождения И. И. Шишкина). — Смена, 1957, № 2, с. 13.

Маслов В. Гордость России (К 125-летию со дня рождения художника Шишкина). — Сов. женщина, 1957, № 1, с. 48.

Мешков В. Лесные пейзажи. — Огонек, 1957, № 4, с. 16.

Серебренников Н. Н. Новонайденная картина И. И. Шишкина. — Звезда (Пермь), 1958, 6 апр.

Фортунато Е. И. Встречи в пути. Лес и поле. — Нева, 1957, № 12, с. 175—176.

Дружинин С. Пейзаж настроения. — Огонек, 1959, № 24, с. 8—9.

Новоуспенский Н. Н. Корабельная роща. — Веч. Ленинград, 1960, 13 февр.

Могильникова Г. А. Глубокие корни родного искусства (К 130-летию со дня рождения И. И. Шишкина). — Сов. Татария, 1962, 20 янв.

Пашин В. Картине возвращено имя. — Смена, 1969, 1 апр.

Ястребова В. Я. Интересные экспонаты. — Волга, 1969, № 4, с. 187—188.

Поликарпова Г. А., Егорова Е. Н. Просторы, воспетые кистью. — Звезда (Пермь), 1969, 15 марта.

Прокофьева Н. И. И. Шишкин о чешских художниках. — Сов. славяноведение, 1970, № 6, с. 74—80.

Поликарпова Г. А., Егорова Е. Н. Певец родного края. — Звезда (Пермь), 1972, 22 янв.

Черньшова В. К., Ким С. А. Гордость Елабуги. — Сов. Татария, 1975, 27 июля.

Щербаков Б. Лесов безбрежье. — Огонек, 1975, № 38, с. 25.

Торстенсен Л. И. И. Шишкин «Деревья». — Художник, 1977, № 1, с. 59.

Казаринова Н. В. Родному Уралу с признательностью. — Веч. Пермь, 1979, 7 февр.

Членов А. Дом-музей И. Шишкина. — Художник, 1979, № 8, с. 50.

Иван Шишкин. — Советский Союз, 1981, № 7, с. 28—29.

Колесникова Д., Факторович М. Ранее неизвестная картина Шишкина. — Художник, 1982, № 1, с. 48—54.

Жукова А. Лесной богатырь-художник. К 150-летию со дня рождения И. И. Шишкина. — Юный художник, 1982, № 1, с. 36—41.

Манин В. О значении творчества И. И. Шишкина. К 150-летию со дня рождения художника. — Искусство, 1982, № 1, с. 51—61.

Курдов В. В этом году исполняется 150 лет со дня рождения Шишкина. — Аврора, 1982, № 5, с. 157, 160.

Торстенсен Л. Мастер офорта. — Художник, 1982, № 1, с. 55.

Факторович М. Велич Російського пейзажу. До 150-річчя від дня народження І. І. Шишкіна. — Образотворче мистецтво, 1982, № 5, с. 20—21.

Долгополов И. Иван Шишкин. — Огонек, 1982, № 7, с. 16—18.

Чурак Г. Откровение таланта. — Работница, 1982, № 6, с. 24.

Из писем и дневников И. И. Шишкина. — Юный художник, 1982, № 1, с. 42.

Земля родная. — Сов. культура, 1982, 26 янв.

Порудоминский В. Пробуждение леса. — Комсомольская правда, 1982, 24 янв.

Щербаков Б. Богатырь русской живописи. — Правда, 1982, 24 марта.

Щербаков Б. Певец родной природы. — Известия, 1982, 24 марта.

Новоуспенский Н. Певец русского леса. — Ленингр. правда, 1982, 7 авг.

Шевчук С. Уроки Шишкина. (На выставке в Государственном Русском музее). — Смена, 1982, 14 сент.

Пистунова А. Среди долины ровныя... — Москва, 1983, № 4, с. 173—178.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1878

1879

1880

1881

1882

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

3. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Ш65 **Иван Иванович Шишкин.** Переписка. Дневник. Современники о художнике. Сост., вступ. ст. и примеч. И. Н. Шуваловой. — 2-е изд., доп. — Л.: Искусство, 1984. — 478 с., 20 л. ил., портр. — (Мир художника).

В сборник включены переписка И. И. Шишкина, охватывающая почти полувековой период его жизненного пути, дневник 1861—1862 гг. и выдержки из писем, художественно-критических статей и воспоминаний современников о художнике. Собранные воедино материалы, многие из которых публикуются впервые, приближают к нам образ одного из самых крупных русских пейзажистов второй половины XIX в. и позволяют ощутить своеобразие его незаурядной личности, значительно расширяют наше представление о нравственном облике, творческих позициях и общественных взглядах художника. Второе издание книги пополнилось новым материалом.

Ш $\frac{4903020000-046}{025(01)-84}$ 67-84

ББК 85.143(2)1

ИВАН
ИВАНОВИЧ
ШИШКИН

Сборник

Изд. 2-е., доп.

Составитель
И. Н. ШУВАЛОВА

Редактор
М. В. ДМИТРЕНКО

Оформление художника
С. С. ВЕРХОВСКОГО

Художественный редактор
В. В. КОСТЫРЕВ

Технический редактор
Л. Н. ЧЕШЕЙКО

Корректоры
Л. Н. БОРИСОВА,
В. О. КОНДРАТЬЕВА

ИБ № 2106

Сдано в набор 02.12.83. Подписано в печать 31.05.84. М—22245. Формат 60×84[1]/16. Бумага типографская № 1, для иллюстр. мелованная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,34. Усл. кр.-отт. 36,39. Уч.-изд. л. 33,45. Тираж 50 000 экз. Зак. тип. № 1186. Изд. № 563. Цена 2 р. 70 к. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

К сведению читателей

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Выпуск 1985 года

Адамова А. Т., Гюзальян Л. Т. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОЭМЕ «ШАХНАМЭ» В РУКОПИСИ 1333 ГОДА.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится иллюстрированный список поэмы великого персидского и таджикского поэта Фирдоуси «Шахнамэ». Эта рукопись, где хорошо сохранились и текст, и миниатюры,— ценнейший, поистине уникальный памятник культуры народов Среднего Востока. Он известен в литературе, однако предлагаемое издание является его первой полной научной публикацией. Вступительная статья представляет собой исследование миниатюр рукописи, связываемых авторами с ширазской школой иранского средневекового искусства. Все 52 миниатюры «Шахнамэ» воспроизводятся в цвете. Они сопровождаются развернутыми аннотациями, поясняющими сюжеты миниатюр, раскрывающими символическое значение их цветового решения.

Левинсон-Лессинг В. Ф. ИСТОРИЯ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ ЭРМИТАЖА (1764—1917).

Книга посвящена истории создания картинной галереи Эрмитажа от ее возникновения до Великой Октябрьской социалистической революции. Автор исследования В. Ф. Левинсон-Лессинг — видный искусствовед, крупнейший знаток музейного дела. Он прослеживает становление живописного собрания одного из богатейших музеев мира, включающего полотна знаменитых западноевропейских мастеров, рассматривает историю коллекционирования произведений искусства в России. Рукопись создана на основе многолетнего изучения архивных материалов с привлечением широкого круга литературных источников. Издание содержит большое количество тоновых и цветных иллюстраций.

2 р. 70 к.